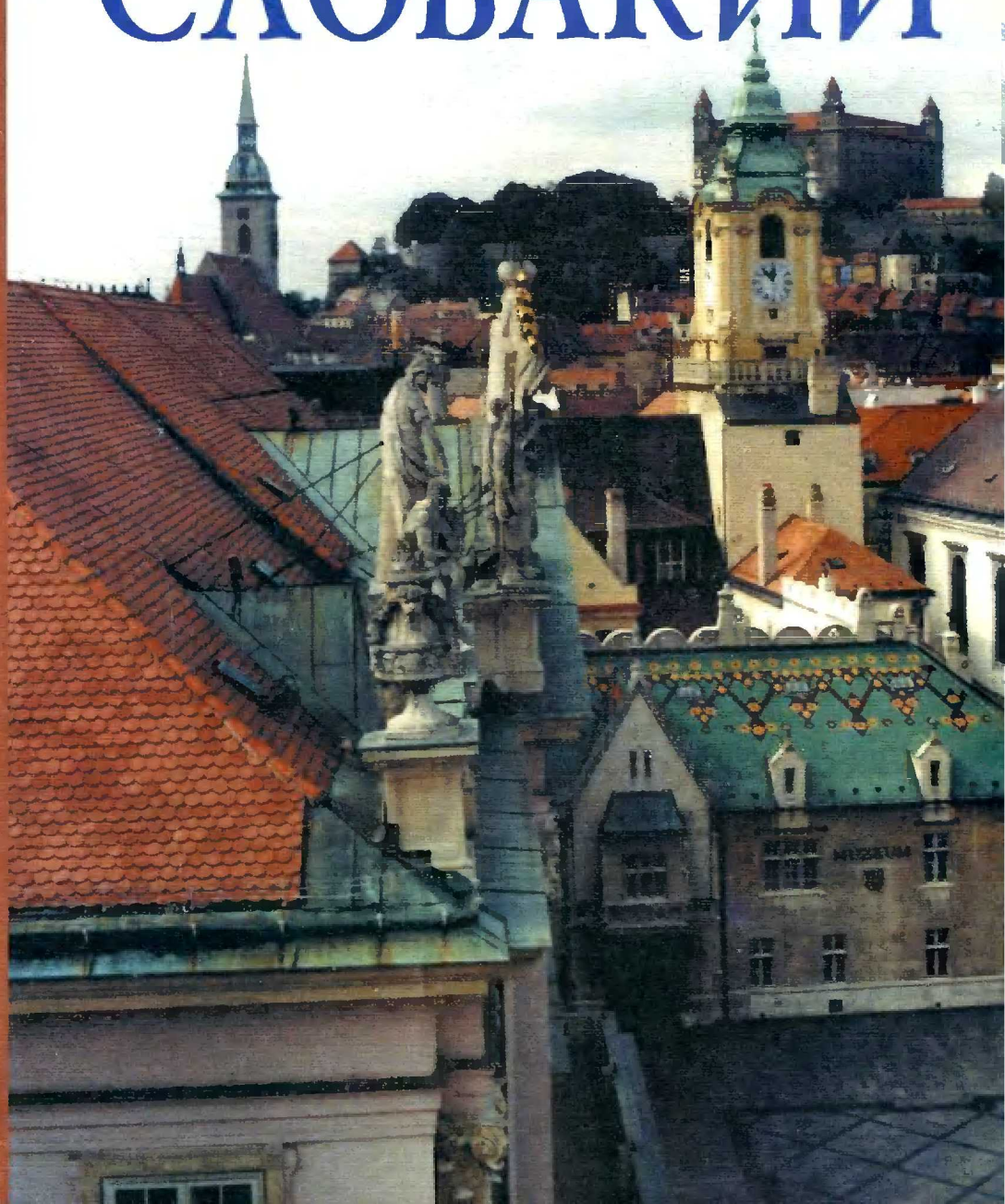

История СЛОВАКИИ

История СЛОВАКИИ

Москва
2003

A Concise History of Slovakia

STUDIA HISTORICA SLOVACA XXI

*Edited by Elena Mannová Translation by Martin M. Styán and
David P. Daniel (Chapter IV)*

© Autori: Alexander Avenarius, Blanka Brezováková, David P. Daniel,
Daniela Dvořáková, Roman Holec, Eva Kowalská, Eubomír Lipták,
Ján Lukačka, Elena Mannová, Ivan Mrva, Ján Steinhübel

Recenzenti: PhDr. Valerián Bystrický, DrSc.
PhDr. Viliam Čičaj, CSc.

Mapy: Michal Kostovský

© Historický ústav Slovenskej akadémie vied Vydal Academic Electronic Press
Bratislava 2000

ББК 63.3 (4-6)

И 65

Перевод со словацкого языка *И.А. Богдановой, В.В. Марьиной;*
с английского языка *О.В. Хавановой*

Научный редактор к.ф.н. *Ю.В. Богданов*

Перевод и издание книги на русском языке осуществлены по
инициативе и при финансовой поддержке Посольства
Словацкой республики в Российской Федерации

Эта книга, созданная коллективом авторов, сотрудников Института истории Словацкой Академии наук, была издана в Братиславе на английском языке и обращена в первую очередь к зарубежному читателю. Она дает яркое целостное представление о всех основных этапах исторического развития словацкого народа с древнейших времен до наших дней. Словацкие земли на протяжении многих веков входили в состав Венгерского королевства, а после 1918 г. — Чехословацкой республики, поэтому исторические судьбы Словакии рассматриваются в книге в сложном, противоречивом контексте и органической связи с историей соседних народов Центральной Европы.

Перевод книги на русский язык осуществлялся — за исключением одного раздела — с исходной рукописи на словацком языке, любезно предоставленной коллегами из Института истории САН. «Краткая история Словакии», написанная с современных научных позиций, несомненно привлечет внимание не только студентов и преподавателей исторических дисциплин, но и многочисленных российских читателей, живо интересующихся судьбами славянства.

ISBN 5-93442-005-0

© Институт славяноведения РАН

Содержание:

Предисловие (<i>Элена Маннова</i>) Перевод И.А. Богдановой	10
Предисловие к русскому изданию (Директор Института истории Словацкой Академии наук, доктор исторических наук <i>Валериан Быстрицкий</i>). Перевод И.А. Богдановой	13
Несколько слов о «Краткой истории Словакии» (Директор Института славяноведения РАН, член-корр. РАН проф. <i>В.К. Волков</i>)	15
I. История Словакии до начала X века (<i>Ян Лукачка — Ян Стейнхюбел</i>) Перевод И.А. Богдановой	
1. Территория Словакии до прихода славян	32
1.1. Кельты и даки	34
1.2. Германцы и римляне	35
2. Великое переселение народов и приход славян в Карпатскую котловину	38
2.1. Государство Само и первые славянские княжества в соседстве с аварами	40
2.2. Конец аварского каганата	42
2.3. Княжество Прибины в Нитре	43
3. Великая Моравия	45
3.1. Византийская миссия	47
3.2. Правление Святополка (Сватоплука)	49
3.3. Падение Великой Моравии	52
II. Словакия в составе Венгрии при династии Арпадов (<i>Ян Лукачка - Ян Стейнхюбел</i>) Перевод И.А. Богдановой	
1. Возникновение и начальный период венгерской государственности ..	55
1.1. В соседстве с венгерскими племенами	55
1.2. Нитранское удельное княжество	56
1.3. Период подъема Нитранского княжества	59
1.4. Конец Нитранского удельного княжества	60
2. Венгрия и Словакия в XII веке	61
3. Экономика, социальные отношения и культура в X—XII веках	64
3.1. Преемственность (континуитет) христианства	69

4. Венгрия и Словакия в XIII веке	71
4.1. Татарское нашествие	73
4.2. Войны за бабенбергское наследство и нарастание анархии при последних Арпадах	74
4.3. Экономическое положение. Возникновение привилегированных средневековых городов	76
4.4. Завершение системы комитатского административно-территориального устройства	78
4.5. Изменения в социальной структуре	79
4.6. Завершение церковной организации, образование и художественная культура	81

III. Словакия в развитом средневековье

(Бланка Брезовакова — Даниэла Дворжакова — Иван Мрва — Давид П. Даниэл)
Перевод И.А. Богдановой

1. Политический кризис в начале XIV века (Бланка Брезовакова)	83
1.1. Кандидаты на венгерский трон	83
1.2. Карл Роберт Анжуйский против Матуша Чака	89
2. Словакия в XIV веке (Бланка Брезовакова)	94
2.1. Политическая обстановка	94
2.2. Реформы королей Анжуйской династии	99
2.3. Словакия — центр тяжести экономики Венгерского королевства ..	101
3. Политическая история XV века (Даниэла Дворжакова)	107
3.1. Сигизмунд Люксембургский	107
3.2. Создание сословного государства	114
4. Социальная структура позднего средневекового общества (Даниэла Дворжакова)	121
5. Культура в XV столетии (Даниэла Дворжакова)	128
5.1. Придворная культура	128
5.2. Изменения в культуре дворянства	134
6. Период правления династии Ягеллонов (Иван Мрва — Давид П. Даниэл) Перевод О.В. Хавановой	136
6.1. Смены династий в Венгрии и Центральной Европе	136
6.2. Причины и последствия засилья магнатов	139

IV. Словакия в эпоху раннего Нового времени. 1526—1711

(Иван Мрва - Давид П.Даниэл)
Перевод О.В. Хавановой

1. Словакия и борьба за венгерскую корону	145
1.1. Поражение при Мохаче и его последствия	145
1.2. Словакия как ядро Венгерского королевства	150
2. Реформация, Контрреформация и внутривенгерские конфликты ...	152
2.1. Начало и распространение протестантской гуманистической Реформации	152

2.2. Протестантские конфессии и католическая оппозиция	157
2.3. Консолидация Реформации	160
2.4. Усиление Контрреформации и восстание Иштвана Бочкаи	162
2.5. Венгерские восстания и Тридцатилетняя война	169
2.6. Восстание Дёрдя I Ракоци	172
2.7. Война с османами и заговор Ференца Вешшелени	175
2.8. Укрепление абсолютизма и Контрреформации	178
2.9. Восстание Имре Тёкёли и конец османского владычества	180
3. Народонаселение в Словакии Нового времени	185
3.1. Изменения в этническом составе Словакии в XVI и XVII вв.	185
3.2. Развитие словацкого этноса	187
3.3. Социальная структура населения	190
3.3.1. Дворянство	190
3.3.2. Зависимое население	192
3.3.3. Города и их население	194
3.4. Экономическое развитие и условия жизни населения	196
4. Школы, образование и художественная культура	199
V. Словакия в период структурных перемен в 1711—1848 гг. (Эва Ковальска) Перевод И.А. Богдановой	
1. Политическая характеристика периода 1711—1848	204
2. Население и экономический потенциал Словакии	208
2.1. Расселение и структура населения	208
2.2. Словакия как субъект экономики	213
3. Факторы модернизации	217
3.1. Государство как инициатор политического курса на модернизацию	217
3.2. Секуляризация культурной жизни	220
3.3. Начало становления гражданского общества	223
4. От этнической народности к современной нации — национальное движение словаков	224
4.1. Исходное положение носителей этнического сознания	224
4.1.1. Проблема литературного языка	224
4.1.2. Проблема исторической традиции	227
4.1.3. Проблема принадлежности к славянской группе народов .	229
4.2. Периодизация национального движения словаков до середины XIX века	230
VI. На путях модернизации. 1848—1918 (Элена Маннова — Роман Голец) Перевод И.А.Богдановой	
1. Общество в Словакии. Трансформация сословных структур в гражданские (Элена Маннова)	234
1.1. Демографическое и социальное развитие и урбанизация	234
1.2. Эмиграция	240

1.3. Институционализация новых социальных отношений. Добровольные объединения	242
1.4. Процесс формирования современной словацкой нации	247
2. Словакия в экономике Венгрии (<i>Роман Голец</i>)	251
2.1. Сельское хозяйство	251
2.2. Промышленность	253
3. В силовых линиях политики (1848—1914) (<i>Роман Голец</i>)	257
3.1. Политика прошений и меморандумов	258
3.2. В период оборонительной тактики и пассивности	262
3.3. Появление новых течений и концепций	263
4. Культура в полиэтничной среде (<i>Элена Маннова</i>)	267
4.1. Уклад, региональные и социальные различия	267
4.2. Религиозная и церковная жизнь	273
4.3. Школьное образование	278
4.4. Периодическая печать и книжная культура	281
4.5. Художественная культура и наука	284
4.6. Коллективные идентификации	288
5. Словаки в круговороте войны (<i>Роман Голец</i>)	292

VII. Словакия в XX веке

(*Любомир Липтак*)

Перевод И.А.Богдановой

1. Словакия между войнами	299
1.1. Борьба за Словакию	299
1.2. Политическая система	301
1.3. Экономические проблемы и социальные последствия	306
1.4. Международный и внутренний кризис тридцатых годов	313
1.5. Автономия Словакии и возникновение Словацкой республики	316
2. Словацкая республика 1939—1945 годы. <i>Перевод В.В.Марьиной</i>	319
2.1. Международное положение и политическая система Словацкой республики	319
2.2. Антифашистское Сопротивление	328
2.3. Словацкое национальное восстание	331
2.4. Области, оккупированные Германией, Польшей и Венгрией	334
3. Послевоенная Словакия	336
4. Коммунистическая диктатура в Словакии	341
4.1. Политическая система	341
4.2. Коммунистическая модель индустриализации и модернизации	346
4.3. Реформаторское движение шестидесятых годов. 1968 год	348
4.4. «Нормализация» диктатуры	353
4.5. Кризис и падение коммунистической диктатуры в 1989 г.	357
5. От Чехо-Словакии к Словацкой республике <i>Перевод И.А.Богдановой</i>	360

5.1. Три стратегии трансформации после 1989 года	360
5.2. Словацкая республика	367
Заключение:	
Основополагающие проблемы словацкой истории и историографии (Александр Авенариус)	373
1. История Словакии в контексте истории Венгрии	373
2. История Словакии в центрально-европейском контексте: Словацкая история как геополитическая проблема	377
Географическое приложение	385
Библиография	387
Именной указатель	409
Перечень карт и схем	419

Предисловие

В предыдущей книге *Studia Historica Slovaca A Guide to Historiography in Slovakia* (1995) рассказывалось об инфраструктуре исторических исследований, об образовательном процессе и воспитании исторического сознания на территории Словакии. В книге, которую вы держите в руках, содержатся сведения и освещаются события и взаимосвязи в прошлом нашей страны, которые современные историки считают наиболее важными для анализа и трактовки основополагающих линий исторического развития в Словакии.

Словацкой историографии приходится преодолевать последствия ограниченности и замкнутости, обусловленные не только изоляцией в коммунистический период, но и частыми политическими переворотами в XX столетии. Каждый раз при перемене политического устройства официальная политика вынуждала историографию начинать как бы заново. Историография должна была истолковать и перестроить историческое сознание общества согласно текущим политическим установкам и тем самым создать фундамент мифологии данного государственного режима. С течением времени сменяли друг друга различные подходы: династический, венгерский национальный, чехословацкий, словацкий национальный и классовый. Все попытки абсолютизировать один, пусть и важный, элемент прошлого (династии, нации, государства, класса) обирачивались профанацией науки. Историография вступила в противоречие с многообразно структурированной реальностью истории, оторвалась от нее и стала конструировать свой собственный мир.

Лишь в краткие периоды «политической оттепели», как например, в конце шестидесятых годов, можно было публично выступить с собственным мнением и вести дискуссию по проблемам отечественной истории в откровенном ключе. К освобождению от официального диктата привела прежде всего логика результатов исследований, которые открывали гораздо более широкие горизонты тематики и методологии, чем навязанные официозом, ограниченные националистическим или классовым подходом представления о прошлом и настоящем. Сыграли свою роль и связи с мировой историографией, которые существовали всегда, несмотря на чинимые препятствия. Коммунистическая диктатура, однако, располагала большим набором инструментов давления и влияния, препятствовавших тому, чтобы накопленный и систематизированный фактический материал был положен в основу широкого обсуждения основной

направленности словацкой истории и ее долговременных факторов. Не было научной дискуссии о пограничном положении Словакии на стыке многих культур, о том, что развитие Словакии проходило зачастую как бы во втором эшелоне европейского исторического процесса, о деформациях, вытекающих из ее государственно-правового статуса, и многих других проблемах, проявляющихся в образе жизни, эволюции и функционировании элит, в восприятии и передаче культурных стимулов и т. п. Иначе говоря, не обсуждались принципиальные проблемы так называемого «словацкого вопроса», которые могли бы послужить толчком к дальнейшему целенаправленному движению в ширь и глубь словацкой истории, а возможно, стать импульсом и для иных историографических исследований.

Последний переворот 1989 года и строительство демократического общества создали условия для плюрализма взглядов и интерпретаций национальной истории, который в большинстве историографий является обычным порядком вещей. Происходит постепенное избавление от стереотипа «деунгаризации», вычленения истории словаков из контекста истории Венгрии. Правда, иногда он подменяется или дополняется попытками «дебогемизации», в частности, преуменьшением значимости сосуществования с чехами в межвоенной демократической Чехословакии. Часть историков избирает традиционный односторонний подход: освещает исключительно борьбу словацкого этноса за выживание, другие сводят его историю к борьбе за собственную государственность. Но одновременно словацкая историография расширяет тематический диапазон, который оказывает влияние и на восприятие истории в целом. Приступают к изучению коллективной памяти, ценностных ориентиров, проблематики «гуманистического вызревания» общества, к анализу исторических альтернатив, начинают размышлять о постижении истории посредством изучения культурно-исторического процесса. Состояние и судьба общества во многом зависят от накопления знаний и других плодов культуры — духовного капитала, который создается многими поколениями, невзирая на революции и контрреволюции. Формирование «менталитетной карты страны» протекало не без проблем и вынужденных пауз, поэтому часть современных историков обращается к фактам прерывности, дисконтинуума или фрагментарности процессов, происходивших в словацкой истории.

Авторы данной обобщенной картины «ретроспективного диапазона современных процессов» работают в Институте истории Словацкой Академии наук в Братиславе. Их объединяет общая цель показать весь спектр социального, политического, экономического и культурного развития словаков и не сводить исторический процесс только лишь к их стремлению обрести национальную государственность. Ввиду ограниченного объе-

ма книги и того факта, что авторский коллектив состоит из историков разных поколений, разных аналитических подходов и различного понимания культуры, отдельные главы не однородны по своему характеру и не совсем равномерно покрывают весь спектр истории. Они отражают стремление выявить основные линии и круг ключевых проблем исторического развития словаков и территории современной Словакии. В них показана интеграция в более широкие образования и взаимное культурное влияние отдельных народностей на территории Словакии. Эта книга представляет зарубежному читателю современный взгляд конкретной группы ученых на словацкую историю.

Элена Маннова

Предисловие к русскому изданию

Краткая история Словакии, выходящая в свет к десятой годовщине образования самостоятельной Словацкой республики, является первым обобщающим трудом словацких историков на русском языке. Это прекрасный повод для того, чтобы дать цельную, концептуально продуманную информацию о политическом, экономическом и культурном развитии словацкого народа российской общественности и одновременно, посредством этого издания, познакомить с нашей историей и более широкую мировую общественность.

Коллектив словацких историков старался определить главные линии политической, экономической, социальной и культурной жизни на отдельных этапах исторического развития и тем самым представить смысл и цели словацких национальных стремлений. Этот замысел тем более правомерен, что исследование национальной истории осуществляется в более широком контексте изучения исторического процесса в рамках центрально-европейского региона, вследствие чего потребовалось на фактическом материале продемонстрировать способность или неумение наших предков предвидеть ход развития, постичь смысл новых тенденций в нем, освоиться с ними и использовать применительно к своей среде. Сопоставление истории словацкого народа на тех или иных исторических этапах с тем, что вообще происходило вокруг в период существования Великой Моравии, Венгерского королевства или Чехословацкой республики, позволяет увидеть эволюцию словацкого общества, его готовность усвоить знания, приходящие извне, показать место и положение словацкого народа в ряду остальных европейских народов и выявить вклад словацкого народа в исторический фонд сообществ, составной частью которых он был в прошлом. Выбор подобного синтетического подхода отвечал стремлению к анализу причин и следствий, которые то в позитивном, а то и в негативном смысле обуславливали развитие и прогресс национального сообщества, или, напротив, его относительное или реальное отставание от мировых тенденций модернизации общественной жизни. Словацкая история исследуется в связи с развитием Венгерского королевства и Чехословацкой республики, так как в рамках этих государственных образований словацкий народ утверждал свое бытие как в соответствии с ними, так и в борьбе за национальное выживание, за свободу и государственную самостоятельность. Авторы этой книги подчеркивают в своих выводах, что история Венгерского королевства, равно как и

Чехословацкой республики, неотделима от словацкой истории, и напротив, история словацкого народа неразрывно связана с историей тех государственных образований, в рамках которых словацкий народ жил и развивался. Такое понимание смысла исследования способствует расчистке исторического поля от почти вековых наслоений в виде легенд, мифов и стереотипов, которые затрудняли и пока еще затрудняют научное познание не только национальной истории, но и истории центрально-европейского региона. Оно позволяет нам показать смысл словацкой истории, цели национального движения на отдельных этапах развития, способность национальных элит определить и поставить реальные задачи, а также указать путь, который вел и привел к возникновению собственной государственности.

Издание «Истории Словакии» на русском языке осуществилось при значительной помощи посла Словацкой республики в Российской Федерации господина Игоря Фурдика, благодаря сотрудничеству с Институтом славяноведения РАН и поддержке, которую оказал в деле организации этого издания директор Института член-корреспондент РАН В.К. Волков. Одновременно выражаем нашу благодарность выдающимся российским словакистам, которые обогатили содержание книги материалом русско-словацких связей, аппаратом пояснительных сносок и подготовили ее качественный перевод на русский язык.

*В Братиславе, сентябрь 2002 г.
PhDr. Валериан Быстрицкий, DrSc.
Директор Института истории
Словацкой Академии наук*

Несколько слов о «Краткой истории Словакии»

Предлагаемая читателю книга является не только первым крупным обобщающим трудом словацких историков, созданным после провозглашения Словакией своей независимости 1 января 1993 г., но и своего рода откликом на десятилетний юбилей этого знаменательного события. Крупные исторические повороты всегда ставили перед исследователями новые проблемы, связанные с необходимостью взглянуть на минувшее под иным углом зрения, чем прежде. Сказанное не означает, что должны быть преданы забвению труды и достижения предшествовавших поколений ученых. Но каждое поколение имеет возможность глубже оценить пройденный народом и страной путь, заметить и отметить те черты их исторической биографии, которые прежде по тем или иным причинам либо находились в тени, либо привлекали преувеличенное внимание.

Аналогичные задачи стояли и продолжают стоять перед учеными многих других стран, образовавшихся на постсоветском или постюгославском пространстве, равно как и перед другими странами, где также произошла смена коммунистических режимов. Приходится констатировать, что в каждом случае эти задачи решались по-разному, с различной степенью успеха и нередкими отклонениями от исторической правды. Встречаются и своего рода «парады историографического суверенитета», когда возведенный в высшую степень этноцентризм приводит не только к искажению исторических реалий, но и к расхождению с общепризнанными достижениями мировой исторической науки. В итоге появляются мифологизированные трактовки «национальной истории», попытки искусственно продлить ее в глубокое прошлое, придать этому прошлому легендарный характер.

Как же справились со стоявшими перед ними проблемами словацкие историки? Надо сразу же сказать, что они не поддались тем искушениям, перед которыми не устояли их коллеги в некоторых других странах. Не соблазнила их и перспектива замкнуть историю словацкого народа в узких рамках «национальной истории» с имманентно заложенной в ней концепцией исконного стремления к созданию собственной государственности как венца исторического развития. Избранные ими принципы написания истории Словакии изложены достаточно подробно в Заключении к данному труду. Отсылая любознательного читателя к этому разделу книги, нет нужды пересказывать его содержание. Следу-

ет все же подчеркнуть, что сосредоточив свое внимание на развитии словацкого народа и его культуры в рамках тех государственных образований, в которые он входил на протяжении долгих столетий и история которых была составной частью его собственного прошлого, они следовали принципам историзма и бережного отношения к фактам. Проживание в многоэтнических государствах, естественно, вело к культурному взаимодействию с соседними этносами, к самым разнообразным контактам между ними.. Авторы уделили особое внимание геополитической связанности словацкой истории с регионом Центрально-Восточной Европы, рассматривая его как регион со своей спецификой, определяемой его положением между западной и восточной частями континента.

В целом новые подходы позволили словацким коллегам создать весьма поучительный труд по истории своего народа, не поступившись против истины. Они отказались от многих прежних постулатов, которые вели к односторонности освещения исторического процесса, в частности от гипертрофированного внимания к истории классовой борьбы и революционного движения, чем грешила вся марксистская историография. Но следует заметить, что в период социалистического развития словацкая историография проделала огромную творческую работу по изучению истории своей страны. Свидетельством тому служат многочисленные труды по самым разнообразным проблемам, осевшие на библиотечных полках и отмеченные в библиографических справочниках.

Как и любой последовательно проведенный принцип, новый подход к освещению исторического прошлого дал не только позитивные результаты, но и сказался на подаче фактического материала, на ограничении в освещении некоторых сюжетов. Что касается трактовки Центрально-Восточной Европы как культурной и геополитической общности, то в мировой исторической науке по этому вопросу продолжают дискуссии (они имели место, в частности, в работе Международного конгресса историков, состоявшемся в Осло летом 2000 г.), причем разные стороны высказывают разные суждения. Эта проблема приобрела актуальность в последние десять — пятнадцать лет и является реакцией определенного течения исторической мысли на происходящие на наших глазах процессы глобализации, а также европейской интеграции, которая все больше захватывает страны этого региона. В этой связи нельзя, по-видимому, объяснить одной только случайностью, что предлагаемый читателю труд вышел в Братиславе в 2000 г. на английском языке (его издание на словацком языке пока что не появилось). Следовательно, он был обращен в первую очередь к европейскому читателю и должен был свидетельствовать о принадлежности их страны к интегрирующейся Европе.

Обладая большой познавательной ценностью, данный труд представляет несомненный интерес и для российского читателя. Авторы стара-

лись уделить равное внимание как средним векам, так и новой и новейшей истории, не выделяя специально отдельные периоды и века. Впервые у российского читателя появляется возможность столь подробно ознакомиться с основными этапами исторического развития Словакии. Правда, некоторые сюжеты, традиционно интересующие российскую общественность, в частности проблематика связей России с другими славянскими народами, включая, естественно, и словацкий народ, поданы в труде довольно скупо или вообще отсутствуют. В кратком предисловии нет возможности остановиться на этих сюжетах. Но отметить их следует. С этой же целью в качестве приложения к данному труду дается краткая библиография исследований на русском языке, с тем, чтобы читатели (в первую очередь студенты и преподаватели истории), интересующиеся такими вопросами, смогли бы познакомиться с ними.

Естественно, что русско — словацкие контакты менялись в ходе истории, переживали приливы и отливы, но никогда не носили враждебного друг другу характера. Средневековые источники не донесли до нас свидетельств прямых контактов, что объяснялось, главным образом, отсутствием у словацкого народа своего государственного образования, а тогдашние хронисты концентрировали свое внимание прежде всего на межгосударственных отношениях. Но культурное взаимодействие имело место благодаря миссии создателей славянской письменности святых братьев Константина (Кирилла) и Мефодия в 863 г. в Великоморавское государство, составной частью которого являлись тогда словацкие земли. Они же принесли с собой христианство, ставшее с того времени вероисповеданием словацкого народа, принявшего его, таким образом, раньше многих других славянских народов (в частности, более чем на сто лет ранее принятия христианства на Руси). Деятельность солунских братьев — просветителей славянства — оставила глубокий след в культуре словацкого народа. Празднование тысячелетнего юбилея их миссии, состоявшееся в словацких землях в августе 1863 г., заняло видное место в процессе культурного возрождения словацкого народа и сопровождалось созданием Словацкой Матицы как культурно-просветительного общества. Образ Кирилла и Мефодия стал одним из национальных символов словацкого народа, который их чествует как и другие славянские народы (в современной России празднование Дня славянской письменности и культуры стало государственным праздником и отмечается ежегодно 24 мая — в день святых равноапостольных Кирилла и Мефодия).

Оживление русско — словацких связей принесли эпоха просвещения и зарождение интеллигенции. Именно представители последней заложили с конца XVIII — начала XIX веков основы взаимного познания обоих народов. Распространение образованности, рост интереса к отечественной истории и изучению словацкого языка пробуждали националь-

ное самосознание словацкого народа. Зародилось славяноведение как наука, ставившая тогда своей основной задачей изучение особенностей развития славянских народов и свойственных им общих черт. В России в 1835 г. в университетах Санкт-Петербурга, Москвы, Казани и Харькова были образованы кафедры славяноведения, что отвечало общественным запросам, обозначавшимся тогда словом «славянолюбие». Начались интенсивные поездки русских ученых по славянским странам (хотя они имели место и раньше), публикация путевых заметок и научных отчетов, появилась соответствующая научная литература. Завязывались личные связи, представлявшие взаимный интерес и сопровождавшиеся оживленной перепиской и обменом мнениями.

К словацким землям, а также к истории и культуре словацкого народа в России также проявлялось большое внимание. Особый интерес вызвали зародившиеся именно в словацкой среде идеи славянской взаимности, которые были впервые высказаны Яном Геркелем, а затем воспиты Яном Колларом в лирико-эпической поэме «Дочь Славы» (опубликована в 1824 г.). Сам факт принадлежности словацкого народа к многочисленной группе других славянских народов, к «славянскому миру», был действенным стимулом в процессе его национальной самоидентификации. Эти же идеи были развиты Я. Колларом в его книге, выпущенной в 1836 г. под названием «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими». Она была переведена в следующем году на немецкий, а впоследствии и на другие языки. Его идеи вышли далеко за словацкие пределы, стали достоянием и источником вдохновения для многих других культурных и политических деятелей славянских народов, но в то же время возбудили опасения среди венгерских и германских политиков, усмотревших в них угрозу своим замыслам.

Мало известен факт, что сам термин «панславизм» родился на словацкой почве, вернее — в ходе словацко-венгерской полемики в начале 40-х годов XIX столетия. История его такова. Понятие «панславизм» впервые было употреблено («изобретено») словацким ученым Яном Геркелем в трактате о «славянском языке»¹, который был утопической попыткой создать искусственный «всеславянский язык». Его резко критиковал П. Шафарик, охарактеризовавший книгу как несостоятельную². Сам Геркель применял слово «панславизм» только к области лингвистики и не вкладывал в него никакого политического содержания. Последнее появилось позднее, на фоне усилившейся антироссийской пропаганды в западноевропейских странах, особенно в Англии и Франции, а с конца 30- начала 40-х годов XIX века и в германских землях. По време-

¹ *Elementa universalis linguae Slavicae...* Budapest, 1826.

² *Ottův slovník naučný*. Praha, 1897. T. 11. S. 172.

ни это совпало с усилением мадьяризаторской политики в Венгерском королевстве, в ходе которой стремление словацкого народа к развитию своего языка было охарактеризовано как стремление к образованию единой славянской нации во главе с Россией. Так появилась ложная альтернатива — либо мадьяризация, либо потеря свободы и подчинение России. В таком именно смысле этот термин был впервые употреблен в статье К. Крамарчика «Чешско-славянские герои панславизма в Левоче», опубликованной в венгерском журнале «Таршалкодо» 14 ноября 1840 г.¹ Он сразу же вызвал шумную полемику и стал боевым лозунгом в борьбе против словацкого национального движения.

Поскольку аналогичные обвинения были выдвинуты и в адрес ведущих деятелей чешского национального движения, борьба вышла за пределы Венгерского королевства и привлекла внимание австрийских правящих кругов и германского общественного мнения. Появившиеся статьи в германской прессе, сопровождавшиеся дальнейшими домыслами и вымыслами, вынудили Ф. Палацкого и П.И. Шафарика выступить в начале 1841 г. с опровержениями обвинений в их адрес. Однако это только подлило масла в огонь и способствовало распространению данного термина. Заложенная в нем тенденциозность, где сознательно смешивались воедино стремления славянских народов к развитию своей культуры и подозрения в захватнических планах России, делали его удобным инструментом для различных политических спекуляций. Особое распространение он получил в немецкой прессе пангерманского толка накануне революции 1848 г., а также в последующие десятилетия, особенно в годы германской «мировой политики». Использовали его впоследствии и гитлеровцы. Он до настоящего времени бытует в русофобской прессе на Западе и в тех странах, где имеются такие течения. Именно такая живучесть заставила нас обратить внимание на место и обстоятельства его происхождения. Для российских читателей это представляет несомненный интерес.

Революция 1848 г., охватившая ряд европейских государств, в том числе и Австрийскую империю с входившим в нее Венгерским королевством, получила в истории название «весны народов» и пробудила надежды словацких политических деятелей на обретение автономии на основе этнического признака. Но мадьярские революционеры игнорировали и отвергали такие требования, тогда как австрийские власти использовали их лишь в тактических целях и после поражения революции постарались поскорее забыть об их существовании. В таких условиях в середине XIX века развивалась деятельность Людовита Штура, другого

¹ Подробности см.: Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм». В кн.: Славяно — германские культурные связи. М., 1969, с. 25—69

выдающегося словацкого общественного и культурного деятеля. Он расходился с Я. Колларом в вопросах развития словацкого языка и литературы, но был горячим сторонником сотрудничества славянских народов, которое он рассматривал в рамках формулы «единство в многообразии». Именно Л. Штур способствовал кодификации словацкого литературного языка, что встречало одобрение со стороны таких виднейших российских славистов как И.И. Срезневский и О.М. Бодянский.

В 50-е годы XIX века И.И. Срезневский, который был тогда главным редактором академического журнала «Известия Отделения Русского языка и словесности», опубликовал ряд памятников словацкого народного творчества и популяризировал научные труды словацких ученых — Я. Коллара, П.Й. Шафарика, М. Гатталы и др. Л. Штур, с которым он был весьма дружен, еще ранее писал ему об этом замысле: «Всех нас, словаков, очень порадовало твое намерение издавать наши словацкие повести и рассказы, а также песни и предания жителей Татр. Ты хорошо сделаешь, если напишешь трактат об особенностях словацких говоров, так как ни у кого другого нет столь богатого опыта и такого богатого количества материалов»¹.

Но наибольшую известность Л. Штуру, особенно среди российской общественности, принес его трактат «Славянство и мир будущего». Он вызвал в свое время бурные споры и до сих пор вызывает научные дискуссии. Опубликован он был уже после преждевременной смерти автора (несчастный случай на охоте). Как удалось выяснить словацкому ученому В. Матуле, этот трактат был написан весной 1851 г. и ярко отразил глубокое разочарование Л. Штура (как и многих других представителей интеллигенции ряда славянских стран) неудачами революционного движения 1848—1849 гг. и крушением надежд на обретение автономии, с чем он связывал развитие словацкой культуры и политической жизни своего народа. Штур, который был известен как последовательный демократ и защитник словацкой национальной самобытности, выступил в этом трактате с явно панславистскими мыслями. Он призывал к интеграции славян под эгидой России, к принятию православия в качестве их общей религии и русского языка как общеславянского литературного языка. Трактат предназначался первоначально для загребской «всеславянской» газеты «*Südslawische Zeitung*», редакция которой разделяла такие настроения. Но закрытие этой газеты помешало публикации трактата на ее страницах, и дело было отложено в долгий ящик. После смерти Штура в 1856 г. его соратники переслали его рукопись десять лет спустя в Москву, где она и вышла в переводе с немецкого языка как раз накануне Всероссийской этнографической выставки в Москве и Славянского

¹ Listy Ľudovíta Štúra. Bratislava, 1954. D. I. S. 354.

съезда в Москве и Петербурге в мае — июне 1867 г. Это обстоятельство дало повод славянофильским течениям рассматривать трактат как один из программных документов съезда. Несомненно, что часть славянофильских кругов разделяла его взгляды. Однако более широкая общественность встретили его довольно критически.

Интересную оценку дал позднее этому противоречивому и спорному сочинению Л.Штура известный русский ученый А.Н. Пыпин, двоюродный брат известного русского революционера — демократа Н.Г. Чернышевского. Пыпин писал: «В его взгляде на Россию есть идеализация, есть незнание частных, фактические ошибки; но это не помешало ему сделать и существенно верные замечания о русской внешней и внутренней политике — и указать, что в ней должно быть изменено, чтобы славянство могло довериться русскому союзу. Тем нашим шовинистам, которые в последние годы считали «расхолаживанием» всякое напоминание о наших внутренних нуждах и недостатках, было бы очень полезно вникнуть в приведенные сейчас слова Штура об этих предметах: они увидели бы, что для разумных славян даже с величайшей привязанностью к России, эти предметы составляют пункт величайшей важности, — такой, что без изменения в наших внутренних делах самый союз с Россией, столь крайне необходимый для славян, казался им невозможным»¹. Взгляды Пыпина на проблемы славянских народов разделялись либеральными и демократическими слоями российского общества.

В конце XIX — начале XX веков начинают развиваться российско — словацкие экономические связи, что сопровождалось эмиграцией словаков в Россию. Это было частью эмиграционной войны словацкого населения в связи с экономическими и общественными условиями в венгерской части Австро-Венгерской монархии. Точное число словаков, проживавших в России, определить трудно, так как согласно переписи 1897 г. они были учтены вместе с чехами, а общая численность их колонии составила 50 385 чел. Они принимали активное участие в деятельности различных славянских обществ и имели также свои собственные организации. Новым явлением стало появление словацких и чешских студентов в российских университетах. Словацкие деятели приняли участие и в неославистском движении, развивавшемся в 1908—1912 гг., в том числе в Софийском съезде этого движения в 1910 г., а также в съездах славянских журналистов².

Одним из переломных моментов в истории словацкого народа стала первая мировая война. Она была крайне непопулярна как среди словац-

¹ Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем // Вестник Европы. 1878, № 11. С. 344.

² См.: Ненашева З.С. Идеино — политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX века. М., 1984.

кого, так и среди чешского народов, особенно среди активных деятелей национального движения, вставших на путь борьбы с Австро-Венгерской империей и Четверным союзом во главе с Германией. Представители этих славянских народов, насильно одетые в военные мундиры, стали массово сдаваться в плен армиям стран Антанты или просто переходили на их сторону. В одной России их насчитывалось 200—250 тыс. человек, из них примерно 100 тыс. — словаков. В годы войны на политический небосклон взойшла звезда Милана Растислава Штефаника. Выдающийся ученый-астроном (работал и жил во Франции) и деятель словацкого национального движения, он в первые же дни войны вступил добровольцем во французскую армию, в авиационные части, и проделал путь от солдата до генерала, получив все высшие французские ордена. В 1915 г. он создал во Франции первую эскадрилью из словацких и чешских добровольцев. Она стала зародышем тех воинских частей и соединений, которые позднее переросли в чехословацкие корпуса, создававшиеся на территории России, Франции и Италии.

Когда в 1916 г. в Париже был создан Чехо-Словацкий Национальный Совет, президентом которого стал Т.Г. Масарик, М. Штефаник был избран его вице-президентом, а секретарем — Э. Бенеш. Но именно благодаря Штефанику, имевшему широкие связи в высших слоях французского общества, это первое политическое представительство будущего государства установило контакты с французской дипломатией и другими государственными структурами, а затем и с дипломатиями других стран. Штефаник развил бурную деятельность по установлению связей со словацкими и чешскими политическими и общественными организациями в других странах (в частности, в США, Италии и России). Позднее Э.Бенеш, всегда ревниво следивший за ним, писал: «Он заложил первые основы нашей дипломатической деятельности и был первым и лучшим дипломатом».

М.Штефаник активно участвовал в создании чехословацких воинских соединений из военнопленных в странах Антанты. Повсюду он, наделенный практическим складом ума и чувством политической конъюнктуры, отстаивал идеи общего будущего Чехо-Словацкого государства и, соответственно, общих чехословацких частей. В августе 1916 г. М. Штефаник приехал с такой же миссией в Россию. Помимо Петрограда он останавливался в Киеве, где была сосредоточена основная масса словацких и чешских организаций, а затем (с середины октября по начало января 1917 г.) посетил Румынию, откуда возвратился в Петроград. Уже в конце своего пребывания в России он стал свидетелем Февральской революции 1917 г. Более того, М. Штефаник встретился с новым министром иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюковым. Беседа с ним внушила ему надежды на лучшее понимание позиции и нужд Чехо-

Словацкого Национального Совета. Действительно, вскоре в России из отдельных частей стал формироваться Чехословацкий корпус, который к лету 1918 г. достиг численности примерно в 50 тыс. солдат и офицеров.

После захвата большевиками власти в октябре 1917 г. (7 ноября по новому календарю) в стране началась гражданская война, в ходе которой Чехословацкий корпус фактически оказался на стороне белой армии и колчаковских войск. События того времени хорошо изучены. Штефаник, ставший к тому времени военным министром образованного в изгнании чехословацкого правительства, не мог стоять в стороне. Для выяснения положения он в ноябре 1918 г. снова приехал в Россию (кружным путем, через США и Японию), во Владивосток. Он пробыл здесь более двух месяцев (до середины января 1919 г.), проехав по железной дороге вплоть до Екатеринбурга и получив возможность ознакомиться с последствиями большевистского управления в освобожденных колчаковскими войсками областях. Его отношение к большевизму было сугубо отрицательным, что засвидетельствовано в оставленных им записках¹. Неудивительно поэтому, что в советской историографии отношение к его личности было отрицательным². Оно было пересмотрено уже после смены политического режима в России в 1991 г. Ныне российские историки уделяют ему должное внимание как одному из отцов-основателей Чехо-Словацкого государства, и, соответственно, одному из предтеч и символов современной независимой Словакии³.

В советской историографии была достаточно подробно исследована история советско-чехословацких отношений в межвоенный период, а также события, связанные с мюнхенским сговором западных держав с фашистскими государствами и последующим разделом Чехословакии, хотя отдельные оценки ныне нуждаются в уточнении. После оккупации гитлеровцами чешских земель в марте 1939 г. фашисты создали марионетное словацкое государство. Отношение к нему со стороны СССР было производным от отношений с Германией. Резко отрицательная позиция в самом начале изменилась после подписания советско-германского пакта о ненападении («пакт Риббентроп — Молотов») 23 августа 1939 г. Вскоре последовало установление со Словакией дипломатических отношений, которые советская сторона старалась особенно не афишировать. После же агрессии гитлеровской Германии против СССР Москва признала эмиг-

¹ M.R. Štefánik v myšlenkách a obrazoch. Prof. Ján Fúška a kolektív. Bratislava, 1999.

² См.: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914—1921 гг. М., 1965.

³ См.: Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд. Мартин, 2001. Отв. ред. Волков В.К.

рантское чехословацкое правительство во главе с Э.Бенешем и заняло твердую позицию восстановления Чехословацкого государства в его до-мюнхенских границах.

Наиболее интересную страницу советско — словацких отношений в годы второй мировой войны представляет история Словацкого национального восстания в августе — октябре 1944 г.. Ему посвящена обильная литература, включающая в себя научные исследования, публицистику, сборники документов и, конечно, воспоминания участников восстания. Историография, созданная как в Чехословакии, так и в СССР до революционных перемен в обществе в 1989—1991 гг., в принципе сумела, на наш взгляд, дать достаточно верный ответ о его значении в исторической биографии словацкого народа. Были исследованы обстоятельства, приведшие в декабре 1943 г. к созданию Словацкого национального совета, объединившего все антифашистские силы, дана оценка всем входившим в него течениям и группам сопротивления. Раскрыта позиция советского руководства, принявшего решение об оказании ему материальной помощи и политической поддержки. В советской литературе достаточно широко освещалось участие советских партизан в совместной борьбе против оккупантов. Эти оценки в принципе сохранились и в современной российской историографии, которая вместе с тем отмечает и ряд существующих мало исследованных вопросов (замалчивание действий групп, направлявшихся в Словакию советскими секретными службами; недостаточное изучение причин трудного хода Карпато-Дуклинской операции Советской Армии, которая должна была оказать помощь словацким повстанцам, и некоторые другие). Вместе с тем в Словакии появились работы, резко критикующие действия советского руководства и даже содержащие попытки провести параллель между его отношением к Варшавскому восстанию, начавшемуся почти одновременно, и к Словацкому национальному восстанию¹. Такие параллели носят, несомненно, конъюнктурный характер. И следует отметить, что авторы «Краткой истории Словакии» не пошли по этому пути, но осветили его, по нашему мнению, слишком кратко. В то же время совершенно очевидно, что многие вопросы требуют дополнительного изучения. Получить достоверные ответы на них помогут новые архивные материалы, прежде всего из советских архивов. И они уже начали появляться в печати². Эта работа будет продол-

¹ Подробнее см.: Марьина В.В. Словацкое национальное восстание в послевоенной историографии. 1945—1998 гг. // Славяноведение. 1999, № 6.

² Примером может служить подборка документов из Архива Президента Российской Федерации, показывающая, что многие вопросы решались лично И.В. Сталиным. См.: СССР и Словацкое национальное восстание // Новая и новейшая история. 1996, №5 и № 6 (вступительная статья В.В. Марьиной).

жена. Однако не подлежит сомнению, что Словацкое национальное восстание останется яркой страницей истории боевого содружества советских народов и словацкого народа в годы второй мировой войны.

Гораздо более сложной представляется история советско — чехословацких отношений после второй мировой войны, особенно после перехода всей власти в стране в руки коммунистов в феврале 1948 г. и последующего установления общественно-политической системы советского типа. Естественно, советское руководство одобряло такие действия, сколачивая военно-политический блок из восточноевропейских стран, противостоящий Западу. Оно играло определяющую роль в процессе советизации всех стран региона. Однако, как свидетельствуют недавно опубликованные документы¹, чешские и словацкие адепты коммунизма (впрочем, также вели себя коммунисты и в других странах «народной демократии») проявляли в деле насаждения режима советского типа исключительную активность, удивлявшую порой даже кремлевское руководство. Весьма ярко это проявилось в ходе подготовки внутрипартийных репрессий и организации показательных процессов в 1949—1952 гг. Советские советники, имевшиеся во всех странах, в том числе и в Чехословакии, расценили, например, обвинения Р. Сланского в адрес В. Клементиса, Г. Гусака и Л. Новомеского, вошедшие в доклад К. Готвальда на февральском пленуме ЦК КПЧ в 1951 г., в «словацком национализме», как проявление борьбы двух группировок внутри КПЧ². Однако вскоре Сланский сам стал жертвой наветов со стороны К. Готвальда, по инициативе которого обе эти группы были связаны воедино. Характерно, что во время встречи К. Готвальда со Сталиным в октябре 1952 г., когда был поднят вопрос об организации процесса над Сланским и другими, Сталин сказал: «А все-таки Клементис верный человек». Однако на замечание Готвальда, что В. Клементис — враг и его скоро будут судить, Сталин ответил: «То, что вы будете судить его, это ваше дело. Мы считаем его верным человеком»³. Тем самым Сталин фактически предоставил ему свободу действий в отношении Клементиса и всех остальных, привлеченных по «делу об антигосударственном заговоре».

«Процесс Сланского» был последним показательным процессом такого рода во всей Восточной Европе. Он наглядно высветил реальное положе-

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953. Т. 1. 1944—1948. Москва — Новосибирск, 1997; т. 2. 1949—1953. Москва — Новосибирск, 1998; Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953. Документы. Т. 1. 1944—1948. Москва, 1999; т. 2. 1949—1953. М., 2002.

² Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949—1953. Очерки истории. М., 2002. С. 534.

³ Там же. С. 561.

ние, сложившееся в Чехословакии к тому времени. На смену былым надеждам и массовой поддержке населения пришли скепсис и разочарование, которые продолжали усиливаться и принимали в отдельных группах и слоях характер антисоветизма, кое-где граничащий с откровенной русофобией. Такая трансформация общественных настроений была характерна для ряда восточноевропейских стран. В Чехословакии она имела свою специфику и была больше характерна для чешских земель. В Словакии, которая за послевоенный период добилась ощутимых успехов в экономическом развитии, недовольство нарастало в основном в связи с упорным игнорированием властями национального вопроса в стране, со стремлением Праги к всеохватному централизму. Здесь все громче стали раздаваться голоса в пользу федеративного переустройства государства. Внутренние противоречия особенно обострились, когда первоначальная хрущевская «оттепель» сменилась в Советском Союзе брежневским «застоем».

В середине 60-х гг. в Чехословакии развернулась борьба между догматиками и реформаторами, приведшая в самом начале января 1968 г. к смене политического руководства страны и избранию первым секретарем ЦК КПЧ А. Дубчека, словака по национальности. Последний не был креатурой Москвы, но там к его избранию отнеслись спокойно. Имеющиеся ныне в распоряжении исследователей документы позволяют достаточно полно проследить эволюцию отношения советского руководства к последующим событиям в Чехословакии. Характерно, что первым тревогу по поводу Пражской весны поднял В.Гомулка, сам претерпевший в свое время гонения и тюремное заключение, но пришедший в Польшу к власти после бурных событий осени 1956 г. Первоначальная поддержка советского руководства стала быстро меняться на негативное отношение, которое разделяли руководители ряда других правящих коммунистических партий. В намечавшихся в Чехословакии реформах они усмотрели угрозу своему господствующему положению. Инстинкт самосохранения взял верх над соображениями объективной необходимости в коренных экономических и политических преобразованиях. Вторжение войск пяти стран Варшавского договора (основную роль играли, конечно, советские воинские части) 21 августа 1968 г. и оккупация страны стали трагедией чешского и словацкого народов. Не менее отрицательное воздействие эта акция оказала на дальнейшее развитие народов всех других социалистических стран, в первую очередь народов СССР¹.

Прямым следствием подавления Пражской весны стала дискредитация самой идеи реформы социалистического общества, неспособности к

¹ См.: Волков В.К. Инстинкт самосохранения: советская партократия и «Пражская весна» 1968 года. В кн.: Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С.195—222.

ней авторитарно-бюрократических режимов. В конечном счете это предопределило судьбу всех коммунистических режимов в Восточной Европе. Неожиданным для партократии следствием чехословацких событий явился открытый выход диссидентского движения в Советском Союзе на арену политической жизни. Демонстрация на Красной площади в Москве 25 августа 1968 г. горстки людей (всего семь человек!), протестовавших против ввода советских войск в Чехословакию, стала определенным этапом в общественном развитии страны и показателем качественных сдвигов в настроениях людей. Идеи, посеянные в период Пражской весны, дали всходы двадцать лет спустя, во время «перестройки» в СССР. Но тогда уже речь шла не о придании социализму «человеческого лица», а об устранении системы коммунистического правления и любых форм социализма советского типа.

Интервенция 1968 г. тяжело сказалась на отношениях чешского и словацкого народов к Советскому Союзу и особенно к русскому народу. Внутреннее неприятие политической системы советского типа нередко трансформировалось в антирусские настроения, хотя сам русский народ пережил за годы существования Советского Союза самые тяжелые испытания. Вместе с тем следует отметить, что в чешских и словацких землях эти процессы значительно отличались. В этом проявилось их разное историческое прошлое, а также различное положение в рамках единого чехословацкого государства.

Было бы однако большим упрощением и отступлением от истины ограничиться только констатацией отмеченных выше фактов. Наряду с ними существовали и другие. Между двумя странами существовали самые разнообразные связи и контакты, не только политические, но и экономические, культурные, научные, информационные и т.д. Оценивать их надо по реальным достижениям, а они были не всегда однозначными. Так, экономические связи в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), с одной стороны, тормозили научно-технический прогресс, что проявлялось в замедлении темпов экономического развития и постепенном отставании социалистических экономических систем от развитых западных государств. Эта тенденция все более усугублялась по мере нарастания научно-технической революции в 60-х—70-х гг. и последующего бурного развития информатики. С другой стороны, промышленность европейских социалистических стран стабильно получала советское сырье по ценам, значительно ниже мировых, и располагала необъятным советским рынком для сбыта своей продукции. Это не только стимулировало развитие традиционных отраслей промышленности, но и открывало возможности для создания новых производств. В Чехословакии, в частности, получила значительное развитие тяжелая и военная промышленность. Особенно заметных результатов достигла Словакия. Надо

сказать, что такая ситуация постепенно вела советскую экономику к наращиванию отраслей добывающей промышленности, превращало ее в поставщика сырья. Уже тогда, в 70-х и 80-х гг. в Советском Союзе в научных кругах мрачно шутили, что он постепенно превратился в сырьевой придаток при собственных сателлитах, что он стал «империей шерстью внутрь». Неудовлетворенность нарастала с обеих сторон, и она довольно быстро выплеснулась наружу с началом «перестройки».

Однако в области науки и культуры были сделаны весьма серьезные заделы и повсеместно создан значительный потенциал, который впоследствии, к сожалению, не был востребован новым строем и реформированной экономикой. Тем не менее уровень образованности общества, его научный и интеллектуальный багаж, а также достижения национальных культур и по сию пору служат своим народам, давая им силы преодолеть немалые трудности, связанные с коренным общественно-политическим переустройством.

В наши задачи не входит анализ причин, приведших к «бархатной» революции в Чехословакии в ноябре 1989 г. Заметим лишь, что многие стороны этого исторического развития еще нуждаются в серьезном и глубоком освещении, ибо слишком много вопросов остается пока без ответа. «Бархатная» революция в Чехословакии стала составной частью революционной волны, прокатившейся по странам Центральной и Юго-Восточной Европы. Она покончила с авторитарным режимом и открыла новые перспективы развития. И они были использованы, хотя не всегда с тем эффектом, который ожидался первоначально. Не все перемены можно расценить со знаком «плюс». Поспешный разрыв налаженных за предыдущие десятилетия отношений с Советским Союзом (что передалось по наследству и России после его распада) обернулось утратами с обеих сторон. Надежды, что они будут восполнены отношениями с западными странами, осуществились лишь частично. Не были востребованы и идеи о превращении стран Центральной и Юго-Восточной Европы в своего рода мост между Западом и Востоком.

Для российских читателей «Краткой истории Словакии» важно отметить другое: после свершения «бархатной» революции стали быстро расти устремления словацкого народа к созданию самостоятельного государства. Они завершились цивилизованным «бракоразводным процессом» между чехами и словаками. С 1 января 1993 г. Словакия стала независимой. Россия была в числе первых государств, безоговорочно признавших свершившийся факт. В ноте МИД РФ от 29 декабря 1992 г. говорилось: «Российская Федерация признает Словацкую Республику в качестве самостоятельного, суверенного и независимого государства, одного из правопреемников ЧСФР, и согласна с тем, чтобы с 1 января 1993 года дипломатические отношения между двумя странами поддерживались на уровне посольств».

Первые годы существования независимой Словакии были отмечены сохранением многих позитивных черт в экономических отношениях с Россией, опиравшихся на сложившиеся экономические реалии, достигнутые еще во времена советско-чехословацкого сотрудничества (конечно, уже в формате российско-словацких отношений). Значительную роль при этом играли исторические традиции отношений словацкого и русского народов. Такое состояние дел контрастировало с динамикой отношений России с некоторыми другими странами Центральной и Юго-Восточной Европы. С другой стороны, такая ситуация была использована правительством В. Мечьяра для политической игры и попыток противопоставления России западным державам. Это послужило одной из причин, по которой тогдашнее правительство стало объектом критики как со стороны западных держав, так и со стороны внутривнутриполитической оппозиции. Западные СМИ охотно претивопоставляли политический портрет Мечьяра образу В. Гавела, которого они характеризовали как «бесстрашного друга» Запада. Государственный секретарь США М.Олбрайт даже назвала в сердцах Словакию «дырой в Европе».

Однако смена правительства в Словакии после выборов осенью 1998 г. и избрание нового президента Р. Шустера показали, что дело не только в личностях. Позитивный подход к развитию отношений двух стран сохранился. Он получил подтверждение при встречах на высшем уровне, а именно на встречах президентов России и Словакии. Особенно позитивные результаты имел последний визит Р. Шустера в Москву в марте 2002 г. И это несмотря на реальную политику Словакии в вопросе о вступлении в НАТО. Конечно, в отношениях двух стран остаются многие сложные вопросы. Среди них — экономические отношения. Россия занимает третье место среди торговых партнеров Словакии (в 2001 г. их суммарный товарооборот достиг 2,3 млрд долларов США). Но наблюдается большой диспаритет отношений. Российский экспорт — в основном энергоносители (нефть, газ, уголь составляют 88,7% от общего его объема) — составляет 2,2 млрд долларов, тогда как импорт — всего 100 млн (в основном машины и оборудование, медикаменты и товары широкого потребления). Россия унаследовала значительную советскую задолженность перед Словакией (на 2001 г. — 1,112 млрд долларов). Она постепенно погашается товарными поставками. Особенно важен тот факт, что российские товарные поставки в значительной части ориентированы на высокотехнологические объекты (строительство циклотронного и лазерного центров). Новым явлением стало участие российских компаний в приватизации стратегических отраслей словацкой экономики (нефтегазовая трубопроводная система). Восстанавливаются также контакты Словакии с рядом субъектов Российской Федерации. К сожалению, уровень научного и культурного сотрудничества пока еще далек от имевшего

прежде места, хотя подписаны соответствующие соглашения и межведомственные протоколы.

Безусловно, на отношения двух стран мощное воздействие оказывает изменившаяся геополитическая ситуация. Россия и Словакия не имеют теперь общей границы. Основные коммуникации между ними проходят через территорию Польши и Украины, которые имеют свои интересы в отношениях с двумя странами. Пропедевший в конце ноября 2002 г. саммит НАТО в Праге направил Словакии в числе других стран приглашение вступить в этот военно-политический альянс, что будет осуществлено в недалеком будущем. Предстоящее вступление Словакии в Европейский Союз вскоре поставит в отношениях между Россией и Словакией вопрос о визовом режиме, связанном с Шенгенскими соглашениями. Возникнут, несомненно, и другие трудности, которые сейчас практически невозможно предугадать. Однако можно высказать надежду, что накопленный в ходе исторического развития потенциал дружественных отношений, а также опыт последнего десятилетия, показавший важность сохранения деловых связей, поможет найти их решение. Новые проблемы и потребности встают перед двумя странами в области культурного и научного сотрудничества в обстановке усиливающейся глобализации. Сотрудничество в этих областях также позволит сохранить тенденции поступательного развития отношений России и Словакии, каждая из которых будет, естественно, руководствоваться своими долгосрочными национально-государственными интересами.

Хотелось бы также сказать несколько слов о литературных связях России и Словакии. За минувшие десятилетия в обеих странах развернулась кипучая переводческая деятельность. В результате практически вся классическая словацкая литература и лучшие произведения современных словацких писателей были переведены на русский язык. Ни на одном из других мировых языков нет такого обширного массива словацкой литературы. Уникальным совместным проектом ученых-литературоведов России и Словакии удалось осуществить издание 4-х томов «Яснополянских записок» Душана Маковицкого, семейного врача и ближайшего друга Л.Н. Толстого в последние годы его жизни. Словацкая литература заняла в сознании русской читательской аудитории достойное место в контексте славянских и других европейских литератур. В свою очередь на словацкий язык была переведена вся русская классическая литература и многие произведения советских писателей. Это духовное наследие не исчезло. Оно помогает и новым поколениям русских и словацких читателей понять душу другого народа и уmonoстроения друг друга.

Все сказанное выше имело целью обратить внимание российского читателя на те проблемы российско-словацких отношений, которые тра-

диционно привлекают внимание в нашей стране. Не все из них получили достаточное освещение в предлагаемой «Краткой истории Словакии», рассчитанной на другую аудиторию. Возможно, прилагаемая дополнительно к русскому изданию библиография русскоязычной исторической литературы позволит интересующимся лицам получить дополнительную информацию, в которой они нуждаются.

В заключение хотелось бы сообщить, что российские ученые планируют издать в обозримом будущем «Очерки истории чешского и словацкого народов в XX веке». Но это пока только планы. Мы надеемся, что «Краткая история Словакии» сослужит хорошую службу в деле ознакомления российской читающей общественности с историей дружественного и близкого нам по культуре и менталитету народа.

(Автор благодарит словакистов Института славяноведения Российской Академии наук — Ю. Богданова, М. Досталь, Э. Задорожнюк, В. Марьину и Е. Серапионову за советы, а также материалы, которые были использованы при написании данного предисловия).

*Директор Института славяноведения РАН,
Член-корреспондент РАН., профессор В.К. Волков*

Москва, декабрь 2002 г.

І. История Словакии до начала X века

1. Территория Словакии до прихода славян

Словакия, расположенная на площади более 49 тысяч кв. км между рекой Моравой на западе и рекой Тисой на востоке, средним течением Дуная на юге и горным массивом Татр на севере, принадлежит к старейшим цивилизованным странам Европы. С эпизодическим появлением здесь человека мы встречаемся уже в эпоху нижнего палеолита. Более явственные следы древнейшего поселения удалось документировать из эпохи среднего палеолита (250 000—40 000 лет до н.э.). Они представлены археологическими находками останков неандертальского человека (*homo sapiens neanderthalensis*) из Гановец близ Попрада и более развитого типа из юго-западной Словакии (Шалья-над-Вагом). Неандертальцы жили небольшими группами, обитали в пещерах и уже умели изготавливать первые орудия.

В слое эпохи верхнего палеолита (40 000—13 000 лет до н.э.) на этой территории обнаруживаются передвижные лагеря охотников и мастерские для изготовления каменных орудий, относящихся к кругу культуры Селета. К выдающимся произведениям доисторического периода в Европе относится Венера из Мораван-над-Вагом, возраст которой с помощью радиоуглеродного метода определили в 22 800 лет.

В эпоху среднего каменного века (мезолита) разительно изменились климатические условия. После окончания последнего, вюрмского оледенения создались благоприятные предпосылки для постоянного заселения территории Словакии. Стоянки первобытного человека в этот период сосредоточивались на песчаных дюнах по берегам рек главным образом в регионах юго-западной и восточной Словакии.

Во времена неолита (6 000—3 300 лет до н.э.) произошли кардинальные перемены в образе жизни первобытного человека, которые принято характеризовать как неолитическую революцию. На протяжении 6-го и 5-го тысячелетия до н.э. в Дунайскую низину начали проникать пастухи и земледельцы новой неолитической цивилизации. Благодаря этому выросла численность населения, которое мало-помалу целеустремленно стало переходить от собирательского способа добычи пищи к произво-

дующему хозяйствованию, направленному на возделывание первых культурных растений и одомашнивание полезных животных. Изготавливаются превосходно обработанные (отшлифованные) каменные орудия и как новый элемент появляется вылепленная рукой керамика. Художественные изделия древнейших земледельцев представлены антропоморфными и зооморфными сосудами культового назначения. В эпоху среднего неолита в юго-западной Словакии возникают крупные поселения людей культуры *Лендел* с десятками домов. Археологические изыскания подтверждают начавшуюся социальную дифференциацию тамошнего населения. Вследствие этого около 3 500 лет до н.э. создаются большие земляные оборонительные сооружения (ронделлы) как центры местного управления, культа и убежища от вражеских вторжений.

В конце каменного века, в эпоху энеолита (3 300—1 900 лет до н.э.), кроме традиционных каменных орудий, появляются и первые предметы прикладного характера, изготовленные из меди (долота, топоры, молоты). Использование сохи и тягловой силы скота при обработке почвы повысило продуктивность земледельческой культуры, что привело к более глубокому социальному расслоению. Так были созданы условия для возникновения особого слоя — исполнителей культовых обрядов (священнослужителей).

Вследствие относительно засушливого климата поселения сосредотачивались главным образом в предгорных областях Словакии. В течение первой половины 3-го тысячелетия до н.э. прежнюю культурно-историческую раздвоенность территории Словакии (на западе младшие ступени культуры *Лендел*, а на востоке культура *Польгар*) перекрыла *баденская* культура, которая, кроме низинных, затронула и горные области Словакии.

В бронзовом веке (1 900—700 лет до н.э.) развитие торговых связей с дальними странами сделало территорию Словакии составной частью европейской цивилизации. Благодаря деятельности разведчиков земных недр в среднесловацкой области были открыты и начали использоваться залежи медных руд, и впоследствии здесь началась отливка широкого спектра бронзовых орудий, украшений и оружия. Некоторые поселения культуры *Мадьярова* в западной Словакии и *Отомани* — в восточной стали очагами специализированного производства и обмена товарами, а также, несомненно, административными и культовыми центрами. Этому способствовало и градостроительное решение этих первых «протогородов» на территории Словакии. С точки зрения строительной технологии каменные строения домов были возведены безупречно в виде плановой застройки улицы. Улицы и пространства между домами были вымощены камнем, и целые поселения были окружены хитроумными укреплениями. Укрепленное городище в Спишском Штвртке под Татрами за свою монументальность было названо «словацкими Микенами». Некую современную аналогию с этим укрепленным городищем в запад-

ной Словакии представляет собой внутригородская крепость в центре Нитранского Градка, которую за долговечное непрерывное существование в своей исконной функции прозвали «словацкой Троей». После 1500 года до н.э. вышеупомянутые очаги культуры *Мадьярова* и *Отомани*, возникшие под сильным влиянием средиземноморской минойской и микенской цивилизации, внезапно исчезают.

С начала раннебронзового века (1250 лет до н.э.) на территории Словакии существовали три области комплексов культуры *полей погребения*. В юго-западной Словакии продолжалось развитие среднедунайской культуры *полей погребения*, на востоке и юге средней Словакии шло развитие юго-восточных *полей погребения*, а в северных областях Словакии возобладавал комплекс *лужицкой* культуры.

В начале позднебронзового века (около 1000 лет до н.э.) прежде разобщенные области Словакии начали вновь соединяться. Из горных областей на юг в предгорные районы стала проникать *лужицкая* культура. Народ *лужицкой* культуры жил в горных областях вплоть до раннего железного века (*латенской* культуры).

1.1. Кельты и даки

В период раннего железного века (*галльштитская* культура — 700—400 лет до н.э.) произошел новый цивилизационный и демографический подъем этнических сообществ на территории Словакии. Местное население освоило добычу и производство железа. Его использование для изготовления орудий труда и вооружения принесло огромные перемены в агротехнику и военное дело. Западную часть Словакии населял народ *календербергской* культуры. К этому культурному кругу относится и высокогорное поселение Молпир близ Смолениц, обнесенное каменным оборонительным валом. Здесь обнаружили остатки производства цветных металлов и железа, а также есть свидетельства производства тканой материи большой ширины. Другие находки говорят о культурных и торговых контактах со Средиземноморьем и Балтией.

В начале раннего железного века (около 400 лет до н.э.) на территорию западной Словакии из своей исконной родины переселились кельты, на протяжении следующего столетия заселившие большую часть Дунайской низины. Кельты являются первыми известными из исторических источников племенами на этих землях. Второй поток кельтских переселенцев представляли племена бойев. После поражения от римлян в северной Италии в 191 г. до н.э. большинство из них осело в среднем Подунавье. С приходом бойев связано начало строительства на этих землях больших укрепленных поселений городского типа («опидумов»). Кельтские опидумы представляли собой (особенно в Братиславе) важ-

ные административные и торгово-ремесленные центры. Этому соответствовала и сложная система укреплений, урбанистическое решение застройки и каменная архитектура. Кельты славились как искусные ремесленники. Высокого уровня они достигли более всего в производстве железа. О развитии торговых связей говорит и чеканка разного типа кельтских монет. Важнейшая роль в этом отношении принадлежала Братиславскому оппиду, где наверняка функционировал и монетный двор. Известны его монеты под названием *биатец*, *ноннос* и др., предположительно по именам кельтских вождей. Оживленные торговые контакты с высокоразвитым средиземноморским миром подтверждаются находками кампанской керамики в ареале оппиду.

Кельты были специалистами по поиску и добыче полезных ископаемых. Именно благодаря наличию необходимого количества железной руды они создали условия для ранее небывалого размаха ремесленного производства. Кельтское племя котины (тевриски), осевшие в среднесловацком регионе, использовали местные залежи железной руды и даже снабжали ею окрестные регионы.

Около 50 года до н.э. в Дунайскую котловину вторглись даки. Вождь даков Беребиста разгромил теврисков и бойев и вынудил часть из них покинуть юго-западную Словакию. На завоеванном пространстве образовался ареал кельтско-дакской культуры. Даки задержались на этой территории до второго десятилетия нашей эры.

1.2. Германцы и римляне

В последнее десятилетие до н.э. римляне покорили кельтские и иллирийские племена в Паннонии и образовали здесь свою провинцию. Ее северной границей (*limes romanus*) стал Дунай, который отделял высокоразвитую античную цивилизацию Древнего Рима от территорий, заселенных варварскими племенами. Лежащие севернее земли (современная западная Словакия) около 10—15 гг. н.э. завоевало германское племя квадов, вытеснивших оттуда дакское население. В то же время в Дунайскую котловину проникло сарматское племя языгов, заставивших даков покинуть междуречье Дуная и Тисы и переселиться на юго-восток.

В 21 г. римляне поселили на территории между реками Моравой и Вагом часть маркоманских воинов, поставив над ними царем Ванния (21—55 гг.). С благословения Рима Ванний (Ванниус) покорил и ближайших квадов, а его союзники языги впоследствии оставили ему всю территорию юго-западной Словакии. В 51 г. против правления Ванния восстали его племянники Вангио и Сидо и одержали верх над дядей, который после поражения был вынужден ретироваться к римлянам в Паннонию. Впрочем, преемники Ванния остались союзниками (федератами) Рима.

Сравнительно мирное сосуществование германцев и римлян закончилось в 89 г., когда квады и маркоманны отказались помочь императору Домициану в войне против дакского царя Дедебала. В том же году им удалось разбить римскую карательную экспедицию. К воюющим германцам присоединились и их союзники языги, и сообщая они в 92 г. вторглись в Паннонию. Военные действия продолжались и в последующие годы. Тогда же квады и языги покорили также осов и котинов в средней Словакии и обложили их денежной данью. Войне римлян с квадами, маркоманнами и языгами положила конец только победа императора Нервы, одержанная над ними в 97 г.

На протяжении относительно спокойного II века была построена система обороны на дунайской границе. Помимо главных военных лагерей Виндобона (совр. Вена), Карнунт (совр. Дейч-Альтенбург-Петронелл), Бригетия (совр. Комаром-Сонь) и Аквинк (совр. Буда), возникли и вспомогательные лагеря и крепости, например, Герулата (к югу от Братиславы). Не довольствуясь этим, римляне стали строить форпостные крепости по левому берегу Дуная (Девин, Братислава, Ижа под Комарно). Сверх того на многих местах юго-западной Словакии удалось установить следы полевых «походных» лагерей римских легионов, которые проводили операции на «варварских» землях.

Германское общество, особенно его правящий слой, попало под сильное влияние римской цивилизации. Оно перенимало стиль жизни римских патрициев и достижения позднеантичной цивилизации. На рубеже I—II веков римляне основали в Ступаве под Братиславой величественное имение — виллу, которая, вероятно, была предоставлена дружественному германскому вождю. В мирное время германские князья вели оживленную торговлю со своими соплеменниками и римским гражданским населением.

Отношения между германцами и римлянами обострились во время правления Марка Аврелия (161—180). В так называемых Маркоманнских войнах против римлян воевали и квады, и языги, и другие германские племена (вандалы, лангобарды). Германские племена в 167 г. вторглись в Паннонию, в следующем году в северную Италию, где нанесли поражение римскому войску. Однако императору Марку Аврелию удалось вытеснить их за пределы империи. Квады пытались задобрить римлян тем, что убили своего вождя и представили вновь избранного вождя Фуртия (168—172) на утверждение римскому императору. В 171 г. квады со своими союзниками снова прорвали римский лимес, вторглись в Паннонию и вновь проникли в северную Италию. Здесь римляне опять обратили их в бегство и нанесли квадам при переправе через Дунай решающее поражение. В начале 172 г. Марк Аврелий вступил в земли квадов, поднялся вверх по течению Грона и разбил их на их собственной

территории. Любопытно, что император даже в ходе военной кампании нашел время заниматься литературным творчеством и в военном лагере записал «разговоры с самим собой» — философский раздел первой главы своей книги «Размышления». В конце концов император заключил мир с поверженными квадами. Стремясь ослабить их союзников маркоманнов и языгов, император заключил союз с кельтскими котинами и вандальским племенем гастингов, которые тогда жили на северо-востоке Карпатской котловины.

Новую войну с маркоманнами император Марк Аврелий начал в 173 г. Он обратился к котинам, чтобы они как римские федераты атаковали общего врага. Однако вожди котинов ответили отказом. Маркоманнам же помогали квады, но несмотря на это, они войну проиграли и были вынуждены принять римские условия мира. Непокорные квады помогали и языгам, с которыми император вел войну в 174—175 гг. Марк Аврелий намеревался окончательно разгромить языгов, но из-за мятежа в Сирии ему пришлось заключить с ними мир.

Военные действия на Среднем Дунае возобновились в 177 г. В следующем году император вместе с сыном Коммодом лично пришел в Паннонию, чтобы решительно положить конец агрессии германцев. В заключительной фазе Маркоманнских войн 179—180 гг. римляне продвинулись далеко в глубь территории квадов и разместили там свои легионы во вспомогательных лагерях. Такое подразделение 855-ти солдат из II вспомогательного легиона под командованием легата Марка Валерия Максимиана перезимовало в Лаугаритии (совр. Тренчин), где они оставили памятную надпись. Марк Аврелий в то время серьезно вынашивал идею образовать новую римскую провинцию за Средним Дунаем. Однако его скоростежная кончина в Виндобоне 17 марта 180 г. перечеркнула этот замысел. Сын императора Коммод продолжил борьбу с германцами и после победоносного похода в 182 г. заключил с маркоманнами и квадами взаимовыгодный мир. Германцы должны были освободить узкую полосу земли на левобережье Дуная и предоставить ее римлянам. В свою очередь римляне отступили с территории германцев к дунайской границе.

В позднеантичный период Римской империи (181—380) продолжалась романизация варварских народов, расселившихся за Средним Дунаем. Здешние германские племена в юго-западной Словакии образовали более прочные объединения (племенные союзы). Одно из них, по мнению археологов, сформировалось на Среднем Поважье на землях между Пештянами и Новым Местом-над-Вагом, где было обнаружено множество погребений и богатые могилы германских вождей в Стражах близ Кракован.

В относительно мирные времена III—IV веков и на варварских землях юго-западной Словакии возникало много римских построек. К древним форпостным крепостям в Девине, Братиславе и Иже под Комарно

добавлялись и постройки гражданского характера. В Братиславе-Дубравке в зоне древнего германского поселения выросло римско-германское селение с каменной римской баней. В середине IV в. начала строиться римская станция в Цифере-Паце и Вельком Кире. Постройки в Братиславе-Дубравке и Цифере-Паце, по всей вероятности, были резиденциями проримски настроенной германской аристократии.

Во второй половине IV в. отношения между германцами и римлянами снова ухудшились. Императору Константину II в 357—58 гг. пришлось отражать набеги маркоманнов, квадов и сарматов. Нападения на Римскую империю повторялись и в годы правления Валентиниана I (364—375). Это вынудило императора укрепить лимес на Дунае. Он постарался переоборудовать древние крепости и построить новые военные объекты по обоим берегам Дуная. В 374 г. Марселиан, наместник в провинции Валерия, приказал вероломно убить во время пира короля квадов Габиния, который протестовал против восстановления и строительства римских крепостей на левом берегу Дуная, на землях квадов. После этого квады вместе с сарматами пошли войной против римских провинций. Но император Валентиниан весной 375 г. осуществил успешное контрнаступление далеко внутрь территории квадов. В начале переговоров о мире в ноябре 375 г. император скоропостижно умер, и римляне уступили требованиям квадов. Они ушли с захваченных позиций на германских землях и вывели все свои воинские контингенты за Дунай. Этот акт положил конец присутствию римлян на территории Словакии.

2. Великое переселение народов и приход славян в Карпатскую котловину

После падения Римской империи в течение IV—VI вв. в Европе происходили чрезвычайно динамичные перемены, в результате которых сложились новые этнические отношения и возникли «варварские» государственные образования раннего Средневековья. Судьбу Карпатской котловины определило вторжение гуннов в восточно-европейские степи в 375 г., а вслед за ними началось великое передвижение племен и племенных союзов. Гунны покорили сарматское племя аланов и германское племя остготов. Другая часть остготов нашла прибежище на землях Карпатской котловины. Ее восточные районы до них заселили вандалы и квады, которые отказались признать владычество гуннов и предпочли переместиться в западную Европу. Их земли заняли гепиды и севы. В 423—425 гг. гунны проникли на земли в бассейне реки Тисы и в 433 г. отвоевали у римлян северную Паннонию, а в следующем десятилетии завладели и юго-восточной Паннонией. Центр могущественной державы гун-

нов находился в нижнем Потисье. Владычество гуннов распространялось и на юго-западную Словакию, особенно на нитранско-погронские районы, где сформировался один из их окраинных центров. После поражения короля гуннов Атиллы в 451 г. на Каталаунских полях экспансия гуннов в Западную Европу была остановлена. Со смертью грозного Атиллы гепиды, свевы, скиры и сарматы в 454 г. нанесли гуннам и их союзникам сокрушительное поражение на реке Недао в Паннонии. Держава гуннов окончательно прекратила свое существование.

Уходом со сцены могущественного властителя воспользовались главным образом германские племена, которые начали занимать земли, прежде контролируемые гуннами. Остготы захватили Паннонию; южную Моравию с нижнеавстрийским и словацким Поморавьем (Загорье) покорили герулы, а юго-западной Словакией завладели свевы (бывшие квады). Севернее часть междуречья Дуная и Тисы заняли скиры. Однако мирное сосуществование этих племен не продержалось и двух десятилетий. В 469 г. остготы в одной-единственной битве разгромили коалицию свевов, герулов, скиров и сарматов, которым помогали отряды гепидов и ругиев. В следующем году остготский король Теодемир перешел по льду замерзшего Дуная и до основания разрушил державу короля свевов Гунимунда в юго-западной Словакии. Поверженный Гунимунд увел часть своего народа вверх по течению Дуная и осел по соседству с алеманнами.

После краха государств скиров в 469 г. и сарматов в 472 г. их земли захватили гепиды, тем самым их держава заняла всю восточную часть Карпатской котловины. Осенью 473 г. остготский король Теодемир вместе со своим племенем оставил Паннонию и осел в византийской Мёзии. В конечном итоге остготы во главе с сыном Теодемира Теодорихом Великим в 488 г. переправились в Италию.

Уже в последние десятилетия V в. прибрежные земли Среднего Подунавья стали заселять первые славянские племена. Они использовали отсутствие чьего-либо владычества в этом районе и, по всей вероятности, с территории современной Польши горными карпатскими перевалами постепенно проникали и селились в северной части Карпатской котловины. Самые древние археологические находки свидетельствуют об их присутствии в Словакии уже на рубеже V—VI вв. Не исключено, что на новообретенных землях они сталкивались с отдельными группами остатков германского (свевского) населения, а в горных районах — с этническим субстратом людей древней *пуховской* и более молодой *пшеворской* культуры. Преемственность с автохтонными этносами подтверждают названия наиболее значительных гор и водных токов дославянского происхождения.

Во времена своего появления здесь славяне представляли собой земледельческо-скотоводческое племя, живущее моногамными семьями, ищущее регионы с плодородной почвой, с богатыми пастбищами и доста-

точными водными источниками. Из своей прародины славяне принесли и знание о поиске, литье и обработке железной руды. Для первых славянских поселенцев на территории Словакии характерна керамика ручной формовки так называемого пражского типа. Славянские селения состояли из нескольких заглубленных полуземлянок в одно помещение с седлообразной крышей, с простым очагом или печкой в углу жилища. Своих умерших славяне сжигали на околище, а несгоревшие останки укладывали в глиняную урну или прямо в землю, иногда над захоронением насыпали могильный холм.

В начале VI в. доминирующую роль в Среднем Подунавье стали играть герулы. Но в 508 г. они потерпели сокрушительное поражение от лангобардов. Герулы овладели, кроме южной Моравы и прилегающего района Загорья, и всей Паннонией. Государство лангобардов отделяла от новоприбывших славян горная цепь Малых и Белых Карпат. В восточной Словакии с местными славянскими колониями мирно уживались и гепиды, которые сместились с верхнего Потисья на юг. В середине VI в. славяне, силы которых прирастали новыми потоками соплеменников, пересекли земли, занятые дружественными гепидами, и овладели европейской провинцией Византийской империи.

В 60-х гг. VI в. традиционная вражда между лангобардами и гепидами достигла своего апогея. Во взаимной борьбе гепиды были близки к окончательной победе. Поэтому король лангобардов Альбоин призвал на помощь кочевое племя аваров, которые незадолго до этого под водительством кагана Баяна захватили степные земли Причерноморья. Таким образом, лангобарды в 567 г. победили гепидов, а их территория досталась аварам. Однако это была пиррова победа, поэтому лангобарды из страха перед опасным союзником оставили Паннонию и осели в Северной Италии.

2.1. Государство Само и первые славянские княжества в соседстве с аварами

После 568 г. тюркское племя аваров стало господствующим в Дунайской низменности. Их основными занятиями были скотоводство, охота и военные набеги. Благодаря превосходному вооружению и кочевой тактике ведения боя они побеждали любого встреченного на пути противника. В Центральную Европу они принесли своеобразную культуру, резко отличающуюся от материальной культуры славян. У них был характерный ритуал погребения. Кроме воина с воинским снаряжением и дарами, в могилу клали также его коня или что-то от него (могила конника). Предположительно по следам аваров в Дунайскую низменность в 567—568 гг. пришел и второй поток славян, которых авары использовали как авангард в своих военных походах.

Первая группа аваров проникла на территорию Словакии вброд через Дунай в районах Братиславы и Комарно в конце VI в. В принципе это были небольшие конные отряды, которые действовали преимущественно в низинных областях. Постепенно они продвинулись до черты Девинска Нова Вес — Трнава — Нитра — Прша — Кошице — Барца. За этой линией никаких свидетельств о пребывании аваров нет. Захваченные территории они не только контролировали военными методами, но использовали и потенциал хозяйственной деятельности местного славянского населения.

По сведениям франкского хрониста Фредегара, авары проводили зиму в славянских селениях и брали в наложницы славянских жен и дочерей. Именно потомки смешанного аваро-славянского происхождения первыми начали протестовать против насильственных методов аваров. Около 620 г. они организовали в коалиции с окрестными славянами крупное восстание против аваров и в нескольких сражениях победили их. Среди повстанцев, очевидно, были хорваты и сербы, которые завладели западной частью Балканского полуострова, а часть из них переправилась из Паннонии в Чехию и дальше на северо-запад.

Остальные славянские повстанцы образовали могущественный племенной союз на северо-западных окраинах Аварского каганата. В 623 г. они избрали своим князем франкского купца Само, который успешно отразил попытки аваров подчинить себе его державу. Государство Само располагалось на территории левобережного Подунавья. Кроме теперешней Словакии, в него входила и Моравия, левобережные области Австрии и, по всей вероятности, Чехия. О силе этого племенного объединения свидетельствует и военный конфликт с франкским королем Дагобертом в 631 г. Дагоберт направил против возглавляемых Само славян три больших войска. Алеманны и лангобарды напали на окраинные области державы Само и вернулись с богатой добычей. Главное войско направлялось из Австразии вдоль берега Дуная на восток и близ крепости Вогастибург, на границе между славянами и франками, столкнулось с многочисленным славянским войском. После трехдневной битвы франки были полностью разгромлены. После этого окрыленные победой славяне предприняли опустошительные вторжения в Тюрингию и другие провинции Франкского королевства. Победа войск Само вдохновила и полабских славян. Их князь Дерван отказался подчиняться Дагоберту и присоединился к Само.

В 658 г. после 35 лет правления князь Само умер, и его держава распалась на несколько более мелких образований. В Среднем Подунавье постепенно стали формироваться княжества Моравское и Нитранское. Эти и другие славянские княжества, расположенные по периметру аварской Паннонии, были настолько жизнеспособны, что сумели устоять и во времена нового взлета аварского могущества во второй половине VII в. Вероятно, их правители признали главенство аваров и платили условлен-

ную дань. В этот период авары уже не применяли грубое насилие по отношению к славянам, скорее можно говорить о взаимном симбиозе, который проявился и в характере материальной культуры.

2.2. Конец аварского каганата

Карл Великий в 788 г. восстановил власть франков над Баварией и начал активно вмешиваться в дела на Среднем Подунавье. На восточной окраине Баварии находилось княжество Карантания и графство Траунгау. Поскольку и то, и другое граничили с аварами, Карл преобразовал их в пограничные марки и передал управление ими в руки своего зятя баварского префекта Герольда I. После успешного военного похода итальянского короля Пипина из Фриульской марки против аваров в Нижней Паннонии отец Пипина Карл Великий тоже решил напасть на них. В 791 г. он собрал сильное войско, перешел пограничную реку Энс и продвинулся вдоль берега Дуная вплоть до реки Рабы, не встретив при этом более или менее серьезного сопротивления аваров. На завоеванной территории между Энсом и Видинским лесом он образовал новую, Аварскую марку (впоследствии известную как Восточная марка).

Часть аваров, возглавляемых одним из аварских старейшин (тудунов), в 795 г. решила покориться Карлу Великому и по его приказу принять христианство. Однако среди аваров вспыхнула острая междоусобица, которая привела к убийству аварского правителя — кагана. Воспользовавшись этой ситуацией, фриульский маркграф Эрих в том же году направил против аваров войско, которому удалось захватить главную резиденцию — хринг — кагана в Паннонии. Франки завладели здесь несметными сокровищами, которые Эрих отослал Карлу Великому в Ахен.

После этого поражения часть аваров во главе с тудуном в начале 796 г. отправилась в Ахен, где они приняли христианство и признали суверенитет франков над ними. Другая же часть аваров избрала нового кагана и решила продолжать военные действия. Поэтому итальянский король Пипин опять вторгся в Паннонию и вытеснил аварское войско за реку Тису. Пипин опустошил и полностью разрушил главный хринг кагана. Затем он расположился лагерем в достоверно неустановленном месте на берегу Дуная, и здесь на церковном соборе с участием высших сановников состоялось совещание относительно урегулирования обстановки в Паннонии и христианизации аваров и славян. Миссионерская деятельность в Паннонии была поручена епископству в Зальцбурге, а в левобережье Подунавья — епископству в Пасове.

В начале IX в. ослаблением аваров воспользовались славянские князья и стали нападать на своих противников. Силами своих дружин они устраняли аварских представителей власти и захватывали их стойбища.

Особенно интенсивным был натиск славян в 805 г. Задунайские авары под предводительством кагана (капкана) Теодора, уже крещеного, с позволения императора Карла откочевали в Верхнюю Паннонию к озеру Нейзидлер. После смерти Теодора они избрали новым каганом Авраама (Абрагама), тоже принявшего крещение. Однако славяне продолжали наносить удары остаткам аваров. Чтобы положить конец распрям между ними, император Карл Великий в 811 г. был вынужден направить в Паннонию войсковую экспедицию.

2.3. Княжество Прибины в Нитре

Более чем двухвековое господство аваров над славянами Подунавья в результате завершилось скорым развалом их племенного союза. С другой стороны, оно обусловило тенденции к консолидации на территориальной основе. В условиях слабеего аварского владычества стала складываться общественная элита левобережных словен (нитранцев) Подунавья, представленная князем и его дружиной. Процесс политического объединения славян в юго-западной Словакии начался не позднее второй половины VIII в. В районе наибольшей плотности населенных пунктов, на стратегически удобном месте был построен княжеский град — замок — в Нитре. В его состав органически входило подградье, в котором было сосредоточено ремесленное производство. Нитранские князья в то время еще находились в подчинении у аваров и регулярно выплачивали им дань. Эта ситуация радикально изменилась в последнее десятилетие VIII в. Предшественники князя Прибины воспользовались упадком аварской мощи и силами княжеской дружины уничтожили их последние опорные пункты в юго-западной Словакии. Одновременно они начали осуществлять экспансию за счет небольших локальных центров на окрестных землях. Помимо самой юго-западной Словакии, власть нитранских князей начала распространяться на восток и юго-восток, где они практически не встречали сколько-нибудь серьезного сопротивления. Уязвимыми были только южная и западная границы. На юге Нитранское княжество доходило до самого Дуная, на западе его отделяли от Моравского княжества горы Малых и Белых Карпат. Власть правящего князя опиралась на систему укрепленных центров — градов, где были размещены княжеские дружинники. Грады стали не только военно-административными опорными пунктами, но и очагами ремесленного производства, торговли и религиозной жизни. Кроме Нитры, локальные центры подобного типа были обнаружены в Майцихове, Победиме, Выпном Кубине, в Спишских Томашовцах и Брекове.

В течение двадцатых годов IX в., не позже, произошла христианизация славян левобережного Подунавья. Приверженность к христианству

ясно продемонстрировал единственный известный по имени правитель Нитранского княжества Прибина, когда незадолго до 828 г. взял в жены близкую родственницу траунгаусского графа Вильгельма I. В княжеском граде в Нитре по его повелению была построена церковь, которую в 828 г. освятил зальцбургский архиепископ Адалрам. Упоминание об этом событии является вообще первым письменным сообщением о строительстве христианского храма в славянской среде. Этот храм впоследствии стал резиденцией архипресвитера, который проводил христианизацию в Нитранском княжестве. Визит Адалрама в Нитру носил и дипломатический характер, потому что франки стремились обрести союзников против болгар, которые в предыдущем 827 г. захватили большую часть Задунавья. Очевидно, Прибина обещал поддерживать франков или, по крайней мере, не вступать в союз с болгарами, что было достаточно для намеченной акции по восстановлению франкского господства в Паннонии. Летом 828 г. Людовик Немецкий отвоевал захваченную болгарами часть Задунавья и поручил управлять Восточной маркой Ратбоду (828—854).

Параллельно с распространением христианства в Нитранском княжестве проводилась христианизация и в соседнем Моравском княжестве. Известно, что в 831 г. пасовский епископ Регингар крестил всех мораван, т. е. князя, его семью и членов княжеской дружины. Освящение церкви в Нитре зальцбургским епископом Адалрамом в 828 г. и крещение мораван пасовским епископом Регингаром свидетельствуют о том, что Моравия в тот период входила в сферу миссионерской деятельности Пасова, а Нитранское княжество на тот момент оказалось в миссионерской сфере Зальцбурга. Принадлежность к двум разным церковно-административным округам в начале 30-х гг. IX в. является ясным доказательством того, что в те времена Нитранское княжество и Моравия представляли собой два различных и не зависимых друг от друга княжества.

Прибина правил в Нитранском княжестве приблизительно до 833 года, когда вследствие военного поражения был вынужден с частью своей дружины покинуть Нитру. Скорее всего им занялся маркграф Восточной марки Ратбод, который представил Прибину баварскому королю Людовику Немецкому. По инициативе короля Прибина был потом крещен в Трайсмауере. Вероятно, он ожидал помощи в деле возвращения ему Нитранского княжества. Не поладив с ним, Прибина направился к болгарам, а от них к славонскому князю Ратимиру. Именно в это время франки предприняли агрессию против Ратимира, и Прибина со своей дружиной укрылся у гранского (эстергомского) графа Салаха. В конце концов он снова помирил Прибину с Ратбодом.

Около 840 г. Людовик Немецкий отделил от Каринтийской марки паннонскую часть и отдал ее в управление князю Прибине. Столицей Прибины стал Блатенград (Мосабург) в бассейне реки Зала. Прибина со-

бирал тут народ и ревностно обращал их в христианство. В конце концов король Людовик Немецкий оценил заслуги Прибины тем, что отведенную ему прежде в ленное владение собственность даровал в наследственное владение, вследствие чего возникло Паннонское княжество.

3. Великая Моравия

Около 833 г. произошло военное столкновение между нитранским князем Прибиной и правителем соседнего Моравского княжества Моймиром I. Причина конфликта была совсем простая. Обоим князьям и их дружинам надо было расширять свои территориальные владения и собирать добычу. Экономические, культурные или этнические различия между населением обоих княжеств были минимальны, потому что в обоих случаях речь шла о близких сообществах славян (точнее словен) левобережного Подунавья, которые только по названиям рек и княжеских резиденций, расположенных поблизости, стали именоваться нитранцами или мораванами. Необходимо отметить, что Нитранская область даже в составе Великой Моравии не утратила своих специфических особенностей, и впоследствии это сказалось в том, что Нитранская область получила статус удельного княжества, а в 880 г. здесь было учреждено епископство.

Более сильная в военном отношении дружина Моймира I в Среднем Поважье одержала победу над нитранским князем Прибиной. Он с частью своей дружины предпочел изгнание, и мораване без особого сопротивления со стороны нитранцев овладели Нитрой и прочими городищами Прибины. В стратегических пунктах они оставили свои гарнизоны, о чем свидетельствуют местные названия типа Мораваны и Моравце.

С момента насильственной аннексии можно говорить о возникновении Великоморавской державы. Интересно, что в последнее время чешские и моравские историки отказались от наименования Великая Моравия, потому что этот термин появился вследствие неверного перевода сочинения Константина Порфирогенета середины X в. Даже если это в самом деле так, термин Великая Моравия прочно вошел в обиход и, по мнению словацких историков, отражает увеличение площади первоначальной древней Моравии благодаря включению в нее территории Нитранского княжества. Объединением обоих территориальных субъектов Моймиру I удалось создать основы самого значительного государственного образования славян в IX в.

На появление Великой Моравии Франкская империя сначала никак не отреагировала отчасти потому, что ее правители были заняты внутренними проблемами. Пассивность франков можно объяснить и тем, что

экспансия моравян была направлена не в сторону сферы их жизненных интересов, а на восток, и в тот момент это не вызвало никакого беспокойства. Ситуация изменилась после раздела Франкской империи в 843 г. Правителем Восточнофранкского королевства стал Людовик Немецкий, который начал весьма энергично интересоваться своими ближайшими соседями. В духе идеологии универсализма он стремился подчинить своей власти и славянские княжества на восточных границах своей державы. Самым могущественным из них была Великая Моравия во главе с Моймиром I. Тот решительно протестовал против прямого владычества франков. Поэтому в 846 г. Людовик Немецкий сверг его и согласился на то, чтобы новым правителем Великой Моравии стал племянник Моймира князь Ростислав. В первые годы своего правления Ростислав вел себя вполне лояльно по отношению к могущественному соседу, но уже в течение 50-х гг. IX в. планомерно упрочивал свою власть в Среднем Подунавье. Он не только увеличил численность своих дружинников, но и старался усилить систему оборонительных сооружений. Наряду со строительством новых городищ он велел укрепить свою главную резиденцию — городище Мораву (совр. Микульчице), которое служило ему надежным убежищем даже против превосходящего в военном отношении соседа. В этот период наблюдается экономический и общественный подъем населения центральных районов Великой Моравии. Это выразилось в росте числа селений и их жителей, в расширении обрабатываемых угодий и увеличении численности специализированных ремесленников, способных удовлетворить требования общественной элиты моравян. Эти тенденции свидетельствовали об общем повышении уровня цивилизации великоморавского общества.

Князь Ростислав стал использовать любую возможность, чтобы упрочить свои позиции. Например, он предоставлял убежище перебежчикам из Восточнофранкского королевства и, пользуясь междоусобицами внутри франкской знати, заключал с отдельными ее представителями временные союзы. В 853 г. он открыто поддерживал мятеж маркграфа Восточной марки Ратбода. В отместку Людовик Немецкий напал на него в 855 г. После безуспешной осады главной резиденции Ростислава Людовик был вынужден удовольствоваться разорением незащищенной периферии. Моравяне преследовали отступающего Людовика и, переправившись через Дунай, устроили погром в Восточной марке. И в последующие годы Ростиславу приходилось давать отпор повторяющимся атакам франков. Но он умел ловко использовать любой удобный случай в интересах усиления своих позиций. В 861 г. в Восточнофранкском королевстве вспыхнуло восстание против короля Людовика, которое возглавил его собственный сын Карломан. Его союзником стал и Ростислав. Общими усилиями они устранили всех графов, сторонников Людовика. Однако присоединиться к

мятежникам отказался князь Прибина. Поэтому войско моравян летом или осенью 861 г. вторглось в Паннонию и разгромило войско Прибины. В сражении был убит и сам Прибина. Ростислав воспользовался моментом и присоединил к Великой Моравии северо-восточное Задубавье с укрепленными центрами в Эстергоме, Вишеграде, Веспремe и Рабе. После этого моравяне оказали вооруженную поддержку Карломану и в Баварии и помогли ему захватить территорию вплоть до реки Инн. Атакуемый датчанами Людовик Немецкий был вынужден признать территориальные завоевания Ростислава в Паннонии и Карломана в Баварии.

Людовик решил наказать Ростислава за своеволие. В августе 864 г. он с большим войском переправился через Дунай. Ростислав ожидал нападения неприятеля непосредственно на границе в хорошо укрепленном Девине. Баварцы окружили Ростислава, и после недолгой осады между сражающимися сторонами начались переговоры. Ростиславу пришлось дать Людовику заложников и формально присягнуть на верность. В последующие годы Ростислав фактически соблюдал условия мира, заключенного в Девине.

3.1. Византийская миссия

В 60-е гг. IX в. достигла кульминации борьба за церковную принадлежность всей территории между Восточнофранкским королевством и Византией. Восточнофранкское духовенство, прежде всего баварские епископы при поддержке Людовика Немецкого, затем римский папа и константинопольский патриарх начали вести борьбу за обширные земли в Среднем и Нижнем Подунавье, которые делили между собой Великая Моравия и Болгарское государство. Папская курия стремилась восстановить на этой территории древнюю Иллирию, позднеантичную церковную провинцию с центром в Сирмии, которая должна была подлежать непосредственному ведению Рима. Эти стремления натолкнулись на сопротивление Византии.

В эту борьбу в 861—863 гг. включился Ростислав. Территория Великой Моравии до той поры составляла область миссионерской деятельности пасовского епископства. Священнослужители из пасовского миссионерского центра не ограничивались только духовно-пастырской деятельностью, но стали и орудием политического влияния Восточнофранкского королевства. При дворе князя Ростислава, отказывавшегося признавать верховенство франков, созрело решение создать собственную церковную организацию. Сначала (в 861 г.) Ростислав обратился к римскому папе Николаю I, но тогда Рим не пошел ему навстречу, вероятно, и из-за протеста баварского епископата. Князь Ростислав не отказался от своих намерений и в 862 г. направил посольство в Византию к императору.

ру Михаилу III. Здесь он повторил свою просьбу прислать учителей, которые могли бы распространять христианскую веру на языке, понятном его народу. Император отнесся благосклонно к этой просьбе и в 863 г. послал в Великую Моравию солунских братьев Константина и Мефодия. Константин, человек весьма образованный, еще до отъезда в Великую Моравию составил славянскую азбуку глаголицу и начал переводить на славянский язык богослужебные и библейские тексты. В ту эпоху отдельные славянские наречия были еще очень близки между собой и понятны всем славянам. По этой причине старославянский язык, созданный Константином на основе наречия македонских славян, смог стать в Великой Моравии языком богослужения и письменности.

На первом этапе своей деятельности солунские братья основали при дворе князя Ростислава училище, где они продолжали переводить богослужебные и библейские тексты и готовили своих первых учеников. С приходом в Великую Моравию солунские братья попытались ввести богослужение византийского обряда, но потом отказались от этого намерения. Уже в 864 г. они перешли на западную практику литургии св. Петра. Из древнейших богослужебных текстов сохранился в Киевских листах лишь небольшой фрагмент святопетровской литургии X в., написанный глаголицей. Фрагмент миссала содержится в так называемых Венских глаголических листках.

После более чем трехлетней деятельности в Великой Моравии Константин и Мефодий решили вернуться на родину. Поскольку ни один из них не имел высокого церковного звания, они взяли с собой и своих учеников, чтобы представить их к посвящению в церковный чин. По пути они задержались у сына Прибины Коцела в Блатенграде, где будто бы обучили славянской грамоте еще 50 учеников. Из Блатенграда они продолжили путь в Венецию. Здесь состоялся знаменитый диспут Константина Философа со сторонниками так называемого трехязычия, которые выступали с нападками на введение славянского богослужения.

В Венеции обоих братьев застало приглашение в Рим, потому что они несли с собой часть останков св. Климента. В Риме они удостоились торжественного приема папой Адрианом II. Папа, ознакомившись со славянскими богослужебными книгами, одобрил их, посвятил Мефодия в священники, а два итальянских епископа посвятили многих учеников Константина в священники и дьяконы. В конце 868 г. Константин в Риме заболел и в предчувствии близкой смерти принял монашество, получив при пострижении в схиму имя Кирилл; 14 февраля 869 г. он умер. Перед смертью он взял со своего брата Мефодия клятвенное обещание продолжать начатую в Великой Моравии деятельность.

По просьбе Паннонского князя Коцела папа направил Мефодия сначала в Блатенград, но потом расширил его миссионерские полномочия и

на всю территорию Великой Моравии. По всей вероятности, уже тогда Мефодий был возведен в звание архиепископа и папского легата во владениях Ростислава, Святополка (Сватоплука) и Коцела. Направлявшегося в Великую Моравию Мефодия франки взяли в плен в Паннонии, устроили над ним судилище и бросили в заточение.

3.2. Правление Святополка (Сватоплука)

В августе 869 г. восточнофранкский король Людовик Немецкий собрал со всего королевства три войска, которые должны были воевать против славян. Войско, состоящее из тюрингцев и саксов под командованием его среднего сына Людовика, напало на полабских сербов. Карломана с баварским войском король направил против Святополка, правившего Нитранским удельным княжеством, а сам король во главе франков и алеманнов решил напасть на Ростислава. Однако король Людовик заболел, и командование войском вместо него взял на себя его младший сын Карл. Войско франков предавало страну огню и мечу, и Карл подошел к главному граду Ростислава. Так же удачно складывалась кампания и у Карломана, поэтому Святополк в 870 г. предпочел заключить с ним сепаратный мир. Ростислав не одобрил этого шага и попытался устранить Святополка. Узнав о намерениях своего дяди, Святополк взял его в плен и передал в руки Карломана. Тем не менее Ростиславов стол княжения Святополку не достался. Карломан захватил Моравию и отдал ее в управление маркграфам Вильгельму и Энгельшальку. В следующем году (871) маркграфы обвинили Святополка в измене, и, подобно Ростиславу, он оказался в заточении в Баварии.

В восточной части Великой Моравии (в Нитранском княжестве) вспыхнуло восстание против франков. Повстанцы заставили одного из родственников Святополка, священника Славомира взять бразды правления в свои руки и бороться против захватчиков. Карломан решил отпустить узника Святополка на свободу и поставил его во главе войска, которое должно было подавить восстание. Прибыв в Моравию, Святополк тайно сговорился с повстанцами, и сообщая они разгромили баварское войско. Новым верховным князем Великой Моравии стал Святополк (871 — 894).

В лице Святополка Великая Моравия получила исключительно способного правителя, сумевшего вскоре после прихода к власти урегулировать внутреннюю обстановку в стране и поставить заслон территориальной экспансии со стороны ближайших соседей. За неполные четверть века он превратил Великую Моравию в державу, которая стала очень важным политическим фактором в Среднем Подунавье. В 872 г. Святополку удалось отразить военный поход короля Людовика Немецкого. Так же неудачно закончилась и экспедиция его сына Карломана. По-видимо-

му, в то же время в его окружении стали интересоваться судьбой архиепископа Мефодия, которого противозаконно держали в заточении в Баварии. Дело в том, что церковь в Великой Моравии была ослаблена после антифранкского восстания, во время которого большинство баварских миссионеров изгнали из страны. Энергичный папа Иоанн VIII в 873 г. резко выступил против баварских епископов и добился освобождения Мефодия из заточения. После этого Мефодий смог наконец вернуться в Великую Моравию и продолжить устройство самостоятельной моравской церковной провинции. Правители Восточнофранкского королевства убедились, что Святополк весьма серьезный противник, и поэтому начали с ним переговоры о мире. В конце концов мир был заключен в 874 г. в Форхгейме. Святополк официально признал верховенство Восточнофранкского королевства и обязался платить регулярную дань. Баварцы, со своей стороны, обязались жить со Святополком в мире и не вмешиваться во внутренние дела Великой Моравии. Заключение мира позволило Святополку начать экспансию против соседних славянских стран. Вероятно, в 875 г. он покорил княжество на верхней Висле. Победенный князь висланов был вынужден принять крещение от моравского архиепископа Мефодия. В последующий период Святополк продолжал вести войны против язычников. Он напал на славян в Потисье, которые находились под болгарским господством. После неудач на первом этапе ему в конце концов удалось победить и расширить свою державу вплоть до нижнего Подунавья. Восточную границу его владычества следует искать в Бихарских горах, которые стали естественной пограничной линией против болгар.

Вершиной государственной деятельности Святополка была отправка посольства в Рим в 880 г. Архиепископ Мефодий сообщил папе о желании Святополка отдать свою страну под прямой патронат престола св. Петра, что Иоанн VIII с радостью принял. Этот акт был призван избавить Великую Моравию от тесной зависимости от Восточнофранкского королевства. В ответ на категорическое требование Святополка папа учредил епископство в Нитре и возвел в звание ее первого епископа Вихинга, бывшего бенедиктинского монаха. Ему приписывают и заслуги в возникновении бенедиктинского монастыря св. Ипполита под Зобором.

Образование Нитранского епископства является несомненным свидетельством большой значимости Нитры как одного из двух великоморавских княжеств. Из этого следует, что даже после свержения Прибины Нитра не потеряла своего значения стольной княжеской резиденции. О том же свидетельствует и строительство новых, целиком из камня фортификационных сооружений, которые охватывали всю замковую гору.

Потеря обширных территорий в Потисье сблизила болгар с баварцами. В 882 г. болгары предприняли опустошительную атаку на восточные области державы Святополка. Однако вернуть утраченные земли не уда-

лось, так как войска Святополка остановили нападавших. В подстрекательстве болгарских агрессоров Святополк обвинил карантанского герцога Арнульфа, который после смерти сына Прибины Коцела получил в управление и Паннонское княжество. Кроме того, Арнульф поддерживал и защищал сыновей бывших маркграфов Вильгельма и Энгельшалка. Святополк считал их своими врагами и в 882 г. изгнал их из Восточной марки. Взаимная вражда обострилась настолько, что Святополк во главе мощного войска напал на Паннонию, двумя походами в 883 и 884 гг. опустошил ее и подчинил себе. Таким образом, ему удалось расширить свою державу вплоть до реки Дравы и Видинского леса.

В первой половине 80-х гг. IX в. довершилось дело архиепископа Мефодия в Великой Моравии. Вместе со своими ближайшими сподвижниками он закончил перевод библейских текстов на старославянский язык. Мефодию приписывают также авторство юридического памятника «Судебник» для простого народа и сочинение по гомилетике «Обращение к властителям». Его отношения со светскими властями скорее можно назвать натянутыми. Хотя Святополк держал себя с ним почтиительно как с главой великоморавской церковной провинции, но отдавал предпочтение латинскому богослужению, а его ближайшими доверенными лицами были епископ Вихинг и священник Иоанн из Венеции. Именно епископ Вихинг, который как суфраган был обязан во всем слушаться Мефодия, постоянно выступал против своего вышестоящего иерарха и славянского богослужения. Он не гнушался использовать против него даже фальшивые грамоты, которые содержали обвинения Мефодия в ереси и запрещали ему вести славянское богослужение. Поэтому архиепископ Мефодий в 884 г. лишил Вихинга епископского звания. 6 апреля 885 г., окруженный своими приверженцами, Мефодий умирает; он был с великими почестями похоронен в кафедральном соборе Девы Марии. Перед смертью он назвал своим преемником священника, моравина по происхождению, Горазда.

Святополк вступился за своего поверенного в делах Вихинга, и благодаря его вмешательству папа Стефан V вернул Вихингу звание епископа. После этого он стал управлять делами великоморавской церкви. Затем по его инициативе папа запретил проводить славянское богослужение, а зимой в конце 885-начале 886 гг. всех приверженцев Мефодия изгнали из Великой Моравии или продали в рабство. Большинство из них впоследствии приняла к себе Болгария, где они продолжали развивать традиции славянского богослужения.

В начале 80-х гг. IX в. признал великоморавское верховенство первый известный по имени чешский князь из Пржемысловичей Борживой. В княжеском дворе Святополка он принял крещение из рук архиепископа Мефодия. В 888 г. Борживой умер, и от имени его малолетних

детей Святополк стал править в Чехии. Через два года (в 890 г.) этот факт признал и восточнофранкский король Арнульф. С присоединением Чехии Святополк получил возможность непосредственного влияния и на соседних сербов и свою державу на севере расширил вплоть до реки Салы. В этот период держава Святополка достигла наибольшего территориального размаха.

На годы правления Святополка приходится пик экономического и культурного подъема центральных областей Великой Моравии. В юго-западной Словакии, на юге средней Словакии и в южных районах восточной Словакии особенно значительно выросла плотность населения. Новейшие археологические изыскания наглядно показывают, что в период существования Великой Моравии колонизация продвинулась далеко вверх против течения Вага, Нитры, Грона, Ипеля, Сланой, Горнада, Торисы и в горные котловины в Карпатах. Однако по сравнению с низинными областями заселение шло реже и, по аналогии, происходило лишь на наиболее низко расположенных участках вблизи рек и ручьев. Естественными центрами отдельных областей служили военно-опорные городища. Они стали основой территориально-административной организации (системы замков — градов), во главе которых стояли жупаны. Для удовлетворения потребностей княжеского двора и многочисленной дружины была создана система обслуживающих селений, расположенных по всему периметру великоморавских административных центров. В этот период появляются и новые типы укрепленных поселений — усадьбы сановников (например, Дуцове близ Пештян), которые служили резиденциями представителей великоморавской знати. Кроме жилого сектора, здесь стояло и строение сакрального назначения, рядом с ним хоронили родственников владельца усадьбы и его дружины. Наличие усадеб знати свидетельствует о начинающемся процессе становления феодальных отношений в великоморавском обществе. О богатстве и привилегированном положении представителей великоморавской знати можно судить по великолепию могил с богатым убранством (мужские могилы с воинским снаряжением, женские с украшениями из золота и серебра). Растущая христианизация местного населения сказалась в уменьшении жертвенных предметов в могилах и частые находки мелких реликвий и крестиков.

3.3. Падение Великой Моравии

После смерти Святополка в Великоморавской державе наступил кризис. Территориальная экспансия в сторону окрестных государств была уже нереальна, страну истощали расходы, связанные с управлением обширной державы и содержанием военных гарнизонов на завоеванных

землях. К тому же здесь набирали силу центробежные тенденции и стремление избавиться от обязательной уплаты дани великоморавскому властителю. Положение великоморавской державы осложнялось еще и внутридинастическим кризисом, который вылился в открытую борьбу между верховным правителем Моймиром II и его младшим братом, удельным князем в Нитре Святополком II. Их борьбу за власть начали использовать в целях своего главенства соседи, особенно Восточнофранкская империя и недавно пришедшие сюда мажарские племена.

Святополк умер в 894 г., его преемник Моймир II заключил с баварцами мир и уступил им Паннонское княжество, которое, однако, в том же году подверглось опустошительному нападению со стороны мажар. В следующем году от Великой Моравии откололись чешские племена. В июле 895 г. чешский князь Спитигнев I явился в Регенсбург и вместе с другими чешскими князьями признал баварское верховенство. Баварцы обещали им также защиту от моравян, которые, говорят, донине жестоко их угнетали. В 896 г. Великая Моравия лишилась Потисья, которое захватили и навсегда осели здесь венгерские (мажарские) племена. В 897 г. от моравян отпали и полабские сербы.

В конце IX в. произошел братоубийственный военный конфликт между Моймиром II и Святополком II. В 898 г. в эту войну вмешались баварцы. Император Арнульф послал на помощь Святополку II сильное войско, которое захватило страну. И хотя в следующем году баварцы повторили опустошительный поход, они не смогли уберечь своего подопечного. Князь Моймир II велел заточить его в темницу, но баварцам вскоре удалось освободить Святополка и увезти с собой. Моймир заключил союз с маркграфом Восточной марки Исанриком, и войско моравян помогло ему завладеть территорией между рекой Энс и Видинским лесом. О кратковременном урегулировании обстановки в Великой Моравии свидетельствует тот факт, что в 898 или 899 г. князь Моймир II попросил римскую курию восстановить великоморавскую церковную провинцию. После чего папские легаты посвятили одного архиепископа и трех подчиненных ему епископов. Один из новопосвященных епископов стал управлять епископством в Нитре.

Значительная часть мажар и после 896 г. оставалась севернее Карпат. Но в 898—899 гг. они передвинулись в Карпатскую котловину. Потисье уже было занято их соплеменниками, поэтому им надо было искать новую территорию. Прежде всего под ударом с их стороны оказалось Паннонское княжество в южном Задубавье, управлять которым император Арнульф поручил князю Браславу. В конце лета 899 г. они вторглись в Италию, разгромили короля Беренгара и до самого конца июля 900 г. совершали разорительные операции в Ломбардии. Однако в начале июля они вернулись в Паннонию и совместно с моравянами опустоши-

ли и навсегда завладели территорией Паннонского княжества. Участие моравян в разорении Паннонского княжества явилось ответом на предыдущее баварско-чешское опустошение Моравии. Но осенью 900 г. недолгий моравско-мадьярский союз распался. В конце года мадьяры силой отняли у моравян северо-восточную часть Задунавья. Это обстоятельство заставило Моймира II заключить в январе 901 г. мир с баварцами, который, по-видимому, касался и их союзников — чехов.

Мадьяры, воинственный кочевой народ, в начале X в. стали грозой всего среднедунайского пространства. Поскольку Карпатская котловина не представляла им достаточного простора для их традиционного занятия скотоводством, им приходилось восполнять недостающее набегами и грабежом окрестного оседлого населения. Объектами их нападений было славянское население и особенно германские страны, где они регулярно захватывали богатую добычу. В 901 г. опустошительный набег в Карантании обернулся поражением мадьярского войска. В следующем году они напали на моравян, которым пришли на помощь баварцы. Мадьяры одолели вспомогательное баварское войско, но войска моравян обратили их в бегство. В 903 г. мадьяры опять напали на баварцев. Вражду между баварцами и моравянами с одной стороны и мадьярами — с другой крайне усугубило вероломное убийство мадьярского военачальника Кусала (Кусана), которого баварцы пригласили на дружеский пир и вместе с ним перебили всех его сопровождающих. Мадьяры в первую очередь сосредоточились на ближайшем и более слабом противнике — моравянах. По всей вероятности, в 906 г. при обороне своей страны погиб Моймир II и вместе с ним преобладающая часть его дружины. Тем самым был положен конец и великоморавской государственности. Свое военное превосходство над христианскими европейскими войсками венгерские племена подтвердили в 907 г. в битве под Братиславой, в которой они полностью разгромили войско баварцев и стали контролировать Карпатскую котловину.

В историографии появились попытки «по-новому» установить местоположение ядра великоморавской державы в сербской Моравии или в Марошваре. Некоторые историки, опираясь на отдельные источники, стараются поставить под сомнение традиционную локализацию ядра Великой Моравии на территории севернее Дуная, причем игнорируют существование большинства остальных источников. Этим их «открытиям» не хватает, однако, одного существенного аргумента. А именно, они не могут доказать существование материальной культуры в этих предполагаемых центрах. На территории Моравии и Словакии, напротив, имеется множество уже задокументированных археологических раскопов и находок, восходящих к великоморавскому периоду.

II. Словакия в составе Венгрии при династии Арпадов

1. Возникновение и начальный период венгерской государственности

1.1. В соседстве с венгерскими племенами

Конец великоморавской государственности, безусловно, весьма значительно сказался на дальнейших судьбах словенцев, живших севернее Дуная. Со смертью Моймира II оборвалась правящая династия, погибло большинство его дружины и были уничтожены некоторые великоморавские центры. Однако этот катаклизм не означал исчезновения местного народа. Археологические находки свидетельствуют, что и на протяжении X в. селения продолжают жить на большей части древних участков без признаков горизонта отмирания. Территория Словакии после раздела центральной власти распалась на более мелкие территориально-административные субъекты, во главе которых стояли представители местных знати. Дело в том, что изменением политической обстановки воспользовались некоторые местные саяновники; они стали объединяться с венгерскими племенами и вместе с ними участвовать в грабительских военных набегах в Западную Европу. Конные отряды венгерских племен начали оседать на стратегически важных местах в юго-западной Словакии лишь в 20-е гг. X в., и только второй волной на протяжении 30 — 40-х гг. продвинулись до линии Братислава — Глоговец — Нитра — Левице — Крупина — Лученец — Римава-Собота — Турня — Михалыны. Расположенные севернее земли они не стали занимать, но считали их сферой своего влияния. Правящая верхушка венгерских племен весьма быстро освоила бывшую здесь ранее административную организацию и экономический потенциал местного оседлого населения. Существуют свидетельства того, что в первой половине X в. христианство не вполне исчезло с территории севернее Дуная. Хотя верховной церковной организации вследствие нападений венгерских племен пришел конец, в некоторых местах (например, Дуцове у Пештян) по-прежнему стояли и действовали сакральные объекты. Очевидно, что местное население хо-

ронило своих покойников по христианскому обряду, поскольку в могилах отсутствуют жертвенные предметы.

Отдельные венгерские племена разделили между собой территорию Среднего Подунавья в зависимости от численности и военной силы. Арпады, стоявшие во главе племени медьер, заняли междуречье Дуная и Тисы и северную часть Задунавья. Юго-западную Словакию занял венгерский военачальник Таш и его сын Лел. Некоторые военачальники на время объединялись и сообща предпринимали грабительские набеги по всей Европе. Чаще всего, однако, объектами этих набегов были германские страны, где они находили богатую добычу. В июле 955 г. венгерские военачальники Булчу, Лел и Шур объединенными силами во главе 12-тысячного войска напали на Баварию и Швабию. Они начали вести осаду Аугсбурга, расположенного на реке Лехе. Германский король Оттон I собрал со всех концов своего королевства войско и вместе со вспомогательным чешским войском двинулся на помощь осажденному городу. На берегу реки Лех произошла кровопролитная битва, которая закончилась решительной победой Оттона I и его союзников. Непосредственно в бою и при беспорядочном отступлении погибло более 10 тысяч венгерских воинов, что составляло почти половину вооруженных сил всего союза племен. Венгерские военачальники Булчу, Лел и Шур были казнены. Это сокрушительное поражение стало поворотным пунктом в истории венгров. Уничтожение ударной силы венгерских племен в битве на Лехе заставило венгерский этнос полностью изменить порядок своего дальнейшего бытия. Если они хотели избежать участи гуннов и аваров, они должны были перейти от кочевого образа жизни и организации грабительских набегов к оседлости. Простой народ, вклинившийся между старинным славянским населением, еще до битвы на Лехе встал на этот тернистый путь в Задунавье и в юго-западной Словакии. В восточных областях Дунайской низменности еще долго удерживалось традиционное скотоводство, хотя и здесь оно перестало быть основополагающим занятием.

1.2. Нитранское удельное княжество

Битва на Лехе в 955 г. кардинальным образом обусловила дальнейшую направленность существования мадьярского этноса. Самые воинственные звенья распадающегося племенного строя были до известной степени устранены. Потомки великого князя Арпада воспользовались тем, что мадьярские военачальники Булчу, Лел и Шур погибли, и это обстоятельство дало им возможность присоединить их вотчины (домены) к своим владениям. Таким образом, им стало принадлежать, кроме междуречья Дуная и Тисы, и все Задунавье, юго-западная Словакия и Бихар. Тем самым Арпады получили решающее преимущество над остальными ма-

дьярскими вождами. Одни из них подчинились им добровольно, других пришлось заставить с помощью хорошо вооруженной дружины, которую они начали создавать по западно-европейскому образцу. Среди потомков Арпада первостепенное положение занял Такшонь. После него в 971 г. власть перешла в руки его старшего сына Гезы, который стал великим князем со стольной резиденцией в Эстергоме. Младшему сыну Михаилу достался удел в Нитре.

Удельный князь Михаил не удовлетворился первоначальными размерами своего княжества в юго-западной Словакии. С помощью своей дружины он начал экспансию в сторону севера, северо-востока и в горные котловины Карпат. Однако часть северо-западной Словакии (провинция *Bar*) приблизительно до 990 г. принадлежала чешским Пржемысловичам. В процессе территориальной экспансии удельный князь Михаил натолкнулся на сопротивление местной знати, из которой часть он покорил силой, а часть признала его верховенство и поступила к Михаилу на службу. Среди них были и предки аристократических родов — Познанов, которым принадлежало среднее и северное Понитрие, а также Турец и Раец; Гунтов, которые контролировали южные области средней Словакии. Господство Михаила постепенно признал и род Мишковицев, имевших резиденцию в Боршоде, и Богат-Радванов с резиденцией в Земплине. Благодаря этому они сохранили часть своих изначальных владений.

Двор Михаила в Нитре находился под сильным влиянием славянского окружения еще и по той причине, что он взял в жены болгарскую принцессу. Об этом свидетельствуют и имена его двоих сыновей. Старшего звали Ладислав (первоначально Владислав), а младшего Вазул (первоначально Васил, Василий). Князь Михаил был крещен в 972 г. и терпимо относился к факту существования христиан в своей державе. По всей вероятности, еще при его правлении нитранские Познаны восстановили обветшалый бенедиктинский монастырь св. Ипполита под Зобором и стали его патронами. Подобным же образом в конце X в. был восстановлен старинный епископский кафедральный собор св. Эммерана (Эммерам), и при нем был создан капитул.

Великий князь Геза с неудовольствием наблюдал, как крепнут позиции его младшего брата Михаила в Нитранском княжестве. Помимо прочего, он опасался, что после его смерти именно Михаил возьмет в свои руки власть в великом княжестве и тем самым нарушит наследственное право его сына герцога Стефана. Поэтому около 995 г. он велел его устранить. Сыновья Михаила Ладислав Лысый и Вазул в страхе покинули страну и укрылись, вероятно, у Болеслава Храброго в Польше. Великий князь Геза посадил на княжеский престол в Нитре своего сына Стефана. Стефан женился на баварской принцессе Гизеле, в Нитру вмес-

те с ней прибыла и многочисленная германская свита. Стефану подчинилась и местная знать (Познаны, Гунты, Мишковицы и Богат-Радваны).

После смерти Гезы (997 г.) великокняжеский престол занял его сын Стефан. Однако его наследственные права оспаривал помодьский герцог Кошпань, который, будучи сам из рода Арпадов, претендовал на власть на основе принципа родового старейшины. Вокруг Кошпаня стали группироваться и другие недовольные князья и язычники, которые добивались возврата к старинным языческим обычаям и свободам. Опасаясь мятежников, Стефан оставил Эстергом и укрылся на территории Нитранского княжества в наскоро укрепленном лагере в Бине, где под его знамена собрались местные князья Гунт, Познан и Орзиус, и затем вместе с дружинами других сановников и германскими рыцарями из свиты княгини Гизелы они направились на битву с Кошпанем, которому нанесли поражение. После этой победы Стефан отдал в награду своим наивернейшим сановникам часть владений побежденных мятежников. В 1000 г. папа Сильвестр II с согласия германского императора Оттона III послал ревностному проводнику христианизации королевскую корону, и Стефан был коронован первым венгерским королем Стефаном (по-венгерски Иштваном) I. В честь этого события он приказал чеканить в Братиславе серебряные денарии с надписью по кругу PRESLAVVA CIV(VITAS) на реверсе и +SPHANVS REX на аверсе. Монетный двор работал короткий срок, потому что менее чем через год после своей коронации король Стефан I вступил в конфликт с Болеславом Храбрым. Болеслав Храбрый в результате военных действий овладел всей территорией Нитранского княжества до самого Дуная и отдал его в управление Ладиславу Лысому (сыну Михаила). Венгерско-польская хроника дает точное описание южных и восточных границ Нитранского княжества. Южной границей вплоть до Эстергома являлся Дунай. Оттуда граница шла на восток к Новоградским и Буковым лесам, затем к излучине реки Тисы. На востоке границе Нитранского княжества образовывали гребни Земплинских и Сланских гор. От них пограничная линия тянулась через Ондавскую возвышенность к общей венгерско-польско-русской пограничной точке на главном гребне Карпат.

Польское господство над Нитранским княжеством продолжалось вплоть до конца 20-х гг. XI в. Воспользовавшись ослаблением центральной власти в Польше, Стефан приблизительно в 1029 г. захватил Нитранское княжество. Он изгнал оттуда Ладислава Лысого и посадил на нитранский княжеский престол своего сына Имре. Он княжил недолго, так как в 1031 г. погиб на охоте. Удельным князем в Нитре стал второй сын Михаила Вазул, который до этого долгое время прожил среди язычников в северо-восточном пограничье Венгрии. Однако Стефан I решил исключить Вазула из числа потенциальных наследников королевского престола. Сначала

он велел заточить его в Нитре в темницу, а затем ослепить. Сыновья Вазула Левенте, Андрей и Бела эмигрировали за границу. Король Стефан назначил управлять уделом в Нитре Себеппа из рода Познанов.

После смерти Стефана I в 1038 г. на королевский престол вззошел его племянник венецианец Петер I Орсеоло. Петер откровенно отдавал предпочтение своим германским и итальянским придворным по сравнению с венгерской аристократией. Это вызвало всеобщее недовольство, и после трех лет правления его сверг шурин покойного короля Самуэль Аба. Петер I попросил помощи у германского императора Генриха III, который вместе с чешским князем Бржетиславом в 1042 г. вторгся в Венгрию, причем Бржетислав захватил большую часть юго-западной Словакии. Нитранский удел, состоявший тогда из 9 комитатов, император Генрих по совету Бржетислава отдал в управление сыну Ладислава Лысого Домославу (Богуславу). Его признали своим гегемоном и верхи нитранского общества. Но после ухода чешских войск Самуэль Аба изгнал Домослава из страны. Петер I в 1044 г. снова пришел к власти в Венгрии, однако через два года против него вспыхнуло так называемое восстание язычников. Восставшие призвали в Венгрию сына Вазула Андрея, который в 1046 г. взял власть в свои руки. По всей вероятности, из Чехии вернулся и Домослав и снова стал удельным князем в Нитре. Но в 1048 г. он умер.

1.3. Период подъема Нитранского княжества

Король Андрей (Эндре) I пригласил на освободившийся княжеский престол в Нитре своего младшего брата Белу, который до этого жил в Польше, там же подрастали и его сыновья Геза и Ладислав. Король вверил ему в управление так называемую треть королевства. К Нитранскому удельному княжеству он присоединил и Бихар, благодаря чему возникла обширная территориальная единица, состоящая из 15 комитатов. Из них 11 комитатов составляло Нитранское княжество и 4 комитата — Бихар. В 50—60-х гг. XI в. необычайно возросла роль Нитранского княжества как экономически самой развитой части трети королевства. Князь Бела на вверенной ему территории правил совершенно самостоятельно. У него было собственное войско, а в своей резиденции Нитре он разрешил и чеканить монеты, ценность которых была выше, чем у королевских денариев. Не исключено, что в тот период у него имелось серебро, добытое в банскопштявницкой области. Свой стольный град Нитру он дал укрепить мощным перевоземляным валом камерной конструкции.

Отношения между братьями — королем Андреем и удельным князем Белой начали ухудшаться в конце 50-х гг. XI в. Андрей I в 1058 г. короновал в качестве наследника престола своего пятилетнего сына Соломона и стремился избавиться от брата Белы. Опасаясь за свою жизнь,

Бела в 1059 г. бежал в Польшу. С помощью польского войска Болеслава II Смелого он в следующем году вернулся в Венгрию и в битве на реке Тисе одержал победу над братом Андреем, который вскоре умер от полученных ран. В 1060 г. венгерским королем был коронован Бела I, а правителями удельного Нитранского княжества стали его сыновья Геза и Ладислав. Король Бела I умер в 1063 г. во время военного похода против наступающих войск германского короля Генриха IV. На освободившийся королевский престол Генрих посадил малолетнего сына Андрея Соломона. Сыновья Белы опять попросили помощи у Болеслава II Смелого, который после ухода короля Генриха IV напал на Венгрию и победил Соломона. В 1064 г. сыновья Белы помирились с Соломоном. Но Соломону пришлось согласиться с тем, что Геза остался правителем Нитранского княжества, а Ладислав — Бихаром. Через восемь лет снова обострились отношения между удельными князьями Гезой, Ладиславом и Лампертом с одной стороны и королем Соломоном — с другой, поскольку король старался ограничить их фактически независимое положение. Князьям удалось склонить на свою сторону оломоуцкого князя Оту, моравские отряды которого умножили наличные военные силы Гезы и Ладислава. Взаимное вооруженное противостояние закончилось полной победой удельных князей в битве при Модьороде 14 марта 1074 г., где особой храбростью отличились нитранские колонны. После этой победы Геза I стал венгерским королем (1074—1077), а братьям Ладиславу и Ламперту вверил управление третью королевства. После непродолжительного правления Гезы новым венгерским королем стал Ладислав (Ласло) I (1077—1095), который по укоренившемуся обычаю передал удельное герцогство брату Ламперту, но весьма значительно урезал его политические, экономические и военные правомочия. Однако он подтвердил его княжеский титул и сумму доходов, необходимых для содержания его двора в Нитре. Король Ладислав I в 1083 г. добился канонизации первых венгерских святых. Первыми были объявлены святыми отшельники Сворад и Бенедикт, затем чанадский епископ Герхард и, нагонец, первый венгерский король Стефан I и его сын Имре. Король Ладислав много сделал и для окончательного оформления церковной организации, и для защиты своей страны от агрессии Генриха IV и печенегов с востока. Он великодушно освободил из заточения своего противника Соломона, который до конца своей жизни тщетно старался вернуть себе власть над Венгрией.

1.4. Конец Нитранского удельного княжества

После смерти Ладислава I в 1095 г. венгерским королем стал сын Гезы Кальман, которого первоначально прочили в духовное служение.

Треть королевства (Нитранское и Бихарское удельные княжества) Кальман хотя и вверил своему брату Альмошу, но существенно ограничил его правомочия. Вскоре из-за этого между братьями установились напряженные отношения. В 1098 г. возникла опасность открытого конфликта, который, однако, удалось урегулировать. В 1105 г. Альмош отправился в Пасов искать помощи у императора Генриха IV. После вмешательства императора Кальман в следующем году согласился принять брата обратно, но отказался вернуть ему треть королевства. В 1106 г. Альмош обратился с просьбой о помощи к своему зятю Болеславу III Кривоустому. С помощью польского войска и своих приверженцев он затем захватил новый Абовский замок. Но и на сей раз до военного сражения дело не дошло, так как братья снова помирились. Альмош предпринял паломничество в Иерусалим. Однако по возвращении он опять стал искать союзников против брата. В 1108 г. неутомного князя поддержал новый германский король Генрих V, и вместе с чешским князем Святополком они вторглись в Венгрию. Генрих осадил Братиславу, а Святополк предавал огню и мечу юго-западную Словакию. Наконец был заключен мир, договор предусматривал в том числе и восстановление мирных отношений между братьями. Однако Кальман и после этого не думал отдавать брату Альмошу треть королевства. Напротив, он решил совсем исключить возможность его дальнейших притязаний на власть. Он ликвидировал институт удельного княжества, а Альмоша и его малолетнего сына Белу приказал ослепить. Недовольную нитранскую знать Кальман привлек на свою сторону тем, что по его инициативе здесь было восстановлено епископство.

Нитранское удельное княжество, которое, особенно во второй половине XI в., представляло собой относительно независимое образование, управлявшееся представителями династии Арпадов, после свыше 100 лет своего существования ушло в прошлое. Само его существование, несомненно, явилось продолжением идущей из древности традиции Великой Моравии.

2. Венгрия и Словакия в XII веке

В начале XII в. центр тяжести венгерской внешней политики сместился на юг, где королю Кальману после вооруженной интервенции удалось в 1102 г. получить корону хорватского короля, благодаря чему была создана личная уния Венгрии и Хорватии. Обстановка в юго-западной Словакии в течение XII в. стабилизировалась, потому что с военным вмешательством германских императоров и их союзников, чешских князей, было покончено. 13 мая 1116 г. новый венгерский король Стефан II на дружеской встрече с чешским князем Владиславом на пограничной

реке Ольшаве опрометчиво дал вовлечь себя в военный конфликт, который закончился поражением венгров. Следствием этого явилась уступка территории между Белыми Карпатами и реками Моравой, Ольшавой и Величкой в пользу чешского княжества. Этим актом была установлена взаимная граница. А также начала постепенно заселяться прежде малолюдная пограничная территория (пограничная полоса) в Загоре.

В следующее десятилетие король Стефан II вмешался в междоусобицы русских князей. В 1123 г. как союзник князя Ярослава он ходил на Владимир-Волынский и приступил к осаде Владимирского кремля. Однако недовольные венгерские сановники во главе с Козмой из рода Познанов отказались продолжать это авантюрное военное предприятие и заставили Стефана вернуться в Венгрию. Но в 1124 г. он возместил эту неудачу успешным наступлением на Далматинском побережье и отвоевал у Венеции утраченные ранее земли, за исключением Задара. Тем не менее в следующем году в результате вмешательства венецианского флота Венгрия снова потеряла Далмацию. Более удачно король воевал с Византией. В 1127 г. он захватил византийские города Белград, Браничево, Ниш, Средец. В следующем году императору Иоанну Комнину удалось вернуть себе потерянные города. В 1129 г. Стефан с помощью чехов взял Браничево и Срем и заключил мир с императором.

Поскольку король Стефан II (1116—1131) не оставил мужского потомка, новым королем выбрали его племянника Бела II Слепца. Вскоре после коронации Бела II созвал в Араде государственный совет, где он вместе с женой Еленой приказал казнить 68 сановников, на совести которых было ослепление короля и его отца Альмоша. С притязаниями на власть в Венгрии выступил и незаконный сын Кальмана Борис. С помощью войск польского князя Болеслава III Кривоустого он вторгся в восточную Словакию. Однако в битве на реке Сланой 22 июля 1132 г. королевское войско, усиленное австрийскими отрядами, нанесло поражение Болеславу и Борису, которые спаслись бегством в Польшу. По подозрению в неверности королю Беле II поплатился жизнью сановник Ламперт и его сын Николай из рода Гунтов, которые на заседании королевского совета высказали предположение, что Борис имеет наследственные права. Разъяренные сторонники короля забили их до смерти креслами, на которых сидели во время совета.

Бела II Слепец воспользовался ослаблением Византии и в 1136—1137 гг. овладел Сплитом и частью Боснии в бассейне реки Рамы. После скоропостижной смерти Бела II королем стал его сын Геза II (1141—1162). До его совершеннолетия Венгрией правила вдовствующая королева Елена и ее брат Белаш (Белуш), который был хорватским баном и палатином. В 1146 г. незадачливый претендент на венгерский трон Борис снова пытался занять престол. Силами германских наемников он захватил Братиславу.

ву, но в итоге акция в целом потерпела крах, и король Геза за деньги взял Братиславу в свои руки. Даже эта неудача не остановила Бориса, и в 1147 г. он объявился в Венгрии с французским войском короля Людовика VII, который в рамках крестового похода направлялся в Святую Землю. Венгерский король потребовал его выдачи, но безрезультатно. Борис с войском Людовика пересек страну и осел в Византии. В последующие годы он и оттуда не оставлял в покое южные области Венгрии.

Еще при жизни короля Гезы II его брат Стефан начал готовить заговор с целью захвата власти. Когда заговор был раскрыт, Стефан бежал в Германию, а оттуда в Византию. Вскоре после восшествия на венгерский престол сына Гезы Стефана III (1162—1172) архиепископ калочский короновал дядю Стефана — Ладислава, византийского ставленника, которому с византийской помощью удалось одержать победу при Капуваре над племянником Стефаном III. Через полгода правления Ладислав II умер при загадочных обстоятельствах. Новым антикоролевским ставленником Византии стал младший брат Ладислава Стефан IV. Он тоже только 5 месяцев удержался на венгерском троне. В июне 1163 в битве под Секешфехерваром Стефан III одержал над ним победу и снова взял власть в свои руки. Осенью того же года Стефан III заключил мир с византийским императором Мануилом I Комнином. Император перестал поддерживать Стефана IV и получил от Венгрии Срем. Договор был скреплен обручением младшего брата короля, Белы, с дочерью императора. Но условия договора не соблюдались, и в последующих венгерско-византийских войнах Венгрия потеряла не только Срем, но и всю Далмацию.

Открытое вмешательство Византии в венгерские дела закончилось только с восшествием на престол короля Белы III в 1172 г. Уже на первом этапе своего правления он использовал опыт, полученный им во время пребывания в Византии. Ему принадлежит заслуга восстановления сильной королевской власти и укрепления экономической обстановки в стране. При нем возникла королевская канцелярия, которая облакала в письменную форму королевские решения и жалования. Консолидация обстановки в целом проявилась и в чеканке монеты высокого достоинства. Бела вернул все территории, которые Венгрия утратила в предыдущий период (Срем и далматинское побережье), а его державные интересы были направлены на северо-восток, на Галич. Здесь он пытался поставить королем своего младшего сына Андрея. Следствием этих устремлений явились интенсивные контакты с Польшей и Галицко-Волынскими князьями, которые осуществлялись через территорию Спиша и восточной Словакии.

Правлением Белы III закончился период так называемого патримониального королевства, когда абсолютно преобладало королевское землевладение и король фактически имел неограниченную власть в стране.

После его смерти в 1196 г. в этом отношении произошли значительные перемены, которые полностью трансформировали характер политического устройства.

3. Экономика, социальные отношения и культура в X—XII веках

В словацкой истории эпохи раннего средневековья принципиальное значение имеет проблематика непрерывности славянско-словацкого населения в IX—XI вв. В венгерской историографии имеет место точка зрения, согласно которой великоморавское население на территории Словакии в течение X в. перестало существовать и новое население начало складываться лишь с XI в. Словацкая же историография, исходя из исторических и лингвистических источников и прежде всего на основе археологических находок, отстаивает точку зрения непрерывности населения на территории Словакии. Для обозначения автохтонного этноса начиная с X в. мы будем употреблять вместо древнего этнонима “славянин” или “словен” обозначение “словак”, потому что именно в течение X в. шел процесс дивергенции между западными славянами и начали формироваться отдельные народности.

На всем протяжении X в. население на территории Словакии не претерпело сколько-нибудь существенных изменений. Традиционно наиболее густая сеть поселений находилась в юго-западной Словакии. В районах нижнего Погронья, Пожитавья, среднего и нижнего Понитрия и в Поважье жила почти половина тогдашнего населения. Более или менее густо заселенными были и области на юге средней Словакии и Восточнословацкая низменность. В гористой местности поселения были сравнительно более редкими и сосредоточивались в горных котловинах и по прибрежным равнинам наиболее значительных водных потоков. По мере того, как на протяжении XI—XII вв. формировалось политическое устройство, возрастала и плотность населения. Новые поселения возникали на основе обычного права из переизбытка популяции местных жителей. С точки зрения этнического состава на территории Словакии самыми многочисленными были словаки. В южных областях существовали анклавы сплошь венгерского населения. Вследствие естественной ассимиляции этнически смешанная среда постепенно исчезла, и произошло стабильное словацко-венгерское языковое размежевание. С середины XII в. в некоторых районах (окрестности Братиславы, юго-западная Словакия, Спип) спорадически оседали иноземные новопоселенцы, главным образом из германских стран. Численность населения, жившего на территории Словакии, в конце XII в. составляла предположительно от 200 до

250 тысяч человек. Сообщение между отдельными областями обеспечивала густая сеть раннесредневековых путей. Наибольшее значение для международных торговых связей имел Дунай вместе с дорогами вдоль его течения. Для товарообмена с отдаленными странами важнейшее значение имел торговый путь из Моравии в Поважье к граду Бана и далее на юго-восток к Нитре, от нее к Эстергому и до Буды. Однако эту исконную трассу спрямила обходная дорога от Загорья через Сеницу и Трстин до Трнавы и далее на Шинтаву, что в конечном итоге оставило Нитру в стороне от торговой связи с дальним миром. Сохраняли свое значение и дороги, идущие по землям Поважья и особенно Понитрия, связывавшие южные районы с Турцем, а через Ораву и с Польшей. В области средней Словакии очень важен был коммуникативный путь, идущий по землям бассейна реки Ипель в восточном направлении. В восточной Словакии наиболее оживленным связующим звеном была дорога, ведущая в Малую Польшу и далее.

Основополагающей отраслью экономики натурального хозяйства было земледелие. На территории Словакии оно продолжало развиваться в традициях, идущих от великоморавского периода. Эту функционирующую модель после прихода в Карпатскую котловину постепенно переняли и мадьяры. Их исконным главным занятием было скотоводство, которое, однако, в рамках новой территории вести было невозможно. После поражения на Лехе в 955 г. они были вынуждены перейти к оседлости. Так называемые заимствования славянской сельскохозяйственной терминологии в венгерском языке свидетельствуют, что землепашеству венгерские племена учились у подунайских славян.

Многообразные потребности нарождающейся государственной власти и ее высших слоев в Венгрии обеспечивала широко разветвленная организация обслуживающей отрасли. Ее истоки закономерно разыскиваются в высшей фазе подъема Великой Моравии. Династия Арпадов использовала существовавшие поселения обслуживающего характера и в ходе развития еще и усовершенствовала эту модель. Посредством организации обслуживания правящим слоям и их аппарату власти предоставлялись продукты питания, одежда, обувь, оружие, щиты, украшения, жизненный комфорт, увеселения, вывоз собранной продукции натурального хозяйства и т. д. Поселения обслуживающей функции формировались из лично зависимого крестьянства. Кроме занятия земледелием, это население выполняло специализированные обязанности по обслуживанию, которые заменяли выплату натуральных оброков властью имущим. С точки зрения специализации оно делилось на две основные группы: на деревенских ремесленников (кузнецы, изготовители щитов, жерновов и точильных камней, плотники, гончары, золотых дел мастера, плавильщики железа). Другую группу составляли служители, вы-

полнявшие специальную работу для господствующих слоев: виноделы, медовары, булочники, возчики, вязальщики сетей, лесники, рыбаки, сокольники, псары, охотники. Особую группу непосредственно королевских слуг составляли дворовые люди (удворники), которые были посажены на королевские надельные земли и исполняли самые разнообразные обязанности по обеспечению нужд королевского двора.

В раннем средневековье большое внимание уделяли добыче драгоценных металлов (золота и серебра) и железа. С территории Словакии доставлялось достаточное количество этого сырья. В некоторых местах полезные ископаемые залегают в так называемом окисном поясе близко от поверхности земли, поэтому для их добычи не требовалось прилагать больших усилий. В эту эпоху широко практиковалась и промывка золота в водных потоках, что отразилось и в местной топонимике (Златники, Златно, Златна). Когда поверхностные залежи истощились, то уже в конце XII в. стали переходить на глубинную добычу. Самый большой и самый богатый залежами серебра участок находился в Банской Штьявнице и ее окрестностях. Не позже рубежа XII—XIII вв. с приходом сюда горняков из Тироля произошел переход на интенсивную глубинную добычу. Богатейшие поверхностные залежи железной руды в этот период имелись в Словацких Рудных горах. При плавке железа в так называемых словацких печах применялась та же технология, что и в IX веке.

Несмотря на преобладание натурального хозяйства, в течение XI—XII веков наблюдается и все возрастающий товарообмен и торговля не только в рамках Венгрии, но и в международном масштабе. На существование торговых точек и транспортировку товаров указывают торговые и пошлинные предписания, изданные первым венгерским королем Стефаном I. В соответствии с ними, торговые пошлины были обязаны платить не только покупатели, но и торговцы, продававшие на местных рынках излишки собственной сельскохозяйственной продукции или ремесленные изделия. В раннем средневековье густая сеть рынков существовала главным образом в юго-западной Словакии. Еженедельные торги регулярно происходили в подградьях комитатских замков (градов), на скрещении основных торговых путей или вблизи оживленных речных переправ. В более старое время часто встречаются еженедельные воскресные торги. Однако эта практика отвлекала верующих от воскресных богослужений. Король Бела I распорядился, прежде всего под давлением церковных иерархов, проводить торги по субботам. Но торги велись и в другие дни недели, о чем говорят местные названия типа Стреда (среда) или Штврток (четверг).

Необходимым средством развития торговой деятельности были деньги. В Венгрии начал чеканить первые монеты (полденарии) король Стефан I. Кроме столичного города Эстергома, непродолжительное время

чеканили монету и в Братиславе. Во второй половине XI в. в Нитре чеканили монеты удельных князей. Их обнаружили в массовом количестве на территории юго-западной Словакии. В эту эпоху был в порядке вещей ежегодный обмен монеты. Старые большего достоинства монеты изымались из оборота и заменялись новыми, как правило, с более низким содержанием драгоценного металла. Однако общий объем денег в обороте был недостаточен, поэтому купля и продажа обычно осуществлялись и посредством переплавленного в монету серебра.

Раннесредневековое общество наверняка уже было дифференцированным. Положение отдельных социальных групп напрямую зависело от их землевладений. Полноправными собственниками земли могли быть государство (корона), члены правящей династии, представители старинных родов, королевские сервиенты и церковные институты. Государственной или замковой землей управляли королевские жупаны, а обрабатывали ее свободные или полусвободные замковые люди. За право пользования ею они отчисляли чиновникам жупана предписанные налоги, первоначально же часть замковых людей подлежала и воинской повинности. Земля, принадлежащая непосредственно правящей династии, обрабатывалась в системе королевских наделов. Вначале ее обрабатывали несвободные удворники (венг. *udvarnok*), которым орудия труда и все необходимое предоставлял король. В эпоху раннего средневековья абсолютно преобладающим было королевское землевладение.

Гораздо меньшими площадями земли располагали в раннем средневековье представители старинных родов, которые поступили на службу к Арпадам и таким образом сохранили за собой часть родовых вотчин (Гунт-Познаны, Богат-Радваны, Мишковицы и т.д.). Как правило, на последующих этапах развития эти землевладения приумножались благодаря дальнейшим пожалованиям. Землю за службу династии могли получить на основе пожалований и королевские сервиенты и замковые рыцари (иобагионы), и даже иноземные рыцари. Однако лишь в исключительных случаях речь шла о владениях более или менее больших размеров. Земельные владения нарождающегося дворянства обрабатывали несвободные крестьяне, которые во всем были зависимы от своего землевладельца. Он мог их продать, подарить, а в виде исключения и отпустить на свободу.

С начала строительства венгерского государства постепенно получала земельную собственность и церковь. Однако в отличие от других стран, ее общая площадь никогда не превышала 10—12%. Чаще всего церкви (епископствам, капитулам, монастырям) жаловали землевладения короли и другие члены правящей династии, в меньшей степени и представители знати. Дарение собственности в пользу церкви мотивировалось стремлением обеспечить после смерти спасение своей души. Поэтому такие

дарители назывались «душевниками». Небольшими земельными площадями располагали и свежестроенные приходские церкви. На королевской земле им предоставлял землю король, во владениях знати участок им выделял основатель, который становился светским патроном церкви. Еще на рубеже XII—XIII вв. начали происходить существенные изменения в структуре землевладения в стране. Несмотря на постоянное преобладание, королевские (коронные и замковые) владения уменьшались, а в противовес им росло количество дворянских и церковных владений. Параллельно с этим процессом уменьшалась и численность несвободных (крепостных) и росло число полусвободных крестьян, посаженных на землю, на которую они имели только право пользования.

При хозяйствовании на замковой земле в некоторых окраинных областях Словакии еще встречаются территориальные общины отдельного конкретного поселения (*vicinat*). В старое время в литературе делались попытки толковать это явление в смысле общинной собственности на землю. Однако этого уже не могло быть, так как собственником земли являлся земельный магнат. Все же мы встречаем случаи совместного пользования сельскохозяйственными угодьями, но главным образом лугами, пастбищами и лесом. На более позднем этапе эволюции произошло постепенное отрицание хозяйствования в рамках территориальной общины, и каждый хозяин имел участок земли в строго установленных границах.

Венгерское королевство со времен короля Стефана I делилось на более мелкие организационно-административные единицы, которые назывались комитатами, или королевскими жупами. В середине XI в. на территории Словакии их было 11. Эта территориальная организация явилась продолжением более старой системы округов замков, которая на территории Словакии действовала еще в период Великой Моравии. Неразрывность с предшествующим периодом была доказана археологическими данными на многих комитатских замках, например, в Братиславе, Нитре, Старом Текове, Земплине. Центром комитата был замок, которому подчинялся соответствующий замковый округ. Во главе комитата стоял королевский жупан, который командовал жупными (комитатскими) военными силами и был судьей во всех спорах между жителями жупы. Он исполнял и все административные функции и собирал для короля натуральные оброки и пошленные платежи с подвластного населения. Все эти функции он выполнял с помощью своих служащих, которых сам отбирал и вознаграждал. В качестве вознаграждения за исполнение обязанностей в аппарате жупы служащий получал треть собранных им налогов и оброков. Нижнюю ступень административного аппарата королевских комитатов представляли замковые воины (иобагионы), которые занимали низшие административные должности, имели низшие воинские звания и составляли замковый гарнизон. Служащие коро-

левского двора подчинялись не комитатской администрации, а особым жупанам служащих двора.

3.1. Преемственность (континуитет) христианства

О непрерывности существования словаков в IX—XI вв. на территории севернее Дуная свидетельствует, в частности, тот факт, что христианство раннего средневековья сохраняло верность наследию довенгерского периода. Венгерские племена, придя в Карпатскую котловину, обнаружили обращенное в христианство население главным образом в Задунавье и в юго-западной Словакии. Распад политической власти обусловил и гибель высшей церковной организации. В центрах замковых округов дело дошло даже до разрушения сакральных строений. Однако на не занятых мадьярами территориях христианство могло сохраниться, особенно на низшей организационной базе. О его непрерывном существовании и в X в. говорит старомадьярская церковная терминология, построенная на славянской языковой основе. Несомненное доказательство сохранения христианского погребального обряда дошло до наших дней в Дуцове у Пештян, где и после разрушения здешней ротонды приблизительно в 950—960 гг. местное население никогда не прекращало хоронить своих умерших вплоть до XIII в. Проявления принадлежности к христианскому вероисповеданию в первой половине X в. ограничивалось крещением, знанием основных молитв и христианским обрядом погребения без сопутствующих жертвенных предметов.

Таким образом, очень быстрая христианизация Венгрии, начавшаяся в 70-х гг. X в., имела подготовленную почву всюду там, где жили потомки христианизированного во времена Великой Моравии славянского населения. Кроме того, в связи со Словакией нет никаких сведений о так называемых восстаниях язычников, посредством которых в короткий срок христианизированное венгерское население из области Потисья намеревалось вернуться к старым языческим обычаям и вольностям.

На продолжение христианской традиции в юго-западной Словакии указывает и факт восстановления бенедиктинского монастыря св. Ипполита под горой Зобор у Нитры. Заботу о ветшающем монастыре взяли на себя представители местного знатного рода Познанов, они стали его светскими патронами и отдали ему в дар часть своих родовых имений. Во времена коронации короля Стефана была учреждена венгерская церковная провинция с главной резиденцией в Эстергоме. Ведению его собственного эстергомского архиепископства подлежала преобладающая часть территории Словакии, за исключением комитатов Абов, Турня и Земплин. Несомненно, речь шла о тех землях, которые некогда принадлежали Нитранскому епископству, основанному в 880 г. И при восстановле-

нии Нитранского епископства в начале XII в. наверняка учитывали эту традицию далекого прошлого. Однако в связи с ее восстановлением возникла проблема с определением границ епископства. Все Понитрие уже давно было составной частью эстергомского архиепископства. Поэтому территорией епископства стала только Нитра с прилегающими окрестностями и Тренчинский комитат, который до этого, наверное, не входил в ведение Эстергома. Еще до восстановления нитранского епископства в Нитре существовал капитул во главе с пресвитером. После восстановления епископства собственность пресвитерия унаследовали нитранские епископы. Затем капитул коллегиальный был преобразован в кафедральный, но должность пресвитера уже не восстановили. Объединенный капитул во главе с пресвитером существовал и в Братиславе. При этих двух капитулах могли, согласно королевскому установлению, вершиться и так называемые божьи суды. Младшим церковным институтом был Спишский капитул. Его возникновение датируется самым концом XII в. Епархии делились на архидьяконаты. Их районы, как правило, совпадали с территорией тогдашних комитатов. Самую нижнюю ступень вертикали церковного управления составляли приходы. В те времена в их районы входило несколько деревень, так как небольшие поселения в отдельности были бы не в состоянии содержать своего священника.

Наряду со старейшим монастырем под Зобором в XI—XII вв. возникали и новые бенедиктинские монастыри. Геза I еще в бытность свою удельным князем основал около 1075 г. монастырь в Гронском Святом Бенядики. Около 1130 г. светский магнат Ламперт из рода Гунтов основал в Бзовике бенедиктинское аббатство. Небольшие монастыри появились и в Клиже, Луданицах и в Красной-над-Горнадом. Это были так называемые монастыри-усыпальницы знатных фамилий. Во второй половине XII в. возникли монастыри премонстрантов в Лелеше и Ясове.

Раннесредневековых сакральных памятников в неперестроенном виде сохранилось очень мало. К дороманскому периоду относят старейшее сохранившееся до наших дней здание с настенной росписью внутри в Костолах близ Трибеча. Небольшие романские так называемые частновладельческие территориально-общинные церкви стоят с тех времен в Дражовцах, Клиже и в Поминовце близ Илавы.

Самые древние памятники литературы раннего средневековья представлены легендами о житии святых. Из венгерских памятников, персонажи которых жили в юго-западной Словакии, старейшим является легенда о Свраде-Андрее и Бенедикте. Эти святые-отшельники подвизались на Зоборе и на Скалке близ Тренчина. Легенду записал когда-то в 60-х или в начале 70-х гг. XI в. печский епископ Маурус, родом предположительно из окрестностей Нитры. Оба святых после восстановления нитранского епископства в начале XII в. объявлены его сопатронами (на-

ряду со св. Эммераном). Это самые древние словацкие святые, культ которых наиболее достоверно относится к области юго-западной Словакии.

В раннем средневековье церковь имела первостепенное значение. Церковные институты, помимо собственно религиозной миссии, играли очень важную роль в распространении культуры, образованности и в социальном попечительстве. Древнейшие библиотеки, где хранились бесценные кодексы, находились при наиболее значительных церковных институтах. В Нитре до наших дней сохранилось евангелие, которое было написано на рубеже XI—XII вв. вероятнее всего в скриптории гронско-бенядикского монастыря. При Нитранском капитуле уже в XI-начале XII вв. действовала школа. Есть упоминания о том, что в Нитре в середине XII в. существовало лечебное заведение, которое выполняло функции больницы и богадельни. В Нитре как самом древнем и самом значительном городе эпохи раннего средневековья доказано и существование большой еврейской общины.

4. Венгрия и Словакия в XIII в.

В течение XIII в. произошли значительные экономические и общественно-политические изменения, в ходе которых раннее средневековье превратилось в развитое средневековье. Новым элементом в Венгрии стали привилегированные средневековые города, которые способствовали подъему ремесленного производства и развитию товарно-денежных отношений. После опустошительного татарского нашествия было построено очень много каменных замков (градов), а этнический облик Словакии стал пестрым.

Преемник короля Белы III Имре (1196—1204) все годы своего правления был вынужден бороться со своим младшим братом Андреем. В итоге, потеряв терпение, он в конце 1203 г. заточил его в темницу в Эстергоме. Однако в начале 1204 г. сторонники Андрея во главе с Гунт-Познанами освободили его и стали его ближайшими доверенными лицами. После смерти Имре он короткое время был наместником, а в 1205 г. его короновали венгерским королем. Первые два десятилетия своего правления Андрей II (1205—1235) посвятил организации военных походов на Галич. Но все они закончились без ощутимых результатов и невероятно обременили королевскую казну. По зрелом размышлении Андрей II нашел выход из положения в том, что начал раздавать крупным землевладельцам большие имения, королевские замки, а в отдельных случаях и целые комитаты. Для того, чтобы получить необходимую денежную наличность, он постепенно отдавал регальные права на откуп еврейским и сарацинским банкирам. Вследствие неосмотрительной политики пожа-

лований короля Андрея II прежде преобладающее королевское землевладение стало распадаться, а мощь земельных магнатов расти. Это вызвало тревогу королевских сервиентов, а также церкви. Королевские сервиенты и замковые иобагионы чувствовали грозящую им от политики короля опасность и добивались подтверждения своих прежних привилегий. В стране назревало всеобщее недовольство, которое достигло кульминации в 1222 г. Король Андрей II был вынужден издать Золотую буллу, где он впервые в письменной форме взял на себя обязательство уважать привилегии королевских сервиентов и замковых иобагионов. Король обещал созывать в день святого короля Стефана (20 августа) в Секешфехерваре собрание, куда мог придти любой сервиент и подать королю или палатину свою жалобу. Король не мог без суда заключить в тюрьму сервиента или отнять у него имущество. Сервиенты освобождались от обязанности платить королевскую дань (*colecta*) и денарии свободных. Король упорядочил и гарантировал наследственные права сервиентов и иобагионов. Он уточнил обязанности и судебное правомочие жупанов, которому сервиенты не подлежали. В случае вражеского нападения на страну сервиенты были обязаны вступить в войско короля на собственный счет. Участие сервиентов в походах за пределы Венгрии было добровольным, и расходы брал на себя король. Если сановник, занимающий какую-либо должность на королевской службе, погибнет в бою, его должность наследует его сын или брат. Король дал обязательство на будущее не жаловать в наследственную собственность ни целые комитаты, ни королевские звания. Он гарантировал старинные права замковых иобагионов и госпитов, переселяющихся из других стран. Король обязался чеканить качественную монету, а евреев и измаильтян отстранить от ведения дел, связанных с монетным двором, торговлей солью и сбором налогов. Король обещал не допускать совмещения придворных и жупанских должностей в руках влиятельных личностей. В случае нарушения им установлений Золотой буллы епископы и знать имели право на сопротивление.

Впоследствии король и его сыновья подтвердили действие ее установлений, но Андрей II свои обязательства не соблюдал и обещаний не держал. В оппозиции к королю оказался даже его сын Бела IV, стремившийся воспрепятствовать щедрым пожалованиям королевских земель. Но свои намерения он мог в полной мере реализовать только после восшествия на престол в 1235 г.

Король Бела IV (1235—1270) старался остановить процесс распада обширных королевских земельных владений. Он распорядился провести тщательную ревизию всех пожалований обоих своих предшественников, что вызвало недовольство со стороны земельных магнатов. В стремлении найти опору против могущественных баронов король стал оказывать всяческое содействие формированию привилегированных средневековых

городов (Трнава, Банска Штявница, Крупина, Зволен, Стары Теков). Однако этот многообещающий процесс был остановлен опустошительным татарским нашествием.

4.1. Татарское нашествие

Татары (или монголы) после своего объединения двинулись в военный поход на запад. В битве на реке Калке в 1223 г. они сокрушили русских князей вместе с их союзниками половцами. Татары продолжили свои завоевания и начали угрожать Венгрии. Формальным предлогом для их нападения послужило то обстоятельство, что король Бела IV поселил в восточной части страны печенегов, бежавших от татар. 11 апреля 1241 г. произошла битва между венгерским войском и татарами под предводительством хана Батыя. Из-за тактической ошибки венгерское войско оказалось в плотном кольце окружения на небольшом участке и было полностью уничтожено. Из окружения удалось вырваться только королю Беле IV с малочисленной дружиной. Преследуемый татарами, король бежал через Гемер в Нитру, где взял с собой в подкрепление часть здешнего замкового гарнизона. Из Нитры он последовал через Братиславу в Вену, но из-за недружественной позиции Фридриха Бабенберга не мог там оставаться, направился в Загреб и в итоге укрылся в Далмации. В конце апреля в Словакию ворвалась и вторая колонна татарского войска, которая до этого сокрушительным ураганом прошла Малую Польшу и Силезию и через Грозенковский перевал проникла в Поважье. После этого территория юго-западной Словакии подверглась многомесячному опустошению. Татары прошли вплоть до Банской Штявницы и Зволены. В январе 1242 г. они перешли по льду Дунай, захватили Эстергом и затем соединились с войсками, действовавшими в центральной части Венгрии. Атакам татар смогли противостоять только укрепленные города и замки. В начале февраля 1242 г. на территории Словакии еще сопротивлялись Нитра, Братислава, Комарно, Филяково и Абовский Новоград. Татарские орды опустошили и селения в Восточнословацкой низменности и по всей вероятности проникли и в Спиш. Сравнительно в меньшей степени были разорены горные районы Словакии, где у деревенского люда было больше возможностей укрыться.

Даже после внезапного ухода татар летом 1242 г. обстановка продолжала оставаться неблагоприятной. Следующей зимой в стране разразился голод, так как из-за татарского нашествия крестьяне не обработали свои поля. Возвращение короля Бела IV было осложнено конфликтом с австрийским герцогом Фридрихом Бабенбергом, который вторгся в юго-западную Словакию и дошел до Глоговца. Однако комитатским войскам Нитранской и Тренчинской жуп удалось нанести ему поражение. В стране

царил страх перед возможным возвращением татар. Бела IV сам выступил с инициативой перестроить старинные замки в каменные, разрешил и венгерским магнатам строить в своих владениях прочные каменные замки. В обезлюдевшую страну король пригласил из-за рубежа госпитов, главным образом из германских стран.

4.2. Войны за бабенбергское наследство и нарастание анархии при последних Арпадах

После смерти австрийского герцога Фридриха Бабенберга в 1246 г. между Арпадами и королями чешской династии Пржемысловичей началась затяжная борьба за бабенбергское наследство. Кульминацией этой борьбы явилась битва при Кройссенбрунне в 1260 г., когда Пржемысл Отокар II удалось наголову разбить венгерское войско. Потерпев поражение, Бела IV отказался от притязаний на бабенбергское наследство, с чем, однако, не согласился его старший сын Стефан, который в 1259—1260 гг. был штирийским герцогом. В 60-е годы Стефан прилагал усилия занять место соправителя. Заключенный в 1262 г. в Братиславе договор дал ему возможность получить титул младшего короля и в придачу удел в восточной части Венгрии (половину королевства, включая восточную Словакию и Спиш). Здесь Стефан действовал как абсолютно суверенный правитель и перестал подчиняться воле своего отца.

Сразу же по воцарении на королевском троне Стефан V (1270—1272) возобновил борьбу за бабенбергское наследство. Под предлогом расплаты за нападение половецкой конницы чешский король Пржемысл Отокар в апреле 1271 г. вторгся в юго-западную Словакию, где захватил замки Девин, Пайштун и Братиславу и приказал построить деревянный мост через Дунай. Прежде чем двинуться в Задунавье, он стал наступать в направлении Трнавы и далее к Нитре, которую захватил и сжег, затем дошел до Грона. В битве при Мопони 21 мая Пржемысл одержал маловыразительную победу. Впоследствии между воюющими сторонами был заключен в Вене мирный договор, по которому Стефан V отказался от притязаний на Австрию.

Напряженность в отношениях между Венгрией и Чешским королевством продолжалась и после безвременной кончины Стефана, когда на королевский трон взошел его 9-тилетний сын Ладислав IV (1272—1290). По распоряжению придворных кругов дикая половецкая конница в феврале 1273 г. совершила опустошительный набег на Моравию и Австрию. Ответной акцией в мае явилось нападение моравян, которые снова выбрали мишенью Нитру, захватили ее и разгромили. Кроме всего прочего сгорел и епископский кафедральный собор вместе с архивом. В конце июля в Венгрию вторгся и король Пржемысл во главе 60-тысячного вой-

ска и, не встретив более или менее серьезного сопротивления, вновь дошел до самого Вага. В сентябре 1273 г. он опять переправился через Дунай и прошел до Сомбатхея. Решающего сражения не произошло, потому что горское войско избегало открытой схватки. Получив известие, что германским королем избран Рудольф Габсбург (1 октября 1273), Пржемысл отвел войска из Венгрии. Однако во многих местах западного пограничья, в том числе в Братиславе, он оставил свои гарнизоны. Затянувшаяся взаимная вражда между Пржемыслом Отокаром II с одной стороны и Рудольфом Габсбургом и его союзником Ладиславом IV закончилась битвой на Моравском поле 26 августа 1278 г., в которой чешское войско было полностью разбито, а Пржемысл погиб в бою. Наследство после Бабенбергов досталось, однако, не Арпадам, а Рудольфу Габсбургу, который передал австрийские земли своему сыну Альбрехту.

Венгрия не извлекла никакой выгоды из своих внешнеполитических успехов. Король Ладислав и по достижении совершеннолетия не мог управлять страной. В Венгрии все большее влияние получала магнатская клика, представители которой один за другим сменялись на высших постах при дворе и награждали себя прежде всего беспрепятственным расхищением королевской казны и имущества. Король все чаще вступал в вооруженные конфликты с представителями отдельных магнатских родов и не колеблясь призывал на помощь в качестве союзников даже татар, которых войска магнатов побеждали без особых проблем. Под конец своего правления Ладислав IV часто сбегал в лагеря половцев, размещавшиеся в восточных районах страны. В Венгрии ширилась анархия, языческие нравы, и наступило всеобщее обнищание. В такой обстановке процветали только олигархи, которые в то время планомерно создавали обширные земельные домены и действовали в них как совершенно независимые властители. В восточной Словакии такого положения достиг Омодей из рода Аба, а в юго-западной Словакии все заметнее утверждался напористый род Чаков.

После неожиданной смерти Ладислава IV (его убили половцы) венгерскими сословиями был избран новым королем последний мужской представитель династии Арпадов Андрей III (1290—1301). Все годы своего правления он пытался консолидировать упавший престиж королевской власти. Но кроме отечественных противников, он был вынужден бороться за свое признание и с Габсбургами, и с римской курией. Его главным внутренним противником стала олигархическая группа магнатских родов, еще в предыдущий период сосредоточивших в своих руках обширные земельные владения, в которых они действовали как абсолютно независимые сюзерены. На территории Словакии доминирующее положение заняли роды Чаков и Омодея Абы. Король Андрей намеревался ограничить власть наиболее влиятельных магнатских родов и целенап-

равленно поддерживал среднее и мелкое дворянство. В 1298 г. он созвал государственный совет, на котором были приняты постановления, регулирующие отношения между высшими слоями тогдашнего общества и усиливающие королевскую власть. Однако реализации этих замыслов помешала олигархия, не заинтересованная в консолидации обстановки в стране. В это время часть ее открыто противопоставила себя королю и выступала в пользу антикороля Карла Роберта, внука неаполитанского короля Карла II и Марии Венгерской. Когда Андрей III в январе 1301 г. скоропостижно умер, завязалась борьба за престолонаследие.

4.3. Экономическое положение. Возникновение привилегированных средневековых городов

На протяжении XIII в. территория Словакии с точки зрения ее заселенности претерпела значительные изменения. Кроме традиционно густонаселенных областей, произошла колонизация предгорных и горных районов. Даже татарское нашествие не повлекло за собой столь сокрушительных последствий в возвышенных местностях, где было больше шансов спастись, да по сути дела и сами татарские конники старались обходить их стороной. Предполагают, что в середине XIII в. на территории Словакии существовало около 1500 деревень и поселков. Их число, благодаря внутреннему и внешнему дополнительному заселению, возросло, и в конце XIII в. численность населения на территории современной Словакии предположительно составляла 300 000 человек.

Преобладающим этносом по-прежнему оставались словаки. На юге Словакии в компактных анклавах проживали венгры, а в некоторых местах и смешанное население, которое подвергалось естественной ассимиляции преобладающим в данном месте этносом. Этнический облик Словакии стал еще более пестрым после прихода немцев, которые уже в начале XIII в. жили в Спише, в банскоптявницкой области, в Братиславе и в западной части Житного Острова. После татарского нашествия их численность увеличилась, так как приглашенные королем госпиты колонизовали местности, наиболее обескровленные татарами. Они осели главным образом в районе Малых Карпат, в среднесловацкой рудной области и в среднем и нижнем Спише. Немецкие колонисты стали преобладающим слоем и во всех более или менее значительных средневековых городах. Их численность, однако, никогда не превышала одной пятой от общей численности населения Словакии.

Весь XIII век земледелие по-прежнему оставалось главным источником средств существования для абсолютного большинства жителей. Старая система феодально-зависимых крестьян и удворников уже с конца XII в. переживала вялотекущий кризис и в течение XIII в. постепенно

отмирала. Часть ее функций, особенно ремесленное производство, сосредоточивалось в подградьях комитатских замков и центров торговли. В земледелии преобладала, как и прежде, двупольная система, которая, однако, перестала удовлетворять потребности растущей численности населения и постепенно сменялась трехпольем, когда под паром оставалась лишь треть от надела обрабатываемой земли. За XIII в. выросло значение горнорудного производства. Уже в начале столетия самым старым центром горного дела была Банска Штявница, где благодаря горнякам из альпийской области перешли к добыче руды на глубине. С середины XIII в. начала разворачиваться добыча руды и в окрестностях Банской Быстрицы и в нижнем Спише преимущественно в Гелнице. Древняя традиция добычи железной руды продолжалась в гемерско-турнянской области.

Развитие экономики требовало и усиленного дорожного сообщения между отдельными регионами. Более интенсивно стали использоваться дальние пути вдоль течения Вага и Нитры, обеспечивавшие связь северо-западной Словакии с Силезией и Малой Польшей. В XIII в. оживились контакты восточной Словакии с северными и северо-восточными соседями благодаря дороге вдоль Дуная и Торисы. На этой трассе торговых коммуникаций выросли Кошице и Прешов.

Новым феноменом в средневековой действительности стали привилегированные города. В предшествующий период тоже существовали поселения городского типа, но их жители по своему правовому и социальному положению в принципе не отличались от остального населения. Со второй трети XIII в. в Словакии на основе особых королевских привилегий появляются привилегированные города. Их население (обычно это госпиты, а также и местные *«ropuli»*, подданные) получило особый статус. Жители привилегированных городов были выделены из правомочий королевских жупанов и стали самоуправляющейся коммуной. Они могли избирать из своей среды руководство городской управы — бургомистра и городской совет, который одновременно служил и судом первой инстанции для горожан. Бургомистр, прежде чем занять пост, должен был быть утвержден королем, а в некоролевских городах — землевладельцем соответствующего города. Судебная компетенция могла быть полной и распространяться на все дела. Обычно ею наделялись только наиболее значительные королевские города (Трнава, Крупина, Зволен, Банска Быстрица, Нитра, Братислава). Некоторые города получили только низшие судебные правомочия (Ясов, Стары Теков, Светы Криж-над-Гроном, Бабина, Добра Нива, а первоначально и Кошице), там на судебном разбирательстве по тяжким преступлениям должен был присутствовать жупан или его чиновник, или землевладелец города. Жители городов имели право свободно распоряжаться своим движимым и недвижимым имуществом и могли свободно переселяться с места на место. Горожане

имели и право свободно избирать священника, без ограничения пользоваться земельными угодьями города. Они могли здесь охотиться, ловить рыбу, добывать камень и рубить лес для своих нужд.

Из экономических привилегий городов первостепенное значение имело право свободной рыночной торговли, причем собранные торговые пошлины принадлежали городу. Рынок приносил горожанам тем большую выгоду оттого, что они были освобождены от уплаты мыта — пошлины за провоз товара. В одних случаях это относилось только к каким-то конкретным местам, в других — к той или иной жупе, а применительно к самым значительным городам освобождение распространялось на провоз по всей стране. Жители горнорудных городов получали право свободного поиска и добычи руды не только на своей территории, но и в прилегающих владениях. Основопологающей обязанностью горожан была уплата земельной ренты. Жители горнорудных городов должны были доставлять в королевскую горную палату предписанную часть добытой руды (горная подать). В случае королевского визита город должен был подобающим образом угостить короля и его свиту и преподнести новогодние дары. Вначале города несли и воинскую повинность. В зависимости от количества усадеб они были обязаны представить определенное число наемников. Города делились на королевские (если они расположены на королевском домене) и частновладельческие (такowymi могли быть как светские, так и церковные феодалы). В принципе принято считать, что наиболее значительные города появились на королевской земле.

В течение XIII в. города постепенно становились и посредниками в международной торговле. Из Венгрии за границу, особенно в западные страны, вывозили главным образом сырье, вино, крупный рогатый скот и лошадей. Ввозили прежде всего сложные и более качественные ремесленные изделия, предметы роскоши и пряности. Из Польши импортировали соль, свинец и звериные шкуры, из древней Руси в основном меха и воск. На международную торговлю с западными странами и Средиземноморьем были ориентированы более всего Братислава и Трнава. В торговле с Польшей главную роль играла Левоча, а с 80-х гг. XIII в. посредником в международной торговле между Польшей и Трансильванией стал город Кошице.

4.4. Завершение системы комитатского административно-территориального устройства

Основными административно-территориальными единицами в этот период оставались королевские комитаты. На территории Словакии существовали комитаты (жупы): Братислава, Нитра, Тренчин, Комарно, Эстергом, Теков, Зволен (тогда в нее еще входили Турьец, Липтов и Ора-

ва), Гонт, Новоград, Гемер, Спип, Турня, Абов (в него входил и Шарип), Земплин и Унг (Уж). В юго-западной Словакии еще встречаются упоминания более мелких пограничных жуп. Ступава стала составной частью Братиславской жупы; Шинтава, Глоговец, Бана и Шаштин были присоединены к Нитранской, а Градняянская пограничная жупа (окрестности Бановец) вошла в Тренчинскую жупу. Необычное административно-территориальное устройство образовалось в Спише. Здесь наряду с жупным управлением существовала и жупа 10 спишских копьеносцев. Здешные саксы имели самоуправление, резиденцией их жупана (графа) была Левоча, а под 1274 г. упоминается и жуан словачков (*comes Sclavorum*). Во второй половине XIII в. в управлении жупами начинает участвовать и местное дворянство. Но королевских жупанов по-прежнему назначал король, а жупаны своими заместителями назначали своих фамилиаров (сервиентов). В конце столетия уже регулярно встречаются выборные судьи из дворян (губернаторы), которые стояли во главе районов жупы и одновременно имели и судебные полномочия. Тем самым жуны постепенно трансформировались в дворянские *сто'лицы*, где представители дворянства имели в своих руках и административную, и судебную функции.

4.5. Изменения в социальной структуре

В XIII в. произошли изменения и в социальной сфере. Ведущим общественным слоем стало дворянство. Наряду со старинным родовым дворянством сюда входили королевские сервиенты и иобагионы (воины) и сравнительно большое число замковых иобагионов (воинов), которые за службу правящей династии получили земельную собственность. С формально-правовой стороны дворянство должно было составлять единую группу с одинаковыми правами. Однако в зависимости от размера собственности во владении и служебного положения дворянство уже в то время делилось на высшее дворянство (баронов), к которому принадлежали обладатели крупнейших земельных владений и сановники, и среднее дворянство, состоявшее из многочисленных потомков старинных дворянских фамилий и наиболее заслуженных сервиентов, которые обычно занимали выборные должности в сто'личной администрации; к мелкому дворянству относились потомки замковых и королевских иобагионов, которые получили символическую земельную собственность в размере от 1 до 2-х «поплужья» (30—60 га). На уровне высшего дворянства находились и церковные прелаты (епископы, пресвитеры и аббаты крупных монастырей).

Из несвободных слоев раннесредневекового общества (замковых людей, удворников и части сервов) в течение XIII в. образовался класс феодально-зависимых людей, которые имели право свободного выхода из

имения при условии, что они выполнили все обязательства перед землевладельцем. В тот период большинство зависимого населения составляли крестьяне, которые вели хозяйство на поместных землях. Численность лично зависимых крестьян практически ограничивалась работниками (батраками) и работницами на земле, на которой хозяйственной деятельностью управлял сам землевладелец. За право пользования земельным угодьем лично зависимые крестьяне были обязаны отчислять королю налог с обмена монет (доход монетного двора, или так называемый камеральный налог). При короле Андрее II встречается уже всеобщий государственный налог под названием колекта, который первоначально был чрезвычайным военным налогом и постепенно превращался в регулярный. Церкви зависимые крестьяне должны были платить десятину от урожая и от приплода крупного рогатого скота и овец. Лично зависимые крестьяне были обложены и барщиной. Королевские лично зависимые крестьяне были обязаны содержать в порядке дороги, строить укрепления королевских замков и следить за состоянием королевских усадеб. Частновладельческие крестьяне светских и церковных земельных магнатов должны были платить натуральный оброк, работать на вотчинной земле и содержать в порядке резиденцию магната. В случае надобности они были обязаны со своей упряжкой ходить в так называемый дальний извоз.

Особую группу населения составляли госпиты. В преобладающем большинстве это были новопоселенцы из зарубежных стран, которые имели право действовать сообразно нормам своего отечества. Но к категории госпитов принадлежали и коренные жители, которые переселились в имения короля или магната, а в некоторых случаях и старопоселенцы, которым при определенных обстоятельствах был присвоен статус госпитов. Госпиты из зарубежных стран селились здесь прежде всего в привилегированных городах и становились мещанами. Однако госпиты оседали и в деревнях и по сравнению с местными зависимыми крестьянами жили в гораздо более благоприятных условиях. Как правило, уже при устройстве на жительство для них были точно определены их права и обязанности, в которые землевладелец не мог самочинно вносить изменения. Госпиты имели право распоряжаться своим имуществом и могли свободно менять место жительства. Госпиты как особый социальный слой по своему положению находились между полноправным дворянством и зависимой категорией населения.

В особом положении находились и евреи, которые жили в наиболее значительных городах или в непосредственной близости от них. Они занимались главным образом торговлей, ремеслом и финансовыми операциями. Наиболее состоятельные из них наряду с измаильтянами часто брали на откуп сбор королевских доходов. В торговле они обладали теми

же правами, что и прочие жители данного города. Официально им было запрещено иметь земельную собственность, но они могли держать ее в виде залога до тех пор, пока ее настоящий владелец не вернет взятую ссуду и высокие проценты. Несмотря на некоторые льготы, евреи временами подвергались гонениям со стороны правящих слоев и городского населения. Самые большие еврейские общины были в Нитре, Братиславе и Трнаве. Во главе них стояли собственные еврейские старосты.

4.6. Завершение церковной организации, образование и художественная культура

В течение XIII в. было завершено строительство церковной организации, которая впоследствии с незначительными изменениями просуществовала до конца средневековья. К старинным церковным институтам в начале XIII в. добавился объединенный (коллегиальный плюс кафедральный) капитул св. Мартина в Спише. Увеличилось количество приходов, а новые церкви в принципе строились посреди более или менее крупных поселений. Возникло и много новых монастырей. К наиболее значительным принадлежали пресвитерии премонстрантов в Шагах и в Турце, при них существовал институт удостоверения документов. Новый бенедиктинский монастырь появился на Скалке близ Тренчина. С конца 30-х гг. на территории Словакии один за другим начали возникать и монастыри нищенствующих орденов. Францисканцы обосновались в Братиславе, Трнаве, Нитре и в Левоче. К ним добавились доминиканцы в Банской Штявнице и в Кошицах. Кроме них, в Словакии нашли приют и рыцарские ордена в Хмелёве, Трнаве и Тренчине, цистерцианцы — в Спишском Штявнике, антонианцы — в Спишских Дравцах и картузианцы — на Скале прибежища близ Летановец. Женские монастыри (клариски) имелись в Братиславе и Трнаве.

В XIII в. повышался и образовательный уровень общества. Известно, что в те времена уже давно существовали школы при важнейших церковных институтах — капитулах, которые находились в Братиславе, в Нитре и в Спишском Подградье. Имелись школы и при наиболее значительных монастырях (Зобор, Гронски Бенядик, Ясов), а во второй половине XIII в. — наверняка и в наиболее значительных средневековых городах (Братислава, Трнава, Банска Штявница, Кошице). Основу учебной программы в этих школах составляло чтение, счет, церковное пение и письмо. Школы при церковных институтах ставили своей целью воспитание из молодежи будущих священнослужителей. Городские школы, напротив, носили более практический характер. С середины XIII в. получил широкое распространение институт удостоверения подлинности документов, действовавший при капитулах и значительных монастырях

и имевший подлинные печати. Институт удостоверения документов выполнял публично-нотариальные функции (Нитра, Братислава, Спишска Капитула, Зобор, Гронски Бенядик, Лелес, Ясов, Шаги, Турец).

В XIII в. началось вытеснение традиционного романского стиля новым, готическим. В начальной фазе этого процесса в середине XIII в. на романских зданиях появляются готические детали, а позже строятся и целиком готические здания. Главной отличительной чертой их архитектурных форм является ярко выраженная вертикаль и стрельчатая арка. Готический стиль, кроме культового зодчества, проявился и в светских зданиях, в архитектуре замков и городском домостроении. В готическом стиле строились главным образом наиболее значительные церковные институты и новые городские приходские церкви и монастыри. В сельской местности встречаются более скромные здания или всего лишь перестроенные старинные романские церкви. Памятников живописи и скульптуры этого периода сохранилось сравнительно мало. Всю вторую половину XIII в. еще на исходе романский стиль, а настенная живопись часто отмечена печатью провинциализма. В скульптуре смена стиля начинается сказываться в большей проработанности фигур. Это отчетливо видно, например, на фигуре Мадонны из Дунайской Лужной. От этого периода осталось и относительно много изделий художественных ремесел, которые свидетельствуют о зрелости и искусности золотых дел мастеров, литейщиков, чеканщиков и кузнецов. Со второй половины XIII в. возрастает и производство мелких украшений из прессованного серебряного или бронзового листа, которые выпускались в массовом порядке с помощью форм. Вершинные произведения архитектуры и изобразительного искусства на территории Словакии создавались под непосредственным влиянием художественно более развитых областей, особенно южно-германской. Влияние Италии в настенной живописи начинает проявляться только на рубеже XIII—XIV вв.

III. Словакия в развитии средневековье

1. Политический кризис в начале XIV века

1.1. Кандидаты на венгерский трон

Рубеж XIII—XIV вв. застал Словакию, которая в то время была неотъемлемой составной частью Венгерского королевства, в крайне неблагоприятной ситуации. 14 января 1301 со смертью Андрея III от удара мечом прервалась династия Арпадов, основателей венгерского государства, и кандидата на венгерский трон надо было искать в иностранной державе. Сам факт смерти правителя и приход новой династии не должен был бы повлечь за собой драматических событий, если бы внутренняя обстановка в стране хоть в какой-то мере отличалась стабильностью. Смерть короля Андрея III всего лишь обнажила пресловутую верхушку айсберга накопившихся венгерских внутривластных проблем, корни которых уходят еще в период правления его предшественника Ладислава IV (1272—1290). Своим эксцентричным поведением и склонностью к языческим обычаям король Ладислав IV, прозванный Половцем (Куном), способствовал тому, что венгерские магнаты, пользуясь своим высоким положением на местах, постепенно забирали власть в свои руки, тем самым и на политическом уровне извлекая выгоды из своих растущих земельных богатств.

Дело в том, что в Венгрии уже со второй половины XIII в. королевские владения таяли, постепенно переходя в руки магнатов. В средневековье же земельная собственность означала не просто недвижимое имущество, но власть над людьми, которые на ней жили. В прямую зависимость к магнатам попадали прежде лично свободные королевские сервиты, иобагионы и замковые люди, которые были пользователями, а частично и собственниками небольших земельных владений. Так со временем рождался институт фамилиаритета как особая венгерская форма ленных отношений (вассалитета). Владельцы сравнительно небольшой земельной собственности — назовем их средним и мелким дворянством — сначала становятся членами «фамилии» (военных отрядов) магната доб-

ровольно, ища у него защиты и пропитания. Взамен они оказывают магнату различные услуги, будь то военная сфера, содержание в надлежащем порядке его имущества или исполнение судебных правомочий. Но в таком виде фамилиаритет мог действовать лишь при наличии твердой центральной власти — правителя, способного противостоять сепаратистским устремлениям магнатов.

На совести вышеупомянутого Ладислава IV был такой упадок центральной власти и королевского достоинства, что магнаты не чувствовали себя связанными прежними неписаными договорами и старались в максимальной мере воспользоваться, а вернее сказать — злоупотребить всеми доступными средствами — владениями, фамилиаритетом и высоким положением на местах — для усиления личной власти. Им это удавалось и во времена правления преемника Ладислава — Андрея III Венецианца (1290—1301). Его попытки нормализовать обстановку и укрепить власть короля магнаты не поддерживали, таким образом, предпринятое Андреем III правовое урегулирование — на тот период сравнительно прогрессивное, — которое в случае реализации могло стать залогом развития социального общества в Венгрии, осталось только на бумаге. Текст правового урегулирования дает возможность уяснить состояние общественной жизни в тот период. Магнаты не довольствовались только родовыми владениями, а старались соединить по большей части разрозненную земельную собственность в компактную территорию под единоличной властью в ущерб королю, мелким дворянам, церкви и городам. Самым подходящим средством для этого служил высший пост в той или иной области страны, которым легко можно было злоупотребить в случае судебных имущественных споров и который позволял контролировать жизнь во вверенной области. Политический потенциал магнатов возрос благодаря тому, что в их руках находились многочисленные замки. В Венгрии действовал тот же неписанный закон, что и в остальных европейских странах: в чьих руках замок, у того и власть. Здесь были сосредоточены военная сила и управление округом, сюда же стекались доходы в натуральном или денежном выражении. А людские ресурсы, с помощью которых можно было осуществить создание державы, предоставлял вышеназванный институт фамилиаритета. Но теперь речь шла уже не о добровольном вхождении в него, а о принудительном. Происходило нечто парадоксальное, когда мелкие дворяне вступали в фамилию магнатов в поисках защиты у тех же, кто представлял для них наибольшую угрозу. Одновременно с этим процессом ведущая группа магнатов, для обозначения которых принят специальный термин — олигархия, постоянно сужалась, пока наконец не свелась примерно к десятку лиц, которые поделили страну следующим образом. Магнаты из рода Кёсеги реализовали свои властные амбиции в Задунавье и Славонии, Ласло (Ладислав) из рода Канов — в

Трансильвании, Борша Голы — в Затисье, Юрай Шубич — в Далмации, Хорватии и Боснии. Территория современной Словакии стала объектом экспансии двух магнатов — Матуша Чака Тренчинского на западе и Омодея Абы на востоке.

Смерть как-никак признанного правителя, отмеченного нимбом святости династии-«основательницы», стала сигналом для лихорадочной борьбы, выражаясь фигурально, за «место под солнцем». Однако олигархия, вопреки сепаратистским устремлениям и ограничению королевской власти, не была готова отменить институт королевства и короля, который пустил глубокие корни в сознании всего населения. Несмотря на противоправную деятельность, она всегда старалась сделать ее легитимной, придавала большое значение высшим постам в областях страны, а это, однако, означало, что она не в силах отказаться от традиционной модели королевства и пойти своей дорогой, не заботясь о последствиях, с этим связанных. Ей нужен был такой правитель, который готов делиться с нею властью и не мешать ей на завоеванных ею позициях. С такими соображениями она приступала к выбору нового короля. Проблема состояла в том, что магнаты не смогли сойтись на таком кандидате, который был бы приемлем для всех.

Хотя годы со дня смерти Андрея III до окончательной коронации Карла Роберта в 1310 г. принято парадоксально обозначать как период *interregna* (без короля), в действительности же в этот сравнительно короткий временной отрезок в Венгрии сменились целых три короля. В то время как большинство магнатов вынесли решение в пользу кандидатуры из Чехии в лице Вацлава, единственного сына чешского короля Вацлава II, южновенгерские магнаты поддержали Карла Роберта из Анжуйской династии. Формально оба кандидата имели равные права. И у Карла Роберта, и у Вацлава в жилах текла кровь Арпадов, а их матери были даже сестрами, дочерьми Рудольфа Габсбурга, первого германского короля этой династии. Но главным было не это. Настоящая причина, почему большинство магнатов высказались за Вацлава, была весьма прозаичной. Его кандидатура на венгерский престол для чешских Пржемысловичей была скорее делом престижа и давала им возможность добавить блеска династии в ряду центрально-европейских стран. По расчетам магнатов, Вацлав как наследник чешской и польской короны будет вынужден больше заниматься делами этих королевств, а титул венгерского короля станет более или менее формальным придатком. Действительная власть над страной должна была по-прежнему остаться в их руках.

Что касается второго кандидата, Карла Роберта Анжуйского, то тут ситуация была сложнее. За его кандидатурой стояли прежде всего неаполитанский двор и папская курия. Эти были крайне заинтересованы в том, чтобы Карл Роберт утвердился в Венгрии и не помышлял претендо-

вать в будущем на неаполитанский престол, который ему по праву первородства должен был достаться после смерти теперешнего короля Карла II Кривого. Хотя за Карлом Робертом стояли южно-венгерские магнаты Шубичи и, благодаря ловкой дипломатии папской курии, он получил поддержку венгерской церкви, для остальной части общества он был всего лишь ставленником, которого она не собиралась признавать.

Более удачливый Вацлав, который при коронации принял имя Ладислав V, вскоре, однако, оказался перед лицом суровой действительности. Как только он раздал из и так скромного королевского владения, что мог, — конкретно Матушу Чаку он без колебаний пожаловал в 1302 г. целых два комитата, Нитру и Тренчин, чем легализовал его свершившиеся к тому времени присвоения на этой территории, — всякая заинтересованность в нем для дальнейшего сотрудничества тут же отпала. Чешский король Вацлав II был не настолько наивен, чтобы не разглядеть истинные интересы венгерских магнатов, но тот факт, что его сын за неполных три года оказался в совершенной изоляции и не имел никакой власти в стране, заставил его принять решительные меры. В 1304 г. он лично отправился в Венгрию, чтобы постараться исправить обстановку. Его план не удался, и под угрозой нападения на чешское королевство со стороны австрийских Габсбургов он был вынужден спешно уехать из страны вместе с сыном и королевскими регалиями (инсигниями). В его отъезде была замешана папская курия, которой удалось привлечь Альбрехта Габсбурга к союзу с Карлом Робертом и приурочить к нужному моменту нападение на Чешское королевство. С его отъездом борьба за венгерский трон не прекратилась. В 1305 г. в Венгрии появился новый кандидат — Оттон Баварский с короной св. Стефана, которую ему отдали вместе с правом на трон чешские Пржемысловичи. Несмотря на коронацию, признания он не добился, и через два года, проведенных им от начала до конца в Трансильвании, ему пришлось весьма бесславно оставить страну. Поскольку оба претендента, как Вацлав, так и Оттон, были с самого начала ставленниками венгерских магнатов, которые не были заинтересованы в конструктивном сотрудничестве, а лишь преследовали своекорыстные интересы, их правление было обречено на провал.

После отъезда Оттона Баварского единственным потомком Арпадов на венгерской земле остался Карл Роберт Анжуйский. В отличие от своих не столь удачливых собратьев Вацлава и Оттона, он и в это смутное время сумел наращивать свое преимущественное право. Европа бурно переживала процессы, которые не могли не затронуть даже венгерскую олигархию, вынудив ее так или иначе на них реагировать: конфликт папства с французским королевством и стремление любой ценой сохранить свои позиции. Именно в Венгрии папство угадало шанс для себя. Последовательная поддержка Карла Роберта преследовала единственную

цель — удержать его как можно дальше от Неаполя. Италия была страшной, терзаемой внутренними конфликтами, и папа нуждался в поддержке испытанного бойца Роберта Неаполитанского, чтобы суметь справиться с опасностью, а не 12-летнего отрока, который только-только вырос из детских забав. Полагаясь на искусную дипломатию и прежде всего благодаря детальному знанию внутривосточной ситуации в Венгрии, о которой ей докладывали папские легаты, курия знала, кто составляет оппозицию магнатам, и предпринимала соответствующие шаги. Папские легаты Бокассини и Джентиле, точно так же, как в наше время участники мирных переговоров, прощупывали почву и искали потенциальных союзников. Хорошее знание обстановки проявилось и в том, что хотя Карл Роберт в 1307 г. добился формального признания венгерским дворянством на государственном совете в Ракоше, легат неустанно работал над тем, чтобы ввести в стан приверженцев короля и Матуша Чака — самого могущественного магната страны.

Тем самым он лишь подчеркнул важность позиции Матуша и прежде всего значимость его роли в общевенгерском масштабе. То обстоятельство, что он создавал свою державу на территории теперешней Словакии, некоторым историкам XIX в. послужило основанием для мифологизации его личности как словацкого князя, который был заинтересован в создании словацкого государства. Проецировать политические идеи и представления XIX в. на эпоху средневековья современная словацкая историография считает заблуждением. С другой стороны, разобраться в личности Матуша Чака Тренчинского и детально рассмотреть его образ действий — значит получить ключ к пониманию того, чем жила территория Словакии в данный период.

В высшие сферы политики он вошел еще при правлении Андрея III, и благодаря хорошему происхождению и личным данным ему постепенно удалось подняться на высшую ступень тогдашней социальной лестницы, которую представлял собой пост палатина. Поскольку, в отличие от других магнатов, ему досталось не слишком большое родовое имение, он с самого начала своей карьеры старался его увеличить. Если не удавалось сделать это посредством купли или обмена, он без зазрения совести не останавливался перед тем, чтобы злоупотребить высоким положением в крае и присвоить собственность путем махинации или даже просто силой. По всей вероятности, именно он был инициатором выбора Вацлава венгерским королем. В награду ему в 1302 г. были пожалованы Нитранская и Тренчинская жупы вместе с замком Бойнице. Они стали основой его державы вместе с так называемым орлиным гнездом на Тренчинском замке. Здесь он окружил себя сановниками, которые носили те же звания, что и сановники королевского двора. Его палатином был Фели-

циан Зах. У него был и собственный казначей, и в своих владениях он назначал жупанов и кастелянов.

После отъезда Вацлава из страны он занял выжидательную позицию и открыто не высказывался ни за Оттона, ни за Карла Роберта. У него была уйма дел с расширением своих владений в восточном направлении. Подчинив себе комитат Гонт, он готовил себе плацдарм в Новограде, который должен был стать исходным пунктом для проникновения в Гемерскую, Тековскую и Гевешскую жупы. Когда ретировался Оттон Баварский и Карл Роберт остался единственным потомком Арпадов на венгерской земле, Матуш Чак для вида вышел из состояния пассивности и после сепаратных переговоров с кардиналом Джентиле в Кекеше в 1308 г. признал Карла Роберта законным государем. За свою «верность» он взял хорошую плату. Король обязался оставить его на приобретенных им к тому времени владениях и даже присвоил ему звание казначея. Из договора можно догадаться, что Карл Роберт все еще не чувствовал себя хозяином положения. Поскольку его позиции были не настолько прочны, чтобы помериться с олигархией военной силой, он на время предпочел дипломатический путь — прибегнул к коалиционному сотрудничеству и сосредоточил внимание прежде всего на правовой кодификации своего положения. Как показали дальнейшие события, Матуш заключил договор с единственной целью. Он хотел выиграть время для увеличения своего существующего владения и укрепить его настолько, чтобы в будущем можно было давать отпор королю.

Пока кардинал Джентиле старался получить у трансильванского воеводы Ласло Кана корону св. Стефана, Матуш на правах своего звания казначея весьма энергично занимался изъятием имуществ, разворованных в прежние годы у короны. Самое интересное, что вместо того, чтобы передавать их, в духе прошедших переговоров, законному владельцу Карлу Роберту, он без всякого стеснения оставлял их себе. Географическое образование, которое впоследствии вошло в историю под названием «земля Матуша», начало приобретать четкие контуры. Граница владений Матуша весной 1311 г. на севере и западе совпадала с границами страны, на юге шла по Дунаю, но в комитате Пилиш жупе переходила на правый берег Дуная. В восточном направлении от Вишеграда граница владений тянулась дальше, примерно до южной границы комитата Новоград и проходила по соседнему комитату Хевеш. На востоке она смыкалась с границей территории Зволенского жупанства. В общей сложности 14 жуп (комитатов) — полностью или хотя бы частично — попали под контроль Матуша.

Пострадавшие дворяне, за чей счет Матуш расширял свои владения, наверняка возмущались, но у них не было средств, с помощью которых они могли бы противостоять могущественному вельможе. Иное дело цер-

ковь. В своих захватнических акциях он был настолько «объективен», что не видел никакой разницы между собственностью дворян и той, которая принадлежала церкви. Он отнимал и разорял их, не делая исключений. При данных обстоятельствах, когда до кардинала Джентиле доходили вести об аресте земель эстергомской, веспремской и нитранской церкви, — и это после того, как Матуш проигнорировал коронацию Карла Роберта в 1310 г. и не потрудился даже прислать послов, чтобы они воздали почести королю, — он без колебаний использовал последнее средство устрашения, которым располагала церковь. В мае 1311 г. он отлучил высокомерного вельможу от церкви, а на его владения наложил интердикт. Очевидно, скорее всего политическая, а не церковная сторона этого дела подстегнула Матуша развить еще более лихорадочную активность. Он не только выместил злобу опять же на владениях архиепископа эстергомского и епископа нитранского Иоанна, которых считал главными инициаторами отлучения от церкви, но на этот раз он обратил свой гнев и против самого государя и попытался овладеть Будой, где в тот момент находился король вместе со всем двором. Несмотря на то, что Матуш потерпел неудачу и подступил только к крепостным стенам города, его малая демонстрация силы достигла своей цели. С игрой в жмурки было покончено. Нападение Матуша на Буду можно расценивать как этап в политике Карла Роберта. Здесь во всей наготе предстала невозможность мирного урегулирования внутривластной обстановки к обоюдному удовлетворению и необходимость бороться с олигархией ее же оружием — захватом замков, изъятием собственности и физическим уничтожением противников. Неудачная карательная экспедиция сторонника Карла Роберта, Дожи Дебрецени показала, что Матуш в настоящее время — слишком твердый орешек, его не раскусишь.

1.2. Карл Роберт Анжуйский против Матуша Чака

Более благоприятные перспективы рисовались на востоке Словакии, во владениях палатина Омодея из рода Абы. Омодей считался сторонником Карла Роберта еще с 1304 г. (после отъезда Вацлава из страны) и лично участвовал в своем регионе во всех мероприятиях, которые кодифицировали правовой статус короля. Имеются в виду избирательные собрания в 1307 и 1309 гг. и коронационные в 1309 и 1310 гг. Если Матуш постоянно воевал с церковью, то Омодеи вступили в конфликт с городом Кошице, который они хотели подчинить своей сфере влияния. Однако город, не в пример церкви, располагал собственными военными силами и в интересах сохранения своего независимого положения не побоялся спровоцировать вооруженное столкновение, убив самого палатина в 1311 г. Карл Роберт сумел ловко использовать конфликт в свою пользу. Снача-

ла, — по всей вероятности, памятуя прошлое гостеприимство, которым он пользовался во времена своей борьбы за трон у Омодеев в их замке Гёнц, — он ограничился дипломатическим решением конфликта. Условия примирения, представленные после расследования всего комплекса спорных вопросов королевскими комиссарами сыновьям покойного, были весьма жесткими и всем на удивление касались исполнения требований не только Кошиц, но и самого короля. Если в отношении города сыновья палатина дали обязательство, что больше не станут угрожать городу лишением его законных прав и свобод и не будут добиваться никаких пожалований, посредством которых город в будущем мог попасть под их контроль, то государь взял с них обещание вернуть Спиш, Гельницу, Кошице и две жупы — Абовско-Новоградскую и Земплинскую со всем, что им принадлежит.

Выполнение этих обязательств привело бы к распаду землевладения Омодея, и семье покойного пришлось бы ограничиться только владением родовой вотчиной. Поскольку город Кошице держал в заложниках нескольких родственников, Омодеи были вынуждены принять условия. Однако вскоре после того, как заложников отпустили, они начали переговоры с Матушем Чаком о военной помощи. Тот факт, что Матуш согласился ее оказать, причем расщедрился до того, что направил 1700 копьеносцев под командованием близкого ему человека, Абы Красивого, свидетельствует, что положение на востоке у Омодея было очень серьезным. Размер помощи Матуша предполагал наличие равноценных сил на востоке. Опасения Омодеев да и Матуша Чака, что Карлу Роберту удастся склонить эти силы на свою сторону, оказались обоснованными. Войска враждующих сторон встретились 15 июня 1312 г. у Розгановец недалеко от Кошиц, чтобы решить дальнейшую судьбу области, а в известной мере и всего Венгерского королевства. Согласно красочному описанию венгерской средневековой хроники, битва под Розгановцами была «величайшим сражением со времен татарского нашествия» и знаменовала собой решающую победу для короля и преданных ему людей, поддержанных отрядами спишских саксов, горожан Гельницы, Левочи и Кошиц и членов ордена иоаннитов. Эта победа явилась важным моральным стимулом для всех, кого возмущали насильственные действия державных владык. Омодеи сами рубили сук, на котором сидели, тем, что не считались с основополагающими тенденциями развития в тот период. Процессу экономического подъема и эмансипации городов можно было какое-то время не давать хода, но остановить его было нельзя. Карл Роберт предоставил им шанс для нормального развития, и они его не упустили.

Территория Восточной Словакии явилась первой областью в рамках Венгерского королевства, где монарху удалось одержать верх над олигархией и на решающие посты назначить верных ему людей из числа

своих приближенных. С того времени и вплоть до XV в. эта область остается связанной с именем дворянского рода Другетов, по происхождению — французских рыцарей, которые сопровождали Карла Роберта с его первых дней в стране.

Эта область стала базой, откуда король мог предпринимать шаги против владений Матуша с северо-востока. Громадную помощь в этом ему оказал зволенский жупан магистр Дуонч, когда около 1314 г. перешел со всеми Зволенскими землями на сторону короля. Его род Балашша еще с первой половины XIII в. управлял Зволенской жупой, куда в тот период входили и будущие Липтовская, Турчанская и Оравская жупы. Хотя Балашша хозяйствовали на этом громадном куске территории по королевскому уполномочию и для короля, но, как и многие другие магнаты в те времена, они тоже не погнушались возможностью увеличить родовую собственность за счет своего благодетеля. В рамках комитата им это в общем удавалось, но расширяться за его пределами им было не под силу. На западе их подстерегал Матуш Чак, а на востоке Омодей Аба, и оба уже давно точили зубы на Зволенскую жупу. Хотя Балашша, выражаясь фигурально, выступали в другой весовой категории, их роль нельзя было сбрасывать со счетов. Они стали стрелкой на весах господствующего положения обоих олигархов, причем в зависимости от обстановки они склонялись то в одну, то в другую сторону. Во времена битвы под Розгавцами фигурировал зволенский жупан Балашша магистр Дуонч, сын Доминика. Хотя еще в 1313 г. Матуш Чак упоминает его в одном документе как преданного ему человека, подвиги этого магната произвели на Дуонча такое впечатление, что, несмотря на возможную месть со стороны тренчинского олигарха, он решился перейти со всеми Зволенскими владениями на сторону короля.

Этот переход сыграл свою роль и в Оравской битве, в которой магистр Дуонч принимал активное участие и непосредственно способствовал поражению Матуша Чака в этом районе. С экспансией Матуша в северо-восточном направлении было покончено. Но в оставшейся части своего владения он сумел сохранить неограниченную власть.

О его прочном положении свидетельствует и провал военного похода летом 1315 г. чешского короля Яна Люксембурга, который намеревался урегулировать обстановку на моравско-венгерской границе и захватить у Матуша замок Голич. Свою силу Матуш демонстрировал в 1315 и 1317 гг. в Нитре. Под командованием его сервиента Шимона из рода Качичей там был разрушен замок и сожжена кафедральная церковь верного сторонника Карла Роберта, епископа нитранского Иоанна. Карл Роберт сознавал, что открытая военная конфронтация в этот период стоила бы ему слишком много сил, в которых он нуждался для борьбы с остальными олигархами. Он избрал тактику «маринования» Матуша в его владениях

и ограничился только взятием в 1317 г. его форпостных крепостей Комарно и Вишеград при очень существенной помощи вышеупомянутого магистра Дуонча и новоизбранного германского короля Фридриха II из династии Габсбургов. Благодаря победе над Кёсеги под Салафё в 1319 г. обстоятельства изменились. Уже в следующем году Карл Роберт мог начать наступление против сторонников Матуша из рядов гемерского, тековского и новоградского дворянства, и до января 1321 г. ему удалось отвоевать почти всю Гемерскую жупу. Сеть, сотканная Карлом Робертом вокруг владения Матуша, стала медленно, но верно затягиваться. Вместо бывших 14 жуп, которые до битвы под Розгановцами либо ему принадлежали, либо он их контролировал, через десять лет ему пришлось довольствоваться только жупами Тренчинской, Нитранской, Турчанской и частью Братиславской. Остальные жупы были или полностью выведены из-под его власти, или он должен был в них делиться правомочиями с королем. Серьезной проблемой для Матуша было и то, что стали учащаться случаи дезертирства из рядов самых верных его сторонников. В 1317 г. перешел на сторону Карла Роберта Абрахам Руфус, в 1318 г. его примеру последовал Мартин Бугар, а в 1319 г. — Шимон из рода Качичей вместе с Фелицианом Захом.

Все эти события наверняка тяжким гнетом ложились на некогда могущественного олигарха, который к тому же еще не успел оправиться после смерти единственного сына Матуша (он умер, по всей вероятности, после 1318 г.), наследника всех его владений. В отличие от многих других магнатов тех времен, ему посчастливилось умереть в своей постели весной 1321 г.

Со смертью Матуша судьба его державы была решена. Унаследовавший ее Стефан Штернберг, сын сестры Матуша, не обладал воинскими данными своего предшественника и был вынужден обреченно наблюдать за потерей одного замка за другим. В конце концов после упорных боев в августе 1321 г. пал и сам Тренчинский замок; здание, которое возводил Матуш Чак — повелитель Вага и Татр, — развалилось, как карточный домик. З будущее о его былой славе будет напоминать только понятие «земля Матуша», которое возникло, по всей вероятности, в двадцатых годах XIV в. для обозначения территории, находившейся во власти Матуша Чака.

Из всего вышесказанного очевидно, что Матуш Чак был подлинным сыном своего века, сумевшим использовать сложную обстановку в Венгрии на рубеже XIII — XIV вв. к своей выгоде, и к нему по праву относится определение, приведенное в жалованной грамоте короля Ладислава V в 1302 г.: «...*primus et praecipuus inter omnes regni Ungarie nobiles...*», то есть «...первый и выдающийся среди всех знатных Венгерского королевства...»

Акцент надо делать на словах: «среди всех». Личность Матуша Чака следует воспринимать и оценивать в контексте эпохи, и в том же духе

необходимо судить и о его деятельности на территории теперешней Словакии. Весьма маловероятно, что он стремился к чему-то большему, чем создание своего владения, и что он претендовал на решительное отторжение от венгерской короны.

С падением Тренчинского замка период власти олигархов на территории современной Словакии можно считать оконченным. В общевенгерском масштабе покончить с мятежными вельможами Карлу Роберту удалось через неполных два года. В конце 1321 г. сдались сыновья трансильванского воеводы Ласло Кана, а в 1322 г. пришла очередь и бывших сторонников Карла Роберта, Шубичей в Хорватии и Далмации. Символическую точку за периодом феодальной анархии поставило перенесение королевской резиденции из Темешвара в свежестроенный репрезентативный дворец в Вишереграде. Без малого двадцать лет продолжалась борьба представителя Анжуйской династии за обретение фактической власти в Венгерском королевстве.

В чем причина конечного успеха «аутсайдера» Карла Роберта и провал олигархии, у которой сначала на руках были все козыри? Политические события, о которых говорилось выше, явились следствием определенной общественно-политической подоплеки. Ведь олигархия жила не в вакууме и свою власть и имущество умножала всегда за счет кого-то — будь то церковь, менее хваткие феодалы или города. Действия с позиции силы могли приносить удачу лишь до поры до времени, пока была бессильна центральная власть. Именно личность Карла Роберта стала цементирующим фактором единого фронта оппозиционных составных элементов общества. Церковь прокладывала ему дорогу дипломатическими средствами и много сделала для легитимизации его статуса путем коронации в 1310 г., когда в духе старинных венгерских традиций ему возложил корону св. Стефана в Секешфехерваре архиепископ эстергомский Фома. Город Кошице помог ему выиграть первое за десять лет гражданской войны великое сражение, которое имело громадный психологический резонанс. Самую многочисленную группу недовольных насильственными действиями олигархии составляли те феодалы, которые, будучи представителями боковых ветвей пусть и знатных и старинных родов, не имели реального шанса подняться на высшую ступень вертикали областных и придворных должностей, не говоря уже о состоянии подчиненности, которое было сопутствующим явлением их положения фамилиаров по отношению к более значительным ветвям родового дерева. Из них выходили командиры подразделений королевского войска, и на их плечи ложился важнейший груз ответственности при нанесении последнего удара — с оружием в руках выиграть бой лицом к лицу с олигархией. Общая концепция борьбы с олигархией была сравнительно проста. Подобно тому, как Матуш и Омодеи создавали свои владения путем захвата

замков одного за другим, так же точно поступали и сторонники Карла Роберта. После того, как они захватывали большую часть владений того или иного олигарха, происходило генеральное сражение, каковыми были битва под Дебреценом в 1316 г. и под Салафё в 1318 г. Из всего вышесказанного становится ясно, что своей политикой конфронтации с мелкими феодалами, церковью и с городами олигархи де-факто сами спилили сук, на котором сидели.

2. Словакия в XIV веке

2.1. Политическая обстановка

Если в начале XIV в. политическое и экономическое положение на территории современной Словакии было малоутешительным, то после поражения олигархии, благодаря умелой реформаторской политике Карла Роберта (1301—1342) и его сына и преемника Людовика Великого (1342—1382) из династии Анжу, страна переживала экономический подъем. Это обстоятельство в сочетании с дальновидной, с расчетом на выгоду для династии политикой выдвинуло Венгерское королевство в разряд великих центрально-европейских держав.

Стабильность внутривнутриполитической обстановки была обусловлена несколькими факторами. Политическая система Венгерского королевства в период правления Анжуйской династии опиралась на прочную центральную власть. Она была представлена монархом — он обладал всей полнотой положенной короне власти — и пока еще не законодательным органом — королевским советом, составленным из высших областных и придворных сановников, которые вместе с прелатами страны, т. е. коллегией епископов принимали участие в решении важных внутривнутриполитических и внешнеполитических дел страны в целом. В грамотах этот факт выражается почти стереотипной формулировкой «...*de nostre beneplacito et voluntate, nostrorumque praelatorum et baronum consensu*¹...» и поименным перечнем всех баронов и прелатов в так называемой росписи сановников в конце документа, которая в известной мере соответствовала теперешнему подтверждению документа подписью.

Этот в сущности сравнительно простой способ управления страной был эффективен только при условии абсолютной верности каждого вельможи. Венгрия же была большой страной не только в территориальном отношении, но прежде всего это было многоэтническое государственное

¹ «...по нашему благоусмотрению и желанию, по единодушному мнению наших прелатов и баронов...» (лат.). Зд. и далее примечания переводчика.

образование. Во времена засилья олигархии со всей очевидностью проявилась слабость предшествующего периода и невозможность введения института сословий, что пытался сделать, в частности, еще Андрей III своими поправками к законам 1290 и 1298 гг. Управление и консолидация такой большой страны была не под силу одному лишь королю, и он был вынужден делиться правомочиями, разумеется, на определенных, выдвинутых им условиях. «*Infidelitas*» (неверность), поставленная в вину вельможам типа Матуша Чака, Омодея Абы и многих других, была заменена безоговорочной *fidelitas* (верностью) так называемых новых людей — членов военного сопровождения Карла Роберта, которое пришло в Венгрию вместе с ним, представителей боковых ветвей знатных родов, а в некоторых случаях удостоились признания и представители среднего дворянства. После 1323 г. в вышеупомянутой росписи сановников страны не встречается ни одного имени из предшествующего периода. Преданность и верность новых людей, проявленная в большинстве случаев еще во время борьбы с олигархией, требовала соответствующего вознаграждения.

Чтобы не допустить повторения ситуации двадцатилетней давности, когда при последних Арпадах безрассудная политика пожалований способствовала возникновению олигархических доменов, Карл Роберт решил ввести в практику систему пожалований «*pro honore*» (в знак почёта). Суть такого дара состояла в том, что монарх передавал имение носителю областного, придворного, жупного или кастелянского звания только в пользование на период служения в должности. По окончании исполнения функции сановники должны были имение вернуть. Поскольку исполнение государственных обязанностей требовало личного присутствия при королевском дворе, управление подаренным имением поручалось либо родственникам, либо фамилиарам одаренного. Доходы с имения шли на вознаграждение штата служащих данного сановника, а какая-то часть доставалась и управляющему-фамилиару. Институт фамилиаритета, формировавшийся со второй половины XIII в., сохранился, с той разницей, что до злоупотреблений им дело доходило лишь изредка. Верность вельмож служила залогом верности фамилиаров. Пожалования навечно не совсем исчезли, но стали более редкими и касались главным образом имений небольшого размера.

Из того факта, что частым предметом почетного жалования была жупа (комитат), можно сделать вывод, что она по-прежнему оставалась единицей территориального деления, но единоличное управление ею уже было невозможно. С точки зрения внутренней структуры в XIV в. она представляла собой очень сложное образование. Ввиду широкой кампании реституции, начавшейся в 1320 г., король опять стал одним из крупнейших землевладельцев в стране, но наряду с ним землевладельцами в рамках той или иной жупы остались церковь, среднее и мелкое дворянство, а не в последнюю очередь и некоторые города.

Королевскую жупу в прежнем виде нельзя было восстановить уже потому, что со второй половины XIII в. шел процесс становления дворянского судебного самоуправления, которое осуществилось в форме генеральных конгрегаций. Заметную роль в рамках жупы в XIV в. начали играть так называемые замковые поместья — земельные владения, которые в зависимости от того, кому они принадлежали, делились на королевские, дворянские и церковные. Это обстоятельство лишь подчеркивало значение замка как административного, экономического, оборонительного, а частично и судебного центра для окрестного, в основном целостного земельного анклава. Значимость института замковых поместий имел возможность оценить и король. В рамках регионального управления они, как и почетно жалованные жупы, составляли опору его власти и помогали ему осуществлять контроль над соответствующей областью. Из этого следует, что в данный период существовали параллельно друг другу институты королевской и дворянской жупы как две ипостаси одного органа управления. Значение замка и замкового землевладения со всей очевидностью показывает и тот факт, что король часто назначал кастелянами высших сановников страны.

Кадровая политика правителей Анжуйской династии оказалась правильной. В сочетании с введением категории так называемого почета (*honor*), т. е. предоставления собственности в качестве служебных ленов только на время исполнения высокой областной или придворной должности, она способствовала тому, что политическая система в целом смогла почти без изменений продержаться в течение 80 лет. В качестве защитного средства от возможного мятежа король ввел в действие тактику частой смены кадров и перестановок сановников с одной должности на другую, причем в этом случае менялся и характер почетных пожалований. В период их правления никакой оппозиции правящей династии со стороны магнатов не было. Оба короля Анжуйской династии сумели прагматично использовать даже рыцарскую культуру, которая в эти времена процветала почти во всех концах европейского континента. Дворяне на королевской службе не ограничивались только демонстрацией своей воинской доблести и многокрасочного великолепия геральдических знаков на турнирных ристалищах, но в первую очередь интересовались делами управления в стране и получали непосредственно от короля задания расследовать многие серьезные преступления или имущественные споры в разных уголках королевства. Таким образом правитель воспитывал подрастающее поколение, из рядов которого потом вышли видные государственные деятели страны. Институт пажей «*aule regie juvenis*» (придворный юноша) и новоучрежденной службы придворных рыцарей «*aule regie miles*» (придворный воин) стали подготовительной ступенью к будущей успешной карьере, основанной на практических знаниях. Преимущества такого

продвижения вверх начало понимать все больше дворянских родов. Если во времена правления Карла Роберта известно только 18 придворных рыцарей, то при Людовике I их численность выросла до 87 человек.

В контексте кратко обрисованной системы именно территория Словакии как составная часть Венгерского королевства отличалась определенной спецификой. Здесь существовало наибольшее количество замковых землевладений — прежде всего в северной части Тренчинской жупы. Дело в том, что после поражения Матуша Чака король не вернул конфискованные земли первоначальным владельцам, — за исключением Бытчи, которую он возвратил нитранскому епископу, — а оставил их за собой. Большой вес имели и замковые землевладения Орава, Липтов, Братислава, Червень Камень, Комарно, Бойнице, Знъев, Зволен, Спиш, Шариш. Многие из них обычно тоже становились предметом почетных пожалований. Конкретно замки в Поважье были связаны с должностью областного судьи.

Своеобразная ситуация сложилась и на востоке Словакии, в области, где в прошлом распоряжались Омодеи из рода Абы. Здесь наиболее выразительно проявилась суть кадровой политики Карла Роберта, основанной на верности и заслугах. Верность Друтетов, членов своего неаполитанского сопровождения, он ценил так высоко, что отдал им огромный земельный комплекс, где фактически переплетались почетное и наследственное землевладения. Если иметь в виду, что подобными большими землевладениями в руках одного рода были только банат Славония и воеводство Трансильвания, которые образовывали пограничный пояс, то возможно, и относительно Друтетов и формирования их владений король руководствовался аналогичными стратегическими соображениями.

Сверх того члены этой семьи, сначала Филипп, за ним Ян и, наконец, Вильям в 1323—1342 гг. один за другим занимали высшую должность в области — должность палатина. Филипп вплоть до своей смерти в 1328 г. владел также комитатами Спиш, Гемер, Турня, Боршод и Хевеш. В должности палатина его сменил младший брат Ян, который наряду с этим был еще и земплинским, ужским, шомодьским, тольнанским, фейерским и бачским жупаном. Именно Ян стал основателем рода, который почти 400 лет владел северо-восточной частью Словакии и западной частью Подкарпатской Руси. Сын Яна, Вильям, пошел по стопам отца. Постепенно он стал шарипским, спишским и абовским жупаном. При его жизни род владел в северо-восточной части страны почти 20-ю замками. О тех из них, которые он получил от короля в дар навечно, известно от самого Вильяма благодаря его завещанию от 1330 г. Своим родным он завещал следующие замки: Любовню в Спише, в Шарише — Плавеч, в Земплине — Требишовский замок, Бреков и Ясенёв, в комитате Уж — замок Невикце и замок Дунаец, который он сам велел построить на границе с Польшей, и, наконец, замок Сланец, который он получил путем

обмена с одной из ветвей рода Абы в Новограде. Людовик Великий уже не делал столь широких жестов в отношении представителей рода, и брат Вильяма, Микулаш не только не поднялся до должности палатина, но в 1342 г. король отнял у него даже часть имений, унаследованных от брата Вильяма. Самый младший из сыновей Яна Другета, Ян осел в Гуменном и основал новую ветвь рода в тех местах.

Своим образом жизни Другеты внесли в венгерское общество новые элементы, которые не остались без внимания. Это и благодаря им Анжуйской династии удалось привить в Венгрии рыцарскую культуру в большей мере, чем прежде. Любопытное свидетельство их жизнепонимания заключено в вышеупомянутом завещании Вильяма Другета, в котором он не ограничился традиционным разделом движимого и недвижимого имущества между своими родными и близкими фамилиарами, но, как он сам пишет, «для очистки своей совести» он не преминул выплатить значительные денежные средства тем, кому нанес какой-либо ущерб. Левочскому бургомистру Яну он оставил 150 гривен компенсации за то, что по приказу короля он велел посадить его в тюрьму и изъять из его дома вещей на сумму в 400 гривен. Поскольку лично Неренгию, бывшему бургомистру Гелници, — которого, как сам Вильям пишет, «...в сердцах и с досады я велел повесить, хотя и заслуженно и на основе предварительного допроса, где он признался, что виноват...», — он уже не мог выплатить компенсацию, то распорядился по крайней мере отслужить за него заупокойные мессы на сумму в 5 гривен.

Завещания подобной формы в XIV в. пока не встречались. Даже у еще одного проводника рыцарской культуры и знатока западной жизни, зволенского жупана магистра Дуонча. В завещании 1345 г. он кратко пишет, что оставляет в наследство дочери Кларе, ее мужу Шебешу и их сыну «...*possessio Sumberg*¹...». Свою приверженность рыцарскому образу жизни он проявил в том, что вообще одним из первых венгерских дворян добился в 1327 г. у короля грамоты на право иметь герб. С того времени он мог пользоваться золоченым украшением, гербом и знаменем. В историю Словакии он вошел прежде всего своей помощью городам, покровительством искусству и защитой церкви. При нем были построены замки в Склабине, Ликаве, Блатнице и Липтовском Градке, благодаря его ходатайству Ружомберок и Турчанский Св. Мартин получили городские привилегии, и на его средства был построен францисканский монастырь в Словенской Любче. Магистру Дуончу принадлежит заслуга и в экономическом подъеме вверенного ему района — Зволенской жупы, из которой при нем образовались четыре самостоятельные жупы — Зволенская, Оравская, Липтовская и Турчанская. В те времена,

¹ Имение Шумберг (лат.).

когда он был жупаном, развернулось горное дело в Липтове и выросла плотность заселенности Турца. В отличие от Друтетов, ему не суждено было остаться на вверенной территории навсегда. Его тоже не обошла стороной политика почетных жалований Карла Роберта. В 1334 г. король взамен Оравского замка дал ему замковое поместье Комарно и два поместья меньшей площади на юге страны, хотя король сделал это, как он сам пояснил в жалованной грамоте, с целью иметь магистра Дуонча ближе ко двору.

С территорией Словакии связаны имена и других знатных родов, таких, как Бебеки, Конты, дворянские семьи из Сечи, из Павловцев, из Ельшавы, представители которых в правление Анжуйской династии занимали высокие посты в областной администрации и при дворе.

Введением системы пожалований *«pro honore»* король заручился верностью вельмож и в известном смысле решил и проблему управления страной. Однако эта система не сняла вопроса, как наполнить опустевшую королевскую казну. Львиная доля доходов от земельной собственности короля исчезала в руках отдельных сановников.

2.2. Реформы королей Анжуйской династии

Доходов с замковых поместий, которые король оставлял себе, не хватало, чтобы покрыть затраты, необходимые для ведения далеко идущей династической политики и для финансирования великолепной репрезентативной королевской резиденции в Вишеграде. Поэтому Карл Роберт сосредоточил внимание на неукоснительном соблюдении так называемых королевских привилегий — мыта, сбора пошлин с горного дела, с монетного двора и с торговли солью, которые составляли традиционные поступления в королевскую казну еще во времена правителей династии Арпадов. Хотя он исходил из практики предшественников — Арпадов, но всю финансовую систему путем множества реформ поднял на качественно более высокий уровень.

Задачей первостепенной важности он считал введение стабильной, твердой валюты, которая не подвергалась бы ежегодному обмену и связанной с этим девальвации, то есть снижению содержания драгоценного металла в монете. Чтобы королевская казна не потеряла доход с чеканки неполноценной монеты, так называемый *lucrum camerarum*¹, Карл Роберт нашел выход в установлении «подворного» налога (букв. «с ворот»), который на первом этапе предназначался для покрытия расходов, связанных с денежной реформой — введением качественного серебряного денария. В более поздние времена он стал основополагающим элементом налоговой системы и с некоторыми видоизменениями продержался до 1848 г.

¹ Доход монетного двора (лат.).

Но серебряный денарий не смог вытеснить из обращения более качественный чешский грош, и в 1325 г. Карл Роберт перешел на золотую валюту. По флорентийскому образцу он начал чеканить золотые монеты, называвшиеся флоринами, которые хотя и стали излюбленным платежным средством прежде всего при крупных торговых сделках, но проблемы единой валюты не решились. Чешский грош по-прежнему оставался самой популярной денежной единицей. В конечном итоге венгерский король по соглашению с чешским королем Яном Люксембургским начал чеканить серебряный грош в самой Венгрии.

Денежная реформа не имела бы желаемого успеха, если бы при ее осуществлении король не мог исходить из богатых месторождений драгоценных металлов, которые находились главным образом на территории современной Словакии. При правителях династии Арпадов соблюдался обычай, по которому все драгоценные металлы, залегающие в земле, являлись исключительно собственностью правителя. Если землевладелец на своей земле обнаруживал драгоценный металл, он был обязан заявить о находке и либо отказаться от земельного участка за финансовое вознаграждение, либо ему в обмен выделялось другое землевладение. Естественно, при таком порядке вещей землевладелец не был заинтересован ни в добыче, ни в объявлении об открытии месторождения. Предпринятая в 1327 г. Карлом Робертом административная мера — наделение землевладельцев правом свободного занятия горным промыслом (так называемая горная свобода) — дала церковным и светским землевладельцам возможность добывать руду на своей земле, причем часть они должны были отдавать королю ($\frac{1}{15}$ от добытого металла) или сдать в аренду другому горноразработчику — тогда им принадлежала $\frac{1}{3}$ от королевского налога на горный промысел драгоценных металлов. Эта мера привела к исключительно позитивным результатам для развития горного промысла и для чеканки монет.

Контроль над горным промыслом и чеканкой монет был поручен королевским «камерам» (палатам) — горной и монетной. К четырем палатам, действовавшим еще при Арпадах (Эстергом, Буда, Срем и Чанад), при Анжуйской династии добавились еще шесть. Территория Словакии подлежала компетенции палат Кремницкой и Смолницкой (впоследствии Кошицкой). Местоположение палат было выбрано не случайно. Когда их учреждали, здесь было самое крупное производство драгоценных металлов. Кремницкая палата отвечала за комитаты Братислава, Тренчин, Нитра, Турьец, Орава, Липтов, Теков, Гонт, Зволень, Новоград и Малогонт, а из комитатов Комарно и Пешт — за те районы, которые были расположены севернее и восточнее Дуная. В компетенции Смолницкой палаты находились комитаты Абов, Спиш, Турня, Гемер, Шариш, Земплин и Уж (Унг).

Уникальные свидетельства того, каким образом было организовано горное и монетное предпринимательство, содержатся в договорах иму-

щественного найма, заключавшихся между королем и управляющими палат (так называемыми камеральными графами), которые за определенную сумму получили их в аренду. Например, из арендного договора, заключенного в 1338 г. между королем и магистром Фрихком, будайским мещанином, мы узнаем не только о весе, чистоте и форме денег, но и о том, как именно обеспечивалась защита монеты от подделки. Управляющий палаты — арендатор был обязан иметь в королевских городах, где чеканили монету, два шкафа. В одном лежали железные инструменты для чеканки монет, хранящиеся под печатями людей архиепископа эстергомского и королевского казначея. Во втором хранились слитки для литья, но без новых монет. Этот шкаф должен был быть опечатан тремя печатями и заперт на три замка, ключи от которых имел управляющий палаты, человек архиепископа и человек казначея. Шкафы можно было открыть только в их присутствии. Без них нельзя было чеканить монету. Если управляющий палаты без этих двух свидетелей или в отсутствие одного из них вскрыл бы замки и сломал печати, он должен был быть наказан казначеем как фальшивомонетчик. Но лишь в том случае, если оба свидетеля подтвердили свое отсутствие. Все заинтересованные лица были обязаны присутствовать особенно при литье серебра. Каждую неделю человек архиепископа и человек казначея должны были проверять в плавке 40 венских больших и малых денариев. Монетчики в королевских городах должны были находиться под властью и юрисдикцией управляющего палаты, чтобы их не обвинили в чеканке поддельных монет. С фальшивомонетчиками и их подручными должны были поступить так, как это было принято в королевстве — виновного сжигали. Делопроизводство, относящееся к горному и монетному предпринимательству, настолько возросло, что в 1338 г. потребовалось создание новой службы — канцелярии королевского казначея.

2.3. Словакия — центр тяжести экономики Венгерского королевства

Для экономического развития Словакии в XIV в. решающее значение имел тот факт, что на ее территории, вернее сказать — в ее чреве находилось громадное количество полезных ископаемых в масштабах не только общевенгерских, но и общеевропейских. Она занимала первое место прежде всего по добыче золота. По добыче серебра ее опередило соседнее Чешское королевство. Богатые месторождения драгоценных металлов в обеих странах стали одним из главных факторов, которые, — наряду с тем обстоятельством, что их почти совсем обошла стороной смертоносная эпидемия чумы в 1348—1350 гг., что они располагали пространствами, пригодными для заселения, и что у них было достаточно рабочих

рук — также способствовали подъему центрально-европейского края, которому до той поры приходилось довольствоваться тем, что его считают всего лишь периферией. Незаурядные правители из новых династий — в Венгрии Карл Роберт (1301—1342) и Людовик I Великий (1342—1382) Анжуйские, а в Чешском королевстве — Ян Люксембургский и его сын Карл IV — являлись тем связующим звеном, которое позволило завершить административное и правовое устройство края.

В числе прочих и экономические интересы побуждали преодолеть потенциальные разногласия между обоими королевствами. Одним из результатов трнавской встречи венгерского короля Карла Роберта и чешского короля Яна Люксембургского в 1327 г. был приезд кутногорских монетчиков на территорию Словакии в область кремницкого золотоносного района, чтобы они передали местным поселенцам опыт обработки драгоценного металла.

Хотя Кремница возникла не на голом месте, как думали историки в старину, — сохранившаяся часовня в романском стиле говорит об обратном, — но все-таки в момент приезда кутногорских «гостей» она была малозначащим селением. За сравнительно короткий срок она поднялась на уровень самых значительных горнопромышленных городов в общевенгерском масштабе. О высокой степени потребности в золоте свидетельствует переход от открытой его добычи к подземной и тот факт, что в 1385 г. в Кремнице наследственная штольня была заброшена уже давно. В конце столетия в Кремнице работало около 40 горно-обогачительных мельниц и плавильн, в которых было занято более тысячи наемных рабочих. Во второй половине XIV в. во всей Венгрии добывали предположительно от 2000 до 2500 кг золота в год. Из этого количества в указанный период доля только одной Кремницы составляла примерно 400 кг золота в год.

К основным районам добычи серебра, какими были Банскобыстрицкий и Банскоптявницкий, в годы правления Карла Роберта добавилась область Пуканца, а главное Смолник. Хотя первую скрипку в добыче серебра в общеевропейском масштабе играло Чешское королевство, Венгрия при годовом объеме добычи 10 тыс. кг серебра добывала 25% от общеевропейского объема.

В качестве примера того, какими богатствами располагал королевский двор Анжуйской династии, может служить свидетельство современного ей источника — Хроники Яна из Шаришских Соколовцев. Когда в 1343 г. королева Елизавета, вдова Карла Роберта, поехала в Неаполь, чтобы поддержать своего сына Андрея в его притязаниях на неаполитанский трон, «на расходы она имела при себе двадцать семь тысяч гривен из чистого серебра и семнадцать тысяч гривен из чистейшего золота. Венгерский король его величество Людовик послал ей следом еще четыре тысячи гривен из чистого золота. Было у нее также полбадьи флори-

нов и до самой границы страны очень много мелких денариев.» Таково показание хрониста. Его подсчет количества золота и серебра может оказаться преувеличенным, однако факт остается фактом, что королева Елизавета вывезла из страны такое количество драгоценного металла, которое равнялось двухгодичному объему добычи золота в европейско-средиземноморском регионе, и тем самым могла вызвать мгновенное падение цен на золото во всей Европе.

Если на вывоз золота и серебра Карл Роберт наложил эмбарго и за границу они могли попасть только в виде монет, то медная и железная руда стали желанными статьями экспорта на рынках всей Европы. Банскобыстрицкую медь в виде сырого литья везли через Венецию до самого Леванта и Сирии. Главную роль в этом играл капитал Флоренции и рода Медичи. Спишская медь, в свою очередь, завоевывала рынки Северной Европы, и в эту торговлю вкладывали капитал сначала фландрские, а во второй половине XIV в. — краковские купцы. Через Краков и Торунь ее везли в Гданьск, далее морем в Стокгольм, во Фландрию, заинтересованность в ней проявила и Англия.

Железная руда добывалась главным образом в Спишско-Гемерском Рудогорье. Часть обрабатывалась на месте, больше вывозилось за границу, а в Англии словацкое железо даже составляло конкуренцию железу, ввозимому из Швеции. Именно в связи с производством железа произошли революционные перемены в области металлургии, — применение водяного колеса для приведения в движение мехов и молотов.

Экономическая политика правителей Анжуйской династии и связанные с ней реформы не только привели к росту поступлений в королевскую казну, но прежде всего положительным образом сказались на развитии городов как важного показателя положения дел в сфере экономики. Об этой стороне деятельности обоих правителей — Карла Роберта и Людовика I Великого — с похвалой отзывается и Спишскосботская хроника: «Этот король, а также его отец, в Венгрии очень любили города, возвысили их и обустроили.» Обустройство стало возможным благодаря таким привилегиям экономического характера, какими были свобода торгов, право одной мили, мытные свободы и право складирования товаров. Может быть, наибольший подъем переживал город Кошице, который за поддержку короля еще во время борьбы с олигархией — прежде всего активным участием в битве под Розгановцами в 1312 г. — впоследствии мог предъявить не только изрядное количество грамот, признающих за ним важные экономические льготы, каковой, бесспорно, являлось предоставление в 1347 г. права складирования, но и уникальную гербовую грамоту, вообще впервые в Европе выданную городу в 1369 г. Кошице стали центром северо-восточной Словакии, недалеко от города проходил один из важнейших торговых путей Европы, соединявший Се-

верное море с Черным. Наряду с развитой западной областью в первые ряды выходит прежде всего Спиш.

Представление о Словакии как самой урбанизированной части Венгерского королевства в XIV в. можно подтвердить и статистическими данными. К существовавшим 30 городским территориям, которым были дарованы привилегии, при Анжуйской династии добавились еще около 60. Большинство из них скорее принадлежит к категории местечек, потому что по характеру хозяйственной жизни они мало чем отличались от деревень. По-настоящему городами стали Жилина — до 1312 г., Ружомберок в 1318 г., Бардейов в 1320 г., Стара Любовня в 1342 г., Модра в 1361 г., Скалица в 1372 г., Прьевидза в 1383 г. и Сеница в 1396 г. К горнопромышленным городам добавились в 1321 г. Пуканец, в 1327 г. Смолник, в 1328 г. Кремница, в 1345 г. Нова Баня, в 1379 г. Любетова и, наконец, в 1380 г. Брезно.

Хотя громкие политические события периода правления Анжуйской династии — войны за неаполитанское наследство, военные походы Людовика I в различные концы и регионы Европы — происходили вне территории Словакии, а по сути и за пределами Венгрии, некоторым словацким городам выпала честь принимать у себя высоких коронованных особ и быть местом дипломатических переговоров, которые существенным образом влияли на отношения Венгрии с той или другой страной. Переговоры с чешской и австрийской сторонами проводились, как правило, в Братиславе и Трнаве, что логически вытекало из их местоположения недалеко от границ обоих государств. Среди прочих отметим трнавскую встречу Карла Роберта с чешским королем Яном Люксембургским, которая состоялась в 1327 г. и помимо политических тем — урегулирование польских междоусобиц и помолвки королевских детей — важным пунктом обсуждения явились проблемы экономического характера — приглашение кутногорских монетчиков на территорию Словакии. В Кошицах Людовик Великий дважды встречался с представителями польских сословий. В первый раз в 1373 г. обсуждалась возможность возведения на польский трон по женской линии одной из его дочерей, а вторая встреча происходила в 1379 г., когда на роль будущей польской королевы была выбрана Мария. Воздавали почести новой польской королеве тоже на территории Словакии, в Зволене, в 1382 г. О значении Братиславы и Трnavы с точки зрения их роли и в политической жизни свидетельствует тот факт, что в 1381 г. они, а также города Буда, Вишеград и Шопрон участвуют в ратификации брачного договора дочери Людовика Ядвиги (Хедвиги) с австрийским герцогом Вильгельмом.

Из вышесказанного ясно, что правители Анжуйской династии с пониманием относились к проблемам городов. В равной мере очевидно, что и города как субъекты были заинтересованы в сотрудничестве с государ-

ственной властью, представленной королем и баронами страны. Растет значение городов как важных центров торговли и ремесел, а наиболее крупные и богатые благодаря строительству городских укреплений становятся существенным фактором и с точки зрения внутренней линии обороны страны. Точно так же растет и число местечек, которые находятся на трассах, соединяющих значительные торговые центры, выполняя тем самым незаменимую функцию центров торговли местного значения. Хотя ни один из словацких городов по численности населения нельзя сравнить с крупными городами Европы, все же Братиславу, Кошице, Банску Штьявицу, Левочу и Трнаву с 3000 жителей можно отнести к категории среднего по величине города. Остальные города и местечки имели не более 1000, а то и 500 жителей.

Растущее товарное производство, оживленная торговля и рост числа населенных пунктов требовали более густой сети дорог. К уже существующим торговым путям, этим артериям экономической жизни Европы, к числу которых принадлежал путь, связывающий Кошице и другие спешские города с Балтийским и Черным морями, в 1336 г. на западе добавилась так называемая Чешская дорога, которая по территории Словакии проходила через города Трнаву и Голич.

В прибыли от оживившейся торговли король имел долю благодаря таможенной регалии. Ввиду того, что большая часть таможенной регалии попадала в руки сановников, король ввел новую, так называемую внешне-торговую регалию «тридцатину», которая составляла 1% от стоимости вывезенного и ввезенного товара. Со временем новая таможенная пошлина стала одной из самых значительных статей доходов королевской казны.

Параллельно с процессом градообразования шел процесс заселения неосвоенных земель и расширение площади областей, уже заселенных в предыдущий период. В этом участвовали местные жители вследствие роста популяции и иноземные колонисты, главным образом немцы, а во второй половине XIV в. в меньшей степени валахи. Тем самым ареал заселения захватил и возвышенные места предгорий и горных областей, причем наибольшее число деревень, создававшихся на принципах немецкого права¹, возникло в северной и средней Словакии, в горной части комитата Тренчин, в Ораве, в Турце, Липтове, в верхнем и нижнем Спише, в среднем и северном Шарипше, в верхнем Текове, в северных райо-

¹ Имеется в виду «магдебургское и юрнбергское право» — феодальное городское право немецких городов, сложившееся в XIII в. на основе разных источников. Оно носило универсальный характер, т.е. трактовало различные виды правоотношений города. В средние века было очень распространено, его восприняли многие города разных стран, в том числе Венгрии и Литвы (с XIV в.), Галиции и Белоруссии (с XVI в.), где его называли «немецким правом». Немецкое право действовало до XVIII — XIX вв.

нах комитатов Нитра, Новоград, Гемер и Абов. Для единения центрально-европейского пространства большое значение имел тот факт, что процесс колонизации проходил не только на территории Венгрии, но что немецкие новопоселенцы прибывали со своими правовыми нормами и в Чешское, и в Польское королевства. Они приносили с собой и более эффективные методы обработки почвы, которые ускорили переход от натуральной ренты и барщины к денежной ренте и в конечном итоге упрочили экономическую базу Словакии. Заселение края становится более равномерным, происходит выравнивание различий между более развитой западнословацкой областью и остальной, ранее отсталой территорией Словакии. Благодаря международной торговле заметную роль начинает играть область Спиша, а из-за богатых месторождений руды — и средняя Словакия, главным образом среднесловацкие горнопромышленные города.

Хотя от этого периода не сохранилось никаких статистических сведений о численности населения, но если принять во внимание, что вследствие вышеупомянутого процесса в Словакии существовало около 3000 деревень и прибавилось несколько городов, то на вторую половину XIV в. приходится примерно от 400 до 450 тысяч человек.

По этническому составу население по сравнению с предыдущим периодом в сущности не изменилось и по-прежнему складывалось из словаков, венгров и немцев. Перемены наблюдаются только в соотношении между ними в некоторых областях в связи с растущей хозяйственной деятельностью. Численность немцев увеличилась прежде всего в среднесловацкой горнопромышленной области, в Спише, в Братиславе и в Малокарпатской области. В начале XIV в. немцы во множестве начинают селиться и на территории верхней Нитры, когда там было обнаружено месторождение золота в окрестностях Правно. Хотя в большинстве городов преобладал главным образом немецкий патрициат, начинают заявлять о себе и словацкие купцы и ремесленники. Наиболее ощутимо это проявилось в Жилине, где горожанам словацкого происхождения удалось добиться от Людовика I в 1381 г. декрета о важной привилегии *«pro Slavis»*, в котором король постановлял, чтобы в городском совете были представлены на паритетных началах обе народности и что бургомистром должен быть попеременно то словак, то немец. Этот документ является не только первым письменным доказательством совместного с немцами проживания словацкого этноса, но прежде всего выражает позицию правящего дома по отношению к многоэтничности государства, его понимание всех этносов как равноценных составных частей общества.

Этот сравнительно сухой перечень всего происходившего на территории Словакии не дает даже отдаленного представления о том, каким поразительным образом XIV век изменил действительную картину края, прибавляя ей все более новых красок. Зеленое пространство незаселен-

ных районов постепенно сокращается, вокруг месторождений драгоценных металлов набирает силу кипучая производственная деятельность, слышится стук водяного колеса и удары молотов. Сеть дорог заполнена торговцами разных национальностей, которые доставляют не только предметы роскоши в обмен на железо, медь, скот, вино и другую продукцию, но и новый подход к ремеслу, торговле и образованию. Благодаря доходам от хозяйственной деятельности в городах дает себя знать и эстетика, воплощенная в готическом искусстве в виде приходских городских церквей. Рост городского населения требует более грандиозного храма, а богатство города определяет пышность его убранства. До наших дней сохраняет свою выразительность живописный цикл «Борьба св. Владислава с половцами» в Велькой Ломнице, картина «Коронация Карла Роберта венгерским королем» в храме Спишского капитула. Универсализм, столь характерный для средневекового общества, исповедующего единую религию, в полной мере с блеском выразил себя и на территории Словакии. Великолепные скульптуры мадонн или распятия, украшающие интерьеры готических церквей и монастырей, являлись символами, которые в глазах представителя любого народа, любого сословия без слов выражали один и тот же идеал.

Хотя улучшение экономического положения касалось не всех групп населения и его можно расценивать скорее как относительное — доходы от драгоценных металлов в конечном итоге доставались королю, — для той эпохи невероятно продолжительный период без разрушительных войн внутри страны и тот факт, что чума лишь краем задела территорию Венгрии, позволяет считать XIV век одним из наиболее благоприятных и плодотворных периодов в средневековой истории этого региона.

3. Политическая история XV века

3.1. Сигизмунд Люксембургский

В мировой исторической литературе XIV век в глобальном смысле рассматривают под знаком кризиса (демографический, аграрный и т.д.) и застоя. Однако Венгрию (равно как и Чешское, и Польское королевства) этот кризис не затронул, напротив, историки оценивают XIV век как период подъема и расцвета, когда Венгрия «наверстала» свое отставание от Западной Европы. Следующее столетие для Европы, да и для Венгрии явилось тем периодом, который заложил основы Нового времени. Средневековье со своей универсальной культурой, рыцарскими идеалами постепенно подходило к концу. Новые культурные импульсы не обошли стороной и Венгерское королевство. Но это было одновременно

бурное и беспокойное время, когда Венгрии приходилось преодолевать много проблем. Самой важной и совершенно новой проблемой явилась экспансия Османской империи. Турецкая опасность отныне будет определять венгерскую политику, станет постоянным бременем, которое осложнит жизнь страны и несколько затормозит ее развитие. Венгрия XV века страдала и от других военных конфликтов, многие из которых разыгрывались как раз на территории современной Словакии, — в 20-е начале 30-х годов это были походы гуситов, в 40-е и отчасти в 50-е годы шла борьба за венгерский трон и междоусобицы отдельных магнатских кланов, которые влекли за собой смуту, хозяйственную разруху и запустение некоторых районов.

Новое столетие принесло изменения и в политическую сферу, средневековое королевство с твердой центральной королевской властью, каким была анжуйская Венгрия, постепенно преобразовывалось в сословную монархию. Правда, ее начальный период следует искать не ранее смутного времени после смерти Сигизмунда, когда почти тридцать лет фактически не было центральной королевской власти. В заседаниях сейма, на которых решалась судьба страны, участвовали представители всех трех сословий: духовенства, дворянства и городов (первые меры по превращению городов в особое «сословие» предпринял еще Сигизмунд Люксембургский).

Итак, формально сословное государство существовало, но в действительности эта система была еще непрочной и функционировала не всегда. Например, города хотя уже и были самостоятельным сословием, но все еще не имели на заседаниях сейма большого влияния. Матвей Корвин вообще приглашал их на заседания сейма только в исключительных случаях. Однако постепенное превращение страны в сословное государство являлось неоспоримым фактом, подобный процесс протекал и в других европейских странах.

Для средневековых государств было закономерностью, что ослабление королевской власти всегда знаменовало собой политическую нестабильность и смуту. То же самое происходило и с Венгрией, как только королевская власть слабела, так немедленно разгоралась борьба представителей магнатских родов за власть. Задачей правителя было держать эти тенденции под контролем. В случае его смерти или недееспособности хрупкое равновесие тут же нарушалось. Такая ситуация возникла после смерти короля Людовика I в 1382 г., когда на престол взошла его двенадцатилетняя дочь Мария и ее мать Елизавета в качестве регентши. После долгой и упорной борьбы за трон победителем в конце концов вышел (как муж королевы Марии) молодой, тогда еще девятнадцатилетний сын императора Священной Римской империи и чешского короля Карла IV Сигизмунд Люксембургский, 31 марта 1387 г. коронованный венгерский королем.

Его положение было незавидным, центральная власть пришла в полное расстройство, страну сотрясала гражданская война, и фактически она оказалась в руках нескольких могущественных магнатских родов. Дело в том, что подавляющая часть феодалов, особенно в южной Венгрии, поддерживала притязания неаполитанской ветви Анжу. После убийства их претендента на венгерский трон, Карла Малого из Дураццо, который даже был коронован венгерским королем и действительно 39 дней правил, началась открытая борьба против королей и Сигизмунда. Обе королевесы попали к ним в плен. Первоочередной задачей Сигизмунда было освободить супругу (ее мать Елизавету мятежники убили), подавить мятежных баронов и вернуть северо-западную область (комитаты Тренчин, Нитра и Братислава), которую он отдал в залог в обмен на военную помощь своим двоюродным братьям, моравским маркграфам Прокопу и Йошту. Вдобавок надо было восстановить центральную королевскую власть, бездействующую со смерти короля Людовика.

Уже в первой половине своего правления Сигизмунд сумел справиться со всеми проблемами, стоявшими у него на пути. Освобождение супруги не потребовало много времени, равно как и разгром мятежников в южной Венгрии. Труднее всего было покончить с зависимостью от магнатов. Основу их влияния составляли обширные наследственные владения и связанный с этим военный потенциал, а также участие в королевском совете, где они имели решающее слово в делах страны. В первые годы своего правления, чтобы удержаться на троне, Сигизмунд был вынужден уступать им во всем и щедро вознаграждать за поддержку. Но постепенно он стал стараться диктовать свою волю и консолидировать королевскую власть.

Существенную поддержку в этом ему оказывали способные новые люди, часто иностранцы, которых он приближал к себе и за верность и службу щедро награждал. В отличие от представителей старой аристократии, эти дворяне знали, что своим положением они обязаны королю, и, как показало время, они не покидали его ни в счастье, ни в беде. Все это натолкнулось на жесткое сопротивление магнатов, которое достигло кульминации в 1401 г., когда короля на какое-то время даже заточили в темницу. Магнаты особенно упрекали его за возвышение иностранцев; одним из условий его освобождения было требование лишить всех иностранцев при королевском дворе имений и должностей. Особенно белом на глазу был трансильванский воевода, польский шляхтич Стибор из Стибориц и его многочисленные родственники. На королевской службе Стибор получил много титулов и обширные имения главным образом на территории Словакии и таким образом стал одним из богатейших сановников в Венгрии. В своих грамотах он употреблял титул «владелец реки Ваг». Однако он был далеко не единственным иностранцем, который

выдвинулся на службе у Сигизмунда, — большое влияние приобрел и Герман Целиский (Циллеи) родом из Штирии, загребский епископ Эберхард (из рода Альбен) и некоторые чешские аристократы. Конфликт магнатов с королем разрешился компромиссом, хотя в отношении своих приближенных — иностранцев король не уступил ни на йоту. Решающая схватка между Сигизмундом и магнатами произошла через два года, когда в страну вторглось войско Владислава Неаполитанского (сына убитого Карла Малого) и большинство магнатов перешло на его сторону. Против Сигизмунда выступили по существу почти все представители «старой» аристократии, т. е. аристократии анжуйских времен. Но уже через несколько месяцев король уверенно овладел ситуацией. Его победа не была делом случая, к генеральному сражению с оппозицией он готовился давно, в королевские замки назначал кастелянами надежных, преданных себе людей, в большинстве своем представителей мелкого и среднего дворянства или иностранцев. Многих из них он возвысил до положения магнатов и тем самым создал новую, преданную себе аристократию, которая составляла аппарат государственной власти.

Ограничения могущества баронов Сигизмунд добился и тем, что существенно урезал систему так называемых имений *pro honore*, введенную в правление Анжуйской династии. Высокий пост в администрации до сих пор предполагал и пожалование в собственность (на время исполнения должности) крупных земель владений, которые в руках этого сановника могли послужить экономической и военной базой на случай сопротивления королю. Например, к посту палатина полагался и пост жупана нескольких жуп, тем самым и владение на этот срок всеми королевскими замками в соответствующих жупах. Сигизмунд отменил эту практику, и в его правление палатин располагал только одним замком, а именно Будой как центром государственного управления. То же было сделано и в отношении других должностей и званий.

В 1403 г. король покончил с внутренней оппозицией. До самого конца своего правления он больше не сталкивался ни с каким сопротивлением в Венгрии. Положительную роль в этом сыграла и его великодушная позиция по отношению к побежденным мятежным магнатам. Благодаря такой политике Сигизмунд устранил впредь угрозу недовольства, ненависти и противодействия. Он провозгласил всеобщую амнистию, каждый имел возможность заплатить выкуп, применительно к менее состоятельным — отслужить во искупление своей вины. Главные руководители мятежа постепенно получили назад не только свои имения, но и звания. В стране воцарился тридцатилетний мир (если не считать походы гуситов и борьбу с турками на юге страны) и стабильность, аналогию которой на столь продолжительный временной отрезок в средневековой истории Венгрии трудно найти, тем более если учесть, что Сигизмунд много лет проводил за пределами Венгрии.

Несмотря на это, при оценке короля Сигизмунда продолжает действовать определенный стереотип. Часто о нем пишут как о расточительном и легкомысленном правителе, который растратил наследие Анжуйских королей. Тем самым он якобы подорвал основы своей власти, подпал под влияние могущественных магнатов, от которого не освободился до конца своего правления. Однако дело обстоит сложнее, новейшие венгерские, а также словацкие исследования представляют совершенно новый взгляд на личность Сигизмунда Люксембургского. Он был вынужден делать щедрые пожалования на первом этапе своего правления, когда он мог удержаться на венгерском троне только с помощью магнатов. В это время молодой король действительно раздал половину королевских замков; но после победы в 1403 г. он радикально изменил свою политику пожалований. В дальнейшем количество королевских имений не только не снижалось, но даже виден некоторый прирост. Все оставшиеся годы жизни власть короля была прочной и независимой. Разумеется, по-прежнему существовали богатые и влиятельные магнаты, но это были люди, которых возвысил король, и решающим фактором в этом была его воля.

Доказательством расточительности Сигизмунда историки считали передачу в 1412 г. в залог части венгерской территории, конкретно 16 спишских городов (13 из Союза спишских городов и три других), польскому королю Владиславу. Сигизмунд получил за них заем в 37 тысяч коп грошей¹ (около 100 тысяч венгерских золотых), который был ему нужен для финансирования войны с Венецией. Города официально оставались собственностью Венгерского королевства, но управление и все доходы и прибыли до выплаты займа принадлежали польскому королю. Кроме прямых доходов от налогов и сборов, Польша получила и контроль над торговлей спишской медью, а также завладела стратегически важной пограничной территорией, которую Венгрии удалось вернуть себе только через 360 лет, в правление Марии Терезии в 1772 г.

Кроме расточительности и легкомыслия, историки приписывали Сигизмунду и другие отрицательные качества — вероломство, лицемерие, коварство. Эти оценки внесла в историческую литературу прежде всего старая чешская историография, в глазах которой король Сигизмунд как враг гуситов, — следовательно, чешского народа — был врагом номер один. Подобный взгляд на Сигизмунда долго держался и в словацкой литературе, особенно марксистской, где Сигизмунд выступал буквально как представитель «реакционных сил» против прогрессивных сил простого народа, выразителем которых считался гусизм. Тот же искаженный взгляд касался и оценки восприятия гусизма в Словакии. Завы-

¹ Гроши — серебряные монеты, счет им велся на копы, копа равнялась 60-ти штукам.

шалась мера его влияния, преувеличивалось число сторонников гусизма в рядах дворянства, появлялись концепции насчет каких-то очагов гусизма или гуситских таборов в Словакии; новейшие исторические труды опровергли все эти несостоятельные концепции. На сторону гуситов переходили отдельные феодалы, которые использовали их военную силу, равно как и смутное время, для безнаказанного грабежа имущества своих соседей или для сведения старых счетов. Но трудно отыскать за этим какие-то убеждения или симпатии к гусизму. Для населения Венгрии, а стало быть, и территории Словакии, гуситские войска, которые с начала двадцатых годов совершали опустошительные походы на территории сопредельных стран, однозначно были врагами. Эти походы носили грабительский характер, Словакия впервые испытала их на себе в 1428 г., а потом регулярно каждый год вплоть до 1433 г. Во время этих походов гуситы заняли некоторые значительные города и замки, где оставили свои гарнизоны. Окрестное население они обложили данью, при них на этих территориях наблюдается упадок экономики и сокращение численности населения.

Борьба с гуситами, которую Сигизмунд вел после смерти в 1419 г. своего брата, чешского короля Вацлава IV и которая длилась до поражения таборитов у Липан в 1434 г. (Сигизмунд был коронован чешским королем в 1420 г., но как чешский король правил только в 1436—1437 гг.), не позволила ему сконцентрировать силы и эффективно выступить против Османской империи, которая уже становилась грозой Европы. Турецкая опасность заявила о себе еще в начале правления Сигизмунда, когда после поражения Сербии на Косовом поле (1389 г.) Османская империя стала непосредственным соседом Венгерского королевства. В 1396 г. Сигизмунд организовал большой крестовый поход, в котором участвовали рыцари со всей Европы и который потерпел сокрушительное поражение в битве при Никополе. Сам король спасся бегством на корабле вниз по Дунаю. С той поры турки стали синонимом агрессии. Венгрия готовилась к обороне и создавала так называемые буферные государства (Сербия, Валахия, Босния), что ей удавалось с переменным успехом; наиболее благоприятный период пришелся на начало XV в., когда Османская империя занималась преодолением кризиса, вызванного династической борьбой за власть. Переломным был 1427 год, когда из-за предательства сербского капитана в руки турок попала крепость Голубац; таким образом, турки впервые в венгерской истории стали владеть территорией в границах Венгрии, причем не в форме вассалитета, как в 90-х гг. XIV в., а непосредственно. На следующий год при попытке отобрать Голубац Сигизмунд потерпел жестокое поражение. После этой неудачи он стал целеустремленно и взвешенно укреплять оборону южных границ посредством системы пограничных замков, на которые выделил

и значительные средства. Командование он поручал способным людям, которые были не только замечательными воинами, но и банкирами (Пипо из Озоры, Матко Таллоци). Благодаря такой политике ему удавалось до конца своего правления удерживать статус-кво.

Еще менее удачной была война Сигизмунда с Венецией, закончившаяся для Венгрии потерей Далмации. Следовательно, ратное дело не было сильной стороной Сигизмунда, зато тем больших успехов он добился на арене европейской политики и дипломатии. Здесь Сигизмунд принимал все большее участие со времени коронации его германским королем (в 1411 г., с 1433 г. — также император Священной Римской империи). Наибольшей его заслугой стало руководство Констанцским собором, который положил конец многолетней Великой схизме¹, благодаря этому успеху Сигизмунда считают одной из наиболее значительных фигур европейской истории.

С точки зрения венгерской (а значит, и словацкой) истории правление Сигизмунда тоже заслуживает положительной оценки. Он осуществил важные военные, денежные и административные реформы, большое значение имеет его попытка создать «королевское городское сословие». Благоприятному развитию городов (Сигизмунд во все время своего правления внимательно следил за соблюдением их прав) способствовало также урегулирование обстановки и стабильность в стране, которая явилась результатом взвешенной политики Сигизмунда в отношении магнатов. Историки высоко оценивают и идею Сигизмунда создать большое и сильное государство путем объединения Венгрии, Австрии и Чешского королевства, которое было бы способно остановить продвижение Османской империи в Европу. Этот план он реализовал посредством свадьбы своей единственной дочери Елизаветы (от второго брака с Барбарой Циллей) с австрийским герцогом Альбрехтом, которого он назначил своим преемником. Незадолго до смерти Сигизмунд велел поместить в тюрьму свою супругу, которая против интересов своей дочери отстаивала право польского наследования венгерского трона. Кандидатом был малолетний польский король Владислав III, и Барбара надеялась править от его имени в качестве регентши. Альбрехт, ставший после смерти Сигизмунда в 1437 г. венгерским и чешским королем Альбертом, хотя и отпустил ее на свободу, но лишил всех владений в Венгрии. После этого Барбара до самой смерти жила то в Чехии, то в Польше.

¹ Великая схизма (1378—1417) — так назывался период одновременного существования двух (а с 1409 г. трех) пап: один в Риме, второй в Авиньоне, третий в Пизе. Великая схизма расколола западнохристианский мир на два, затем на три лагеря.

3.2. Создание сословного государства

После смерти Сигизмунда инициативу взяли в свои руки влиятельные магнатские роды, которые заставили нового короля уже в коронационной присяге пойти на множество уступок. Престиж короля Альберта страдал в том числе из-за его отсутствия в стране. Территория северной Словакии стала объектом вторжения польских войск, которые поначалу носили характер всего лишь отдельных вылазок польской шляхты, но постепенно становились составной частью политики краковского двора, заинтересованного в том, чтобы навредить Альберту. В высшей степени серьезной стала турецкая угроза, потому что весной 1439 г. Османская империя захватила Сербию. Король хотя и вернулся в Венгрию, но организовать оборону на должном уровне был не в состоянии. Слабое венгерское войско под его личным командованием пребывало в бездействии и вообще не встретилось с главными силами противника. Возможно, уже тогда в нем свирепствовала дизентерия, от которой 27 октября 1439 г. умер и сам король.

В короткое и слабое правление Альберта II снова возросло могущество магнатов, и было покончено с реформами Сигизмунда, которые король был вынужден отменить «как вредные нововведения» времен предыдущего короля. Кроме того, опять с поразительной быстротой уменьшилось количество королевских замков, король перестал быть крупнейшим собственником в стране и сделался всего лишь одним из крупнейших. Сигизмунд, который вначале сам привел в движение процесс такого же упадка, во второй половине царствования сумел вовремя его остановить. В момент кончины у него вместе с королевой было около 60 замковых имений (не считая оборонительных замков, построенных на южных рубежах Венгрии), а через два года, после смерти Альберта в руках короля оставалось уже только 35 — 36 замков, остальными замковыми имениями завладели бароны.

Итак, двух лет, прошедших после смерти Сигизмунда, хватило на то, чтобы бароны опять пришли к власти и стали диктовать условия новому королю. Стране пришлось ждать еще двадцать лет, пока не появился монарх такого же масштаба, как Сигизмунд, — Матвей Корвин, который сумел снова укрепить королевскую власть и править твердой рукой. Смерть Альберта вызвала вспышку новой борьбы за трон. Боролись друг с другом два лагеря, условно говоря, «партия двора» и «магнатская партия». Первая осталась верной вдовствующей королеве Елизавете, которая ждала ребенка; если бы родился мальчик, венгерский трон должен был достаться ему. «Магнатская партия» стремилась посадить на трон шестнадцатилетнего польского короля Владислава III Ягеллона; эту партию составляла главным образом военная аристократия. Она исходи-

ла из традиции венгерско-польской унии времен Людовика Великого, в польском короле видела залог успешной, энергичной борьбы с турками. Как ни странно, но большинство из них были те, кого возвысил отец Елизаветы, император Сигизмунд.

22 февраля 1440 г. у королевы Елизаветы родился сын, которого она объявила королем Ладиславом V (в историю он вошел как Ладислав Посмертный, или Постум), и в четырехмесячном возрасте его короновали в Секешфехерваре святой короной. Менее чем через месяц венгерским королем короновали и его соперника Владислава Ягеллона (известного как Варненчик, потому что он погиб в битве под Варной). Обоих короновал один и тот же архиепископ, но Владиславу Ягеллону пришлось довольствоваться копией короны, взятой из реликвария св. Стефана, потому что святая корона находилась в руках Елизаветы. Таким образом, в Венгрии оказалось — не впервые — два короля, «Ладислав (Ласло) Чех» (Ладислав V, 1440—1457) и «польский Владислав» (Уласло I) (1440—1444). Коронация «польского Владислава» была беспрецедентным шагом, это стало откровенной демонстрацией превосходства власти сословий над королем. Ведь бесспорным законным наследником престола был Ладислав Посмертный как единственный сын венгерского короля. Ладислав Ягеллон не имел никаких родственных связей с венгерской правящей династией. Избрание двух королей раскололо общество и ввергло Венгрию в гражданскую войну.

Главной опорой Елизаветы был капитан чешских наемников Ян Искра, которого она призвала на службу за деньги, полученные от императора Фридриха III. Королева доверила Искре полученные в приданое имения, расположенные на территории Словакии, однако ему еще предстояло как можно скорее отобрать их у противников. Наемное войско Искры, состоявшее из бывших гуситских воинов, оказалось на редкость смелым и решительным, Искра вскоре захватил большую часть Словакии, в том числе важные горнопромышленные города. Владислав Ягеллон, владевший большей частью страны, в тот момент был не способен победить Искру, поэтому маневрировал и вел переговоры. Главные силы он сосредоточил на наведении порядка в той части страны, которая находилась у него в руках, и на борьбе с турками. Да и сама Елизавета считала борьбу с османами первоочередной задачей и в 1442 г. признала Владислава Ягеллона королем при условии сохранения прав за ее малолетним сыном. В том же году она умерла, но перемирие осталось в силе, большая заслуга в этом принадлежала папскому легату кардиналу Юлиану Чезарини, целью которого было примирить обе группировки, чтобы силы страны можно было сконцентрировать на турецкой опасности.

Своей прочной позицией в Венгрии Владислав Ягеллон во многом был обязан Яношу Хуняди, талантливому военачальнику, который уже

при жизни стал легендарным и по сей день является прославленным венгерским национальным героем. Его отец Вайк был родом из Валахии, король Сигизмунд даровал ему как своему рыцарю поместье Хуняд в Трансильвании, по которому он получил родовое имя. Благодаря Яношу слава и имения рода росли с головокружительной быстротой: его отец был простым рыцарем, сам он стал наместником, а его сын вззошел на венгерский трон.

Первых успехов Янош Хуняди добился в борьбе со сторонниками Елизаветы, которых он полностью вытеснил из центральной и южной Венгрии, так что у них остались только земли в Верхней Венгрии (на территории современной Словакии), захваченные Искрой. За свои заслуги он получил звание сереньского бана, а впоследствии и трансильванского воеводы, и связанные с этим обширные земельные владения. Но наибольшую славу Хуняди принесли его победы в войне с турками. С 1441 г. он одерживал одну победу за другой, особенно успешными были его походы осенью и зимой 1443 г., когда венгерское войско овладело Софией и двинулось дальше на юг. Однако из-за неблагоприятных погодных условий оно вернулось назад с тем, чтобы продолжить поход летом будущего года. Весной начались приготовления к операции, которая носила характер международного крестового похода, кроме иноземных наемников, оплачиваемых папой, его поддержал и венецианский флот. Однако операция вместо ожидаемого успеха в результате потерпела крах. Султан предложил Владиславу великодушные мирные условия, тот их принял и заключил с ним мир на 10 лет. Под давлением магнатов и кардинала Чезарини венгерский король нарушил договор и вторгся на территорию Османской империи. Генеральное сражение произошло 10 ноября 1444 г. под Варной. Венгерские войска потерпели сокрушительное поражение: в битве погиб Чезарини, а также король Владислав Ягеллон, больше половины армии осталось на поле боя или попало в плен, во время бегства на родину был захвачен в плен и Янош Хуняди.

Гибель короля снова свергла Венгрию в состояние анархии и хаоса, вновь разгорелась борьба между враждующими сторонами. На заседании сейма в 1445 г. обе стороны сошлись на компромиссном решении: они признают королем Ладислава Посмертного, если император Фридрих III вернет его вместе со святой короной. Одновременно они избрали семерых главных капитанов (в том числе Хуняди и Искру), которые должны были управлять страной на время несовершеннолетия Ладислава Посмертного. Поскольку Фридрих III по-прежнему отказывался отправить малолетнего короля в Венгрию, сословия в 1446 г. разрешили проблему вакуума власти, избрав Яноша Хуняди наместником (функции главных капитанов в следующем году были отменены).

Период наместничества Хуняди, притом, что формально решения о судьбах страны принимали сословия на заседаниях сейма, в действительности было периодом правления баронов. Хуняди старался прежде всего восстановить согласие в стране, но ему это не удалось. Неудачи преследовали его и в борьбе с турками, осенью 1448 г. венгерское войско потерпело поражение на Косовом поле. Самой большой неудачей Хуняди была его попытка свести счеты с давним соперником Яном Искрой, который продолжал удерживать свои властные позиции в Словакии. В 1447—1452 гг. он предпринял против него четыре безуспешные военные экспедиции, в результате в 1452 г. был заключен мир. Несмотря на неудачи, положение Хуняди оставалось неизблемым, ловкой политикой он сумел еще и укрепить свою власть.

Восстание австрийских сословий в 1452 г. заставило императора Фридриха III отпустить Ладислава Посмертного. В начале следующего года юный король принес присягу на сейме в Братиславе, назначил Яноша Хуняди главным капитаном страны и вернулся в Вену. Достижением Хуняди на этом сейме явилась высылка Яна Искры из Венгрии и конфискация его имущества. Парадокс заключался в том, что Ян Искра был выслан из страны после восшествия на престол короля, интересы которого он единственный отстаивал свыше двенадцати лет. Этот факт тоже свидетельствует об умении венгерского наместника добиваться своего. Однако Искра не потерял расположения короля, лично присутствовал на его чешской коронации, и уже в 1454 г. Ладислав снова пригласил его в Венгрию, чтобы он призвал к порядку своих бывших наемников, которые вместе с другими ветеранами гуситского движения (их называли братриками) причиняли стране массу неприятностей. В 1453—1458 гг. их численность возросла с 5000 примерно до 15—20 тысяч человек, они располагали 36 полевыми лагерями и замками и превратились в настоящую проблему для страны.

Последним крупным успехом Яноша Хуняди была победа над османами под Белградом в 1456 г. Хуняди удалось отстоять осажденный Белград против гораздо более сильного турецкого войска. Через несколько дней после этого он умер от чумы. Вскоре от той же болезни умер и еще один герой этого похода, итальянский францисканский монах семидесяти с лишним лет Джованни ди Капистрано (Янош Капистран), который вместе с Хуняди вел войско в поход и своими пламенными проповедями поддерживал в нем высокий моральный дух, чем во многом способствовал победе.

Смерть Хуняди использовали его главные соперники Циллеи. Ульрик Циллеи, который был дядей, воспитателем и ближайшим советником молодого короля, добился присвоения ему звания главного капитана. Соперничество переросло в настоящую драму, когда старший сын

Хуняди, 23-летний честолюбивый Ласло, заманил Ульрика в Белград и там велел его убить. Месть не заставила себя долго ждать, хотя в первый момент казалось, что король простил Ласло убийство своего фаворита. Но в марте 1457 г. он приказал арестовать ничего не подозревавшего Ласло вместе с его младшим братом Матвеем (Матяшем). После недолгого судебного разбирательства Ласло приговорили к смерти и казнили, Матвея король увез с собой в Прагу. Через неполных два месяца после прибытия в Прагу Ладислав V Посмертный внезапно умер (причиной смерти была лейкемия), и Венгрия опять осталась без короля.

Смерть Ладислава V кардинально изменила положение Матвея Хуняди. Из пленника он вдруг стал венгерским монархом: в январе 1458 г. венгерский сейм избрал его своим королем. Существенную роль в избрании нового короля сыграл его дядя Михаил Силади, который явился на заседание сейма в сопровождении войска и тут же был избран наместником. Избрание Матвея признал правитель Чехии, будущий чешский король Иржи Подебрад, который освободил Матвея из плена и обручил его со своей дочерью.

Таким образом, на венгерский трон впервые попал человек не из правящей или хотя бы княжеской династии, а представитель отечественной аристократии. Да и в аристократической среде Матвей Хуняди не мог похвастаться длинной и знаменитой родословной, ведь их род возвысил до уровня магнатов всего лишь его отец. Поэтому большинство европейских королевских домов смотрели на нового венгерского короля как на безродного выскочку или даже как на узурпатора королевского престола. Сознание своей неродовитости отравляло душу Матвея во все время его правления, поэтому льстецы, придворные писатели и поэты старались сочинить ему соответствующее родословное древо; так, например, возникло и по сей день иногда всплывает в исторической литературе фантастическое предание о том, что отец Матвея был внебрачным сыном императора Сигизмунда. Наибольшим успехом пользовалась легенда, исходным материалом которой послужил геральдический знак рода Хуняди — ворон с короной в клюве. Латинское название ворона — *corvus* — свидетельствовало, что предков Матвея следует искать еще в Древнем Риме, в роде Корвинов, из которого якобы вышел сам император Константин Великий.

Молодой Матвей Корвин взялся исполнять функции правителя весьма энергично. Уже в августе 1458 г. он сместил своего наместника. Самой главной задачей он считал восстановление порядка в стране и укрепление королевской власти, причем он оказался в той же ситуации, в какой был некогда король Сигизмунд: страна находилась во власти нескольких могущественных баронов. Королевский домен к тому времени еще уменьшился, королю принадлежало около 10% замковых поместий

в стране, почти 80% находилось в частных руках, из этого магнатам принадлежало около 50%, более 18% — дворянам, остальное было в руках иностранцев (особенно это касалось земель, которыми владел Ян Искра на территории Словакии). В момент вступления Матвея Корвина на престол на территории Словакии в руках короля оставалось только 9 замков (большей частью в Поважье), тогда как в 1437 г. их еще было 32, а при вступлении короля Сигизмунда (1387) — 52 замка. За время правления Матвея Корвина положение с собственностью не претерпело существенных изменений, владения баронов и дворянства остались в неприкосновенности, увеличилось только королевское владение за счет имений иностранцев.

Политика Матвея Корвина, направленная на укрепление королевской власти, вызвала, естественно, недовольство магнатов, которое переросло даже в открытое восстание против него. Часть знати избрала королем императора Фридриха III (эта акция имела очень мало шансов воплотиться в жизнь, Матвея Корвина поддерживал папа и Венеция, так как от него ждали решительных действий против турок). В конце концов против Матвея выступил и Михаил Силади, но Матвея это не смутило, и он заточил мятежного дядю в тюрьму (после освобождения в 1460 г. он попал в плен к туркам, и в Константинополе султан его казнил). Матвей Корвин сравнительно быстро справился с мятежниками, при этом он использовал тактику, которую с успехом применял король Сигизмунд, — он не жалел вознаграждений для тех, кто боролся на его стороне. Наибольшие земельные пожалования получил род Розгоны и особенно Запольяи. Бывший фамилиар отца Матвея Имре Запольяи уже в 1459 г. стал королевским казначеем, получил огромные земельные владения на территории Словакии и таким образом выбился в аристократы.

Большой проблемой для Матвея Корвина вначале был Ян Искра, который занял по отношению к нему откровенно враждебную позицию и который все еще был хозяином большей части Словакии. Хотя Матвей Корвин постепенно сокращал его владения, полностью победить его не удавалось. Но в 1462 г. противники примирились, Искра сдал королю остававшиеся у него в руках замки, за что король принял его вместе с частью его войска на королевскую службу, возвел его в звание венгерского барона, пожаловал ему два замковых поместья на юге Венгрии и 40 тысяч золотых. Впоследствии Ян Искра служил Матвеем Корвином в качестве военачальника и дипломата до самой своей смерти (1469 — 1470 гг.).

После усмирения Яна Искры у Матвея уже не осталось в пределах его королевства серьезных противников. Мощь магнатов он твердо держал под контролем, так что его позиция не пострадала сколько-нибудь существенно даже от восстания, которое разразилось против него в 1467 г., наоборот, он быстро подавил его, и королевская власть вышла из него сильнее прежнего. И заговор 1471 г., во главе которого стоял ранее пре-

даннейший его соратник архиепископ эстергомский Ян Витез из Средны, не представил для Матвея Корвина большой опасности.

В 1463 г. Матвеем Корвином удалось окончательно уладить отношения и с императором Фридрихом. Фридрих признал его венгерским королем, вернул ему королевскую корону и город Шопрон, за что Матвей Корвин выплатил ему 80 тысяч золотых и подтвердил его право наследования венгерского престола, если он умрет бездетным. Обретение королевской короны было для Матвея Хуяди очень важным делом, согласно понятиям средневековья, королевской властью наделяется только король, коронованный святой короной, вот почему она представляла для Матвея, который получил венгерский трон не по праву наследования, такое большое значение. Итак, в марте 1464 г., когда в Секешфехерваре архиепископ эстергомский короновал его святой короной, Матвей Корвин стал венгерским королем по всей форме.

Историки иногда расценивают период правления Матвея Корвина как опыт создания централизованной монархии, нередко ему приписывают даже тенденции к абсолютизму. Новейшая литература оценивает правление Матвея Корвина более осторожно, он тоже был вынужден делиться властью с «дворцовой аристократией», однако нельзя отрицать тот факт, что у него была истинно королевская власть, хотя она зиждилась на гораздо меньшей правовой базе, чем та, которой располагал его выдающийся предшественник император Сигизмунд. Матвей Корвин в каждом конкретном случае очень умело использовал силы общества, которые ему помогали (мелкое дворянство, мещанство).

Таким образом, Матвей Корвин, благодаря продуманной политике и реформам, добивался успеха в консолидации государства. В его правление, например, существенно возросли королевские доходы, предположительно их оценивают в 750 — 800 тысяч золотых в год (при Ладиславе Посмертном было около 113 тысяч золотых). В историю вошло «черное войско» Матвея Корвина, армия наемников, которая составляла примерно 20—30 тысяч человек, преимущественно конницы.

Менее успешно у короля обстояло дело с борьбой против Османской империи. Хотя Матвея Корвина, — памятуя его отца, — посчитали таким правителем, который остановит турок, рвущихся в Европу, он в этом отношении сделал очень мало. Деньги и поддержку, которую он получал от папской курии, он использовал на войны в центрально-европейском направлении. Он стремился получить чешскую корону, из-за чего вел войну с чешским королем Владиславом II Ягеллоном (он взошел на трон в 1471 г. после смерти Иржи Подебрада) и его отцом, польским королем Казимиром IV. Честолюбивый Матвей Корвин добивался правления в Австрии и самой императорской короны, поэтому в последнее десятилетие своего правления ввязался в войну за Австрию. Ему даже удалось занять Вену (1485 г.),

куда он с того времени перенес свою главную резиденцию. Агрессивная внешняя политика Матвея Корвина поглощала военные и финансовые средства, необходимые на южной границе Венгрии, что сыграло на руку туркам в их продвижении на Балканах. Можно сказать, что уже в его правление дело шло к трагической развязке при Мохаче в 1526 г.

В последние годы жизни Матвей Корвин старался решить проблему наследования. В первом браке с Катариной Подебрад у него детей не было (она умерла в 1464 г.). После долгих поисков подходящей невесты — в европейских королевских домах Матвея Корвина считали выскочкой — он в 1476 г. женился на дочери неаполитанского короля Фердинанда Арагонского Беатрисе. Но и она не дала ему детей, поэтому король старался обеспечить право наследования своему внебрачному сыну Яну Корвину (его родила ему австрийская мещанка Барбара Эдельпек). Планы Матвея Корвина перечеркнула безвременная смерть в результате апоплексического удара, который настиг его в 1490 г. в Вене.

4. Социальная структура позднесредневекового общества

Венгрия, в том числе и территория Словакии, в XV веке все еще была типично средневековым королевством; политические, экономические, социальные структуры, несмотря на некоторые новые элементы, оставались неизменными. Она по-прежнему была страной аграрной, подавляющую часть населения составляло феодально-зависимое крестьянство, определяющей общественной силой было дворянство.

Численность населения всей Венгрии, согласно новейшим демографическим исследованиям, колебалась от 3—3,5 миллиона в начале XV в. до примерно 4—4,5 миллиона человек в конце века (вместе со Славонией и Трансильванией), численность населения Словакии — около 500—550 тысяч человек. Эти данные, однако, весьма приблизительны, их источниками являются описи повинностей (урбариум), которые сохранились лишь в очень редких случаях и отрывочно, к тому же в них записано только число податных единиц в данной местности, а не численность населения. Подавляющее большинство населения жило в сельской местности, численность жителей городов и местечек составляла предположительно около 8,2% от общей численности населения (в Западной Европе несколько больший процент, равно как и в сопредельных странах — Польше, Чешском королевстве — около 15% жителей). Даже самые значительные и крупные свободные королевские города (например, Кошице, Братислава) по европейским меркам были городами средней величины (5—10 тысяч жителей). В целом в Словакии в конце XV столетия было около 200 населенных пунктов городского типа.

Предположения относительно плотности населения в Венгерском королевстве колеблются в среднем от 10 до 32 человек на кв. км, но это очень приблизительные данные, в возвышенных районах Словакии, заселенных преимущественно валахами, которые занимались скотоводством, плотность населения гораздо ниже, например, в Липтовской и Оравской жупе — до 5 человек на кв. км, на большей части территории Словакии 5—12, в Гонтской и Абовской (в окрестностях Кошиц) жупах даже 15 человек на кв. км. Численный состав домохозяев, т. е. число живущих в одном доме, в границах Венгрии предположительно составлял около 6,3 душ. По сравнению с соседним Чешским королевством заселенность Венгрии (значит, и Словакии) была более редкой, о чем свидетельствуют и некоторые сохранившиеся памятники: например, в 1471 г. венгерское посольство, которое на выборах в сейме в Кутной Горе отстаивало право Матвея Корвина на чешскую корону, в своем выступлении сравнивало оба королевства; Венгрия рисовалась у них страной, славящейся обилием всех вещей, а Чехия — страной выдающейся численности и плодovitости населения.

Плотность населения обуславливали различные факторы, в течение XV в. обычным делом было обезлюдение и даже полное запустение некоторых населенных пунктов или целых районов. Число усадеб, которые платили подати (подати платились с одних «ворот», с одного «входа»), со времени короля Сигизмунда до конца XV столетия сократилось на 1/3. Уменьшение численности населения вызывалось разными причинами — массовая гибель от голода из-за резких перепадов погодных условий, например, долгой зимы или чрезмерной жары и засухи (которая постигла Венгрию, в частности, в 1473 г.). Причиной убыли населения были и эпидемии чумы, которые повторялись несколько раз за десятилетие, ограниченные возможности добыть средства к существованию (если, например, отдельно взятой усадьбе принадлежало слишком мало земли), насильственные действия и междоусобицы отдельных землевладельцев, вторжения иноземных войск (например, вторжения гуситских войск на территорию Словакии в первой трети века или нападения польских войск в конце XV столетия). Несмотря на все эти негативные факторы, демографическое развитие в Словакии в XV в. имело тенденцию к умеренному росту.

Определяющей силой общественного развития в средневековом обществе была его элита — дворянство, хотя оно и составляло всего лишь минимальный процент населения. Согласно новейшим гипотезам, в рамках всей Венгрии это было менее 5% от общей численности населения, из них состоятельное (среднее и высшее) дворянство составляло около 1,5% от общей численности населения. Основой основ дворянства было владение землей, дворянин жил на собственной земле и единственной его обязанностью была военная служба. Тем самым как собственник (*homo possessionatus*) он отличался от остальных слоев населения (*homines impossessionati*). Кро-

ме владения земель (хотя бы клочком или даже всего лишь усадьбой), дворяне пользовались и полной свободой личности, освобождением от налогов и другими привилегиями, из которых важнейшим было то обстоятельство, что без законного предписания, судебного разбирательства и приговора дворянина нельзя было отправить в тюрьму, причем дворяне были подсудны только королю (имели право быть судимы лишь самим королем или его сановниками, т. е. судьей области или палатином).

Структура дворянства на всем протяжении XV столетия не претерпела существенных изменений. Решающую роль играла только самая влиятельная или самая богатая группа, часто обозначаемая термином аристократия, олигархия, магнаты или вельможи. Хотя формально все дворяне были равны между собой (этот принцип был сформулирован в декрете короля Людовика Анжуйского в 1351 г.), в действительности дело обстояло совсем не так, дворянство как класс делилось на определенные, относительно обособленные слои. Среднее и особенно самое многочисленное мелкое дворянство в тот период не допускалось почти ни к какому участию во власти. Судьба страны решалась группой аристократии или ее верхушкой — баронами, которые вместе с церковными иерархами — прелатами — составляли королевский совет. Титул барона изначально принадлежал исключительно носителям высших званий на королевской службе, формально бароны отделялись от остальных магнатов титулованием *magnificus*, *magnificus dominus* или *dominus*¹. В период правления Анжуйской династии существовала группа магнатов, почти тождественных категории баронов и прелатов. Впоследствии, однако, возрастало число богатых и влиятельных магнатов, которым не досталось должности высокого ранга, поэтому все чаще проявлялась тенденция расширить круг баронов. Уже с конца XIV в., но особенно в XV в. с прибавлением титула *magnificus* начали называться и потомки или члены семьи баронов. В период правления Матвея Корвина таких баронов называли «бароны по имени» или «по рождению», в отличие от «настоящих» баронов, т. е. сановников. Все чаще начало употребляться и обозначение «магнаты», которое в конце концов возобладало. Таким образом, решающим фактором принадлежности к этой группе стал не сан, а величина имения; в правление короля Матвея Корвина эта группа магнатов стала выделяться как особый, отличающийся и по формальным признакам (например, употреблением печати красного цвета) слой дворянства.

Большинство представителей среднего и мелкого дворянства нашло себе применение на службе у высокопоставленных феодалов в качестве фамилиаров. Институт фамилиаров в известной мере напоминает западно-европейскую ленную систему. Дворяне — фамилиары какого-нибудь

¹ Благородный, благородный господин, ... сударь или милостивый государь (лат.).

феодала (*in familiaritate et comitiva, in sequela et familiaritate*), как и вассалы в странах Западной Европы, несли военную службу у своего сеньора, воевали в его бандерии (*sub eius vexillo*¹), были его кастелянами, канцеляристами, поджупанами, осуществляли судебную власть над его крепостными во время его отсутствия и прочее. К категории самых тяжких преступлений средневековья — предательству, измене (*nota infidelitatis*²), за которое применялось наказание в виде лишения головы и имущества, относилась не только измена королю, но и предательство своего господина. Каждый дворянин стремился найти себе как можно более богатого и влиятельного господина, потому что через фамилиаритет вел путь вверх. Верхом стремлений была служба при королевском дворе, там были неограниченные возможности, и из представителя мелкого дворянства (при Матвее Корвине даже из рядов феодально-зависимого крестьянства) можно было стать магнатом. По большей части, однако, этот путь был открыт только для более или менее состоятельного дворянства. При королевском дворе мужчины с детства начинали свою карьеру, становясь пажами, впоследствии — придворными рыцарями. Но и группа придворных рыцарей не была однородной. Помимо простых рыцарей, среди дворян существовала группа приближенных, королевских фамилиаров, советников, сотрапезников на пирах, жупанов (глав комитатов), кастелянов, а также и представителей видных магнатских семей, которые пока еще только ожидали своего назначения на должность. Эти люди титуловали себя *strenuus miles* или *strenuus vir*, с XV в. очень часто употреблялся и титул *egregius*³. Эту группу дворян можно было бы отнести к среднему и высшему дворянству, и в источниках ее иногда обозначают понятием *proceres*⁴. Как правило, им принадлежало 10—25 деревень и один замок в качестве резиденции и административного центра.

Самый многочисленный слой дворянства (около $\frac{2}{3}$ от общего числа) располагал одной усадьбой и несколькими зависимыми крестьянами. По этой причине подавляющее большинство дворян вели такой же образ жизни, как и феодально-зависимые крестьяне, их положение было лучше в том отношении, что они не платили податей своему господину. Оскудение многих дворянских родов было обусловлено принципом наследования (*aviticitas*), который действовал в Венгрии и согласно которому наследовали все мужские потомки рода (не только старший сын, как это было принято в других странах). Полная потеря имения, этой основы дворянства, означала жить под чужой крышей, следовательно, попасть в категорию недворян и вести жизнь на земле своего господина на положе-

¹ Под его знаменем (лат.).

² Зд. уличение в измене (лат.).

³ Смелый воин...решительный муж...высородный, высокочтимый (лат.).

⁴ Знатнейшие, знать (лат.).

нии работника, в полной зависимости от него. Решением проблемы был уход в наемные солдаты, в торговлю, искать счастья в городе и тому подобное. В худшем случае такие обедневшие дворяне становились разбойниками, о чем свидетельствуют списки преступников, так называемые проскрипции, составлявшиеся на собраниях разных комитатов, где в большом количестве представлены дворяне.

Наибольшие возможности для мелкого и среднего дворянства открывались во время восшествия на престол нового короля. В большинстве случаев сначала он должен был выиграть борьбу за власть с влиятельными магнатскими родами, поэтому искал союзников и создавал свою собственную, преданную ему аристократию. Такая ситуация сложилась при вступлении Сигизмунда Люксембургского, а также Матвея Корвина. Много представителей мелкого дворянства и даже мещанства проникло тогда в относительно замкнутый слой аристократии, при Матвее Корвине этот путь не был закрыт даже для феодально-зависимых крестьян.

Пятнадцатый век породил (не только в Венгрии) новый тип дворянина, дворянина-предпринимателя. Показательным примером такого дворянства были Турзо. Юрай Турзо, дворянин из Бетлановец в Спише, распростился с образом жизни деревенского дворянина и осел в Левоче, где добился больших успехов в торговле. Его сын Ян стал коммерсантом и предпринимателем европейского масштаба. Сначала он основал филиал фирмы в Кракове (сам стал краковским мещанином) и постепенно превратил его в международное предприятие с филиалами в Левоче и Кошицах. За границей он успешно занимался новыми технологиями откачки воды из рудников, поэтому получил разрешение на подобную деятельность и в Венгрии. Со временем Турзо удалось взять у короля в аренду разработку меди в окрестностях Банской Быстрицы, он объединился с южно-немецким банкирским домом Фуггеров из Аугсбурга и создал компанию Турзо-Фуггер, которая экспортировала банскобыстрицкую медь во многие страны Европы. Но большинство дворян по своему образу мышления и стилю жизни принадлежало к средневековью. В ту эпоху одним из атрибутов дворянского сословия все еще был замок. Кроме оборонительной и экономической функции (с замком было связано обладание деревнями и землей), замок выполнял и представительскую функцию, служил символом статуса его владельца. Но владеть замком могли только самые богатые, подавляющее большинство дворянства жило в небольших замках или в дворянских усадьбах. Количество замков на протяжении XV в. сколько-нибудь существенно не изменилось, зато с поразительной быстротой росло число небольших замков (*castellum* — крепостца) и крепостей, что было обусловлено бурным периодом гражданской войны.

Дворянство и духовенство были двумя основополагающими сословиями, которые выносили решения о судьбах страны. Иерархия духовен-

ства была почти тождественна иерархии дворянства, представители высшего слоя — прелаты, т. е. архиепископы и епископы, и настоятели некоторых орденов общин, — почти всегда были выходцами из магнатских семей (это положение изменилось только в правление Матвея Корвина), средний слой — каноники и священники доходных приходов фактически совпадали со средним дворянством, и даже их образ жизни был одинаков. Самый нижний слой был представлен деревенскими священниками, капелланами, которые зачастую были выходцами из семей зависимых людей или из обедневших дворян.

Третьим сословием, формирование которого началось на протяжении XV столетия, были жители городов. Однако их политическое значение не соответствовало темпам их эволюции. Количество городов за XV век быстро выросло, но по большей части речь шла о местечках феодалов, и свои привилегии они получили благодаря ходатайствам своих землевладельцев. В конце XV в. 90% всех местечек и городов находились в руках феодалов. В правовом отношении городами в полном смысле слова оставались только свободные королевские города.

Городское население тоже было дифференцировано, но до более или менее серьезных конфликтов и борьбы за власть дело не доходило. Высшим слоем мещанства был богатый патрициат — купцы и владельцы недвижимости. Члены городского совета и бургомистр избирались исключительно из их рядов. Ремесленники и мелкие торговцы составляли средний слой, самые низы городского населения состояли из весьма разнородных элементов, сюда входили подмастерья, которые ждали случая стать мастерами, прислуга, поденщики, те, чей род занятий считался недостойным (палачи, комедианты), а также маргинальные элементы (проститутки, воры, бродяги). Численность городских низов (плебса) предположительно составляла около $\frac{1}{3}$ городского населения. Пятнадцатый век был еще периодом внутренней стабильности в городах, власть прочно удерживалась в руках патрициата, внутренней борьбы и волнений не происходило. Исключение составляли, вероятно, только межэтнические трения в некоторых городах, обусловленные засильем немецкого патрициата (например, под 1468 годом сохранилось сообщение о соперничестве словаков и немцев за место бургомистра в Трнаве).

Подавляющее большинство населения (целых 80%) составляли несвободные. Это были те, чьим уделом, — согласно средневековой политической доктрине о людях троякого рода, — было работать (люди троякого рода — это те, кто воюет, *bellatores*, — дворянство, те, кто молится, *oratores*, — духовенство и трудящийся народ — *laboratores*). Но и категория зависимого населения не была однородной, в правовом отношении к ним относились жители частновладельческих местечек, а также сельское население от зажиточных крестьян до батраков, не имевших ника-

кой земельной собственности. Согласно исследованиям венгерских историков, на каждые 100 зависимых приходилось 25 батраков, из них 10 имели дом, 15 не имели собственного жилья. К сельскому населению принадлежала и челядь, работавшая в имении феодала или более или менее зажиточного крестьянина. Среди зависимых находились и свободные, которые были освобождены от уплаты податей феодалу — за заслуги на господской службе, мельники феодалов и т. п.

Между зависимыми также существовало значительное имущественное расслоение. Каждый феодал был заинтересован в том, чтобы удержать при себе как можно больше преуспевающих зависимых людей, потому что каждый зависимый приносил ему доход. В течение всего средневековья главной проблемой был недостаток населения, поэтому феодалы старались, с одной стороны, удержать собственных зависимых, с другой стороны, — переманить к себе жителей других областей. Ведение хозяйства самим феодалом, т. е. в собственном поместье, в XV в. еще не получило распространения, хозяйственная деятельность землевладельца заключалась в том, что он отдавал землю своим зависимым в пользование на определенных условиях. Вплоть до середины XV в. зависимые крестьяне имели право свободно переходить от одного феодала к другому (в те времена иногда появлялись поправки к законам, которые на один год ограничивали переселение зависимых), то есть в случае недовольства своим положением они могли, заплатив определенную сумму, уйти туда, где были более приемлемые для них условия. Это обстоятельство могло повлечь за собой серьезные экономические последствия, особенно для малосостоятельных дворян. Поэтому споры между феодалами из-за зависимых людей в тот период являлись одним из наиболее частых поводов для конфликтов.

Притом, что существовали и зажиточные крестьяне — зависимые, большинство населения было вынуждено добывать свой кусок хлеба в тяжелой борьбе. Самого по себе урожая, от которого зависимый еще должен был отдать обязательные доли церкви и своему феодалу, не хватало для того, чтобы прокормить семью. Погодные условия, от которых средневековый человек полностью зависел, нередко оставляли без урожая и становились причиной повального голода. Поэтому крестьяне находили и другие способы добыть средства к существованию — разводили скот, раскорчевывали новые земли, на которых (если позволяли природные условия) культивировали виноград, закладывали фруктовые сады или выращивали овощи. Существенным источником пропитания вблизи рек было рыболовство, в лесах — дары леса и почти повсеместно — охота. Дело в том, что феодално-зависимые крестьяне в Венгрии, в отличие от других стран, вплоть до начала XVI в. (1504) имели ничем не ограниченное право охотиться.

Итак, ни в структуре населения, ни в экономическом и политическом устройстве Венгерского королевства в XV в. более или менее замет-

ных изменений не произошло. Несмотря на количественный рост поселений городского типа, Венгрия по-прежнему оставалась аграрной страной с относительно малоразвитыми торговлей и ремеслами. Это не значит, что процесс развития совсем застопорился; просто количественный, тем более качественный рост производства продукции был не в состоянии насытить отечественные рынки (в течение XV в. их сеть значительно расширилась, почти все более или менее крупные поселения и местечки имели право на торговлю). Поэтому экспорт был минимальный, всего около 10% от общего объема внешней торговли, тогда как импорт составлял почти 90%. На вывоз шли прежде всего крупный рогатый скот, овцы, шкуры животных, после создания компании Турзо-Футгер — медь. Важной статьёй экспорта было и вино, в XV в. виноградарство получило значительный размах. Большую роль в производстве вина играли города (в Словакии — в юго-западной области: Братислава, Трнава, Пезинок, Модра, а также Кошице на юго-востоке), которые арендовали виноградники и за пределами своих территорий. В юго-западной Словакии в этот период производилось около 100 тысяч бочек¹ вина в год, часть вина отправлялась на экспорт (в Польшу, в Чешское королевство и в Северную Германию), но большая часть шла на внутренний рынок, потому что вино было главным напитком средневекового человека (особенно в городах — из гигиенических соображений воду для питья употребляли редко).

Качественные ремесленные изделия и предметы роскоши в Венгрию приходилось ввозить. Это были в первую очередь качественные сукна и другие ткани, изделия из железа, писарские принадлежности — пергамент и бумага, пряности и плоды южных растений. Самыми крупными центрами внешней торговли в течение всего XV века были города Братислава и Кошице.

5. Культура в XV столетии

5.1. Придворная культура

Во времена, когда король Сигизмунд вступал на венгерский трон, главным центром культуры, как и при Анжуйской династии, все еще был королевский двор. В первой половине XV в. культура по-прежнему находилась под весьма сильным влиянием христианского универсализма и западной рыцарской культуры, но вторая половина столетия уже явилась периодом расцвета Гуманизма и Ренессанса, его нередко называют «золотым веком» культуры в Венгрии.

¹ Вместимость каждой бочки 56,6 литра.

Сигизмунд считал придворную культуру политическим инструментом, который должен повышать его престиж. Блеск королевского двора стал еще ослепительнее, когда его избрали германским королем и затем императором. Главной резиденцией короля была Буда, которую Сигизмунд со всем великолепием перестраивал и достраивал. У него на королевской службе работали мастера из Италии, Германии, Австрии, Франции, которых он вывез из своих поездок по Европе во время Констанцского собора. В конце своего царствования он намеревался построить главную резиденцию в Братиславе, которая должна была стать и столицей государства. Аргументом в пользу этого служило прежде всего удобное местоположение Братиславы вблизи Чешского королевства и Австрии. На перестройку замка Сигизмунд ассигновал большие финансовые средства, которые исчислялись несколькими тысячами венгерских золотых ежегодно, и, как явствует из сохранившихся счетов за 1434 г., там одновременно работало 220—240 человек. Сигизмунд хотя и не успел реализовать свой замысел, но в Братиславе останавливался очень часто, как и в расположенной неподалеку Трнаве, где он нередко принимал зарубежных глав государств и дипломатов и устраивал в их честь роскошные пиры, турниры, игры и охоту. Сигизмунд любил также бывать и в замке Тата (в современной Венгрии) и в Зволене, который, как и при Анжуйской династии, был главным местом королевской охоты.

Укреплению королевского авторитета призван был служить и рыцарский орден Дракона. Сигизмунд основал его в 1408 г. по западноевропейскому образцу. Целью ордена была заявлена борьба с язычниками и отступниками от истинной веры, его членами были король, королева и 22 представителя знати. Все члены, включая королевскую чету, были равны между собой. Эмблемой нового ордена был дракон, символизирующий силы ада, которого побеждает святой Георгий. Орден возник тоже как инструмент политики, как средство примирения с мятежной аристократией — Сигизмунд принял в члены ордена, наряду со своими приверженцами, и тех магнатов, которые противостояли ему в восстании 1403 г. Вначале в орден входили преимущественно венгерские аристократы, но впоследствии и многие иностранцы. Тогда орден уже терял свой практический смысл, сохранялось только символическое значение знака Дракона — ордена в современном понимании, — удостоиться присвоения этого ордена было большой честью. В своих поездках Сигизмунд награждал им выдающихся особ, поэтому орден Дракона встречается по всей Европе, им были награждены, в частности, великий князь Литовский Витольд, английский король Генрих V, арагонские короли Фердинанд I и Альфонс V, австрийский герцог Альбрехт, Марсилио ди Каррара, Бруноро делла Скала и другие. Орден пережил Сигизмунда и был упразднен только после вступления Габсбургов на венгерский трон.

Большое стимулирующее значение для культуры венгерского королевского двора имел констанцский «выезд в свет». На Констанцкий собор (1414—1418) короля Сигизмунда сопровождало несколько тысяч венгерских дворян. Некоторые ездили с ним в Париж, Перпиньян, Лондон, Рим, Милан. Они знакомились там с западно-европейской рыцарской культурой, со стилем жизни рыцарства. В то же время они не могли не видеть собственную отсталость и относительную бедность по сравнению с Западной Европой, смотревшей на них с некоторым пренебрежением и предвзятостью. К примеру, хронист Констанцкого собора Ульрих из Рихенталя отзывался о венгерских участниках собора как о грубых и диких людях, которых следовало бы даже поселить за городом, чтобы избежать конфликтов. Насколько превратные сведения он имел о венгерской действительности, свидетельствует его утверждение о том, что король Сигизмунд возводил венгров в дворянское звание за ничтожные подношения в виде кур, яиц и т. п. Конечно, в Венгрии уровень культуры, образованности и обучения в сравнении с Францией или Англией находился на существенно более низкой ступени, но все же он был далеко не таким, каким его представляли себе некоторые западно-европейские современники. Позитивное воздействие на венгров оказало именно знакомство с культурой итальянской, английской, немецкой, французской аристократии. Венгерская знать перенимала их манеры, взгляды, с того времени, например, в Венгрии начало стремительно распространяться присвоение гербов.

Во время поездок по Европе Сигизмунд познакомился с выдающимися европейскими учеными — философами, правоведами, медиками, а также с людьми искусства. Многие из них посвящали ему свои произведения, сопровождали его, некоторые уехали с ним в Венгрию. В ходе обоих соборов (Констанцкого и Базельского) у него была возможность встречаться с интеллектуальной элитой той эпохи, например, он общался со знаменитым философом Николаем Кузанским¹, с Розелли, встречался с молодым Энеа Сильвио Пикколомини². На Констанцском соборе король встретил Пьетро Паоло Верджерио (1350—1444), выдающегося гуманиста, который уехал с ним в Венгрию, а впоследствии его богатую

¹ Кузанский (Кузанус), Николай (1401—1464) — пантеист-мистик и в то же время натурфилософ, опирающийся на современные ему астрономические, математические и физические исследования; учил о вращении земли вокруг своей оси, предложил реформу календаря, осуществленную лишь в следующем столетии.

² Пикколомини, Энеа Сильвио (1405—1464) — итальянский гуманист, с 1458 г. римский папа Пий II. Его перу принадлежат, в частности, «Комментарии», содержащие много сведений о современниках и событиях, к которым он сам был причастен, а также сочинения по истории Базельского собора, истории Чехии и др.

библиотеку унаследовал венгерский гуманист Янош Витез. Верджеро написал биографию Сигизмунда, которая, к сожалению, не дошла до наших дней. Во время римской коронации на Сигизмунда произвела очень сильное впечатление встреча с монахом-францисканцем Бернардином Сиенским, народным проповедником и мистиком, который стал одним из самых популярных итальянских святых. Бернардin сопровождал его из Сиены в Рим и принимал участие в церемонии возложения на него короны императора.

Еще больший приток иностранных художников и ученых в Венгрию отмечен в правление Матвея Корвина, который благодаря и своей второй жене, неаполитанской принцессе Беатрисе Арагонской, стал энтузиастом распространения нового направления в культуре — гуманизма. Это общекультурное движение интегрировало христианскую веру с обширным наследием античной классики и возлагало новые надежды и новые требования к человеку и к его земной жизни. Одним из приверженцев и проводников гуманистической культуры в Венгрии был близкий соратник Корвина Янош Витез и его племянник Ян Панноний¹. При дворе Матвея Корвина жил Марцио Галеотто (1427—1497) из Нарни, который собрал высказывания короля и в 1485 г. издал книгу «О превосходных, мудрых и остроумных изречениях и деяниях короля Матвея». Не подлежит сомнению, что эта книга, подобно другим панегирическим произведениям придворных деятелей искусства, способствовала созданию образа короля Матвея Корвина как справедливого, доброго и остроумного монарха, который в фольклорной традиции сохранился и поныне. Под покровительством короля трудился и историк и ритор Антонио Бонфини (1434—1503) из Асколи, который по инициативе короля написал в духе Тита Ливия венгерскую историю «*Regum ungaricarum decades*». При правлении Матвея Корвина завершил свою историю («*Chronica Hungarorum*», 1488 г.) и королевский протонотарий Янош Туроци².

При короле меценате сложился кружок, куда входили и другие ученые и деятели искусства: Аурелио Брандолини, Пьетро Ранзано (1420—1492), Тадео Уголетти, который заведовал библиотекой в Буде, Марсилио Фичино³. В королевском дворце находилось собрание произведений итальянских скульпторов и живописцев (Вероккьо, Леонардо да Вин-

¹ Витез Янош (1408—1472) и Ян Панноний (1434—1472) — представители венгерского гуманизма.

² Туроци Янош (ум. в 1490 г.) — протонотарий государственного судьи, среднепоместный дворянин, завершивший свою, четвертую часть «Венгерской хроники» (три первые воспроизводили тексты более ранних хроник); издана в 1488 г. в Брюнне (совр. Брно); родом из Гонтского Пыра.

³ Фичино, Марсилио (1433—1499) — итальянский гуманист, неоплатоник. Состоял в переписке с Матвеем Корвином, не входя непосредственно в круг его приближенных.

чи). Прибытие королевы Беатрисы в Венгрию дало мощный толчок еще более широкому влиянию итальянского искусства, которое распространилось и на сопредельные страны (Моравию, Чехию). Беатриса внесла значительный вклад и в создание в Буде знаменитой Библиотеки «Корвина», содержащей 2500 томов. Она покупала в Италии рукописи и книги, коллекционировала произведения, которые авторы посвящали ей. При дворе Беатрисы бывал, например, известный поэт Анджеоло Полициано¹. Беатриса приглашала к себе также выдающихся европейских музыкантов и певцов. По ее инициативе итальянские архитекторы продолжали достраивать королевский замок в Буде.

При всем том, что гуманизм в Венгрии получил широкое распространение, на культурном уровне страны негативно сказывалось то обстоятельство, что в ней не было собственного университета. Чтобы получить образование, надо было ехать в другие страны, популярны были университеты в Праге, Вене, Кракове, Падуе. Обучение там стоило больших денег, его мало кто мог себе позволить. Обладателей высшего образования в Венгрии все еще было крайне мало, в среднем слое общества недоставало людей с университетским образованием — клириков, правоведов, судей низшей инстанции, государственных служащих. И хотя ситуация улучшилась по сравнению с первыми десятилетиями XIV в., когда не требовалось даже умения писать, все-таки знания венгерских клириков, например, в сравнении с их образованными коллегами были весьма скромными. Папа Бонифаций IX в своей булле 1389 г. постановил, что клирики должны уметь хотя бы читать, петь, выразить мысль и знать латынь. Если они не умеют даже этого, то должны под присягой дать обязательство пресвитеру, что в течение года пополнят свои знания. Простейший путь к формированию многочисленного слоя образованных клириков был отечественный университет. Сигизмунд и особенно Матвей Корвин сознавали это, и оба пытались исправить положение. Сигизмунд в тесном сотрудничестве с будайским капитулом основал новый университет в Старой Буде. В начале 1395 г. Сигизмунд направил своего посланника Лукаша из Санто, тайного канцлера² королевы и будайского пресвитера, к папе с просьбой учредить университет. Но первый период существования университета закончился уже через несколько лет в 1403 г. из-за восстания против Сигизмунда, в котором участвовал и канцлер. Второй этап, в котором Сигизмунд показал себя убежденным

¹ Полициано, Анджеоло (1454—1494) — итальянский поэт-гуманист, филолог; его поэзия (на лат. яз.) — один из лучших образцов ренессансной любовной лирики. В неоконченной поэме «Стансы о турнире» воплощен идеал человека эпохи Возрождения.

² Так называли главу придворного духовенства (ишпана капеллы), который являлся и хранителем королевской печати.

сторонником идеи университета, начался в 1410 г. Тогда Пипо из Озоры по приказу Сигизмунда отправился вести переговоры с папой Иоанном XXIII об урегулировании отношений между Венгрией и папской курией и наряду с этим просить папу дать согласие на открытие университета в Буде. Папа дал согласие, и новая учредительная грамота признала за этим университетом с четырьмя факультетами точно такие же привилегии, какие были дарованы университетам в Париже, Болонье, Оксфорде и Кёльне. Его ректором по-прежнему назначался будайский пресвитер. Однако университет просуществовал всего несколько лет и в 1419 г. был закрыт.

Безуспешно закончилась и попытка Матвея Корвина основать университет. По желанию короля папа Павел II в 1465 г. поручил решить эту задачу архиепископу эстергомскому Яношу Витезу и епископу печскому Яну Паннонию. Новый университет, открытый в Братиславе, назывался Академия Истрополитана (*Academia Istropolitana*¹). Учебный год начался осенью 1467 г., новое учебное заведение установило связи с венским университетом, откуда прибыли первые педагоги. В Академии Истрополитана были факультет искусств, теологический и юридический. Несмотря на многообещающее начало и притом, что там преподавали несколько выдающихся профессоров (например, здесь учил алгебре и тригонометрии Иоганн Мюллер из Кёнигсберга, псевдонимом Региомонтан², а также астроном и конструктор астрономических приборов Мартин Былица из польского Олькуша), университет через два десятилетия прекратил существование.

Итак, попытки основать университет потерпели неудачу, тем не менее ситуация с образованием менялась к лучшему. В университетах сопредельных стран появляется много студентов из Венгрии, главным образом из аристократических семей, но также из мещан и мелких дворян. Если в начале правления Сигизмунда Люксембургского университетское образование для венгерских магнатов было скорее исключением, то за XV столетие положение изменилось. Многие бароны, которые достигли высокого положения при Сигизмунде, но сами едва умели читать и писать, стали посылать своих сыновей получать образование. И все-таки вплоть до 1500 г. и в высшем обществе, среди баронов и магнатов, встречаются такие, кто не умел даже расписаться.

Многие образованные люди из рядов мещан и мелкого дворянства нашли себе применение в обеих королевских канцеляриях: они работали там в качестве вице-канцлеров, протонотариев, нотариев. Нередко они были более образованны, чем сами канцлеры, для которых звание озна-

¹ Название университета (лат.) можно перевести как Академия города на Дунае (Истр — римское название Дуная в нижнем течении).

² Мюллер, Иоганн (1436—1476) — немецкий астроном и математик. Региомонтан — новолат. — Кёнигсбергский.

чало прежде всего высокооплачиваемую должность, источник обогащения и высокое положение в обществе. В действительности работа велась этими специалистами; точно так же обстоит дело и в судебных инстанциях — нотариусы и протонотариусы областного суда и палатина все больше напоминали профессиональных чиновников, переставали действовать отношения фамилиаритета, отошли в прошлое порядки, когда вместе с сановником уходили и его заместитель и персонал. Служащие канцелярий были настолько хорошо обучены, что стали незаменимыми, так что и новые сановники оставляли себе этих специалистов своего дела. Конечно, не все эти специалисты получали университетское образование, некоторые набирались знаний в ходе многолетней практики или обучаясь в монастырских школах.

5.2. Изменения в культуре дворянства

Перемены во властных сферах, которые произошли в течение XV в., повлияли не только на политическую структуру страны, на культурный уровень, но отразились и в области материальной культуры. Король перестал быть самым крупным собственником в государстве и был всего лишь одним из богатейших людей. Богатые и влиятельные магнатские роды брали пример с королевского двора и в своих провинциальных резиденциях (замках) начали создавать собственные культурные центры. Свои замки они перестраивали в пышные дворцы (как, например, замок Бецков Стибора из Стибориц). Но, кроме того, они содержали дома и в городе, чаще всего в Буде, в Вишеграде (в совр. Венгрии), в Братиславе, не слишком далеко от королевского двора. Положение аристократической фамилии обязывало иметь и собственный монастырь, который служил усыпальницей для членов данной семьи. Особо выделялись августинский монастырь в Новом Месте-над-Вагом, построенный Стибором из Стибориц, часовня-усыпальница Запольяи в Спише, монастырь в Околичном и другие. Наиболее высокохудожественные каменные скульптуры XV в. также связаны с погребением — это надгробные камни. Особо заслуживают внимания надгробия графов из Св. Юра и из Пезинка в Св.Юре и в Марьянке, надгробие Стибора из Стибориц из Бецкова, надгробие ректора Академии Истрополитана Георга Шёнеберга в Соборе св. Мартина в Братиславе и надгробие Имре Запольяи в Спишском капитуле.

Перемены в материальной культуре дворянства лучше всего отражены в завещаниях. Если в конце XIV — в начале XV вв. в завещаниях дворян фигурирует прежде всего недвижимое и домашние сельскохозяйственные животные — лошади, овцы, крупный рогатый скот, — а также оружие и доспехи, то впоследствии во все большем количестве появляются предметы роскоши: золотые и серебряные украшения, одежда из дорогих тканей, серебряная посуда, кубки, чаши, подсвечники. Нов-

пешеством было появление в завещаниях книг, иногда целых библиотек. Одним из первых светских феодалов, кто, как достоверно известно, имел библиотеку, является Миклош из Салго, выходец из аристократического рода Сечени. В завещании, написанном в 1438 г. в Венеции, он признается, что среди его книг и бумаг есть и такие, которые противоречат закону земному и небесному. Однако большие собрания книг, особенно в первой половине XV в., по-прежнему оставались достоянием церкви. Представление о подобной библиотеке можно получить, например, из описи книг Братиславского капитула от первой трети XV в., в которой преобладающую часть составляют книги по юриспруденции, теологические труды и произведения для повседневной литургии, но порой попадаются Аристотель и Цицерон.

Социально-психологическая характеристика дворянства, которую для конца XV в. разработал в Чехии чешский историк Йозеф Мацек, вполне приложима и к венгерским условиям. С одной стороны, продолжал существовать «традиционный» тип дворянина, сознание которого еще целиком овеяно духом идеалов рыцарства. Главным смыслом жизни такого дворянина были ратные успехи, дворянская мужская поросль была воспитана на кодексе рыцарской чести, родовитость придавала им уверенности в себе, их расчеты на повышение материального благосостояния, равно как и общественного положения, строились целиком в духе средневековья — на карьере государственного деятеля, на щедрости монарха и на матримониальной политике. Это были любители игр, турниров, охот, поклонники придворной куртуазности.

В XV в. появился новый тип дворянина — хозяина и предпринимателя или человека образованного, который полагался главным образом на свои способности и знания. У этого типа дворян можно предполагать и перемены в отношении к чуждому и новому. Венгерская аристократия традиционно была настроена враждебно к иностранцам, в решениях сейма и королевских декретах всякий раз содержались статьи против иностранцев, включения которых добивалась аристократия и целью которых было не допустить, чтобы иностранцы получали в Венгрии имения, чины и звания. Венгерские магнаты, возвысившиеся по милости короля, ревниво оберегали обособленность касты аристократии.

Расширение культурного кругозора касалось не только дворянства. Важную роль по-прежнему играла церковь, но все больше начали заявлять о себе и города. Главными центрами подъема строительства стали города Кошице и Братислава, причем кошицкий Кафедральный собор св. Елизаветы, самый большой готический храм во всей Венгрии, и братиславский Кафедральный собор св. Мартина представляли собой вершинное достижение в области строительства и архитектуры. Для изобразительного искусства XV века характерно прежде всего развитие книжной иллюстрации и цветных витражей.

Стоит сказать и о таком феномене, возникшем в XV в., как употребление живого языка народа. Первая грамота, изданная на словакизованном чешском языке, относится к 1422 году (ее издал уже неоднократно упоминавшийся магнат Стибор из Стибориц), с середины XV в. их количество возрастает. К числу старейших памятников на словацком языке принадлежат и спишские молитвы, которые в 1479 г. записал по случаю годовщины своего рукоположения спишский пресвитер Гашпар Бак.

6. Период правления династии Ягеллонов

6.1. Смены династий в Венгрии и Центральной Европе

Ранняя смерть Матяша Корвина (6 апреля 1490 г. в Вене в возрасте 47 лет) привела к внутренним беспорядкам и иностранной военной интервенции. На освободившийся венгерский престол немедленно предъявили претензии четыре кандидата. Помимо внебрачного сына Матяша — Яноша Корвина, свои права на венгерскую корону заявил — основываясь на договоре 1463 г. — римский король Максимилиан Габсбург. Назывались также имена двух Ягеллонов, чешского короля Владислава и его младшего брата польского королевича Яна Альберта, у которых тоже были династические права на венгерский трон.

Янош Корвин и Максимилиан Габсбург были неприемлемы для большинства венгерских дворян. Попытка сына Матяша завладеть венгерской короной встретила вооруженное сопротивление венгерских магнатов. Это повысило шансы Владислава Ягеллона, тем более что он посулил щедрое вознаграждение всем, кто встанет на его сторону. Многие отдавали предпочтение Владиславу, т. к. опасались, что иначе Венгрия может лишиться земель Чешской короны, захваченных Матяшем. По мнению венгерских магнатов, Моравия, Силезия и Лужицы должны были остаться в составе венгерского государства. Другим важным преимуществом Владислава в глазах венгерских дворян был его кроткий, миролюбивый нрав. Они надеялись, что новый король не будет возражать против вольности дворянства. Выборы Владислава Ягеллона венгерским королем (июль 1490 г.) были предreshены прежде всего поддержкой магнатов.

Даже после выборов своего брата королем Ян Альберт не умирил своих амбиций. Накал борьбы на время ослаб после личной встречи Владислава с младшим братом. Однако вскоре после коронации Владислава в августе 1490 г. Ян Альберт захватил Эгер и попытался взять Кошице. Потерпев поражение под стенами города, он в начале 1491 г. пошел на заключение мирного договора со старшим братом. Ян Альберт формально отказался ото всех претензий на венгерскую корону, но сохранил за собой комитат Шариш, включая город Прешов в качестве опорного пункта. Максимили-

ан Габсбург также использовал внутреннюю слабость Венгрии после смерти Матяша для того, чтобы вернуть под власть Габсбургов австрийские земли, захваченные Матяшем Корвином и одновременно напомнить о своих династических притязаниях на венгерскую корону.

Заняв Вену и другие укрепленные города, которые деморализованные венгерские гарнизоны сдавали почти без боя, войско Максимилиана проникло в глубь венгерской территории. По Прессбургскому (в словацкой традиции Братиславскому)¹ мирному договору (7 ноября 1491 г.). Владислав (как венгерский король Уласло) II был вынужден отказаться от всех австрийских территорий, захваченных его предшественником. Самым важным пунктом мирного договора был запланированный на будущее династический брак между чешско-венгерской ветвью Ягеллонов и Габсбургами. Владислав II согласился, что если его линия прервется, Максимилиан или его законный наследник будет признан королем Венгрии. Он также обязывался добиться от венгерских сословий ратификации этого договора. Прессбургский мир позволил Владиславу накопить силы для борьбы с братом, Яном Альбертом, который после поражения своей армии под Прешовом в декабре 1491 г. наконец отказался от планов относительно Венгрии.

Еще до коронации Владислав должен был подтвердить условия, сформулированные в коронационной грамоте. Они существенно ограничивали королевскую власть и отменяли многое из того, что ввел его предшественник на венгерском престоле. Но и после этого венгерское дворянство не было удовлетворено. По решению сейма отменялся ежегодный чрезвычайный военный налог размером в 1 флорин. Это существенно сократило доходы королевской казны. Власть государя еще более ослабла, когда его личное войско, так называемое «черное войско», которое было главной опорой короля во времена Матяша, было распущено. В годы правления Владислава II центральная власть существенно ослабла. Венгрия медленно вползала в состояние хаоса и анархии. Король был не в состоянии предпринять даже самые элементарные меры, направленные на предотвращение становившейся все более явной опасности социальной дезинтеграции и на укрепление своих позиций. Когда, пытаясь исправить катастрофическое состояние государственных финансов, король в 1494 г. попытался возобновить сбор военного налога в 1 флорин, его действия встретили решитель-

¹ Современная столица Словакии Братислава в средние века называлась по-немецки Прессбург (*Pressburg*), от чего впоследствии образовалось словацкое название города — Прешпорок (*Prešporok*), на венгерском имя города звучало как Пожонь (*Pozsony*), на латыни, соответственно, Позоний (*Posonium*). В российской историографической традиции XIX в. названия городов на территории монархии Габсбургов (и, следовательно, Венгерского королевства) давались по их немецкому эквиваленту. Таким образом, в современной литературе закрепился вариант «Прессбургский мир».

ное сопротивление. Дворяне убили нескольких королевских сборщиков податей под предлогом защиты законов и конституции¹.

Возврат к принципу налогового иммунитета дворянства сам по себе существенно сократил королевские доходы. К тому же ресурсы короны еще более оскудели с тех пор как с разрешения сейма не вся сумма налога, называвшегося «доходы монетного двора» (*lucrum camerae*), передавалась в королевскую казну. Дворянство также злоупотребляло своим могуществом, присваивая себе часть ежегодно собираемых королевских доходов (в 1495 г. в королевскую казну поступило лишь 219 582 флорина, т. е. чуть более 60% от положенной суммы). В известной мере расхищение государственных доходов стало ярким проявлением общего упадка Венгрии.

Из-за постоянной нехватки средств в государственной казне оборонноспособность Венгрии существенно снизилась. На сейме 1492 г. было вновь решено, что король не имеет права принуждать дворянство принимать участие в войне за пределами государства. В случае непосредственной угрозы королевству дворяне и прелаты могли быть призваны к оружию только в случае, если королевское войско было не в состоянии защитить страну. Столкнувшись со все возрастающей османской угрозой и недостатком ресурсов, Владислав II попытался укрепить свои позиции путем заключения международных соглашений. В 1494 г. он встретился с польским королем Яном Альбертом в Левоче, где они обсудили возможности военного сотрудничества. Еще большее значение имел антитурецкий союз с французским королем Людовиком XII, Венецией и папой Александром VI. С помощью этих договоров Владислав II, который не имел возможности влиять на события в Венгрии и Чехии, где после коронации венгерским королем появлялся крайне редко, он периодически пытался оказывать влияние на европейскую политику. В 1511 г. он присоединился к Священной Лиге в составе Венеции, папы римского Юлия II и испанского короля Фердинанда Кастильского, которая была направлена против французской экспансии на Апеннинском полуострове. К тому же Владислав II прекрасно понимал, что его собственных сил недостаточно для того, чтобы вести активные антитурецкие военные операции на Балканах. Поэтому он не отказывался от неоднократных мирных предложений султана Баязида.

Однако Владислав II, полностью зависевший от милости сословий, постепенно уступал власть магнатам и католическому клиру, которым

¹ Под «конституцией» здесь и далее понимается так называемая «сословная конституция» — комплекс так и не сведенных воедино законодательных актов, закреплявших привилегии сословий перед лицом королевской власти. В разное время понятие «конституция» включало в себя «Золотую буллу» Андрея II (1222), параграф 9 главы I (или «*Primae nonus*») «Трипартитума» И. Вербёци и ряд законодательных актов и мирных договоров, имевших принципиальное значение.

он передал власть в период своего правления. Архиепископ эстергомский и канцлер Венгрии Тамаш Бакоц, который пользовался доверием Владислава и, что еще более важно, оказывал влияние на политику, нередко именовался вторым королем. В течение последних лет правления Владислава II сосредоточился на усилении династических связей с Габсбургами. Двойная свадьба его сына Людовика с Марией Габсбургской и его дочери Анны с братом Марии, Фердинандом, заложила основы будущей монархии Габсбургов в Центральной Европе.

6.2. Причины и последствия засилья магнатов

Мелкое и среднее дворянство было недовольно растущей властью олигархии и требовали своей доли в управлении страной. В конце XV в. усилилась борьба между магнатами и мелким дворянством, которое стремилось к изменениям в системе феодального землевладения. Тем не менее обе социальные группы смогли объединить свои силы, когда речь шла об общих интересах сословий и ослаблении королевской власти. В 1495 г. мелкое дворянство добилось полноправного представительства и участия в работе сеймов. Но поскольку их материальное положение было весьма скромным, они также требовали, чтобы сессии сейма длились не более двух недель. В результате венгерский сейм был превращен в массовое собрание всего дворянского сообщества, которое нередко распадалось на противоборствующие группы и партии. Под все более возрастающим давлением мелкого дворянства среднее дворянство сумело усилить свое влияние и закрепиться даже в королевском совете. После 1507 г. королевский совет состоял из 16 представителей среднего дворянства, четырех магнатов и четырех прелатов. Он обрел первостепенную роль в решении вопросов государственной важности.

Ян Запольский (в венгерской традиции Янош Запольяи. — *Прим. пер.*) в борьбе с другими представителями олигархии и на пути к своим честолюбивым целям искал поддержки именно у массы мелкого и среднего дворянства. Собственность Яна Запольского, которая возросла после присоединения собственности Корвина (Хуняди), состояла из 72 замков и владений с 12 тыс. крестьянскими «дворами» (группа крестьянских поселений, образующих единицу налогообложения) по всей Венгрии (в то время общее число «дворов» в Венгрии было около 160 тыс.). Он не скрывал своих далеко идущих планов стать королем Венгрии, и после рождения Анны, дочери Владислава, не оставлял попыток добиться ее руки. И несмотря на то, что эти попытки ни к чему не привели, брак сестры Запольского, Барбары, с польским королем служил подтверждением растущего могущества семьи.

Под руководством Запольского дворянская лига на сейме 1505 г. добилась принятия закона, по которому в будущем запрещалось избрание

короля-иностранца. Это заложило основы так называемой «национальной партии». Ей противостояла придворная партия, которая поддерживала короля и сочувственно относилась к его стремлениям усилить династические связи с Габсбургским домом.

В ходе противоборства двух группировок дворянской иерархии постепенно росло недовольство в широких слоях недворянского населения. В результате эпидемий, неурожая и османских набегов на юге страны в начале XVI в. десятки тысяч крестьянских хозяйств подвергались разорению, что стало причиной роста миграции крестьян. Однако дворянство приняло закон, ограничивающий свободу передвижения феодально-зависимого крестьянства. Одновременно были приняты и другие меры, усиливавшие зависимость крестьян от помещиков и комитатского дворянства. Население частновладельческих городов, которое в XV в. возросло в результате бума в экспорте крупного рогатого скота и вина, было недовольно постановлением сейма, согласно которому им приходилось уплачивать землевладельцам девятую часть стоимости своей продукции вместо прежних фиксированных выплат. Именно в то время, когда в рядах феодально-зависимого крестьянства возобладали недовольство и отчаяние, эстергомский архиепископ Тамаш Бакоц получил от папы Льва X разрешение организовать крестовый поход (1514 г.). Массовое участие в походе зависимых крестьян грозило сорвать весенние полевые работы. К тому же дворян заботили вопросы их собственной безопасности, поскольку в рядах крестьян-крестоносцев живейший отклик вызывали идеи францисканских проповедников о крестьянском царстве, клерикальной бедности и равенстве собственности.

15 мая 1514 г. под давлением магнатов и дворян король и Бакоц отдали приказ о роспуске крестоносного войска. То, что последовало за этим, стало крупнейшей в истории Венгрии крестьянской войной. Повстанцы под предводительством мелкого дворянина-секея¹ Дёрдя Секея (позднее источники называли его Дожа) нападали на дворянские имения и подвергали их разграблению. Кровавое сведение счетов с дворянством было логическим следствием ухудшения положения зависимых крестьян и хаоса в стране в годы правления Владислава II. В конце концов Запольский нанес поражение главным силам крестьянского войска в битве при Темешваре (совр. Тимишоара в Румынии. — *Прим. пер.*), после ко-

¹ Секей (секлеры) — этническая группа (возможно, тюркского происхождения), с течением времени ставшая частью венгерского этноса. Проживали главным образом в Трансильвании. К XV в. в результате расслоения верхушка секеев получила привилегированный статус («секейскую свободу» в обмен на обязательство несения военной службы и охраны границ. С 1437 г. верхушка секеев вместе с венгерскими феодалами и немцами (саксонским) патрициатом составляли одну из трех политических наций провинции (впоследствии княжества).

торой его популярность в рядах венгерского дворянства выросла еще больше. Крестьянская война стала подходящим предлогом для полного уничтожения остатков крестьянских свобод. В 1514 г. октябрьский сейм приговаривал крестьянство навечно к наследственному рабству. Запрет на любые передвижения в соединении с «настоящим и вечным зависимым состоянием» стали коллективным наказанием за крестьянскую войну.

Центральная власть, которая должна была защитить крепостных от деспотизма помещиков, в то время в Венгрии отсутствовала. После поражения крестьянской войны и смерти Владислава II (1516 г.) дворянская анархия только возросла. Людовик, которому едва исполнилось десять лет, лишь формально унаследовал отцовский скипетр в Венгрии и Чехии. До достижения им совершеннолетия страной управлял вице-регентский совет в составе трех человек. Однако состав этого совета не устраивал дворян — сторонников Запольского. На смену этому органу был избран регентский совет, состоявший из шести прелатов, шести магнатов и 16 дворян. Мелкому и среднему дворянству удалось на время продлить свое влияние в стране. Выражением их политических устремлений стала частная кодификация венгерского права, составленная Иштваном Вербёци, который на сейме 1514 г. представил свою работу «*Tripartitum iuris consuetudinarii regni Hungariae*» («Трехчастный свод обычного права королевства Венгрии», или «Трипартитум»).¹ «Трипартитум»¹ ограничивал королевскую власть, утверждая, что дворянство по сути едино (т. е., что мелкое и крупное дворянство равны) и вместе с клиром составляет венгерскую нацию (в политическом смысле), которая обладает равными правами и привилегиями вне зависимости от национальных различий. Новым выражением дворянского верховенства над личностью государя стала теория святой короны св. Стефана. Корона была источником и символом закона, государственного суверенитета и единства дворянского общества. Церемония коронации давала дворянству определенные права в отношении короля, но эти права оставались в собственности Святой короны, считались ей присущими. Король не мог издавать законы от своего имени, но только с согласия дворянского сословия.

Несмотря на теорию единого дворянства, конфликты между основными группами дворян (так называемые национальная и придворная

¹ «Трипартитум» был принят сословиями на сейме 1514 г., одобрен королем, но не скреплен королевской печатью и поэтому не рассылался по комитатам, следовательно, не стал законом. Вероятно, возведению «Трипартитума» в ранг закона воспрепятствовали магнаты, которым не нравился акцент на дворянском равноправии. Таким образом, «Трипартитум» оставался частной кодификацией права, однако поскольку дворянство признало труд Вербёци, а судьи начали повсеместно его применять, то «Трипартитум» получил обязательную силу посредством практики применения обычая. В 1628 г. «Трипартитум» был включен в «Свод права Венгрии» в качестве постоянного приложения.

партии) усилились и обострились. Это становилось очевидным во время часто созываемых сеймов, по мере того как различные дворянские группировки или конфедерации принимали нередко противоречивые решения, которые только усиливали хаос в стране. По мере того как предводители дворянских группировок обогащались, королевская казна пустела. Казна пыталась спасти ситуацию путем чеканки монет с пониженным содержанием драгоценного металла. Обесценение денег — почти на две трети — вело к инфляции и социальной нестабильности.

В то же время положение на венгерско-турецкой границе ухудшалось. Летом 1521 г. османское войско осадило две важные крепости, Белград и Шабач, которые закрывали доступ в глубь страны. Их падение заставило дворян принять наконец чрезвычайные меры, включая внеочередной налог, собираемый в том числе и с дворян, на создание наемной армии. Но из ожидаемой суммы утвержденного налога удалось собрать лишь десятую часть. Король и первые лица страны возлагали особые надежды на иностранную помощь. Польский король Сигизмунд I был занят войной с рыцарями Тевтонского ордена. Вероятность получения помощи со стороны императора Священной Римской империи Карла V была невелика, поскольку война с французским королем Франциском I была в полном разгаре, а позиции императора в Германии осложнялись распространением Реформации. Только папа Климент VII выказал серьезную заинтересованность в защите страны, но смог предложить лишь небольшую помощь. Эти обстоятельства свидетельствовали о том, что королевству Венгрия перед лицом османской угрозы приходилось прежде всего рассчитывать на свои собственные силы.

Раздоры в стране достигли своего пика в 1525 г., когда конфликт между королевским двором и владельцами прибыльных медных рудников в средней Словакии привел к конфискации горнодобывающего предприятия Турзо-Фуггеров. Все шахты в средней Словакии оказались парализованы бунтами и забастовками горняков, и так продолжалось вплоть до следующего года. В то же самое время на сейме в Хатване мелкое дворянство провалило кандидатуру Иштвана Батори, выдвинутого магнатами на должность палатина, и избрало своего собственного представителя, Иштвана Вербеци. Этот шаг хатванского сейма был попыткой короля и его сторонников из числа олигархов сокрушить могущество Запольского. Но уже в апреле 1526 г. Иштвана Вербеци заставили сложить с себя должность палатина. В то время как Венгерское королевство сотрясали внутренние распри и раздоры, турецкий султан собрал армию для похода против Венгрии. Если бы король чрезвычайным усилием воли мобилизовал все находящиеся в его распоряжении силы, он сумел бы избежать открытого столкновения. Но ослабленная внутренним кризисом страна не имела реального шанса подготовиться к борьбе с Османской Портой.

IV. Словакия в эпоху раннего Нового времени. 1526—1711

Поражение венгерской армии от османов при Мохаче 29 августа 1526 г. историки обычно называют водоразделом между средневековой и Новой историей Венгрии. Они также считают Сатмарский мир (по имени города Сатмар, совр. Сату Маре в Румынии. — *Прим. пер.*) в 1711 г., которым увенчалось последнее антигабсбургское восстание сословий, вехой, обозначившей конец первого этапа раннего Нового времени в истории страны. За 185 лет, которые прошли между битвой при Мохаче и Сатмарским миром, королевство Венгрия пережило не один кризис. Эти кризисы были вызваны вторжением в королевство османов, что привело к разделению страны на три части: центральную Венгрию под властью турок, земли к востоку от Тисы и Трансильванию, которые фактически сохранили автономию, и, наконец, «королевскую», или габсбургскую Венгрию, которая включала западные области, граничившие с Австрией. Словацкие земли составили основу королевской Венгрии. Гибель бездетного Людовика (в венгерской традиции Лайоша) II Ягеллона в битве при Мохаче создала новую династическую и политическую ситуацию в стране, и венгерский трон превратился в предмет ожесточенной борьбы между Габсбургами и национальным королем Яном Запольским, что привело к созданию автономной Трансильвании под контролем Запольского или его потомков и наследников. Турецкое господство в Среднем Подунавье и возникновение автономной Трансильвании привело к новой расстановке политических и военных сил в Центральной Европе, что было использовано венгерским дворянством в их борьбе с габсбургским абсолютизмом и нашло свое выражение в пяти сословных восстаниях в ходе XVII в. В то же время экономические, социальные и культурные веяния из более развитой Западной Европы проникали в Словакию и закреплялись на словацкой земле. В XVI в. широкое распространение в Словакии получили реформационные идеи, при этом не только наиболее массовые евангелические¹, или лютеранс-

¹ Евангелические учения — для первой половины XVI в. обобщающий термин для реформационных учений, прежде всего лютеранства, в центре которых стояло толкование Библии, а также некоторых околореформационных течений, которые не порывали с католической церковью и были осуждены Тридентским собором.

кие течения, но и гельветические¹, анабаптистические² и даже некоторые антитринитаристские³ учения. Хотя первые попытки сдержать распространение Реформации оказались неэффективны, в течение XVII в. католический клир с помощью габсбургских правителей и в особенности при пособничестве иезуитских и францисканских миссионеров смог к 1711 г. вернуть в католичество большую часть словацкого населения, несмотря на ряд восстаний сословий, которые боролись за религиозную свободу и дворянские привилегии. В то же время, поскольку словацкие земли непосредственно граничили с Османской империей, население ощущало себя на периферии христианской Европы.

Сохранение целого ряда дворянских привилегий, давно отмененных повсюду в Европе, было источником постоянного напряжения между относительно самостоятельным дворянством и централизаторскими усилиями Габсбургов и их двора в Вене. Прерогативы сословий стали главным препятствием на пути создания централизованных государственных институтов, эффективной обороны против османов и улучшения экономического и социального положения в стране. Попытки Вены создать более гибкую администрацию для страны и провести столь необходимые реформы без оглядки на неписаную конституцию сословной монархии также вели к недовольству нескольких поколений венгерского дворянства в XVI и XVII вв.

Основное содержание этого бурного, насыщенного событиями периода составляли борьба за венгерскую корону, война с османами и мародерские набеги турок и повстанцев, религиозные реформы и противоречия, раздоры в стане венгерского дворянства, которое с успехом защищало свои привилегированные позиции. Венгерскому дворянству удалось добиться существенных успехов в борьбе с габсбургским абсолютизмом в особенности в первой половине XVII в. Оно показало, что в состоянии

¹ Гельветические вероисповедания — обобщающий термин, обозначающий реформационные учения, зародившиеся в Швейцарии, такие как цвинглианство, кальвинизм, а также «Первое гельветическое исповедание» (оно же «Второе базельское исповедание»), составленное в 1536 г. Генрихом Буллингером и Мартином Бucerом, и некоторые другие.

² Анабаптизм — одно из народных, крайне радикальных течений в рамках Реформации. Требовали вторичного крещения в сознательном возрасте, отрицали церковную иерархию, осуждали богатство, призывали к обобществлению имущества. Наиболее полное выражение учение нашло в трудах немецкого гуманиста Томаса Мюнстера.

³ Антитринитаризм — радикальное реформационное течение, не признававшее один из главных догматов христианства — о святой Троице. Главным идеологом антитринитаризма был испанский гуманист Мигель Сервет, обвиненный Жаном Кальвином в ереси и сожженный в Женеве в 1553 г. В XVI в. у антитринитаризма было особенно много сторонников в Трансильвании.

защитить религиозную свободу и права сословий, а значит, сохранить свои позиции в обществе. Но их успех вел к социальной и экономической стагнации. По сравнению с другими западными и центральноевропейскими государствами страна оставалась экономически и социально относительно отсталой. Стагнация в Венгрии, что стало особенно очевидным начиная с середины XVIII в. и сохранялась вплоть до распада Австро-Венгерской монархии, имела своей первопричиной не столько османскую оккупацию, как это нередко ошибочно утверждается. Скорее она была результатом успехов дворян в их борьбе против габсбургского абсолютизма и централизаторской политики, следствием сохранения так называемой «золотой свободы» венгерских сословий.

1. Словакия и борьба за венгерскую корону

1.1. Поражение при Мохаче и его последствия

В мае 1526 г. в Стамбуле (прежде Византий или Константинополь) была собрана более чем 100-тысячная турецкая армия, которая направилась в Венгрию. Спешно собранные силы численностью около 30 тыс. венгерских солдат были не в состоянии противостоять им. 29 августа 1526 г. на поле близ Мохача в южной Венгрии судьба средневекового Венгерского королевства была решена в ходе двухчасового сражения. Юный Людовик II утонул во время бегства с поля боя. Всего в этой битве погибло более 20 тыс. воинов, в том числе 7 епископов и 500 дворян. Воевода Трансильвании Ян Запольский со своей почти 40-тысячной армией, похоже, умышленно избежал сражения с османами. Он правильно рассчитал, что турки одержат победу, и даже тайно поддерживал отношения с султаном. В его намерения входило заполучить венгерскую корону, причем, если потребуется, с помощью султана. Как глава «национальной партии», противостоящей влиянию немцев и прочих иностранцев при дворе, он располагал поддержкой не только широких слоев мелкого и среднего дворянства, но и нескольких высокопоставленных церковных иерархов.

Статья 5 закона от 1505 г., запрещавшая передавать трон иноземцам, играла важную роль в избрании нового короля Венгрии в ноябре 1526 г. Избрание Яна Запольского стало чистой формальностью. Представителям Фердинанда Габсбурга, которые были готовы опротестовать этот акт, попросту не дали слова. Однако в ходе подготовки к коронационному сейму прогабсбургски настроенное дворянство во главе с вдовствующей королевой Марией развило неслыханную активность. Позиции Фердинанда были усилены его единодушным избранием на чешский престол

(23 октября 1526 г.). Группа венгерских аристократов и верхушка духовенства признала выгоды власти Габсбургов в то время, когда Османская Порта находилась в зените своего могущества. Вдобавок, многие никак не могли смириться с тем, что королевской властью будет облечен венгерский дворянин недостаточно знатного происхождения.

На ту группу дворян, которые до сих пор колебались и открыто не примкнули ни к одной из противоборствующих сторон, необходимое воздействие оказали денежные вознаграждения, почести и, в некоторых случаях, даже взятки и посулы выделить им часть собственности, которая будет конфискована у сторонников незаконного короля. В этой атмосфере 17 декабря 1526 г. в Братиславе Фердинанд был избран венгерским королем. Но когда другое дворянское собрание выбрало королем Яна Запольского, стало очевидно, что конфликта между двумя соперниками не избежать. Польский король Сигизмунд создавал опасность, таившуюся в этом противостоянии, понимая, что Польша может быть втянута в надвигающуюся войну за венгерскую корону. Поэтому он старался снять напряженность путем вовлечения сторон в переговоры. По инициативе Сигизмунда представители обоих претендентов на венгерский престол встретились в Оломоуце в Моравии. Фердинанд предложил Запольскому фиктивный титул короля Боснии и ежегодное денежное содержание; предложение Запольского состояло в том, что в обмен на венгерскую корону он соглашается с переходом Моравии, верхней и нижней Силезии и Лужиц к Фердинанду. С самого начала переговоров в Оломоуце было очевидно, что попытка мирного разрешения венгерского кризиса не приведет ни к чему хорошему.

В марте 1527 г. Запольский созвал сейм в Буде, на котором было объявлено о немедленной конфискации собственности дворян, поддержавших Фердинанда (членов так называемой немецкой партии). 31 июля 1527 г. армия Фердинанда (состоявшая из 20 тыс. хорошо подготовленных солдат из Италии, где они воевали с французским королем Франциском I, а также вспомогательных частей из Чехии) пересекла границу Венгрии неподалеку от Братиславы. Фердинанд Габсбург уже контролировал ключевые крепости Девин и Братислава и был готов начать военную кампанию. Более того, большая часть территории западной Словакии была в руках дворян — сторонников Фердинанда. Естественно, он также пользовался немалой популярностью среди горожан-немцев, которые в то время были доминирующим элементом населения королевских и горнопромышленных городов.

Армия Фердинанда оккупировала Буду и начала военные действия в восточной Венгрии. После поражения близ Тарпала и Токая в конце сентября 1527 г. Ян Запольский бежал в Затисье. За зиму он собрал относительно большое войско, с которым в феврале 1528 г. попытался захватить самый важный центр на северо-востоке королевства, Кошице. 8 марта

1528 г. при Сене близ Кошиц произошло решающее сражение первой фазы борьбы за венгерскую корону. Габсбургский военачальник Иоганн Каццан одержал легкую победу, так как часть войска Запольского в ходе сражения перешла на сторону противника. Запольский спасся бегством: сначала в Гуменное, а затем в Тарнов на юге Польши.

Фердинанд доказал свое умение использовать этот военный успех. Уже в октябре 1527 г. он созвал сейм в Буде, на котором был назначен день коронации (3 ноября 1527 г.). После коронации целый ряд бывших сторонников Запольского перешел на сторону Фердинанда. Потерей Тренчина, старого фамильного гнезда Запольского и важнейшего оборонительного пункта на Ваге, завершился первый этап борьбы за венгерскую корону, из которой Фердинанд I Габсбург вышел победителем.

Ян Запольский знал, что не сможет успешно противостоять габсбургской армии только своими силами. Он начал искать помощи за границей. Запольский установил контакты с французским королем Франциском I. Однако большее военно-политическое значение имело для него соглашение с турецким султаном Сулейманом I Великолепным. Несомненно, союз с османами ослаблял позиции Запольского как внутри страны, так и в Западной Европе, в особенности в глазах папы Климента VIII. Но в то же время союз давал неоспоримые военные преимущества. Фердинанд понимал, какую угрозу представляет из себя Османская Порта, находившаяся в то время на вершине своего могущества. Он начал переговоры о мире, по крайней мере, на ближайшие три года. Тем временем жестокие способы сбора военных податей и продовольствия, применявшиеся габсбургскими военачальниками, привели к тому, что симпатии местного населения оказались на стороне Запольского. В стране царили неразбериха, нищета, голод. В этом состоянии даже союз с османами не казался многим столь устрашающим и, возможно, даже давал защиту от набегов наемников, сражавшихся на стороне Габсбургов. Весной 1529 г. военная ситуация также обернулась благоприятно для Запольского, в распоряжении которого оказалась 200-тысячная армия, предоставленная султаном. К осени 1529 г. Запольский контролировал большую часть страны, и турки хозяйничали в словацких землях. В течение сентября 1530 г. в комитате Нитра турки сожгли 80 деревень, и около 10 тыс. людей были угнаны в рабство. Открытый союз с османами угрожал международному авторитету Яна Запольского. Папа римский отлучил его от церкви, а отношения с французским королем охладели после того, как последний перестал оказывать финансовую помощь Запольскому.

Последующие годы были отмечены битвами, которые вели к опустошению целых областей. Характерной чертой эпохи стало непостоянство венгерского дворянства, которое использовало гражданскую войну в своих личных интересах. Многие дворяне переходили из одного лагеря в

другой, придавая при этом первостепенное значение преумножению своих собственных владений. По всей стране царили экономическое запустение и нравственный упадок, вызванные эгоизмом расчетливого, корыстного дворянства и союзом с турками. С самого начала гражданская война имела ярко выраженный национальный характер. Запольский и его последователи представляли борьбу за венгерскую корону как борьбу против влияния немцев и прочих иноземцев. Фердинанд I именовал своего соперника узурпатором и — за союз с османами — предателем христианства. Несмотря на превосходящие силы сторонников Запольского и в особенности турецких подразделений, Фердинанд I сумел упрочить свою власть в пограничных областях на западе, в Хорватии и в северных, горных районах Словакии. Помимо Братиславы и Поважья, он полностью контролировал горнопромышленные города в средней Словакии, комитат Спип и важные крепости по Дунаю (Комарно, Эстергом и Вишegrad). Власть его противника была сосредоточена в Альфёльде, на юго-востоке страны и в особенности в Трансильвании.

После борьбы, длившейся более десяти лет, и нескольких попыток прийти к мирному соглашению оба короля решили покончить с конфликтом. По Варадскому (совр. Орадя Маре в Румынии. — *Прим. пер.*) мирному договору 1538 г., Фердинанд I и Ян Запольский взаимно признали друг друга законными королями и разделили Венгрию на две части. Варадский мир оставил каждому из королей те территории, которые они уже контролировали на момент подписания договора. Помимо значительной части Хорватии, Фердинанд I сохранил за собой западную Венгрию и почти все словацкие земли, за исключением восточных районов с городом Кошице, который солдаты Запольского захватили в 1535 г. Запольский владел центром страны со столицей Будой, юго-восточными частями Венгрии и Трансильванией. Все владения Запольского должны были перейти к Фердинанду или его преемнику, если «национальный король» умрет, не оставив законных наследников. В случае прекращения Габсбургской династии Запольский или его преемники становились правителями всей Венгрии.

Борьба Яна Запольского за венгерский престол, характеризовавшаяся в старой венгерской историографии как борьба за национальную монархию, завершилась сначала разделом страны на две части, а вскоре после этого — полной катастрофой королевства. Несомненно, Варадский мир создавал условия для возможного решения проблемы. Однако в свете растущих центробежных тенденций в Трансильвании и активного вмешательства Османской Порты во внутривосточный конфликт в Венгрии воссоздание прежнего единства королевства оставалось иллюзией.

После смерти Яна Запольского в 1540 г. Венгрия оказалась вновь втянута в борьбу за право наследства. Более многочисленная армия Габсбур-

гов, нанятая на деньги из аугсбургских банков, с середины июня 1541 г. осаждала Буду, которая осталась в руках сторонников сына Запольского и его наследника Яна Сигизмунда (Яноша Жигмонда). Основная масса габсбургского войска была разбита в последовавшем за тем сражении, и 29 августа 1541 г. турки без борьбы взяли Буду. Султан провозгласил область между Дунаем и Тисой территорией, подвластной Османской империи. Прежняя столица Буда стала центром пашалыка и отправной точкой новых набегов. В 1543 г. турки предприняли большую кампанию в Венгрии и после трехнедельной осады заняли Эстергом. На противоположном берегу Дуная они построили укрепленный плацдарм Дженгерделен Паркан. Это стало первой турецкой крепостью на территории Словакии. На следующий год часть комитатов Гонт, Теков, Новоград и Эстергом перешли под власть османов. После этих побед турки пошли на пятилетнее перемирие, заключенное в 1547 г. в Эдирне. Фердинанд получил мир и временную безопасность своих земель, но за это он обязывался выплачивать султану Сулейману ежегодную дань в размере 30 тыс. флоринов.

Новая война разразилась в 1552 г., когда наемники Фердинанда и наспех созданные комитатские отряды попытались сдержать турецкие части, рвавшиеся захватить область горнопромышленных городов в средней Словакии. В августе 1552 г. близ Плаштёвце они потерпели сокрушительное поражение от Хадим-паши. В последующие годы наступление османов продолжалось, и турки на долгие годы захватили южнословацкие области. В 1554 г. они овладели крепостью Филяково, которая стала центром Филяковского санджака (района).

Развитие Венгрии в последующие годы определяли турецкая оккупация страны и попытки сына Запольского Яна Сигизмунда укрепить свои позиции в восточных областях королевства и в Трансильвании. Отречение Карла V от титула императора Священной Римской империи осложнило положение Фердинанда I, который должен был полностью сконцентрироваться на ситуации в империи. Он пытался договориться с Яном Сигизмундом и османами. После смерти вдовствующей королевы Изабеллы (1559 г.), которая была сторонницей мирных переговоров, отношения между Фердинандом и Яном Сигизмундом, который носил титул короля Венгрии, испортились. Наследник Фердинанда I, Максимилиан II (как венгерский король Максимилиан I), также пытался покорить Трансильванию. Но Ян Сигизмунд вновь обратился за помощью к султану. В начале лета 1566 г. многочисленная армия под предводительством султана Сулеймана вступила в Венгрию. Согласно перемирию, которое его преемник Селим II заключил с Максимилианом II в 1568 г. в Эдирне, турки сохраняли за собой все территории, захваченные ими в ходе прежних военных кампаний, и получали символическую ежегодную дань в 30 тыс. флоринов. Двумя годами позже Максимилиан II заключил со-

глашение с Яном Сигизмундом. Согласно договору, подписанному в Шпее-ере в Германии, Ян Сигизмунд отказывался от титула короля Венгрии, а Максимилиан за это признавал его суверенным правителем Трансильвании и одновременно обязывался в будущем признать и уважать свободные выборы трансильванского князя. Эдирнский мирный договор и Шпеерское соглашение закрепили расчленение Венгерского королевства.

Приграничные набеги турок не прекратились и после Эдирнского соглашения. В 1575 г. они захватили две словацкие крепости, Модры Камень и Девин. Многие города в комитатах Новоград, Гонт, Теков и Нитра переходили под власть османов, опасаясь грабежей и поджогов. Только возведение системы антитурецких крепостей в 80-е годы XVI в. остановило дальнейшее продвижение османов. Линия укреплений состояла из 48 замков и крепостей, которые охраняло войско численностью около 17 тыс. человек. В то же время на территории Венгрии османы располагали примерно 40 тыс. солдат. Турецкие части привлекли воевать и грабить даже в годы перемирий и были неспособны к полному бездействию. Так, рейды османов в глубь Словакии продолжались и после заключения Эдирнского мира 1568 г. Мелкие столкновения на турецкой границе в начале 90-х годов XVI в. постепенно переросли в более крупные и в 1593 г. привели к большой войне между Габсбургами и османами (так называемая Пятнадцатилетняя война). Основные сражения проходили вдоль османско-венгерской границы. В конце 1593 г. части, укомплектованные солдатами из комитатов со смешанным словацко-венгерским населением, изгнали турок из комитатов Гонт, Гемер и Новоград. 27 ноября 1593 г. после двухдневной осады сдалась крепость Филяково, которая в течение пятидесяти лет была центром турецкого санджака. В конце концов даже Трансильвания, а в 1595 г. и Валахия перешли на сторону Габсбургов.

Осенью 1595 г. объединенные силы атаковали важные оборонительные пункты турок на Дунае — Эстергом, Вац и Вишеград. В 1599 г., в ходе Пятнадцатилетней войны между Габсбургами и османами, большие области юго-западной Словакии были опустошены турками и их союзником — крымскими татарами. Война с Портой продолжалась и в первые годы XVII в. На ход войны влияли распад антиосманской коалиции и волнения в Трансильвании, где в начале XVII в. обострился конфликт между двором и сословиями, что оказало большое влияние на ситуацию в подконтрольной Габсбургам Венгрии.

1.2. Словакия как ядро Венгерского королевства

В 1564 г. Королевская Венгрия (части Венгрии и остатки Хорватии, подконтрольные Габсбургам) были разделены на шесть военных округов,

из которых два находились на территории современной Словакии: Верхневенгерский с центром в Кошице и Преддунайский с штаб-квартирой в Нитре (позднее в Шурани, Левице, а с 1589 г. в Нове Замки). Область Житни Остров находилась под руководством капитана Балатон-дунайского округа. Наиболее важная линия антитурецких укреплений тянулась по южно-словацким землям, от Братиславы через комитат Гемер. В 80-е годы XVI в. ключевую роль играла крепость Нове Замки, построенная в соответствии с самыми современными принципами фортификации. Она стояла на пути турецких вторжений в окрестности Нитры и в долину Вага. Укрепленная оборонительная зона распространялась на горно-промышленные города в средней Словакии, которые из-за своего немалого экономического значения привлекали внимание османов в первую очередь. Во второй половине XVI в. район горнопромышленных городов центральной Словакии подвергался угрозе вторжения из сопредельных турецких санджаков, прежде всего Филяково, но также из Новограда и Сеченя.

После подписания Эдирнского мирного договора и обретения автономии Трансильванским княжеством под контролем Габсбургов остался лишь «костяк» былого королевства Венгрия. Вплоть до конца XVII в. Королевская Венгрия включала в себя около трети расчлененного королевства, максимум 30 комитатов, из которых лишь 10 находились за пределами территории современной Словакии. Земли, отошедшие к Габсбургам, сохранили название и традиции прежней монархии и дезинтеграция страны воспринималась всего лишь как временное явление. Императоры и сословия заявляли о своем стремлении освободить оккупированные области и воссоздать территориальную целостность страны.

Вскоре после Мохача беженцы, прежде всего дворяне, но также горожане и зависимые крестьяне из южных областей, подвергшихся нападениям турок, начали переселяться в более безопасные предгорья Карпат. Туда же переместились венгерские органы управления и церковные институты. Согласно распоряжению, изданному в 1536 г., Братислава стала столицей Венгрии. Хотя и прежде Братислава была важным политическим и торговым центром, ее вряд ли можно было сравнить с Будой, которая благодаря своему географическому положению, казалось, была предназначена служить королевской резиденцией. После того как Запольский в 1529 г. захватил Буду, самый главный финансовый институт — Венгерская казенная палата, организованная Фердинандом I всего за год до этого, была переведена в Братиславу. Она управляла государственной собственностью, собирала налоги и военные подати. Начиная с 1563 г. Братислава служила коронационным городом венгерских правителей, здесь же регулярно созывались венгерские сеймы (иногда сеймы проходили в других городах — Трнаве, Банской Быстрице, Шопроне и Крупине). В Братиславе также находилось Наместничество, созданное в

1542 г. (а в 1724 г. преобразованное в Венгерский королевский наместнический совет. — *Прим. пер.*). Наместнический совет был переведен в Буду только в 1784 г. Вплоть до конца XVIII в. венгерские коронационные атрибуты хранились в братиславском замке.

Изначально сбор налогов и податей на северо-востоке страны был поручен командиру Спишского замка. Спишская палата, размещенная в Кошицах, была образована только в 1567 г. Уже в правление Фердинанда I Венгерская казенная палата подчинялась Дворцовой казенной палате в Вене. Подати и наиболее доходные государственные предприятия, прежде всего рудники в средней Словакии, находились в прямом подчинении венской Дворцовой казенной палаты. Подчиненное положение Венгерской казенной палаты и тот факт, что ее чиновники набирались в основном в Германии или альпийских землях, стало предметом острой критики со стороны местного венгерского дворянства.

Вскоре после османского вторжения Трнава превратилась в важный церковный центр. Турецкая угроза вынудила эстергомский капитул и главу католического клира королевства Венгрия — архиепископа эстергомского — с 1543 г. поселиться в этом городе. Однако в силу того, что архиепископ эстергомский был важной политической фигурой, ему нередко приходилось подолгу гостить в соседней Братиславе. Архиепископ и капитул вернулись в свою традиционную резиденцию Эстергом только после 1820 г.

Другие церковные иерархи и институты также бежали от османов на территорию Словакии. В 1596 г. в Кошицах разместилась резиденция эгерского епископа и эгерский капитул. К тому времени печский епископ проживал в городе уже почти полвека, и варадский епископ также в течение некоторого времени имел своей резиденцией Кошице.

2. Реформация, Контрреформация и внутриполитические конфликты

2.1. Начало и распространение протестантской гуманистической Реформации

Симптомы общего упадка церкви проявились в Венгрии уже в течение XV в. Симония, nepoтизм, занятие нескольких должностей и абсентеизм, равно как и обмирщение клира были очевидны всем и нередко подвергались критике. Значительная часть иерархов церкви жила скорее светскими, чем духовными интересами, не слишком обременяя себя церковными делами. При получении церковных должностей важную роль играли родство, связи и деньги. Более того, высокие церковные и светс-

кие должности часто вверялись иностранцам. В 1486 г. родственник королевы Беатрисы, семилетний Ипполито д'Эсте был назначен архиепископом эстергомским и стал кардиналом в возрасте 14 лет. Несмотря на свое крестьянское происхождение, Тамаш Бакоц возвысился, став дьерским, затем эгерским епископом и, наконец, архиепископом эстергомским. Он использовал свое огромное влияние при попытках с помощью взяток проложить себе путь к папскому престолу. В ответ венгерский сейм в 1514 г. принял закон, согласно которому лицо крестьянского происхождения, т. е. недворянин, не может быть епископом; и если таковой уже был назначен епископом, ему можно было не платить десятину.

Несмотря на довольно плачевную ситуацию в церкви и секуляризующее влияние итальянских гуманистов, религиозность как интеллектуальной верхушки, так и народных масс, отнюдь не шла на убыль. Гуманизм Эразма Роттердамского и францисканская набожность были важными духовными силами, которые подготовили нуть Реформации.

Свежее веяние Ренессанса со свойственным эпохе почитанием латинского языка и литературы, а также интересом к современности и гражданским ценностям привнесло новые краски в интеллектуальную жизнь. Как следствие, даже в церковной среде расширились горизонты личности, возросло стремление к роскоши и накоплению материальных богатств. Богуслав Лобковиц писал, что в Венгрии клир гораздо больше увлечен Платоном и Вергилием, чем Священным писанием. Выросло число студентов из Венгрии, учившихся в зарубежных университетах. В XV в. многие из них обучались в Падуе и Болонье, после 1450 г. гуманистические идеи Эразма проникали в Венгрию через венский и краковский университеты. Библиотека ценных, зачастую богато иллюстрированных рукописных книг, основанная Матяшем Корвином в Буде, привлекала гуманистов из всех стран Европы. Несмотря на закрытие недолго просуществовавшей Академии Исторполитаны в Братиславе, преподавание в которой основывалось как на гуманизме, так и на «новом благочестии» (*devotio moderna*)¹, что было следствием влияния гуманизма и евангелической реформации, число школ в словацких землях существенно возросло, улучшилось качество образования.

Евангелическая реформация появилась в Словакии в начале 20-х годов XVI в. Купцы из королевских и горнопромышленных городов возвращались из Германии, принося с собой новости о Мартине Лютере и

¹ «Новое благочестие» — религиозное движение в рамках католической церкви в конца XIV — XVI вв., делавшее упор на личном обращении к Богу и вере по внутреннему убеждению, не придававшее значения обрядам и внешним атрибутам. Основателем движения был нидерландец Герт Гроте, основавший первое «братство современной жизни». «Новое благочестие» получило распространение в Германии, северной Франции, Испании.

книги, которые отражали его взгляды. В конце 1521 г. пастор из Банской Быстрицы получил несколько памфлетов Лютера от настоятеля Кёнигштайнского монастыря близ Дрездена, поскольку городской нотариус выразил свою поддержку взглядам Лютера. В 1522 г. Георг Баумхекель из Банской Быстрицы и Мартин Циракус из Левочи стали первыми из 1018 студентов из Венгрии, которые в XVI в. обучались в Виттенбергском университете. Тогда же в Словакии появились первые распространители учения Лютера. Конрад Кордатус и Иоганн Кресслинг из придворного окружения королевы Марии в Буде, где наставник Людовика II Георг Брандебург и другие немцы сочувствовали учению Лютера, проповедовали в горнопромышленных городах с 1522 по 1525 г. Другие священники были выходцами из Силезии, с которой население горнопромышленных городов поддерживало тесные торговые и дружеские связи. Вольфганг Шустель из Бардеёва, уроженец Кошиц, учившийся в Кракове, возможно, испытал на себе влияние Лютера, хотя и занимал более жесткую позицию по отношению к публичной набожности, что привело к конфликтам с городским советом и, в конце концов, к его отъезду из Силезии в 1531 г.

Католическая церковь и дворянство изначально пытались предотвратить распространение Реформации. На сеймах 1523 и 1525 гг. они приняли суровые законы, направленные против тех, кто проповедовал учение Лютера и их последователей. Но все запреты оставались на бумаге и не имели последствий до тех пор, пока не были востребованы в ходе католической Контрреформации. Столь же неэффективными оказались усилия папского легата, который выступал за более суровые меры против еретиков или за запрет, изданный в 1524 г. комитатом Спиш. Путь к более быстрому распространению Реформации был расчищен роковой битвой при Мохаче. Гибель двух архиепископов и пяти епископов существенно ослабила жесткую реакцию католической церкви, в то время как война за венгерский престол, хаос и анархия во много раз усилили упадок церкви в Венгрии.

После 30-х годов XVI в. распространению Реформации способствовали некоторые магнаты, которые руководствовались не только религиозными предпочтениями и убеждениями, но и стремлением получить в управление или владение освободившуюся церковную собственность. Число сторонников учения Лютера в Словакии из числа высших светских должностных лиц, которые одновременно поддерживали Фердинанда, возросло в особенности после 1530 г. Среди них были магнаты Петер Перени, Тамаш Надашди, Ференц Реваи, Элек Турзо, Криштоф Орсаг и др. В рядах мелких дворян число горячих сторонников Реформации также возросло и включало, например, семейства Балашпа, Няри, Радван и Беницкие. Они пользовались предоставленным им, как патронам церк-

ви, правом назначать священников и открывать в своих владениях школы, где учителями нанимались гуманисты-лютеране, нередко выпускники Виттенбергского университета. Горожане также стремились добиться права выбирать себе священников, приглашать проповедников и управлять собственностью светских братств, которые ставили перед собой как религиозные, так и благотворительные цели. Распространению Реформации также способствовали солдаты, служившие в армии Фердинанда I, большая часть которых не была чужда протестантизму. В течение длительного времени они несли службу в крепостях вдоль турецкой границы и нередко сопровождались протестантскими священниками. Даже некоторые командующие габсбургской армии поддерживали реформационные идеи.

Не только солдаты и светские землевладельцы, но и ряд иерархов церкви склонялся к тому, чтобы встать на сторону Реформации. В 1556 г. нитранский епископ Ференц Турзо после 22 лет службы снял с себя сан, принял лютеранство и женился, как это сделал приор спишского капитула в 1544 г. Положение внутри католической церкви усложняли сами Габсбурги. Во второй половине XVI в. архиепископская кафедра в Эстергоме оставалась свободной в течение 26 лет. Нитранские епископы почти все время проводили в Вене, где им было вверено руководство Венгерской дворцовой канцелярией, и крайне нерегулярно посещали свою епископскую резиденцию. Распространению протестантизма способствовало присутствие османов, поскольку Габсбурги остро нуждались в материальной и личной помощи со стороны лютеранского дворянства и городов. Более того, турки вообще не обращали внимания на распространение Реформации до тех пор, пока население уплачивало необходимые налоги, и даже рассматривали это как еще одно средство ослабления Габсбургов.

Некоторые представители обессиленной католической церкви пытались сдерживать распространение Реформации. Но в стране, сотрясаемой борьбой за корону между Фердинандом Габсбургом и Запольским и испытывавшей угрозу османского вторжения, это было практически невозможно. В 1530 г. архиепископ эстергомский Пал Вардаи обратился к горнопромышленным городам в средней Словакии, предупреждая их против лютеровских «заблуждений». Он приказывал клирикам воздерживаться от конкубината, почитать святых, крепить веру своими делами и соблюдать посты в приходах. Далее он напоминал жителям городов, что они должны исповедываться хотя бы раз в год, соблюдать епитимью, возносить молитвы и совершать иные благочестивые деяния в полном объеме, как положено. В 1540 г. калочайский архиепископ Ференц Франгепан (в хорватской традиции Франьо Франкопан. — *Прим. пер.*) представил подробный отчет о распространении Реформации и отметил, что на ее пути нельзя поставить действенных преград до тех пор, пока сохра-

няется существующая политическая ситуация в королевстве. Согласно Франгепану, простые люди и в еще большей степени дворяне сочувствовали Реформации. Похоже, что священники и учителя были выпускниками школы Филиппа Меланхтона¹. Печский епископ жаловался, что дворяне, как из лагеря Фрединанда I, так и Яна Запольского, не думали ни о Боге, ни о святых. Они лишь стремились избавиться от клира и поделить церковную собственность.

Но пока католические епископы жаловались на потерю приходов и собственности, доходы с которой они присваивали и духовной заботой о которой пренебрегали, города и дворяне пользовались своим древним правом патроната, правом выбирать или назначать священников, проповедников и наставников, и отдавали предпочтение тем, кто проповедовал учения евангелической гуманистической Реформации, в особенности в ее лютеранской форме. Города, магнаты и дворяне принимали на службу проповедников — сторонников Реформации. Они также использовали доходы с церковной собственности для того, чтобы открывать городские или дворянские школы, оказывать помощь бедным и удовлетворять иные нужды общины. С 1520 г. и вплоть до конца XVI в. в словацких землях было открыто 83 школы, из которых 63 — после 1550 г. Из них менее 10, включая семинарию, основанную в Трнаве Миклошем Олахом, были католическими. Хотя Реформация в Словакии была «магистериальной», т. е. проводилась и определялась гражданскими руководителями, теологические основания движения оставались в руках преимущественно лютеранского духовенства. Это согласовалось с учением о «священстве всех верующих», сформулированным Лютером в начале 20-х годов XVI в. в его реформационных трактатах, которые заменили качественное различие между клириками и мирянами на функциональные различия. Все христиане были равны перед лицом Господа, но им вверялись разные должности и обязанности, идея, которая породила теории XVI в. о сообществе и власти.

Однако некоторые радикализировали церковно-теоретическое учение о «священстве всех верующих», чтобы пропагандировать идеи социального и экономического равенства и ввести этику, основанную на строгом применении десяти библейских заповедей и, иногда, даже древнего церемониального закона Ветхого Завета. Если вопрос о влиянии Реформации на восстание горнорабочих 1525—1526 гг. остается открытым, то несомненно, что среди первых наиболее значительных представителей этого «радикального» реформационного движения особо выделялся гуманист и сторонник Реформации Вольфганг Шустель, один из проповед-

¹ Меланхтон, Филипп (1497—1560) — немецкий протестантский богослов, основной автор «Аугсбургского исповедания».

ников в Бардеёве в 20-е годы XVI в. Его преемник Исайя Ланг, на которого, похоже, оказали влияние моравские анабаптисты, был вынужден покинуть город после того как эгерский епископ получил королевский мандат и пригрозил городскому совету конфискацией имущества, если Ланг останется в городе. Еще более противоречива фигура Андреаса Фишера, анабаптиста-сabbатинария¹, который появился в Верхней Венгрии в 30-е годы XVI в. И хотя высказывалось подозрение, что донесения о деятельности Фишера на самом деле относятся к двум разным людям, все же несомненно, что в Левоче и других спишских городах Андреас Фишер призывал к коренным реформам церкви и общества, строгому следованию десяти библейским заповедям, включая соблюдение субботы как главного дня почитания Господа. В остальных областях Венгрии, в особенности в регионах вдоль Тисы и в Трансильвании, наряду с евангелической или лютеранской Реформацией получили распространение сакраментариянство² и антитринитаризм, что еще более усложняло религиозную картину в стране.

2.2. Протестантские конфессии и католическая оппозиция

В 30—40-е годы XVI в. восточно-словацкие королевские города — Прешов, Бардеёв, Кошице, Левоча и Сабинов, комитаты Спиш и Липтов, все горнопромышленные города средней Словакии, западно-словацкие города Тренчин и Жилина, а также малые города, как Бановце и Нове Место-над-Вагом, где проживало смешанное словацко-немецкое население, — приняли Реформацию. Католические обряды были полностью отменены. Скорее, они были постепенно изменены или заменены на евангелические элементы. Например, даже во второй половине XVI в. индивидуально устная исповедь все еще практиковалась в горнопромышленных городах, и сохранялись литургическое облачение и общий характер мессы с небольшими модификациями, введенными в Виттенберге.

Однако появление других реформационных течений — анабаптизма, гельветических вероучений и антитринитаризма — заставило определить теологию и практику, которых следовало придерживаться. Более того, после поражения в 1547 г. протестантской Шмалькальденской лиги в Германии и завершения первого этапа Тридентского собора Фердинанд I

¹ Sabbатинарии — течение в христианстве, сторонники которого считают, что воскресение (христианскую субботу) следует соблюдать согласно пятой заповеди.

² Сакраментариянство — течение в христианстве, близкое к лютеранству, но отрицавшее таинство причастия, т.е. превращение хлеба и вина в тело и кровь христову. Не получило широкого распространения.

и медленно возрождавшийся католический клир получили шанс сдерживать распространение протестантизма в Венгрии. На сессии сейма 1548 г. в Братиславе был принят закон против религиозных нововведений. Дворяне-лютеране, которые опасались как влияния анабаптизма, так и кальвинизма, объединились с римско-католической партией, чтобы ввести в действие статью, которая предписывала изгнание анабаптистов и сакраментариев из королевства. Однако король и католический клир толковали закон как разрешение на изгнание всех сторонников реформы церкви. Хотя Фердинанд в дипломе от 11 сентября 1548 г. особо признал привилегии городов, в города были направлены следственные комиссии для искоренения евангелической «ереси». В ответ в течение последующих двадцати лет тремя лигами словацких городов были разработаны и приняты три «исповедания».

Первое исповедание в Словакии разработал ректор городской школы в Бардееве Леонард Штёкель, который был учеником и верным другом Филиппа Меланхтона и вернулся в родной город из Виттенберга в 1539 г. Он участвовал в работе синода в Прешове в 1546 г., на котором были приняты статьи, согласовавшиеся с евангелической верой. В 1549 г. лига из пяти королевских городов в Словакии поручила ему разработать исповедание для представления епископу Стефану Бардале, посетившему регион. Пять восточно-словацких королевских городов (Прешов, Бардеёв, Левоча, Сабинов и Кошице), связанные договором 1483 г. об общих принципах действия, решили принять единое исповедание, чтобы очиститься от подозрений, будто они укрывают сакраментариев или анабаптистов. Разработанная Штёкем так называемая «Пентаполитана» (*Confessio Pentapolitana*) была основана на Аутсбургском исповедании и общих положениях Меланхтона.

Десятью годами позже, когда архиепископ эстергомский Миклош Олах попытался ввести каноны Тридентского собора в горнопромышленных городах средней Словакии, семь городов поручили Ульриху Квибулариусу из Штявницы разработать то, что впоследствии стало известно как «Монтана» (*Confessio Montana*, 1559). Таким же образом пасторское братство 24 спишских городов представило варадскому епископу Дёрдю Борнемису Спишское исповедание (*Confessio Scepusiana*), подготовленное Цириакусом Кохом и Валентином Мегандером.

Все три исповедания, чтобы добиться признания и терпимости, подчеркивали «католический характер» евангелической веры. Умеренный подход лютеран нашел свое выражение в сохранении многих традиционных элементов литургии и благочестия, очищенных от «папистских» злоупотреблений. Это отражено в визитациях (инспекциях) каноников эстергомского архиепископства, направленных в 60-е годы XVI в. в 10 комитатов, находившихся на территории современной Словакии. Посе-

щения показали, что большинство священников были женаты и причащали мирян «под обоими видами», т. е. и хлебом, и вином. Принятие причастия под обоими видами, что можно отнести к гуситскому влиянию, не было редкостью в Венгрии XV в. и в годы работы Тридентского собора, представители венгерской католической церкви пытались добиться признания клерикального брака и разрешения причащать мирян в ходе мессы хлебом и вином. Таким образом, инспекторы, которых прежде всего интересовало состояние собственности и литургического облачения, сосудов и практикуемые обряды и которые лишь поверхностно опеивали теологические взгляды местных клириков, в своих отчетах отметили, что посещенные ими приходы по-прежнему «истинно католические». Очевидно, что в середине века различные направления гуманистической евангелической реформационной мысли находились лишь в самом начале организационного и теологического размежевания. Более того, лютеране получили законное право образовывать свои собственные церковные структуры. В течение всего XVI в. они оставались под юрисдикцией католических епископов и капитулов и регулярно выплачивали десятину и иные подати.

В середине века некоторые представители католической церкви пытались сдержать распространение Реформации и вновь обратить общество в католичество. Миклош Олах после назначения епископом эстергомским в 1553 г. попытался ввести свою версию реформированного католицизма в горнопромышленных городах, что привело к принятию «Монтаны». Когда папа Пий IV в 1564 г. разрешил причастие под обоими видами для чешских и соседних с ними епархий, Олах позволил это в своей епархии, полагая, что такой шаг облегчит обращение лютеран к католицизму. Чтобы упрочить расшатавшуюся дисциплину в рядах священников и проявить заботу о подготовке новых поколений священнослужителей, он в 1561 г. призвал представителей недавно созданного Общества Иисуса в Трнаву. Однако его усилия пропали даром. После пожара в 1567 г. иезуиты оставили Трнаву, а после смерти Антала Веранчича в 1573 г. архиепископская кафедра в Эстергоме пустовала в течение 23 лет.

Необъявленная, точнее фактическая религиозная свобода просуществовала в Королевской Венгрии, а следовательно, в словацких землях, в течение всего XVI в. В соседней Трансильвании религиозная свобода и веротерпимость были официально провозглашены на сейме 1545 г. Более того, Фердинанд I в своей борьбе с османами и трансильванскими князьями нуждался в поддержке, которую ему могли предоставить только магнаты, дворяне и города, большинство из которых примкнуло к одному из реформационных движений. Сын и наследник Фердинанда на престоле (с 1564 г.) император Максимилиан II, по всей вероятности, лично симпатизировал протестантизму. Несомненно, что до конца

его правления (1576 г.) во всех землях, подвластных его скипетру, протестантизм процветал.

Эта благоприятная ситуация начала меняться в 1576 г., при старшем сыне Максимилиана, Рудольфе II (как венгерский король Рудольф I. — Прим. пер.), который был горячим сторонником католической Контрреформации. Но принимая во внимание ситуацию в Венгрии, он главным образом опирался на католический клир и миссионеров, в особенности иезуитов и францисканцев. В годы его правления иезуиты вернулись в словацкие земли и закрепились в целом ряде городов. В 1586 г. Рудольф передал им собственность покойного настоятеля монастыря в комитате Турец, и иезуиты смогли организовать свой важный центр в Клашторе-под-Зневом. С 1598 г. иезуиты работали в Шале и позднее даже вернулись в Трнаву. Поначалу их попытки закрепиться в наиболее важных бастионах протестантизма в словацких землях не увенчались успехом. Иезуиты агрессивно и весьма действенно стремились рекатолизировать видных представителей дворянства и горожан, а также завоевать следующее поколение, введя бесплатное образование для всех талантливых студентов. Их влияние, в особенности в придворных кругах, и собственность росли довольно быстро, так что сеймы неоднократно пытались запретить иезуитам владеть землей и даже требовали изгнать орден.

2.3. Консолидация Реформации

Во второй половине XVI в. евангелическое духовенство доминировало в различных церковных округах в словацких землях, распространяя свой контроль на различные объединения духовенства, пасторские братства или товарищества (*contubernia*)¹, они избирали своих пробстов. Оставаясь по закону под юрисдикцией католических епископов, они постепенно переходили, однако, к своим собственным исповеданиям, которые после Аугсбургского мира 1555 г. обрели дополнительную легитимность. Поскольку мир распространял веротерпимость на тех, кто придерживался вероисповедания, представленного Карлу V в 1530 г. в Аугсбурге, лютеране в Венгрии надеялись, что благодаря своим вероисповеданиям, основанным на Аугсбургском исповедании и представленным церковным и светским властям, на них также будет распространена веротерпимость.

В Венгрии, как и в Священной Римской империи, теологические противоречия нарастали по мере того, как сторонники кальвинистского учения также потребовали для себя терпимости, доказывая, что их вероучение соответствует верно истолкованному Аугсбургскому исповеданию. После 1570 г. это привело к углублению теологического конфликта, в

¹ От латинского *contubernium* — товарищество.

ходе которого евангелические гуманистические реформационные движения в Венгрии разделились на три четко обозначенные группы: лютеран, кальвинистов и антитринитариев. В словацких землях лютеранство, исповедуемое прежде всего немецкоязычным городским населением и словаками, было наиболее многочисленным, в то время как среди венгров в центральной Венгрии и Трансильвании доминировали кальвинисты. Антитринитаризм нашел поддержку главным образом среди секеев и венгров Трансильвании.

Поскольку у словацких протестантов всегда были тесные контакты со сторонниками Реформации в Германии, противоречия между последователями кальвинизма и лютеранами, а также между различными группами лютеран, раздиравшие Германию, находили отголоски в словацких землях. Эти противоречия, суть которых сводилась к правильному толкованию вероучения Лютера и Аугсбургского исповедания, были связаны с подготовкой и принятием «Формулы» (1577 г.) и «Конкорданса» (1580 г.) — сборника основ вероучения Лютера. «Формула» и «Конкорданс» были подготовлены по поручению местных государей группой теологов и были направлены на разрешение споров внутри самого лютеранства. «Конкорданс» должен был также четко определить, какие варианты должны считаться терпимыми на основе Аугсбургского мира 1555 г.

Поскольку в Венгрии второй половины XVI в. существовала не менее сложная смесь реформационных взглядов, поначалу небольшая группа лютеран попыталась принять «Конкорданс» за доктринальный стандарт для евангеликов. Это привело к ожесточенным личным и теологическим спорам. Эти споры поутихли только тогда, когда городские советы горно-промышленных городов во имя сохранения общественного порядка и общего подхода к религиозным вопросам выступили в защиту все еще хрупкой *de facto* веротерпимости евангелического движения.

Дебаты о принятии «Конкорданса» переместились в восточные комитаты Спиш и Шариш. Там сторонники «Конкорданса» выступали против так называемых крипто-кальвинистов, многие из которых обучались вместе с Меланхтоном. Вождем конкордистов был дворянин-лютеранин Юрай Хорват Станчич Градецкий, который в своем имении Стража основал академию, ставшую одной из самых заметных лютеранских школ в словацких землях. Среди теологов-конкордистов было два первых видных лютеранских теолога-словака — Элиаш Лани и Северин Шкултетты.

Большое количество трактатов, написанных в период этих споров, стали первыми серьезными изданиями, напечатанными в Словакии, в особенности в типографии, основанной в 1578 г. в Бардеёве Давидом Гутгезелем. После провала попыток найти общий язык между кальвинистами и лютеранами на сейме, созванном в 1591 г. дворянином Тамашем Надашди в Чепреге, конфликт в восточно-словацких землях был посте-

пенно разрешен в ходе ряда синодов и сеймов, проходивших с 1595 по 1599 г. Как и горнопромышленные города, Спиш и Шариш отrekliсь от кальвинистских или сакраментарианских, анабаптистских и антиринитаристских взглядов, но и не приняли «Книгу согласия» в качестве своего доктринального стандарта, поскольку посчитали, что ее принятие может привести к обвинению в религиозных нововведениях и поставить под угрозу *фактическую* веротерпимость по отношению к ним. Поэтому они вернулись к своим более ранним формам вероисповедания и Аугсбургскому исповеданию. В то же время их позиция изменилась, когда для возвращения населения в лоно католичества началась использоваться сила, и в особенности после Венского мира 1606 г., положившего конец восстанию Иштвана Бочкаи.

2.4. Усиление Контрреформации и восстание Иштвана Бочкаи

В конце XVI в. на помощь миссионерской и педагогической деятельности в качестве эффективного средства проведения рекатолизации в королевстве Венгрия пришли экономическая и политическая мощь и военная сила. Новое поколение молодых честолюбивых дворян и горожан, воспитанных в иезуитских школах и университетах, начинало проявлять интерес к церковным должностям. Одним из первых был нитранский епископ и позднее (с 1605 г.) архиепископ эстергомский Ференц Форгач. Поскольку в начале XVII в. деятельность иезуитов в словацких землях получала все большую поддержку со стороны придворных кругов, подавляющее большинство венгерского дворянства, исповедовавшего протестантизм, противостояло иезуитам и ощущало не только угрозу рекатолизации, но и ограничения своих сословных привилегий и статуса.

Начало рекатолизации было положено Фердинандом Штирийским в Верхней Австрии и Штирии в последние годы XVI в. Это вдохновило Рудольфа II предпринять сходные шаги в подвластных ему венгерских землях, и он предпринял попытку насильственно вернуть в католичество два важных города, Кошице и Левочу. Борясь с евангеликами в королевских городах, император удивительным образом ссылался на принцип Аугсбургского мира «чья страна, того и вера» («*cuius regio, eius religio*»), который не распространялся на Венгрию, чтобы доказать, что как суверенный государь он может определять, какую религию следует исповедовать в королевстве. К тому же он подчеркивал, что эти населенные пункты были королевскими городами и, следовательно, подпадали под его, короля, юрисдикцию. Однако и в Кошице, и в Левоче он столкнулся с неожиданным сопротивлением. Захват лютеранских и кальвинистских церквей в Кошице в начале 1604 г., включая церковь св. Елизаветы,

в которой эгерский епископ, бежавший от турок, хотел устроить новый кафедральный собор, и изгнание протестантского духовенства можно было осуществить только с помощью военной силы, предоставленной имперским военачальником в Верхней Венгрии генералом Джакомо Барбиано де Бельджойзо. Рекатолизация Кошице была направлена против горожан, но она вызвала глубокое возмущение не только в городской среде, но и в рядах венгерского протестантского дворянства. На сейме 1604 г. они выразили резкий протест против действий Барбиано де Бельджойзо и решения императора. Рудольф пообещал, что этот вопрос будет рассмотрен после других, по крайней мере, после того, как будет утверждено финансирование Пятнадцатилетней войны. Но как только император получил деньги, он распустил сейм и по собственной инициативе добавил к статьям, которые уже были утверждены сеймом, еще одну, 22-ю статью, которая возрождала все законы против «ошибочных учений», принятые ранее, и вдобавок запрещала обсуждение религиозных вопросов на сеймах под угрозой обвинения в государственной измене. Дворяне-протестанты, возмущенные этой тактикой, доказывали, что статья нарушала принципы, права и привилегии сейма и была направлена против их сословия и их религии.

Первые меры против протестантов совпали с попытками турок отвоевать Эстергом. Когда большая часть имперской армии была выведена из восточной Венгрии и Трансильвании, чтобы отразить надвигающуюся угрозу, генерал Барбиано де Бельджойзо воспользовался ситуацией, чтобы конфисковать в восточной Венгрии собственность влиятельного трансильванского дворянина Иштвана Бочкаи, который вел тайные переговоры с антигабсбургской оппозицией в Трансильвании и с османами. Однако эта акция Барбиано обернулась катастрофой для имперских войск. Бочкаи сумел собрать вокруг себя широкий круг недовольных. В битве при Алмошде (комитат Бихар) в октябре 1604 г. он нанес поражение имперским войскам. Особую роль на первом этапе восстания Бочкаи играли отряды *гайдуков*, которые изначально были пастухами крупного рогатого скота и зарабатывали на жизнь случайной военной службой и разбоем. Они жили в пограничных с османами областях, где были превосходные условия для бандитских набегов. В XVI в. число гайдуков резко возросло, поскольку их ряды пополняли сотни беглых крестьян. В армии Барбиано де Бельджойзо насчитывалось более 3 тыс. гайдуков, и костяк армии Бочкаи также состоял из плохо организованных и склонных к разбою гайдуцких отрядов.

Потерпев поражение, Барбиано де Бельджойзо попытался отвести большую часть своих сил к Кошицам. Но горожане отказались открыть ворота, поскольку еще не забыли захват их церковей. С другой стороны, они немедленно впустили в город отряды Бочкаи, где 11 сентября 1604 г.

тот устроил свою резиденцию. Из Кошице он обратился ко всем комитатам и городам с патриотическим призывом защитить истинную христианскую веру и свободу нации. Призыв Бочкаи нашел особенно восторженный отклик в восточных городах Пентаполитаны. Преимущественно протестантское население чрезвычайно остро ощущало угрозу наступления Контрреформации. Города Левоча, Сабинов, Прешов, Бардеев и Кежмарок последовали примеру Кошице и перешли на сторону повстанцев. Тем временем Бочкаи вел успешные переговоры о военной помощи с османами. Протектор Трансильвании Хуссейн бег из Фессалоник направил Бочкаи «атнаме» (защитную грамоту) великого визиря, изданное от имени султана. В грамоте Бочкаи именовался князем Трансильвании и королем венгерской нации. Султан брал венгерскую нацию под свою защиту и поручал ему наказать «упрямых немецких неверных».

К Бочкаи постепенно присоединялись дворяне, в особенности из восточной Словакии. Некоторые были вынуждены поддержать восстание, поскольку боялись, что их собственность может быть конфискована или разграблена гайдуками Бочкаи. В Вене военный совет изначально полагал, что он сможет подавить восстание с помощью 10 тыс. солдат генерала Джорджо Баста. В ноябре 1605 г. Баста нанес поражение силам повстанцев при Ождяни, позднее, в битве близ р. Бодва, он рассеял вспомогательный турецкий отряд, но осада Кошиц не увенчалась успехом, и генерал был вынужден отступить к Прешову. Когда Баста обратился к горожанам Прешова с обещанием уважать их свободы и вероисповедание, они не только открыли перед ним ворота, но и присягнули на верность императору Рудольфу II.

После того как на помощь Бочкаи пришли новые турецкие отряды, а 21 февраля 1605 г. он был избран трансильванским князем, его позиции существенно укрепились. К Бочкаи примкнуло несколько влиятельных магнатов (Балинт (Валентин) Хомоннаи Друтет, Иштван Иллешхази). После избрания трансильванским князем 21 февраля, на сейме Королевской Венгрии в Серенче в апреле 1605 г. Бочкаи был избран князем Венгрии. Он также получил право конфисковать и распределять среди своих сторонников собственность дворян, которые оставались верны Габсбургам. Сейм издал меморандум, который должен был разъяснить цели восстания не только жителям страны, но и всей Европе. Документ осуждал Рудольфа II и его правление и был полон преувеличений, искажений и угроз.

Весной 1605 г. Бочкаи предпринял новую военную операцию. Он установил контроль над долиной Вага, горнопромышленными городами и — 5 мая 1605 г. — над Трнавой. После капитуляции Нитры он контролировал всю западную Словакию за исключением Братиславы. Опустошительные рейды в Австрийские земли и Моравию вызвали недоволь-

ство повстанцами в рядах тех жителей сопредельных стран, которые изначально сочувствовали движению. Когда в октябре 1605 г. турки с помощью Бочкай взяли Эстергом, ужас объял души дворян, прежде поддерживавших восстание. Между тем император Рудольф поручил эрцгерцогу Матиасу разрешить кризис в Венгрии, и тот вступил в переговоры с Бочкай об условиях заключения мира. Однако в глазах двора требования Бочкай были столь непомерными, что было сочтено за благо продолжить войну. Когда же обещанная военная помощь от Рима, Испании, Священной Римской империи и Англии так и не пришла, переговоры были возобновлены.

Османе попытались еще крепче привязать Бочкай к себе и таким образом отрезать путь к примирению повстанцев с Габсбургами. 11 ноября 1605 г. великий визирь Мохаммед Лала от имени султана с большой пышностью провозгласил Бочкай королем Венгрии. Но Бочкай воспринял инициативу турок с крайней осторожностью и не дал соблазнить себя призраком королевского титула, поскольку он не был уверен в поддержке большинства дворянства. Вскоре после этого венгерские сословия съехались на сейм в Крупину. Большинство участников сейма прекрасно понимали, что союз с ненадежными турками может иметь непредсказуемые последствия для страны, и настаивали на скорейшем завершении конфликта. Инициатива перешла в руки лютеран Иштвана Иллешхази, чьи владения были конфискованы Габсбургами, и Дёрдя Турзо. В январе 1606 г. в Вене они начали мирные переговоры с эрцгерцогом Матиасом. Наконец, через шесть месяцев, 23 июня 1606 г., в Вене был заключен и подписан договор, который стал краеугольным камнем в будущем политическом развитии Венгерского королевства. Иштван Бочкай и венгерское дворянство добились всех своих целей.

Наиболее важным результатом Венского мира стали гарантии свободы вероисповедания для магнатов, дворянства, королевских городов и привилегированных городов, принадлежавших короне¹, а также солдат пограничных гарнизонов. В тексте договора особо оговаривалось, что договор ни коим образом не нарушает прав римско-католической церкви. Толкование того, что эта статья на самом деле означает, стало основой будущих разногласий в королевстве. Венский мир подтвердил автоно-

¹ Немногочисленные вольные королевские города относились к владениям короля и были подсудны королевскому суду. Значительная же часть городов, даже те, которые получали королевские привилегии и имели большую или меньшую свободу, находились под властью феодала или комитата. Наибольшую самостоятельность имели королевские (казначейские) сельские городки, которые получали от короля привилегии на избрание собственных властей, право устройства ярмарок, льготы в отношении королевских налогов, но эти привилегии не отменяли власти сеньора.

мию Венгерского королевства в ряду подвластных Габсбургам земель. Однако на самом деле Габсбурги мало считались с этой автономией и часто нарушали ее. После более чем полувекового перерыва дворяне могли избрать нового палатина на очередном сейме. В будущем венгерские офицеры и командиры в пограничных гарнизонах должны были быть дворянами по рождению. Иштван Бочкаи был признан князем Трансильвании, признавалась также власть Бочкаи в течение его жизни над комитатами северо-восточной Венгрии. Это еще более ослабило контроль Габсбургов над регионом.

Договор вступал в силу только после заключения мира с союзниками Бочкаи, османами. Однако Рудольф II не спешил заключать мир с турками и даже отказывался признать Венский мир, заключенный эрцгерцогом Матиасом. В Венгрии поднялась волна возмущения, сопровождавшаяся разбойными нападениями гайдуков. Венский мир также причинил Матиасу осложнения за границей. Папский нунций выразил протест против зафиксированной в договоре религиозной терпимости. В ответ на критику эрцгерцог напомнил ему, что Испания и папский престол не спешили предоставить военную помощь, когда Габсбурги в ней так нуждались. Наконец, Рудольф согласился на подписание мирного договора с османами.

После пятнадцати лет войны 11 ноября 1606 г. в лагере, разбитом близ слияния рек Житавы и Дунай, был подписан договор с турками со сроком действия не менее 20 лет. Султан сохранял за собой крепости, которые он захватил во время восстания Бочкаи. В то же время он смирялся с потерей Новоградского санджака. Император выплачивал турецкому султану единовременную репарацию в размере 200 тыс. флоринов и соглашался с потерей Эстергома, который, вместе с прилегающими территориями, оставался в руках турок. Вскоре после заключения Житваторокского (в словацкой традиции Житавского. — *Прим. пер.*) мира с османами Иштван Бочкаи умер в Кошицах, и напряженность между эрцгерцогом Матиасом и душевно больным императором Рудольфом II усилилась. Император отказывался ратифицировать Венский и Житваторокский мирные договоры и не желал признавать территориальные привилегии гайдуков, которые им были дарованы Бочкаи. Это повлекло за собой новые осложнения. Венгерское дворянство было обеспокоено поступками Рудольфа, которые противоречили положениям Венского мира, и в частности, назначением Ференца Форгача палатином. Возникла угроза нового восстания. Эрцгерцог Матиас взял инициативу в свои руки и несмотря на протесты Рудольфа созвал в январе 1608 г. в Братиславе партикулярный сейм. Эрцгерцог образовал конфедерацию венгерских и австрийских сословий для защиты Венского и Житваторокского мирных договоров. На самом деле конфедерация была направлена против Рудоль-

фа. В апреле 1608 г. армия австрийских и венгерских дворян выступила на Прагу, и в Зноймо к ней присоединилась армия моравских сословий. Рудольф, изоляция которого усиливалась день ото дня, в конце концов был вынужден принять условия, продиктованные ему Матиасом. Согласно договору в Либани, заключенному 25 июня 1608 г., Рудольф уступал венгерскую корону и власть над Австрийскими землями и Моравией своему младшему брату Матиасу. Последовавший затем коронационный сейм в Братиславе стал триумфом венгерского протестантского дворянства. Свобода вероисповедания, пусть только для привилегированных групп населения, была подтверждена в соответствии с условиями Венского мира. Архитектор мирного договора, дворянин-лютеранин Иштван Иллешхази, был избран палатином.

После преждевременной смерти Иллешхази (1609 г.) сейм вновь собрался в Братиславе для избрания его преемника. Имена четырех кандидатов, как это предписывал Венский мир, — два католика и два протестанта — были названы сейму государем. Палатином был избран магнат-лютеранин словацкого происхождения Дёрдь Турзо. По его инициативе в 1610 г. в Жилине был созван синод евангелических конгрегаций Аутсбургского исповедания из 10 комитатов Венгрии, которые прежде формально подчинялись эстергомскому архиепископству. На синоде лютеране отмежевались от католической церкви и создали на территории западной и средней Словакии три суперинтендантства, в которых суперинтендантами были избраны трое словаков. Помимо этого было избрано три инспектора, два для немецкоязычных лютеран и один для венгероязычных лютеран. Суперинтендантство для венгероязычных лютеран было создано в 1613 г. Горнопромышленные города сохранили свой сеньорат, в то время как гемерский сеньорат был образован в 1604 г. Синод в Спишске Подградье (1614 г.) под председательством Криштофа Турзо, который ненадолго перешел в католичество, но затем снова стал лютеранином, образовал одно суперинтендантство для комитатов Спиш и Шариш и другое для городов Пентаполитаны в восточной Словакии.

В 1607 г. архиепископом эстергомским стал Ференц Форгач Гимешский, который был воспитан в лютеранской вере, но затем, во время своего пребывания в Риме, обращен иезуитами в католичество и обучался вместе с Роберто Беллармине. В 1611 г. он провел синод в Трнаве, который не только осудил деятельность Жилинского синода, но и, по инициативе Петера Пазмания, подтвердил обязательность целибата для духовенства и причастие только под одним видом. Церковный надзор и дисциплина в рядах священников должны были ужесточиться. Иезуиты были вновь приглашены в Трнаву, где в 1615 г. они основали «коллегиум» или пансион. Трнава стала важным центром миссионерской деятельности в восточно- и позднее средне-словацких землях. Эти синоды означали бо-

лее решительное размежевание католической и евангелической церкви. В то время лютеран было почти в четыре раза больше, чем католиков. В 1613 г., только в четырех словацких комитатах — Нитре, Липтове, Ораве и Турце было 50 тыс. католиков и 180 тыс. лютеран. Однако ситуация быстро начала меняться в пользу католиков. В последующие три десятилетия большинство магнатов и дворян — главная политическая сила в стране — обратились в католичество.

Полномасштабная католическая реставрация началась после того, как иезуит Петер Пазмань был назначен архиепископом эстергомским (1616 г.). Он родился в кальвинистской семье и был обращен в католичество иезуитами, в чьей школе он получил блестящее образование. Будучи профессором Градского университета (1603—1607), он познакомился с Фердинандом Штирийским, который позднее, став императором Фердинандом II, поддерживал деятельность Пазманя по рекатолизации Венгрии. Поначалу Пазмань сосредоточился на издании теологической и полемической литературы, чтобы отобрать инициативу у протестантов. Он писал многочисленные сочинения на венгерском и атаковал протестантов с помощью логики и сатиры. Под его влиянием, подкрепленным вознаграждением от Габсбургов, тридцать ведущих магнатских семейств обратились в католическую веру, в том числе Жигмонд Форгач, Адам Баттяни и члены семей Реваи, Хомоннай Другет, Палфи и др. Пазмань стремился повысить уровень католического приходского духовенства. Чтобы местное духовенство могло получить более высокое теологическое образование он в 1619 г. создал при теологическом факультете Венского университета общежитие для студентов из Венгрии, которое получило имя Пазманеум. С другой стороны, он использовал все свое влияние, чтобы протестанты в Венгрии не смогли открыть своего университета, из-за чего студентам-протестантам приходилось отправляться за получением образования за границу. Но и в этом случае им нередко приходилось добиваться соответствующего разрешения. Сходным образом Пазмань и его преемники проводили в жизнь распоряжение, изданное в 1579 г. Рудольфом II, согласно которому для того, чтобы установить печатный станок, требовалась особая королевская лицензия, а также другие законы, запрещавшие издание, ввоз, распространение или даже хранение «еретических» книг.

Обращение в католичество влиятельных магнатов оказало воздействие на большинство дворянства, хотя часть среднего дворянства осталась верна протестантизму. Магнаты могли разрешать имущественные споры и, будучи патронами отдельных церквей на своих землях, принимать окончательное решение о назначении священника или проповедника. Постепенно они поменяли протестантских пасторов на католических священников и конфисковали, не останавливаясь перед применением силы, цер-

ковные здания и школы в местах проживания лютеран и кальвинистов, в особенности в юго-западных словацких землях. К тому же венский двор предоставлял им полную поддержку и вознаграждал их усилия по рекатолизации должностями и собственностью. Тем не менее рекатолизация поначалу встречала решительное сопротивление со стороны протестантской оппозиции, которая опасалась, что бездетного императора Матиаса I (как венгерский король Матвей II. — Прим. пер.) на венгерском престоле сменит Фердинанд Штирийский, который уже осуществлял католическую Контрреформацию в подвластных ему землях.

2.5. Венгерские восстания и Тридцатилетняя война

Когда разразилась Тридцатилетняя война (1618—1648), Трансильванское княжество, которым с 1613 г. правил Габор Бетлен, оказалось решающим фактором, влиявшим на развитие габсбургской Венгрии. В планы Бетлена входило усилить независимость Трансильвании и распространить свое военное и политическое влияние на Королевскую Венгрию. В 1619 г. он установил связь с мятежными чешскими сословиями. Представители протестантской оппозиции в Венгрии, возглавляемые Дёрдем I Ракоци, торопили Бетлена предпринять военную кампанию против Вены. Имре Турзо и некоторые другие дворяне тайно вели переговоры с чешскими сословиями о возможности совместных действий. Было очевидно, что в это время у Фердинанда II в Венгрии оставалось не много сторонников.

26 августа 1619 г., в тот самый день, когда чешские сословия выбрали кальвиниста Фридриха Пфальцского своим королем, Габор Бетлен при поддержке османов предпринял свой первый поход на Венгрию. 20 сентября 1619 г. он торжественно вступил в Кошице, где его приветствовали как защитника протестантизма. Большинство венгерского протестантского дворянства и многие католические магнаты, включая палатина Жигмонда Форгача и хранителя короны Петра Перени, перешли на его сторону. В начале октября 30-тысячная армия Бетлена взяла Трнаву, а в следующем году после ожесточенного сражения захватила Братиславу. Теперь объединенная армия чешских, моравских и венгерских сословий угрожала Вене. В период подготовки наступления на имперскую столицу Дёрдь (Юрай) Хомоннай Другет с частями, набранными в Польше, вторгся в восточную Словакию и отрезал связи Бетлена с Трансильванией. Бетлену, чтобы сдержать Другета, пришлось отозвать свою армию от Вены, и возможность решающего сражения с Фердинандом II была упущена. В январе 1620 г., после того как представители императора тайно пообещали Бетлену большие территориальные и политические уступки, он заключил перемирие с императором.

Соглашение позволило Фердинанду сосредоточить свои военные силы на подавлении чешского восстания. Опираясь на текст перемирия, Бетлен созвал в Банской Быстрице сейм венгерских сословий. К ходу сейма было приковано внимание как внутри страны, так и за рубежом. Помимо представителей Фердинанда II, в Банску Быстрицу прибыли французские, польские, турецкие, моравские и силезские эмиссары, отчеты о ходе переговоров публиковались за пределами королевства, в том числе в Англии, в английских переводах. Однако мирные переговоры вскоре закончились провалом. Это взбудоражило сторонников Трансильванского княжества в рядах участников сейма. 25 августа 1620 г., по совету турецкого султана, сословия выбрали Габора Бетлена королем Венгрии. Но целью Бетлена было усиление Трансильвании. Чтобы не возводить преград на пути заключения мира с Фердинандом II, он отказался от предложенной ему короны. Ряд законов, принятых сеймом в Банской Быстрице были явно направлены против растущего влияния католического клира и иезуитов. Вдобавок к ограничению числа епископов тремя (Нитры, Дьёра и Эгера), иезуиты и архиепископ эстергомский Петер Пазмань подлежали изгнанию из королевства. Ряд статей ограничивал некоторые церковно-правовые функции католической церкви и секуляризировал ее собственность.

После окончания срока действия перемирия в сентябре 1620 г. борьба между армией Бетлена и имперскими войсками под командованием генерала Анри Дюваля Дампьера возобновилась, прежде всего вдоль австро-венгерской границы и вокруг Братиславы. Вовлечением обеих сторон в боевые действия воспользовался будайский паша, который в ноябре 1620 г. захватил Вац.

Битва при Белой Горе в ноябре 1620 г. решила судьбу чешского восстания и ознаменовала собой новый этап в конфликте между Габсбургами и Бетленом. Весной 1621 г. армия Фердинанда II перешла в контрнаступление, освободила Братиславу, затем взяла Трнаву и оккупировала Нитру. В конце мая началась осада Новых Замков, но 10 июля 1621 г. Бетлен нанес имперским войскам решительный удар. После этой неудачи Фердинанд II все больше склонялся к мирному разрешению конфликта. Бетлену приходилось считаться с мнением большинства венгерского дворянства, требовавшего покончить с войной. Переговоры, проходившие между сторонами, увенчались 6 января 1622 г. подписанием мирного договора в Микулове (Никольсбурге). Фердинанд даровал Бетлену титул имперского герцога и передал ему герцогства Ополе и Ратибож в Силезии. Фердинанд также признал суверенитет Бетлена над семью венгерскими комитатами на северо-востоке страны, включая Земплин, Абов-Новоград, к которому относился город Кошице. Однако эти территориальные приобретения и титулы не были наследственными и

после смерти Бетлена переходили к Венгрии. Со своей стороны, Бетлен отказывался от титула короля Венгрии и освобождал все замки и крепости, которые он захватил в ходе военной кампании. Мятежное венгерское дворянство удалось успокоить всеобщей амнистией и подтверждением всех прав и привилегий, предоставленных им в 1606 и 1608 гг.

Для честолюбивого Бетлена Микуловский мир не был препятствием для возобновления военных действий против Фердинанда II. В 1623 г. в качестве союзника Фридриха Пфальцского и германских протестантских государей он предпринял новую военную кампанию. В течение месяца Бетлен оккупировал Словакию и в начале ноября окружил имперские войска в укрепленном лагере близ Годонина в Моравии. Однако с приближением зимы османские союзники отговорили его от продолжения осады. Бетлен удовольствовался новым договором, заключенным в Вене, который в общих чертах повторял условия Микуловского мира двухлетней давности. После неудачной попытки сватовства к дочери Фердинанда II, ради чего он даже был готов перейти в католичество, в 1626 г. в Кошицах Бетлен женился на Катарине Бранденбургской. Этот брак связал его с антигабсбургским союзом в составе Англии, Дании, Голландии и Швеции. В конце 1626 г. армия Бетлена пересекла Словакию с востока на запад, чтобы прийти на помощь остаткам армии протестантского герцога Мансфельда, который после поражения при Дессау в Силезии бежал от частей имперского военачальника Альбрехта Венцеля Валленштейна. На этот раз призыв Бетлена к словацким комитатам и городам остался практически без ответа, и только будайский паша Муртаза оказал ему некоторую помощь. В начале октября 1626 г. части Мансфельда соединились с отрядами Бетлена под Сеченем. Валленштейн, чьи войска загнали Мансфельда в Венгрию, не имел сил дать Бетлену решающее сражение. После нескольких недель, в течение которых солдаты занимались грабежами и разбоем, имперская армия вернулась в Австрию.

Прессбургский мир, подписанный в декабре 1626 г., увенчал третий поход Бетлена против Фердинанда II. Неожиданная смерть Бетлена в ноябре 1629 г. положила конец его честолюбивым планам создать антигабсбургскую коалицию вместе с шурином, шведским королем Густавом Адольфом. Его преемник Дёрдь I Ракоци сосредоточился на упрочении своей власти в Трансильвании и преумножении семейных владений. В течение 30-х годов XVII в. он практически не вмешивался в венгерские дела.

Рекатолизация, прерванная походами Бетлена, при Дёрде I Ракоци возобновилась с новой силой. Ее не замедлил даже приток в словацкие земли беженцев-некатоликов из Чехии и Моравии после мая 1627 г., когда католицизм был провозглашен единственной официальной религией в Чехии и был отдан приказ о насильственном обращении или из-

гнании некатоликов. К моменту созыва сейма 1638 г. католики составляли явное большинство в рядах магнатов. Протестанты были вынуждены перейти к обороне. В конце 30-х годов XVII в. с помощью Дёрдя I Ракоци протестанты пытались установить контакты с Швецией и Францией. Недовольство положением дел в габсбургской Венгрии высказывали не только протестанты, многие католические магнаты были озабочены централизаторскими устремлениями венского двора и все новыми ограничениями автономии венгерского дворянства. В период после 1625 г. палатин Миклош Эстерхази неоднократно выражал протест против неуважения, оказываемого Габсбургами в отношении венгерской конституции, и не раз грозил немедленной отставкой.

Тридцатилетняя война истощила имперскую казну. Габсбурги перестали получать регулярные поступления на поддержание системы пограничных крепостей и не имели средств оплачивать расположенные там гарнизоны. Оборонительные укрепления были в плачевном состоянии, личный состав гарнизонов месяцами не получал жалования, им приходилось добывать средства к существованию грабежом и разбоем, в особенности в пограничных районах, которые находились под властью турок. Группы мародеров, состоявшие из беглых имперских солдат, служили оправданием ответных турецких рейдов, так что локальные столкновения на границе лишь усиливались. Только в течение одной трехдневной карательной экспедиции в комитат Нитра в 1642 г. эстергомский бег Мустафа разграбил и сжег 11 деревень, двести человек было убито и более тысячи уведены в рабство.

2.6. Восстание Дёрдя I Ракоци

В начале 40-х годов XVII в., после вступления в Тридцатилетнюю войну Франции и интенсификации шведских атак, император Фердинанд III был вынужден перейти к обороне. Антигабсбургская коалиция с надеждой обращала взоры на Дёрдя I Ракоци, который мог решить окончательный исход тридцати лет войны одним лишь рейдом на Вену. Величайшей удачей Фердинанда стало то, что в марте 1642 г. в деревне Сень на берегу Дуная, его представители во второй раз продлили Житваторокский мир с османами еще на двадцать лет (изначально он был действителен только до 1627 г.).

Шведская армия, воспользовавшись поражением габсбургской армии под Брейтенфельдом, в ноябре 1642 г. вторглась в Чехию и Моравию. Под впечатлением от военных успехов шведов, но и по личным причинам, Дёрдь I Ракоци решил вступить в военный конфликт на стороне антигабсбургской коалиции. В апреле 1643 г. он заключил соглашение со шведской королевой Кристиной и французским королем Людовиком XIII,

которые гарантировали, по крайней мере на бумаге, щедрую финансовую, военную и политическую поддержку антигабсбургской коалиции во время похода на Вену. Однако союзу со шведами могла помешать война Швеции с датским королем Кристианом IV, а союзу с османами — убийство великого визиря Кара Мустафы, который благосклонно относился к Ракоци. Несмотря на все эти обстоятельства, в феврале 1644 г. его 15-тысячная армия выступила из Трансильвании. В задачу Ракоци входило как можно скорее взять под свой контроль словацкие комитаты и воссоединиться со шведами в Моравии. Он оправдывал свое вступление в войну заявлениями о том, что борется за восстановление религиозной и политической свободы Венгрии. В своих обращениях он призывал венгерские сословия присоединиться к нему и последовать примеру португальцев, которые недавно низложили иноземную династию и выбрали «национального» короля. Фердинанд не мог оставить эту открытую атаку на Габсбургов без последствий. В ответной прокламации император перечислил все благодеяния, которые он оказал семейству Ракоци, и подчеркнул, что Габсбурги были вынуждены взяться за оружие лишь для того, чтобы подавить восстание и сохранить свободу страны. Но в распоряжении Фердинанда не было достаточных военных сил, чтобы вести успешные боевые действия в Венгрии, поскольку некоторые дворяне и вольные королевские города встали на сторону трансильванского князя. В начале марта 1644 г. солдаты Ракоци захватили Кошице и в течение следующего месяца с помощью османов — горнопромышленные города в средней Словакии. Однако после нескольких поражений Дёрдь I Ракоци выказал готовность сесть за стол переговоров.

В этой запутанной военной ситуации Габсбурги и повстанцы созвали два заседавших параллельно сейма. В то время как участники сейма в Кошице и даже трансильванские сословия склонялись к заключению мира, в Трнаве сторонники Фердинанда III приняли решение о продолжении борьбы и утвердили военный бюджет, необходимый для набора новых войск в Венгрии и Польше. Но в имперской армии, где началась эпидемия чумы, снабжение продовольствием было крайне недостаточным, как немецкие наемники, так и словацко-венгерско-польская армия выражали крайнее недовольство.

Осенью 1644 г. на помощь венгерскому восстанию и военным операциям Дёрдя I Ракоци пришло шведское вторжение в Чехию. Хотя он продвигался на запад, чтобы соединиться со шведами, Ракоци оставлял открытой возможность мирного разрешения конфликта. В течение осени и зимы он вел переговоры в Трнаве. Несмотря на то, что требование Ракоци предоставить полную свободу вероисповедания вызвало противодействие со стороны католического духовенства и венгерских магнатов-католиков во главе с палатином Миклошем Эстерхази, представители

Фердинанда III и Дёрдя I Ракоци смогли прийти к компромиссному решению. Но заключенное перемирие длилось недолго. Ситуация изменилась после победы шведов при Янкове в марте 1645 г. В мае повстанческая армия оккупировала всю Словакию, за исключением Братиславы, и вступила в Моравию. В июле 1645 г. вместе со шведами 14-тысячный корпус трансильванской армии осадил Брно. Но после поражения при Брно в августе 1645 г. Дёрдь I Ракоци предпочел заключить выгодный мир с Фердинандом III, чем продолжать военную авантюру вместе со шведами. 16 декабря 1645 г. эмиссары Ракоци в верхнеавстрийском городе Линц заключили мирное соглашение с императором Фердинандом III. Четыре основных пункта Линцкого мира касались религиозного вопроса. Вновь подтверждались положения Венского мира о свободе вероисповедания для сословий, привилегированных городов и приграничных гарнизонов. Они дополнялись пунктом, что право выбора конфессии распространяется даже на крепостных крестьян, что означало существенное расширение свободы вероисповедания. Даже помещикам не разрешалось нарушать свободу вероисповедания своих зависимых крестьян или принуждать их к переходу в иную религию. Там, где религиозная община того потребует, изгнанные пасторы могли вернуться в свои приходы и им возвращались храмы, которые были отняты у протестантов.

Одобрение условий мирного договора и возвращение церквей их прежним владельцам обсуждалось на сейме в Братиславе в августе 1646 г. Трудные переговоры продолжались 10 месяцев. Архиепископ эстергомский Дёрдь Липпай от имени католического клира выступил против ратификации Линцкого мира. Его примеру последовали некоторые католические магнаты. Наконец, мирный договор был включен в число решений, одобренных сеймом с оговоркой, что протесты клира и магнатов не имеют силы. Это было добрым знаком на будущее. Первоначальному требованию протестантов вернуть им 400 храмов, которые перешли в руки католиков после 1606 г., было оказано решительное противодействие. Наконец, сейм одобрил возврат всего лишь 90 храмов в 18 комитатах. Из них чуть более двух третей (62) было расположено на территории современной Словакии.

Дёрдь I Ракоци умер в октябре 1648 г., во время мирных переговоров в Мюнстере и Оснабрюке, которые положили конец Тридцатилетней войне. Походы Дёрдя I Ракоци и предшествовавшие им кампании Габора Бетлена были составной частью глобального европейского конфликта. В то же время военные операции обоих трансильванских князей были частью антигабсбургских восстаний венгерского дворянства, недовольного религиозным и политическим гнетом, в котором они, справедливо или несправедливо, винили Вену. Эти восстания были успешными благодаря военной помощи трансильванских князей, османов и благоприят-

ной ситуации в Европе, где была создана мощная антигабсбургская коалиция. С другой стороны, различные политические и социальные процессы в Венгрии по сравнению с другими землями, подвластными Габсбургам, были результатом уникальной ситуации, созданной присутствием османов и растущей мощью трансильванских князей. В то время как в Праге предводители чешского восстания были казнены, в Венгрии мятежные магнаты были назначены на высшие должности в королевстве.

2.7. Война с османами и заговор Ференца Вешшелени

С середины XVII в. конфессиональные конфликты в Венгрии начали углубляться. Положение протестантов быстро ухудшалось, поскольку их число в рядах наиболее влиятельных социальных слоев было подозрительно невелико. Семьи, которые были оплотом лютеран и кальвинистов, такие как Иллешхази, Ракоци, Надашди, и даже Ференц Вешшелени, выбранный в 1658 г. палатином, стали ревностными католиками. Общее ослабление Трансильвании после неудачной попытки Дёрдя II Ракоци заполучить польскую корону не позволяли протестантским сословиям надеяться на поддержку. В восточнословацких землях позиции католической церкви усилились благодаря тому, что архиепископ Липтаи сумел добиться союза между русинской православной и католической церквями (Ужгородская уния 1646 г.). Во время коронации в Братиславе в июне 1655 г. Леопольд I был вынужден поклясться, что он будет соблюдать условия Венского и Линцского мира. Однако венгерское католическое духовенство не считало себя обязанным соблюдать эти договоры, поскольку они были подписаны под угрозой применения силы. В 1658 г. католические епископы собрались в Трнаве и договорились о совместной борьбе против обоих мирных договоров, которые они считали недействительными.

В начале 60-х годов XVII в. последовали драматические перемены. На сейме 1662 г. лютеране подали жалобу на конфискацию их храмов и поставили свое дальнейшее участие в работе сейма их реституцией. Однако Леопольд I отказался обсуждать эти требования, поскольку считал их предметом частного права (относящимся к имущественным правам дворян-патронов этих храмов). Лютеранская фракция в знак протеста покинула сейм, объявила о недействительности принятых на нем решений в тех комитатах, где лютеране составляли большинство. Положение коренным образом изменилось, когда напряженность между османами и Веной достигла своего пика, и военная ситуация в Вене ухудшилась.

В 1660 г. турки взяли Варад и в середине августа 1663 г. осадили Нове Замки. Падение современной, хорошо укрепленной крепости Нове Замки (25 сентября 1663 г.) означало, что османы могут беспрепятствен-

но двигаться вглубь словацкой территории. В Новых Замках турки создали центр эйялета (области), который простирался между реками Ваг и Грон. На севере эйялет Нове Замки граничил с Тренчином и Прьевидзой. В распоряжении императора Леопольда I была лишь малочисленная армия, и хотя он получил обещание военной помощи от Священной Римской империи, подкрепления приходили очень медленно и не всегда вовремя. Большинство местного населения стояло за заключение соглашения с османами и даже готово было признать власть турок, когда это казалось более приемлемым, чем вечный хаос и разрушения от бесконечных сражений. В конце 60-х годов XVII в. ситуация начала меняться по мере того как имперские войска при поддержке союзных германских государств вошли в комитаты, подвергавшиеся самой большой опасности (Тренчин и Нитра). В мае 1664 г. 16-тысячная армия под предводительством Стефана Когарика, Раймунда Монтекукколи и Луи де Сюше изгнала османов из Левочи и Нитры. В начале августа 1664 г. союзные войска одержали победу над главными силами турок близ города Сент-Готхард на австро-венгерской границе. Условия заключенного затем Вавварского мира оказались для Венгрии невыгодными, несмотря на то, что одержанную Габсбургами победу. Согласно договору, османы удерживали Нове Замки. Взамен они соглашались на строительство Габсбургами крепости на правом берегу р. Ваг (Леопольдов). Этот мирный договор, обсуждавшийся и подписанный без участия венгерских политиков, вызвал в королевстве очередную волну недовольства.

Ситуация осложнялась тем, что протестанты все более решительно сопротивлялись насильственному обращению в католичество. Это нашло свое выражение на сейме 1665 г., в выступлениях против усиления пограничных гарнизонов и ввода в страну частей имперских наемников. В ноябре 1665 г. эмиссары 13 комитатов собрались в Кошицах и выразили протест против условий Вавварского мира. Они издали декларацию, в которой высказали свои подозрения, что между венским двором и османами существует тайный сговор, цель которого — полностью упичтожить свободу страны.

Даже в среде высшего католического дворянства нашлись недовольные, замышлявшие избавить страну от Габсбургов. Заговор был организован палатином Ференцем Вешшелени, с которым тайно поддерживали связь архиепископ эстергомский Дёрдь Липпай, хорватский бан Петер Зрини и влиятельный магнат Ференц I Ракоци. Позднее к ним примкнул государственный (генеральный) судья Ференц Надашди. Среди возможных иностранных союзников фигурировали Франция, Трансильвания и Османская империя. Чтобы заручиться поддержкой французов, заговорщики намеревались предложить венгерскую корону одному из сыновей французского короля Людовика XIV. Османам же в награду за

помощь они сулили официальный союз и были готовы не только выплачивать ежегодную дань в размере 60 тыс. флоринов, но и отдать страну под протекторат Османской Порты. Заговор существенно ослабила смерть архиепископа эстергомского Дёрдя Липпай 3 января 1666 г. Его преемник Дёрдь Селепчени заговорщиков не поддержал.

После неожиданной кончины Вешшелени в рядах заговорщиков воцарился разброд и соперничество за звания и должности. Когда турки отказались поддержать восстание, сославшись на нежелание нарушать условия мирного договора, а французы потеряли интерес к предприятию, заговорщики почувствовали себя в изоляции, и некоторые вожди решили действовать самостоятельно (Петер Зрини). В то время как в январе 1670 г. по инициативе Ференца I Ракоци в комитате Земплин начала собираться антитурецкая армия, в Хорватии восстание потерпело фиаско. Оно было подавлено без большого кровопролития. В течение последующих недель имперские части, состоявшие из иноземных наемников, были направлены в северо-восточную Словакию, где погасили главный очаг восстания. Это привело к массовому бегству венгерского дворянства, вовлеченного в заговор, в Трансильванию, началась конфискация и разграбление их собственности, разорению подвергались и протестантские храмы. Главные организаторы восстания — Петер Зрини, Надашди и Франгепан, несмотря на заступничество ряда европейских государей и папы Климента X, 30 апреля 1671 г. были казнены. Чрезвычайный суд сначала в Левоче, затем в Братиславе под председательством Иоганна Роталя осудил по сфабрикованным обвинениям в участии в заговоре 230 мелких дворян и горожан. Несмотря на то, что смертный приговор был приведен в исполнение только в одном случае, для утихомирения и ослабления мятежного дворянства и улучшения финансового положения монарха назначались длительные сроки заключения, проводились массовые конфискации имущества, вводились непомерно высокие налоги, распускались пограничные гарнизоны.

К дворянам, уходившим в Трансильванию, присоединялись солдаты, уволенные со службы в пограничных крепостях, а также группы беженцев и дезертиров. Они собирались в более крупные формирования, промышленявшие в восточно- и средне-словацких землях, где народ называл их *куруцами*. Борьба между куруцами и имперскими солдатами (презрительно именовавшимися *лабанцами* — «льстецами») продолжалась с небольшими перерывами в течение последующих четырех десятилетий. Изначально мощное движение куруцев достигло некоторых военных успехов, когда в сентябре 1672 г. они взяли под свой контроль Прешов, Бардеёв, Сабинув и Кежмарок. Куруцские отряды во главе с Гашпаром Пиком проникли на Ораву, где в октябре 1672 г. восставшие крестьяне-лютеране под предводительством Пика взяли замок Орава. Однако

поражение основных сил куруцев в конце октября привело и к окончанию крестьянского восстания на Ораве.

Первые рейды куруцев в восточно- и севернословацкие земли сопровождались захватом католических храмов и порой жестокими расправами над католическим духовенством. Сходным образом вели себя имперские войска, участвовавшие в захвате лютеранских храмов и школ в западной Словакии и изгнании лютеранских пасторов и учителей. Это ознаменовало наступление самой интенсивной фазы насильственного обращения страны в католичество, когда повсюду в словацких землях полыхали кровавые бунты и восстания, немедленно и жестоко подавлявшиеся при помощи армии. Крупнейшие восстания на религиозной почве происходили в протестантских регионах на западе Словакии, в лютеранской Тура-Луке (1672 г.) и преимущественно кальвинистском Сенеце (1673 г.)

2.8. Укрепление абсолютизма и усиление Контрреформации

Венский двор использовал подавление антиабсбургского заговора для усиления власти суверена в королевстве Венгрия. Венгерская конституция и автономия страны были приостановлены, должность палатина отменена, сеймы перестали созываться. В 1673 г. административная власть над страной была передана так называемому «губерниуму», расположившемуся в братиславском замке. Королевскими декретами Леопольд I несколько раз повышал налоги, которые отныне должны были платить и дворяне. Были введены новые акцизы на вино, пиво и мясо. Новая система налогообложения, которая не принимала в расчет налоговый иммунитет дворянства, подвергалась суровой критике, в особенности со стороны венгерских архиепископов Дёрдя Сечени и Дёрдя Селепчени.

Усиление центральной власти сопровождалось насильственной рекатолизацией, возглавляемой архиепископом эстергомским и вице-палатином Дёрдем Селепчени, который вместе с нитранским епископом Леопольдом Колоничем и варадским епископом Дёрдем Баршоном участвовал в подготовке и проведении чрезвычайных судебных процессов против протестантских пасторов и учителей. В своей книге «Истина, объявленная всему миру» (*Veritas toti mundo declarata*), опубликованной в 1671 г., Баршонь призвал к насильственным антипротестантским действиям. Он доказывал, что Венский мир не содержит никаких положений, которые можно было бы рассматривать как угрозу правам католической церкви. Но само существование протестантизма он считал опасным для католичества. Поскольку же договор не был принят католиками, то лютеранство и кальвинизм нельзя отнести к конфессиям, на которые распространялась веротерпимость.

Первый чрезвычайный суд в Трнаве осудил 39 человек из Братиславы. 13 июля 1672 г. их приговорили к отсечению головы и конфискации имущества. Однако король не утвердил смертные приговоры, он приказал конфисковать их собственность и закрыть, если потребуется с помощью силы, лютеранские храмы и школы. Два самых крупных чрезвычайных суда были проведены в Братиславе в 1673 и 1674 гг. В сентябре 1673 г. были осуждены 32 лютеранских и один кальвинистский священник из горнопромышленных городов и комитатов Зволена, Липтов и Турец, в том числе два лютеранских суперинтенданта, которых Селепени обвинял в клевете на монарха, католическую церковь и Деву Марию, а также в поддержке восстаний и беспорядков. В 1674 г. 700 человек, практически все протестантское духовенство из тех частей Венгрии, которые находились под властью Габсбургов (главным образом из словацких земель), были свезены в Братиславу, где предстали перед судом. Их обвиняли в поддержке куруцкого движения и подстрекательстве народа к восстанию, в хуле на католическую церковь и императорскую фамилию. Между тем многие из них пострадали от солдат обеих противоборствующих сторон. Королевские власти доказывали, что раз они предстали перед судом за преступления, а не за ересь, то и осуждены они не за веру, а за участие в мятеже. Вместо смертной казни им предлагалось на выбор обратиться в католичество, оставив свои пасторские и учительские должности, или отправиться в изгнание. Только 45 лютеран и 49 кальвинистов отказались от этих предложений и были заключены в тюрьмы в западной Словакии ожидать исполнения приговора — отправки на галеры. В марте 1675 г. 62 из них начали свой крестный путь в Италию. Одна группа из 20 человек должна была направиться в Букуру на Адриатическом побережье, остальные 42 были посланы в Неаполь. До Неаполя добрались лишь 30 человек, трое попытались бежать, остальные погибли в пути. 11 февраля 1676 г. голландский адмирал Михель де Ройтер освободил 24 выживших пленника, и вторжение Саксонии и Пруссии спасло жизнь еще нескольким галерным рабам.

Описания судебных процессов и страданий людей, осужденных на галерное рабство, в том числе автобиографические записки Тобиаса Масника и Яна Симонидеса, имели широкое хождение в Европе, питая чувство солидарности с протестантской Венгрией и усиливая антигабсбургские настроения. Антигабсбургское направление стало главным во внешней политике Франции в годы Деволюционной войны¹ за Нидерланды.

¹ Франко-испанская война 1667—1668 гг. за Испанские Нидерланды получила название «деволюционной», поскольку французский король Людовик XIV основывал свои территориальные претензии на «деволюционном» или наследственном праве.

Французские войска численностью 2 тыс. человек действовали в восточных областях и осенью 1677 г. нанесли поражение имперской армии. Вдохновленные этими победами, куруцы в конце лета 1678 г. предприняли рейд по восточной и средней Словакии. Их целью было разграбить собственность дворян, поддерживавших Вену. В то время как часть куруцев безуспешно осаждала Прешов, командующий второй группой куруцев, Имре Тёкёли взял под свой контроль почти все среднесловацкие земли, включая горнопромышленные города. То обстоятельство, что большая часть его родовых владений располагалась в северных и восточных областях, облегчало ему задачу. И хотя отряды Тёкёли в начале ноября 1678 г. потерпели поражение и были вынуждены отступить на восток, антигабсбургское движение тем не менее настолько окрепло, что венские придворные круги начали рассматривать возможность радикальных изменений в политике по отношению к Венгрии. С другой стороны, куруцское движение было ослаблено прекращением французской помощи после заключения мира в Нимвегене (совр. Неймеген в Нидерландах. — Прим. пер.) в 1679 г.

2.9. Восстание Имре Тёкёли и конец османского владычества

Уже летом 1680 г. армия куруцев под предводительством Имре Тёкёли вторглась в долину Вага и при поддержке местного населения попыталась вторгнуться в Моравию и Силезию. Леопольд I предложил Тёкёли перемирие и, принимая во внимание военную угрозу со стороны Франции и Османской империи, попытался успокоить волнения в Венгрии, пусть даже ценой возвращения автономии королевства и свободы вероисповедания. После 19 лет перерыва весной 1681 г. в Шопроне был созван сейм. Он отменил губернию, восстановил должность палатина и подтвердил привилегии дворянства. Однако свобода вероисповедания была восстановлена лишь в ограниченном масштабе (протестантские службы могли проводиться только в двух специально оговоренных законом местах в каждом комитате и в определенных городах). Это вызвало новую волну недовольства среди протестантов и стало причиной продолжения сопротивления. Опорой сопротивления стала территория, подвластная трансильванскому князю, и комитаты в восточной Словакии (Спиш, Шарш, Гемер). В начале 1682 г. Тёкёли добился от османов обещания оказать непосредственную помощь. Это позволило ему в августе и сентябре 1682 г. взять Кошице, важную крепость Филяково и, наконец, весной, горнопромышленные города. Открытый союз с османской армией, возможно, помог военному успеху Тёкёли, но политически он, несомненно, нанес ему ущерб. Его призыв поддержать восстание не нашел отклика.

Большая часть дворянства поддерживала его только из-за угрозы конфискации своих владений. От насилия и грабежей, сопровождавших продвижение куруцкой армии, не было спасения даже духовенству (в архиепископстве эстергомском было убито 22 католических священника). Хотя большинство турецких и вспомогательных отрядов покинули Тёкёли до наступления зимы, неравенство сил заставило Габсбургов предложить вождю куруцев перемирие, что позволяло ему контролировать все земли, которые он оккупировал, вплоть до низовья р. Грон.

После неудачной осады Вены осенью 1683 г. Кара Мустафой и военных успехов Карла Лотарингского и Яна Собеского ряды сторонников Тёкёли поредели. В январе 1684 г. Леопольд I пообещал полную амнистию повстанцам, которые присягнут ему на верность. Он также быстро освободил страну от османского гнета. До конца февраля 1684 г. всеобщей амнистией, объявленной императором, воспользовались 17 комитатов, 12 королевских городов и 14 магнатов. Западно- и среднесловацкие земли без труда были очищены от куруцских отрядов. Имперские войска встретили более или менее решительное сопротивление только на востоке, где были расположены главные центры куруцкого движения. Несмотря на попытки возродить восстание союзные армии продолжали успешное наступление против османов. Войска под предводительством Карла Лотарингского в августе 1685 г. взяли Нове Замки, а через год освободили Буду.

После взятия Буды война с османами продолжалась еще 13 лет. Уже в самом начале кампании в определенных венских придворных кругах получила распространение теория, согласно которой Венгрия должна заплатить за свое освобождение, ставшее результатом победного шествия имперских войск, отказом от части своих особых свобод и привилегий, теснее связав себя с Наследственными землями¹. В свою очередь венгерские политики доказывали, что в войне с османами страна понесла колоссальные материальные и людские потери. Почти половина финансового бремени освободительной войны, которая стоила имперской казне около 150 млн. флоринов, легла на королевство. Согласно оценкам Леопольда Колонича, в 1685 г. население Королевской Венгрии внесло на содержание армии 4 млн. 798 тыс. флоринов, в то время как Австрийские земли, Чехия, Моравия и Силезия — вместе взятые — лишь 2 млн. 479 тыс. флоринов. Львиная доля расходов пришлась на густонаселенные комитаты на территории современной Словакии, в особенности на вольные королевские и горнопромышленные города.

¹ Наследственными землями или Наследственными провинциями в конце XVII в. все чаще называли Австрийские земли и владения Чешской короны, которые после битвы при Белой Горе экономически, административно, культурно постепенно превращались в единое государство под скипетром Габсбургов.

Несмотря на это, после подавления восстания Тёкёли имперская армия вела себя в словацких землях так, как если бы это были территории, покоренные силой оружия. Своего пика насилие достигло во время работы чрезвычайного суда, заседавшего под председательством генерала Антонио Караффы в 1687 г. в Препове. Согласно вынесенному им вердикту 27 протестантов — все первые лица города — были казнены по обвинению в пособничестве восстанию. Эти казни вкупе с правовым произволом и конфискациями имущества (более 300 случаев) сломали хребет дворянского сопротивления в Венгрии. Сейм, созданный в октябре 1687 г., стал поворотным моментом в политическом развитии страны. Послы (так по традиции именовали депутатов сейма. — Прим. пер.), представлявшие дворянство, католическую церковь и королевские города, единодушно проголосовали за то, чтобы корона св. Стефана наследовалась по мужской линии Габсбургского дома. Отменялась конституционная норма, согласно которой дворянству разрешалось выступать с оружием в руках против короля в случае нарушения им дворянских свобод — так называемое «право сопротивления» (*ius resistendi*), зафиксированное в «Золотой булле» короля Андрея II в 1222 г. Взамен Леопольд I объявил о крупномасштабной амнистии и реституции конфискованной собственности. Возобновление действия религиозных законов, принятых на сейме 1681 г. в Шопроне, должно было сыграть свою роль в умиротворении страны.

Леопольду удалось усилить свою власть, но из-за сопротивления дворянства он был не в состоянии решить главную из стоявших перед ним задач — провести реформу налогообложения. В крестьянских массах и среди большей части горожан царило общее недовольство тяжким налоговым бременем, которое не стало легче и после победоносного завершения войны с османами. К тому же неполная религиозная свобода и новые ограничения на число протестантских храмов, введенные Леопольдом I в 1691 г., еще более радикально настроили словацких лютеран, которые и в конце XVII в составляли большинство населения. Брожение началось даже среди магнатов и дворян-католиков, недовольных усилением централизации государственного аппарата и уменьшением своего политического влияния. Заключение мирного договора с османами в Карловаце (иначе: Карловице, совр. Сремски Карловцы в Югославии. — Прим. пер.) без участия представителей королевства Венгрия, стало новой причиной для широкого недовольства по всей стране. Не меньшее раздражение вызывала деятельность Комиссии по новообретенным землям (*commissio neoaquistica*), которая работала под руководством первых лиц империи и венских придворных бюрократов. В ней процветали коррупция и мошенничество при передаче собственности, заявления о реституции от дворян, чьи семьи были вынуждены покинуть свои владения в централь-

ной Венгрии 150 лет назад, рассматривались крайне медленно и требовали немалых затрат.

Небольшая группа аристократов в северо-восточной Словакии и член мятежного семейства Ракоци — Ференц II Ракоци начали сколачивать оппозицию императору Леопольду. После того как в результате предательства в Вене стало известно о тайных сношениях Ракоци с французами, он и другие заговорщики были брошены в тюрьму, но в конце 1701 г. ему удалось бежать в Польшу. Оттуда он установил контакты с заговорщиками в северо-восточной Венгрии. В июле и августе 1703 г. повстанцы захватили большинство замков и городов в комитатах Земплин, Спиш, Гемер и Новоград, где были образованы новые куруцкие отряды. Состав — а состояли они по большей части из вооруженных крестьян — и главный объект их атак — замки дворян и усадьбы помещиков, где хранились записи об их повинностях — придали мятежу характер народного восстания. Лишь постепенно дворяне влились в ряды повстанцев и превратили движение в восстание сословий. В конце сентября 1703 г. куруцкие отряды Ракоци захватили среднесловацкие горнопромышленные города.

После поражения имперских сил в средней Словакии куруцы быстро продвинулись на юго-запад, к Дунаю и Мораве. В Вене опасались не только за судьбу Венгрского королевства, но за Австрийские земли и Моравию, в особенности потому, что из-за войны за испанское наследство невозможно было выставить против куруцев достаточное количество войск. К концу декабря 1703 г. куруцы, возглавляемые верховным главнокомандующим Миклошем Берчени, установили контроль над всеми словацкими землями, за исключением нескольких укрепленных городов и крепостей (Тренчин, Леопольдов, Комарно, Братислава). Обе воюющие стороны сконцентрировали войска вдоль р. Ваг. Победы имперских войск над французами и баварцами в битве при Гохштадте в августе 1704 г. уравнивали силы на международной арене. Это вскоре сказалось на действиях имперских частей против восставшей Венгрии.

Изнурительная кампания проходила в первую очередь на территории западной Словакии, и экономический упадок страны, вызванный войной и введением обесцененных медных денег, питал всеобщее стремление к миру. Шанс заключить мирное соглашение представился после смерти Леопольда I в мае 1705 г., когда его сын и наследник Иосиф I предложил повстанцам великодушные условия мира, если те сложат оружие. Однако переговоры, которые велись в Трнаве с осени 1705 г. до лета 1706 г., показали, что Ракоци и Берчени не были готовы прекратить борьбу. Невыполненные обещания и неприемлемые условия завели переговоры в тупик. Несмотря на усилия посредников — английских и голландских эмиссаров в Вене — примирить повстанцев с императором,

французская дипломатия торжествовала победу. Людовик XIV хотел быть уверен, что его главный враг в войне за испанское наследство, Иосиф I, будет отвлечен войной с венгерскими повстанцами. Он поддерживал Ференца II Ракоци, направляя ему ежемесячно по 16 тыс. флоринов, а в 1705 г. предоставил ему военных советников.

На бурные события в стране во время восстания Ракоци существенное влияние оказала работа сейма, созванного повстанцами в сентябре 1705 г. в Сечене. Ференц II Ракоци был избран князем-предводителем (*caput et dux*) конфедерации восставших венгерских сословий. По польскому образцу был избран сенат в составе 25 человек, в который вошли прелаты, магнаты и дворяне. В рядах мелкого, преимущественно лютеранского дворянства доминировали выходцы из словацких земель. Но попытка комитатского дворянства и городов под предводительством дворянина словацкого происхождения Яна Радванского создать нижнюю палату (палату представителей), встретила сопротивление со стороны высших сословий. Пропасть, разделявшая мелкое, главным образом лютеранское дворянство и магнатов-католиков, становилась все очевиднее. На следующий год по инициативе комитата Турець оппозиция, состоявшая из дворян словацких комитатов, начала подготовку к заключению мира с Веной. Ракоци и другие вожди восстания столкнулись с этой фракцией на сессии в Оноде в июне 1707 г. Однако расправа с двумя лидерами внутрисословной оппозиции (К. Околичани и М. Раковский), выступавшими против предложения Ракоци о низложении Габсбургов, стало началом конца восстания. Ракоци и его сторонники лишались остатков поддержки в широких массах по мере того как террор и насилие возрастали на территориях, находившихся под их контролем.

В 1707 г. положение императора и его союзников в войне за австрийское наследство улучшилось. В 1708 г. военный совет в Вене сумел выделить главнокомандующему имперской армии в королевстве Венгрия генералу Зигберту Хейстеру несколько новых полков для подавления сопротивления куруцев. 3 августа 1708 г. произошло сражение при Тренчине, в котором Хейстер и Янош Палфи разбили численно превосходившую куруцкую армию, причем несколько командиров повстанцев вместе со своими отрядами перешли на сторону императора. В течение трех месяцев куруцы были вытеснены из западной и средней Словакии. Они лишились экономически важного региона горнопромышленных городов, в котором была сосредоточена значительная часть оружейной промышленности и который до последнего времени отчислял им немалую долю от добычи редких металлов. Однако эпидемия чумы, распространившаяся в сентябре 1707 г. по всей территории Словакии, отсрочила военную операцию имперских сил по окончательному подавлению восстания. На отсрочку операции повлияли также дипломатические контакты повстан-

цев с русским царем Петром I, который в 1709 г., после победы над шведским королем Карлом XII под Полтавой, вновь господствовал в Польше. Без того трудные переговоры осложнялись еще больше международной активностью Ракоци и Берчени. Тем не менее мирный договор был заключен 29 апреля 1711 г. в военном лагере близ Сатмара. Благодаря усилиям Яноша Палфи — главы делегации со стороны Габсбургов, — договор заложил основы продолжительного мира и дал повстанцам больше, чем те могли ожидать, принимая во внимание положение, в котором они находились: всеобщую амнистию, гарантии автономных прав Венгрии и Трансильвании, ограниченную, но зато четко зафиксированную в законах свободу вероисповедания.

Сатмарский мир завершил собой столетие потрясений и антигабсбургских сословных восстаний. Венгерские сословия отказались от права вооруженного сопротивления, Вена взамен признала их привилегии и права. Мир вывел страну из состояния перманентного кризиса в отношениях между двором и сословиями и обеспечил длительный период внутренней стабильности. Мирный договор, подписанный в Сатмаре, стал победой габсбургского дворянства. Но последствия 8 лет куруцской войны означали катастрофу для словацкой территории, которая понесла особо тяжелые материальные и людские потери. По существующим оценкам, Словакия лишилась 80 тыс. жизней, т. е. около одной десятой всего населения.

3. Народнонаселение в Словакии Нового времени

3.1. Изменения в этническом составе Словакии в XVI и XVII вв.

Под воздействием продвижения османов в глубь Балкан и далее в сердце Венгрского королевства межэтнические отношения во всей стране, но в особенности в Словакии изменились коренным образом. За вторжением турок в Сербию и восточные части Хорватии в 1520 и 1521 гг. последовал массовый исход населения Хорватии, продолжавшийся два десятилетия. Хорватские беженцы оседали в незаселенных районах вдоль австрийской границы западной Венгрии, западной Словакии и Моравии. Гражданская война между Фердинандом Габсбургом и Яном Запольским, с одной стороны, и османское вторжение, с другой, вызвали перемещения других этнических групп. Уже в ходе войны за венгерскую корону в 1527—1538 гг. произошли «этнические чистки», прежде всего немецкого населения в королевских городах. В 1535 г. по приказу Запольского большинство горожан должно было покинуть Кошице. Однако еще более массовые миграции населения вызвало вторжение осма-

нов в центральные области страны. Вдобавок к хорватам в горных северных районах убежище искали венгры и сербы.

Во второй половине XVI в. под давлением венгерской иммиграции словацко-венгерская этническая граница сместилась на север. Основной поток венгров направлялся в хорошо укрепленный в военном отношении город Кошице и далее в долину р. Ториса в комитате Шариш. Во многих случаях венгерское дворянство организовывало перевод своих венгероязычных крепостных из южных земель в чисто словацкие области. Семейство Цобор переселило венгерских беженцев с юга на свои земли вдоль моравской границы. Город Нитра, население которого изначально было словацким, в 1532 г. был мадьяризован Балинтом Тёрёком, который разместил здесь своих крепостных с Балатона, где им угрожали турки. Венгерские крестьяне перебирались в словацкие земли также по собственной инициативе. Они искали спасения от османов за стенами антитурецких крепостных сооружений и селились вдоль течения Вага, близ Глоговца и вокруг Трнавы. После того как Среднее Подунавье в 80-е годы XVII в. было освобождено от османов, начался обратный процесс миграции из относительно перенаселенных комитатов в северной Словакии на юг. Однако этот процесс получил заметное развитие лишь в позднейший период.

В течение XVI в. этническая картина, в особенности в севернословацких землях стала еще более пестрой после того как туда начали прибывать многочисленные группы анабаптистов из Швейцарии, Германии и Тироля. Изгнанные из Австрии и Моравии в 1545 г., они начали селиться в Словакии, несмотря на протесты Фердинанда I. Вторая волна анабаптистов — около 5 тыс. человек — прибыла в западную Словакию по следам поражения чешского восстания в 1621 г. После того как Фердинанд II в 1627 и 1628 гг. издал декрет об обращении в католичество и — соответственно — изгнании некаатоликов из Чехии, в Словакию пришла вторая волна эмигрантов — представителей некаатолических конфессий, в особенности общины чешских и моравских братьев (*Unitas Fratrum*). Большинство землевладельцев в приграничных областях исповедовали лютеранство и с радостью принимали пасторов и мирян. Приток религиозных иммигрантов, говоривших по-чешски, на языке, очень близком словацкому, в конце 20-х годов XVII в. вполне логично принес экономические выгоды для западно- и северо-западных словацких земель, обезлюдевших после набегов османов и антигабсбургских восстаний. Беженцы существенно укрепили протестантов в Словакии и умножили ряды словацкой интеллигенции, которая в начале XVII в. была все еще крайне малочисленна.

В XVI—XVII вв. продолжалась начавшаяся ранее валашская колонизация. Одна часть валахов прибыла в словацкие земли с юго-востока.

Вторая, более многочисленная группа переселенцев вышла из горных районов восточных Карпат, где они проживали попеременно с русинами. Этнически смешанные румынско-русинские элементы компактно расселились в горных районах, в особенности в комитате Орава, на высокогорных склонах комитата Липтов и на севере комитата Гемер, отчасти, впрочем, и в других районах. Как и беженцы из Чехии и Моравии, валахи смешались с местным населением.

В XVII в. в словацкие земли мигрировали также евреи из других габсбургских владений. Уже в средние века евреи составляли значительную часть населения в некоторых королевских городах. В сельской местности и в городах, находившихся под юрисдикцией землевладельцев, они начали появляться во все большем количестве только во второй половине XVII в., когда волны еврейской эмиграции начали прибывать в западную Словакию, в особенности из Моравии и Вены после венского погрома в 1679 г. В последней трети XVII в. еврейские купцы и банкиры сконцентрировали в своих руках немалые капиталы, и их деньги в некоторой степени влияли на политическое развитие региона. Леопольд I использовал займы от еврейского семейства Оппенгейм (Оппенхайм), чтобы финансировать свои армии. С другой стороны, еврейский финансист Эфраим субсидировал Имре Тёкёли.

3.2. Развитие словацкого этноса

Словаки были составной частью полиэтничного королевства Венгрия, и даже его законы признавали их как особую этническую группу. В упомянутом выше «Трипартитуме» Иштвана Вербёци, составленном в 1514 г., автор разделял венгерский народ на две группы — тех, кто исповедовал истинную религию, и тех, кто оставался верен греческой схизме. В первую группу, помимо мадьяр, саксов (саксонцев), немцев и чехов, он включил словаков (к схизматикам было причислено население южных и восточных областей страны — румыны, сербы и русины). Словаки, мадьяры и немцы, а также румыны, русины и сербы недворянского происхождения несомненно признавались этническими группами, но венгерская нация (*natio Hungarica*) состояла только из дворян — носителей политических прав. Термин «венгерский» означал не членство в венгерской этнической группе, но группе привилегированных людей. Этнические различия не имели значения внутри политической нации. Каждый, кто был рожден членом дворянского сословия, получал статус ее члена. Словацкие, хорватские, русинские, румынские и немецкие дворяне отождествляли себя с нацией точно так же, как и венгерские дворяне. Вне зависимости от национальности, как венгерские, так и невенгерские дворяне последовательно и упорно сражались за права своего сословия.

В XVI и XVII вв. словацкая этническая группа прошла сложную эволюцию, которая зависела от политического и социального развития всего ареала Центральной Европы. Османская оккупация центральных областей королевства и автономия, которой добилась Трансильвания, способствовали тому, что территория, населенная словаками, возникла как общепризнанная, обособленная целостность. Во второй половине XVI в. понятие «Словакия» вошло в употребление, в особенности в чешской (автор памфлета, изданного в Праге в 1586 г., не считал даже необходимым давать более точное определение тому, что представляет из себя Словакия), польской и даже австрийской среде. Уменьшив территорию домохачского королевства Венгрия почти на одну треть, османское вторжение парадоксальным образом обозначило прежде невыраженные этно-территориальные контуры Словакии. В усеченном Венгрском королевстве этнические словаки стали доминирующим элементом, что положительно сказалось на развитии словацкого этноса в целом. Важную связующую роль играло также сознание того, что эти земли и их жители останавливали продвижение османов в глубь Европы. Создание в Центральной Европе стабильного государства Габсбургов, которое включало земли Чешской короны, было для словаков не менее благотворным с точки зрения их национального развития. Хотя Венгерскую и Чешскую монархии по закону объединяла лишь личность монарха, в период габсбургского правления между чехами и словаками имели место социальные и культурные, равно как и политические и экономические контакты.

Реформация также внесла немалый вклад как в интенсификацию чешско-словацких связей, так и в ускорение складывания национального самосознания среди словаков. В городах с преимущественно словацким населением (Тренчин, Скалица, Жилина, Нове Место-над-Вагом и др.) реформационные идеи распространялись чешскоязычными выходцами из Чехии, Моравии и в особенности Силезии. Во многих городах в ходе Реформации создавались отдельные конгрегации для словаков, немцев или венгров, как в крупных, так и в малых городах назначались славяноязычные («*windisch*») проповедники. Тем не менее это были скорее лингвистически, чем этнически различные группы, и словаки служили не только проповедниками в немецких конгрегациях, но и городскими пасторами.

Усиление этнического самосознания словаков в XVI в. проявлялось в социо-этно-экономических конфликтах, имевших место в королевских и горнопромышленных городах. Похожие столкновения происходили между венгерскими беженцами, спасавшимися от османов, и смешанным словацко-немецким городским населением. Этнические волнения в Трнаве (1545 г.) пришлось умиротворять лично Фердинанду I, который издал декрет о равном представительстве в городском совете представи-

телей отдельных этнических групп сообщества горожан. В конце XVI в., в особенности в горнопромышленных городах в средней Словакии, возникли конфликты между немцами, с одной стороны, и словаками и венграми, с другой, из-за того, что последние в ходе восстания Иштвана Бочкаи воспользовались слабостью венского двора, который традиционно оказывал поддержку немецкому городскому элементу. Статья 16-ая Венского мирного договора (1606 г.), содержавшая гарантии законного равенства национальностей, позднее была использована в статье 13-ой закона, принятого на сейме 1608 г. Она гарантировала словакам и венграм как неограниченное право приобретать собственность в королевских и горнопромышленных городах, так и равное представительство в органах городского управления. Поскольку горожане-немцы не собирались сдавать своих позиций, этнические конфликты в городах продолжались и после принятия закона. (В Крупине и Банской Быстрице в 1613 г., а в ходе восстания Тёкёли также и в Левоче.) В течение XVII в. словаки и венгры обычно действовали совместно против привилегированного немецкого городского патрициата. Но и после достижения равного статуса они оказывались вовлеченными в конфликты, в особенности в ходе восстания Ференца II Ракоци.

Реформация также способствовала более широкому употреблению чешского языка в Словакии. Этот более развитый язык в силу того, что был понятен словакам, отчасти заменил собой латынь, овладеть которой можно было лишь после многих лет учебы. В XVI—XVII вв. чешский стал дипломатическим языком дворянства (в особенности мелкопоместного) и все более широко использовался в словацких городах. После поражения чешских сословий поток эмигрантов, который включал многих представителей чешской интеллигенции, привел к еще более широкому использованию чешского языка среди словацких лютеран. Чешский стал литургическим и литературным языком словацких лютеран, хотя и с некоторой долей словакизации, прежде всего потому, что сборник духовных песен Юрая Трановского «Цитара святых» (*«Citara Sanctorum»*), «Кралицкая Библия» чешских братьев и другая религиозная литература, использовавшаяся словацкими лютеранами, была на чешском языке.

В среде католического словацкого населения, которое до середины XVII в. составляло меньшинство, тенденция к использованию чешского языка была гораздо менее очевидной. В соответствии с предписаниями Римской конгрегации для распространения веры (основана в 1622 г.) местный язык, в данном случае словацкий, должен был использоваться миссиями по обращению в католичество. Даже архиепископ Петер Пазмань, сам венгр, рекомендовал священникам эстергомского архиепископства использовать народный язык в проповедях, церковных обрядах и катехизации. Это могло оградить словаков от влияния «еретической

литературы» и многих чешских протестантских проповедников, которые переселились в Словакию после битвы при Белой Горе. Согласно Пазманю, использование словацкого начнет возвращать все больше и больше словаков в католические храмы. Постепенно говорить на родном языке стало обычным явлением в широких кругах населения, в том числе в среде мелкого дворянства.

В контексте культурного и социального развития словацкого национального самосознания все более частым становится использование словацкого в письменной форме, в особенности в частной переписке, в протоколах городских и сословных собраний и комитатской документации. Тем не менее в полиэтничной Венгрии латинский язык по-прежнему господствовал, в особенности в кругах интеллигенции, получившей образование в гуманистических традициях, которые сохраняли свое влияние и в XVIII в. Уже в 1603 г. предпочтение, отдаваемое латыни в ущерб развитию национального языка, становилось предметом критики.

В первой половине XVII в. на территории Словакии сложилась относительно благоприятная демографическая ситуация, что вело к миграции из словакоязычной сельской местности во многие, изначально немецкие города, в особенности в средне- и западнословацких землях. К середине XVII в. словацкое население доминировало в большинстве королевских городов.

3.3. Социальная структура населения

3.3.1. Дворянство

Ведущей социальной группой было дворянство, которое в раннее Новое время постепенно дифференцировалось. Наиболее влиятельная часть дворянского сословия состояла из высшего дворянства, магнатов — социальной группы, которая обрела законченный вид только в XVII в. Несмотря на малочисленность, всего не более дюжины семейств, эта группа доминировала политически и экономически, поскольку владела почти всей землей в Венгрии. Собственность более многочисленного среднего дворянства постепенно уменьшалась, хотя его представители продолжали влиять на политическую жизнь комитатов. Мелкое дворянство (так называемые армалисты¹ и куриалисты²) часто обладали только дворянс-

¹ Армалисты — одна из наиболее бедных категорий дворян, обладали дворянской грамотой и владели небольшим земельным наделом, с которого должны были платить налоги.

² Куриалисты — беднейшая категория дворянства, имевших небольшой земельный надел, но не владевших крестьянами.

ким титулом, который отличал их от зависимого или крепостного населения. Число дворян собственно в Венгрии по сравнению с другими европейскими странами было непривычно высоким. В годы турецкой агрессии оно продолжало расти, и в Словакии достигло уровня 4—5 % населения.

Во второй половине XVI в. старая земельная аристократия, чье богатство было накоплено до и во время правления Ягеллонов в XV в., постепенно вымерла. Собственность Запольского и других дворянских семей перешла к членам нового магнатского класса, прежде всего к Палфи, Эстерхази, Иллешхази, Надашди, Тёкёли, Турзо, Ракоци, Форгам, Реваи и др. Основатели мощи и славы этих семей начинали как бюрократы, мелкие чиновники или предприниматели. Большинство членов этих магнатских родов использовали военные конфликты для обогащения, осуществляя поставки армиям, сражавшимся с османами. Часть денег, выделявшихся для укрепления границ против османских набегов и поступавшие в Венгрию из других земель монархии Габсбургов, из Германии, от папы римского, неизменно оседали в сундуках этих военных поставщиков. Используя финансовые затруднения государей и родовитых дворянских семей, они преумножали свои богатства, приобретая обширные владения за символическую цену.

Дворянство было освобождено от уплаты регулярных государственных налогов. Однако в обмен на эту привилегию они должны были в случае необходимости нести военную службу в отрядах дворянского ополчения, созываемых в комитатах. Дворянство обязано было за свой счет приобретать и хранить оружие и содержать лошадей. Однако если по той или иной причине они были не в состоянии нести военную службу, дворяне могли послать замену или внести за себя немалую плату.

Быстрая дифференциация дворянства проявилась в реорганизации венгерского сейма в 1608 г., когда была создана верхняя палата (*tabula superior, tabula magnatum*). В ней заседали магнаты, высшие должностные лица страны, жупаны комитатов (*comes*), несколько наследственных баронов и высшие иерархи церкви. Нижняя палата состояла из представителей комитатского дворянства, послов от королевских городов и церковных капитулов.

В условиях хаоса XVI—XVII вв. органы местного управления находились в руках комитатского дворянства, которое охраняло автономное положение этих административно-территориальных образований. В XV в. мелкое дворянство постепенно усиливало свое влияние в комитатской администрации. В 1548 г. комитатское дворянство добилось права выбирать поджупанов (*viccomes*), и в XVII в. эта должность стала самой важной на комитатском уровне. Должность жупана, которая по традиции наследовалась наиболее знатными дворянскими семьями, превратилась

в формальную, церемониальную, и ее носители не оказывали существенного влияния на повседневные дела в комитатах.

Помимо того, что дворянство постоянно росло численно, венгерский господствующий класс при содействии османов и с помощью Трансильвании успешно противостоял габсбургскому абсолютизму. В то время как в других землях монархии абсолютизм ограничивал и сдерживал сословия, в Венгрии дворянство оказалось способно защитить свои позиции как перед лицом государя, так и против зависимого населения. Идеологическим обоснованием в борьбе с габсбургским абсолютизмом и действенным оружием для защиты своих прав и привилегий им служила доктрина, сформулированная в фундаментальном законе страны, «Трипартитуме», согласно которой дворяне были единственными представителями нации, обладавшими правом вводить и применять законы в стране. Однако теория Святой короны и дворянского суверенитета в конце концов превратилась в главное препятствие на пути экономического и социального развития.

3.3.2. Зависимое население

Крестьянство были самой многочисленной группой населения в словацких землях и в Венгерском королевстве в целом. Положение крестьянина и условия его жизни никогда не были легкими, но в XVI в. они существенно ухудшились. Важной вехой стало подавление крестьянской войны под предводительством Дёрдя Дожи (1514) и принятые после этого законы, которые стали по сути коллективным наказанием для всего класса крестьянства. Законы, включенные в свод, известный как «Трипартитум» («*Opus Tripartitum*», 1517 г.), отменяли и без того ограниченное право перехода и прикрепляли крестьян к земле. Держателями и собственниками земли могли быть только дворяне. Они могли сдавать ее в аренду крестьянам за плату и несение повинностей. Дворянам полагалась компенсация за ущерб, причиненный крестьянской войной в форме неоплачиваемых крестьянских работ, поначалу по одному дню в неделю от каждого поселения, денежный оброк в размере 1 флорина, добровольные выплаты и «подношения» или приработки. В период борьбы за венгерскую корону крестьянам несколько раз было разрешено воспользоваться правом перехода, но законы, принятые с 1548 по 1608 гг., усилили власть комитатов. Таким образом, реализация права перехода стала практически невозможной. Законы 1514 г. и «Трипартитум» заложили основы для сельскохозяйственной системы, которая сохранялась с незначительными изменениями вплоть до 1848 г. Они замедлили естественное экономическое, социальное и культурное развитие страны более чем на три столетия, поскольку наиболее многочисленная категория насе-

ния была низведена до бесправного положения, оказавшись в полной зависимости от помещиков.

Дворянство и католическое духовенство в королевстве Венгрия были освобождены от уплаты налогов. Следовательно, вся тяжесть налогового бремени ложилась на крестьянство и, в меньшей степени, на городское население, у которого были некоторые привилегии. Господствующий класс должен был вносить определенную сумму в государственную казну, но сеймы, состоявшие в основном из представителей дворянства и духовенства, решали — когда и сколько. Таким образом, взносы дворянства никогда не были невыносимыми. Даже если король и некоторые гуманные светские и церковные землевладельцы сочувствовали положению зависимого населения, правовое положение крестьянства от этого не менялось. По мере роста расходов, связанных с содержанием армий в годы антитурецких войн, росло и налоговое бремя населения. Особо тяжелыми были чрезвычайные налоги, которые сейм вотирует на один или два года. В XVI в. их вводили так часто, что поступления от чрезвычайных налогов стали постоянной статьей дохода казны. В годы правления Леопольда I налоги росли с неимоверной быстротой, поскольку серебро, ввозившееся в Европу из мексиканских рудников, обесценивало деньги. Помимо прочих выплат, ложившихся на плечи крепостных крестьян, существовал так называемый «коронационный дар», собиравшийся в год коронации короля в 1609—1670 гг., и так называемые «коронационные деньги», из которых оплачивали хранителей короны и коронационных атрибутов.

В связи с османской угрозой на крестьян также распространялась повинность нести воинскую службу. В XVI—XVII вв. было принято несколько законов, определявших, сколько крестьянских дворов должно было снарядить одного тяжеловооруженного кавалериста или выставить одного пехотинца, призванного защищать страну от турок. Стоимость их экипировки и вооружения, обеспечения и содержания коллективно оплачивалась остальными крестьянскими дворами. В этих условиях и без того весьма скромные ресурсы крепостных крестьян существенно сокращались после принудительной продажи продовольствия для нужд армии по официально установленным ценам, после неоплачиваемых работ по возведению фортификационных сооружений или транспортировки продовольствия и снаряжения для армии, постоя для солдат и т. п.

Обязательства перед государством были лишь частью повседневных повинностей крестьян. Не менее обременительными были повинности в пользу церкви, шедшие на содержание не только приходского духовенства, но и клира, и растущего числа монахов. Помимо уплаты столы (выплаты за исполнение церковных ритуалов и обрядов), они должны были платить церкви натуральный оброк (*naturalia*) — обычно одну десятую

часть урожая зерна, вина или овец, или его денежный эквивалент (*aliquot*).

Самым тяжким бременем оставались повинности в пользу помещиков. Они были трех видов: денежный оброк за дом и землю, натуральный оброк и барщина (*robota*). Размер повинностей зависел от размера собственности крепостного, в особенности от площади обрабатываемой земли, и фиксировался в письменном виде (так называемые урбарияльные книги). Некоторые помещики требовали от крепостных подношений по разным поводам, таким как, например, свадьба, крестины и похороны. Если помещик попадал в плен к туркам, сумму, необходимую для его освобождения, собирали с крестьян. За вольные или невольные правонарушения на крестьян накладывали дополнительные чрезвычайные поборы. Обязательство уважать монополии сеньора, которые включали в себя продажу вина, зачастую низкого качества, помол муки, означало дальнейшие вычеты из без того более чем скромного дохода крепостного.

В XVI—XVII вв. повинности крестьян постоянно росли, прежде всего барщина, т. е. обязательство бесплатной работы на помещика. В связи с появлением дворян-предпринимателей увеличилась площадь полей, которые помещик обрабатывал на коммерческой основе. Крепостные должны были бесплатно обрабатывать поля постоянно растущего числа дворянских владений. Хотя закон 1514 г. предписывал, что барщина должна ограничиваться одним днем в неделю, во многих поместьях к концу XVII в. крестьяне трудились на барщине по три и даже четыре дня.

3.3.3. Города и их население

Поселения, которые официально считались городами и обладали соответствующими привилегиями, сосредоточивались в северных областях Венгерского королевства. Закон 1514 г. перечислял 15 королевских городов, 8 из которых располагались на территории современной Словакии (Кошице, Братислава, Трнава, Бардеёв, Прешов, Левоча, Скалица и Сабинув). Остальные находились преимущественно в мадьярских районах — Буда, Обуда, Эстергом, Секешфехервар, Сегед, Пешт и Шопрон. К этим пятнадцати королевским городам следует добавить горнопромышленные города в средней Словакии.

В эпоху османского владычества в Среднем Подунавье и антигабсбургских восстаний число королевских городов в словацких землях возросло. Городские привилегии получили Брезно, Пезинок, Светы Юр и Модра. В начале XVIII в. 24 из 39 королевских городов Венгрии находились на словацкой территории. Некоторые из них были городами лишь номинально и сохраняли городские права, полученные ранее, до того как они экономически пришли в упадок. Экономическое и политическое разви-

тие страны в XVI—XVII вв. не благоприятствовало развитию городской жизни. Большинство городов оставалось довольно отсталыми по сравнению с городами в других частях Европы. В 1720 г. в королевских городах жило 65 тыс. человек, что составляло одну десятую населения словацких земель (в то время примерно 815 тыс.). Самым крупным был город Комарно, в котором проживало 8300 человек, за ним шла Братислава — 7900, Банска Быстрица — 7000, Кремница — 5300, Скалица — 4000, Пезинок — 3300, Трнава — 2900, Банска Штьявница — 2700 и Модра — 2300 жителей. В некогда развитых сплишских городах в восточной Словакии — Левоче, Кежмарке и Кошицах — проживало 3200, 3000 и 2000 человек соответственно. Население Тренчина, Бардеёва, Крупины, Нова Бани, Светы Юра, Сабинова и Зволена составляло менее 2000 человек, а в Люботове, Пуканце и Банской Белой — менее 1000!

Великие географические открытия в конце XV — начале XVI вв., обусловившие постепенный экономический сдвиг на Европейском континенте в сторону Атлантического региона, а также османская экспансия привели к глубокой стагнации восточнословацких городов (Кошице, Бардеёв, Прешов, Сабинов и Левоча) уже во второй половине XVI в. Международная торговля с Балтикой и Средиземноморьем — основной источник доходов этих городов — была свернута. Другой причиной упадка было ослабление городской автономии и постепенное проникновение дворянства в городскую среду. Дворяне, бежавшие от турок из южных областей страны, наводняли города Словакии, но не смешивались с городской коммуной, а скорее выказывали желание отстаивать свои собственные особые привилегии. Это катастрофически сказывалось на городском населении. Поначалу города пытались защитить себя от потока дворян, но закон 1563 г. предоставил дворянам право приобретать в городах дома при условии, что они возьмут на себя часть обязательств горожан. В 1647 г. были законодательно подтверждены сословные права дворянства даже на городской земле. После этого городские привилегии утратили свое значение. Наследственные права дворян, их налоговый иммунитет и их право свободно заниматься торговлей потрясли городскую экономическую систему до основания. Королевские города постепенно перешли под контроль комитатов и ярким примером их общего упадка стал тот факт, что в конце XVII в. их представители в нижней палате венгерского сейма обладали всего лишь одним коллективным голосом!

К ощутимым ограничениям автономии и древних прав королевских городов в Словакии добавились все бедствия бурного XVII века: военные кампании, сопровождавшиеся грабежами и вымогательствами, частые постой солдат, религиозные и социальные конфликты, усиливавшиеся конфликтами дворянства и горожан и напряженностью между национальными группами. Особую категорию королевских городов составля-

ли горнопромышленные города в средней Словакии, которые благодаря своим природным ресурсам и добыче руды сумели пережить неблагоприятный период и даже на короткое время возродить свое былое процветание (в особенности Банска Быстрица, Банска Штьявница и Кремница).

3.4. Экономическое развитие и условия жизни населения

Сельское хозяйство оставалось основой экономики в течение первых двух веков раннего Нового времени. Однако его характер существенно изменился в связи с османской экспансией, с повинностями по содержанию солдат в приграничных крепостях и во время военных кампаний. Цены на продовольствие росли пропорционально потребностям, так что сельское хозяйство оставалось доходной отраслью экономики. Армейские поставщики и прежде всего члены магнатских семей, владевшие обширными землями (Палфи, Турзо, Тёкёли, Эстерхази и др.), оказались в преимущественном положении. Дешевая рабочая сила в форме бесплатного труда крепостных (барщины) обеспечивала высокую прибыльность. С середины XVI в. число помещичьих хозяйств в Словакии заметно умножилось, причем земельные угодья, принадлежавшие помещикам, увеличились за счет площадей, возделывавшихся крестьянами. Если в средние века помещики редко напрямую руководили сельскохозяйственными работами, то через сотню лет после поражения при Мохаче это стало широко распространенным явлением. Крестьянам, согнанным с наиболее плодородных земель, приходилось добывать пропитание изнурительной обработкой неудобий, расчисткой лесов и превращением их в пастбища. В связи с османской угрозой разведение крупного рогатого скота становилось относительно надежной и зачастую единственно возможной формой ведения хозяйства в целом ряде областей, которым постоянно угрожали турецкие набеги. Увеличение производства говядины в XVI в. позволило расширить экспорт, в особенности в Австрию, Чехию и Германию. Другой статьей экспорта оставалось вино. К традиционному виноградарскому региону в восточной Словакии — Токайской долине, откуда вино направлялось в основном в Польшу, в XVI в. добавился регион Малых Карпат. Доходы от экспорта вина в Моравию, Чехию и Силезию помогали городам вдоль Малых Карпат (Светы Юр, Модра, Пезинок) в первой половине XVII в. добиться статуса королевских городов.

Барьеры в форме привилегий, которые предоставляли королевским городам исключительный статус в занятиях ремеслом, постепенно рушились. К концу XVI в. монополия королевских городов в ремесленной продукции сошла на нет, поскольку ремесленное и кустарное производство получили развитие в малых городах на землях дворян и даже в сельской местности. Ремесленное производство постепенно перемещалось

в деревню. Одной из причин подобной трансформации была хозяйственная деятельность дворян, которые систематически увеличивали свои аллодиальные земли, что вынуждало крестьян искать иные средства к существованию. Помещики поддерживали развитие торговли в своих владениях, чтобы повысить собственные доходы. Хотя ремесленное производство и продолжало существовать за стенами королевских городов, параллельно с этим, в особенности в XVII в., многие малые города под юрисдикцией помещиков становились заметными центрами кустарных промыслов.

Сходное развитие было характерно для торговли, которая из традиционных центров переместилась в малые города на территории дворянских владений и в сельскую местность. Большое число рыночных привилегий, пожалованных Габсбургами вплоть до начала XVIII в., целому ряду новых хозяйственных субъектов, свидетельствуют о важных изменениях в торговой деятельности. В связи с османской угрозой и общим сдвигом, произошедшим в европейской экономике, торговый оборот в целом сократился по сравнению с предшествующим периодом.

Важной сферой экономической жизни оставалось горное дело и связанные с ним производства. Горнодобывающие предприятия в ту пору существовали во многих местах в Словакии, но международной значимостью обладали лишь рудники в средней Словакии и в районе Спиш-Гермер. В конце XV в. в Кремнице, чьи золотодобывающие предприятия были в предшествующую эпоху одними из самых богатых в Европе, стали испытывать трудности из-за грунтовых вод при работе в глубоких шахтах. Хотя добыча золота сократилась, в начале XVI в. она все еще составляла 350 кг. ежегодно. Добыча серебра колебалась на уровне 6—8 метрических тонн ежегодно.

В раннее Новое время наблюдается резкий подъем в добыче медной руды в средней Словакии. Горнопромышленник Янош Турзо, житель Кракова словацкого происхождения, постепенно взял под свой контроль несколько медных рудников в окрестностях Банской Быстрицы. Чтобы добыть необходимые средства, он установил деловые контакты и даже личные связи с семейством торговцев Фугтеров. С их финансовой помощью он сумел возродить умирающие рудники и усовершенствовать производство меди настолько, что в начале XVI в. горнопромышленная округа Банской Быстрицы пережила хозяйственно-экономический бум. В последующие десятилетия медь из Словакии оставалась важной статьей экспорта, и горнопромышленный регион средней Словакии на целое столетие стал крупнейшим производителем меди в Европе. Развитие горного дела и плавильного производства начало замедляться в начале XVII в. Производительность труда на время возросла благодаря использованию пороха (который впервые был применен в горной промышленности в 1627 г. в Банской Штявнице), но постепенно горнодобывающая отрасль вновь

столкнулась с кризисом. Большая часть добываемых драгоценных металлов направлялась в государственную казну, которая была обременена расходами на содержание армии. Средств на столь необходимые инвестиции в производство не оставалось. В течение сорокалетнего правления императора Леопольда I чистый доход казны от Кремницы и Банской Штьявницы по-прежнему составлял 80 млн. флоринов ежегодно, но к концу XVII в. большинство шахт было залито грунтовыми водами, и добыча резко упала.

Изменения в политике и властных отношениях, которые начались после поражения при Мохаче, крайне негативно сказались на жизни населения Словакии. Начиная с 1530 г. южно-словацкие земли жили в постоянном ожидании новых османских набегов. Мир вдоль габсбургско-турецкой границы не наступал даже после подписания мирных договоров. Военные экспедиции отрядов численностью до 5 тыс. солдат и с применением тяжелой артиллерии не считались нарушением условий мирного договора, и население регулярно страдало от неожиданных турецких вторжений. Похищения представителей знати ради выкупа или угон в рабство были обычной практикой османов. В течение периода так называемого «долгого мира» (1606—1663) из подвластных Габсбургам земель было угнано около 80 тыс. человек, большинство из них было продано в рабство. Население Словакии страдало не только от турок, но и, парадоксальным образом, от солдат, которые должны были его защищать. Почти каждый год словацкие комитаты направляли наместнику или лично императору многочисленные жалобы о жестоком обращении, беспорядочном вымогательстве продовольствия и жестокостях, сопровождавших военные экспедиции. Состояние всеобщей анархии привлекали авантюристов всех мастей из самых отдаленных уголков Европы, которые искали возможности обогатиться, используя «законы военного времени». Местное дворянство и непривилегированные сословия, пожалуй, не намного отставали в жестокой эксплуатации мирного населения. Уже в ходе войн Фердинанда I с Запольским весь регион оказался во власти баронов-разбойников.

Бандитизм процветал на фоне всеобщего ослабления закона и порядка. Многочисленные пайки грабителей, состоявшие главным образом из крестьян, порой пользовались радушной поддержкой со стороны местного населения (Юрай Яношик, казненный в Липтовском Микулаше в 1713 г., вошел в фольклор в образе словацкого Робин Гуда). Несмотря на известную героизацию разбойников со стороны населения, они оставались очевидным негативным явлением и осложняли жизнь не только богатым. Банды представляли собой постоянную угрозу на дорогах, они нередко нападали на деревни и небольшие незащищенные города, подвергая их разграблению. Всем этим отчасти объясняется процесс общего экономического застоя и упадка торговли в XVI—XVII вв.

Крестьянское население реагировало на растущую угрозу их жизни и имуществу стихийным созданием вооруженных отрядов по принципу милиции. Они получили широкое распространение в крестьянской среде уже во второй половине XVI в. Хотя закон запрещал крестьянам носить оружие под страхом смертной казни, эта практика была фактически легализована в форме «крестьянских комитатов»¹, которые стали важной составной частью защиты страны от османов и банд разбойников.

4. Школы, образование и художественная культура

В средневековой Венгрии школы и образование находились на низком уровне. Неграмотность была распространенным явлением среди дворянства, и в конце XV в. все еще значительное число низшего духовенства и комитатских служащих было полностью или частично неграмотным. С приходом гуманизма, Ренессанса и Реформации в XVI в. начался новый этап в развитии школ и образования. Если в конце средневековья в Венгрии насчитывалось всего около 100 школ, то к концу XVI в. только в одной Словакии было более ста лютеранских школ. Рост числа школ сопровождался улучшением качества образования, в особенности в больших городах (Бардеёв, Левоча, Кошице, Банска Быстрица). Под воздействием Реформации протестантское дворянство начало основывать свои собственные школы даже в малых городах. Как говорится в «Законах Бардеёвской школы» (*Leges Scholae Bartphensis*), составленных в 1540 г. Леонардом Штёкелем, основной упор должен делаться не на изучение латыни и риторики, а на практические предметы, при этом в учебной программе значились даже основы юриспруденции. Для школ в Банской Быстрице, Левоче и Банской Штявнице были разработаны новые учебные программы в соответствии с педагогическими принципами гуманизма. Лютеранские школы были одновременно рассадниками реформационных учений и бастионами латинской гуманистической учености. Учебные программы путем наставления, примера и подражания, через основы письма, грамматику, риторику, логику и, наконец, даже теологию должны были воспитывать учеников в набожности и развивать красноречие.

¹ В годы османского владычества, когда административные органы ряда комитатов прекратили свою деятельность, села сами заботились о поддержании порядка. Их общая организация, созданная для охраны порядка в целях обороны стала называться «крестьянским комитатом». После прекращения освободительной борьбы под предводительством Ференца II Ракоци дворянство поспешило отменить крестьянские комитаты.

Католическое образование основывалось на постановлениях Тридентского собора. В XVI в. благодаря усилиям архиепископа эстергомского Миклоша Олаха Трнава стала главным учебным центром. Олах объединил городскую школу со школой капитула и ввел в учебную программу философские дисциплины. Трнавская школа стала прототипом для более поздних католических и протестантских коллегий. С начала XVII в. наиболее видную роль в развитии католического образования играли иезуиты. Изначально они работали только в Трнаве, Клашторепод-Зневом и Шале. Позднее орден иезуитов основал гимназии в Братиславе, Комарно, Тренчине, Кошицах. В начале XVIII в. из двадцати католических гимназий на территории Словакии 14 были иезуитскими, остальные принадлежали ордену пиаристов. Для сравнения, в конце XVI в. у лютеран было по крайней мере 16 городских и 8 дворянских школ, которые можно считать гимназиями или высшими латинскими школами, и их число возросло до 70 к 1640 г.

Несмотря на расширение доступа к образованию внутри страны, традиция получения образования в иностранных университетах была жива в словацком обществе даже после открытия католического университета в словацких землях в XVII в. Студенты из Словакии посещали университеты Вены, Кракова и Падуи, а также Страсбурга, Праги и Парижа. Для лютеран единственным путем получения университетского образования и ученой степени была учеба за рубежом, и в XVI—XVII вв. сотни студентов из Словакии посещали лютеранские университеты Германии, в особенности Виттенберг, Тюбинген, Йену, Росток и Лейпциг. В XVI в. примерно из 1000 студентов из Венгрии, зарегистрированных в Виттенбергском университете, 360 были родом с территории современной Словакии.

Петер Пазмань при поддержке императора Фердинанда II в 1635 г. в Трнаве основал университет — иезуитский *studium generale*. Позднее, в 1657 г. эгерский епископ Бенедикт Кишди основал иезуитский *studium generale* в Кошицах. Оба учебных заведения начинали с основания философского и теологического факультетов, юридический факультет в Трнаве был создан только в 1667 г. (к ним в 1769 г. добавился медицинский факультет). Уже в конце XVII в. число студентов в Трнаве перевалило за 1000 человек, в то время как в Кошицах число студентов в среднем равнялось 400—500 человек.

В первой половине XVII в. лютеранские сословия рассматривали возможность основания лютеранского университета в Венгрии или Трансильвании. План Гашпара Иллешхази открыть лютеранский университет в Тренчине, в котором преподавали бы профессора, приглашенные из Германии, так и остался на бумаге из-за нехватки финансов и сопротивления как со стороны католического духовенства, так и императора. Под давлением рекатолизации лютеранское или протестантское образование

в Словакии в первой половине XVII в. стало приходить в упадок. Из-за обращения магнатов в католическую веру многие евангелические школы были закрыты или потеряли свой статус гимназии из-за прекращения финансовой поддержки. Несмотря на это, по инициативе ректора прешовской лютеранской гимназии Яна Байера в 1667 г. в Прешове был основан лютеранский коллегийум, который *de facto* был университетом. Непростая судьба коллегийума в годы религиозных волнений и антигабсбургских восстаний не позволила реализовать заложенный в этом учебном заведении потенциал. После 1711 г. Прешовский коллегийум и его собственность на более, чем 60 лет перешли в руки иезуитов.

С развитием школ и образования было связано распространение книгопечатания, которое появилось в Словакии только во второй половине XVI в. Это было результатом как социально-политической нестабильности в стране, так и оживленных торговых связей с Германией, поскольку ввозить книги из-за границы было дешевле, чем печатать их дома. К тому же законы против религиозных нововведений, запрещавшие публикацию или продажу «еретических книг», и необходимость получения королевской лицензии существенно замедлили развитие отечественного книгопечатания. Петер Борнемиса и Валентин Манчкович непродолжительное время на переносном станке печатали прежде всего венгерские произведения в нескольких местах в Словакии, и первые постоянные типографии были открыты лютеранином Давидом Гуттезелем в Бардееве (1577) и католиком Миклошем Телегди в Трнаве (1578). В 1581 г. в Бардееве Гуттезель напечатал первую в Словакии книгу на словакизованном чешском — перевод «Малого катехизиса» Мартина Лютера, за которой последовали многочисленные полемические теологические труды и разнообразные тематические публикации. Когда в XVII в. число книг, напечатанных в Бардееве, сократилось, инициативу в восточной Словакии перехватили типографии Кошиц и особенно Левочи. В XVII в. типографии Левочи напечатали около 900 книг. В западной Словакии, в Трнаве к университетской типографии добавились типография в Братиславе, а также Тренчине и Жилине. Типографии католических университетов в Трнаве и Кошицах, а также типография, открытая чешскими изгнанниками-лютеранами (в 1637 г. в Тренчине, позднее в Жилине) печатала книги на чешском языке. Однако объем печатной продукции в Словакии оставался относительно невелик по сравнению с Трансильванией. Прежде всего это были издания по тому или иному конкретному поводу (проповеди, стихи и календари) для внутреннего рынка и школьная литература (катехизисы, грамматики), а также литургическая (сборники духовных песнопений), благочестивая и полемическая литература. В конце XVI — XVII вв. около половины напечатанных книг имело религиозный характер и отражало теологические противоречия и процессы в стране.

Хотя Словакия в результате османского завоевания ощущала себя практически на периферии христианской Европы, словацкие земли не оставались в стороне от европейских интеллектуальных течений. Идеи ренессансного гуманизма проникали в регион прежде всего через королевский двор в Буде, где библиотека Матяша Корвина привлекала многих ученых вплоть до начала XVI в. Гуманизм и акцент гуманистического образования на латинский язык и ученость были восприняты наиболее состоятельными слоями населения в городах и поддерживаны духовенством и школьными учителями. Гуманизм и ренессансные художественные ценности получили широкое распространение при дворах многих магнатов и прелатов. Их резиденции стали важными культурными центрами, обладавшими более чем местным значением. В Венгрии приход Реформации и в особенности влияние Филиппа Меланхтона поддержали и обогатили влияние гуманизма с акцентом на благочестие и красноречие, прежде всего латинское. Влияние гуманизма способствовало распространению интереса к античной культуре и стимулировало интерес к изучению философии, что нашло свое отражение в публикации работ на национальных языках народов полиэтничной Венгрии, в особенности венгерском и немецком.

В XVI в. произошел заметный культурный сдвиг в литературе и драматургии, но в особенности в архитектуре. В эпоху Ягеллонов позднего готическая живопись и скульптура достигли в Словакии своего расцвета. Художественные произведения в этом стиле находятся в основном в Спише, но его влияние проявилось также в сопредельных словацких областях (Липтов, Шарыш). Наиболее важным представителем художественной культуры в Словакии в начале XVI в. был, несомненно, скульптор, мастер Павел из Левочи. В 1517 г. он создал главный алтарь приходской церкви св. Якуба в Левоче, который считается шедевром художественного мастерства, иконографического изображения и эстетического замысла. Однако влияние гуманизма и Реформации, в особенности влияние кальвинизма, вело к стагнации скульптуры и живописи. С другой стороны, против краткого всплеска иконоборчества в Словакии выступил Элиаш Лани, который оправдывал использование искусства в церкви в дидактических целях.

Ренессансный стиль особенно выразительно проявился в архитектуре. Специфические изменения произошли под влиянием итальянских мастеров, которые были приглашены венским двором для реконструкции старых замков (Зволен, Червень Камень, Орава) и возведения новых крепостей (Банска Штявница, Нове Замки). С середины XVI в. строились замки, которые одновременно служили резиденциями и крепостями (Бытча, Стражки, Бетлановце). В городах особое внимание уделялось возведению представительских общественных зданий (ратуши в Кежмар-

ке, Левоче, Братиславе, городские башни в Кошицах, Банской Быстрице, нескольких спишских городах). Влияние Ренессанса также очевидно в богато украшенных жилищах дворян и городского патрициата (в Банской Быстрице, Левоче, Банской Штявнице).

В первой половине XVII в. художественные формы позднего Ренессанса изжили себя, и постепенно началось распространение барокко, которое стало господствующим художественным течением в Словакии. Его распространению способствовали итальянские мастера, которые возводили крепости, а с конца первой трети XVII в. церкви. В числе наиболее значительных барочных зданий были крепости Леопольдов, Комарно и укрепления Нитранского замка или университетская церковь в Трнаве (завершена в 1637 г. по проекту Пьетро Спацца). Хотя условия во второй половине XVII в. не благоприятствовали частному строительству, в этот период было возведено несколько зданий важных институтов (здания казначейства в Банской Быстрице и Банской Штявнице, здания комитатских собраний в Тренчине, Кошице и лютеранский лицей в Прешове). Строительная активность протестантов была ограничена сеймом в Шопроне (1681 г.), который разрешал строительство церквей и школ только в специально оговоренном ряде мест и определял, как они должны выглядеть и из какого материала строиться (из дерева). Тем не менее словацким ремесленникам удавалось преодолевать эти ограничения и возводить деревянные церкви, которые не только вмещали сотни молящихся, но и выдержали испытания временем (Кежмарок, Светы Криж, Гронсек).

V. Словакия в период структурных перемен в 1711—1848 гг.

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДА 1711—1848

Заключение мира в Сатмаре в 1711 г. и его утверждение сеймом в 1715 г. положило конец периоду гражданских войн и вообще откровенных вооруженных конфликтов на территории Венгрии. Примирение венгерских сословий с правящей династией открыло простор для усиления ее влияния на внутренние дела посредством напрямую контролируемых из Вены органов (особенно Наместнического совета, 1724 г.) и регулярной армии. Могущество династии было продемонстрировано и включением на сейме 1722—23 гг. в свод венгерских законов «Прагматической санкции» 1713 г., вследствие чего сословия лишили себя возможности поставить под сомнение наследование венгерского трона. Постепенно восстанавливались исконные границы Венгрии, даже несмотря на то, что из-за неудачной войны с Османской империей (1736—38) часть отвоеванной территории была временно потеряна. Освобожденные от турок земли становились ареной экспериментов венского двора, целью которых было добиться более эффективного хозяйствования и управления территорией. Попытки реформирования, сопровождаемые активной политикой колонизации пустовавших земель, являлись предвестием политики реформ, которая с середины XVIII в. и в самой Венгрии приобрела весьма интенсивный характер.

Однако урегулирование обстановки внутри империи сопровождалось осложнением ее международного положения. С трудом добытое признание европейскими державами «Прагматической санкции» утратило свое значение после смерти Карла VI (1740 г.), когда набирающая силу Пруссия отказалась признать престолонаследие Марии Терезии. Захват Силезии прусской армией стал началом широкого международного конфликта, в который вступила и Венгрия как главная опора молодой монархии: ведь не только Силезия, но и Чехия сразу же после начала военных действий были оккупированы французскими и баварскими войсками. Венгерский сейм (1741 г.) утвердил предоставление 40-тысячного воен-

ного контингента, с помощью которого Австрии удалось переломить ход войны и даже занять Баварию. Конфликт, который поначалу угрожал самой целостности государства, хотя и закончился потерей Силезии, но, с другой стороны, в результате удалось избежать опасности потерять другие территории в Италии и Бельгии.

Первая война за Силезию обнажила слабость и зависимость монархии от союзников (прежде всего от Англии), которые нельзя было устранить ничем иным, кроме как провести масштабные реформы. В наследственных землях, где сила сословий была подорвана еще гораздо раньше, государственное и налоговое управление укрепились посредством реорганизованных или новых органов власти, которые начали проводить в жизнь многочисленные реформы. А в Венгрии Марии Терезии для реализации своих замыслов приходилось получать согласие сейма, который не горел желанием согласиться на ослабление «привилегированного» положения Венгрии и ограничение действия ее конституции — в конечном счете она давала присягу на верность ей. Сейм 1751 г. прошел под знаком борьбы по поводу повышения военного налога, который вскоре понадобился для ведения новой войны. В ходе Семилетней войны (1756—1763) Мария Терезия безуспешно пыталась вернуть Силезию, причем венгерские соединения снова сыграли существенную роль в военных операциях. Однако и это не могло скрыть того факта, что после заключения мира в Губертсбурге (1763 г.) квота Венгрии в нормализацию положения дел в монархии в общем была несоразмерно низкой. Диспропорции между ней и западной частью монархии были слишком велики главным образом вследствие того, что в потенциально богатой стране все еще не удалось ввести налогообложение дворянства и духовенства, и вклад Венгрии в развитие всего государства не соответствовал ее возможностям.

Исправить положение входило в задачу сейма, созданного по-прежнему в Братиславе в 1764 г. Императрица намеревалась совместить дебаты о повышении налогов с предложением реформ всей экономики. Дополнительное налоговое бремя податного сословия (феодално-зависимых крестьян) должно было компенсироваться его правовой защитой от необоснованных требований помещиков, а с другой стороны, определенной формой налогообложения дворянства, которому надлежало отказаться от своей воинской обязанности (так называемой инсурекции¹). Если первая мера воспринималась как серьезное вмешательство в частнопроводимую сферу дворянства и в его отношения с зависимыми крестьянами, то второй пункт означал бы отмену одного из символов свободы сословий в Венгрии. Масла в огонь подлила публикация трактата историка Адама Франтишека

¹ Инсурекция (или ополчение) — в феодальной Венгрии обязанность дворянства представить вооруженное войско в случае нападения противника на страну.

Коллара¹ о праве венгерских монархов вмешиваться в компетенцию и в назначение высших иерархов церкви (т. е. первого сословия) в Венгрии. Таким образом, сословия в Венгрии снова оказались в конфронтации с представителями центральной власти, которая постаралась исправить положение, между прочим, и путем конфискации скандальной книги, хотя она и была направлена на защиту позиции императрицы. В результате Мария Терезия, опасаясь обострения обстановки, решила больше не созывать сейм, а реформы и другие мероприятия проводить посредством рескриптов и постановлений. Тем самым повышалось значение не только центральных органов власти, находившихся в Вене (Венгерская придворная канцелярия, государственный совет²), но и их исполнительного органа, Наместнического совета. Его глава, с 1765 по 1780 гг. — князь Альберт Саксен-Тешинский, одновременно исполнял и обязанности палатина, должность которого с 1765 г. оставалась незанятой. Точно так же поступали и с высшей церковной властью в Венгрии, с функцией примаса (архиепископа эстергомского). Так сословная система в Венгрии постепенно приходила в расстройство, а параллельно шло формирование подконтрольной центру и преданной государству бюрократии.

Несмотря на дальнейшее вмешательство в права помещиков в виде урбанизационной реформы (1767 г.), в обществе сложилось положительное отношение к царствованию Марии Терезии. В последнее десятилетие ее правления Венгрия получила назад территорию (часть Спиша), которая была отдана в залог Польше, а целый комплекс реформ направил страну на путь модернизации. При этом территория Словакии в данный период все еще носила характер экономического и культурного центра страны. Часть образованного общества, уже знакомая и с европейским (главным образом с немецким) Просвещением, связывала свои реформаторские ожидания прежде всего с Иосифом II (с 1765 г. — император Священной Римской империи). В его лице к власти пришел правитель, стремящийся путем унификации и централизации всего государства добиться участия всего населения в достижении общей цели — создания всеобщего блага (*bonum publicum*) и воплощения его в жизнь. Но методы правления Иосифа, не принимавшего во внимание специфическое положение Венгрии, ее традиционные общественные отношения и статус привиле-

¹ Коллар, Адам Франтишек (1718—1783) — видный деятель культуры Венгрии и Словакии, историк, правовед. Большую часть жизни провел в Вене, был библиотекарем, затем директором библиотеки при императорском дворе. Автор многих трудов (на лат. яз.) по истории, юриспруденции и истории права. Словак по происхождению, он был венгерским патриотом. Современники называли его «словацким Сократом».

² Государственный совет (*Staatsrat*) — совещательный орган при монархе, созданный в 1760 г. прежде всего для форсирования централизации в австро-чешских наследственных землях.

гированных слоев (готовилось даже их налогообложение), вызывали у большей части аристократии сопротивление. Когда же вследствие неудачного хода военной кампании против Османской империи и волнений в Габсбургских Нидерландах император был вынужден пересмотреть свои реформаторские замыслы, это породило недовольство и у его прореформаторски настроенных последователей.

Все же ход событий после смерти Иосифа II (1790 г.) не означал отката к дореформенным порядкам. Леопольду II (1790—1792) удалось сравнительно быстро закончить войну с Османской империей и заняться нормализацией обстановки в Венгрии. Он добился этого путем восстановления действия венгерской конституции и согласия вернуться к состоянию на 1780 г. Этот шаг не привел, однако, к отказу от всех реформаторских мероприятий, которые проводил его предшественник. В частности, введение принципов Патента о веротерпимости (1781 г.) в венгерское законодательство открыло больше возможностей для свободы вероисповедания некаатоликов в Венгрии, чем раньше. О том, что после смерти Леопольда ожидалось продолжение социальных реформ, свидетельствовало разочарование и радикализация приверженцев реформаторского курса, надежды которых были обмануты консервативным характером политики Франца II. Но в тот период на ситуацию уже сильно влияла интервенция против Франции и боязнь распространения революционных идей в империи Габсбургов. Поэтому движение так называемых венгерских якобинцев (1794 г.), которые выступали за демократизацию Венгрии и требовали принятия новой конституции с наделением гражданскими правами в том числе и непривилегированных слоев, правящие круги рассматривали как государственную измену. Семерых главных участников тайного общества, среди которых многие были родом из Словакии (Йожеф Хайноци, Ференц Абафи и др.), в 1795 г. казнили. Идеям создания гражданского общества и предоставления прав народностям Венгрии, как они сформулированы в одном из документов движения (проект конституции Игнаца Мартиновича), пришлось ждать следующих своих глашатаев несколько десятилетий.

Укрепление режима во всей империи Габсбургов и борьба с французской экспансией обусловили политические рамки периода на рубеже XVIII—XIX вв. На заседаниях венгерских сеймов, которые созывались опять в Братиславе, обсуждались главным образом проблемы обороноспособности государства. Реформы социальной и экономической системы, предлагавшиеся некоторыми комиссиями сейма еще в 1790—1791 гг., все время откладывались. Только по окончании войн с Наполеоном, в ходе которых Австрия одно время выступала его союзником, в период стабилизации режима при канцлере Меттернихе начали задумываться о неотложных мерах по модернизации Венгрии. Дело в том, что в услови-

ях мирного времени экономический прогресс в Венгрии стал очевидным фактом: появились широкие возможности для промышленного производства, и в мануфактурах стали появляться первые паровые машины. Однако принципиальных изменений — отмены крепостного права в сельском хозяйстве сейму не удалось добиться даже после массовых крестьянских волнений в области восточной Словакии летом 1831 г. Во время так называемого «долгого сейма» (1832—1836) начала формироваться либеральная оппозиция из представителей мелкого и среднего дворянства во главе с Ференцем Деаком и Лайошем Кошпутом, которая приняла программу перехода к современному гражданскому обществу и восстановления независимости венгерского государства. Объединяющим фактором и средством оформления народности в политическую категорию венгерской нации должен был служить венгерский язык как официальный и государственный язык всей страны. Тем самым открывался простор для мадьяризации, первые признаки которой стали проявляться уже в начале XIX в. Пагубная политика мадьяризации, целью которой было сделать население однородным в языковом, а со временем и в культурном отношении, вызвала национальное движение словаков, постепенно принимавшее все более радикальный характер, и обострение межэтнических отношений в Венгрии. Национальный вопрос стал одним из главных в ходе революции 1848 г. в Венгрии, а игнорирование этой проблемы со стороны лидеров венгерской революции привело к расколу демократических сил и к поражению революции.

2. Население и экономический потенциал Словакии

2.1. Расселение и структура населения

Восстание Ференца II Ракоци было кульминацией периода гражданских войн в Венгрии. Но одновременно население Словакии постигла последняя массовая эпидемия чумы (1710—1711 гг.). В следующем периоде сложились более благоприятные условия для социального, экономического и культурного развития Словакии. Численность населения росла сравнительно высокими темпами (прирост примерно 1% в год), причем согласно пересчету на основе податных описей от 1715 и 1720 гг. его можно предположительно определить в 1—1,1 миллиона человек. Через 50 лет оно выросло приблизительно до 1,8 миллиона. На динамику роста численности населения Словакии не повлияла даже массовая миграция начиная с 20-х гг. XVIII в., которая в значительной мере способствовала притоку жителей и образованию поселений главным образом в области Нижней Венгрии (ныне это южная Венгрия). Сюда направ-

лялся основной поток мигрантов из северных комитатов Венгрии (современной Словакии), а также из немецких районов. Переселение людей было не стихийным, а организованным процессом, с его помощью помещики при поддержке государственных органов стремились заселить свои новообетенные имения. Важную роль в этом процессе играла Венгерская казенная палата и некоторые магнаты (Антал Грашалкович, Антал Каройи). Для привлечения новопоселенцев большое значение имела и возможность получить разрешение на некаатолическое вероисповедание, в то время как в других местах оно все больше ограничивалось из-за усилившегося процесса контрреформации. Вследствие миграции словацкого населения на территории южной Венгрии возникли многочисленные, а кое-где и компактные словацкие поселения (например, между Дунаем и Тисой, в районе Пилипских гор, в комитате Бекеш). С 40-х гг. XVIII в. шел подобный же процесс переселения из этих областей дальше на юг, на территорию Бачки, Баната и Срема, где словацкие поселки сохранились до настоящего времени (Петровац, Ковачица, Стара Пазова).

Одновременно с ростом численности населения стабилизировалась структура заселенности территории. Покинутые или обезлюженные в предыдущий период поселки снова заселялись, но при этом новые поселки уже не появлялись, а если и появлялись, то в очень ограниченном количестве (например, в горнопромышленных областях в средней Словакии). Проблему возникающей перенаселенности решали, кроме переезда в Нижнюю Венгрию, и путем образования хуторов. Первоначально это были постройки для сезонного пребывания жителей «родной деревни», в которых они занимались какими-то хозяйственными делами (расчистка новых угодий, скотоводство), но которые постепенно становились постоянным местом жительства.

Сельское население находилось в состоянии феодальной зависимости, за некоторым незначительным исключением (наемные работники на договорных началах с правом свободной торговли, деревенские ремесленники и т. п.). Если в прошлом правоотношения между зависимыми крестьянами и помещиками входили в сферу частного права, то после введения государством урбариальной реформы 1767—1772 гг. правовое положение зависимого крестьянства существенно изменилось. Урбарий, т. е. зафиксированный в письменной форме и утвержденный верховной властью государства объем повинностей зависимого (барщинного) крестьянства, приводил в соответствие размер и плодородие земельного надела и вытекающие из этого повинности. Нарушение установленных норм считалось подрывом налоговой базы государства, и феодально-зависимые крестьяне имели право на защиту со стороны закона. В соответствии с экономическим учением той эпохи, в крестьянском сословии начали видеть становой хребет экономического могущества государства, и вза-

имоотношения между зависимыми крестьянами и их господами стали объектом общественного интереса и права.

Но введение урбария явилось только первым шагом на пути ликвидации системы феодальной зависимости крестьянства от землевладельцев. Вплоть до 1785 г. действовала система личной (крепостной) зависимости несвободного крестьянства, которая выражалась в ограничении свободы передвижения и возможностей социальной мобильности сельского населения. После отмены крепостного права феодально-зависимые крестьяне могли после исполнения повинностей свободно переселяться и без согласия властей вступать в брак или отпускать детей в ремесленники или на учебу. Но даже несмотря на многолетние усилия либерально настроенного дворянства ликвидировать систему зависимых отношений до 1848 г. не удалось.

Мещанство в целом составляло довольно немногочисленный и в политическом отношении малозначащий слой населения, даже несмотря на то, что на территории Словакии, в сравнении с другими областями Венгрии, была наибольшая концентрация селений городского типа. В рамках Словакии в конце XVIII в. в них жило примерно 12% населения (250 тысяч человек). При этом среди селений городского типа преобладали поселки с 3 — 5-ю тысячами жителей. Характерной особенностью городского населения в Словакии было то, что помимо типично городской формы экономической деятельности (ремесло, торговля), оно занималось и сельским хозяйством. Самым крупным городом на территории Словакии была Братислава, которая в конце 70-х гг. XVIII в. насчитывала примерно 28 700 жителей. Но и ее значимость и притягательность в качестве центра упала после перевода главных институтов страны (Венгерская казенная палата, Наместнический совет) в Буду (1784 г.). Такое же уменьшение значимости ощутил и церковно-культурный центр Верхней Венгрии Трнава, до 1777 г. местонахождение университета и архиепископа. В то же время на росте Банской Штьявницы позитивно сказалось процветание горнорудного производства, которое создавало собственно ядро города и многочисленные прилегающие села суммарно с около 20 000 жителей. Только свободные королевские и горнопромышленные города (в Словакии в 1778 г. их было 24 с около 136 000 жителей) как единое целое составляли четвертое сословие, и только они имели право послать депутатов в сейм. Но и в этом случае речь шла лишь о символическом участии — депутаты от городов имели только один коллективный голос.

Самый важный и по средним европейским меркам довольно многочисленный слой населения представляло дворянство, которое в процентном отношении достигало целых 5% от всего населения Венгрии. При этом на территории Словакии, которая занимала около одной пятой части всей Венгрии, жило больше половины общей численности привилегированного сословия (в 1787 г. их было более 94 700, к 1846 г. их числен-

ность выросла до 163 500 человек). Возведение в дворянское звание стало одним из способов создания преданного государству социального слоя, а в его рамках — прежде всего бюрократии. К категории дворян относились не только члены богатых и влиятельных семей (магнаты), но и обладатели грамот о привилегиях без сколько-нибудь значительного имущества и общественного положения, которых было преобладающее большинство. Однако они тоже имели право принимать участие в самоуправлении комитатов и в работе сеймов. Их главным социальным преимуществом являлось право на полновластное владение землей и освобождение от уплаты налогов. В то же время среднее дворянство было тем слоем, который больше других был настроен на социальные реформы и постепенно пришел к программе буржуазных преобразований в Венгрии. На его идейную ориентацию в большой степени влияло то обстоятельство, что выходцы из его рядов служили в органах государственного управления и имели гражданские профессии (прежде всего в области права). Часть среднего и особенно мелкого дворянства включилась и в национальное движение словаков: большинство представителей словацкой интеллигенции, активно занимающихся литературным творчеством, было выходцами из семей земанов (мелкопоместных дворян, так называемых армалистов, т. е. имеющих дворянские грамоты).

Ни один социальный слой населения Словакии не был ни этнически, ни конфессионально однородным. Твердо установленного этнического размежевания не существовало, и особенно в южных областях современной Словакии жило многочисленное венгерское население. Но этнические венгры были представлены и в городах, где принадлежащими к этой этнической группе объявляли себя прежде всего горожане дворянского происхождения. В городах в целом был высокий процент немецкого населения, которое к тому же проживало и компактными анклавами, особенно на территории Спиша, среднесловацких горнопромышленных городов и верхней Нитры. Русинское население жило в северо-восточной области Словакии и главным образом вне городов. Это этническое многообразие дополняло цыганское население (ромá), которое в результате усилий государственных органов постепенно отходило от кочевого образа жизни. В течение XVIII в. начал расти приток еврейского населения в западную (из Моравии) и восточную (из Галиции) часть Словакии. Больше всего евреев поселилось в Братиславе, которая в первой половине XIX в. стала и для них центром культурной и религиозной жизни.

Большинство населения Словакии составляли этнические словаки, наибольшая численность которых находилась в густонаселенных комита-тах западной Словакии (Братислава, Тренчин, Нитра). Однако они преобладали и в восточной Словакии (Земплин, Шарипш) и особенно в комита-тах средней и северной Словакии (Турьец, Липтов, Зволен, Орава). В отличие от средневековья, словаки обосновывались и в городах (даже гор-

нопромышленных районах), однако ни один из городов не стал тогда сколько-нибудь заметным очагом словацкого национального движения.

Принципиальным фактором дифференциации населения по-прежнему оставалась конфессиональная принадлежность, которая до 1781 г. оказывала серьезное влияние на жизненные судьбы и на возможность того или иного человека сделать карьеру. Заинтересованность государства в том, чтобы население было однородным, проявилась в поддержке контрреформации, которая преследовала цель избавиться от некаатолических конфессий. Правовые гарантии их существования (соглашение о мире, статьи законов) толковались как изъявление «милости» императора, и их действие в зависимости от обстоятельств могло быть изменено. Следствием этого были разного рода притеснения некаатоликов, будь то в сфере их религиозной (ограничение количества церквей и школ, препятствия в исполнении священнической функции) или гражданской жизни (регулирование брачных союзов, воспитания детей, отказ в предоставлении городских прав). Активизировалась и усовершенствовалась деятельность католической церкви и ее институтов (особенно в сфере церковного управления и образования), вследствие чего участились случаи перемены вероисповедания. В конце XVIII в. уже 75% жителей Словакии исповедовали католическую веру и только 20% относились к протестантским¹ конфессиям. Из протестантов словаки и немцы отдали предпочтение лютеранству, а венгры — преимущественно кальвинизму. Греко-католическая (униатская) церковь имела свою организационную структуру, но ее члены, в большинстве своем этнические русины, ощущали недостаток хорошо подготовленных священников и религиозной литературы на родном языке. Православную религию в рассматриваемый период исповедовали единичные переселенцы с территории Османской империи, которые под маркой «греческих» купцов осели в нескольких городах (Комарно).

Нетолерантная позиция государственных органов, выраженная, кроме всего прочего, в запрете приема некаатоликов на службу в государственные учреждения (в крайнем случае только после принесения не приемлемой с религиозной точки зрения присяги), отзывалась в растущем недовольстве некаатолического населения своим положением. Да и государственная администрация и некоторые видные фигуры, к чьему мнению прислушивались при дворе, — как например, выходец из Словакии Адам Франтишек Коллар — еще в 70-х гг. XVIII в. указывали на этическую недопустимость и экономическую нерентабельность диск-

¹ В Словакии все протестантские церкви называются *евангелическими*, а верующие соответственно *евангеликами* — аутбургского вероисповедания, т.е. лютеране, и гельветического вероисповедания, т.е. кальвинисты. В дальнейшем и мы будем иногда пользоваться этими названиями в тексте.

риминации некатоликов. После издания Патента о веротерпимости для христианских вероисповеданий (25 октября 1781 г.) открылась возможность создавать некатолические церковные общины, школы, назначать священнослужителей и учителей, исходя из политического курса администрации. Впоследствии особым Патентом о веротерпимости и евреям были созданы нормальные условия для их интеграции в гражданскую жизнь.

Однако ни Патент о веротерпимости, ни его превращение в статью закона на сейме в 1791 г. не переломили позицию католической церкви как доминирующей религии, и между конфессиями постоянно возникали трения. Впрочем, это относилось и к взаимоотношениям между протестантскими вероисповеданиями, в которых с середины XVIII в. начали довольно сильно заявлять о себе идеи унии лютеран и кальвинистов. Ввиду численного перевеса и политической значимости, инициатива исходила от представителей реформатской (кальвинистской) церкви. Подоплекой этой идеи служило стремление усилить позиции протестантов в отношении государства и его администрации, а в период первой половины XIX в. — уже стремление представлять интересы венгерской нации как единого целого, что вело в 40-е гг. XIX в. к серьезным национальным конфликтам в рядах лютеран в Словакии. Дело в том, что важные позиции влиятельных патронов и в лютеранской церкви занимали дворяне, тяготеющие к этническим венграм.

Преодоление межконфессиональных барьеров стало также одной из главных задач национального движения словаков. Интеллигенция из обоих конфессиональных лагерей, принимавшая участие в движении, по большей части принадлежала к служителям церкви, и это обстоятельство во многом стало определяющим в ее позиции. Это проявилось, например, в выборе традиционной формы чешского языка (так называемой библичтины¹) в качестве литературного языка словаков-лютеран, что проистекало из употребления этого языка в литургии и в литературе. Ставить интересы всего национального коллектива выше интересов конфессии постепенно начали с 30-х гг. XIX в., что привело, в частности, к принятию в 1843 г. общей формы словацкого литературного языка.

2.2. Словакия как субъект экономики

Хотя территория современной Словакии как целое не являлась никакой административно отграниченной областью Венгрии, но, оставшись

¹ Библичтина — чешский литературный язык, на который в 1574—1579 гг. в Чехии была переведена так называемая Кралицкая (по месту издания в тайной типографии «Общины чешских братьев») Библия.

после 1526 г. главной составной частью так называемой королевской Венгрии, она приобрела совершенно особое значение. Для экономики всего королевства было чрезвычайно важно сохранить продуктивность горно-рудного производства в среднесловацкой области. Однако после периода сословных восстаний и вследствие того, что в начале XVIII в. чума выкосила население, экономический потенциал области был значительно ограничен, и, например, все свободные королевские города имели высокую задолженность. После освобождения южных областей Венгрии началось постепенное перемещение экономического центра тяжести в глубь страны, но завершилось оно только на протяжении XIX в.

Развитие традиционно доминирующей отрасли экономики — сельского хозяйства сдерживалось из-за существующей феодально-крепостнической системы. Во время повышения поставок сельскохозяйственной продукции армии землевладельцы переориентировались на личное ведение хозяйственной деятельности на своих обширных земельных комплексах — поместьях. Росло значение труда феодально-зависимых крестьян, и в первой половине XVIII в. это отразилось на повышении их повинностей перед землевладельцами. Однако крестьяне не имели никаких прав распоряжаться землей, на которой они вели хозяйство, — она по-прежнему оставалась собственностью помещика. Относительная достаточность рабочих рук позволяла придерживаться традиционных методов ведения хозяйства (особенно трех-, а кое-где даже двупольной системы). Требование максимальных повинностей с каждого надела вело к росту социальной напряженности в сельских районах, взрыв которой отчасти предотвращался бегством феодально-зависимых крестьян из поместий своих господ. Потребность в повышенных поставках армии и первостепенная заинтересованность государственной администрации в сохранении платежеспособности податного сословия (дворянство в Венгрии прямых налогов не платило) привели в середине XVIII в. к урегулированию повинностей феодально-зависимых крестьян перед помещиками в виде установленного в общеимперском масштабе урбария. Однако единообразный объем повинностей феодально-зависимых крестьян имел дело с неравными размерами наделов, которые устанавливались в соответствии с условиями в каждом конкретном комитате. Размер надела, который одновременно служил основной единицей для определения повинностей в Словакии, колебался в пределах от 19 до 25 моргов¹ земли (8,2—10,8 га).

Новые виды сельскохозяйственной продукции и новые методы обработки почвы вводились в практику только вследствие неурожая или ис-

¹ Морг, или морген — старая мера площади, в старой Венгрии равнялся 2239,2 кв.м.

кусственно созданного недостатка обусловленных торговыми договорами традиционных наименований продукции на рынке. Так случилось, например, с введением выращивания картофеля с 70-х гг. XVIII в., кукурузы и новых видов кормовых культур или сахарной свеклы в результате эмбарго на ввоз сахара в начале XIX в. Подобным толчком явилось инициированное государственными властями выращивание некоторых сельскохозяйственных культур (фуражные культуры). Важную роль играли и образцовые хозяйства некоторых земельных магнатов, среди которых выделялись родовые поместья Габсбургов в западной Словакии (поместье Голитч) и имения Придворной казенной палаты. Именно здесь начали вводить в земледелие севооборот, при этом повышенное внимание уделялось выращиванию кормовых культур и одновременно стойловому содержанию скота. Большое значение придавалось и просвещению, которое с поощрения государственных органов должны были распространять прежде всего священники разных вероисповеданий. Но основные принципы рационального ведения земледелия были включены и в основы учебного материала школ многих типов.

Развитие ремесленного производства и промышленности в известной мере тормозилось из-за отношения венгерских сословий к реформам, с помощью которых Мария Терезия хотела добиться увеличения квоты Венгрии в общем объеме получаемых государством налогов. «Ценой» за освобождение дворянства от их уплаты стало сохранение внутренних таможенных пошлин между Венгрией и западной частью империи, что было невыгодно для вывоза венгерской продукции. Подобный характер носили и ограничения в развитии промышленности, которое могло угрожать производителям из наследственных земель. Согласно решению государственного совета от 1766 г., Венгрия должна была остаться аграрной базой для всей империи.

Несмотря на это, и в области ремесленного и мануфактурного производства произошли значительные перемены — от устранения дискриминации иностранных ремесленников на городских рынках, через облегчение условий для занятий ремеслом и вплоть до запрета препятствовать вступлению новых мастеров в цехи, например, посредством установления высоких сборов. Оказывалась поддержка и развитию так называемого домашнего производства, особенно холста, в котором были заинтересованы тысячи семей как в северной, так и в западной Словакии. Защита отечественного производства осуществлялась посредством запрета на ввоз некоторых товаров (например, польского холста) или предоставления привилегий. Привилегии касались прежде всего массового производства в мануфактурах, которые, однако, до середины XVIII в. возникали лишь в считанном количестве (первой была текстильная мануфактура в Малац-

ках, основанная в 1722 г.). В соответствии с вышеупомянутым решением государственного совета даже после 1771 г. нельзя было основать никакую мануфактуру без королевского согласия. В этих условиях удалось создать и поддерживать в благополучном состоянии предприятия, даже общеимперской значимости, лишь в отдельных отраслях. К их числу относились предприятия, производящие сравнительно дешевые виды текстиля (набивные ситцы в Галиче, Шаштине) или, напротив, предметы роскоши (майолика в Голиче), обладателями которых были представители высшей знати (граф Форгач, Франц Стефан Лотарингский).

Более интенсивное развитие промышленности наступило в начале XIX в., когда военная конъюнктура способствовала росту производства сукна и элементов военного снаряжения (массовое производство ружей в Липтовском Градке). Конъюнктура дала толчок и значительному росту овцеводства и скотоводства и опытам по модернизации сельского хозяйства в целом, которые осуществлялись прежде всего в крупных поместьях (применение машин уже в начале XIX в.). После окончания наполеоновских войн венский двор наконец упростил процедуру открытия мануфактур, и правовые нормы в Венгрии унифицировались с нормами австро-чешских наследственных провинций (после 1867 г. они составляли Цислейтанию¹). При всем увеличении производства и объеме капитала, начало использования паровых машин в производстве — а это показатель промышленного прогресса — датируется только 40-ми годами XIX в. Однако в наибольшей степени они нашли применение в водном транспорте на Дунае (1825 г., создание Дунайской пароходной компании в Братиславе).

Но самой значительной отраслью производства в Словакии осталось горное дело. Изобретения отечественных специалистов в области горной техники (в 1750 г. была изобретена водонапорная машина для откачки воды из шахт) помогли решить проблему грунтовых вод и приступить к разработке более глубоких месторождений. Начали строить и единичные горные выработки (водоотливные штольни длиной в несколько километров). Производство драгоценных металлов (золота, серебра) в средне-словацкой горнорудной области за XVIII столетие достигло своего исторического максимума и заняло почетное место в общемировом масштабе. За 1748—1800 гг. в целом было произведено 868 тонн серебра и 24 650 кг золота. Этот металл шел на чеканку монет и приносил венскому двору 70% доходов от добывающей отрасли в рамках всей империи. Добыча медных руд постепенно перемещалась из среднесловацкой области в во-

¹ Цислейтания — название части территории Австро-Венгрии к западу от реки Лейты. Кроме собственно Австрии, включала Чехию, Моравию, Силезию, Галицию, Истрию, Крайну, Каринтию, Буковину, Далмацию и некоторые другие области.

сточную, где в развитии этого производства больше, чем в других местах, участвовали частные предприниматели. В их руках находились и железорудные разработки, причем именно в этой отрасли начали участвовать в предпринимательстве мещане и даже феодально-зависимые крестьяне. Высокая рентабельность горнодобывающих предприятий стимулировала использование паровых машин, рельсового транспорта, стальных тросов и технологическое рационализаторство (извлечение серебра методом амальгамации, 1786 г.).

3. Факторы модернизации

3.1. Государство как инициатор политического курса на модернизацию

Социальный состав населения Словакии отличался относительной стабильностью, которую поддерживала и политика государства. Главным инструментом передвижения вверх по социальной лестнице было возведение в дворянство, которое применялось во множестве, особенно в правление Марии Терезии (было возведено в дворянское звание 430 семей). Эти «новые люди» представляли общественный слой, который был лоялен к центральной власти и разделял ценности, присущие буржуазии, — тем более, что изменению их социального статуса далеко не всегда сопутствовало имущественное возвышение. Они отдавали предпочтение главным образом образованию и службе в гражданских профессиях. Но центральная власть регулировала развитие общества и иным способом — посредством реформ, целью которых было привести всю империю к экономическому подъему, а тем самым и к усилению мощи государства. Начиная с середины XVIII в., целый комплекс подобных реформ, затронувших самые разные сферы жизни всей империи и направивших ее на путь модернизации, не мог не оказать влияния и на положение дел в Словакии.

Однако вследствие несоразмерности экономического, политического и культурного развития отдельных частей империи их реформирование шло неравномерно. Централизованного и единообразного государственного управления, которое обеспечило бы эффективность руководства в рамках всей империи, в полной мере добиться не удалось. К тому же Мария Терезия брала в расчет обязательства перед дворянством, хотя и увеличила компетенцию государственного совета, нового консультативного органа правителя. Централизаторские усилия достигли кульминации в правление Иосифа II, ограничившего правомочия венгерских административных органов и в особенности комитатов, которые при жизни его матери были главными координаторами всевозможных реформ. Функции этих органов, действовавших по принципу сословного самоуправления

ния, перешли в руки краев и королевских комиссаров, напрямую подчиненных Вене. Территория Словакии была поделена на три дистрикта (округа) — Нитранский, Банскобыстрицкий и Кошицкий. Однако эта модель государственного управления в духе централизации и унитарности (в том числе и путем введения немецкого языка в качестве официального, 1784 г.) провалилась из-за сопротивления комитатов, причем самое активное сопротивление оказывали именно словацкие комитаты Братислава, Нитра, Тренчин, Абов.

Несмотря на это, многие решения, принятые в центре, в Вене, удалось реализовать на низшем уровне. Кроме вышеупомянутого урбария, это касалось постановлений по судопроизводству и уголовному праву (ограничение правомочий магнатских судов, отмена уголовного преследования за колдовство и магию, 1768 г., поправки к уголовному кодексу), по народному здравоохранению (Генеральное постановление по делам здравоохранения, 1770 г.), по охране имущества (устав противопожарной службы, 1769 г.), об условиях торговли (унификация мер и весов), об общественном транспорте (благоустройство дорог, почтовой сети) и т.д.

Исключительно важное значение имела реформа школьного образования, которая из нескольких существующих параллельно типов школ (начальная, школы отдельных католических орденов, школы протестантов) создала стройную систему, направленную на воспитание соответствующим образом обученных, полезных и преданных государству граждан. Первым шагом на этом пути была реформа университета в Трнаве (1753 г.). Однако комплексные изменения стали возможны только после запрета ордена иезуитов (1773 г.) и передачи его имущества Образовательному фонду, который стал финансовой базой школьного дела. Реализация реформы была возложена на образовательную комиссию Венгрии, хотя проект реформы «*Ratio educationis*» («Проект образования», 1777 г.) был составлен в Вене (Адам Франтишек Коллар, Иоганн Игнац фон Фелбигер, Йозеф Урмени). В основу реформы легла идея сделать образование доступным как можно большему числу детей, поэтому акцент делался на обучении в начальной школе. Требование обязательного объема получаемых знаний для разных типов школ сопровождалось и определением оптимальных или необходимых педагогических приемов. Учебный план для Венгрии отличался именно в этом моменте благодаря следованию принципам современной (для той эпохи) педагогики и идеям межконфессионального образовательного процесса, которые проводились в жизнь в 80-е гг. XVIII в. В Словакии в тот период действовало более 80 так называемых смешанных школ. В несколько видоизмененной форме (1806 г.) «Рацио эдукационис» сохранял силу вплоть до 1848 г.

С помощью реформы школьного образования государство претворило в жизнь свои представления о содержании и формах обучения наперекор церкви, что выразилось, в частности, в форме решительного протеста

венгерских католических епископов против нового типа катехизиса или представителей протестантских религий — против межконфессиональных школ. Однако реформа одновременно преследовала цель повысить уровень именно религиозного воспитания и приобщить народ к Библии как источнику живой и неискаженной веры. Этот замысел вытекал из концепции йозефинизма¹, в духе которой государство пыталось подвигнуть церковь к более эффективной деятельности в рамках пастырских обязанностей. Этой цели служило наступление на экономические и политические позиции церкви, особенно посредством ограничения влияния папы на венгерские церковные дела, ликвидации монастырей некоторых орденов (в Словакии это затронуло более трети всех монастырей), увеличения количества епископств (в Словакии в 1776 г. возникли три новых епископства — в Банской Быстрице, Рожняве и в Спишской Капитуле) и приходов, как и реформа воспитания молодых священников (1783 г., учреждение генеральных семинарий, в Словакии — в Братиславе).

Большинство мероприятий, предусматривающих охват широких слоев населения, стали составной частью организованной государством программы просвещения народа местными священниками любой церкви и учителями. Ко многим новшествам приучали посредством учебников, причем даже ученики народных (начальных) школ находили на их страницах краткое руководство по рациональному ведению хозяйства, по организации домашнего быта и т. п. Однако распространение знаний посредством народно-просветительной литературы и патриотических сочинений на местном языке затрудняла сравнительно высокая степень неграмотности, которую удавалось заметно снизить только в городах (здесь грамотность составляла предположительно около 60%). Общественная жизнь была лишь кое-где структурирована масонскими ложами и патриотическими кружками, которые обычно преследовали и просветительные цели (в Словакии с 1769 г. они действовали, например, в Прешове, Кремнице, Кежмарке, в Банской Штявнице, в Кошицах и в Братиславе). Их функция возмещалась как раз деятельностью местной интеллигенции, у которой просветительство уже было преисполнено духом «национального возрождения». Активная деятельность проникнутой национальными идеями словацкой интеллигенции в интересах широких народных масс особенно оживилась в 30-е гг. XIX в., когда она органи-

¹ Йозефинизм — термин, изначально обозначавший церковную политику императора Иосифа (Йозефа) II, но впоследствии ставший синонимом всего комплекса реформ просвещенного абсолютизма 1780—1790 гг. (естественное право, общественное благо и др.). В Словакии йозефинизм имел приверженцев особенно в рядах интеллигенции, которые примкнули к реформаторскому движению в стремлении исправить тяжелое экономическое и социальное положение, прежде всего феодально-зависимого крестьянства.

зовывала разные общества и кружки, воскресные школы, читальни, театральное любительство и т. п.

3.2. Секуляризация культурной жизни

На протяжении XVIII в. в культурной жизни произошли принципиальные изменения, вследствие чего конфессиональная принадлежность уже не играла в ней решающей роли. Примерно в одно время в католической и некаатолической среде незыблемость ортодоксии пошатнулась, что для католиков явилось симптомом укрепления их церкви в смысле «*ecclesia triumphans*» («победоносная церковь»), а для некаатоликов — социально значимой гарантией их выживания в процессе крайне усилившейся контрреформации. Истощенность внутренней энергии барокко, которое в Словакии было представлено архитектурными формами монументальных строений и произведений изобразительного искусства («Голгофа» в Банской Штявнице, монастырские комплексы в Ясове, Вельких Левах и др.), толкала на поиски новых средств выражения переживаемого душой религиозного чувства. Существенную роль в этом процессе сыграло проникновение идей янсенизма¹ и пиетизма², которые, однако, пробивали себе дорогу с большими проблемами (пиетизм) или с опозданием (поздний янсенизм, например, нашел своих приверженцев не ранее поколения священников — сторонников политики Иосифа II). Пиетисты в своем стремлении к воспитанию совершенной личности проявляли большой интерес к системе образования и к научным исследованиям. Организатором научно-исследовательской работы в масштабе всей Венгрии явился Матей Бел³, который наряду с деятельностью на ниве

¹ Янсенизм — близкое к кальвинизму религиозное учение, ведущее начало от учения голландского богослова Янсения (1565—1638) и распространившееся во многих странах Западной Европы в XVII—XVIII вв.

² Пиетизм (от лат. благочестие) — возникшее в конце XVII в. в лютеранстве течение, ставившее своей целью усиление влияния религии на основе строгого благочестия и религиозного подвижничества в повседневной жизни; ортодоксально-догматические верхи лютеранской церкви в Венгрии добивались запрета пиетизма.

³ Бел, Матей (1684—1749) — видный представитель венгерской и словацкой культуры, родом из братиславских немцев, приверженец пиетизма. Центр тяжести его деятельности лежал в научной работе, в организации научных исследований в Венгрии. Он состоял в переписке с многими зарубежными учеными, в том числе с Петербургской Академией наук. Его труд «*Notitia Hungariae...*» (5 тт., 1735—1742) получил высокую оценку за пределами Венгрии. Бел стал известнейшим венгерским ученым в Европе, был избран членом-корреспондентом Лондонского Королевского Общества, Берлинской Академии наук и ряда других научных обществ.

лютеранской церкви занимался созданием первого краеведческого труда о Венгрии («*Notitia Hungariae novae historico-geografica*» — «Новое историко-географическое описание Венгрии»).

Новые идейные течения, подточившие монолитный образ барокко, распространялись и посредством организованного государством просвещения. Реформа Трнавского университета была проведена по образцу Венского университета. На философском факультете добавились лекции по естественнонаучным дисциплинам, при этом уделялось внимание проведению опытов и наблюдений (в 1755 г. основана астрономическая обсерватория по проекту Максимилиана Хелла). Возникли новые кафедры — для подготовки специалистов по камералистике¹, мировой истории, на юридическом факультете появились курсы естественного и международного права, в качестве преподавателей принимали светских лиц. Заинтересованность государства в подготовке квалифицированных специалистов нашла свое выражение в создании экономической школы для будущих чиновников (*Collegium oeconomicum*, т. е. Экономический коллегийум, 1763—1770, Сенец), а также Горной академии (*Bergakademie*) в Банской Штявнице (1762 или 1770 гг.). Это фактически высшее учебное заведение горного дела явилось отражением внимания государственных органов к горнорудной отрасли. На должность преподавателей в Горной академии назначались авторитетные отечественные и иностранные специалисты (Николаус Жозеф Жакен, Николай Пода, Джованни Антонио Скополи, Криштоф Делиус, Антон Рупрехт, Кристиан Доплер и др.). Деятельность ученого сообщества в Банской Штявнице, как магнит, притягивала специалистов из-за рубежа, и в 1786 г. по инициативе Игнаца Борна они съехались на первый всемирный конгресс по проблемам металлургии в Склёных Теплицах (второй состоялся в 1816 г.).

Однако отечественных научных и образовательных центров было явно недостаточно, чтобы могли найти себе применение специалисты, в том числе возвращающиеся в Словакию после учебы за границей. Получение высшего образования за рубежом было делом в первую очередь молодежи протестантского вероисповедания, поскольку в Венгрии не было учебных заведений теологического профиля, а протестанты чаще всего выбирали именно этот род деятельности. Перевод университета из Трнавы в Буду (1777 г.) тоже означал потерю непосредственных стимулов для развития научных исследований. Многие видные естествоиспытатели устроились работать в Вене (Максимилиан Хелл, Йозеф Максимилиан

¹ Камералистика, или камеральные науки — курс административных и экономических дисциплин, преподававшихся в XVII — XVIII вв. в университетах ряда западно-европейских стран.

Пецвал), за границей (Ян Андрей Сегнер¹, Матей Бучани) или в университете, который открылся в 1784 г. в Пеште (Штефан Аниан Едлик и др.). Несмотря на то, что многие работающие в Словакии преподаватели Королевских академий и лицеев были членами Венгерской академии наук (1830) и Венгерского королевского естественного общества, в Словакии, если не считать специалистов из Горной академии, научной деятельностью занимались в меньшем объеме и преимущественно с упором на краеведческие дисциплины (статистика, демография, картография, этнография, политическая экономия). Тем не менее представители этих дисциплин были учеными общевенгерского значения (Мартин Швартнер, Андрей Демиан, Ян Липски, Ян Чаплович, Самуэль Бредецки, Грегор (Гергей) Берзевици).

Специфическую направленность имело объединение «Словацкое научное товарищество» (1792—1800), у которого, вопреки названию, профилирующей была не научная, а издательская деятельность. Стараниями его многочисленного коллектива (581 человек) издавались и расходились по Словакии книги, проповедующие повышение материального и нравственного уровня народных масс. Поэтому диапазон их изданий простирался от популярной энциклопедии сельского хозяйства, краткого изложения словацкой истории и вплоть до духовной (рассчитанной на внутреннее созерцание) литературы и театральных пьес. Более опутимо ориентировались на развитие научных исследований региональные научные общества в Банской Штьявнице и в особенности «Научное общество Малогонтское» (1808—1845), которые имели и собственные периодические издания.

Обмирщение в известной мере коснулось и таких специфических компонентов церковной структуры, как школы, либо напрямую относящиеся к ведению церкви, либо как ее специальные подразделения. Католические духовные семинарии освоили методику подготовки клира с установкой на деятельность среди широких народных масс, и в их учебных программах фигурировала педагогика, основы сельского хозяйства и санитария и гигиена. При семинарии в Спишской Канитуле в 1819 г. возник самостоятельный учительский курс, куда принимали студентов из мирян. Обучению в народных школах начали уделять внимание и ордена, которые в предыдущие периоды вообще не занимались такой деятельностью (францисканцы).

¹ Сегнер, Ян Андрей (1704—1777) — словак по происхождению, венгерский ученый широкого профиля; занимался математикой, физикой, медициной, ботаникой, но наибольших научных результатов достиг в гидравлике. Изобретенное им в 1750 г. устройство, названное «сегнеровым колесом», явилось прообразом гидравлической турбины. Был членом Петербургской и Берлинской Академий наук, Лондонского Королевского Общества.

3.3. Начало становления гражданского общества

Создание первых объединений в форме элитарных обществ (масонские ложи, научные общества), с одной стороны, и народно-воспитательных (просветительных), с другой, явилось точкой отсчета, с которой в первой половине XIX в. общество начинает организовываться на принципах общего интереса и безотносительно к сословной или конфессиональной принадлежности. Хотя в Словакии этот процесс представлен лишь отдельными примерами, это не умаляет его значимости. Ведь он протекал в условиях неблагоприятной политической обстановки (период наполеоновских войн, затем режима Меттерниха), после экономического коллапса (1811 г.) и в рамках малочисленного и экономически малоомощного среднего слоя. Однако несмотря на это, его проявления заметны прежде всего в специфически культурной сфере.

Поскольку в рассматриваемый период публичная политическая жизнь вне стен парламента практически была невозможна, то объединение и гражданская активность находили выход из положения в культурных мероприятиях. Собраниям общественности на них положили начало концерты оркестра архиепископа Йозефа Баттiani (1776—1783), на которые вход был свободный, и работа постоянного театра в Братиславе (1776). Постоянные театральные сцены вскоре появились и в других городах (Кошице, 1789 г.; Смолник, 1806 г.; Трнава, 1831 г. и т.д.) и курортных центрах (Бардеёвске Купеле, 1817 г.). Особенно широкое распространение получило любительское музицирование, которое вышло за рамки аристократических салонов и дало толчок созданию и публичным концертам музыкальных школ (Братислава, 1778 г.; Кошице, 1784 г.; Трнава, 1833 г.) и образованию музыкальных обществ (Братислава, 1815 г.; Кошице, до 1819 г.; Трнава, 1833 г.). Во всех видах этой культурной деятельности и среди активных исполнителей произведений искусства, и в качестве публики участвовала широкая общественность.

Какими бы ограничениями ни обставлялась публичная политическая жизнь, она все-таки вовлекала в себя общественность, хотя и медленнее, чем в других странах. В этом смысле в Венгрии и конкретно в Словакии важную роль сыграли газеты и другие виды периодической печати (календари), которые в пределах дозволенного цензурой выражали свое отношение к политическим событиям. Главенствующее положение занимала газета «Пресбургер цайтунг» (1764—1929), информационное агентство которой (по большей части она перепечатывала сообщения из венских газет) удовлетворяло запросы на текущую информацию. Она выходила большим тиражом (4000 экземпляров) и распространялась по всей Словакии. Впрочем, здесь находили своих подписчиков и многие немецкие газеты (из Вены, Лейпцига, Гамбурга, Эрлангена и др.), а в читальнях — и другая иностранная периодика (особенно французская).

Но, с другой стороны, относительно малый спрос и высокий уровень уже существующих периодических изданий затормозил развитие газет на местном языке: первая словацкая газета «Прешпурске новины» просуществовала только 1783—1786 годы. Подобная судьба, особенно в XVIII в., постигла и венгерскую периодику («Мадьяр хирмондо», «Орфеус»). Однако условия для их издания постепенно менялись к лучшему, поскольку газеты считались формой проявления венгерской (официальной) культуры. Вошло в обычай для совместных обсуждений и мероприятий по интересам группироваться вокруг газет. В таком виде функционировали главным образом региональные периодические издания, выходящие в свет не слишком часто (кружок Карла Готлиба фон Виндиша в Братиславе при «Унгаришес магацин», 1781—83 и 1791—92; Ондreja Плахи в Банской Быстрице при газете «Старе новины литерниго умнени», 1785—86). Почву для сближения городских сливок общества предоставляли городские казино¹, из которых нередко исходили импульсы для модернизации городской инфраструктуры.

4. ОТ ЭТНИЧЕСКОЙ НАРОДНОСТИ К СОВРЕМЕННОЙ НАЦИИ — НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ СЛОВАКОВ

4.1. Исходное положение носителей этнического сознания

4.1.1. Проблема литературного языка

В сознании образованного, тем более мыслящего человека — представителя словацкого этноса в рассматриваемый период отражалось несколько уровней его существования. Принадлежность к какому-нибудь привилегированному сословию не являлась фактором, который вплоть до периода формирования современной венгерской (мадьярской) нации и связанной с этим мадьяризации создавал бы какие-то противоречия. Признать себя представителем *natio hungarica* значило большее или меньшее отождествление себя с конституцией и политическим устройством Венгрии, верность короне св. Стефана и территориально обусловленный патриотизм. У многих представителей мелкого или среднего дворянства не существовало разлада между сословной принадлежностью и этническим сознанием, по крайней мере, оно не должно было более или менее ощутимо проявляться, пока, например, на заседаниях комитатов (жуп) его не начали осуждать как свидетельство «ненациональной» позиции.

¹ Казино — зд. привилегированное заведение клубного характера.

Большую роль играла проблема конфессиональной принадлежности, потому что протестантская и католическая церкви воспитывали свою паству в разном языковом самосознании и в духе разной исторической традиции. Поэтому выявление общих черт и перестройка сознания в духе общности были делом сравнительно долгого периода сосуществования двух конфессионально обусловленных групп в рамках единого этнического организма. Хотя верующие, принадлежащие к протестантской церкви, вплоть до 1781 г. имели проблемы с отстаиванием своих прав гражданского состояния, их церковная организация и литургия позволили им утвердиться как этнически определенная группа. Суперинтендантство и даже низшие ступени евангелической церковной организации (церковные синоды) согласились с принципом учета этнической принадлежности при назначении на те или иные функции, и это решение было и кодифицировано в форме официально подтвержденного договора представителей церковных синодов (1743 г., договор восточнословацкого дистрикта). Литургическим языком был чешский язык Кралицкой Библии XVI в. (так называемая библичтина). Если в эпоху Реформации она была для словаков скорее всего лишь доступным, понятным языком, то в XVIII в. она уже служила своего рода почти каноническим символом единства и крепости евангелического вероучения. В обиходном письменном общении библичтину уже вытеснял родной разговорный язык, но евангелики вплоть до 1843 г. отказывались принять его кодификацию и употреблять в сфере литературы.

Вместе с чешским языком в сознание словацких евангеликов вошло понятие родства с чешским этносом, а главное, они утвердились в мысли о тесной теологической и конфессиональной связи со всей «чешской Реформацией». В их представлении эволюция шла от Яна Гуса прямо к Мартину Лютеру, и это являлось для словацких лютеран, особенно весь XVIII век, психологической опорой при сопротивлении католической реакции, источником гордости и сознания своей обязанности помочь обновляющейся евангелической церкви в Чехии. Из этой умозрительной конструкции выросла концепция чешско-словацкого племени (нации), которая долгое время владела умами значительной части представителей словацкого этноса. У ее истоков в XVIII в. стояли Матей Бел, Ладислав Бартоломейдес, Михал Инститорис Мошовский-младший.

Словацкие католики во всех видах коммуникации пользовались живым местным языком — словацким. Его культурное подобие стихийно складывалось на основе того культивированного языка, на котором общались между собой образованные люди из культурного центра Словакии — ее западной области. Его форма шлифовалась преимущественно под влиянием печатной литературы, издававшейся университетской ти-

пографией в Трнаве. Однако культурный западнословацкий язык имел тот недостаток, что это не был язык Библии (первый полный католический перевод от 1763 г. остался в рукописи) или хотя бы обязательного и единого для всех католиков сборника церковных песнопений, аналогичного «Траносциусу»¹, и это обстоятельство служило препятствием для его широкого распространения. При кодификации его окончательного варианта исключительно большую роль сыграла реформа школьного образования, в ходе которой надо было создать учебники словацкого языка. За научную разработку грамматики, синтаксиса и т. д. взялась теоретически подготовленная группа студентов Генеральной семинарии в Братиславе во главе с Антоном Бернолаком². В результате был опубликован «Филологическо-критический трактат о словацком написании» (1787 г.) и введен словацкий литературный язык, получивший название бернолаковчина. До середины XIX в. на нем выходили многочисленные произведения католических авторов, был также издан словарь Антона Бернолака в 6-ти томах (1825—1827) и Библия (1829—1832).

Нежелание признать один из двух употреблявшихся в словацкой письменности языков в качестве общенационального литературного языка и репрезентативного атрибута всего национального коллектива было обусловлено фактором конфессиональных различий, несмотря на межконфессиональное сотрудничество на почве издательской или другой культурной деятельности в 20—30-е гг. XIX в. Однако в период надвигавшейся опасности мадьяризации (30—40-е гг.), когда словаки стремились заявить о себе как самостоятельный народ со своим собственным литературным языком, проблема общенационального литературного языка приобрела значение насущной необходимости. Ожидания, что библичина (язык Кралицкой Библии) станет общим языком чехов и словаков, не оправдались ввиду самобытного и ускоренного развития современного чешского языка, а потому утратили свои основания. И только деятельность поколения, группировавшегося вокруг Людовита Штура, которое при формировании программы развития национального движе-

¹ «Траносциус» — зд. общепринятое название первого канционала словацких евангеликов, составленного евангелическим пастором и религиозным писателем, чешским эмигрантом в Словакии Юраем Трановским (1592—1637) и изданного в 1636 г. в Левочке.

² Бернолак, Антон (1762—1813) — теолог по образованию, католический священник, автор трудов, в которых кодификация словацкого литературного языка получила законченное и детальное оформление — «Правописание» (1787), «Словацкая грамматика» (1790), «Этимология словацких слов» (1791) и капитальный «Словарь словацко-чешско-латинско-немецко-венгерский», изданный после его смерти. Бернолак был также одним из основателей «Словацкого научного товарищества» (1792) в Трнаве и его первым председателем.

ния ставило надконфессиональные цели (упор делался прежде всего на социальную проблематику), позволила преодолеть языковое размежевание последователей национального движения. Новую форму литературного языка, основанную на узусе живой речи из региона средней Словакии, в 1843 г. разработал Людовит Штур. Официально этот литературный язык был принят в 1847 г. на совместном заседании представителей национального движения из обоих конфессиональных лагерей.

4.1.2. Проблема исторической традиции

Не только проблема единого литературного языка долгое время являлась дифференцирующим фактором внутри формирующегося национального коллектива. К числу его атрибутов на тот момент, кроме языка, относилось и общее историческое сознание, или же историческая обоснованность прав на участие в государственной власти. В представлениях того времени, всем этим обладали так называемые исторические народы, которые могли с помощью исторических свидетельств обосновать свои требования в различных сферах общественно-политической жизни (образование, культурные институты, органы политической власти). У словаков же какая-либо общая традиция такого рода длительного времени полностью отсутствовала, и в связи с процессом национального движения вопрос стоял не о восстановлении или реконструкции, а вообще о создании приемлемой для всех концепции общего прошлого.

В этом смысле под традицией подразумевались не сложенные народом и передаваемые от поколения к поколению эпизоды исторического опыта, запечатленные в народной словесности, а разработанная на высоком теоретическом уровне система воззрений на прошлое, которая призвана служить национальным интересам. Созданные историками эпохи гуманизма представления о судьбах античной Паннонии, к которой относилась и большая часть словацкой территории, на протяжении XVIII в. начали дополняться этническими характеристиками ее населения. Первоначальными жителями (автохтонами) Паннонии стали считать непосредственно предков или прямо самих словаков. Наконец, значительно передвинулось именно на территорию Паннонии-Словакии, со ссылками на исторические источники, местоположение Великой Моравии. Однако ее «спорный» конец (поражение от мадьяр, венгров) вызвал проблемы с изложением начальной истории словаков. Это выявилось уже в начале XVIII в. (1722 г.), когда преподаватель венгерского права в трнавском университете Михай Бенчик в своем сочинении ополчился против претензий сословий одного из словацких комитатов (Тренчин) на участие в управлении. Атака, направленная против евангелического магистрата, была оскорбительна для сословий в целом. Дело в том, что использован-

ный Бенчиком аргумент, будто словаки продали свою землю пришедшим сюда венграм и тем самым отреклись от власти над собственной территорией, ставил под сомнение основополагающие права представителей венгерской политической нации (*natio hungarica*), для которых до тех пор этническая принадлежность не имела сколько-нибудь существенного значения. В ряде ответных сочинений («*Murices, sive Apologia*» — «Тернии, или Апология» Яна Балтазара Магина в 1728 г., «Изображение древней Венгрии» Самуэля Тимона в 1733 г.) была изложена теория о гостеприимной встрече венгров и заключении договора об общем венгерском государстве, которая позволяла обосновать равноправное положение словаков в прошлом и теперешнем венгерском королевстве. Эта линия исторической аргументации продержалась до середины XIX в. Ее концептуально обогатили Матей Бел и Адам Франтишек Коллар, которые приписали раннему венгерскому государству не только равноправие населявших его народностей, но и ярко выраженные черты демократического образа правления (отсутствие феодализма).

Сложно было найти выход из положения и в связи с фактом самого существования Великой Моравии, особенно имея в виду ее трагический конец. Некоторые писатели, отдавшие предпочтение теории «гостеприимства» (Бел, Тимон), объявили носителей верховной власти в Великой Моравии чуждым словакам слоем поработителей, которые фактически силой включили их в государственное образование вместе с мораванами. Выдвигалась и другая версия, в которой Великую Моравию пришлось переместить на территорию за пределами Словакии — в Сербию и Славонию (Юрай Скленар). Однако во второй половине XVIII в. окончательно утвердилось представление о Великой Моравии как первом государственном образовании словаков на той самой территории, которую и теперь населяли словаки («История словацкого племени» Юрая Папанека, 1780 г.). В литературной обработке в жанре героико-эпической поэмы («Сватоплук» 1833 г. и «Кирилло-Мефодиада» 1835 г. Яна Голлы) это представление вошло и в сознание широкой общественности. Проще обстояло дело с включением в историческое сознание деятельности святых Кирилла и Мефодия как символа христианской и культурной зрелости предков словацкого народа. Хотя проповедуемый государственными авторитетами барочный культ изначально имел специфическое значение в процессе восстановления позиций католической церкви, в данной интерпретации в конфессиональном смысле он носил нейтральный характер и был приемлем для всех.

Отождествление себя с идеей государства, которое существовало сравнительно задолго до возникновения Венгрии, представляло собой первый шаг на пути «поиска родины» — вычленение этнически определенной

территории, в данном случае пока еще «на почве» прошлого. При этом легитимность венгерского государства никоим образом не ставилась под сомнение. Как раз напротив, Венгрия в версии о «гостеприимной встрече» венгерских племен выступала государством-«наследником» Великой Моравии. С помощью этого построения можно было подчеркнуть сопричастность славян-словаков к созданию Венгрии, что вело к расширению понятия венгерской сословной (политической) нации. Оно должно было заключать в себе одинаковые политические права и для тех, кто в процессе формирующегося национального движения заявили о себе как о представителях этнически конкретной словацкой нации. Лояльность по отношению к венгерскому государству в форме венгерского патриотизма оставалась в силе фактически вплоть до развала Габсбургской монархии.

4.1.3. Проблема принадлежности к славянской группе народов

Начальные фазы национального движения словаков были связаны, кроме выработки представлений о своем прошлом, еще и с определением своего места в рамках более объемной общности — «славянства». Многочисленность славянских народов и ширь занятого ими пространства на большей части Европы служили мощной психологической поддержкой, особенно для народа, который сам не имел собственного государства. Существенным фактором при создании представления о славянском «народе» явилась его роль во времена защиты христианского мира от турок. Так называемый барочный понятийный «славизм» на протяжении XVIII в. поднимается на уровень изучения языка и истории отдельных «племен». Словаки, благодаря языковедческим трудам Антона Бернолака, в ходе этого процесса пришли к осознанию, что они являются особым племенем (по современной терминологии — народом). При этом среди евангелической интеллигенции продолжало жить и представление об общем «чешско-словацком племени». Однако ввиду того, что в политическом мышлении венгерского истеблишмента в начале XIX в. зародилась идея привлечь венгерскую культуру и язык в качестве инструмента для создания сильной политической венгерской нации (процесс мадьяризации), возросла также роль и функциональная значимость представлений о родстве со славянскими племенами-народами. Эти представления получали дополнительный стимул благодаря военным и дипломатическим успехам России во время и после наполеоновских войн, а также благодаря идеям Иоганна Готфрида Гердера о роли отдельных «народов» в развитии человеческой цивилизации. Славянская идея стала мобилизующим фактором и источником самосознания, и в то же время на нее возлагалась и интегрирующая функция.

Автором концепции, в рамках которой должна была воплотиться в жизнь идея славянского единства (взаимности), был Ян Коллар. Поскольку существующая политическая система не способствовала, с его точки зрения, развитию невенгерских народов, он не стал пользоваться понятиями «государство», «гражданство», «территория» при определении понятий «отчизна» и «нация». Более важное значение имело сознание биологического и культурного родства, близости языка, нравов и обычаев. В интересах усиления славянства в целом отдельным его «племенам» (т. е. формирующимся современным нациям) следовало отказаться от того, что отдаляло их друг от друга, конкретно словакам — от стремления утвердиться в качестве самостоятельной современной нации со своим собственным литературным языком. Идея славянской взаимности должна была воплотиться в жизнь прежде всего на почве культуры, чему призван был служить, помимо прочего, и общий славянский язык, созданный как искусственная система Яном Геркелем (в 1826 г.).

Хотя идея славянской взаимности явилась исключительно словацкой реакцией на условия их национального развития, в те времена она пользовалась признанием и у других славянских народов. Она дала толчок масштабным этнографическим и историческим исследованиям («Славянская этнография», 1842 г., «Славянские древности», 1836—1837 гг. Павла Йозефа Шафарика). Стали более интенсивно развиваться связи между представителями национальных движений отдельных славянских народов, достигшие кульминации в состоявшемся в Праге в июне 1848 г. Славянском съезде. Большой международный резонанс получило поэтическое произведение Яна Коллара «Дочь Славы» — аллегория славянской взаимности и гуманности. Идея славянской взаимности («панславизма») оказала влияние и на политику венгерских властей, в ней усматривали тенденции к объединению славянских народов с Россией, и в связи с этим подвергались преследованиям ее мнимые или действительные приверженцы (студенческие общества 30-х гг., Людовит Штур).

4.2. Периодизация национального движения словаков до середины XIX века

Процесс формирования современной словацкой нации, часто не совсем точно обозначаемый и как национальное возрождение, растянулся в своем непрерывном развитии и на вторую половину XIX в. Однако на эпоху 1711—1848 гг. приходится два его этапа, отмеченных ярко выраженными особенностями: 1. выработка представлений о прошлом и о характере своего народа, изучение и создание (литературного) языка, определение понятий «народ» (нация), «родина» и 2. распространение концептуально оформленных представлений среди широких масс народа.

Общепринятое в словацкой историографии деление на периоды по поколениям действующих лиц национального движения лишь отчасти совпадает с приведенным здесь принципом периодизации и в большей степени ориентируется на инициаторов народного движения, чем на тех, кому все эти возрожденческие стремления были адресованы.

Интерес к изучению прошлого и языка собственного этноса рос и развивался среди образованных людей Словакии еще с конца XVII в., однако долгое время он носил характер обыкновенного мифотворчества (например, возведение предков словаков к библейским праотцам, использование вымышленных исторических свидетельств) и апологетики (восхваления и защита словаков, словацкого языка). Просвещение, — или, с учетом словацких условий развития общественной мысли, тот комплекс философских и общественных взглядов, который обусловил непрерывную передачу глубоких разносторонних знаний широким слоям населения, — одновременно пробуждало жажду новых открытий. Носителями идей Просвещения были, с одной стороны, выпускники немецких университетов, с другой — отечественные последователи реформаторского курса венского двора. Развитие научно-исследовательской деятельности привнесло на протяжении XVIII в. критицизм прежде всего в изучение языка, наиболее значительный вклад в которое сделал Антон Бернолак. Забота о судьбе родного языка нашла свое выражение в книгоиздательских проектах, в большом объеме реализованных благодаря «Словацкому научному товариществу», которое объединило деятелей так называемого первого поколения словацких просветителей (80-е гг. XVIII в. — примерно 1820 г.). Уделялось внимание и повышению уровня нравственности и знаний народных масс или тех слоев общества, которые были способны воспринимать печатное слово. Диапазон издаваемых «Товариществом» книг был очень широк — от наиболее многочисленно представленной религиозной литературы, сочинений научного характера (например, «Усердный домашний и сельский хозяин», «Огородник», «О парах и пчелах»; «Физика» Павла Михалко), сочинений, посвященных общественно-политической проблематике (разъяснение смысла политики Иосифа II в отношении церкви в трактате «Доверительная беседа» Юрая Фандли) вплоть до типично беллетристических произведений (роман Йозефа Игнаца Байзы «Юноши Рене приключения и испытания»). Но наибольшее значение имело издание учебников, которые выходили тиражами в тысячу экземпляров. Анонимно издаваемые учебники для католических (руководимых государством) школ печатала университетская типография, язык, на котором они были написаны (бернолаковщина), сам собой указывает на круг их авторов. Евангелики издавали собственные учебники (Ядислав Бартоломеидес и др.), нередко они брали за образец современные немецкие учебники. Поскольку они не зависели

от официальных (государственных) учебных программ, то могли демонстрировать и тексты, направленные на пробуждение этнического самосознания (Ян Коллар, «Книга для чтения», 1821 г.).

Представители первого поколения просветителей (Антон Бернолак, Юрай Фандли, Юрай Рибай, Юрай-Иржи Палкович и др.) уже поставили себе целью создать организационную базу национального движения. При этом имелись в виду не «классические» формы кабинетных ученых вроде очередного «общества», которые и без того не превышали региональный уровень (составленный Юраем Рибай в 1793 г. всесловацкий проект осуществить не удалось). Большое значение придавали прессе, хотя первое сравнительно долговременное периодическое издание основал только в 1812 г. Юрай Палкович («Тыденик» — т. е. еженедельник). Особенно плодотворными оказались объединения на почве школ, они позволяли встречаться и сотрудничать людям со сложившимся национальным самосознанием. Такие объединения возникли на базе Генеральной семинарии в Братиславе (1784—1790) или евангелического лицея в Братиславе, в котором в 1804 г. появилась Кафедра чешско-словацкого языка и литературы.

Второе поколение просветителей (примерно 1820—1835 гг.) тоже занималось изучением языка (и расширяло его применение на практике) и истории словаков (Ян Коллар, Павол Йозеф Шафарик, Ян Голлы, Мартин Гамульяк и др.). Плоды их деятельности имели уже высокопрофессиональный уровень (научные труды Павла Йозефа Шафарика), в то же время масштаб их значимости свидетельствовал о необходимости формирования словацкого этноса в категорию самостоятельной нации. Именно в этот период были созданы выдающиеся литературные произведения, которые считались вершиной проявления «духа нации» (героико-эпические поэмы Яна Голлы, «Дочь Славы» Яна Коллара). Увенчались заметным успехом и усилия объединить просветителей обоих вероисповеданий для сотрудничества в издательских проектах. Взаимная поддержка публикаций переросла в образование надконфессиональных культурных объединений («Словацкое читательское общество», Пешт, 1826 г.; «Общество любителей языка и литературы словацкой», Пешт, 1834 г.) и совместного издания литературных альманахов («Зора», 1835). Необходимость общими усилиями противостоять утверждающейся гегемонии венгров в культурной и политической жизни Венгрии привела к кооперации для издания за пределами страны работ, которые информировали общественность других стран о положении словаков в Венгрии (Михал Куниш, Самуэль Гойч, Матей Людовит Шугайда и др.).

Несмотря на все усилия, социальную базу национального движения составлял лишь очень тонкий слой образованных людей. Основное внимание по-прежнему было сосредоточено на языковой программе, и не

очень удавалось активизировать адресатов своих усилий. И только третье поколение деятелей национального возрождения (Людовит Штур, Янко Крадь, Михал Годжа, Йозеф Милослав Гурбан и многие другие, примерно 1835—1848 гг.) сумело преодолеть ограниченность прежних начинаний и осуществить успешную унификацию и кодификацию языка (1843 г.). Новое поколение сформировалось на базе студенческого общества в евангелическом лицее в Братиславе вокруг преподавателя Кафедры чешско-словацкого языка и литературы Людовита Штура. Но деятельность штуровцев была связана не с одним только центром — Братиславой, — а систематически охватывала все новые районы Словакии, потому что их программой уже предусматривалось вовлечение в орбиту национального движения и народных масс посредством объединений социальной направленности (в частности, кредитных кооперативов, 1845 г.), которые они сами создавали и возглавляли. Наряду с этим они начали вести агитацию за те требования, которые они провозгласили основополагающими интересами нации.

Радикальность политической жизни в Венгрии и в Европе вообще проявилась в политическом характере требований и в предъявлении их различным ступеням государственного управления (например, петиция против мадьяризации в 1842 г. была адресована императору). Кроме требований, относящихся к сфере культуры и сформулированных в виде программы о языке (право на образование и частично на контакты с официальными учреждениями на родном языке), в середине 40-х гг. в прессе («Словенске народне новины», 1 августа 1845 г.) начали появляться требования политического характера, касающиеся отмены системы феодальной зависимости, реформы судопроизводства, избирательной системы и т. п. Таким образом, уже перед революцией 1848 г. возникла программа реформ, которая по своим политическим параметрам была вполне совместима с программой демократических и экономических преобразований венгерского либерального движения. Но сверх того она содержала требование создания условий, которые обеспечили бы развитие словацкого народа (нации).

VI. НА ПУТЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ. 1848—1918

1. ОБЩЕСТВО В СЛОВАКИИ. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОСЛОВНЫХ СТРУКТУР В ГРАЖДАНСКИЕ

1.1. Демографическое и социальное развитие и урбанизация

Регулярная перепись населения, которая в невенгерской части Габсбургской монархии проводилась еще с 1778 г., в Венгрии начала проводиться только в 1869 г., после австро-венгерского государственно-правового соглашения. Специальные критерии при рассмотрении демографических характеристик в последние десятилетия XIX в. позволяют сделать сравнительный анализ и получить относительно достоверную картину развития общества.

Развитие народонаселения Верхней Венгрии — современной Словакии — в середине XIX в. производило весьма неблагоприятное впечатление. Неурожаи и голод в 40—х и 50-х гг., военные действия в революционные 1848—1849 годы и эпидемия холеры в 1855 г. обусловили снижение численности населения. В 1857 г. на территории Словакии в ее современных границах жило порядка 2,4 миллиона человек, из них почти 1,5 миллиона словаков.

Долгие мирные десятилетия после прусско-австрийской войны (1866 г.), отсутствие радикальных политических потрясений, модернизация сельского хозяйства, фабричное производство товаров повседневного потребления, развитие здравоохранения и гигиены, улучшение жилищных условий и питания позитивно сказались на росте населения. В Венгрии численность населения повысилась с 13,6 миллиона (1869 г.) до 16,7 миллиона (1900 г.), что составляет прирост на 23,3%. Увеличение численности населения на территории Словакии достигало тогда только 12,3%. При этом рождаемость в Словакии была на 4 — 5% выше среднего показателя по всей Венгрии. Неблагоприятные географические условия, экономическая отсталость, высокая степень пауперизации, перенаселенность аграрных областей и как следствие эмиграция обусловили низкий прирост в Спише, Шарише, Ораве, в Липтове, Аbove и Гемере.

Тенденции развития народонаселения в начале XX в. определялись умеренным снижением рождаемости и более быстрым снижением смертности, вследствие чего теоретически население должно было возрасти. В действительности же рост численности населения заметно замедлился. Причиной тому была внутренняя миграция в другие области Австро-Венгерской империи и массовая эмиграция за границу. В эпоху дуализма численность населения Венгрии возросла до 18,3 миллиона человек (1910 г.). Потеря вследствие миграции составляла 21% от естественного прироста населения. В Словакии число жителей выросло до 2,9 миллиона, причем миграция сократила естественный прирост на целых 58%.

В структуре населения по половой принадлежности во второй половине XIX в. численность женщин была выше (51—52%). Наибольшей доли (53%) в общей численности населения они достигли на рубеже веков, когда из Словакии эмигрировали преимущественно мужчины. Самый высокий показатель превышения численности женщин относится как раз к областям с наивысшим процентом эмиграции. С начала XX в. за границу стали переселяться целыми семьями, так что превышение женщин в составе населения вернулось к первоначальному уровню. Возрастные пирамиды тоже свидетельствуют о сокращении мужской группы в репродуктивном возрасте вследствие эмиграции. Согласно анализу Эмиля Стодолы (1912 г.), семья в Словакии относилась к пограничному типу между восточно-европейским и западно-европейским типом. В сельских местностях Словакии преобладало сравнительно высокое число состоящих в браке, более низкий брачный возраст у женщин и высокая рождаемость. Исключение составляют южнословацкие области с калвинистским населением, где по соображениям наследования имущества доминировали семьи с одним—двумя детьми. В среднем на одну супружескую пару в Венгрии приходилось 4 детей. Однако статистики констатировали снижение рождаемости с конца XIX в. В урожайные годы, особенно когда уродилось много картофеля, который играл большую роль в рационе питания словаков, число заключения браков и рождаемость росли. В городах число состоящих в браке было наполовину ниже, чем в сельской местности. По сравнению с Западной Европой, в Венгрии рождалось много внебрачных детей (около 17% от всех рожденных), в Словакии — больше всего в Братиславе и в восточнословацких жупах с высоким показателем эмиграции.

Сдвиги в социальной структуре соотносились с медленным темпом модернизации страны. Хотя Венгрия по-прежнему оставалась аграрной страной, но доля сельскохозяйственного населения постепенно сокращалась с 80% (в 70-х гг.) до 62% (в 1910 г.). В 1910 г. в Словакии около 63% населения было занято в сельском хозяйстве и более 18% в про-

мышленности. В чешских землях в этот период доля промышленного населения (39%) превышала сельскохозяйственное (34%). Эмиграция лиц в самом продуктивном возрасте обусловила сокращение численности экономически активного населения в Словакии с 48% (1869 г.) до 43% (1900 г.). В структуре занятости в Словакии преобладало экономически несамостоятельное население: 68% от всех работающих в 1869 г., более 70% в 1900 г. (42% и соответственно 46% — занятых в сельском хозяйстве, 7% и соответственно 11% — рабочих и служащих в промышленности и ремеслах, 16% и соответственно 9% — прислуга и поденщики).

Из экономически самостоятельных самую многочисленную группу составляли собственники и арендаторы в сельском хозяйстве (25% и соответственно 21% всех занятых в этом секторе). Внутри группы самостоятельных предпринимателей (около 5%) существовало сильное расслоение. Наиболее многочисленную часть составляли цеховые ремесленники, с 50-х гг. — мелкие ремесленники-предприниматели. В 1900 г. в Словакии было около 69 000 предприятий, из которых 60% составляли мелкие предприятия без подсобного персонала. С другой стороны, рос слой промышленной средней и крупной буржуазии. Некоторые группы капиталистов прошли эволюционный путь от мелкого предпринимательства, другие — путем превращения феодальных землевладений в металлургические заводы, химические предприятия, стекольные заводы, сахароваренные заводы и современные аграрные предприятия. Количество предприятий с персоналом в 20 и более человек составляло всего 0,6%, но на них было занято целых 47% рабочих и другого персонала (1900 г.).

Эпоха индустриализации, коммерциализации и специализации принесла с собой новые профессии и упадок некоторых старинных ремесел. Социальная структура формировалась под влиянием имущественного и финансового расслоения и общественного статуса и престижа. Социальное неравенство отражалось на качестве жилья, условий труда, воспитания или медицинского обслуживания в отдельных социальных группах. После падения сословной системы представители средних и высших слоев тратили много энергии на демонстрацию своего положения в обществе или своих претензий на значительность. Отношения в домашней обстановке, столование, вежливость, этикет, форма обращения и титулование, способ удовлетворения культурных запросов, публичный ритуал и церемониал в повседневной жизни, начиная порядком размещения в церкви и кончая иерархией погребений на кладбище, — все это служило символическими знаками различия.

Исключительное положение в обществе по-прежнему принадлежало дворянству. Хотя монополия аристократии на светские и церковные посты и должности уже с XVIII в. была подорвана и приоритет отдавался

высокому профессионализму, но благодаря своему экономическому, политическому и культурному капиталу знать все еще занимала доминирующее положение на вершине общественной пирамиды. Огромные земельные владения обеспечивали ей экономическую гегемонию. Существенные перемены происходили в экономической деятельности аристократии, которая занималась уже и промышленным предпринимательством. На территории Словакии имели свои родовые имения, дворцы-усадьбы, а также рудники, металлургические заводы, фабрики многие старинные магнатские фамилии: Андраши, Палфи, Аппони, Зичи и другие. Они пользовались политическим влиянием как в столице, так и в жупах и местечках. Как и прежде, они оставались образцом культуры для мещанства, которое пыталось подражать их образу жизни, в частности, перенимая их привычку бывать на курортах, путешествовать, посещать культурные мероприятия. Среднее дворянство (джентри) погрязало в долгах, а мелкое дворянство (земане) начинало сливаться с помещиками-однодворцами, а то и вовсе с крестьянами. Однако они продолжали проявлять свой гонор, а джентри поддерживать свой роскошный стиль жизни. Параллельно с процессом влияния аристократических образцов на мещанство происходил обратный процесс «омещанивания» сельских мелкопоместных дворян (джентри), сыновья которых получали «мещанские» профессии, а дочери выходили замуж за представителей городской интеллигенции или за торговцев.

Наряду с крупными земельными собственниками и земельными арендаторами набирала силу и предпринимательская буржуазия, занимая командные высоты в банковском деле, коммерции, на транспорте и в промышленности. Росли и ряды среднего класса в городах — домовладельцев, рантье, чиновников высокого ранга, представителей свободных профессий. Самый большой процент от экономически активного населения составляла мелкая буржуазия: мелкие ремесленники и мелкие торговцы, которые зарабатывали средства к существованию преимущественно собственным трудом и трудом членов своей семьи, но главное — среднее и мелкое крестьянство. Крестьяне-середняки использовали наемную рабочую силу только на сезонных работах. Имущественное положение в словацкой деревне систематически менялось, так как после смерти главы семьи, хозяина, имущество, как правило, делилось между всеми потомками в семье. Поэтому слой зажиточных крестьян был чрезвычайно мал, а многие мелкие крестьяне не могли со своего надела даже прокормиться. Экономическая слабость средних слоев была обусловлена характером землевладения, преобладанием местечковой среды, этнической и конфессиональной неоднородностью, выше приведенным способом наследования, но и сильной конкуренцией аристократии в современном предпринимательстве и в общественной жизни. Расширяющаяся система об-

разования, здравоохранение, органы государственного управления, предпринимательский сектор требовали все большего числа чиновников и другого персонала из образованных людей. Растет число представителей так называемого нового среднего слоя — служащих.

Развитие промышленности в некоторых областях Словакии в начале XX в. повлекло за собой рост промышленного рабочего класса. Однако фабрики создавались преимущественно не в городах, а вблизи источников сырья или энергии — в сельской местности. Поэтому большинство словацких рабочих жили в деревнях, где обрабатывали небольшие участки земли и откуда ходили на работу на фабрики. Этот специфический образ жизни обусловил менталитет и формирование пролетариата: эти люди работали, как рабочие, но жили и думали, как крестьяне. Только часть рабочих жила в городах и составляла «классический» пролетариат. Больше всего рабочих было занято в пищевой промышленности, где работа не требовала высокой квалификации и отличалась сезонностью.

Утрата некогда доминирующего положения Словакии в Венгрии, которое выпало на ее долю в XVI—XVIII вв. вследствие османской оккупации, и снижение экономической, социальной и культурной значимости всего региона до уровня периферии проявились в XIX в. в медленном развитии городов. Только 28 селений имели более 5000 жителей, из них 7 — более 10 000 жителей (1869 г.). Низкий темп урбанизации и местечковый характер подавляющего большинства словацких городов, не исключая королевских городов, подтверждается, в частности, малым числом семей, приходящихся на один жилой дом: в королевских городах в среднем 1,4—2, 8 семьи на один дом, единственно в Братиславе — 5,4 семьи на дом (1857 г.).

Города в Словакии развиваются менее динамично, чем в центральных областях Венгрии. Значительный прирост жителей показывают промышленные города, железнодорожные узловые станции и некоторые города в областях с интенсивным сельским хозяйством. В начале XX в. процесс урбанизации ускорился. В 1910 г. в городах жило более 408 000 человек, т. е. примерно одна седьмая часть населения Верхней Венгрии. Городов с более 20 000 жителей было только три: Братислава, Кошице и Комарно, суммарно в них жило 145 000 человек.

Характерная особенность центрально-европейского региона — этническая и конфессиональная неоднородность — на территории Словакии приобретает исключительный масштаб. Наряду с численно преобладающими словаками тут жили немцы, венгры, русины, цыгане, несколько меньшим числом — хорваты, чехи и представители других народностей. Ввиду этнических различий и одновременно из-за принадлежности к разным христианским церквям (римско-католической, греко-католичес-

кой, лютеранской, кальвинистской или православной) или к иудейству, жители создавали разнообразные социо-культурные образования.

Согласно перениси тогдашних статистиков, в 1857 г. в Венгрии жило 1,62 миллиона словаков, из них 1,45 миллиона, т. е. 90% — на территории 16 верхневенгерских жуп. Главным образом вследствие миграции, но отчасти и вследствие политической обстановки, способствующей «ситуационной» ассимиляции (неоабсолютизм как времена «при немцах», после его падения подъем венгерского национализма), прирост численности словаков на их собственной этнической территории значительно сократился: в 1869 г. в Словакии жило уже только 84% общегосударственной численности словаков. Численность венгров за тот же период возросла на 25%, а немцев даже на 54%, что явилось результатом последнего притока немецких колонистов и особенно из-за новопереселенцев-евреев, которых на основе их языка — идиш — причисляли к немецкой национальности.

Неравномерное экономическое развитие отдельных регионов Венгрии и мадьяризация после Австро-Венгерского соглашения 1867 г. нашли свое выражение в деформации численного роста отдельных этносов. В эпоху австро-венгерского дуализма венгерские статистики отмечают прирост выше среднего у венгров и гораздо ниже среднего — у остальных невенгерских этносов. Кроме компактного расселения в верхневенгерских жупах, в диаспоре словаки жили в комитатах Бекеш (составляя почти четверть населения), затем Пешт-Пилиш, Чанад и т. д. В 1880 г. в Венгрии вне территории современной Словакии жило 266 000 словаков, в результате естественной, но и принудительной ассимиляции их численность в 1900 г. сократилась до 253 000 человек.

В конце XIX в. существенно изменился этнический состав городов. Резко возросло число жителей, которые указали своим родным языком венгерский: с неполных 27% до 49% городского населения (1880—1910 гг.). Численность словаков в городах хотя и возросла, но их доля в общей численности городского населения упала с 42% до 31%. За тот же период снизилась и доля немцев с 30% до 17%. Вследствие мадьяризации школьного образования и сферы управления общественная жизнь в большинстве городов приобрела венгерский характер. В двух самых крупных городах, в Братиславе и Кошицах численность венгров увеличилась на 176% и соответственно на 160% (1880—1900 гг.). Наиболее многочисленные городские конгломерации словацкого населения находились за пределами словацкой этнической территории, а именно в столице Венгрии Будапеште, в Вене, в нижневенгерских городах и в Америке.

Кроме миграции, на рост словацкого этноса отрицательно влияли и ассимилятивные процессы. Словацкая историография делала акцент на принудительных методах ассимиляции, в то время как венгерские исто-

рики указывали прежде всего на «естественную» ассимиляцию в связи с индустриализацией и урбанизацией. Оба процесса протекали параллельно и на протяжении длительного времени, и, несмотря на многократные аналитические разборы, трудно установить их долевое соотношение. Численность венгров (точнее, тех, кто объявляет себя венгром) на территории Словакии выросла с 22% до 30%, тогда как численность словаков сократилась с 61% до 58%, а немцев с 9% до неполных 7% (1880—1910 гг.). Интенсивная мадьяризация осуществлялась в городах и промышленных центрах и из-за денационализации средних слоев, особенно интеллигенции, деформировала социальную структуру словаков.

1.2. Эмиграция

Неблагоприятные социальные и экономические условия — пауперизация крестьянства и избыток дешевой рабочей силы — во всей Центральной и Юго-Восточной Европе в конце XIX в. вынудили большую часть населения эмигрировать в поисках работы. Единичные случаи переселения словаков за океан, особенно в США, встречались еще после революции 1848 г. Однако массовый характер эмиграция начала приобретать с 80-х гг., максимальный рост пришелся на 1905—1907 гг. Численность словаков, которые в 1870—1900 гг. эмигрировали в Америку, предположительно определяется в 180 000 человек. С начала XX в. до первой мировой войны эмигрировало почти 400 000 человек, менее трети из них вернулись обратно. В 1914 г. в Соединенных штатах Америки находилось около полумиллиона словаков, то есть примерно одна пятая часть всего словацкого этноса.

Словаки составляли самую большую часть эмиграции невенгерских этносов Венгрии. Почти 60% эмигрантов были родом из восточнословацких жуп Спиш, Шариш, Абов и Земплин. С точки зрения социальной структуры среди них преобладали малоимущие крестьяне. По большей части они не думали надолго задерживаться на чужбине, а хотели быстрее заработать побольше и вернуться. Многие совершали такие поездки за океан по нескольку раз. Поскольку в США за неквалифицированный труд больше всех платили шахты и сталелитейные заводы, то почти половина словацких эмигрантов устроилась в промышленной Пенсильвании. Некоторые работали на фермах, часть нашла работу в канадских лесах. Немногочисленную, зато очень активную группу иммигрантов составляли те, кто был вынужден уехать из Венгрии по политическим мотивам: священники, журналисты, учителя и т. п.

Постепенно там образовалось много словацких общин, которые сосредотачивались в рамках своих приходов. В новых, более демократических условиях они уже с 80-х гг. начали создавать собственные школы, обще-

ства, издавать собственную американо-словацкую прессу и развивать собственную культуру. Сначала от своих объединений они ожидали отстаивания не этнических интересов, а исключительно материального обеспечения. Часть эмигрантов, намеревавшихся вернуться домой, интересовались только быстрым заработком. Остальные хотели остаться в Америке и старались адаптироваться, а в конечном счете и ассимилироваться в новой среде. В период второй волны американской иммиграции, так называемой «*New Immigration*» с 80-х гг., американская общественность встретила их не очень дружелюбно. Ради собственного выживания они были вынуждены сплотиться на этнической основе и материально помогать друг другу. По американским меркам, количество их объединений было невелико, но по сравнению с дискриминацией невенгерских объединений в Венгрии, эти местного значения общества — взаимопомощи, спортивные и культурные, а в особенности формирование их сети и создание центральных организаций («Словацкая лига» в Кливленде в 1907 г.) принесли словакам бесценный опыт демократии и национальной эмансипации. Уже перед первой мировой войной американо-словацкая община поддерживала в финансовом отношении словацкое национальное движение в Венгрии.

Венгерские правительства либерального толка поначалу не чинили сколько-нибудь серьезных препятствий эмиграции. Они даже с удовлетворением отмечали, что большинство эмигрантов из Венгрии составляют лица невенгерской национальности. Одновременно они приветствовали выгоды, связанные с этим феноменом: многочисленные денежные посылки эмигрантов своим семьям положительно сказывались на экономическом развитии страны. Однако в начале XX в. движение людей между Венгрией и Америкой в обоих направлениях принимало все нарастающий размах, и реэмигранты стали оказывать ощутимое влияние на обстановку в своих родных местах, так что будапештское правительство занялось проблемой эмиграции как «опасного» явления.

Реэмигранты старались из накопленных денег в первую очередь выплатить долги и обзавестись землей, на которой они применяли более прогрессивные методы хозяйствования. Они строили себе дома, которые отличались и строительным материалом, и обустройством, и внешним видом. Если в деревню возвращалось несколько человек, их городская одежда вытесняла обычай ходить в национальном костюме, они вносили перемены в характер столования и в пользование предметами домашнего обихода. Не раз бывало, что благодаря улучшению своей материальной ситуации они приобретали естественный авторитет в окружающей среде, и их самоудовлетворенность начинала подрывать в людях традиционное почтение к властям. Возвращение большого числа эмигрантов, из которых многие только в Америке научились читать и писать и которые

познакомились с функционированием демократической системы (например, при них женщины получили избирательное право), давало толчок к модернизации жизни в Верхней Венгрии, — пока только на локальном уровне.

1.3. Институционализация новых социальных отношений. Добровольные объединения

Развитие процессов модернизации в Венгрии, начавшихся в XVIII в., является характерной чертой и периода второй половины XIX в. Продолжаются изменения в государственном устройстве, в положении самой многочисленной, крестьянской массы населения, идет демократизация образования, расширение гражданских свобод, формирование современных национальных общностей. Принятые во время революции 1848 г. законы ликвидировали основы сословной общественной системы: провозгласили равенство всех граждан перед законом, отменили феодальную зависимость, аннулировали такие привилегии дворянства, как освобождение от налогообложения и положение о наследстве (*aviticitas*), т. е. неделимость наследственных имений (до этого глава семьи управлял общим имуществом). На практике законы реализовались непоследовательно. Однако даже в десятилетие неабсолютизма — централизации и германизации после поражения революции 1848 г. — этот процесс не прерывался. Посредством реформ сверху модернизировалось судопроизводство, система налогообложения, школьного образования и в особенности экономическая сфера: законами гарантировалось развитие предпринимательства, банков и транспорта.

Любомир Липтак указывает на два аспекта модернизации в Венгрии: 1. на ее выборочность и 2. на ее чрезмерную растянутость во времени, а значит, большую продолжительность ее разрушительной фазы. В то время как в законодательной, экономической, социальной или образовательной сфере в Венгрии наблюдался бесспорный прогресс и он шел в течение длительного времени и систематически, в политической системе наступил застой. Главенство исполнительной власти над законодательной и отношение венгерской политической элиты к демократии и национальному вопросу обусловили урезанные возможности модернизации страны. Неполное избирательное право, ограниченное имущественным и образовательным цензом (по закону им могли воспользоваться лишь около 6% граждан), политическая коррупция, терроризм избирательных кампаний, принцип вирилизма, по которому членами городского муниципалитета автоматически становились крупнейшие налогоплательщики и занимающие определенные посты и должности, по сути ограничивали участие людей в политической и общественной жизни. Парла-

мент, да и политические партии состояли из людей избранного круга, в центральных учреждениях, равно как и в комитатском (жупном) самоуправлении еще и в конце XIX в. удерживала высокое представительство аристократия.

Влияние государства на общество постоянно расширялось. Наряду с полицией и армией дисциплинировать население должен был Корпус охраны общественного порядка — жандармерия. Государство финансировало развитие системы образования, здравоохранения, строительство дорог и железнодорожного транспорта. Оно ограничило традиционно крепкое комитатское и городское самоуправление. Дворянское комитатское самоуправление, которое упрочило свои позиции особенно во время турецкой оккупации, а в период сословного восстания в XVIII в. вмешивалось и в политические дела, в 1848 г. утратило свой сословный характер, хотя доминирующая роль дворянства сохранялась. Городская автономия была ограничена еще до революции, но принципиальный перелом принесли реформы комитатского и городского самоуправления (1870, 1876, 1886). В Верхней Венгрии была ликвидирована автономия 20 городов, и на уровне «муниципий» остались только Братислава, Кошице, Комарно и Банска Штявница с Банской Белой. Многие города были понижены в статусе до «больших поселков», среди них и центры комитатов Турчанский Св. Мартин, Липтовский Св. Миклаш и Дольны Кубин.

Развитие общества после отмены феодальной зависимости отличалось повышенной мобильностью, в социальном и географическом смысле. Люди ездят на сезонные работы, занимаются торговлей в разнос (за границей словаков знают по роду их занятий — дротары¹, олейкары² или шафраники³), эмигрируют в поисках работы, мужчины, после введения всеобщей воинской повинности (1868 г.), уезжают на военную службу в различные области Венгрии. Ослабевают традиционные сословные связи, в социальных отношениях важную роль играет собственный выбор, принцип заслуг или институционализации. Возникают новые формы объединений: кружки (небольшие общества), кооперативы, профессиональные союзы, политические партии.

¹ Дротар — бродячий ремесленник, починаящий разные предметы с помощью проволоки. Дротары работали и в России, наиболее предприимчивые из них основывали свои мастерские и производство проволоки в Петербурге и в Москве, во второй половине XIX в. в некоторых мастерских работало по 50—70 человек. Отдельные мастерские выросли до крупных предприятий. В частности, семья Гунчиков принадлежала к крупнейшим производителям самоваров.

² Олейкар — торговец лекарственными маслами и мазями.

³ Шафраник — офеня, бродячий торговец мелким галантерейным товаром, шафраном и другими специями. Олейкары и шафраники торговали прежде всего в России.

Ослабление феодальных пут, нарушение патриархального единства в жилище и в труде, растущая дифференцированность профессиональных функций, возможность отделить свободное время от рабочего способствовали развитию добровольных объединений. Их организационная база заметно расширилась после Австро-Венгерского соглашения и после ликвидации цехов (1872 г.). В 1878 г. в Венгрии существовало почти 4 000 обществ, из них 735 на территории Словакии. Снижение значимости региона в рамках Венгерского королевства вызвало и соответственное уменьшение доли ассоциаций из Словакии: в 1850 г. они составляли треть общевенгерских объединений, в 1860 г. — четверть, а в 1870 г. — 18%, что примерно соответствует доли населения.

Категория объединений принципиально не отличалась от подобных организаций в Западной Европе, однако создание сети содружеств и выходящих за локальные рамки организаций запаздывало. Наибольшее число членов имели общества взаимопомощи и по интересам, самыми распространенными были союзы мелких предпринимателей и общественные организации. Чрезвычайной популярностью, особенно с конца столетия, пользовались физкультурные и спортивные общества. Принцип объединения в интересах собственной эмансипации использовали почти все общественные группы: мещане, рабочие, позже крестьяне, женщины, молодежь, несмотря на административные преследования — и невенгерские национальные меньшинства.

Большинство ассоциаций руководствовалось либеральными правилами своего существования. Однако крупные объединения национальных меньшинств, рабочих и политической оппозиции в эпоху дуализма подвергались дискриминации. В Венгрии не было закона об объединениях, ограничения гражданских свобод вышеуказанных групп содержались в министерских постановлениях, которые были малодоступны общественности, по своей обтекаемости годились на любой конкретный случай и зависели от волеизъявления государственных чиновников. По этой причине развитие словацких (по этнической принадлежности) организаций не соответствовало общему размаху объединений в Венгрии, находилось в явном застое и оживилось только на рубеже веков. Дело в том, что с 90-х гг. XIX в. прежние «выборные» партии, которые выступали публично только в период выборов, эволюционируют в направлении современных массовых партий и ради влияния на народ начинают использовать добровольные объединения. Все политические течения в русле словацкого национального движения тоже делают упор на необходимости объединений. Словацкая национальная партия помогает создавать культурно-просветительные общества и акционерные компании, либеральная интеллигенция, равно как и представители католической Людовой (народной) партии отдают предпочтение кооперативному движению, соци-

ал-демократы принимают активное участие в деятельности профессиональных союзов и спортивных обществ. Объединения, будучи первоначально явлением чисто городским, во все большей степени проникают уже и в сельскую среду Верхней Венгрии. Меняется функция и состав элитарных обществ, клубов и казино, которые в XIX в. в период распада сословных структур служили основой мецанской самоорганизации. Размежевание внутри объединений и образование новых в соответствии с социальным статусом, национальной и политической направленностью их членов отражает формирование городских элит. Политическое расхождение лишает патрицианские казино главной роли в политической жизни коммуны, влиятельные мужи отдают свою энергию и денежные средства прежде всего политическим партиям и политическим объединениям, в то время как на долю казино остается лишь репрезентативная и общественная функция.

Новую эффективную форму влияния на возникающую «общественность» использует и государство. С помощью комитатских (сельско)хозяйственных объединений, деревенских читательских кружков, школьных молодежных организаций и в особенности целой сети культурных обществ оно распространяет просвещение, а заодно с ним и мадьяризацию. Самое известное мадьяризаторское объединение — Верхневенгерское образовательное общество (FEMKE) организовывало курсы для неграмотных, раздавало венгерские книги, создавало публичные библиотеки (перед войной их было 227 с 25 000 читателей), размещало словацких учеников ремесленников и мастеров в венгерских областях, материально поддерживало региональную прессу. Вывоз FEMKE словацких детей в венгерские области вызвал международный скандал. Из средств ликвидированной Матицы словацкой государство финансировало деятельность еще одного мадьяризаторского института — Венгерско-областного словацкого образовательного общества (MTKE), которое издавало журнал и календарь на словацком языке.

На принципах добровольности, подлинного равенства и открытости для вступления, самоуправления и демократического контроля действовали, наряду с обществами, и кооперативы, взявшие за основу идею взаимопомощи. Несмотря на то, что социальные и экономические условия аграрно-аристократической Венгрии разительно отличались от западно-европейских, первые словацкие кооперативы возникали параллельно с английскими (Рочдейл, 1844 г.) и независимо от них. Самуэль Юркович основал в 1845 г. в селе Собоутиште в западной Словакии Крестьянскую артель (Gazdovský spolok) — первый кооператив в континентальной Европе и первый кредитный кооператив в мире. С 60-х гг. крепнет включение словацкого региона в контекст чешско-моравского кооперативного движения, а посредством общевенгерского кооперативного дви-

жения — в цислейтанский и немецкий контекст. Вначале идея коллективной взаимопомощи посетила главным образом более или менее состоятельных мещан в городах и местечках, потом социально более слабые средние слои, в том числе крестьян, наряду с ними и богатых помещиков, а с 70-х гг. появляются и первые потребительские кооперативы рабочих. Чисто венгерской спецификой было участие аристократии в руководстве кооперативов.

Первые кооперативы возникали по инициативе снизу, без поддержки государства или властей. После Австро-Венгерского соглашения интерес государства к кооперативному движению и к его централизации стал расти. Министерство сельского хозяйства пропагандировало и помогало кооперативам молочно-товарным, потребительским, страховым (страхование двух типов — скота и от стихийных бедствий), кооперативам по эксплуатации паровых плугов и т. д. В будапештских кооперативных центрах решающую роль играла высшая аристократия, в комитатских (жупных) центрах — местные помещики. Государственные субсидии и различные льготы влекли за собой ограничение свободы и автономности отдельных кооперативов. Но кооперативные центры создавало не только государство, а и общегосударственные ассоциации, некоторые категории служащих, а с конца XIX в. и политические партии.

Доминирующая роль государства проявилась во внедрении государственной доктрины единой венгерской, фактически мадьярской нации и на почве взаимопомощи, вследствие чего появилось враждебное отношение к немадьярским кооперативам. Таким образом, параллельно действовали кооперативы с государственной поддержкой и кооперативы без такой поддержки, организованные снизу, часто по инициативе местных католических, а также евангелических священников или интеллигенции, особенно из окружения журнала «Глас». В деревнях и местечках, прежде всего в западной Словакии, они брали на себя не только социально-экономические задачи, но и образовательные, культурные, в конечном итоге и национально-политические. Кооперативы малоземельных крестьян, сплоченные идеями экономического национализма и экономически обусловленного антисемитизма (направленного против евреев-кабатчиков и ростовщиков), перед первой мировой войной начали формировать социальную базу массового национального движения словаков.

Добровольные объединения в Венгрии в период 1848—1918 гг. главным образом реагировали на процессы модернизации и в меньшей степени являлись ее движущей силой — эту роль исполняло государство. Однако ассоциации стали школой социального поведения масс, основанного на свободе личности и официального правового равенства. С начала XX в. к практической жизни объединений и кооперативов приобщаются все более широкие социальные слои. Тем самым вероятность обретения

гражданского самосознания и демократизации — но и идеологического манипулирования (ввиду громадной роли государства) — возрастает.

1.4. Процесс формирования современной словацкой нации

Революция 1848—1849 гг., в которой политические лидеры словацкого национального движения во главе добровольческого корпуса встали на сторону венского двора — против пештского правительства, знаменовала сдвиг в институционализации национального движения словаков и в процессе их обособления от Венгрии. Впервые на официальном уровне прозвучало понятие «словацкая территория», впервые на политической сцене выступил словацкий национально-политический орган (Словацкий национальный совет), впервые под национальными символами сплотилась часть этноса (вторая, преобладающая часть вступила в ряды легальной венгерской национальной армии). Несмотря на постигшее Йозефа Милослава Гурбана, Лкюдовита Штура, Михала Милослава Годжу и их сторонников разочарование из-за неосуществленных требований (автономия в рамках Венгрии или империи), послереволюционный неоабсолютизм частично и на время улучшил положение словаков, что нашло свое выражение больше в долговременной перспективе. Новая администрация округов (дистриктов) впервые приняла во внимание этнические границы, словаки получили собственный официальный язык — «старословацкий» (фактически чешский), на который был переведен имперский свод законов и который употреблялся в жупном управлении, в начальной и отчасти в средней школе.

Революционные законы закрепили основополагающие атрибуты национального суверенитета венгров. Созданная Копштом модель венгерской политической нации была направлена на ассимиляцию невенгерских народов, с чем словацкие национальные лидеры не могли согласиться. Венгерские политики расценили участие словацких добровольцев на стороне австрийской армии во время революции как измену родине. Пропасть между словацкой и венгерской политикой во второй половине XIX в. углублялась. Словацкая интеллигенция придерживалась преимущественно прогабсбургской и русофильской ориентации. Венгры, напротив, традиционно выступали с антигабсбургских позиций, их боязнь русской великодержавной экспансии и русофобия вылились во внешней политике в дружественные связи с противниками России, а на отечественной почве — в преследование национальных движений славян как составной части «панславизма».

Соединение конституционализма с национальным государством венгров и дискриминация невенгерских народов, по-прежнему сильные позиции венгерского и омадьяренного дворянства, замедленное формиро-

вание средних слоев, отставание в оформлении самостоятельного рабочего класса, в эмансипации крестьянства и женщин — все это влияло на принятие национального принципа в Венгрии. Успешная эмансипация евреев вызвала в качестве ответной реакции новый всплеск антисемитизма и новый этническо-христианский подход к определению понятия нации. Национальная жизнь словаков обуславливалась отсутствием национальной аристократии и национального мещанства (третьего сословия), собственной церкви и даже собственной столицы. Этническая неоднородность мещанства, преобладание маленьких городков, неимение словацких центральных институтов и словацких учебных заведений среднего и высшего образования препятствовали созданию национального главного города. Братислава как центр деятельности штуровцев перед революцией, Пешт, Трнава или Липтовский Микулаш не имели условий для долговременной координации общесловацкой культурной и политической жизни. Национальным центром стал провинциальный Турчанский Святой Мартин (в 1910 г. в нем было более 4000 жителей), благодаря тому обстоятельству, что в нем не прерывалось издание национальной печати и была сосредоточена деятельность значительных словацких объединений.

Сравнительно медленное формирование национального самосознания объяснялось и разделением словаков на два конфессиональных лагеря с различными менталитетами: доминирующий католический, который ставил на первое место соблюдение традиции и иерархии, и евангелический (лютеранский), предпочитавший протест, свободу, демократизацию. Хотя представители национального движения — преимущественно из нижних и средних категорий интеллигенции — и были связаны в основном с городской средой, но многие из них являлись выходцами из крестьянской среды и свои агитационные призывы адресовали главным образом сельскому населению. Если венгерский национализм ссылался прежде всего на славное прошлое и на достижения современного государства, то словацкий национализм зиждился на идеализации простонародной культуры и на противостоящих модернизации национальных стереотипах. Словацкая историография отстаивала идею автохтонности словаков в Венгрии и развивала миф о Великой Моравии и Кирилле и Мефодии. Словацкая политическая элита, не имеющая опоры в виде административного или церковного самоуправления, как венгерские сербы, румыны или трансильванские саксонцы, оперировала теорией «естественного права» и идеей национального равноправия.

Представители национального меньшинства не имели возможности опереться на традиционный регионально-земляческий патриотизм, единственной альтернативой оставался этнический национализм с доминирующей языковой программой. Даже после кодификации языка в грам-

матике Мартина Гатталы (1852) положение словацкого литературного языка было недостаточно стабильным, и только сотрудничество католической и евангелической интеллигенции на почве Матицы словацкой (1863—1875) способствовало утверждению единого литературного языка. Так называемый мартинский узус становится нормой литературного словацкого языка. Последующие кодификации Само Цамбеля уже только очистили язык, — в частности, от примесей чешского языка, от диалектизмов. Несмотря на развитие словацкой литературы и журналистики и расширение изданий календарей, религиозной и другой литературы для простого народа, авторитет государственного языка — венгерского — оставался высоким. До самого конца Австро-Венгерской империи требования употребления словацкого языка в государственных органах управления и в самоуправлении, в школьном образовании и в церковной жизни постоянно держались в репертуаре словацкой политики.

Языковая однородность и рост грамотности способствовали более интенсивной надрегиональной коммуникации внутри этнической общности. Принцип официального гражданского равенства, провозглашенный во время революции 1848 г., узаконил «равноправие» всех граждан современной нации независимо от их социального положения. Нации в полиэтническом венгерском государстве самоутверждались в постоянной конфронтации с другими этносами, и эти процессы были тесно связаны с политическим развитием. Либерализация обстановки в 60-е гг. нашла свое выражение в подъеме национальных движений: на собрании в Мартине в июне 1861 г. была принята принципиальная национальная программа «Меморандум народа словацкого», вскоре после этого возник главный национальный культурный институт Матица словацкая, три подшефные словацкие гимназии в Ревуцех, Мартине и Клашторе-под-Зньевом, много хоровых коллективов, театральных кружков, женская организация «Живена», экономические общества, католическое издательское «Общество святого Войтеха». После Австро-Венгерского соглашения положение невенгерских народов ухудшается. Закон о национальностях 1868 г. признал в рамках фиктивной единой государственной нации статус народностей и индивидуальные права в сфере школьного образования и культуры, которые на практике не соблюдались. Радикальная мадьяризация затронула органы государственного управления, школьное образование, культуру. В середине 70-х гг. государственная власть ликвидировала скромные опоры национальной культуры словаков — Матицу словацкую и словацкие гимназии, а с 80-х гг. поддерживала процесс мадьяризации посредством общественных объединений.

Свертывание словацких учебных заведений и создание такого общественного климата, в котором каждый немадьяр был гражданином второго сорта, можно однозначно расценивать как принудительную ассими-

ляцию. Параллельно протекали и процессы «спонтанной» ассимиляции на почве приспособления словацких иммигрантов к несловацкой, особенно городской среде. Движение вверх по социальной лестнице для государственных служащих было сопряжено с мадьяризацией фамилии, с обязательным употреблением венгерского языка в общественных местах и даже в частной жизни, с отказом от прежней культуры. При этом многих немадьяр привлекал стиль жизни венгерских джентри, который продолжал оставаться культурным эталоном. Разграничение степени добровольности и принуждения в подобных ассимилятивных процессах является делом спорным. В целом, однако, следует признать, что мадьяризация дискриминировала словацкий этнос и затормозила его национальное развитие. Вследствие невозможности получить высшее образование на родном языке деформировалась социальная структура словаков. Но, с другой стороны, нередко из-за усердия местных властей мадьяризация принимала такие абсурдные формы (нельзя обратиться в кассу за железнодорожным билетом по-словацки, отказ в доставке письма с написанным по-словацки адресом, штраф за употребление словацкого названия населенного пункта на повозке при поездке на рынок и т. п.), что вызывала защитный рефлекс и способствовала обособлению от Венгрии на уровне менталитета.

Наступление радикальной мадьяризации в 70—80-х гг. парализовало национальную эмансипацию словаков. Положение начинает меняться только в 90-е гг. в связи с прогрессирующей модернизацией, а также с активизацией словацкого политического движения и деятельности католической церкви с их ориентацией на крестьянство. Кооперативное движение, католические объединения и издательские общества с относительно развитой организационной структурой и широкой социальной базой в начале XX в. уже оказывают влияние на словацкие народные массы и знаменуют перелом на пути от ассоциаций местного значения к национальному движению. Чешско-словацкое сотрудничество с культурной и образовательной сферы распространяется и на экономический сектор и помогает как повышению уровня образованности, так и упрочению экономической базы словаков. Контакты с большой по численности словацкой общиной в США и возвращение реэмигрантов, которые разносят информацию о демократической общественной жизни за океаном и которые начинают подписываться на словацкие газеты, постепенно пробуждают самосознание и самоутверждение людей в Словакии.

Однако словацкое общество в конфессиональном и региональном отношении было все еще очень разобщено. Особое региональное сознание в восточной Словакии даже поддерживалось венгерским правительством. Коллективная идентификация словаков имела много пластов: она содержала в себе и сознание принадлежности к венгерскому государственно-

му организму (патриотизм в смысле гражданской принадлежности вплоть до 1918 г. исповедовали и представители словацкого национального движения) и одновременно и чувство языкового и этнического родства с остальными славянами. По сравнению с сопредельными этносами этноцентризм у словаков был выражен слабее. Он был обусловлен отсутствием национального государства и собственной столицы, многократными потоками миграции на территорию Словакии, изменением национальной идентификации средних и высших слоев вследствие ассимиляции, а также многонациональностью страны.

2. СЛОВАКИЯ В ЭКОНОМИКЕ ВЕНГРИИ

Революция 1848—1849 гг., освободив рабочую силу (отмена феодальной зависимости), открыв дорогу движению товаров (ликвидация внутренней таможенной границы) и капитала, создала самые главные условия для оживления рыночных отношений. Последующий период неабсолютизма ознаменовался значительным продвижением по пути к экономической интеграции государства и либерализации некоторых процессов.

Пути феодализма пали прежде всего благодаря введению равенства граждан и всеобщего налогообложения, отмене десятины (налог в пользу церкви) и девятины (натуральная рента в пользу землевладельца) и ликвидации феодальной зависимости в пакете законов 1848 г. Последний шаг законодательным порядком оформил патент 1853 г. Отмена феодальных повинностей касалась только категории барщинных (урбариальных) крестьян и осуществлялась за выкуп, что легло тяжелейшим бременем на уже свободных производителей. Многочисленные категории неурбариальных крестьян (в восточной Словакии больше половины крестьянства) были освобождены от феодальных повинностей на столь же тяжелых условиях только в 90-х гг. Пережитки феодализма сохранялись в словацкой деревне до самого конца Габсбургской монархии.

2.1. Сельское хозяйство

Экономическое положение Словакии в Венгрии было отмечено множеством противоречий. Что касается сельского хозяйства, которое было ключевой отраслью общегосударственной экономики, то в Словакии существовали области, в общегосударственном масштабе принадлежащие по экономическим показателям и по жизненному уровню к самым отсталым, где еще в 90-е гг. люди испытали массовый голод, а пережитки феодальных отношений все еще имели прочные корни. С другой стороны, многие районы отличались интенсивным сельским хозяйством, ис-

пользованием наемной рабочей силы и развитыми торговыми связями, даже с обеими столицами тогдашней империи. Эти различия были обусловлены главным образом почвенно-климатическими условиями и расстоянием от ближайших торговых центров.

Существенные перемены во внутренней структуре сельскохозяйственного населения свидетельствовали о динамичном формировании экономической системы Словакии, а также и о широкомасштабных демографических изменениях, которые не завершились даже к началу первой мировой войны. Доля населения, занимающегося сельским хозяйством и зависящего от этой отрасли производства, в Словакии постоянно сокращалась, в относительном исчислении больше, в абсолютном меньше. Между отдельными жупами наблюдались и 30%-ные отличия. После периода торговой конъюнктуры в 60-х гг., когда Венгрию прозвали «житницей Европы», на развитие сельского хозяйства повлиял продолжительный кризис в последней четверти XIX в. Наплыв дешевого и притом высококачественного заокеанского зерна в Европу чудовищно сбил цену на зерно, поставил под угрозу рентабельность венгерского земледелия и лишил государство всех зарубежных рынков. Вследствие кризиса Венгрия в течение нескольких десятилетий полностью перестроила свое сельское хозяйство. В товарном растениеводстве упор стали делать на кормовые и технические культуры, из зерновых пшеница отходит на задний план, растет значение продукции животноводства и стойлового содержания элитных племенных животных, в сельское хозяйство проникает механизация, химизация и научные исследования. Что касается других факторов интенсификации, то Словакия, особенно район Спиша, сыграла ключевую роль в мелиорации. Размах и уровень мелиоративных работ в Спише были таковы, что проводились и за пределами Венгрии. Все эти перемены смогли осуществиться только с колоссальной адресной помощью государства, и в общем не только не способствовали интеграционным процессам, но даже напротив, еще усугубили существующие ножицы между отдельными областями. Рынки сбыта продукции венгерского сельского хозяйства ограничились почти исключительно территорией Цислейтании. В Словакии приобрело экспортное значение возделывание высококачественного солодового ячменя, известного как «словацкий ячмень» на зерновых биржах тогдашней Европы. В горных областях возделывали картофель, и постоянно сохраняло свою значимость овцеводство и изготовление традиционных оригинальных продуктов из овечьего молока. Благоприятные условия для возделывания сахарной свеклы обусловили подъем сахароваренной промышленности. Расширилась сеть винокуренных заводов. Урожайная юго-западная Словакия, где жило самое развитое крестьянство и расположены возделываемые по последнему слову агротехники латифундии, имела торговые связи самого высокого уровня. Близость Братиславы и Вены стимулировала разви-

тие товарного овощеводства в Загорье, сахароварение и молочно-товарное производство во всем регионе. Не случайно в 1913 г. в окрестностях Галанты состоялись самые крупные в Центральной Европе международные соревнования мотоплугов.

Перед первой мировой войной еще 20—25% пахотной земли в Словакии обрабатывалось севооборотом с паром, большей частью по трехпольной, а в возвышенных местностях и по двупольной системе. Если на юго-западе пар уже отошел в прошлое, то на Ораве он все еще достигал 30% пахотной земли. Общегосударственные показатели (9%) были лучше, чем в Словакии, и эта разница, при общей тенденции к сокращению пара, все время сохранялась.

Долговременный прогресс сельского хозяйства сопровождался процессом социальной дифференциации. Все больше плодородной земли сосредоточивалось в руках крупных помещиков и земельной аристократии, в то время как сотни тысяч крестьян лишались земли или владели минимальными участками. Возникла проблема перенаселенности аграрных областей, которая решалась уходом в города, на сезонные работы, а чаще всего эмиграцией. До 1914 г. Словакия потеряла около 600 000 жителей, и в Европе только Ирландия превышала эти размеры эмиграции. Если в 1787 г. в Словакии жило 45% населения Венгрии, то в 1910 г. уже только 16%.

2.2. Промышленность

Хотя в 50-е гг. в промышленном секторе государства Словакия занимала ведущее место, после австро-венгерского соглашения 1867 г., в результате избирательной индустриализации и целенаправленной концентрации промышленности в Будапеште, она его постепенно теряет. В пределах Словакии Липтов, Спиш, Гемер и Зволен были самым крупным промышленным регионом Венгрии, и в отдельных районах этих жуп занятость населения в промышленности превышала уровень 40%.

Несмотря на то, что с 90-х гг. в связи с ввозом капитала и политическим курсом государства на индустриализацию начало ускоряться и промышленное развитие Словакии, она по-прежнему оставалась аграрным регионом всего лишь с несколькими промышленными островками. Слабое промышленное развитие Словакии не позволяло обеспечить высокий прирост населения рабочими местами.

Доля Словакии в общем объеме промышленного производства Венгрии постепенно сокращалась. Здесь развивалась главным образом перерабатывающая промышленность, использующая природные ресурсы и источники сырья, т. е. предприятия пищевой, лесопильной и текстильной промышленности, металлообрабатывающие заводы, целлюлозные

фабрики и т. п. Однако многие предприятия занимали лидирующее положение в своей отрасли в масштабах всей Габсбургской монархии. Машиностроение было представлено лишь несколькими небольшими предприятиями. Несмотря на неудовлетворительную в целом структуру промышленности, все же с помощью иностранного капитала перед мировой войной возникло много современных предприятий химической, электротехнической отрасли и заводов по производству вооружения, отвечающих мировому уровню.

В 1900 г. статистика зарегистрировала на территории Словакии 432 завода или цеха со штатом свыше 20 человек (около 21% в общевенгерском масштабе). В отдельно взятой горной отрасли и черной металлургии, сосредоточенной в Гемере и Спише, таких предприятий было даже 31% от общевенгерского количества. В 1900 г. на территории этих двух жуп наблюдается наибольшая концентрация промышленных и энергетических предприятий. К 1910 г. число предприятий со штатом более 20 человек выросло до 639, но их доля сократилась до 15% от общевенгерского количества. В них было занято 85 775 рабочих. Поскольку в это число были включены не только рабочие, но и служащие и технический персонал, заведомо фабрично-заводской характер из них имели только 193 предприятия, которые показывали в отчете более 100 человек работающих. В том числе на 8-ми предприятиях работало больше 1000 человек (16% от общевенгерской численности). Это были преимущественно предприятия высшей категории в общегосударственном масштабе — завод черной металлургии в Подбрезовой (3250 работающих), текстильная фабрика в Ружомберке (2469), завод черной металлургии в Кромпах (1907), золотые и серебряные рудники в Бапской Штявнице, сукновальня в Жиличине, табачная фабрика в Кошицах, железнодорожные мастерские во Врутках и сахароваренный завод в Шуранах. Разброс промышленных предприятий, включая самые крупные, и их взаимная изолированность негативно отразились на процессе урбанизации, на характере пролетариата и на формировании социальной структуры в Словакии.

Некоторые промышленные производства возникали вблизи сырьевых источников и, как правило, специализировались на добыче и первичной обработке. В 1913 г. доля Словакии в общегосударственных рамках была наивысшей в бумажной (54%) и текстильной (34%) промышленности, кроме того, свыше 20% приходилось на черную металлургию с металлообрабатывающей промышленностью, на деревообрабатывающее и кожевенное производство. Ключевые отрасли экономики целенаправленно, а порой искусственными мерами (в частности, транспортными тарифами) сосредоточивались в Будапеште, который располагал без малого половиной промышленных мощностей всей Венгрии. Наиболее показательна в этом смысле концентрация машиностроения, когда на тер-

риторию современной Венгрии (главным образом на Будапешт) приходилось 85% общевенгерского объема, а на Словакию только 4%. На долю Словакии выпала роль поставщика сырья — железной руды, которая перерабатывалась, однако, вне территории Словакии. В 1913 г. ее было добыто 1,2 млн тонн, что представляло 58% общевенгерской добычи. По сравнению с 1900 г. прирост составил почти 300 тысяч тонн, но общевенгерский объем добычи вырос только на 4%. Стремительное снижение доли от общевенгерского объема за период 1899 — 1913 гг. отмечено в производстве чугуна (с 57% до 29%) и стали (с 27% до 20%), что было трудно компенсировать некоторым повышением в литейном производстве с 59% до 64% (1900—1913 гг.).

В добыче золота в начале столетия (1900 г.) доля Словакии с ее годовой добычей 341 кг составляла только 10% от общевенгерской добычи, и здесь снижение в абсолютных и относительных цифрах было еще большим (138 кг, 5%). Хотя в добыче серебра Словакия имела более сильные позиции, она и здесь не избежала разительного снижения своей доли: с 63% (почти 12 800 кг) от общевенгерского объема в 1900 г. до 33% (2 875 кг) в 1913 г. Такая тенденция в данной отрасли была обусловлена несколькими факторами — мировыми ценами на драгоценные металлы в те годы, истощенностью месторождений и непомерными накладными расходами на добычу, которые делали ее нерентабельной и даже убыточной.

Железнодорожная сеть в Словакии перед мировой войной по существу уже была создана. В 1910 г. она составляла 2 974 км железнодорожного пути, который к 1915 г. увеличился до 3 219 км, что составляло около 15% от общевенгерского показателя и 89% от современной железнодорожной сети. В 1910 г. на территории Словакии на 1000 кв. км приходился 61 км и на 100 000 жителей 98 км железнодорожного пути, что было несколько ниже общевенгерского среднего показателя (69 км и соответственно 104 км). Дунайские порты Братислава и Комарно в 1913 г. зарегистрировали загрузку/выгрузку товара в количестве 41370/35 007 тонн. С точки зрения общего объема перевозимых товаров по Дунаю, который составлял более 6 миллионов тонн, это была мизерная величина.

Слабость финансовой базы оставалась ахиллесовой пятой венгерской экономики, при всем том, что государство прилагало колоссальные усилия для привлечения иностранных инвесторов. В экономике Словакии доминирующую роль играл исключительно венгерский и австрийский капитал, хотя в эксплуатации природных богатств и в некоторых проектах по индустриализации участвовал и капитал из Западной Европы. Помимо нехватки капитала, еще одним камнем преткновения были узкие рамки национального подхода к индустриализации, которые позволяли делать различия между отечественным «мадьярским» и «немадьярским» предприятием. При этом индустриальные проекты никогда не

предусматривали такой степени интенсивности, чтобы можно было равномерно помогать всем предпринимательским инициативам, поскольку «немадьярские» предприятия представляли потенциальную угрозу, что их прибыль пойдет на подозрительные, опасные для государства и для его целостности цели. Оборонительный характер экономического национализма государственно-мадьярской политики, проявившийся преимущественно в отношении цислейтанской промышленности, сумел быстро перестроиться в экономический национализм экспансионистского характера не только в отношении австрийской промышленности, но главным образом в отношении промышленных предприятий с более или менее значительной долей участия словацкого или чешского капитала. Официальные представители венгерских правительств нередко даже разыгрывали карту индустриализации и внутренней миграции рабочей силы с целью ускорить процесс мадьяризации.

О силе или скорее о слабости словацкого банковского дела самым лучшим свидетельством является участие в индустриализации лишь считанных процентов капитала, сосредоточенного в Словакии, или тот факт, что любой крупный будапештский банк располагал в несколько раз большими финансовыми возможностями, чем все словацкие банки, вместе взятые. На почве промышленного предпринимательства словацкий капитал находил себе применение в предприятиях, занимающихся добычей природных богатств, и в обрабатывающей, финансово и технологически менее емкой промышленности. Доминировала прежде всего деревообрабатывающая, бумажная и кожевенная промышленность.

В период перед первой мировой войной словацкие национальные экономисты в своих работах снова обращаются к наследию немецкого экономиста Фридриха Листа¹. Если шуруповское поколение заинтересовали соображения Листа прежде всего об актуальных внешнеторговых проблемах и таможенных мерах, то в условиях нараставшего национального гнета иерархия приоритетов существенно меняется. На передний план выходят и черпаются из трудов Листа прежде всего его идеи о национальных параметрах экономики, что было вполне объяснимо набирающим силу словацким экономическим национализмом и чрезвычайно заманчиво для словаков. То, что венгры открыли для себя и что послужило стимулом в их предреволюционной борьбе с Веной, словаки вновь вспомнили и использовали в качестве теоретического обоснования собственных антивенгерских экономических инициатив.

¹ Лист, Фридрих (1789—1846) — немецкий экономист и публицист, сторонник национальной экономической политики и «воспитательного протекционизма», требующего активного вмешательства государства в экономическую жизнь. Основное сочинение — «Национальная система политической экономики» (1841 г.).

За последние два десятилетия перед мировой войной, несмотря на всевозможные ограничения, неудачи, поражения и дискриминацию, словаки очень продвинулись вперед в деле экономической эмансипации. Препятствия и удары судьбы у себя в отечестве они отчасти возместили предпринимательской деятельностью в США и в России (фабрики по производству проволоки, строительство железных дорог и т. п.). Важно было то, что экономические интересы стали составной частью словацких национально-освободительных мероприятий и все больше приобретали систематический характер. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что именно в экономике словакам удавалось находить законодательный и практический выход для реализации своих усилий, аккумулировать капитал из собственных источников, а также, например, из США, использовать взаимопомощь, опираться на чешско-словацкое экономическое сотрудничество и на территории Словакии быть во многих направлениях равноценным соперником господствующей нации.

Наряду с кооперативным движением наиболее значительной областью словацких усилий на почве национальной экономики стало банковское дело, начиная с расширения сети кредитных кооперативов, акционерных банков и вплоть до попыток создать центральный словацкий банк. С точки зрения словацких экономических интересов необходимо подчеркнуть, что словаки не только считали Будапешт экономическим центром государства, но не сбрасывали со счетов и общевенгерский рынок и по-прежнему рассчитывали добиться на нем успеха. Они не поддерживали стремления любыми методами отгородиться от остальных рынков империи, будь то движения бойкота или угроза самостоятельной венгерской таможенной или валютной политики. Еще и поэтому по экономически понятным, но и по чисто прагматическим мотивам целью всех относительно больших словацких экономических проектов оставался Будапешт. Наиболее значительными из таких проектов оказались центр кооперативного движения (Центральный кооператив по делам экономики и торговли) и центральный словацкий банк.

Словакия была не особой частью общевенгерской экономики, а напротив, ее интегральной составляющей и развивалась в духе принятой государством концепции и курса экономической политики.

3. В СИЛОВЫХ ЛИНИЯХ ПОЛИТИКИ (1848—1914)

Словацкая политика велась в геополитическом пространстве, ограниченном интересами государства, составной частью которого являлась Словакия, а также нередко конфликтными интересами более сильных национальных движений. В этих политических силовых линиях Слова-

кия стремилась избавиться от роли объекта политики сильнейших и утвердиться в качестве одного из политических субъектов. Для достижения этой цели и принимая во внимание свою политическую силу, а вернее сказать — слабость, она была обречена искать союзников, пытаться извлечь пользу для себя из противоречий сильнейших и в самом лучшем случае добиться роли одного из весомых факторов общегосударственной политики. Одинаково важным для нее остается стремление поставить «словацкий вопрос» и «вынести» его на международный форум в комплексе национальных проблем Венгрии. Учитывая внутреннюю социально, экономически и идейно обусловленную слабость, политическую дискриминацию, переходящую в откровенное преследование, и дифференциацию собственных интересов, эта задача была не из легких. Несмотря на это, развитие словацкой политики на протяжении семидесяти лет (1848—1914) шло на подъем и принесло знаменательные результаты.

Принимая во внимание более широкие геополитические условия, цели национального движения и его характер в развитии словацкой политики (1848—1914) можно выделить три периода, рубежами которых служат 1848, 1867, 1890—1914 годы.

3.1. Политика прошений и меморандумов

Начало и конец первого периода обозначен очень важными внутривнутриполитическими, общественными и социально-экономическими вехами. Внутривнутриполитическая напряженность между императорской Веной и венгерским национальным движением в этот период прошла несколькими фазами — от вооруженной борьбы, поражения венгерской революции, военной диктатуры и неоабсолютизма до восстановления конституционного строя и сложного политического решения конфликта в форме государственно-политического дуализма.

В этот период словацкая политика активно включилась во внутривнутриполитические события и особенно во время революции и в начале шестидесятых годов могла стать немаловажным фактором. Именно тогда у нее появилась возможность циркулировать между Веной и Пештом (Будапештом) как двумя силовыми средоточиями центрально-европейского геополитического пространства. Она старалась извлечь пользу для себя из их взаимных столкновений и сыграть между ними роль стрелки на весах их политических поединков. С другой стороны, словаки использовали оба соперника в расчете оказать давление один на другого. Тем самым возникает вопрос, кто, собственно, кого использовал. С точки зрения элементарной логики правильный ответ дает не только учет силы, которой располагала каждая из заинтересованных сторон, но и результат, которого удалось добиться.

Именно революция предоставила словацкой политике возможность продемонстрировать свою зрелость и достигнутую степень поддержки народных масс. Ее программные требования, изложенные в «Требованиях словацкого народа» (Липтовский Св. Микулаш, май 1848 г.), очень во многом совпадали с программой венгерской революции, но венгерская нетолерантная политика в национальном вопросе толкнула их в лагерь противников революции — императорской Вены. Перемена на троне, изменения в риторике двора, различные тактические уступки — все это позволяло ожидать договоренностей в случае победы. Хотя на Славянском съезде в Праге в мае 1848 г. верх взял австрославизм, словаки тогда отвергли возможность общей чешско-словацкой концепции. Но поскольку события разворачивались в сторону вооруженного конфликта, словацкие лидеры после совещания в Вене, в Загребе и Белграде организовали военную экспедицию в западную Словакию. Хотя она началась с молчаливого одобрения Вены и записала на свой счет некоторые успехи, именно ее бесславная участь служит показателем того, какую роль в противоречиях между Веной и венграми играли малые народы.

Словаки и потом воевали на стороне Вены, но уже не сами по себе, а в отдельных отрядах под командованием имперских офицеров. Поэтому словацкая политика с неизменной регулярностью закономерно обращалась почти исключительно к Вене, к чему их привели не только прямые совместные действия, но и традиционная верность династии и лояльность словаков по отношению к правителю и императорскому двору. Кроме того, она подкреплялась верой в то, что император является последней инстанцией при решении любой проблемы, а главное, рядовые, региональные или общенациональные проблемы благодаря его объективному вмешательству разрешатся гораздо эффективнее. Поэтому именно его особе направлены многочисленные обращения и меморандумы. Поэтому депутации разного уровня стучались в двери императора.

Одна из таких представительнейших депутаций явилась к монарху в марте 1849 г., то есть еще в разгар военных событий, которые сотрясали Габсбургскую монархию, когда министр внутренних дел граф Франц Стадион предложил правительству проект разделения Венгрии на самоуправляющиеся национальные провинции. Одной из них должна была стать Словакия, благодаря чему воплотилась бы словацкая политическая программа мая 1848 г. Однако в противоположность ей уже с октября 1848 г. словацкие ответственные представители отошли от венгерской платформы и стали добиваться решения проблемы в сотрудничестве с Веной в общеавстрийском масштабе. В мартовском прошении была выдвинута идея учреждения словацкого великого княжества под прямым управлением Вены. То обстоятельство, что незадолго до этого император разогнал кромержжизский парламент («кремзирский рейхстаг») и из-

дал так называемую октроированную конституцию, не позволило высказать эту идею и заставило депутацию скорректировать наиболее принципиальные пункты словацких требований. Этот факт тоже свидетельствует об определенной политической наивности и не лучшей способности предвидеть дальнейший ход политического развития. Поскольку конституция провозглашала принцип единой империи, то в новом тексте прошения в духе конституции от идеи великого княжества отказались, считалось, что Словакия остается по-прежнему в Венгрии, причем указали на положение Воеводины в качестве подходящей модели автономии и для словаков. Выделение этнической территории и создание политических институтов явилось уже всего лишь выжимками из первоначальных требований.

Поражение венгерской революции дало императорской Вене возможность попытаться вернуть положение дел в империи в предреволюционное состояние. С помощью террора и полицейского режима хотя и удалось на время усмирить проявления недовольства и центробежные тенденции у венгров, но парализовать себя надолго они не дали. Неоабсолютизм не оправдал себя ни политически, ни экономически, так что поражение в северной Италии и потеря Ломбардии явились уже только последним толчком, чтобы он рухнул в 1859 г.

Ожидания словацкой элиты, которая не оставляла лояльного служения монарху, после подавления революции не сбылись. Напротив, в пятидесятые годы словаки за свою верность получили в награду то, чем других (венгров) наказали. Победитель быстро забыл своих меньших союзников и не осуществил ни одного из их чаяний. Назначив группу вокруг Яна Коллара, «отца (неполитической. — Р. Г.) славянской взаимности» и проводника идеи внедрения словакизованного чешского в качестве словацкого литературного языка, доверенными лицами правительства, по принципу «*divide et impera*» (разделяй и властвуй) удалось довести словацкую политическую сцену до полного развала. Политические и военные лидеры революции (Людовит Штур, Йозеф Милослав Гурбан, Михал Милослав Годжа) в глазах двора были слишком радикальными личностями и оказались в полной изоляции. Умеренный противник революционных методов Коллар снова стал зачинщиком дискуссии вокруг проблемы языка, когда ему удалось на правительственном уровне в Вене узаконить чешский язык в качестве литературного словацкого. Общественность оказалась в глубокой депрессии, и разочарование охватило весь словацкий лагерь. Трагическая гибель Л.Штура усугубила чувство безнадежности. Таким образом, упорядочение штуровской кодификации и окончательная победа штуровского словацкого языка остались для словаков единственным положительным результатом неоабсолютистского периода.

Примечательно, что период неоабсолютизма, несмотря на политические пути, оставил после себя важные предпосылки для старта процессов модернизации в экономике и в обществе. Централизация государства позволила отменить внутреннюю таможенную границу, узаконить по всему государству освобождение крестьянства от феодальной зависимости, расширить возможности для мелкого предпринимательства и унифицировать органы административного управления и судопроизводства или создать новые современные институты. С приходом чешских чиновников и учителей в Словакию в обиход официальных учреждений вошел чешский язык, да и в школах стали обучать на этом, понятном всем языке.

Восстановление конституционных отношений в Октябрьском дипломе (1860 г.) и февральском патенте (конституции) 1861 г. устранило гнетущую внутриполитическую напряженность и оживило политическую деятельность в государстве. Венгрия избрала свой парламент, восстановила комитатское административно-территориальное устройство и принялась заново обсуждать свои национально-освободительные концепции в стремлении найти более устойчивое государственно-правовое решение своего статуса в Габсбургской монархии. Активизировались и невенгерские народы, включая словаков. После публичной дискуссии вокруг изложения общенациональных требований на июньском собрании 1861 г. в Мартине был принят «Меморандум словацкого народа», суть которого заключалась в форме ограниченной автономии (так называемый Окрут — Okolie) в рамках Венгрии. После роспуска общевенгерского сейма Веной словаки в декабре 1861 г. направили лично императору так называемый венский Меморандум — самую разработанную государственно-правовую программу словаков до 1918 г. Ее ядром была политическая и культурная автономия с четким механизмом отношений с Веной и Пештом.

Создание общенациональной надконфессиональной организации Матицы словацкой, равно как и нескольких средних школ явилось скромным результатом всей кампании прошений и меморандумов. Отдельные представители национального движения расходились в отношении оценки этих результатов и политической тактики, что послужило толчком к формированию двух идейно-политических лагерей: традиционной и основывающейся на штуровской программе провенски настроенной Старой школы и новообразованной Новой школы словацкой, которая прагматически взвесила политические возможности словаков исключительно в рамках Венгрии и в договоренности с венгерскими политическими партиями. Оба течения являлись показателем политического колебания между Веной и Пештом, а также возникновения некоторых новых моментов в словацкой политике (стремление привлечь так называемое словацкое дворянство, пролетариат, словацких предпринимателей и еврейский элемент).

3.2. В период оборонительной тактики и пассивности

Австро-венгерское соглашение 1867 г. открыло второй этап развития словацкой политики, содержанием которого стала адаптация к условиям дуализма. Закон о национальностях (1868 г.) официально утвердил идею единой политической венгерской нации и ограничил положение невенгерских народов в новых государственно-правовых условиях рамками чисто фольклорных групп. Он не признавал их существования, не признавал за ними общественных и политических прав. По этой причине со стороны политических элит невенгерских народов он столкнулся с категорическим неприятием, которое нисколько не изменили даже уступки в вопросах языка, культуры, школьного образования и объединений, внешне придававшие закону характер либеральный и идущий навстречу национальным чаяниям. Однако действительность свидетельствовала об обратном. На практике закон никогда не соблюдался, и потому последующий период явился для словаков временем тяжелых испытаний, когда они подвергались безжалостной мадьяризации и когда попирались основополагающие атрибуты их национального бытия.

Антагонистичная позиция венгров привела к отмиранию концепции Новой школы словацкой. Старая школа в начале 70-х гг. преобразовалась в Словацкую национальную партию (СНП), которая более чем на 20 лет стала монопольной и более чем на 40 лет — доминирующей политической партией. Она стояла на платформе традиционализма, русофильства и идеологического консерватизма, но по мере развития словацкого общества, а также из-за собственных неудач была вынуждена перестраиваться, пересматривать и менять свои позиции.

Венгерско-хорватское соглашение (1868 г.) и предоставление статуса автономии хорватам ослабило прежде в сущности единый антивенгерский фронт. Следом за этим словацкое население (впрочем, это касалось и сербов, и румын, и русинов) подверглось чрезвычайно сильному мадьяризаторскому давлению, жертвой которого вскоре стали все институциональные завоевания предыдущего периода — Матица словацкая и словацкие школы. А поскольку после соглашения о дуализме чехи становятся одной из составляющих западных частей империи, чешская политика переориентировалась на концепцию исторического права в стремлении добиться равноправия для своего национального бытия. Таким образом, она потеряла интерес к словакам как своим союзникам и к словацкому вопросу как составной части более широких концептуальных решений. Словаки с их концепцией естественного права, отвергая историческое право как «старый хлам», оказываются в сложном положении. Преследование словацкой печати, неполитических объединений, отдельных личностей, а также беспардонное запугивание участников избира-

тельных кампаний заставляют перейти к бойкоту выборов в качестве своего рода демонстрации сопротивления политической системе. Видимость потенциального союзника и «защитника» в представлениях словацких политических лидеров играет славянская Россия, вера в которую усилилась особенно после ее «освободительной» миссии на Балканах в семидесятых годах.

3.3. Появление новых течений и концепций

Начальный рубеж третьего целостного периода в развитии словацкой политики мы связываем с наступлением девяностых годов, которые хотя и не отмечены никакой вехой ни в государственно-правовом, ни в государственно—политическом отношении, но с точки зрения модернизации общественной жизни и внутреннего идейно-политического и социально-экономического развития являются ключевым периодом и в общегосударственной, и в венгерской, и в словацкой истории. В сфере экономики совершается промышленная революция и окончательно преодолевается затяжной аграрный кризис. Вследствие этого ускорилося экономическое развитие, что нашло выражение в качественных изменениях в промышленности, сельском хозяйстве и в финансовой сфере. В 1890 г. в Венгрии пало правившее 15 лет правительство Кальмана Тисы, в 1893 г. — 14-летнее правление Эдуарда Таафе в Цислейтании. В общегосударственном масштабе наступает период внутривнутриполитической нестабильности, проявляющейся в частых сменах кабинетов министров, в обострении внутривнутриполитической борьбы и австро-венгерского антагонизма. Наиболее выпукло он выразился в незаключении австро-венгерского экономического соглашения в 1897 г. и в росте влияния партий венгерского политического национализма, опирающихся на традиции революции 1848—1849 гг. Им противостояла правительственная Либеральная партия, стоящая на платформе австро-венгерского соглашения.

Примечательным феноменом уходящего XIX столетия остается по-прежнему сильное влияние идейно-политического брожения в тогдашней Европе на венгерское внутривнутриполитическое развитие и его дифференциацию. В 1890 г. на основе решения пари́жского конгресса II Интернационала возникает всегосударственная Социал-демократическая партия Венгрии, что подвело черту под одним из этапов организационного и идеологического развития пролетариата в общегосударственном масштабе Венгрии. В 1894 г. на политической сцене появляется партия политического католицизма — Венгерская католическая партия (*Magyar Katolikus Néppárt*, в дальнейшем ВКП). Ее появление было вызвано изданием папской энциклики *Rerum novarum*, а также ожесточенной внутривнутриполитической борьбой за принятие так называемых церковно-полити-

ческих законов. На почве противостояния этим современным законодательным нормам, ослабляющим влияние католической церкви в государстве, мобилизовалась и словацкая общественность. Правда, ВКП с самого начала наметила себе словацкую территорию, используя сильный католицизм большей части местного населения и свободное из-за пассивности СНП оппозиционное политическое пространство. Более того, в программе ВКП был пункт, требующий соблюдения закона о национальностях, что создало предпосылки для политических контактов и установления сотрудничества на выборах с СНП. Со словацкой стороны проводниками идеи сотрудничества с ВКП и политической активизации СНП стали члены СНП вне Мартина во главе с Милошем Штефановичем, Само Дакснером, Густавом Аугустини и другими. После тридцатилетнего затишья в Словакии снова устраиваются массовые политические митинги, а в выборах 1896 г. участвуют персонально и словацкие кандидаты в сейм. Активизация политической жизни, вызванная инициативами ВКП и недовольством тактикой политической пассивности, проявилась в организации интенсивного словацко-румынско-сербского сотрудничества. От словаков этим занимались вышеупомянутые немартинские представители среднего поколения членов СНП. На почве контактов невенгерского студенчества впервые упоминается и сразу же очень активно проявляет себя Милан Годжа. В результате оживленной сербско-румынско-словацкой совместной деятельности и политических переговоров в августе 1895 г. в Будапеште состоялся конгресс национальностей. Тогда это мероприятие, может быть, впервые показало Европе всю остроту национального вопроса в Венгрии, что имело особое значение ввиду приближающегося помпезно организуемого общегосударственного празднования тысячелетия Венгрии. Митинг невенгерских народов в Париже в 1896 г., направленный против этих торжеств, явился очень важным протестным актом и как одно из звеньев международного сотрудничества лишний раз свидетельствовал о том, что политическая активность выплеснулась уже и за венгерские пределы.

Словацкое общество и общественная мысль в 90-е гг. целеустремленно открываются миру и очень внимательно присматриваются к идейному брожению в Европе, которое применительно к словацким условиям переносится главным образом студентами высших учебных заведений в тогдашних центрах Австро-Венгрии. Молодежь находится в магнитном поле действия и влияния множества идеологических (разные формы социализма, либерализм, анархизм, католический модерн и т. д.) и философских (толстовство, материализм и т. д.) течений, научных концепций, а также революционных открытий в науке и технике. Открытость словацкого общества этим веяниям оказало в высшей степени положительное влияние на его внутреннюю идеологическую дифференциацию,

на характер внутривосточных и идеологических дискуссий, равно как и на комплексную модернизацию политических структур.

Либеральное направление в словацкой политике во главе с Вавро Шробаром сосредоточилось вокруг журнала «Глас» и было создано учащимися высших учебных заведений, недовольными пассивной позицией и консервативным мировоззрением руководства СНП в провинциальном Мартине. Это направление возникло, несомненно, и на почве традиционного конфликта «отцов и детей», но решающим идейным влиянием оно было обязано пражской среде и Томашу Гарригу Масарику. Этот философ и политик первым признал словацкий вопрос естественной составной частью чешской политики и открыто заявлял о взаимообусловленности обоих национально-освободительных движений. Гласисты выступали с требованиями демократизации политики, «малых дел» среди простого народа, а во «внешнеполитическом» смысле стояли на платформе чешско-словацкого взаимности. В соответствии с этим они поддерживали интенсивные взаимосвязи и сотрудничество и создали свою организационную структуру (общество «Чехославянское единство», основанное в 1896 г.) Хотя «Глас» в 1904 г. прекратил существование из-за внутренних разногласий среди лидеров, но его дело не умерло и было продолжено следующим поколением, сгруппировавшимся перед войной вокруг журнала «Пруды». Прудисты со своим либерализмом в еще большей степени были подключены к европейскому идейному брожению и пошли еще дальше в углублении всестороннего чешско-словацкого сотрудничества. Многие из них прониклись идеей чешско-словацкого национального, а в перспективе и языкового единства.

В части своих инициатив словацкая политика следует общевенгерским тенденциям, однако в некоторых моментах уже действует и автономно. В этом смысле пример показали словацкие католические священники, которые откололись от ВКП, и дальнейшее их развитие привело к созданию собственной — Словацкой народной (по-словацки «людовой», т. е. простого люда) партии (1913 г.) во главе с Андреем Глинкой. Центр словацкого рабочего движения на рубеже столетий перемещается из Будапешта в Братиславу. Словацкие социал-демократы выразили свою неудовлетворенность политикой общегосударственной партии созданием в 1905 г. собственных партийных организаций. Хотя через год они вернулись в лоно родной партии, но сохранили определенную форму автономии. Влияние русской революции 1905—1907 гг. сказалось в радикальной настроенности масс и даже способствовало совместным выступлениям некоторых течений словацкой политики. Их совместным требованием стало всеобщее избирательное право, с которого разворачивалась демократизация в Венгрии.

В годы перед первой мировой войной в рамках словацкой политики развивалось независимо друг от друга несколько автономных политических ответвлений. Милан Годжа сначала пытается на почве парламента восстановить словацко-сербско-румынское сотрудничество, а с 1905 г. принимает участие в организации Сеймовой партии национальностей, созданной депутатами этих трех народов. С 1907 г. он попадает в непосредственное окружение наследника престола Франца Фердинанда, который в стремлении подготовить почву для пересмотра соглашения о дуализме окружил себя венгерско-немадьярскими оппозиционными политиками. Эта политическая альтернатива делает ставку на федерализацию империи и ослабление венгерской политической силы. Милан Годжа в последующей политической деятельности склоняется к политической линии аграриев и приходит к созданию аграрной партии. По-прежнему все более сильное влияние среди многообразных политических течений (социал-демократия, либералы, аграрии, частично СНП и католическое течение) приобретает словацко-чешское сотрудничество, которое проникает во все области — от политики, культуры, образования, торговли, банков вплоть до организации международной поддержки в США и в Западной Европе.

В 1906 г. после двукратной победы на выборах и внутривнутриполитического кризиса к власти приходит националистическая объединенная коалиция, возглавляемая Партией независимости и стратегически стремящаяся к ревизии дуализма и возврату к требованиям венгерской революции 1848—1849 гг. Однако ее правление до 1910 г. ознаменовалось прежде всего шовинистической политикой в отношении невенгерских народностей. Законы Аппони (*lex Apponyi*), увенчавшие процесс мадьяризации школьного образования, процессы против печати, репрессии и драконовские наказания политиков вылились в 1907 г. в кровавую расправу в Черновой, где жандармы застрелили 15 и ранили десятки крестьян. Чернова пригвоздила венгерскую национальную политику к позорному столбу цивилизованной Европы. В защиту словаков выступает норвежский гуманист Бьёрнстjerne Бьёрнсон, шотландский публицист Роберт Уильям Сетон-Уотсон, швейцарский писатель Вильям Риттер, большая группа французских славистов, и прилагаются усилия, чтобы в защиту словаков высказался Лев Толстой. Чернова вызвала волну чешско-словацкой солидарности и активизировала движение солидарности среди сотен тысяч словацких эмигрантов в США.

В словацком национально-освободительном движении с рубежа 90-х гг. политические инициативы начинают соединяться с экономическими. Осознание того, что сильным политически может быть только тот, кто обладает действенными экономическими рычагами, в словацких условиях означает переход политики на качественно более высокую ступень.

Последней предвоенной программой СНП, составленной в 1913 г. бывшими гласистами, словацкая политика перекидывает мост к «Меморандуму» 1861 г. Идея автономии дополнена экономической программой и заключена в рамки всестороннего чешско-словацкого сотрудничества. Оформление надпартийного Словацкого национального совета в 1914 г. опирается на традиции революции 1848 г. и является еще одним, на сей раз институциональным мостом к той эпохе в развитии словацкой политики.

Словаки, как и румыны, добиваются переговоров с правительством, и как политический субъект они в это время сильнее, чем когда бы то ни было прежде. Приход в политику молодых венгерских интеллектуалов, настроенных на волну общеевропейского идеологического развития, возбуждает надежды на самокритичный пересмотр венгерской национальной политики и на последовательную модернизацию общественных отношений в Венгрии. Однако разразившаяся мировая война полностью перечеркнула все ожидания, позитивные тенденции и надежды, возлагавшиеся на дальнейший ход развития.

4. КУЛЬТУРА В ПОЛИЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ

4.1. Уклад, региональные и социальные различия

Традиционные географические, исторические и культурные различия между отдельными регионами Словакии в XIX в. еще более подчеркнуло неравномерное развитие урбанизации и индустриализации. Территории, расположенные в стороне от магистральных путей, отставали по уровню цивилизованности. Жизнь людей в сельской местности по-прежнему зависела прежде всего от природных условий. В зоне низинной культуры, где выращивали пшеницу, кукурузу, сахарную свеклу, табак, виноградную лозу, абрикосы и дыни и где разводили свиней, раньше отказались от трехпольной системы возделывания земель, быстрее модернизировалось сельское хозяйство, быстрее проникали фабричные изделия и городские веяния в одежде и в столовании. Этнические различия между словацким и венгерским населением проявлялись не столько в материальной культуре, сколько в языке и в отдельных признаках влияния строгих кальвинистских установок.

Зона горной культуры с многочисленными относительно изолированными долинами отличалась более суровыми климатическими условиями и худшей почвой, зато обладала лесными богатствами и рудными месторождениями. Там разводили крупный рогатый скот и овец, выращивали менее требовательные к природно-климатическим условиям растения, как

картофель, овес, ячмень, просо, гречиха, капуста. Низкопродуктивное сельское хозяйство вынуждало людей искать дополнительные способы зарабатывать: торговать в разнос и подаваться на сезонные работы на юг.

Этнографический атлас Словакии (1990 г.), отражающий тенденции развития с середины XIX в. до середины XX в., указывает на три основных характерных обстоятельства в развитии народной культуры Словакии: 1. По территории Словакии проходили границы западно-европейских и восточно-европейских культурных явлений, и это нашло свое выражение в типах семьи, в музыкальном стиле, в обрядовой культуре и т. п. 2. Народная культура обусловлена в первую очередь природными условиями, по которым, — как уже было сказано, — Словакия делится на низинную и горную географические зоны. 3. На основе исторических, экономических, этнических и конфессиональных факторов можно выделить три большие области народной культуры: западнословацкую, восточнословацкую и среднесловацкую.

На западнословацкую область влияли культурные контакты с Моравией, Австрией (особенно с Веной) и с венгерскими областями. Здесь раньше других обзаводятся сельскохозяйственными орудиями фабричного производства и машинами, растет покупательная способность населения, расширяется ассортимент товаров в торговой сети. Тесные контакты с крупными городами способствовали быстрейшему освоению образцов городской культуры, например, здесь раньше всех прижились духовые оркестры и современные балльные танцы.

На культуру восточнословацкой области наложило свой отпечаток влияние греко-католической церкви с восточно-христианской литургией, восточно-европейской культуры, а также экономическая отсталость и массовая эмиграция. С одной стороны, в изолированных северных и северо-восточных районах сохранялись архаичные формы культуры, с другой, — реэмигранты из Америки приносили сюда новые элементы, стимулирующие модернизацию жизни населения.

В среднесловацкой горной области, в слиянии различных миграционных потоков (немецкая колонизация, валашская колонизация), земля по большей части принадлежала королевским городам, королевской казне и мелкому дворянству — земанам. В этой области доминирует пастушеская народная культура, и в то же время отсутствуют многие черты, присущие крестьянской среде западной и даже восточной Словакии.

Особое место принадлежит региональным культурам Спиша и Гемера. Эти жупы с большой долей немецкого и евангелического населения, отличающегося повышенной мобильностью, выделяются более высоким уровнем образованности.

Лишь небольшая часть населения Верхней Венгрии жила в городах (в 1910 г. около 10% проживало в селениях свыше 5000 жителей). Кри-

терии, по которым то или иное селение входило в разряд городов, были разные. Некоторые города в упадке были лишены характерных признаков городской жизни, в других, даже если они всего лишь большие поселки, была ключом городская жизнь. В 1900 г. в городах на территории Словакии было свыше 800 трехэтажных домов, более 100 четырехэтажных, 17 пятиэтажных и только два дома имели больше пяти этажей. В Братиславе тогда почти все дома были построены из камня или кирпича, а в южнословацких городах преобладали дома из необожженного кирпича. С конца XIX в. жизнь городов все больше определяется достижениями цивилизации: канализация, газификация, мостовые с твердым покрытием, регулярный вывоз мусора, водопровод, отопление, электричество и т. п. Перед 1918 г. электрической энергией могло быть снабжено только чуть больше 2% городов, где проживало около 14% населения. Во всех городах в Словакии в начале XX в. было чуть больше 1100 ванных комнат, из них в Братиславе 342 (в 2,6% квартир). Гигиеническим целям служили городские бани. Вводится городской общественный транспорт, строятся или реконструируются многочисленные общественные здания: ратуши, официальные учреждения, театры и казино, школы, церкви, музеи, банки, кафе, больницы.

Культура жилища отражает социальный статус. Аристократия по-прежнему живет в пышных дворцах-усадьбах и помещичьих усадьбах или в городских дворцах. Семья Палфи реконструирует Бойницкий и Смоленицкий замки в стиле романтического историзма. В крупных городах поодаль от центра и промышленных зон возникают жилые кварталы доходных домов с роскошными и обычными квартирами, а также кварталы особняков состоятельных горожан. В небольших городах в начале столетия появляются кварталы чиновничества и служащих. Часть рабочих жила в деревнях, где их быт ничем не отличался от окружающих, может быть, они жили еще беднее и часто в наемном жилье. Другие жили в бараках, построенных фирмой или помещиком. С середины XIX в. вблизи рудников и промышленных предприятий возникали рабочие поселки с общей социальной инфраструктурой, небольшими садами и собственными торговыми заведениями. Социальная инфраструктура зависела от занимаемого положения на работе, для мастеров и служащих строились даже казино, спортивные сооружения.

Крестьяне, как правило, жили в домах трехраздельного плана, где было одно жилое помещение, сени и чулан. Перегородив сени, получали новое помещение — кухню. Вначале в так называемой черной кухне пищу готовили на открытом огне, и дым свободно растекался по всему помещению. Со второй половины XIX в. начинают появляться плиты с выложенным кирпичом дымоотводом. Главное жилое помещение — горница — служит для сна, для устройства праздников, для приема гостей, но и

как рабочее помещение, используется для хранения продуктов (например, картофельные погреба), а зимой для временного содержания молодняка сельскохозяйственных животных. В более или менее зажиточных слоях крестьянства начинают выделять парадное помещение для приема гостей, так называемую светлицу.

Культура одежды второй половины XIX в. отмечена печатью универсализма, затрагивающего все более широкие слои населения. Ассортимент тканей расширился благодаря текстилю фабричного производства. Одежда крестьянского и пастушеского населения вплоть до XX в. сохраняла архаичные формы и шилась преимущественно из полотна (в низинных областях) и из сукна (в горных областях). Постепенно в праздничную национальную одежду стали проникать детали одежды земанов или ремесленников. Некоторые традиционные элементы костюма заменялись городскими — блузой или пиджаком. Промышленные рабочие и эмигранты из Америки, как правило, первыми в деревне начинали носить конфекционную одежду вместо традиционной.

В городской среде развитие культуры одежды шло по многим руслам. С 30-х по 70-е годы XIX в. был очень распространен тип одежды дворян, чиновников, городских верхов — так называемого венгерского костюма. Он состоял из прилегающего куртука до колен (аттила) с декоративными пуговицами и нашитыми поперек шнурами, из облегающих брюк, высоких сапог и меховой шапки с пером райской птицы. В упрощенном виде он составлял предписанную униформу венгерских чиновников. В период усиления мадьяризации в конце XIX в. ношение этого костюма приобрело венгерский национальный оттенок, поэтому сознательная словацкая интеллигенция перестала его носить.

Мужская одежда становилась все более простой и удобной. Практичность и целесообразность одежды мужчины должны были своим видом демонстрировать его деловитость, в то время как модная женская одежда имела представительский характер. Новые ткани фабричного производства, открытие синтетических красителей, изобретение швейной машинки, распространение модных журналов, которые оперативно информировали дам даже в местечках о последних новинках из Парижа, и внедрение современных методов продажи и рекламы влияли на женскую половину городского общества. В соответствии с увлечением историческими стилями мода тоже вдохновлялась прошлым — рококо и барокко (кринолины, потом платья с турнюром — подушечкой из конского волоса, подкладываемой сзади под платье ниже пояса). С конца столетия мода резко меняется, воплощая идеал женщины в стиле сепеессиона. К 1910 г. наконец начинают носить платья без корсета, прилегающие цельнокроенные или кимоно. Демократизация женской выходной и деловой одежды представлена английским костюмом, состоящим из юбки, жаке-

тика и блузки. Реклама пропагандирует модную одежду как продукцию столичного общества. Растущее распространение туризма, пребывания на курортах или на взморье увеличивают возможности показать себя. Характер одежды начинает заметно дифференцироваться на разные случаи общественной жизни. Соответствие одежды данному конкретному случаю становится обязательным для всех слоев городского общества, хотя это ставило под угрозу бюджет многих семей. Одежда указывала на принадлежность к определенной социальной или профессиональной среде.

В то время как венгры демонстрировали свою национальную идентичность «венгерским костюмом» государственных чиновников, у словаков дело обстояло иначе. В 60-х гг. в атмосфере раскованности национально сознательные словацкие горожанки, женщины и девушки, носили так называемые «меморандумные» перстни и браслеты с надписями, увековечивающими память о собрании и принятии «Меморандума» в Мартине в 1861 г. Попытка ввести мужской городской национальный костюм (так называемую галену), состоящий из белого суконного пальто на красной подкладке с синими шнурами, не удалась. С конца XIX в. в городской среде признаком проявления словацкого национального самосознания становится народная одежда. Дамы по случаю национальных празднеств надевают национальные костюмы, мужчины носят так называемые словацкие рубашки с вышитой грудью. Тот же смысл вкладывался и в устройство в домах и особняках словацких горожан так называемых «словацких комнат», убранных изделиями народных художественных промыслов.

Традиционный народный рацион питания до начала XX в. складывался главным образом из продуктов собственного производства. В нем было больше блюд растительного происхождения и молочных, чем мясных. Для словацкой народной кухни характерны картофель, каши из разных круп, овечий сыр, брынза, щи из кислой капусты с грибами, из напитков — теплая водка — жжёнка и водки как таковые, в низинной зоне вино. Городской тип питания — белые булочки, пироги, кофе, чай как элементы высшей, «господской» культуры в деревню приносили преимущественно мигранты и реэмигранты из Америки. В городском домашнем быту готовили еду главным образом по немецким, венгерским или чешским поваренным книгам, первую словацкую поваренную книгу издал в 1870 г. Ян Бабилон.

Новые методы организации труда и отделение рабочего помещения от жилого привело к появлению такого феномена, как «свободное время». Совместное времяпрепровождение досуга в общественных местах является характерной чертой повседневной жизни почти всех социальных слоев города. Городские сливки общества встречаются в кафе, в клубах, в театре, на бульваре; ремесленники и рабочие — в пивных и в тракти-

рах, где они устраивают свои культурные и образовательные мероприятия. Улицы и площади заполняются участниками церковных процессий и шествий, праздников каких-нибудь организаций и профессиональных групп. Большую часть культурных мероприятий организуют общества: пожарников, певческие, музыкальные, но и физкультурные, спортивные, образовательные, религиозные и т. п. В общественной жизни рабочих самыми знаменательными были празднования 1-го Мая и освящение знамени какой-либо организации. Праздники обычно завершались танцевальным вечером в летнем ресторанчике.

Танцам люди отдавали много энергии и времени. Танцы устраивались на масленицу — в масках и без, на «маялеса», на «июниалеса» (народные гулянья в мае, июне), на Анна-балах (бал в честь именин), на вечерах, организуемых обществами, на загородных гуляньях, на свадьбах и т. д. Парные танцы чардаш, полька, вальс, мазурка и кадрили, воспринятые из сопредельных национальных культур, служили выражением общей раскрепощенности личности, ускоренного ритма жизни, свободы поведения. На танцах чаще всего играли цыганские оркестры, военные оркестры, при фабриках возникали духовые оркестры. В начале столетия в кругах высшего общества появляются новые западные танцы, например, вальс-бостон. Уровень балов оценивается по количеству пар во время кадрили. Основным типом танца в народной среде были парные кружащиеся танцы традиционного стиля и их «неовенгерская» новинка — чардаш. В деревнях танцуют также вальс, польку, реже мазурку, а в западной Словакии — и кадрили. В некоторых случаях, на свадьбах или на масленицу, еще можно было увидеть старинные танцы — мужские, женские и традиционные местные.

С конца XIX в. заметно растет интерес к спорту. Сначала индивидуальные спортивные достижения были прерогативой аристократии и горожан, но перед первой мировой войной спортом уже занимались и ремесленники, и рабочие. О массовости отдельных видов спорта свидетельствует создание спортивных союзов общегосударственного значения. С 80-х гг. XIX в. вслед за гимнастическим союзом возникают центральные союзы велосипедистов, гребцов, пловцов и атлетов. С начала XX в. растет интерес к футболу, теннису и лыжам. Национально настроенные словаки отдают предпочтение скорее физкультурному движению, которое в Германии и Чехии (массовая физкультурная организация «Сокол») сыграло важную роль в движении национального освобождения. В эти годы словаки тоже пытаются основать организацию по типу «Сокола», но венгерские власти на подобную «панславистскую» инициативу так никогда и не дали разрешения.

В начале XX в. в категорию общественных развлечений входит кинематограф. Киносеансы владельцев передвижной кинопроекторной

аппаратуры постепенно вытесняются стационарными кинотеатрами (первый был открыт в Братиславе в 1905 г.). До первой мировой войны в Словакии появляется около 40 стационарных кинотеатров, которые в маленьких городах заменяют театр. Кино становится самым популярным видом городского народного развлечения. В крупных городах кинотеатры отличаются между собой репертуаром и интерьером в соответствии с социально дифференцированной публикой. Научно-популяризаторское общество «Урания» в Будапеште организует кинопроизводство и кинопрокат. Передвижной ярмарочный аттракцион превращается в важное средство просвещения и развлечения.

4.2. Религиозная и церковная жизнь

Постепенное и поступательное ослабление связей с религией, все заметнее ощущаемое особенно в начале XX века, приводило к трансформации религиозных ценностей и практики. Церкви стремились заблокировать явления модернизации — секуляризацию, индивидуализацию, материализм, либерализм и т. д. — новыми средствами вовлечения в религиозную жизнь. Восстанавливаются старинные приемы возбуждения религиозного чувства (в католицизме культ Богородицы, культ Сердца Иисуса, реорганизация паломничества) и миссионерство, развивается новоконфессиональная полемика. Противостояние между ценностями христианства и «безбожного либерализма» достигает кульминации в политике так называемого «Культуркампа»¹ (букв. борьба за культуру). С помощью новейших технических средств — газет, народной печати, обществ, массового паломничества по железной дороге — распространяется единое представление о «хороших» католиках или протестантах, а из народной религиозной жизни изгоняются ее местные неканонические проявления. С одной стороны, заметно стремление к углубленному спиритуализму, с другой стороны, внешняя конфессиональная активность исключает верующих других церквей и создает непреодолимые преграды между людьми. Острый антагонизм между конфессиями заявляет о себе не только в полемике, но и в реальной поляризации общества (сепаратизм в школьном образовании, в процессе формирования общественных объединений, в семейной жизни) и в придании религиозным конфликтам политического характера.

Конфессиональная дифференциация являлась одной из основополагающих особенностей населения Венгрии. Из всех словаков в Венгрии

¹ «Культуркамп», или «борьба за культуру» — борьба между Бисмарком и католической церковью в 70-х—80-х гг. XIX в. В Австро-Венгрии пик «борьбы за культуру» пришелся на 90-е гг.

70% заявляли о принадлежности к римско-католическому вероисповеданию, 5% к греко-католическому, 24% к лютеранству, 0,5% к кальвинизму и 0,5 к иудейскому вероисповеданию (1900 г.).

Самые сильные позиции имела католическая церковь, к которой принадлежало почти 52 % населения Венгрии и 75 % населения на территории Словакии (1900 г.). Конкордат, заключенный между Габсбургской монархией и Святым престолом в 1855 г., поддержал процесс усиления позиций католицизма в империи и вернул церкви ее громадные привилегии, в частности, контроль над преподаванием во всех учебных заведениях и участие в цензуре. Однако совсем выйти из-под зависимости от государства церкви не удалось; государство финансировало церковные школы, а также платило священнослужителям. Движение за автономию церкви не увенчалось успехом. Дело в том, что епископы опасались потерять свои позиции, поскольку при автономии большинство составляли бы миряне. Министерство культов, в свою очередь, не хотело лишиться церковного фонда (прежде принадлежавшего упраздненным монастырям имущества, которым с конца XVIII в. распоряжалось государство). Церковь сомкнулась с политическим консерватизмом (с «людовой» партией), в то время как государство считало себя единственным легитимным представителем политического либерализма. Апогеем политики «Культуркампа» стали церковно-политические законы 1894—1895 гг. Они решили проблему гражданской регистрации брака, религиозной принадлежности детей, государственных метрических свидетельств, отношения к иудейской религии и всеобщей свободы вероисповедания, при этом дети всегда должны были принадлежать к одному из общепризнанных вероисповеданий. Католическая церковь чувствовала себя загнанной в угол и ограбленной, лишившись многовековых привилегий. Всю вину она возложила на либеральное государство, за спиной которого стояли «евреи и протестанты» или масоны.

В ходе «борьбы за культуру» сформировалась новая, в духе времени позиция церкви, проявившаяся во включении в политику и в социальную проблематику. Под влиянием папской энциклики «*Regum novarum*» развивается христианско-социальное движение, направленное против социализма, капитализма и проникнутое антисемитской риторикой. Благодаря размаху деятельности социальных и просветительных рабочих объединений, издательских обществ («Общество Св. Войтеха»), Католического народного союза и католических съездов, собиравшихся с 1900 г., активизируется светский элемент. Однако в целом движение возрождения в католической церкви не привилось.

Церковь не освободилась от государства, вследствие такого положения вещей ее иерархи, зависящие от венгерского правительства, распространяли идеи мадьяризации, и это отчуждало от них невенгерские на-

роды. Словацкий католицизм был неотъемлемой частью венгерского католицизма. Правительство назначало в епархии Верхней Венгрии епископов, которые не знали словацкого языка. Церковь старалась пресечь культ Кирилла и Мефодия как проявление «панславизма». Епископы проголосовали за законы о школьном образовании, по которым католические школы перешли под контроль правительства и мадьяризировались.

Ввиду глубоко укорененной религиозности и общего низкого уровня образования народных масс местный священник был для них весьма важной фигурой, и церковные верхи использовали его авторитет для проведения политики правительства среди населения. Давление на священников, настроенных национально-патриотически, было необычайно сильным. Численность словацких приходских священников и капелланов быстро сокращалась: в 1910 г. из 4000 священников верхневенгерского региона родным языком называли словацкий только 541. Мессы, проповеди, церковные песнопения, молитвы, катехизис и католическое школьное образование, а частично и общественные объединения использовались для распространения венгерского языка.

Словацкие верующие не всегда пассивно принимали решения церковных властей. Иногда дело доходило до бунтов и протестов. Поэтому часть священников решила не ходить на конфирмацию в словацкие районы, другие проводили конфирмацию в сопровождении жандармов. Уникальную форму и продолжительность имел протест против назначенного промадьярского священника в Лучках в Липтове, где крестьяне в 1906—1911 гг. бойкотировали священника и церковь, а все обряды исполняли сами. В близлежащей Черновой во время освящения церкви вспыхнул скандал, который 27 октября 1907 г. закончился стрельбой по сельчанам (15 убитых и 70 раненых) и последующим сфабрикованным судебным процессом против жителей Черновой. Хотя суть конфликтов верующих с католическими священниками и высшими иерархами церкви лежала в религиозной сфере, их обострение и широкое освещение средствами информации повлияли на гражданское и национальное сознание словаков как на местном, так и на общенациональном уровне.

Протестантские церкви в Венгрии — лютеранского и кальвинистского толка — придерживались принципа паритета духовенства и мирян. Их пресвитерианско-синодальное церковное управление предоставляло протестантам сравнительно большую свободу, чем в австрийской части монархии, где действовала консисторская система. Протестантское духовенство объединяли более демократические структуры, чем живущее в строгой субординации католическое. Однако ввиду слабой материальной базы протестантские церкви зависели от государственной поддержки их институтов, школ, приходских священнослужителей и учителей.

Вследствие этой материальной зависимости они разделяли правительственную идеологию единой политической нации, т. е. мадьяризацию.

В начале XX в. к лютеранам принадлежало 430 000 словаков (24% словаков по всей Венгрии и 14% всех жителей на территории Словакии), и это в 210-ти чисто словацких церковных общинах, в 79-ти словацко-венгерских, в 9-ти словацко-немецких и в 26-ти трехязычных. Высокий авторитет родного языка в протестантской традиции и большая децентрализация протестантской церкви позволили словацкому национальному движению опираться на местные и региональные церковные структуры. Еще перед революцией 1848—1849 гг. в автономном управлении протестантской церкви активизировалось венгерское дворянство, рьяно насаждавшее мадьяризацию. Послеревolutionные предложения Яна Коллара и Карола Кузмани о реорганизации протестантизма в Венгрии были направлены на ослабление влияния светских патронов, т. е. венгерской аристократии.

Проект Кузмани об изменениях в организации управления лютеранской и кальвинистской церковью лег в основу так называемого Протестантского патента, который император издал в 1859 г. в качестве имеющего силу закона для Венгрии. Новая территориальная организация суперинтендантства принимала во внимание территорию Словакии и позволяла словакам и немцам более или менее сплоченно выступать против засилья венгров. Новообразованное Братиславское суперинтендантство под руководством Кузмани ставило перед собой высокую задачу выполнять функцию словацкой национальной церкви, но после смерти Кузмани в 1866 г. оно перестало существовать. В соответствии с патентом было реорганизовано только 229 лютеранских церковных общин, преимущественно словацких. Интенсивная борьба венгров против патента, который они расценивали как воплощенный диктат Вены, организационная неподготовленность словаков и постепенные уступки Вены под давлением венгерских политиков привели после 1867 г. к ликвидации созданных патентом условий.

Лютеранский синод в 1894 г. принял новое территориальное деление, которое сильно ущемило положение словацких протестантов. Однако демократическая организация церкви предоставляла определенное поле деятельности не только проправительственным протестантам, но и «антивенгерским диссидентам», т. е. национально сознательным словакам. Когда генеральный конвент не дал разрешения на внутримиссионерское общество «Траносциус» с мотивировкой, что тем же целям служит уже существующее «Общество Лютера», словаки основали «Траносциус» как акционерное общество (1897 г.). С 1899 г. они ежегодно собирались на внутримиссионерских и пастырских конференциях, которые стали корпоративным членом международного Лютеранского союза. Росло

количество протестантских журналов. В начале XX в. наряду с чешским языком Кралицкой Библии во многих храмах уже переходили на словацкий как равноценный богослужебный язык.

Угроза секуляризации заставляла и протестантскую церковь внешне и внутренне мобилизоваться. Развивается внутреннее миссионерство как протестантское движение за ликвидацию материальной и моральной нищеты, в помощь беднякам и больным. Возникают словацкие, венгерские и немецкие внутримиссионерские общества. Братиславский пастор и сениор Карол Эуген Шмидт основывает венгерскую женскую диаconiю — институт протестантских сестер милосердия. Вне главного русла протестантской благотворительности в сфере религиозного возрождения, социальной заботы и борьбы с алкоголизмом действует общество «Синий крест» (Кристина Ройова с сестрой в Старой Туре).

В восточной Словакии при формировании коллективной идентичности важную роль играла греко-католическая церковь. Статистически численность греко-католиков в начале XX в. составляла 4% населения Словакии (более 76 тысяч словаков и русинов). Греко-католическое епископство в Прешове из-за недостаточности политических и социально-культурных предпосылок не могло стать центром теологического учения, а ввиду отсутствия русинского школьного образования здесь не мог появиться и культурный центр русинов. Церковные верхи по условиям своего существования были связаны с государством, и в силу этих причин епископство было сильно мадьяризовано. Греко-католическое духовенство вместе с ассимилированной интеллигенцией убеждало народ, что русины в Венгрии — это «греко-католические венгры». Они старались ввести венгерский язык в литургию, заменить кириллицу на латиницу и перейти с юлианского календаря на григорианский. Мадьяризация не обошла и соседнее ужгородское епископство.

По причине неразвитости гражданского и национального самосознания у большинства греко-католических верующих против мадьяризации церкви протестов было мало. Особой формой недовольства греко-католической церковью являлась схизма — переход в православную веру. В 1901 г. реэмигранты из Америки намеревались организовать православный приход в Бехерове в Шарипе. Это движение приобрело относительно большой размах в Закарпатье в мукачевском епископстве, где в православие начали переходить целыми деревнями.

Примерно 150-тысячная еврейская община на территории Словакии (5% населения в 1910 г.) являлась составной частью венгерского еврейского населения. Ее судьбы складывались в силовом поле скрещения разных факторов — процессов модернизации, еврейской эмансипации в обществе (завершившейся с предоставлением равноправия в 1895 г.) и внутреннего религиозного «освобождения» посредством хасидизма и ев-

рейского просветительства хаскалы. Евреи в Словакии в социальном смысле не были однородным сообществом. Кроме социальной дифференциации, они различались между собой культурным базисом, что объясняется одновременностью потоков их переселения. В западной Словакии евреи склонялись скорее к светскому образованию и к связям с окружением, тогда как в восточной Словакии утвердился замкнутый ортодоксальный хасидизм, демонстрируемый и в повседневной жизни: во внешнем виде, в одежде, в обычаях, в языке — идиш.

В процессе вхождения в венгерское гражданское общество евреи оказывались в принципиально иных для себя политических и социальных условиях. Прежде они определяли себя только по принадлежности к своей религии, но эмансипация в XIX в. предоставила им возможность выбора — идентифицировать себя и в национальном отношении или ассимилироваться с другим народом. Среда замкнутых традиционных общин не располагала к адаптации в мажоритарном обществе, поэтому некоторые группы стремились реформировать ее — посредством введения новых элементов в богослужение и в строительство синагог, перемены статуса раввина и т. п. Культурная борьба между приверженцами традиции (с центрами в Братиславе и в восточной Словакии в Гунцовцах) и сторонниками реформирования (с центром в Пеште) привела к созыву на рубеже 1868—1869 гг. конгресса в Пеште, на котором евреи Венгрии раскололись на два течения — ортодоксальное и реформаторско-неологическое. На территории Словакии, — в отличие от остальных частей Венгрии, — преобладали ортодоксальные евреи. На рубеже веков их численность возросла вследствие нового притока переселенцев из Галиции. Религиозные и социальные потребности еврейской ортодоксальной общины «Оберланд» удовлетворялись стараниями примерно 170 религиозных общин, которые содержали 38 училищ (ешив) для будущих раввинов и около 100 еврейских начальных школ. Зарекомендовавшие себя ешивы со своей программой «прешпорского стиля» готовили священнослужителей и для других регионов империи, и для заграницы. В еврейских объединениях, которые тоже делились на ортодоксальную и неологическую часть, большинство организаций носило религиозный или социальный характер. С конца 90-х гг. к ним добавились сионистские организации с новой интерпретацией еврейства в форме еврейского национализма.

4.3. Школьное образование

Характер системы венгерского школьного образования во второй половине XIX—начале XX вв. определяли два направления, которые по мнению венгерских политиков были логически связаны между собой, а с точки зрения невенгерских национальных движений противоречили

одно другому. С одной стороны, расширялась сеть школ, строились новые школьные здания, повышалась забота о гигиене, о материальном обеспечении школ, повышался и профессиональный уровень обучения, росла численность закончивших школу, росла образованность общества, а число неграмотных медленно, но верно сокращалось — в среднем по всей Венгрии с 50% в 1890 г. до 33% в 1910 г. Региональные различия были весьма велики, в частности, в Шарише неграмотность достигала целых 41% (в 1910 г., а двадцатью годами раньше — 66%), тогда как в Братиславской жупе — 19% и в самой Братиславе неполных 10%. Охват детей школьным образованием постепенно увеличивался, в конце столетия в Верхней Венгрии в начальной школе училось в среднем 87% детей.

Однако второй аспект системы школьного образования заключался во все большем влиянии государства и вместе с ним мадьяризаторской политики в эпоху дуализма.

Реформы Туна 1851 г., выстроившие систему среднего школьного образования в монархии, на территории Венгрии касались только католических школ. Гимназии делились на высшие 8-классные и низшие 4-классные, вводился новый тип гимназий — реальные гимназии. Употребление национальных языков зависело от этнического состава учащихся и от решения учредителя школы. В 50-х гг. в 27-ми гимназиях в Словакии (14 протестантских и 13 католических) на первом месте были немецкий и венгерский языки, «старословацким» (чешским) как главным языком обучения пользовались в 8-ми гимназиях. Конкордат 1855 г. расширил вмешательство церковной иерархии в школьную политику. Закон о начальных школах 1868 г. ввел обязательное 6-тилетнее школьное образование.

Во время оживления национальных движений в 60-х гг. возникли три словацких гимназии, две лютеранские — в Ревуцей и в Мартине — и одна католическая в Клашторе-под-Знэвом. Они функционировали без помощи государства, только на основе добровольных пожертвований церковных общин, обществ и отдельных граждан. Когда венгерское правительство начало проводить курс на радикальную мадьяризацию, оно закрыло словацкие гимназии (1874, 1875 гг.), и с той поры вплоть до 1918 г. словаки не имели собственного среднего школьного образования.

Намерения венгерской школьной политики красноречиво выразил депутат .Бела Грюнвальд в своей статье «Фелвидек» (Верхняя земля¹): школы должны играть роль мельниц, в которые войдут дети невенгерских национальностей, а по окончании школы из них будут выходить сознательные венгерские патриоты. Закон 1879 г. ввел обязательное обу-

¹ Felvidek, — Верхняя земля — традиционное название словацкой территории в венгерском языке.

чение венгерскому языку в начальных школах. Мадыяризация школьного образования и преследование словацких учителей за проявление собственной этнической принадлежности усилились в 90-е гг. в связи с кампанией Миллениума — торжеств по случаю тысячелетия прихода венгров в Карпатскую котловину.

Шовинистическая школьная политика сосредоточила внимание на начальной школе. В 1898—1902 гг. в Словакии было открыто 154 новых государственных начальных школ. Постепенно урезали полномочия церковного школьного образования. Из администрации школьных округов и попечительских советов должны были исключить всех, кто не владел государственным языком. Школьной программой предусматривалось столько учебных часов на венгерский язык и на уроки на венгерском, что обучать словацкому было невозможно. При школах организовывались молодежные общества, чтобы и после окончания школы держать молодежь в венгерском духе.

Если принципиальной стороной школьной реформы 1868 г. была либерализация школьного образования, то ядром реформ в начале XX в. являлась исключительно мадыяризация. Омадыяривание венгерского школьного образования нашло крайнее выражение в пресловутых законах Аппони 1907 г. Очень серьезные последствия вызвал закон о бесплатном обучении в начальных школах. Само по себе прогрессивное предложение бесплатного образования для всех имело и свою оборотную сторону. Этим законом министерство лишило блюстителей общинных и церковных школ доходов от вступительных взносов, от школьных и образовательных сборов и заставило их просить помощи у государства. А она обуславливалась усиленным обучением государственному языку. После вступления этого закона в силу на всей территории Словакии резко увеличилось количество государственных школ с обучением на венгерском языке. В последние годы перед первой мировой войной только 16% словацких детей получало начальное образование на родном языке, а словацкого среднего и высшего образования не было вообще.

Катастрофическое положение национального образования словацкие политики старались облегчить с помощью «Чехославянского единства», выделяя средства на обучение словацких ремесленников, учащихся средних школ и высших учебных заведений в Моравии и Чехии.

Венгерская политика в области образования была призвана поддерживать ассимилятивные процессы и воспрепятствовать появлению уверенных в себе, образованных средних слоев как носителей идей невенгерских национальных движений. Несмотря на усиленные меры воздействия, в целом эта политика ожидаемых результатов не принесла, отчасти из-за сопротивления замкнутого в себе деревенского сообщества, а отчасти только потому, что у нее не хватило времени воспитать несколько поколений

методами «аппониевского» образования. Знание государственного языка росло очень медленно, и начальное обучение на каком угодно языке, кроме родного, оказывалось неэффективным. Насильственное внедрение венгерского языка вызывало сопротивление. Образовательная политика в значительной степени способствовала отчуждению невенгерских народностей от государства и дискредитировала венгерские правительства в глазах зарубежной общественности.

4.4. Периодическая печать и книжная культура

Размах периодических изданий «для широкой общественности» и прогресс типографской техники свидетельствовал и в периферийной Верхней Венгрии о наступлении эры средств массовой информации, которые стандартизируют общественное сознание, например, в области потребления посредством рекламы, и в то же время способствуют дифференциации общества, например, в сфере политики.

В период неабсолютизма и венгерская, и словацкая журналистика находилась в состоянии упадка. Немецкая журналистика развивалась, помимо прочего, возникли немецкие специальные периодические издания в области права и естественных наук. В монархии выходило в общей сложности 11 наименований словацкой периодики. Издаваемая в Вене газета «Словенске новины» (1849—1861) пропагандировала политику австрийского правительства. Йозеф Милослав Гурбан в 1851 г возобновил издание первого словацкого литературного журнала «Словенске погляды» (Словацкое обозрение), который частично замещал прекратившую существование шутовскую политическую газету. Появляются первые словацкие церковные журналы.

С ослаблением цензуры в 60-е гг. возникает вторая самостоятельная политическая газета словаков «Пештьбуди́нске ведомости», которая становится важнейшим органом национального движения. С 1870 г. она продолжала издаваться в Мартине под названием «Народне новины» (Национальная газета) до 1948 г. В период деятельности центральной культурной организации Матица словацкая выходит 46 словацких периодических изданий, среди них специализированные педагогические, литературные, юмористические, детские и молодежные журналы и научное периодическое издание «Летопис Матицы словацкой». Первый словацкий профессиональный журналист Даниэль Лихард издает в Скалице добротный экономический журнал «Обзор». Самого большого тиража (до 3 000 экземпляров) достигла в этот период газета «Народны гласник» (Национальный вестник, 1868—1914), очень популярный у сельских жителей.

В период застоя национального движения в эпоху дуализма количество словацких периодических изданий сокращается до 39, не считая 4-

х мадьяризаторских по духу изданий на словацком языке (1875—1897). В 90-е гг. растет число церковных журналов, тоже мадьяризаторской направленности. В центре словацкой издательской деятельности, в Мартине, хотя и выходят 19 названий периодики, но в условиях провинциального местечка они могут предложить лишь запоздалую и малозначительную информацию, так что образованная общественность предпочитает венгерские и немецкие издания. Печатный орган Словацкой национальной партии «Народне новины» выходит малым тиражом и с 1881 г. из-за недостатка финансовых средств издается только благодаря регулярной субсидии российского правительства. Ведущее место в словацкой периодике занимают научные, литературные и развлекательные журналы, для разрешения на издание которых, в отличие от политических газет, достаточно было внести небольшой залог.

В 90-е гг. число словацких журналов, несмотря на гнет мадьяризации, увеличилось более чем вдвое: с 12 названий в 1888 г. до 28 названий в 1900 г. В 1906 г. венгерская почта рассылает уже 4,7 млн экземпляров словацких журналов.

В Словакии самую развитую структуру имела венгерская периодическая печать — от политической (в том числе рабочей) и культурной вплоть до изданий по интересам. Состав немецкой периодики, имеющей самую продолжительную традицию на территории Словакии, отражает прогрессирующую ассимиляцию. Немецкая культура постепенно уступает место венгерской, в небольших городах вместо прежних немецких газет выходят венгерские. В начале XX в. немцы сохранили свои общественно-политические журналы только в Братиславе, Копицах и в Кежмарке. Однако полностью отсутствуют немецкие социально-политические обозрения, специализированные журналы в области права, театра, историографии и даже самой современной сферы — спорта. Единственным центром немецкой культуры остается Братислава. Здесь, наряду с единственной стабильной венгерской ежедневной газетой «Нюгатмадорсаги Хирадо» (Западно-Венгерский вестник) длительное время выходят 3 немецких ежедневных газеты и 3 немецких еженедельника. Каждое значительное политическое направление имеет в Братиславе свою газету, консервативная часть городского населения — даже дважды в день «Пресбургер цайтунг».

В структуре словацкой печати еще нет — ввиду слабости словацкого городского слоя — многих видов журналов наподобие немецких. Преобладает общественно-политическая периодика (как и у других народностей), а также религиозная (23%, тогда как у немцев в Словакии 14% и у венгров 5% всех журналов, выходящих в регионе Верхней Венгрии). В предвоенный период число доступных публике словацких газет и журналов в целом достигло 104 названий. В первые годы XX в. в среднем

выходило 30 названий ежегодно, в 1914 г. уже 60 названий (одна ежедневная газета, большинство ежемесячники и еженедельники). Одновременно росли и их тиражи. Либеральный «Словенски тыжденик» (Словацкий еженедельник) достигал даже тиража в 16 000 экземпляров, «Словенске людове новины» (Словацкая народная газета) — 20 000, «Словенске работнице новины» (Словацкая рабочая газета) вместе с ежемесячником «Напред» (Вперед) — около 8 000. Большими тиражами выходила угрофильская периодика, насмешливо окрещенная национальной печатью «мухоморами», и некоторые религиозные журналы. Активизация словацкой политики отразилась в появлении новых региональных периодических изданий. С результатами краеведческих исследований знакомил «Часопис Музеальной словенской сполочности» (Журнал Словацкого музейного общества). Новинкой словацкой журналистики являются женские литературно-просветительные ежемесячники.

Более дешевы и более популярны календари, чем журналы. Венгерские и немецкие календари на территории Словакии отличаются и по содержанию, и по оформлению. Они специализированно ориентируются на те или иные профессии и отдельные категории служащих. Словацкие календари носят обобщенный характер и остаются на будущее как более всего отвечающее своему назначению средство народного просвещения. Большим тиражом расходуется «Путник святойтепски» (Паломник св. Войтеха, 40—50 тыс. экземпляров) и «Трановски эвангелички календар» (Трановский евангелический календарь; в 1908 г., например, 22 000 экземпляров). Словацкие календари национальной направленности сыграли важную роль в пропаганде и укреплении национального самосознания. Другой тип календарей воспитывал провенгерскую идентичность словаков.

Книжная и библиотечная культура словаков хотя и отстает по составу и качеству от венгерской и немецкой, пусть и медленно, но все же прогрессирует. В период 1901—1918 гг. в Венгрии выходит 2 700 словацких книг, из них 1 200 религиозного содержания, 800 названий художественной литературы и беллетристики и 300 учебников для начальных школ.

На рубеже веков типографии функционировали в 46-ти городах и местечках Словакии. Увеличение количества венгерских газет и печатных изданий коммерческого характера потребовало создания новых типографий. Самую значительную словацкую типографию имело «Книгопечатное акционерное общество» в Мартине. В начале XX в. в Словакии было 64 книжных магазина, из них только три — словацкие.

Стереотипное представление об отсталости этого региона разбивается статистическими данными о библиотеках в Верхней Венгрии. В 1912—1913 гг. там находилось 250 больших библиотек с общим числом 1,4 млн томов. Самыми значительными библиотечными центрами были Братислава с 28 библиотеками и Кошице с 27 библиотеками. Библиотека еван-

гелического лица в Братиславе насчитывала более 90 000 томов. Уникальные исторические фонды имелись в церковных и аристократических библиотеках. Спектр библиотек дополняют музейные, школьные, жупные, общинные, заводские и частные книжные собрания. Поскольку библиотеки пополнялись венгерскими изданиями, то им оказывало финансовую и даже профессиональную помощь государство. Уровень образованности населения рос и благодаря сотням библиотек при обществах. «Чехославянское единство» в 1901—1914 гг. отправило обществам и в частные библиотеки около 10 000 чешских книг. Функцию национальной библиотеки выполняла библиотека «Словацкого музейного общества», которое ведало и книжным собранием Дома в Мартине (этот центр словацкой культуры нельзя было называть с прилагательным «национальный», поэтому просто Дом). В ней занималисьистики литературы и лингвисты, а главное в ней работал над своей монументальной ретроспективной библиографией выдающийся словацкий библиограф Людовит Владимир Ризнер (1849—1913).

4.5. Художественная культура и наука

Состояние художественной культуры и науки в Верхней Венгрии во второй половине XIX в. обусловлено отсутствием больших городов, значительных культурных центров и высших учебных заведений, периферийностью, недостатком богатых меценатов и относительно слабой базой специальных институтов — союзов, музеев, галерей, научно-исследовательских центров. Талантливые художники (как, например, скульпторы Виктор Тилгнер, Алойз Штробль и Ян Фадрус) и ученые (в частности, геолог Диониз Штур или физик Аурел Стодола) находили себе применение в Вене, в Будапеште или за границей. Сосуществование на территории Словакии многих этнических народностей и многих культурных систем, с одной стороны, приводило к культурному взаимовлиянию, с другой стороны, — в контексте националистической идеологии и политики — проявлялось в осознанном размежевании и стремлении избавиться от «чуждых» элементов. Развитие словацкой культуры обуславливала мадьяризация школьного образования и общественной жизни. Однако вследствие ограниченных возможностей политической и экономической деятельности именно сфера культуры рассматривалась как форма борьбы за упрочение национального бытия и как символ национальной жизни.

Уже с конца XVIII в. искусство перестает быть монопольной сферой аристократии и церкви и становится составной частью жизни городского населения. Искусство демократизируется, но и скатывается в тривиальность, в засилье китча. Увлечение классическими стилями прошлого (историзм) способствует плюрализму стилей, сосуществованию многих

художественно-стилевых направлений. С конца XIX в. ощущается напряженность между традицией и модернизмом, и постепенно и избирательно прокладывает себе дорогу стиль модерн, получивший в Австро-Венгрии название сецессион. Но определяющим моментом остается «национальная миссия» искусства. В литературе и драматическом искусстве она увязывается с языком, с национальными мифами, с квинтэссенцией «чистой» народной культуры. В архитектуре формируются специфические «национальные стили»: у венгров так называемый венгерский сецессион (например, в творчестве Эдэна Лехнера), у словаков эксперименты архитектора Блажея Буллы по созданию так называемого словацкого стиля и особенно в работах Душана Юрковича, представляющих сплав сецессиона с народными мотивами. В музыкальной культуре в общераспространенные ходы тоже вплетаются национальные модуляции. Основой венгерской национальной музыки становится новый венгерский стиль, который складывался с конца XVIII в. в мещанской среде из симбиоза элементов музыкального фольклора разных народов, живущих на этой территории. В его оформлении большую роль сыграло исполнительское творчество цыганских музыкантов. Словацкие композиторы тоже стремятся создать собственный стиль на основе национального музыкального фольклора. Большое внимание уделяется собиранию и изданию народных и патриотических песен. Первые образцы словацкой национальной музыки представлены произведениями Микулаша Шнейдера-Трнавского и Фрицо Кафенды.

Словацкая литература 60-х гг., когда активизировалась вся культурная жизнь, отражает развитие национальной идеологии, процесс политической дифференциации и соперничества на почве политики между старшим и вступающим в литературу новым поколением представителей национального движения. Издаются литературные альманахи, литературные журналы (самый известный «Сокол», в 70-х гг. «Орол»), первые книжные издания литературных произведений, наибольший резонанс получают стихи и рассказы, печатавшиеся в календарях. Ведущая роль в литературной жизни, как и прежде, принадлежит поэзии, преимущественно с национальной тематикой и пронизанной национально-политическими идеями. Поэтические произведения Андрея Сладковича, Само Халупки и Яна Ботто представляют собой вершинные достижения словацкого романтизма. С 70-х гг. начинается период формирования литературного реализма, выдающимися представителями которого являются Светозар Гурбан-Ваянский, Павол Орсаг-Гвездослав и Мартин Кукучин. С приходом в начале XX в. нового поколения писателей — Янко Есенский, Иван Краско, Йозеф Грегор-Тайовский, Тимрава — меняется идейно-эстетический характер словацкой литературы. Происходит переоценка ценностей, центр тяжести тематики и проблематики смещает-

ся с национального к социальному, от объективности к субъективизму, в прозу и поэзию входит отдельная личность со своими внутренними душевными драмами.

Благодаря журналам и календарям многие произведения ведущих словацких писателей попадали в руки широкого круга публики. Однако словацкая интеллигенция часто обращалась к модным сочинениям чешской, немецкой и венгерской литературы. Сельский читатель, включая женщин, знал, кроме календарей, прежде всего популярную религиозную литературу и тоненькие книжечки с нравоучительными и историко-романтическими повествованиями или авантюрно-криминальными «гангстерскими» романами.

Необычайно сильное воздействие на формирование коллективной идентичности относили на счет театра. Венгерский национализм, которым уже на рубеже веков было охвачено школьное образование и церковь, успешно завоевывал венгерской культуре место на всех профессиональных сценах. Немцы сохранили за собой постоянную сцену только в Братиславе, где немецкое бюргерство упорно отстаивало право на свой лучший театральный сезон. Центрами профессиональной театральной культуры в Словакии по-прежнему оставались Братислава и Кошице. Бродячие театральные труппы выступали и в других городах, где во время короткого пребывания они играли в зданиях постоянных театров, в казино, в залах общественных собраний и даже в ресторанах низшего разряда. В 1911 г. в Верхней Венгрии кочевало 39 трупп — большего и меньшего состава, серьезного и сомнительного уровня. Городское общество тогда больше всего любило оперетту, — венгерскую, венскую и французскую, — кроме них, итальянскую и немецкую оперу, венгерскую и мировую драму и театральные представления с народными песнями и плясками.

Для словацкого национального движения любительский театр заменял несуществующие национальные институты и школы и нередко служил единственной возможностью контакта со словацкой литературой и словацким литературным языком. Если драматурги старшего поколения Ян Халупка и Ян Паларик писали для провинциально-городской публики, то в начале XX в. новые драматурги — Ферко Урбанек, Йозеф Грегор-Тайовский, Йозеф Голлы — предлагали любительскому театру пьесы из жизни сельской среды и для сельского зрителя. Часто знакомство с театральной культурой предоставлял жителям городов и деревень кукольный театр. «Большой кукольный театр» семьи Стражанов, например, ставил и адаптированные пьесы мировых и словацких драматургов.

Верхневенгерские художники во второй половине XIX в. в соответствии с эстетическими вкусами своего времени создавали в исторической стилистике репрезентативные картины и скульптуры, а также более камерные произведения для дворянских и мещанских семейств.

Словацкие живописцы Йозеф Божетех Клеменс и Петер Богунь были вынуждены приспосабливаться к возможностям покупателей и заказчиков: они часто писали портреты мецан или расписывали церкви. В конце века новые эстетические веяния отразились в творчестве верхневенгерских художников, в котором сплав европейских и отечественных стилизованных элементов уже отмечен печатью модернизма *fin de siècle*. С тогдашней манерой изображения действительности в эмоциональном ключе перекликаются произведения Ладислава Меднянского и Доминика Скутецкого. Одновременно с импрессионизмом сюда проникает и сецессион, оказавший влияние на живописцев в Комарно, Рожняве, Кошицах, а также на художников, входивших в Братиславское общество художников (*Pressburger Kunstverein*). В начале XX в. начинают создавать свои объединения и словацкие деятели изобразительного искусства. Возникает Группа словацких художников Венгрии, организуются выставки, создаются колонии художников, Густав Маллы открывает в Братиславе частную художественную школу.

Десятилетия почти безграничной веры в «прогресс» и возможности науки затропули крестьянскую, набожную и консервативную Словакию весьма избирательно. Современные научные исследования развивались в Горной и лесной академии в Банской Штявнице, в Экономической академии в Кошицах, в юридических учебных заведениях, в обсерватории Микулаша Конкой-Теге в Гурбанове и на почве природоведческих, врачебных и фармацевтических, музейных, исторических и литературных объединений, многие из которых издавали и собственные журналы.

В данных политических обстоятельствах условия организации научных исследований в словацком национальном лагере были минимальны, тем самым «словацкая» наука была вытеснена в захолустные деревенские приходы и школы. Как в художественной культуре, так и в науке представители национального движения считали приоритетной национальную функцию. Поэтому они поддерживали только развитие краеведческих дисциплин — языкознания, фольклористики, этнографии и историографии, из которых черпались аргументы для борьбы за эмансипацию. Еще с 50-х гг. ведется обсуждение вопроса о «славянской» науке, которое к концу века выливается в крайнюю точку зрения, что нет необходимости вводить словацкую научную терминологию, а можно заимствовать чешскую или русскую. Хотя некоторые словацкие специалисты (например, ботаник Йозеф Людовит Голуби) участвуют в деятельности научных объединений и обществ во всевенгерском и более широком европейском масштабе, в словацкой среде не было условий для развития критической научной мысли, и словацкая наука не имела возможности достичь уровня более развитых стран.

Первый более или менее успешный опыт создания словацкой научной среды связан с деятельностью Матицы словацкой. Однако министер-

ство не разрешило ей иметь научные секции, так что она была вынуждена ограничиться изданием научного журнала. После роспуска Матицы заботу о развитии национальной науки взяло на себя Словацкое музейное общество в Мартине (с 1893 или 1895 г. по 1914 г.), которое участвовало и в международном сотрудничестве. Диапазон словацкой науки в начале XX в. олицетворяли собой самоотверженный организатор, ботаник, археолог и этнограф Андрей Кметь, по роду основных занятий католический священник, занимавшийся наукой как любитель, и популяризатор естественных наук, особенно астрономии Ян Вагнер, по профессии служащий в страховом деле.

4.6. Коллективные идентификации

Непосредственные межэтнические контакты были в порядке вещей в повседневной жизни словаков, венгров, немцев, евреев, русинов, цыган, чехов, хорватов и прочих жителей Словакии. Однако отношение людей к соплеменникам, к родному краю и к государству формируется не только в прямом контакте с «другими», а в первую очередь посредством социальных и коммуникативных структур: семьи, церкви, школы, армии, массовой печати, литературы, кинематографии, организаций и т. п. Существенная часть из них находилась под влиянием мадьяризаторской идеологии, которая была направлена как раз на то, чтобы элита была однородной, т. е. омадьяренной. На коллективное сознание жителей Венгрии влиял государственный гимн, текст которого существовал только на венгерском языке (в то время как австрийский гимн имел иноязычные варианты), а далее — венгерские названия населенных пунктов, улиц и площадей, государственные праздники, памятники венгерским героям, традиционные праздники, архитектура, выставки, музеи, учебники, литература и театральные спектакли о славном прошлом Венгрии в венгерском понимании.

В период, когда венгры завершали процесс формирования своей нации (пусть даже их национально-политические цели в революции 1848 г. не были достигнуты, а при соглашении 1867 г. достигнуты лишь частично), словаки прошли только первые этапы на пути своей национально-политической эмансипации. Для функционирования национального организма политическое требование территориальной автономии было хотя и необходимо, но ввиду нетерпимости венгерских политиков, опасавшихся «панславистской угрозы», нереально и недостижимо. Даже еще перед первой мировой войной в коллективном сознании словаков конфессиональная, социальная и региональная принадлежность имела большее значение, чем этническая. По мере развития модернизации и сети всесторонних связей, вместе с опытом миграции в города, в разные области

Венгрии и даже за границу меняется социальное поведение словаков. Сотрудничество с чехами, пример и помощь сильной словацкой общины в Америке, а также сравнение с национальным развитием венгров и успешной эмансипацией евреев ускоряли процесс становления национального самосознания.

При оценке «групповой витальности» словаков в начале XX в. необходимо принимать во внимание демографическое ослабление (в результате эмиграции и ассимиляции), амбивалентность общественных институтов (с одной стороны, мадьяризация школы и церкви, с другой стороны — развитие словацкой печати и объединений), а также медленный и постепенный, но рост престижа своего статуса (вследствие активизации политической и экономической деятельности, создания кооперативов и акционерных обществ и даже новой кодификации языка и ее принятия). Репрессивные методы национальной дискриминации поставили под вопрос развитие национального движения. Но одновременно они вызывали — по крайней мере на локальном уровне — протест и таким образом способствовали отмежеванию словацкого сообщества от венгерского.

Венгерское этническое сообщество во второй половине XIX в. достигло ступени интегрированного национализма. Основополагающие атрибуты национального суверенитета были конституционно утверждены революцией 1848—1849 гг., сообщество в целом их приняло, и в противостоянии с Веной было достигнуто «национальное единство». Венгерская, а в действительности этническо-мадьярская политическая и административная система функционировала в духе доктрины о единой политической нации и целенаправленно осуществляла политику насильственной ассимиляции. Концепции венгерского национального государства соответствовало законодательство, избирательное право, директивы о собраниях и объединениях, политика с позиции силы, судебные и полицейские репрессии, мадьяризация школы, церкви и общественной жизни, а также инфраструктура культуры и институты. В начале XX в. уже почти все города в руках венгров, а динамично растущий Будапешт выполняет функцию столицы и для невенгерских народов в Венгрии.

Венгры с успехом предстают в роли культурного эталона: идеальный образец благородного господина, свободолюбивой нации, носителя миссии модернизации жизни, к тому же со славным, героическим прошлым. Уже в XIX в. обрела законченную форму национальная мифология, охватывающая всю временную дистанцию от Арпада и прихода венгров в Карпатскую котловину, святого Стефана и принятия христианства, через Матвея Корвина до национальных трагедий: Мохача и революции 1848—1849 гг. с «бессмертным» Петёфи. В рамках празднеств в честь тысячелетия в 1896 г. в историографии, исторической живописи, в монументах или в музыкальных произведениях был дорисован парадный

автопортрет нации, сделавшийся составной частью национального самосознания. Превосходной возможностью упрочить национальные традиции стали торжественные похороны перенесенных останков Кошута, Ракоци и Тёкёли или антиавстрийская экономическая кампания под названием «движение тюльпанов».

Венгерская культура на территории Словакии составляла неотъемлемую часть общего фонда венгерской культуры в стране. Ввиду относительной близости Будапешта многое доставлялось из столицы, и особые провинциальные культурные центры не возникали. Венгерская журналистика, региональная историография, музейное дело, библиотеки, профессиональный театр в Братиславе и Кошицах, любительские театральные общества, хоровые и литературные объединения (кружок им. Толди в Братиславе, им. Сечени в Прешове, им. Казинци в Кошицах, им. Этвёша в Левоче и им. Гвадани в Скалице) развивали свою организационную базу и свою деятельность беспрепятственно, более того, с государственной методической и финансовой помощью или с помощью меценатов из буржуазных и аристократических кругов. Палитра объединений у доминирующей нации была гораздо более пестрой, их система — более структурированной и гибкой, чем у невенгерских народов.

Если словаки и венгры жили в рамках одного государства, то русины жили в Галиции, в Буковине и в северо-восточной Венгрии. В жупах Шариш, Земплин и Спиш они составляли 10—30% населения. Они занимали периферийную, преимущественно гористую территорию с ограниченными возможностями сельского хозяйства, с малоразвитой промышленностью и коммуникациями. За вычетом периода 1849—1860 гг. они не имели никаких автономных прав. Экономически отсталое, почти исключительно крестьянское население объединяло сознание конфессиональной принадлежности и подведомственности греко-католическому епископу в Прешове. Их политическим и административным центром был Ужгород. Духовенство и светская интеллигенция были подвержены мадьяризации. Законы Алппони в значительной степени урезали обучение на родном языке; в 1908 г. в восточной Словакии функционировало 37 русинских школ, а в 1912 г. — только 9. Венгерские русины отличались высоким уровнем эмиграции. Цивилизаторская роль реэмигрантов из Америки выражалась в решении главным образом социальных проблем, а не национальных.

Процесс формирования национальной самоидентификации русинов происходил под национально-культурным влиянием трех направлений: великорусским, русинским и малороссийским (украинским). У части интеллигенции прочно укоренилась русская, москвофильская ориентация. Хотя тяготение к русофильской направленности было самым массовым, оно ограничивалось лишь сознанием принадлежности к «русской» вере, а этнический смысл в это не вкладывался. К числу самых значи-

тельных проявлений народной культуры относились деревянные церквушки с иконостасами и фольклор, особенно пасхальные хороводы.

Особое положение немцев в Венгрии, по сравнению с другими народностями, явилось результатом четырех, в историческом плане неодинаковых этапов систематической колонизации на протяжении XII—XIX вв. Немцы не создали четко оформленного национального сообщества, поскольку были разобщены географически (три языковых острова: в районе Братиславы, в районе верхней Нитры — так называемый Хауэрланд — и в Спише), конфессионально и социально дифференцированы, без собственной национальной церковной организации, с разными диалектами и разным опытом переселения хронологически разными потоками. Стабильное проживание немецкого мещанства внутри венгерского общества и рассчитанный на эффект общественно-культурный стереотип венгров послужили предпосылками для самопроизвольной ассимиляции, чему в высшей степени способствовала венгерская школьная и культурная политика. Ассимиляция немецкого населения в Словакии происходила значительно быстрее, чем в остальных областях Венгрии. Наряду с самоотождествлением на уровне региональной общины и социального статуса (мещанского, например), у немцев преобладало государственно-патриотическое венгерское сознание.

Евреям в Венгрии во второй половине XIX в. из чисто практических, экономических соображений были предоставлены гражданские и политические права. Закон 1867 г. об их эмансипации определял евреев не как одну из национальностей, а как группу, объединенную исторической общностью религии. В связи с законом о национальностях сложилась парадоксальная ситуация: в то время как основополагающие права невенгерских народов были поправы, еврейская община могла всесторонне развиваться в экономическом и культурном плане (потому что не боролась за утверждение своей национальной идентичности, а удовлетворялась религиозной). Единственным условием было формально признать свою принадлежность к венгерской национальности. Процесс ассимиляции евреев приводил к обострению напряженности в словацко-еврейских отношениях. Средневековый религиозный антииудаизм и экономически и социально мотивированный антисемитизм получили дополнительное измерение: к образу еврея как эксплуататора, ростовщика и кабачника добавился стереотип мадьяризатора.

Цыгане жили на территории Словакии по деревенским окраинам еще с XVIII в. Страну пересекали кочующие цыгане из Валахии, по большей части корытных и котельных дел мастера и торговцы лошадьми. Их численность в начале XX в. не установлена, но согласно переписи 1893 г. в Словакии было 36 тысяч цыган, из них 600 вели кочевой образ жизни. Осевшие в деревнях цыгане добывали средства к жизни, как правило,

кузнечным ремеслом и от случая к случаю музыкой. В городах сформировался слой профессиональных трактирно-ресторанных музыкантов. Городские музыканты старались обрести статус мещан и постепенно оставляли цыганский язык в пользу венгерского.

Таким образом, на территории Словакии протекало несколько параллельных общественно-дифференцирующих процессов. Этническим группам приходилось реагировать не только на модернизационные изменения в стране, которые порождали кризисы коллективных идентификаций, но и на конкурирующие национальные движения. Конфессиональная и этническая неоднородность вызывала стремление к коллективной идентичности, которая преодолела бы «модерный» индивидуализм и ощущение угрозы и вселило в людей чувство защищенности. В реальном пространстве Словакии народности и нации формировали и ограждали собственное символическое пространство «малой родины», создавали образ врага и сочиняли собственные исторические традиции, опровергающие интерпретацию прошлого соседями.

Несмотря на усилия властей интегрировать население посредством «правильного» сознания, несмотря на националистическую риторику и ритуалы, в стране преобладал этническо-культурный плюрализм. Существование этнических групп или хотя бы проживание рядом друг с другом, смешанные браки и рост миграции делали невозможным приведение культур к общему знаменателю, при всем старании государства и отдельных национальных движений. Долговременные процессы культурного взаимообмена в результате привели к созданию множества культурных кодов, которые хотя и имели «чужое происхождение», но люди их понимали, умели их расшифровать. В повседневной жизни, в языке, в столовании, в музыкальных и танцевальных увеселениях проявлялось множество элементов, свидетельствующих о многоликости региона. Материальная народная культура, в частности, архитектура, отражала не этническую дифференциацию, а отличия между горным и низинным регионами. В городской среде ощущались внешние влияния общеевропейского происхождения в одежде, столовании, архитектуре, в оперном и опереточном репертуаре и т. д. Хотя на историческую память людей в Словакии в начале XX в. влияла формирующаяся гомогенная национальная традиция, она не могла вытеснить культурный плюрализм, присущий территории, где живет гетерогенное население.

5. Словаки в круговороте войны

Покушение в Сараеве и объявление войны Сербии словацких политиков явно ошеломили. На словах они выразили свое лояльное отноше-

ние к государству (ничего другого они и не могли себе позволить), но официально объявили о своей политической пассивности, с одной стороны, чтобы избежать преследований, но одновременно и чтобы не быть вынужденными открыто поддерживать военные цели монархии. Ведь словакам они были абсолютно чужды. В лагере союзников монархии находились народы, с которыми связаны затверженные стереотипы извечных врагов — немцы и турки, а среди ее противников, наоборот, традиционные союзники — русские, сербы и румыны.

Эскалация военных событий и патриотический угар, взвинченный до степени дичайшего шовинизма, полностью парализовал «большую» словацкую политику. Этому способствовали преследования отдельных лиц (интернирование, тюремное заключение, призыв в армию и отправка на фронт) и институтов (государственный контроль, мобилизация служащих, полное ограничение деятельности). Деятельность объединений была заблокирована, цензура печати и почтовой корреспонденции делала невозможной передачу информации, было ограничено передвижение населения, чрезвычайные законы и меры препятствовали нормальному течению политической и общественной жизни. Однако это не значило, что произошел полный отказ от каких-либо действий, и в некоторых регионах, особенно на уровне коммунальной политики, шла интенсивная работа.

В конце 1914—начале 1915 гг. после крупной наступательной операции русские войска перевалили через Карпаты и вошли в восточную Словакию. Это хоть и оживило на какое-то время русофильские надежды, но после вытеснения русских они быстро отошли в прошлое.

Хотя отдельные политические партии приостановили свою деятельность, их представители, по разным причинам избежавшие мобилизации в армию, создавали в разных городах небольшие дееспособные группы. Их работа постепенно приобретала конспиративно-агентурный характер, они обменивались информацией, устанавливали связи и сотрудничали с чешской политикой. В этом отношении первую скрипку играли словаки в Вене (Милан Годжа, Ян Цаблк, Корнель Стодола) и в Праге (Франтишек Вотруба, Антон Штефанек). В Будапеште действовал Эмиль Стодола и единственный словацкий депутат венгерского сейма, — заседания которого, однако, не проводились, — Фердинанд Юрига. В Братиславе держал все конспиративные нити в своих руках лидер социал-демократов Эммануэль Легодкий, в Мартине — наличные члены руководства Словацкой национальной партии, а в Ружомберке другие видные деятели, особенно Вавро Шробар, впоследствии и Андрей Глинка.

Если во все предшествующие периоды словацкую политику характеризовала лояльность по отношению к государству и верность династии, то специфические обстоятельства мирового военного конфликта поставили словаков в совершенно новые условия, которые начинают упорно

внушать сомнения в правомерности дальнейшего существования монархии. Это открывало простор для альтернатив и решений, немыслимых еще пару лет назад. Наиболее жизнеспособной и перспективной из них казалась чешско-словацкая альтернатива.

Из политической пассивности, заявленной в начале войны, словаки начинают выходить только в 1917 г., главным образом под влиянием международной и новой геополитической обстановки (Февральская революция в России, вступление США в войну). Прилив новой энергии выразился в необычайном оживлении деятельности в рамках отдельных центров движения «сопротивления», а также в более интенсивном сотрудничестве с чешскими политиками. Ее кульминацией стало выступление чешских депутатов на заседании имперского рейхстага в мае 1917 г. с политической программой, в которой чешские политики впервые отказались от принципа исторического права, вышли за реку Мораву и включили Словакию и словаков в сферу своих интересов.

Зарубежное движение сопротивления во главе с Томашем Гарригом Масариком, Эдвардом Бенешем и словаком Миланом Растиславом Штефаником действовало под эгидой держав Антанты в интересах «освобождения» чехов и словаков из-под крыльев Габсбургского орла. Однако прежде всего следовало убедить Антанту в необходимости этого шага, что было совсем не просто. Страх перед балканизацией и национальной раздробленностью Центральной Европы был слишком велик, и именно Габсбургская империя, с точки зрения великих держав, удачно заполняла промежуточное пространство между Германией и Россией.

В Париже, где действовал Бенеш, был создан Чехословацкий национальный совет (ЧСНС). Масарик как его председатель развивал свою деятельность главным образом в Лондоне, а Штефаник руководил формированием из военнопленных, перебежчиков и собственных волонтеров добровольческих легионов, которые должны были возникнуть во Франции, Италии и России и включиться в боевые действия против центральных держав. Наибольшую численность и военное значение приобрели легионы в России, где к концу войны была сформирована и обучена уже более чем 50-тысячная армия. ЧСНС старался координировать национально-освободительное движение среди колоний чехов и словаков в США и в России, которым придавалось особое значение ввиду их многочисленности, и постепенно он стал всеми признанным руководящим органом. Хотя представления о конкретных формах «освобождения», будущем характере чешско-словацкого государства и о его положении в Центральной Европе были самые разнообразные и разрабатывались в том числе и отдельными конкретными людьми, они в конце концов приобрели очертания демократического государства с республиканской формой общественного устройства и тесными связями с США и Западной Европой.

Стабильность центрально-европейского пространства между Россией и Германией должно было гарантировать сотрудничество с государствами-правопреемниками (Румыния и Югославия), а многонациональный характер будущей Чехо-Словакии должна была нивелировать в перспективе фиктивная единая чехословацкая нация, которая выполняла бы по отношению к численно значительным меньшинствам роль государство-образующей и доминирующей нации. Уже в рамках движения сопротивления возникли проблемы прежде всего в связи с определением положения Словакии в будущем государстве, поскольку существовали опасения чешской политической, экономической и культурно-языковой гегемонии. Свидетельством этих опасений стали два договора, заключенные между чехами и словаками в США, где словацкая община была численно и экономически достаточно сильна. В Кливлендском договоре от октября 1915 г. говорилось о федеративных отношениях чехов и словаков, договор в Питсбурге (май 1918 г.), составленный и подписанный в том числе и Масариком, гарантировал словакам уже только автономию в рамках будущего государства. Этот сделанный в интересах создания государства шаг навстречу со стороны американских словаков, к сожалению, не нашел понимания в новом государстве, причем даже в критические тридцатые годы движение за автономию по разным, объективным и субъективным причинам не находил в Праге никакого отклика, кроме абсолютного неприятия.

В России, где во время войны словаки были в значительном меньшинстве, свидетельством подобных дискуссий о положении словаков в будущем государстве стал так называемый Киевский протокол (август 1916 г.) и много официальных заявлений по словацкому вопросу со стороны Союза чехословацких обществ на Руси.

Первой заявкой отечественного движения сопротивления на вхождение в общее государство с чехами явилась первомайская резолюция 1918 г. из Липтовского Св. Микулаша, составленная Вавро Шробаром. Вызванный ею резонанс имел прежде всего внешнеполитическое значение, и выгоды от нее получил в первую очередь ЧСНС. Шробара за Микулашскую акцию интернировали до середины октября в тюрьму. 24 мая идею чешско-словацкого государства поддержало тайное совещание Словацкой национальной партии. Начал снова формироваться Словацкий национальный совет (СНС) как представительный общенациональный политический орган.

Невозможность заключить сепаратный мир с Австро-Венгрией и ее все более тесный альянс с Германией, равно как и лихорадочные дипломатические усилия ЧСНС, а главное, все растущее военно-стратегическое значение чехословацких легионов, которые «завязли» в революционной России, — все это способствовало переоценке центрально-европейской геополитической ситуации и ее перспектив в глазах Антанты, кото-

рая в течение 1918 г. согласилась на образование национальных государств на обломках империи, в том числе и Чехословакии.

После переговоров отечественного и зарубежного движения сопротивления в Женеве была согласована государственно-правовая форма будущего государства, и до первых свободных выборов были распределены отдельные посты в высших государственных органах. 28 октября 1918 г. в Праге была провозглашена Чехословацкая республика. Ее первые законодательные акты за словаков, но без полномочий со стороны СНП, подписывал В.Шробар. Независимо от событий в Праге и в гораздо более сложных условиях все еще де-факто и де-юре существующей Венгрии 30 октября 1918 г. в Турчанском Св. Мартине собрался Словацкий национальный совет и принял Декларацию словацкого народа. В ней было заявлено о праве на самоопределение и о признании общего государства чехов и словаков.

В условиях войны еще более сложно, чем в политике, обстояло дело в экономической сфере. Хотя накануне войны у словаков появились предпосылки для более интенсивного экономического роста, начавшаяся война смела все расчеты, надежды и планы, как карточный домик. Словацкие банки и кредитные кооперативы подверглись гонениям и оказались под надзором государства. Вступили в силу законы военного времени, которые блокировали нормальное предпринимательство.

Общегосударственная экономика до лета 1915 г. прошла период трансформации. Имперский рынок капиталов потрясли правительственные моратории, экономика попала под полный государственный контроль. Отдельные предприятия, если только их продукция не была связана с военными нуждами, закрывали свои ворота — пошли перебои в доставке сырья, торговля шла плохо, источники капиталов быстро иссякли, а со временем появились проблемы с рабочей силой. Предприятия, имевшие военные заказы (например, микулапские кожевенные заводы), производили продукцию в условиях чрезвычайного положения и под надзором армии. Законы военного времени ликвидировали многие социальные завоевания (воскресный выходной день, право на забастовки, рабочий день увеличился до 13 и более часов, расширилось применение детского труда и т. д.), с другой стороны, был принят закон о всеобщей трудовой повинности, который не допускал незанятости трудом и мобилизовал все людские ресурсы, допускались и организовывались государством реквизиции, предприятия переводились на военные рельсы и т. п. Нехватка мужской рабочей силы привела к широкому использованию женского труда в профессиях, которые прежде не считались женскими (банки, почта, военные заводы и другие предприятия). С 1917 г. для женщин открываются более широкие возможности учиться в высших учебных заведениях.

В середине 1915 г. стало ясно, что план молниеносной войны полностью провалился и война превращается в позиционную и долговременную. Истощенность людских и сырьевых ресурсов заставила правительство прибегнуть к жестким мерам экономии и к карточной системе. По мере ухудшения ситуации со снабжением продовольствием (урожаи ниже среднего уровня весь период войны) цены повышаются, и раскручивается спираль инфляции, что было заложено в существенно более быстром росте цен, чем заработной платы. Хотя правительство установило максимальные цены, товары повседневного спроса или вообще невозможно было найти, или их надо было доставать на черном рынке по существенно более высоким ценам. Уже после первого года войны в обороте находилось вдвое больше денежных банкнот, чем до войны.

С осени 1916 г. в экономике государства все очевиднее наступала разруха, которая приобретала характер экономического коллапса. Не удивительно, что с 1917 г. стали учащаться случаи забастовок, которые вылились в генеральную забастовку в январе 1918 г. В связи с расширением эмансипации в забастовках все решительнее выступают женщины. Экономический коллапс, катастрофическое снабжение и все более откровенные проявления социального протеста привели к тому, что хотя положение на фронтах еще в конце лета 1918 г. при взгляде на карту выглядело как будто удовлетворительно, в действительности же был лишь вопрос времени, когда центральные державы экономически рухнут. Обстановку взвинчивали вернувшиеся с фронтов, особенно из России, солдаты, которые создавали полувоенные группировки в лесах, главным образом на западе Словакии. Только в окрестностях Братиславы их орудовало около 4 000.

Война оставила тяжелый и долговременный след на всем населении Словакии, хотя фронт задел ее только в восточной части на рубеже 1914—1915 гг., когда русским войскам удалось перейти Карпаты. Суммарные потери словацких солдат составляют предположительно 69 700 убитых и 61 680 инвалидов. В последний год войны учащались случаи дезертирства, и среди прежде лояльных словацких солдат ширились антивоенные настроения, которые вылились в солдатские бунты в Боке Которской, Римавской Соботе, Крагуеваце (в наказание были расстреляны 44 словацких солдата) и в Братиславе.

Конец войны застал население Словакии в состоянии полного морального разложения. Паралич старой государственной администрации и отсутствие органов нового государства привели к массовым социальным взрывам, грабежам и антиеврейским беспорядкам. В городах и селах возникали местные органы новой государственной власти — так называемые национальные советы, в обязанность которых входило обеспечить плавный переход власти в руки рождающегося государства и поставить

заслон вооруженным конфликтам и беспорядкам. На самом деле новая государственная власть еще не имела достаточных средств, чтобы подавить сопротивление венгров, а органы старого государственного управления даже после революции в Будапеште не имели сил, чтобы притормозить или повернуть вспять центробежные тенденции словацкой элиты. В этой ситуации людей никто ни о чем не спрашивал, и их отношение к событиям было обусловлено регионально, социально, степенью развитости национального самосознания и объемом знаний о происходящих процессах. По большей части знали очень мало, и именно на это возлагала надежды венгерская пропаганда, требуя провести референдум, хотя никогда прежде с позиций правящей верхушки не интересовалась мнением словаков. Факт остается фактом, что народ расходился во мнениях от восторженного приема нового государства и «освобождения» Словакии, через апатию и желание мира до страха перед новой, неведомой ситуацией, в устойчивости которой не был уверен, и грозящей новым кровопролитием и разрешением военными методами.

В конце 1918 г. борьба за Словакию еще только начиналась, и хотя она велась пропагандистскими и военными методами, решающую роль играли дипломатические переговоры держав-победительниц в Париже. А здесь победившая Чехословакия находилась в значительно более благоприятном положении.

VII. Словакия в XX веке

1. Словакия между войнами

1.1. Борьба за Словакию

Декларация Словацкого национального совета от 30 октября 1918 г. явилась выражением воли к расставанию с Венгрией и созданию общего государства с чехами. Однако реализация этого решения была непростым делом. Словацкий национальный совет не располагал войсковыми частями, словацкие Национальные советы и вооруженные отряды гвардии, создаваемые по городам и селам, боролись за власть с администрацией, войском и жандармами, которые слушались только будапештское правительство. После революции 1 ноября 1918 г. в Будапеште на территории Словакии тоже возникали венгерские национальные советы, верные правительству Михая Каройи.

В некоторых областях Словакии, как и во многих регионах разваливающейся империи, царил анархия. Вооруженные солдаты, возвращающиеся с фронта, поддерживали стихийные бунты в деревнях и местечках. Грабеж и насилие обращались против ненавистой государственной администрации, нотариусов, жандармов как воплощения обид и страданий в годы войны, а также против торговцев, трактирщиков и зажиточных слоев.

Правительство М. Каройи пыталось удержать Словакию в рамках Венгрии обещанием автономии, но пражское правительство действовало со всей энергией. В новообразованное Национальное собрание в Праге в ноябре 1918 г. были кооптированы депутаты от Словакии, уже 6 ноября в западной Словакии начало действовать первое временное правительство по делам Словакии, 7 декабря Вавро Шробара назначили полномочным министром по делам Словакии с резиденцией в Жилине. После того, как 31 декабря 1918 г. чехословацкие войска заняли Братиславу, сюда переехало и правительство Шробара. Так Словакия впервые в истории стала иметь собственную столицу.

Чехословацкие войска, усиленные легионерами из Франции и Италии и добровольцами, после коротких боев до 20 января 1919 г. вытеснили венгерские части на юг, за демаркационную линию, установленную в

декабре 1918 г. Антантой. На освобожденной территории вводились новые административные органы; министерство Шробара, которое было филиальным органом пражского правительства, быстро ликвидировало все конкурентные центры и органы власти. Были распущены революционные советы, отряды гвардии и центральный орган, Словацкий национальный совет. Роспуск СНС обусловило то обстоятельство, что он был слишком слаб, чтобы утвердить власть нового государства против Будапешта, так как лишь пражское правительство имело тогда в своем распоряжении самый важный инструмент власти — войско. Ликвидация Словацкого национального совета символизировала собой курс на строительство новой чехословацкой государственности как централистской, а также продемонстрировала соотношение сил чешской и словацкой политики.

Чехословацкая власть на территории Словакии пережила еще один критический момент — весной 1919 г. После коммунистического переворота в Будапеште 21 марта 1919 г. произошли вооруженные столкновения между чехословацкими войсками и венгерской Красной армией, которая после этого в июне захватила значительную часть Словакии. В тяжелых, кровопролитных боях с применением артиллерии, авиации и бронепоездов продвижение Красной армии было остановлено, и после ультиматума Антанты в конце июня территория Словакии была освобождена. С отходом венгерских войск прекратила существование и недолговечная Словацкая советская республика, провозглашенная 19 июня 1919 г. в Прешове.

До 1918 г. Словакия не являлась самостоятельной административно-территориальной единицей и, следовательно, не имела точно обозначенных границ. На севере и западе ими служили исторические границы Венгрии и австрийских провинций; на востоке после присоединения к Чехословакии Подкарпатской Руси между ней и Словакией в 1920 г. была проведена административная граница. Границу с Венгрией на юге после долгих переговоров на Парижской мирной конференции утвердил только Трианонский договор, подписанный 4 июня 1920 г. Граница была определена с учетом этнических, экономических и военно-стратегических моментов. Венгерский парламент договор ратифицировал, но ни одна более или менее значительная политическая сила в Венгрии с разделом страны и с присоединением ее территорий к Югославии, Австрии, Румынии и Чехословакии не смирилась. Венгерский реваншизм и оборонительный антиреваншизм государств-правопреемниц стал в последующие десятилетия важной составной частью политики в Подунавье. На севере в 1920 г. Польша вытребовала себе 25 населенных пунктов, что затрудняло взаимосвязи в межвоенный период.

1.2. Политическая система

Словакия в границах, установленных в 1920 г., имела площадь 49 006 кв. км и 2,998 244 жителей, 35% площади всей Чехословакии и 22% ее населения. К сельскому хозяйству и лесному делу имело отношение 60,6% населения, в чешских землях — только 31,6%. В индустриальных западных регионах государства к строительству, горному делу и к промышленности относилось 39,6% населения, в Словакии 17,4%. Значительные различия существовали и в уровне урбанизации и образованности, но главное — в уровне и интенсивности политической и общественной организованности и готовности действовать. Чешское общество до 1918 г. имело лучшие условия для развития, чем словаки в Венгрии, в новое государство они вошли с хорошо организованными политическими партиями, обществами, кадрами руководителей, с полным комплексом системы образования вплоть до университета и с традицией чешской государственности. Большинство депутатов в законодательном собрании уже до 1918 г. имело опыт работы в венском парламенте или в земских сеймах; из 54 членов словацкой фракции парламента подобный опыт имели только 6, в основном весьма кратковременный. Словакии, помимо искушенных в политике, экономике видных представителей общества, недоставало также интегрирующей харизматической личности. Генерал Милан Растислав Штефаник, который как ведущий деятель зарубежной освободительной миссии мог бы сыграть значительную роль, опираясь на свой авторитет, но при возвращении на родину в мае 1919 г. он потерпел авиакатастрофу и погиб.

Можно сказать, что если чешскому обществу не хватало лишь надстройки и венца собственной государственности, то словаки в новом государстве обрели прежде всего возможность в ускоренном порядке наверстывать то, что мадьяризация и недемократический режим Венгрии не позволили им развить. Возникновение Чехословакии бесспорно ускорило развитие словацкого общества, благоприятные условия для этого создавала прежде всего демократическая система.

Конституция 1920 г. определяла Чехословакию как республику с двухпалатным парламентом — палатой депутатов и сенатом. Главой государства был избранный парламентом на 7 лет президент, с 1918 по 1935 гг. им был Томаш Гарриг Масарик, с 1935 г. — его соратник Эдвард Бенеш. Выборы в парламент в 1920, 1925, 1929 и 1935 гг., равно как и выборы в муниципальные органы — поселков, районов, жуп и в областные сеймы совершались на основе очень прогрессивного закона о выборах — со всеобщим избирательным правом, включая женщин, с прямым, равным и тайным голосованием. Это был разительный контраст по сравнению с венгерскими выборами, вся система гражданских прав в

республике была весьма прогрессивна даже по европейским меркам своего времени.

Всеобщее избирательное право и широкие возможности объединения дали возможность на довоенных основах развить систему политических партий, которые влияли на жизнь общества в небывалой степени. Они создавались, исходя из трех принципов, которые по-разному переплетались и комбинировались: на первом месте национальный, на втором классовый и сословный и на третьем конфессиональный.

Национальный вопрос в межвоенный период имел несколько уровней. Первым было существование и положение национальных меньшинств в Словакии. В 1930 г. 17,8% жителей Словакии признавали своей национальностью венгерскую, 4,6% — немецкую, 2,2% — еврейскую и 2,9% принадлежали к восточно-славянским национальностям. Однако доля и влияние венгров и немцев в общественных верхах были гораздо выше. Венгры совершенно неожиданно для самих себя из господствующей в государстве нации стали меньшинством, республику считали временным явлением, продуктом определенной международной ситуации, все это могло быстро измениться. Большинство избирателей венгерской национальности отдавали свои голоса Венгерской христианско-социальной и Венгерской национальной партии, которые на выборах 1935 г. объединились. Часть венгров голосовала и за социал-демократов, много сельскохозяйственных рабочих из поместий на юге — и за коммунистическую партию.

Немцы до 1918 г., как и словаки, были объектом мадьяризации, в условиях Чехословакии они переживали в известном смысле национальное возрождение. Но они были разделены по трем изолированным областям проживания в западной, средней и восточной Словакии, которые стали налаживать связь между собой только после 1918 г. Их политические, экономические и культурные организации во многом находились под влиянием немцев в чешских землях, что в первое время им помогало, но впоследствии, во второй половине тридцатых годов оказалось шагом навстречу будущей трагедии.

Восточнославянское население на северо-востоке Словакии было в политическом и культурном отношении ослаблено спорами о национальной ориентации трех направлений: русинского как оплота существования самобытного четвертого восточнославянского народа, украинского направления и, наконец, русского. Эта раздробленность сказывалась в слабости их политических партий и культурных объединений. Ситуация еще осложнялась принадлежностью к двум конкурирующим церквям — православной и униатской.

Из граждан иудейского вероисповедания, которые составляли 4,1% населения, половина причисляла себя к еврейской национальности, треть — к чехословацкой, остальные — к венгерской или немецкой.

Специфическим было положение и деятельность чехов. После 1918 г. они приезжали в Словакию в качестве чиновников, учителей, военнослужащих, жандармов, железнодорожников, почтовых служащих, а также как предприниматели и ремесленники. В 1930 г. в Словакии их жило 120 926 человек, что хотя и составляло всего 3,7% населения, но их влияние на общественную, культурную, политическую и экономическую жизнь было намного больше. Они были важной неотъемлемой частью краеугольного камня национального вопроса в межвоенный период — словацко-чешских отношений и проблемы положения Словакии в государстве.

Словаки в 1918 г. стали, по терминологии того времени, «государствообразующей нацией». После переворота выяснилось, что интеллектуальный и политический потенциал словаков выше, чем это казалось в аномальных условиях Венгрии. Много вынужденно ассимилированных словаков вернулось к своей национальности, переворот вынес на поверхность множество новых личностей. Однако подобно тому, как словакам не хватало сил, чтобы с боем освободить свою территорию при распаде Венгрии, так и для нормальной работы государственной администрации, почты, железных дорог, органов безопасности и даже начальных и средних школ в первое время после переворота Словакия не могла обойтись без помощи из Чехии. Большое значение помощи чешской стороны в то время, при консолидации режима на территории Словакии было очевидно и общепризнано, но как только выяснилось, что одновременно она служит инструментом для воплощения концепции унитарного, централистского государства, так стали возникать проблемы.

Пражский централизм отчасти явился наследием империи, но свою лепту внесла и ситуация в новом государстве. Социальные бури после переворота взывали к необходимости «твердой руки», история с сопротивлением немецкого и венгерского меньшинства новому государству во время его формирования не прибавляла доверия к идее территориального самоуправления на основе этнического принципа. Представления Праги о том, каким будет государство, во многом были обусловлены наличием более чем трехмиллионного немецкого меньшинства в западных регионах республики, без словаков чехи составляли всего 49% населения государства. Именно чешско-немецкий фактор обусловил упорное настаивание чешской политики на концепции «чехословацкой нации». Эта концепция сыграла определенную роль при проведении в жизнь идеи будущего чехословацкого государства перед политиками Антанты, но она не соответствовала ни истории, ни реальной действительности и прежде всего резко расходилась с чувствами и мнением большинства словаков. Неожиданно вызволенные из Венгрии, многие со свежим, а значит, легкоранимым национальным самосознанием стремились быть только теми, кем прежде им было быть заказано, и в чем они видели одно из главных

завоеваний республики — возможность быть словаками. Сторонников этнического чехословакизма, считавших чехов и словаков единой нацией, только временно исторически разделенной и устремленной к воссоединению, в Словакии была лишь горстка, зато очень влиятельных. В меньшинстве оставалась и идея политической чехословацкой нации, хотя она являлась официальной идеологической основой нескольких сильных партий, особенно аграрной и социал-демократической.

Этнический чехословакизм был закреплен и в преамбуле конституции 1920 г. («Мы, чехословацкий народ») и в законах о языке, в которых говорилось о «чехословацком языке». Практика жизни, а также неприятие в Словакии скоро заставили модифицировать предписания об употреблении этого несуществующего языка, в официальных учреждениях он должен был употребляться в двух вариантах, в «словацкой версии» и в «чешской версии». В Словакии, где проблема развития и спасения языка, словацкого языка играла большую роль не только в национальном возрождении, но и в последующей политической борьбе вплоть до мировой войны, это был весьма чувствительный вопрос, служащий инструментом политической мобилизации.

Слабость словацкой политики в период формирования государства, экономическое, культурное превосходство чешских земель и центра государства — Праги привели к тому, что законодательство, устройство государства, доминирующие идеи и стиль политики диктовались ситуацией вне территории Словакии, так что они не всегда соответствовали ее традициям и реальному экономическому и политическому положению. Мнение и запросы Словакии в первое время пыталась отстаивать в парламенте Словацкая фракция, но после упрочения политических партий она распалась. Правомочия Полномочного министерства по делам Словакии постепенно были урезаны, а в 1927 г оно было упразднено. Не удалось провести в жизнь идею создания союза словацких жуп, который представлял бы в Праге всю Словакию. Напротив, сами жупы, которых в Чехии никогда не существовало, были ликвидированы. В 1928 г., по образцу Чехии и Моравии, была создана словацкая Областная управа и избрано Областное представительство, но их правомочия были весьма ограничены. Таким образом, вопрос о реальном самоуправлении Словакии до 1938 г оставался открытым.

Вопрос о самоуправлении Словакии встал еще при возникновении государства, на заседании Словацкого национального совета в Мартине, однако в первые годы основными разделительными линиями в словацком политическом спектре были другие, главным образом социальные проблемы. Перебои со снабжением, безработица, реквизиции скота и зерна в деревнях, накопившееся за войну нетерпение и радикализм привели к полной перемене довоенной политической структуры. На первых

всеобщих и тайных парламентских выборах в 1920 г. победили социал-демократы, которые получили 38,1% голосов, вместе с немецкой и венгерской социал-демократической партией 46%. Однако сила левых партий была подорвана уже в 1921 г., когда от них откололась коммунистическая партия. В Словакии коммунисты, составная часть Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ), в 1925 г. получили вдвое больше голосов, чем реформистские социалистические партии, но социалисты уже с 1929 г. имели некоторый перевес и сохранили его и в тридцатые годы, несмотря на многолетний экономический кризис.

Возникшие в национальной эйфории после переворота идеи о создании единой словацкой гражданской партии оказались нереальными. Кристаллизация партий продолжилась в довоенном направлении. Партия предвоенной национальной и консервативной направленности, так называемая мартинская, и аграрная партия Годжи на выборы 1920 г. шли вместе, но потом сформировалось сильное словацкое ответвление чешской аграрной партии. Эта Республиканская партия земледельческого и мелкокрестьянского населения хотя никогда не получала в Словакии большинства голосов, но была самой влиятельной при получении мест в государственном управлении, при распределении государственных субсидий для земледельцев, у нее была лучше всех дотированная печать, сеть обществ, крепкая база в развитом кооперативном движении. Аграрная партия поставляла из Словакии в Прагу и больше всего министров и чиновников высшего ранга, ее лидер Милан Годжа был вообще первым словаком в истории, который в 1935 г. стал председателем чехословацкого правительства.

С середины двадцатых годов большинство голосов получала Глинковская словацкая народная партия (ГСНП), которая исходила из предвоенной традиции Словацкой народной партии, а также других католических и христианско-социальных движений. После переворота, обеспокоенная тем, что все чаще слышатся требования секуляризации, особенно в западной части государства, партия делала упор на защите католического школьного образования и церковных имений, которым грозила земельная реформа. Однако в 1920 г. это принесло ей только 17% голосов. После отделения от чешской католической партии в 1921 г. партия, наряду с конфессиональными проблемами, подчеркивала и значение национального вопроса. В 1922 г. ГСНП внесла в парламент первое предложение об автономии Словакии. Требование воплотить в жизнь обещанную в Питсбургском договоре от мая 1918 г. автономию Словакии было постоянным лейтмотивом, ядром и к тому же самым удачным агитационным инструментом Народной партии вплоть до 1938 г. Автономию она истолковывала как эффективнейшее средство решения социальных проблем Словакии, потому что в этом случае уделялось бы больше внимания ее специ-

фическим потребностям и интересам. Автономия должна была стать надежным барьером против проникновения секуляризации, атеизма и социализма из западной части государства, оплотом традиционных ценностей.

Народная партия имела в виду автономию в рамках чехословацкого государства; группы, которые намеревались использовать самоуправление Словакии только как промежуточную ступень к восстановлению прежней Венгрии, среди словаков занимали периферийное положение, они недооценили интенсивность и стремительность становления национального самосознания после 1918 г. В условиях демократического государства в двадцатые годы обнаружили свою бесперспективность и группы авторитарного толка, имитаторы Муссолини. Наиболее многочисленная из них, Родобрана, составная часть Народной партии, открыто признавалась в симпатиях к итальянскому фашизму. После осуждения ее лидера Войтеха Туки в 1929 г. за шпионаж в пользу Венгрии Родобрана прекратила существование, возобновив свою деятельность снова накануне второй мировой войны.

Большинство политических партий находилось в заведомо невыгодном положении из-за ограниченной электоральной базы, будь то по конфессиональным причинам, как Еврейская партия и строго евангелическая Национальная партия, или по сословным, как Партия мелких предпринимателей. Все большие и успешные партии опирались прежде всего на сельский и провинциальный электорат, и даже коммунистическая партия имела самых верных сторонников среди рабочих крупных поместий. По сравнению с довоенным периодом в политической мобилизации и агитации большую роль играл этнический момент, а также вероисповедание. О том, насколько по-прежнему важное значение оно имело, свидетельствует большое число священников в парламенте, в руководящих органах партий, в редакциях, но оно же свидетельствует о неспособности католических и евангелических сторонников автономии, кроме короткого периода в 1932—1935 гг., скоординировать свою политику.

Характерной чертой словацкой политики в межвоенный период была ее оппозиционность по отношению к правительству. За исключением первых послевоенных лет и периода 1927—1929 гг., когда ГСНП была в составе правой правительственной коалиции, численность оппозиционного электората достигала 60 — 70%. Это обстоятельство отбивало охоту у партий правительственной коалиции всерьез думать о политическом самоуправлении Словакии в рамках ЧСР.

1.3. Экономические проблемы и социальные последствия

Весь межвоенный период политическая жизнь в республике проходила под знаком неблагоприятной экономической ситуации. Кроме цик-

личных колебаний конъюнктуры, которые характерны для кризисных лет 1921—1923 и 1930—1934, словацкая экономика долго не могла оправиться от последствий войны и распада Австро-Венгрии. По-прежнему сохранялись хронические структурные слабости словацкой экономики, прежде всего нехватка капитала.

Непосредственно военный ущерб в экономике был не слишком масштабным, гораздо дольше сказывалась гибель кормильцев семей, тысячи инвалидов войны, гибель тяглового скота, запустение и декапитализация предприятий. Последствия войны сказывались тем тяжелее, что их приходилось преодолевать в сложных обстоятельствах.

Определяющим фактором был распад экономического пространства империи, а значит, потеря освоенных рынков сбыта для словацкой промышленности, лесного дела, да и для сельского хозяйства. Новообразованные государства отгораживались таможенными барьерами, в первые послевоенные годы к этому добавлялись и непреодолимые транспортные и валютные преграды. Словацкая экономика должна была приспосабливаться к изменившимся условиям в жесткой конкуренции с гораздо более сильной чешской экономикой. В тридцатые годы, когда статистика позволяет делать более точные сравнения, Словакия имела 36% сельскохозяйственных угодий, но только 23% сельскохозяйственной продукции всей Чехословакии, менее 8% промышленной продукции, а банки в Словакии располагали лишь 7% общегосударственного капитала. Немногие предприятия финансировались банками с территории Словакии, отчасти продолжался довоенный контроль будапештскими и венскими банками, а частично их заменили банки, расположенные в Праге. Одновременное действие многих факторов — распад рынка империи, перемещение капитала, предпочтительное внимание государства пражскому центру и банкам своих, чешских предприятий и т. д. — привели к массовой ликвидации промышленных предприятий, особенно металлургических, стекольных, деревообрабатывающих и текстильных фабрик и рудников. Современники окрестили это явление «добиванием промышленности», оно стало первостепенной мишенью критики экономической и социальной политики нового государства. Новопостроенным предприятиям было не под силу возместить эти потери. Ликвидация предприятий продолжалась и во время мирового кризиса 1930—1934 гг. Перелом наступил только в результате повышения конъюнктуры вооружения после прихода Гитлера к власти в Германии.

Словакия по-прежнему была аграрной страной с островками промышленности. В сельском хозяйстве сохранялись разительные контрасты. С одной стороны, процветающие продуктивные поместья, которые нашли рынок сбыта в чешских промышленных агломерациях, с другой стороны, влачащие жалкое существование, зачастую в неблагоприятных гор-

ных условиях, мелкие крестьянские хозяйства. 88% сельскохозяйственных производителей с участками до 10 га имели 30,9% возделываемой земли, а 0,6% производителей с участками свыше 100 га владели 35,2% земли. Поэтому большинство крестьян возлагало большие надежды на земельную реформу, основы которой заложили еще законы 1918 и 1919 гг. Реформа разрешала продать крестьянам 21% обрабатываемых земель. И когда ее наконец провели в меньшем масштабе, она стала сильным аргументом аграрной партии, которая контролировала реформу. Продажа 291 000 га земли мелким крестьянам хотя и не внесла существенных изменений в структуру сельского хозяйства, зато навсегда утвердила в сознании деревни лозунг «земля принадлежит тем, кто на ней трудится», очень часто использовавшийся в политической борьбе, особенно в борьбе коммунистов за власть в 1945 г.

Социальное напряжение в деревне не прекращалось. Граница на юге с Венгрией сделала невозможным традиционный ежегодный отход на сезонные работы сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян из горных областей, и лишь постепенно их поток переориентировался на Чехию, Австрию, Германию и Францию. Эмиграция в США, до войны важный вентиль для оттока избытка населения в деревне, была затруднена введением в 1921 г. иммиграционных квот, и это ограничение не могли возместить даже новооткрывшиеся цели эмиграции Канада и Аргентина.

Население аграрных областей потребляло большую часть собственной продукции, на рынок все сельское хозяйство поставляло ее только 30%. Это была одна из причин медленного накопления капитала, вечной проблемы словацкой экономики. Природные источники Словакии, за небольшим исключением, как лес и магнезит, для зарубежных инвесторов были малопривлекательны, из-за местоположения на окраине индустриальной Европы Словакия не имела шансов на западных рынках. Не оправдались и надежды, что словацкая экономика будет ориентироваться на юго-восток. На это намекало название новооткрывшейся торговой ярмарки в Братиславе — Ориентальная, впоследствии Дунайская торговая ярмарка. Аграрные страны-правопреемницы — Румыния, Югославия, Болгария — были бедны и потому начали с развития и защиты именно простейших отраслей промышленности, то есть тех же, которые были и в Словакии. Экономические связи с Венгрией стопорились и по политическим мотивам.

Экономическое срастание чешской и словацкой экономики продвигалось медленно. Многие жгучие пороблемы, тяжким бременем ложившиеся на словацкую экономику, — как например, железнодорожные тарифы, которые делали невыгодным производство в Словакии, — тянулись годами. Правда, некоторые объединительные меры требовали больших инвестиций и длительного времени, в частности, переориентация

главных железнодорожных магистралей. Вместо преобладающего первоначального направления север-юг (на Будапешт) надо было проложить новые железнодорожные пути в направлении восток-запад, переключающие Словакию и Подкарпатскую Русь на Чехию.

Колоссальная перестройка экономики после 1918 г. была связана с большими социальными потрясениями, упадком целых регионов, удаленных от главных экономических центров. Хроническая безработица, обнищание деревенской бедноты скорее всего не увеличились по сравнению с довоенным периодом, но в новых условиях выросли возможности социальной мобилизации и протеста. Количество профессиональных организаций и их членов возросло в несколько раз, равно как и количество и накал забастовок, особенно в поместьях и в районах добычи и обработки лесоматериалов. В радикальной послевоенной атмосфере трудящиеся добились целой серии социальных законов, которые в старой Венгрии долго значились в программах социалистических партий, но их осуществление виделось лишь в очень отдаленной перспективе. Был введен 8-мичасовой рабочий день, пособия по безработице, улучшено социальное, медицинское страхование, коллективные переговоры с работодателями. Демократический режим повысил самосознание рабочих, крестьян, что привело к уменьшению многих традиционных упизительных моментов во взаимоотношениях работодатель—служащий и типичного для старой Венгрии постфеодального отношения барин-простолудин.

Экономика и современниками считалась узким местом нового государства, зато большинство считало его плюсом — и с этим согласна и преобладающая часть историков — всеобщий подъем культуры и цивилизованности. Отчасти речь шла о продолжении процесса модернизации с довоенного периода, новым и ускоряющим ее моментом было устранение национального гнета и всесторонняя демократизация социальной и общественной жизни.

Сразу же после переворота в официальных учреждениях был введен «чехословацкий», т. е. на практике чешский и словацкий языки. Закон номер 122 о языке 1920 г. разрешал пользоваться и языками национальных меньшинств в областях, где их численность превышала 20% населения. Обучение в начальных и средних школах впервые после десятилетий мадьяризации велось на словацком, венгерском, немецком и восточнославянских языках. Обучение на родном языке помогло повысить уровень усвоения учебного материала и облегчило доступ к высшему образованию и детям из менее состоятельных слоев. Закон от 1922 г. продлил обязательное школьное образование с 6 до 8 классов. Увеличилось число средних и специальных учебных заведений. Университет св. Елизаветы, основанный в последние годы существования старой Венгрии в Братиславе, после того, как его профессора отказались признать обра-

зование ЧСР, был упразднен, а вместо него возник Университет им. Коменского с юридическим, философским и медицинским факультетами. Студенты из Словакии учились и в университете в Праге и в техническом институте в Брно. Высшее техническое училище было открыто только в 1938 г. в Кошицах, после многолетней борьбы. Система школьного образования являлась предметом острых политических споров, главным образом вокруг его радикальной секуляризации или сохранения влияния церкви на школу.

Демократизация ускорила и строительство структуры современного гражданского общества. Наряду с политическими партиями, а нередко и в их рамках, возникали профессиональные организации, объединения работодателей, мелких предпринимателей, крестьян, различные кооперативы, спортивные, физкультурные, благотворительные, социальные, просветительные, культурные общества различной политической и национальной окраски. Помимо «Сокола», носящего светский и прочехословацкий характер, функционировал католический «Орол» и физкультурные организации социалистической направленности. Параллельно с коммунистическими, социал-демократическими, аграрными профсоюзами существовали и профсоюзы Глинковской народной партии, с католическим культурным «Обществом Св. Войтеха» — евангелический «Траносциус», венгерская «Уrania» или немецкий «Культурфербанд» (Культурное общество). Скаутские организации были государственные и чехословацкие, а также католические и еврейские. По национальному и политическому принципу устраивались и многие спортивные соревнования и туристские союзы. В этой галактике объединений и союзов, организованных по национальным, конфессиональным и сословным принципам, взаимоотношения складывались по-разному, от неприятия и жесткой конкуренции до тесного сотрудничества или по крайней мере мирного сосуществования.

Деятельность обществ после 1918 г. не была абсолютным новшеством, но она приобрела небывалый размах. И она создавала атмосферу, в которой словаки, прежде во всем ущемленные, а переворотом 1918 г. поднятые на позиции политически национального большинства, получили возможность в действительности утвердиться в этом положении, воспитывать в себе чувство собственного достоинства и национальное самосознание. Активное участие в деятельности структур гражданского общества частично выравнивало низкое представительство словаков в верхах общества, в которых по-прежнему задавали тон венгры, немцы и евреи, а после 1918 г. прибавились чехи.

Формированию чувства гражданской и национальной уверенности в себе у словаков способствовало и создание новых или утверждение стародавних национальных символов. Словакия впервые имела собственный

столичный город, официально переименованный с немецкого Пресбург, венгерского Пожонь и словацкого Прешпорк в Братиславу. Национально-патриотическая словацкая песня «Над Татрой молния сверкает» стала составной частью чехословацкого государственного гимна, синяя полоса словацкого трехцветного знамени в форме клина поместилась на чехословацком государственном флаге, словацкий двойной крест на трех вершинах вместе с чешским львом образовали государственный герб ЧСР. Была восстановлена распущенная венгерскими властями в 1875 г. общенациональная культурная организация Матица словацкая, постепенно создавался Словацкий национальный театр, общесловацкие просветительные, экономические, спортивные институты, организации и центры, административные и финансовые учреждения. Благодаря их деятельности, хотя нередко у них было мало полномочий, становился все более очевидным факт существования Словакии как самобытного субъекта. Иначе говоря, именно то, что до 1918 г. венгерская политика принципиально отрицала, а после 1918 г. чешская политика ставила под сомнение. Фиксирование Словакии в сознании словаков и частично в сознании ее соседей является одним из важных и долговременных последствий межвоенного периода.

Внутриполитическое развитие Словакии после краткой послевоенной волны радикализма в общем пошло по пути постепенного, эволюционного использования тех возможностей, которые предоставляла парламентская демократическая система. Это выразилось в стабилизации крайне левого направления в форме коммунистической партии на уровне 10% электората и в росте реформаторского социализма, в провале попыток сформировать крайне правые движения, но прежде всего в сдвигах внутри гражданских партий в сторону центра, к более умеренным и рассчитанным на перспективу программам и требованиям. Эта направленность продолжалась и в тридцатые годы, однако в модификации, обусловленной двумя факторами: великим экономическим кризисом и существенными изменениями в международном положении Чехословакии.

Аграрный кризис в Словакии начал проявляться еще в 1928 г., в промышленности кризис охватил большинство отраслей в 1930 г., наибольшей глубины он достиг в 1933 г. По статистическим данным невозможно точно определить уровень падения словацкого промышленного производства, в общегосударственном масштабе оно снизилось на 40%, то есть выше среднего мирового показателя. Кризис охватил отрасли со сбытом продукции за пределами Словакии, как например, рудники, производство целлюлозы, текстильную и кожевенную промышленность, а также отрасли, производящие преимущественно для потребления внутри страны, в частности, пищевую промышленность и производство строительных материалов. Кризис дал толчок новой волне ликвидации про-

мышленных предприятий, особенно в металлургии, в текстильной, металлообрабатывающей отрасли, в стекольной и бумажной промышленности.

Большие социальные последствия вызвал кризис в лесной промышленности, усугубленный прекращением сбыта древесины в Венгрию, которая таким образом отреагировала на ограничение экспорта ее сельскохозяйственной продукции в Чехословакию. В конце 1930 г. не работало 80% лесопильных предприятий, численность рабочих сократилась на 50%. Тем самым лишились работы на производстве древесины рабочие и возчики в горных областях, где зачастую это был жизненно важный источник заработка и для мелких крестьян. Социальную напряженность обостряла и потеря побочных заработков на сезонных сельскохозяйственных работах. В Словакии во время кризиса число наемных сезонных рабочих сократилось на треть, уменьшилось и количество рабочих мест для них в Чехии, Австрии и Франции, а Германия отпала совсем. Сельскохозяйственные рабочие, постоянные и сезонные, составляли основную массу безработных, в 1933 г. их было зарегистрировано 130 937, но это неполное число, потому что в процессе кризиса еще только создавалась база социальной сети в виде посреднических бюро по поиску работы. Большинство безработных не выполняло строгие требования для регулярной выплаты пособий и могло рассчитывать на благотворительность, на раздачу продуктовых талонов в учреждениях или на разовые акции помощи.

Чехословацкая экономика в большой степени зависела от международных рынков, но в 1933 г. экспорт снизился на 28% от докризисного уровня. Одно это ограничивало возможности антикризисных шагов правительства. Для решения проблемы кризиса и его последствий правительство получило от парламента чрезвычайные полномочия, из многочисленных государственных мер по урегулированию ситуации самой значительной было введение в 1934 г. хлебной монополии. Несмотря на государственную поддержку и двукратную девальвацию кроны в 1934 и 1936 гг., которая снизила ее золотое содержание на треть, в 1937 г. чехословацкий экспорт составлял в материальном выражении 80%, а в финансовом только 40% от докризисного уровня. Таким образом, широкому развитию инвестирования, чтобы наряду со снижением уровня безработицы на местах оно смогло оживить экономику, мешала нехватка денег в казне государства и муниципалитетов.

Перелом к лучшему в экономике наступил только в 1934 г., однако трудно сказать, насколько это было обусловлено закономерностью развития экономического цикла, а что явилось следствием коренного изменения в международном положении государства после прихода Гитлера к власти в сопредельной Германии. Но в Словакии установка на укрепление обороноспособности и вооружение действовала с середины тридцатых годов вполне очевидно как существенный стимул оживления экономики.

1.4. Международный и внутренний кризис тридцатых годов

Стратегическая концепция обороны Чехословакии рассматривала Словакию в качестве территории, куда после оборонительных боев с немцами чехословацкие войска отступят и тем самым предоставят возможность для военного вмешательства союзников, прежде всего Франции и Советского Союза. Усиление обороноспособности Словакии должно было предотвратить реализацию планов Венгрии, которая в установлении реваншистского режима в Германии увидела шанс пересмотреть Трианонский договор. Началось строительство военных заводов, уже существующие военные заводы из западной части государства основывали в Словакии так называемые «теневые предприятия», которые были предназначены выпускать продукцию вместо них в случае войны с Германией. Именно в эти годы были заложены основы военно-промышленного комплекса, который составлял костяк словацкой индустрии до 1989 г. Ускорило строительство железнодорожных магистралей и дорог в направлении восток-запад, на границах с Венгрией и Австрией возводились железобетонные укрепления. Передислокация нескольких полков и высшего командования в Словакию потребовала строительства казарм, общежитий, аэродромов и складов. Развернувшееся строительство оживило строительную индустрию, производство цемента и строительных материалов, численность занятых в тяжелой промышленности в 1937 г. превысила докризисный уровень на 17%. Тем не менее это было всего 105 000 занятых, Словакия по-прежнему оставалась преимущественно аграрной страной.

Ограниченные возможности трудоустроить избыток крестьянского населения возбудили с начала кризиса обсуждения и дискуссии вокруг экономического будущего Словакии. Концепция, которая считала Словакию естественным аграрным придатком промышленно развитых чешских областей, никогда не пользовалась особой популярностью у словацких политиков и экономистов. Словацкое сельское хозяйство, несомненно, обладало большими резервами, могло в результате реформ быть и одним из источников накопления капитала, но одно оно не имело шансов достойно обеспечить страну. Выход из положения могла дать только индустриализация, развитие промышленности как движущей силы социального, а также культурного прогресса. Наиболее ярко эту идею сформулировали коммунисты, которые в стремлении создать политический базис для формирования антифашистского фронта в 1937 г. свели в один документ все предложения и проекты словацких некоммунистических партий по развитию инвестиций, земельной реформе, поддержке малого бизнеса, по организации специального образования и социальным реформам. Остальные партии игнорировали этот проект, но в последую-

щие десятилетия он послужил коммунистам эффективным доказательством того, что они вовремя уяснили ключевую проблему страны.

Экономический кризис приводил к острым социальным конфликтам, волнениям, забастовкам и демонстрациям, часто подавляемым жестокими и кровавыми методами. В тридцатые годы четники (жандармы) стреляли в народ в Голиче, в Телгарте, в Погорелой, в Кошутах, в Полонке, в Чьерном Балоге и в других местах, их действия вызывали новые протесты и депутатские запросы в парламенте. Но кризис очень мало отразился на режиме. Было принято несколько законов, которые по сравнению с докризисным периодом ограничивали свободу печати, деятельность муниципалитетов, появилась возможность прекращать деятельность политических партий, но важнейший закон 1933 г., предоставлявший правительству полномочия в случае необходимости принимать меры без предварительного принятия соответствующего закона парламентом, был ограничен во времени и касался лишь чисто экономических вопросов. Таким образом, парламентская демократическая система в Чехословакии, в отличие от всех ее соседей, была сохранена.

Политические последствия вызванных великим экономическим кризисом нарушений нормального хода вещей наиболее остро проявились в обострении национальных противоречий в стране. Ключевым и роковым для государства было обострение ситуации в немецких областях Чехии, где существовавшая до этого система политических партий полностью развалилась. На парламентских выборах 1935 г. наибольшее число голосов немецких избирателей получил Судетонемецкий патриотический фронт (Sudetendeutsche Heimatfront) под руководством Конрада Генлейна, который постепенно стал инструментом Гитлера. Активизация национализма дала себя знать и среди венгерского меньшинства в Словакии, где в 1936 г. объединились Венгерская национальная и Венгерская христианско-социалистическая партии. Среди избирателей словацких политических партий особых сдвигов не произошло, но национальный вопрос по-прежнему играл важную роль.

Глинковская словацкая народная партия («людаки»), которая в 1927—1929 гг. входила в правительственную коалицию, после перехода в оппозицию внесла на рассмотрение парламента в 1930 г. новое предложение об автономии Словакии. Внушительные демонстрации народа, как например, в августе 1933 г. по случаю празднования 800-летия онования первого известного христианского храма в Нитре, установление сотрудничества с автономистской, преимущественно евангелической Словацкой национальной партией позволили партии восстановить свои позиции, пошатнувшиеся из-за участия в пражском правительстве. На парламентских выборах 1935 г. ГСНП вместе с СНП и небольшими русинскими и польскими партиями получила 30,12% голосов. Партия по-пре-

жнему опиралась на своего харизматического лидера Андрея Глинку, но на передний план уже выходило новое поколение политиков, представленное Йозефом Тисо, Каролом Сидором, и еще более молодые группы, особенно недавних выпускников уже чехословацких учебных заведений, которые требовали федерализации государства. В радикализированной среде все больше проявлялись и авторитарные черты идеологии ГСНП, выраженные на съезде в 1936 г. лозунгом «Один Бог, одна нация, одна партия», и традиционный антисемитизм в самой партии. Производила впечатление и привлекала античешская агитация, акцентирование того, что чехи занимают места в государственном управлении, в армии, на железной дороге, на почте, в школах в ущерб словакам, глухота центральной власти к нуждам словацкой экономики, вопрос о языке.

Словацкие представители и организации коалиционных общегосударственных партий, аграрной, социал-демократической и других партий перед националистическим натиском оказывались в незавидном положении: многие перегибы централизма они сами осуждали, но их критика была непоследовательна, а польза от нее была или нулевой, или рассчитанной на такое отдаленное будущее, что в данный момент была политически малоэффективна. В исторической ретроспективе нельзя не увидеть, что политика эволюционного выравнивания несоответствий между западной и восточной частью государства была успешной, что словацкое общество очень быстро встало на путь модернизации, приобретало национальный характер, но это шло с таким скрипом и с такой долговременной перспективой, что на это требовались многие десятилетия: дело было в лимите времени, которого демократической Чехословацкой республике не было отпущено. Многие словацкие члены общегосударственных партий, особенно молодежь, понимали это, в середине тридцатых годов они начинают выступать с идеей некой «демократической автономности» в качестве противовеса риторике глинковской партии, но это делалось неуверенно и неэффективно.

Приход Гитлера к власти в 1933 г. вызвал беспокойство за перспективы Чехословакии. Чехословацкая система безопасности опиралась на мирные договоры, подписанные после мировой войны в парижских пригородах, на весьма активное участие в работе Лиги наций, на договор с Францией от 1923 г. и договоры с государствами Малой Антанты — Румынией и Югославией. Малую Антанту объединяла прежде всего боязнь венгерского реваншизма. После заключения союзнического договора между Францией и Советским Союзом союзнический договор с Москвой заключила и Чехословакия. С середины тридцатых годов государство очень интенсивно готовилось к обороне: был продлен срок службы в армии, увеличен личный состав армии, началось масштабное перевооружение, строительство пограничных укреплений.

Нацеленность на оборону государства была поддержана большинством населения, в Словакии действовал страх перед венгерским реваншизмом. Народная партия, однако, отвергала союзническую систему республики, вместе со всей коалиционной политикой, которую считала слишком левой. Чехословакию, Францию с ее правительством Народного фронта и Советский Союз она называла «большевистским трилистником». Симпатии «людаков» к авторитарным диктатурам и ярковыраженным антисоциалистическим режимам в то время не оказывали сколько-нибудь существенного влияния на государственную политику, но они в полный голос заявили о себе во время кризиса государства в 1938 г.

1.5. Автономия Словакии и возникновение Словацкой республики

Аншлюс Австрии 13 марта 1938 г. значительно ухудшил стратегическое положение ЧСР. Германская граница придвинулась к предместьям Братиславы, бездействие великих держав было дурным предзнаменованием. При аншлюсе Австрии Гитлер использовал тамошнюю нацистскую агентуру, в Чехословакии подобную роль сыграла Судетонемецкая партия Генлейна. Она все время умышленно ужесточала свои требования, в сентябре 1938 г. вооруженные в Германии отряды Генлейна попытались совершить государственный переворот. Попытка путча провалилась, на угрозы Гитлера правительство ответило объявлением 23 сентября всеобщей мобилизации армии, войска заняли пограничные укрепления. Однако в конечном итоге под давлением великих держав Чехословакия капитулировала. Англия и Франция не хотели рисковать войной ради маленькой центрально-европейской страны. Ложное представление об истинных целях гитлеровской агрессии привело их к подписанию Мюнхенского договора 29 сентября 1938 г. Германия, Италия, Великобритания и Франция без участия представителей Чехословакии продиктовали ей новые границы с Германией, которые делали ее беззащитной перед Гитлером. Одновременно они продиктовали ЧСР срок для договоренности о новых границах и с Польшей и Венгрией. Мюнхенский диктат явился важным шагом к развязыванию второй мировой войны, причем при выгодных для агрессоров обстоятельствах; его принятие чехословацким правительством и президентом Бенешем на десятилетия наложило отпечаток на чешское и словацкое общество как в политическом, так и в моральном плане.

В Мюнхенском кризисе Словакия играла далеко не первостепенную роль. Хотя Народная партия с начала 1938 г. усиленно вела агитацию за проведение весной выборов в муниципалитеты, но даже многочисленные политические собрания и мероприятия не указывали на то, что ГСНП в

одинокую удасться добиться этого. Летом 1938 г. она разработала новый проект автономии, вела интенсивные переговоры с правительством и президентом Бенешем. Правительство уже было готово во многом пойти на уступки, но решение было приостановлено и отложено ввиду переговоров с Генлейном. «Словацкий вопрос» все это время зависел от «немецкого» вопроса.

Мюнхен внес драматические перемены в политическую карту государства; прежние союзнические договоренности рухнули, западные демократии лишились доверия, на передний план выходили приверженцы авторитарных, экспансионистских и в данный момент триумфальных режимов. Народная партия не преминула воспользоваться кризисом государства. 6 октября 1938 г. исполнительный комитет ГСНП провозгласил в Жилине автономию Словакии, к нему примкнули и представители пяти других партий. Центральное правительство в Праге признало автономию и назначило словацкое правительство во главе с Йозефом Тисо. 22 ноября 1938 г. Национальное собрание приняло закон об автономии Словакии.

Первой серьезной проблемой, с которой столкнулось автономное правительство, были территориальные притязания Польши и Венгрии, вытекающие из решения Мюнхенской конференции. Чехословацкое правительство, стремясь избежать сколько-нибудь серьезного конфликта, в ноябре уступило Польше часть Силезии и северной Словакии. Переговоры с Венгрией, которая настаивала на присоединении всей Словакии, результата не дали. 2 ноября в Вене арбитраж Германии и Италии вынес решение о новых границах Словакии: Венгрии были переданы 10 390 кв. км территории с 854 217 жителей, из которых свыше 270 000 словацкой национальности. Подписавшие Мюнхенский договор Франция и Англия уже не принимали участия в принятии решений в Вене, гегемония Германии в этом регионе была очевидной.

Мюнхен знаменовал собой конец парламентской демократической системы во всем государстве, которое официально называлось уже Чехо-Словацкая республика. Название, относящееся к периоду от Мюнхена по март 1939 г. — «Вторая республика» — говорит не только об уменьшении территории государства, автономной администрации Словакии и Подкарпатской Руси, но и об изменении режима в сторону авторитаризма. Братиславское правительство строило собственный вариант диктатуры. Левые политические партии были ликвидированы, гражданские партии либо распущены, либо под давлением или добровольно слились с ГСНП в единую партию ПСНЕ — Партия словацкого национального единства. Были распущены многочисленные общества, принудительно объединены профсоюзы, разогнаны неудобные режиму органы муниципального самоуправления. Выборы в сейм автономии 18 декабря 1938 г. проходили в форме плебисцита и по единому списку кандидатов, из 63 де-

путатов было 47 «людаков», остальные — перебежчики из других партий и представители немецкого и венгерского меньшинств. Большая роль в общественной жизни придавалась ударным отрядам партии — Глинковской гвардии, которая была и движущей силой, и исполнителем первых антиеврейских мер правительства автономии.

Внешнеполитический курс братиславского правительства, подобно его партнеру и сопернику в Праге, был ориентирован на Германию. Во время Мюнхена в нацистских концепциях Словакия еще не фигурирует, все изменилось в октябре—ноябре 1938 г. Гитлер, планируя ликвидацию остатков Чехословакии, предназначил Словакии ту же роль, какую нацисты сыграли в Австрии и генлейновцы в Чехословакии, то есть роль взрывателя, обеспечивающего обоснованность агрессии и оккупации якобы вследствие «развала изнутри». Во время многочисленных бесед и переговоров нацистские политики давали понять представителям «людаков», что поддержат Словакию, но лишь в том случае, если она будет самостоятельной. Это лило воду на мельницу первоначально слабому направлению в Народной партии, выступающему за полный суверенитет. Руководство партии старалось переходить к самостоятельности постепенно, шаг за шагом, посредством отвоевывания позиций в управлении, армии, полиции. Германию такой долговременный процесс не устраивал, радикально разрубить этот узел нацистам помогло вмешательство центрального пражского правительства в дела Словакии 9 марта 1939 г.

Центральное правительство было обеспокоено известиями о переговорах деятелей словацкого правительства в Берлине. Президент Гаха отправил премьер-министра автономного правительства Йозефа Тисо в отставку, в Словакии была введена военная диктатура, и новым премьер-министром стал «людак» Карол Сидор. Воспользовавшись сложной ситуацией, нацисты энергично добивались от «людаков» отторжения от Праги. С продолжавшейся несколько дней неопределенностью Гитлер покоячил самым решительным образом, пригласив уволенного Й.Тисо в Берлин. Там его приняли 13 марта уже как главу государства, во время переговоров Гитлер поставил Тисо перед дилеммой: или немедленное провозглашение самостоятельности, или перспектива раздела Словакии между Германией, Польшей и Венгрией. На следующий день, 14 марта, Тисо доложил наскоро созванному сейму о переговорах в Берлине, и сейм проголосовал за суверенитет нового государства. В тот же день Гитлер повторил угрозы и нажим на чехословацкого президента Эмиля Хаху, который в конце концов подписал документ о принятии германского протектората над остатками Чехо-Словакии. В это время немецкие военные части уже направлялись в Прагу.

Межвоенная республика была кратким, всего двадцатилетним отрезком словацкой истории. Однако это был единственный период, вплоть до 1989 г., когда в Словакии функционировала полнокровная парламентс-

кая демократия, общество быстро модернизировалось не только в техническом смысле, но и с точки зрения своих структур. Последующие режимы и диктатуры официально занимали к нему критическую позицию, однако во многом им жили и из него черпали. Падение первой республики, связь элементов долговременных и исторически случайных, соотношение компонентов внешних и внутренних, вопросы этики в связи с мюнхенской капитуляцией не сходят с повестки дня, на них отвечают снова и снова. Мюнхен остается открытой проблемой чешской и словацкой историографии, а также незаживающей раной чешского и словацкого общественного сознания.

2. Словацкая республика 1939—1945 годы

2.1. Международное положение и политическая система Словацкой республики

Площадь Словацкой республики составляла 38 004 кв. км, население — 2 655 053 человек. На западе, а после поражения Польши в сентябре 1939 г. и на севере, соседом республики была германская империя с оккупированными ею территориями. На юге и востоке Словакия граничила с Венгрией. Словацкая республика имела все институты и символы самостоятельного государства: парламент, правительство, президента, гимн, герб, государственный флаг, собственную валюту (словацкую крону), зарубежные представительства. Она была признана 27 странами, всеми тогдашними державами, кроме США¹. Однако существование государства было сначала довольно нестабильным. Уже в апреле 1939 г. Гитлер предлагал Словакию или её часть Польше в качестве компенсации за уступки в отношении Гданьска (Данцига — В.М.) и польского коридора в Пруссию². После отказа польского правительства пойти на эти уступ-

¹ СССР установил дипломатические отношения со Словацкой Республикой в сентябре 1939 г. Великобритания признала Словацкое государство де-факто, но не де-юре. См. подробнее: В. Марьина. Словакия в политике СССР и Германии. В кн.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. М., 1999. С. 198—240. (Здесь и далее примечания переводчика).

² Еще в октябре 1938 г. Гитлер предъявил Польше «пакет» требований, в том числе присоединение Данцига (Гданьска) к рейху и согласие на проведение экстерриториальных автострды и железной дороги через польский коридор в Восточную Пруссию. Польское правительство отказалось выполнить эти требования. См. подробнее: В. Волков. Страны Восточной Европы в водвороте событий накануне Второй мировой войны; С. Случ. Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши. В кн.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. М., 1999. С. 13—76, 77—168.

ки немецкая армия использовала Словакию в сентябре 1939 г. в качестве одного из плацдармов нападения на Польшу.

В годы войны Словацкая республика выполняла в нацистской политике функцию некой витрины, которая должна была демонстрировать, прежде всего, народам Юго-Восточной Европы, что Гитлер не только оккупирует страны, но и «освобождает» народы. Одновременно Словакия была испытательным полигоном нацистской политики, например, при разработке статуса немецкого меньшинства на юго-востоке Европы или в так называемом решении еврейского вопроса. На роль «образцового государства» Словацкая республика подходила благодаря своему положению где-то на полпути между прямо оккупированной страной, или протекторатом, каким являлись Чехия и Моравия, и суверенными государствами, находившимися под немецким контролем, какими были Венгрия, Румыния или Болгария.

Положение Словакии в германской сфере влияния определял Охранный договор, подписанный 18—23 марта 1939 г. Охранным договором «Германская империя берет на себя охрану политической независимости Словацкого государства и целостности его территории», — гласил параграф 1. Взамен Словакия обязалась проводить внешнюю политику «в тесном согласии с германским правительством», создавать свою армию «в прямом соответствии с германскими вооруженными силами». Вдоль западной границы государства была создана Охранная зона, в которой немецкая армия пользовалась исключительными правами. Последующие соглашения и протоколы обеспечивали Германии свободный доступ к использованию природных богатств и эксплуатации промышленных предприятий, важных в военном отношении. В экономике происходило стремительное вытеснение чешского и австрийского капиталов германскими корпорациями, прежде всего Немецким банком, Дрезденским банком и военным концерном Герман Геринг Верке. Доля немецкого капитала в промышленных акционерных обществах возросла с 4% в 1938 г. до 51, 6% в 1942 г.

Внешиполитическая зависимость от Германии была удручающе всеохватывающей, но в то же время не давала твердых гарантий. Сразу же после возникновения государства она оказалась неэффективной, когда венгерские войска в марте 1939 г. при оккупации Подкарпатской Руси перешли границу Словакии, и в течение нескольких дней здесь велись бои с применением авиации и танков. Словацкая республика должна была уступить Венгрии новую территорию площадью 1 697 кв. км с населением 69 639 человек. Министр иностранных дел Фердинанд Дюрчанский пытался сбалансировать неблагоприятное геополитическое положение государства установлением связей с Западом, но после поражения Франции в 1940 году немцы эти попытки энергично пресекли. Во

время переговоров 28 июля 1940 г. в Зальцбурге Гитлер принудил президента Тисо реорганизовать правительство и отправить в отставку Дюрчанского. Его место занял председатель правительства, пронацистски настроенный Войтех Тука; министром внутренних дел стал радикальный националист глава Глинковской гвардии Александр Мах. С Советским Союзом Словакия имела хорошие экономические и культурные контакты¹, которые однако были лимитированы идеологией, но прежде всего тем, что Советский Союз считал Словакию страной, входившей в сферу влияния Германии.

Во внешней политике правительство преследовало две главные цели. Во-первых, сохранение самого государства и его укрепление в контролируемом Германией пространстве. Значительным шагом оно считало присоединение Словакии 24 ноября 1940 г. к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии². Таким парадоксальным способом Словацкая республика оказалась также союзником Венгрии. Между тем, именно конфронтация с южным соседом являлась вторым основным компонентом внешней политики словацкого правительства. Оно стремилось создать для словаков на оккупированной венграми территории более сносные условия существования, но, прежде всего, добиться ревизии Венского арбитража от ноября 1938 г. При гегемонии Германии в Дунайском бассейне всё это побуждало словацкие власти к стремлению зарекомендовать себя в Берлине как надежного союзника с точки зрения внешней и внутренней политики государства. Во внешней политике это проявилось в участии словацкой армии в кампании против Польши в сентябре 1939 г., в участии словацкого военного контингента в войне против Советского Союза с июня 1941 г., в объявлении войны США и Великобритании в декабре 1941 г. В отношениях с Венгрией подобная стратегия не принесла осязаемых результатов, нацисты откладывали решение словацко-венгерского спора на период «после войны». Вместе с тем, внешне-

¹ Как свидетельствуют архивные документы, попытки наладить экономические и культурные связи между СССР и Словакией практически не увенчались успехами, хотя в декабре 1940 г. был подписан основанный на принципе наибольшего благоприятствования Договор о торговле и судоходстве. Его реализации помешало нападение Германии на Советский Союз, разрыв дипломатических отношений между СССР и Словакией, участие её армии в войне на стороне «третьего рейха». См. подробнее: В. Марьина. Словакия в политике СССР и Германии. В кн.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 198—240.

² Тройственный пакт был подписан 27 сентября 1940 г. в Берлине. Германия, Италия и Япония договорились о разделе мира на сферы влияния: Европа должна была стать сферой господства Германии и Италии, а «великое восточноазиатское пространство» — сферой господства Японии. Одновременно со Словакией к пакту присоединились Венгрия и Румыния.

политические акции тесно связывали государство с судьбой нацистской Германии, этому способствовала и его внутренняя политика.

Самостоятельное государство дало возможность народной (глинковской) партии реализовать свою концепцию организации словацкого общества. Военные условия, с одной стороны, это усложняли, но во многом и облегчали. Уже само возникновение государства, в конце концов, стало возможным только в результате существенного изменения соотношения сил влияния в Центральной Европе. Война облегчала радикальное вмешательство в политическую и общественную жизнь, что вполне сочеталось с авторитарными и фашизоидными компонентами людацкой¹ идеологии и политики.

Контуры режима обозначило только развитие ситуации после Мюнхена. Конституция, принятая сеймом 21 июля 1939 г., в параграфе 58 устанавливала, что «словацкий народ участвует в государственной власти посредством Глинковской словацкой народной партии (Партии словацкого национального единства)». Конституция формально еще сохраняла некоторые положения домюнхенской чехословацкой конституции — выборы президента, выборы сейма, но постепенно режим эволюционировал в сторону укрепления и углубления диктатуры. Сейм постепенно был отстранен от принятия решений, была усилена распорядительная власть правительства, президент получил право дополнять сейм назначенными депутатами. Окончательное оформление режима было завершено в 1942 году принятием закона о Глинковской словацкой народной партии. Президент получил титул «Вождя», была обеспечена персональная связь функционеров партии и государства с мест через районы и жупы вплоть до высших органов государства. Принцип вождизма оказал влияние также и на заимствованные из представлений католицизма об обществе положения о сословиях, которые должны были стать одним из столпов политической системы. Сословия заменили ликвидированные профсоюзы, в обязательном порядке объединяли работников и работодателей, и находились под прямым контролем партии. Скопированная у нацистов «система вождизма» была последовательно воплощена и в организации правящей «государственной партии», ГСНП.

При формировании режима столкнулись две концепции, одна из которых представляла традиционные течения внутри народной партии, всего националистического движения, другая отражала притягательность и влияние пользовавшегося тогда успехом немецкого нацизма. Группировка, возглавляемая Йозефом Тисо, ставшего с октября 1939 года президентом, а с 1942 года и «Вождем», намеревалась строить диктатуру,

¹ Людацкий — от слова «люд» — народ в названии Глинковской словацкой народной партии.

используя традиционные структуры партии, прагматически привлекая также не состоявших в людацкой партии, но готовых к сотрудничеству людей, и перебежчиков. В идеологии и каждодневной политике эта группировка исходила из традиционных постулатов католицизма и консерватизма, в экономической политике — из учения католицизма об обществе. Другая группировка во главе с профессором Войтехом Тукой, который в октябре 1939 г. сменил Тисо на посту премьера, настаивала на более радикальных методах и более последовательном следовании нацистским образцам. Тука, в двадцатых годах возглавлявший фашистскую «Родобрану», в отличие от проповедуемой Тисо «народной Словакии» пропагандировал «словацкий национал-социализм», стремлению опираться на традиции противопоставлял «перманентную революцию». Главной опорой Туки была Глинковская гвардия во главе с Александром Махом, которая была организована по образцу немецкой СА¹ и претендовала на весомое участие в государственной политике.

В споре о характере диктатуры в Словакии Тисо опирался прежде всего на партию, которая в 1944 г. насчитывала примерно 300 тысяч членов, и пользовался также поддержкой католической церкви. Священники были широко представлены среди функционеров партии, а также в сейме и государственном совете, сам Тисо был католическим священником. Церковь поддерживала социальную, культурную, образовательную политику правительства, её устраивали также авторитарные и патерналистские элементы политической системы, однако она не готова была поддерживать последовательное копирование нацистского образца. Группировки Тисо и Туки интенсивно добивались поддержки со стороны Германии, где каждая имела своих патронов, гардистское² крыло — прежде всего в кругах СС. Однако самым важным и решающим являлся Гитлер, отдавший предпочтение Тисо, который в условиях разгоравшейся войны был лучшим гарантом стабильности, чем крикливые, но в обществе слабо укорененные группки «словацких национальных социалистов». Однако Гитлер не позволил Тисо окончательно ликвидировать своих противников, Тука остался в правительстве, отборные группы Глинковской гвардии проходили обучение в Германии под руководством представителей СС, радикалы были неким резервом и средством давления.

Функцию нажима и контроля в интересах нацистов выполняла и организация немецкого меньшинства. После Мюнхена Карпатонемецкая партия во главе с Францем Кармазиным преобразовалась в Немецкую партию (Deutsche Partei — DP), она получила от правительства монопо-

¹ СА (Sturmabteilungen, SA) — полувоенная вооруженная организация Национал-социалистской немецкой рабочей партии, возглавляемой Гитлером.

² Гардистское — от слова «гарда» — гвардия.

лию на организацию и репрезентацию всего немецкого населения. DP создала густую организационную сеть, параллельную Глинковской гвардии организацию ФС (Freiwillige Schutzstaffel)¹, молодежные, женские, профсоюзные, спортивные организации, собственную администрацию школ. Призывы части словацких немцев о присоединении к Германии, раздававшиеся в 1938—1939 гг., в Берлине не получили поддержки; возобладала концепция, что пока, во время войны, словацкие немцы должны стать гарантом великогерманских интересов в словацкой среде и образцом статуса немецкого меньшинства в юго-восточной Европе. Немцы добились создания особых подразделений в рамках словацкой армии, с 1942 года производился массовый набор в СС, с весны 1944 г. они в обязательном порядке проходили действительную военную службу в СС.

Стремление к исключительному положению в государстве, вызывающее поведение Немецкой партии как представителя воли «державы-покровительницы» вели к взаимному, почти неведомому прежде отчуждению и, в конечном счете, — к открытому словацко-немецкому антагонизму. Словацкие приверженцы режима, питавшие свежеприобретенные представления и иллюзии о национальной суверенности и самостоятельности, чувствовали себя оскорбленными непомерными претензиями официальных представителей немецкого меньшинства во главе с Францем Кармазиным, противникам же режима демонстративные действия и публичные выступления кармазинцев напоминали нацизм, Гитлера, насилие, антисемитизм, агрессию. Антифашистски настроенные группки словацких немцев, прежде всего социалистической и коммунистической ориентации, продержались вплоть до конца войны, но не смогли преодолеть это отчуждение, перераставшее в ненависть.

Национализм, один из основных столпов людацкого режима, вступил в конфронтацию со всеми национальными меньшинствами. После Венского арбитража в Словакии осталось около 60 тысяч венгров; в качестве их политического представителя режим разрешил выступать *Венгерской партии в Словакии* во главе с депутатом Яношем Эстерхази. Венгры на территории Словацкой республики были в значительной степени заложниками политики будапештского правительства по отношению к словацкому меньшинству на оккупированных территориях. Словацкая конституция (параграф 58) предоставляла национальным меньшинствам столько прав, сколько имели словаки на территории «этнической отчизны» этих меньшинств. На практике это приводило к перманентным спорам между Братиславой и Будапештом о разрешении на открытие школ, культурных обществ, газет, спортивных клубов национальных меньшинств, к взаимной травле и преследованиям. Словацкое и венгерское

¹ Добровольная служба охраны.

правительства непрестанно жаловались и писали доносы в Берлин, где стремились споры уладить, но без существенного результата.

Русинское меньшинство также было представлено в сейме, хотя и не имело собственной политической организации, как немцы и венгры. Государство поддерживало русинское течение против украинского, а в церковной политике — униатство. Русинская проблематика не была первоочередной в сфере интересов правительства, русинские элиты не представляли в то время серьезного конкурента словацким. Радикальный национализм режима проявлялся особенно в отношении чехов и евреев.

Уже в период автономии браτισлавское правительство добилося от Праги перемещения в Чехию 9 тысяч государственных служащих. После марта 1939 года наступила очередь и других: военнослужащих, железнодорожников, почтовых служащих, управленческих работников, педагогов, судей, технических служащих, врачей. До лета 1940 г. число чешских государственных служащих сократилось до 2 205, свое положение сохранили незаменимые специалисты, мужья словацких женщин и т. д. Принудительное выселение менее затронуло служащих частных фирм и предпринимателей, общее сокращение числа чехов по сравнению с 1939 г. достигло по примерным оценкам $\frac{1}{3}$. Из опасения переселения в Протекторат, где жизненные условия были гораздо более неблагоприятны, часть чехов заявила о себе уже при переписи 1938 г. как о словаках или немцах. Чехи были предметом непрестанных нападков со стороны радикалов, которые видели в них пятую колонну, агентов чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне, и периодически выдвигали требование «полного очищения» Словакии. Выселение большинства чехов, хотя и без грубых эксцессов, подпитывало в чешском обществе ощущение словацкой «измены», государственной неблагонадежности, что выразительно проявилось в спорах и рассуждениях о положении Словакии в восстановленной Чехословацкой республике, как во время, так и после войны, и имело отголоски вплоть до 1992 года.

Диктатура, агрессивная атмосфера и политические условия, созданные в ходе войны нацистской Германией, содействовали переходу традиционного людацкого антисемитизма к жестокому, систематическому и определяемым государством формам, которые в конечном счете вели к уничтожению большинства словацких граждан иудейского вероисповедания.

В 1939 г. на территории Словацкой республики проживало около 90 тысяч евреев, в том числе несколько тысяч беженцев из Германии, Австрии и иностранных граждан. Иммигрантов прежде всего постигли преследования и насильственное выселение уже автономного словацкого правительства. Пропаганда обвиняла евреев в том, что они стали причиной Венского арбитража, кампания, проводимая в прессе и посредством листовок, подготавливала почву для акций, которые начали проводиться после марта 1939 г.

18 апреля 1939 г. вышло распоряжение правительства, которое давало дефиницию «еврей» на религиозной основе. Таким образом выделенная группа граждан подвергалась все большей дискриминации. Им были запрещены некоторые профессии, получение высшего образования как основного, их предприятия, земельная собственность, магазины были постепенно «аризованы» в пользу словацких и немецких заинтересованных лиц, сторонников режима. Евреи постепенно были лишены гражданских прав, низведены до положения людей второго сорта. Различные направленные против евреев меры и ограничения были прописаны в 270 параграфах распоряжения правительства № 198/1941, так называемом Еврейском кодексе, который давал определение «еврей» на расовом принципе, аналогично Нюрнбергским законам в Германии. Евреи должны были носить пятиконечную желтую звезду, такое же обозначение должны были иметь их почтовые отправления, они были ограничены в поездках, не имели права владеть средствами транспорта, радиоприемниками, фотоаппаратами, имели ограниченный доступ в парки, кинотеатры, рестораны, плавательные бассейны, кафе, для них было четко определено время покупок и свободного передвижения по городу. Евреи должны были выселяться с некоторых улиц, против них велась систематическая полная ненависти пропаганда, совершалось физическое насилие со стороны членов Глинковской гвардии и ФС.

Самой действенной защитой против антисемитской волны была эмиграция, однако многие страны не проявляли желания принимать еврейских эмигрантов, некоторые транспорты, в начале войны следовавшие в Палестину, застряли в пути. Еврейские организации и противники антисемитизма могли его последствия только сглаживать, создавая рабочие места для евреев в специальных трудовых лагерях, добиваясь исключений под предлогом «хозяйственной необходимости», прибегая к обряду крещения.

В конце 1941 г. государство начало воспринимать евреев, лишенных собственности, возможности трудиться и оттесненных на периферию общества, как обузу. Подготавливалось создание гетто, что, однако, в определенных для этого местах встречало сопротивление местных функционеров. В это время пришло предложение нацистов определить словацких евреев «на работу» в оккупированных Германией областях. 25 марта 1942 г. из Попрада был отправлен первый эшелон с тысячей молодых женщин и девушек, на следующий день в нем уже была проведена селекция на платформе концентрационного лагеря Освенцим. С 25 марта по 20 октября 1942 г. в нацистские лагеря было отправлено 57 628 евреев. Особым законом они были лишены остатков собственности, гражданства, а словацкое правительство обязалось заплатить Германии за каждого еврея 500 марок в качестве «переселенческого сбора». Из депортированных этой первой волны в живых осталось только несколько сот людей.

Вторая волна депортаций осуществлялась с конца сентября 1944 г. по март 1945 г., когда было вывезено примерно 13 500 человек, из которых 10 000 погибли. После марта 1944 г.¹ в пламене холокоста сгорели и евреи, проживавшие на территориях, оккупированных Венгрией. Среди них были и многие из тех, кто бежал туда после 1942 г., опасаясь депортаций с территории Словацкой республики.

Холокост практически ликвидировал словацкую еврейскую общину и оказал глубокое и длительное воздействие на все общество. Он разоблачил радикальные, фашистские группы, но продемонстрировал и желание честных людей, не взирая на риск быть заклеянным как «белый жид», оказывать помощь подвергавшимся преследованиям. Если значительная часть общества рассматривала режим как «меньшее зло» по сравнению с прямой нацистской оккупацией, то антиеврейские мероприятия демонстрировали, как и участие в войне, трансформацию «меньшего зла» в зло как таковое. Проявилась также ограниченность и непоследовательность некоторых важных общественных институтов. Католическая церковь, подобно тому, как она поддерживала авторитарный режим и остановилась лишь перед его нацификацией, не осудила решительно и с самого начала антиеврейскую кампанию в целом, она выступила лишь против ущемления крещеных евреев и введения расового принципа в сентябре 1941 г. Протесты Ватикана против расовых законов, направленные братиславскому правительству и президенту Тисо, успеха не имели, но критика депортаций Ватиканом была одной из причин, которые временно в октябре 1942 г. их приостановили.

«Решение еврейского вопроса» наложило позорную печать на режим и государство. Аризация собственности вела к коррупционной коррозии людацких элит, расизму, усилению радикальных групп, зависимых от нацистов. Предупреждения словацких евреев, адресованные президенту Тисо уже во время подготовки депортаций, о том, что они обрекают их на гибель, постепенно подтверждались. Соучастие в холокосте стало одной из цепей, связывавших режим с судьбой нацистской Германии вплоть до конца войны.

Депортация коснулась и цыган, которых в Словакии до войны было около 100 тыс. Законодательство Словацкого государства, касавшееся цыган, было копией законодательства третьего рейха. Цыгане были лишены возможности служить в армии, взамен чего вместе с евреями выполняли определенную трудовую повинность. Цыганам было запрещено кочевать, пользоваться общественным транспортом, разрешалось посещать селения и города лишь в назначенные дни и часы; они обязаны были не располагаться табором вблизи оживленных дорог. В 1941—1944 гг. во

¹ В марте 1944 г. Венгрия была оккупирована Германией.

многих местах Словакии существовали «трудовые бригады для асоциальных элементов», в которые попадали прежде всего цыганские мужчины. После подавления Словацкого национального восстания части СС приступили в Центральной Словакии к массовому уничтожению цыганского населения. Цыгане из областей, присоединенных к Венгрии, были депортированы в немецкие концентрационные лагеря, главным образом в Дахау.

2.2. Антифашистское Сопротивление

Диктатура народной партии с самого начала вызывала критику и сопротивление. Несогласие с режимом было продиктовано прежде всего политическими и только в меньшей мере, и лишь в первые годы также экономическими мотивами. Забастовки и демонстрации против дороговизны и плохого снабжения в первые годы после переворота были неприятны правительству, забастовку шахтеров в Гандловой в 1940 г. оно вынуждено было подавить даже с помощью армии, но постепенно ситуация стабилизировалась. Безработица была ликвидирована в результате мобилизации рабочих на работу в Германию, быстрого роста числа занятых на военных предприятиях на территории Словакии, производивших для Германии орудия, боеприпасы, запасные части снаряжения и вооружения. Подъем переживала и легкая промышленность, избавившаяся от конкуренции чешских предприятий, переведенных на выпуск военной продукции. Занятость в промышленности на территории Словакии, включая оккупированные, возросла с примерно 105 000 в 1937 г. до 174 019 в 1944 г. Сельское хозяйство извлекло пользу из того, что Венгрия оккупировала наиболее продуктивные области, таким образом улучшился сбыт из предгорных и горных районов. Много людей было занято на строительстве путей сообщения, военных предприятий и гражданских объектов, поскольку предприниматели, извлекая уроки из опыта первой мировой войны, стремились вложить военные прибыли в недвижимость. Инфляция до 1944 г., если иметь в виду условия войны, была низкой, а снабжение, кроме первых двух лет, удовлетворительное. Экономические мотивы протеста, таким образом, отходили на второй план, и наоборот, возрастающую тенденцию имели политические инициативы.

Часть недовольных переходила к оппозиции и сопротивлению, будучи несогласной с ликвидацией демократии, закрытием союзов, организаций, которые создавались в течение многих лет и имущество которых теперь было захвачено людаками и членами ненавистной Глинковской гвардии. Парламентская демократия укоренилась сильнее, чем это казалось в период мюнхенского маразма, значительная часть членов и активистов нелюдацких партий не приняла насильственное объединение с людаками или же смотрела на него как на неизбежное и временное зло.

На сторону оппозиции и сопротивления оттеснялись протестанты, у которых были сильные позиции в экономике, культуре и управлении. В подчеркнуто католическом государстве они чувствовали себя забытыми и обойденными, в то время как сторонники режима, наоборот, считали это справедливым, учитывая привилегированное положение протестантов в Чехословакии. Многие чехи и их родственники, оставшиеся в Словакии, поддерживали связи с Протекторатом Чехия и Моравия, а некоторые и с кругами, связанными там с Сопротивлением. Либерально настроенную часть интеллигенции отталкивал от режима и его политический клерикализм. Значительная часть недовольства, которое приобрело характер организованного сопротивления, приходилась на левые силы.

Гражданские, то есть все некоммунистические, группы Сопротивления уже с 1939 г. помогали переправлять военнотружущих через Венгрию и Югославию на Запад, передавали туда сообщения о политической ситуации и военных передвижениях немцев. Эти группы имели сотрудников и информаторов и среди высших государственных чиновников. Некоторые из указанных групп были немногочисленны, другие объединяли достаточно много людей, например, группы Демец, Защита нации, Флора. Гражданские группы были связаны с чехословацким Сопротивлением в Париже, а потом в Лондоне.

Наилучшим образом в силу своей предшествующей деятельности к работе в нелегальных условиях были подготовлены коммунисты. Они поддерживали связь с заграничным руководством Коммунистической партии Чехословакии в Москве, которое руководило партией также после признания Словацкой республики Советским Союзом и после создания осенью 1939 г. самостоятельной Коммунистической партии Словакии (КПС). Коммунисты создали вертикаль управления общесловацкой подпольной сетью, хотя и непрерывно разрушаемую арестами и заключением функционеров в тюрьмы. До 1943 г. друг друга сменили четыре нелегальных руководства партии. После нападения Германии на Советский Союз и отправки на восточный фронт частей словацкой армии коммунисты стремились текущую деятельность, т. е. распространение листовок, нелегальной печати, сбор информации, дополнить саботажем, а с 1942 г. пытались создавать и партизанские отряды. Однако для таких форм борьбы в Словакии еще долго не существовало ни политических, ни психологических условий.

Гражданские, коммунистические, социал-демократические нелегальные группы длительное время существовали параллельно. Они открыто не конфликтовали, как это было, например, в Польше или Югославии, но и не сотрудничали. Их разделяли взгляды на будущее политической системы и государства. Они негативно относились к людацкой диктатуре, но коммунисты вели настойчивую пропаганду за установление в Сло-

вакии советского режима, а гражданские группы — за восстановление парламентской демократии. Коммунисты видели свой идеал в Словацкой республике, которая стала бы составной частью некой более широкой советской федерации или прямо Советского Союза. Некоммунистическое Сопротивление поддерживало восстановление Чехословацкой республики, при чем постепенно утвердилось в отрицании её централистского, домюнхенского облика. Взаимоотношения чехов и словаков определялись как «равный с равным», т. е. как некая форма федерации. Судьба и развитие этих представлений о будущем были связаны с ходом войны, особенно с возникновением антифашистской коалиции¹.

Словаки с первого дня войны участвовали в ней на обеих сторонах: словацкая армия вместе с немецкой участвовала в нападении на Польшу, за что Словакии были возвращены территории, отторгнутые у неё в 1920 и 1938 гг. Однако словаки находились и в рядах первой заграничной чехословацкой воинской части, организованной в Польше летом 1939 г. В Польшу улетело несколько словацких летчиков, а в гарнизонах, мобилизованных для участия в войне, произошли открытые бунты. Словаки сражались в чехословацких воинских частях во Франции, на Ближнем Востоке, в Северной Африке, участвовали в воздушных боях за Англию, а после 1941 г. — в чехословацких частях, созданных в Советском Союзе. Организация этих воинских частей, сражающихся на стороне союзников, помогла Эдварду Бенешу, эмигрировавшему после Мюнхена, создать сначала в Париже, а потом в Лондоне центр чехословацкого Сопротивления, а вскоре даже и эмигрантское правительство, и добиться его признания со стороны союзников по антигитлеровской коалиции.

В лондонском руководстве Сопротивления были представлены и словаки. Попытки части словацких политиков, группировавшихся вокруг бывшего председателя правительства Милана Годжи, создать чисто словацкий политический центр в эмиграции успеха не имела. Союзники включили восстановление Чехословакии в число своих военных целей, Москва также в интересах сохранения важной для неё антигитлеровской коалиции затормозила агитацию за «советскую Словакию». Заграничное руководство КПЧ ориентировало словацких коммунистов на восстановление Чехо-Словакии. Послевоенное положение Словакии таким образом уже летом 1941 г. прорисовывалось четко: в случае победы союзников — восстановление Чехо-Словакии, пока с неопределенным внутренним устройством; в случае победы Германии — судьба, рамки которой определяла политика нацистов в отношении остальных славянских народов.

¹ О развитии движения Сопротивления в Словакии см. подробнее: Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939—1945. М., 1995. С. 47—58, 246—258, 411—429.

2.3. Словацкое национальное восстание

Переломным для режима и Соппротивления был 1943 год. Упоение созданием собственного государства испарилось, режим ослаблялся внутренней борьбой, компрометировал себя аризацией, но, прежде всего, неспособностью дать населению ясную послевоенную перспективу. В то время как правительства Венгрии, Румынии могли искать выход из обозначившегося поражения Германии, «выскочив» из войны, судьба Словацкой республики оказалась неразрывно связанной с судьбой гитлеровской империи. Сторонники режима начали от него дистанцироваться, активисты все чаще попадали в изоляцию. Словацкая армия на советско-германском фронте также находилась в состоянии разложения. Охранную дивизию, находившуюся в Белоруссии и на Украине, немцы в виду неблагонадежности солдат и офицеров и их дезертирства к партизанам, в конце концов, передислоцировали как строительную часть в Италию. Элитная «Быстрая дивизия»¹, которая в 1942 г. дошла вплоть до Кавказа, во время отступления на Украине имела столько перебежчиков, что из них в чехословацкой воинской части в СССР была организована самостоятельная парашютно-десантная бригада.

В конце 1943г. коммунисты и некоторые гражданские группы Соппротивления подписали так называемое Рождественское соглашение. Они создали совместный орган Соппротивления — Словацкий национальный совет (СНС). Коммунистов представляли в СНС Карол Шмидке, Густав Гусак и Ладислав Новомеский, гражданский блок — Йозеф Леттрих, Ян Урсини и Матей Йоско. Вскоре СНС был расширен путем включения представителей других групп Соппротивления. Совет должен был координировать деятельность гражданских групп и участников сопротивления в словацкой армии; главной целью была подготовка восстания как вспомогательной акции фронту союзников.

План восстания исходил из продвижения советских войск в направлении Карпат, в подходящий момент словацкая армия должна была открыть фронт и дать возможность советской армии быстро продвинуться через Словакию к предместьям Вены. Военное восстание готовил нелегальный Военный центр, который сотрудничал с СНС, но руководствовался также указаниями президента Бенеша из Лондона. Возглавлял Военный центр подполковник Ян Голиан, начальник штаба сухопутных войск в Банской Быстрице. Аналогичный план разработал самостоятельно также министр национальной обороны Словацкой республики генерал Ф. Чатлош.

Условием успеха восстания была координация действий с советским командованием, чего стремилась достичь летом 1944 г. делегация СНС,

¹ Моторизованная дивизия

переправленная самолетом в Москву. Однако события в Словакии опередили стратегическое планирование. Советское командование направляло в 1944 г. в Словакию многочисленные десанты с задачей развертывания партизанской борьбы. В тревожной атмосфере к ним присоединялись сотни и тысячи гражданских лиц и военнослужащих; партизанские отряды разрастались, кроме проведения диверсионных и террористических акций против коллаборационистов и немцев, они начали занимать целые села и районы. Братиславское правительство было бессильно против них, его силовой аппарат, армия, жандармерия, не оправдали надежд. 29 августа 1944 г. с согласия президента Тисо немецкие части начали оккупацию Словакии. Нелегальный Военный центр отдал приказ командирам частей, участвовавшим в подготовке восстания, оказать сопротивление немцам. Началась двухмесячная борьба, которая вошла в историю Словакии как Словацкое национальное восстание.

Повстанческим частям удалось задержать немецкое наступление настолько, что в Центральной Словакии под их контролем оказалась компактная территория с центром в Банской Быстрице. Здесь была установлена власть Словацкого национального совета, возникла Первая чехословацкая армия в Словакии, численность которой в конце сентября возросла примерно до 60 000 человек. Партизанские отряды, которые частично действовали на повстанческой территории, частично в немецком тылу, насчитывали около 18 000 бойцов. Большинство партизан составляли словаки, много было представителей народов Советского Союза, чехов, французов, евреев, болгар, но также венгров, немцев и других национальностей. Части повстанцев в ходе боев были усилены 2-ой чехословацкой парашютно-десантной бригадой, переброшенной самолетами из Советского Союза; с повстанческой территории действовал и 1-ый чехословацкий истребительный полк, сформированный в Советском Союзе. Большой потерей в самом начале восстания явилась утрата двух лучше всего вооруженных дивизий на востоке Словакии, которые не оправдали возложенных на них надежд и которые немцы на удивление быстро разоружили. Недостаток некоторых видов оружия, особенно противотанкового, пополнялся по воздушному мосту советской авиацией, оружие поставляли и американские самолеты с территории Южной Италии.

Немцы сначала бросили против восстания только наскоро сформированные силы, около 15 000 человек, поскольку успешный переворот в Румынии 23 августа грозил подорвать порядок во всем юго-восточном регионе. Значительные немецкие силы были оттянуты также наступлением советской армии и чехословацкого армейского корпуса через Карпаты в Восточную Словакию, начавшимся в спешном порядке 8 сентября. Оборонительные бои повстанцев с использованием артиллерии, авиации, бронепоездов, сдерживали немецкое продвижение в течение шести

недель. Перелом наступил 17 октября, когда численность немецких войск возросла до 30—40 000 человек. 27 октября пала Банска Быстрица. Часть армии разбежалась по домам, часть попала в плен, в том числе и командующие армией генералы Ян Голиан¹ и Рудольф Виест, которых немцы казнили. Отдельные военнослужащие и некоторые подразделения перешли к партизанам или же образовали собственные партизанские отряды. В начале 1945 г. на территории Словакии в немецком тылу действовало примерно 13 500 партизан².

Восстание свидетельствовало о крайней поляризации словацкой политической жизни. На повстанческой территории организацией жизни занимался Словацкий национальный совет и его исполнительный орган Корпус уполномоченных. Здесь был восстановлен суверенитет Чехословацкой республики, запрещена Глинковская словацкая народная партия и её организации, отменено расистское законодательство. СНС публично заявил о присоединении к антифашистской коалиции, союзники признали повстанческую армию союзной. На повстанческой территории начала создаваться новая политическая структура в виде Коммунистической партии, которая объединилась с социал-демократами, и Демократической партии, вобравшей в себя гражданские элементы. СНС выступал уверенно как государственный орган, что, хотя и с неохотой, должны были признать также лондонское эмигрантское правительство и президент Бенеш. Восстание было реальным фактом, после которого трудно было вернуться к какой-либо форме довоенного централизма.

В ходе восстания формировались новые политические элиты, которые впоследствии сыграли важную роль в послевоенном развитии. Подавление восстания немцами на время формально сохранило позиции людаков, но одновременно их сильно скомпрометировало. Органы безопасности, Глинковская гвардия и организации местных немцев тесно сотрудничали с оккупационными силами в борьбе против повстанцев и в последующие шесть месяцев в охране немецкого тыла. В боях и во время «зачисток» были сожжены многие деревни, в которых находили прибежище партизаны; евреи, скрывавшиеся от вновь начавшихся депортаций, нередко расстреливались на месте. Братиславское правительство попыталось восстановить и армию, но, в результате, после нескольких

¹ Звание генерала было присвоено Голиану во время Словацкого национального восстания.

² О Словацком национальном восстании, помощи ему со стороны Советского Союза см. подробнее: Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. С. 411—429; Великая Отечественная война 1941—1945. Книга 3. Освобождение. М. 1999. С. 118—130; Советский Союз и Словацкое национальное восстание. Из архива Президента РФ.//Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 100—130; № 6. С. 112—123.

попыток отправить её на фронт большая часть армии осталась невооруженной. Полностью зависимое от немцев братиславское правительство, в конце концов, в начале апреля 1945 г. вместе с президентом Тисо эвакуировались в Австрию и Баварию. В это время советские войска уже подошли к Братиславе.

2.4. Области, оккупированные Германией, Польшей и Венгрией

В это время были освобождены и последние населенные пункты той части Словакии, которые пережили войну, будучи прямо оккупированными Германией и Венгрией. Германия в 1938 г. оккупировала предместье Братиславы на правом берегу Дуная, что облегчило ей контроль над Словакией. Возникла курьезная ситуация: председатель правительства и министр иностранных дел Словацкой республики прямо из окна видели территорию «охраняющей державы». Словацкое общество особенно тяжело переживало немецкую оккупацию древнего Девина при слиянии рек Моравы и Дуная, который в словацком историческом сознании имеет важное символическое значение.

Населенные пункты в Северной Словакии, оккупированные после Мюнхена Польшей, в 1939 г. после её поражения были возвращены Словацкой республике в качестве награды за участие словацкой армии в походе против Польши. Составной частью СР стала и территория, переданная Польше еще в 1920 г. После войны, в 1945 г. была восстановлена домюнхенская граница с Польшей¹.

Четвертая часть населения Словакии во время войны находилась на территориях, оккупированных Венгрией. Оккупация этих территорий стала сильной травмой для большинства словаков, для которых привычной, начиная с 1918 г., была Словакия «от Татр до Дуная». К тому же на оккупированной территории снова, как до 1918 г., начала проводиться политика денационализации. Согласно переписи населения 1941 г. здесь проживало только 86 716 словаков, а по переписи 1930 г. их было в три раза больше. Было закрыто множество словацких школ, изгнаны за границу более 900 учителей и тысячи крестьян, получивших тут землю по аграрной реформе. Были закрыты и уничтожены словацкие библиотеки, союзы, печать; проявления национальной жизни жестоко подавля-

¹ Границы с СССР уточнялись в ходе чехословацко-советских переговоров. После включения Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины) в состав Советского Союза на основании договора между СССР и ЧСР от 29 июня 1945 г. проводилась делимитация советско-чехословацкой (фактически — советско-словацкой) границы.

лись жандармерией и властями. Принцип взаимности, последовательно проводимый братиславским правительством, и опасения за судьбу венгерского меньшинства на территории Словацкой республики принудили будапештское правительство к определенным уступкам. Были открыты две гимназии, разрешены некоторые союзы, а в 1942 г. и политическая партия, *Партия словацкого национального единства*. Её ежедневный орган Словацкое единство был связующим звеном словаков и с южной Словакией, и с остальными краями Венгрии, особенно с сильной словацкой диаспорой в той части Югославии, которую в 1941 г. оккупировала Венгрия.

Словацкое меньшинство сначала ориентировалось на присоединение к Словацкой республике, а с 1941 г., после признания союзниками чехословацкого правительства в изгнании, постепенно утверждалась и ориентация на воссоздание Чехословакии. Это была основа разногласий с венгерским, численно преобладавшим населением указанных областей. Местные венгры после всплеска эйфории в связи с «национальным освобождением» вскоре ощутили на себе некоторые стороны диктаторского режима Хорти. Привыкшие к чехословацкой демократии, они тяжело переносили ограничение гражданских свобод, их унижало предпочтение, отдаваемое переселенцам с «этнической родины». Сказывалось и общее отставание в социальном и экономическом развитии, что влекло за собой чувствительное снижение жизненного уровня. Однако режим Хорти праздновал триумф: оккупировал, по его терминологии «воссоединял», части Словакии, Румынии, Югославии. Участие в войне против Советского Союза обещало полную ревизию Трианонского договора и восстановление Великой Венгрии. Подобные настроения и иллюзии ослабляли оппозицию, к этому добавлялось и давление режима, который с 1919 г. имел достаточно времени для укрепления диктатуры. В ходе изменения военной ситуации в 1943 г. именно груз оккупированных территорий не позволил будапештскому правительству порвать с Гитлером.

Экспессы во время оккупации 1938 г., насилия, изгнания, убийства, различия во взглядах на тогдашнюю ситуацию и надежды на послевоенное урегулирование обусловили поляризацию отношений словаков и венгров на оккупированной территории. Собственно, единственным межэтническим связующим звеном были коммунисты, которые имели здесь прочные позиции. В 1940—1942 гг. на них в решающей степени держалась вся подпольная деятельность коммунистической партии в Венгрии, упичтоженной длительным террором. Многие коммунисты были казнены или погибли в тюрьмах.

Из опасения, чтобы Венгрия не последовала примеру Италии¹, 19 марта 1944 г. она была оккупирована немецкими войсками. К власти

¹ Италия капитулировала летом 1943 г.

пришли шовинистические и фашистские группировки. Террор гестапо и организации «Скрещенные стрелы» должен был удерживать страну в состоянии войны. Евреи вывозились в нацистские концентрационные лагеря, тогда нашли смерть и тысячи евреев из Словакии, которые искали убежища в Венгрии из-за опасения депортаций из Словакии в 1942 г. Во время проведения арестов, казней, насильственной мобилизации вплоть до последних минут войны уже не было существенных различий между словаками и венграми. Безуспешные попытки Венгрии «вырваться из войны» на манер Финляндии или Румынии привели к тому, что венгерские части сражались на стороне Германии вплоть до последних дней войны¹.

3. Послевоенная Словакия

На территории Словакии военные действия продолжались восемь месяцев. В сентябре 1944 г. советские войска перешли Карпаты, 6 октября вступил на землю Словакии первый солдат чехословацкого армейского корпуса в СССР². Бой за Дуклинский перевал были самым кровавым сражением чехо-словацких заграничных военных частей во время войны³. Территорию Словакии освобождали на севере советские и чехословацкие войска, центральную и западную Словакию — советские и румынские войска. 1-ый Чехословацкий армейский корпус насчитывал к маю 1945 г. 97 299 человек личного состава, в том числе 72 400 словаков. Об упорных боях, — хотя направления главных стратегических ударов находились севернее Словакии, на Берлин, и южнее, на Вену, — свидетельствуют понесенные потери. На территории Словакии похоронено 60 659 воинов советской армии, 10 435 — румынской армии и 1 736 — 1-го Чехословацкого армейского корпуса.

Столица Словакии, Братислава, была освобождена 4 апреля 1945 г., последний крупный город, Жилина, только 30 апреля. Страна была опустошена и парализована. Кроме авиационных бомбардировок и боев, огромный ущерб был нанесен и намеренными разрушениями, проводимыми отступавшими немецкими частями. Была уничтожена треть железнодорожных путей, более половины мостов, из 665 локомотивов осталось только 22 пригодных к эксплуатации. Было уничтожено и повреждено

¹ О распаде военного блока агрессоров см. подробнее: Великая отечественная война 1941—1945. Книга 3. Освобождение. М. 1999. С. 195—210.

² Чехословацкая воинская часть в СССР начала формироваться в 1942 г. в Бузулуке, участвовала в боях на советской территории и в освобождении Чехословакии.

³ О боях за Дуклу см. подробнее: Великая отечественная война 1941—1945. Книга 3. Освобождение. М. 1999. С. 118—130.

93 000 домов, отступающие войска вывозили в Германию оборудование электростанций, заводов, а также скот и лошадей. Обширные территории были заминированы. Ущерб достигал размеров трехлетнего валового национального дохода Словакии.

Десятки тысяч мужчин находились в армии, на родину возвращались эвакуированные, заключенные концентрационных лагерей, беженцы из областей, во время войны оккупированных Венгрией. Из восточной Словакии советские органы безопасности отправили в лагеря в СССР тысячи людей, многие из которых погибли, часть вернулась на родину только в середине пятидесятых годов. Наоборот, с отступающей немецкой армией эмигрировали тысячи активистов военного режима.

Лондонское правительство возвратилось на родину через Москву, где с коммунистами была согласована программа нового чехословацкого правительства. Она была провозглашена 5 мая в восточно-словацком городе Кошице¹. Власть должно было осуществлять правительство Национального фронта чехов и словаков, а на местах — национальные комитеты. Во внешней политике упор делался на сотрудничестве с Советским Союзом. Кошицкая правительственная программа провозгласила конфискацию имущества немцев, венгров и коллаборационистов, проведение земельной реформы, осуществление контроля со стороны государства над ключевыми отраслями промышленности, банками и природными источниками сырья. Немцы и венгры, за исключением антифашистов, должны были быть лишены гражданства. Программа носила компромиссный характер: в основе она еще базировалась на принципах парламентской демократии, хотя уже и значительно ограниченной. Борьба за толкование и реализацию отдельных пунктов Кошицкой правительственной программы являлась сутью политических дискуссий вплоть до 1948 г. Это касалось и положения Словакии в новом государстве.

В Москве при переговорах представителей лондонской эмиграции с руководителем коммунистов К. Готвальдом 23—29 марта 1945 г. представители Словацкого национального совета настаивали на таком устройстве государства, которое соответствовало федерации. Однако они добились только признания существования словацкого народа и обещания, что положение словаков в восстановленном государстве будет решено на основе принципа «равный с равным»². Если в послевоенные годы

¹ См. подробнее: Марьина В.В. Э. Бенеш: последний визит в Москву (март 1945 г.)// Славяноведение. 1996. № 6; она же. Чехословацкий «февраль» 1948-го начинался в 1945 году. В кн. Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944—1948. М., 2002. С. 88—112.

² См. подробнее: Марьина В.В. Чехословакия: от многонационального к двунациональному государству. 1944—1948 гг.// Славяноведение. 2001. № 5. С. 39—59.

представления повстанцев о последовательной федерализации государства не были реализованы, то этому способствовала, кроме нежелания чешской стороны, и внутривнутриполитическая борьба в Словакии. Её ядром был судьбоносный вопрос: будет ли государство развиваться как демократическое либо пойдет в направлении диктатуры советского типа?

Исходные позиции для обоих решений в Словакии являлись как бы равными. В повстанческом СНС, в органах власти на освобожденной территории, в национальных комитетах, которые управляли в селах, городах и районах, были равномерно представлены в пропорции 1:1 коммунисты, объединившиеся с социал-демократами, и гражданский блок, который представляла Демократическая партия. Коммунисты имели большее влияние в единых профсоюзах, во влиятельной организации партизан, но, прежде всего, в органах безопасности. Коммунисты располагали более солидной организацией и были способны вывести на улицы недовольных. Демократическая партия имела большее влияние среди крестьян, самой многочисленной части общества, и городских средних слоев. Радиус действия Демократической партии существенно увеличился, когда её преимущественно протестантское руководство заключило в апреле 1946 г., т. е. непосредственно перед парламентскими выборами, соглашение с политическими католическими кругами.

Острые столкновения между коммунистами и демократами происходили по вопросам экономической политики, поскольку коммунисты после конфискации крупных предприятий выдвинули требование национализации также более мелких заводов и фабрик, земельных владений свыше 50 га, выступали за ограничение мелкого предпринимательства. Политический спор велся вокруг вопроса о соблюдении законности, а также о преодолении наследия прошлого. Демократы во время процессов над активистами режима периода войны, которые велись чрезвычайными народными судами, а также при проведении политических чисток отстаивали более умеренные действия, которые дали бы возможность попутчикам потерпевшего крах режима снова быть востребованными обществом. Самая острая дискуссия разгорелась по поводу судьбы бывшего президента Йозефа Тисо, который вместе с другими членами правительства, находившимися в эмиграции, был передан союзниками Чехословакии. Тисо был приговорен Национальным судом к смерти; вопреки усилиям Демократической партии правительство не удовлетворило его просьбу о помиловании, и он был казнен в апреле 1947 г.

В отличие от ситуации 1920 г., когда «левица», благодаря послевоенной радикализации масс, добилась крупной победы на выборах, на парламентских выборах в мае 1946 г. победу одержала Демократическая партия. Она получила 62% голосов, коммунисты — 30%, остальные —

возрожденная социал-демократия¹ и католическая Партия свободы. В насчитывавшем сто членов Словацком национальном совете ДП имела 63, КПС 31, Партия свободы и Партия труда 6 мест. Председателем СНС стал председатель Демократической партии Йозеф Леттрих, председателем исполнительного органа Совета, Корпуса уполномоченных, — коммунист Густав Гусак.

В выборах, кроме лиц, на которых народными судами были заведены дела, не участвовали немцы и венгры, которые были лишены гражданства. Большинство немцев эвакуировалось из Словакии уже перед приходом фронта, после войны оставшиеся и вернувшиеся были отправлены в лагеря. К октябрю 1946 года 32 415 немцев были вывезены в Германию. Венгры, которые переселились на территории, оккупированные после 1938 г. Венгрией, были немедленно выселены. На основе соглашения Чехословакии с Венгрией об обмене населением, заключенным в 1946 г., 73 000 словаков из Венгрии переселилось в Словакию, а 74 000 венгров из Словакии в Венгрию. 44 000 венгров было насильственно переселено в чешское Пограничье в целях возмещения немецкой рабочей силы². В напряженной атмосфере реванша и в абсолютном противоречии с длительной борьбой самих словаков за признание их национальной самобытности 326 697 венгров было «ресловакизировано». Взамен признания себя словаками они получили гражданские права и возможность найти работу. После 1948 г., когда венграм были возвращены гражданские права, школы с обучением на родном языке, печать, возможность создавать культурные объединения, большинство «ресловакизированных» восстановило свою прежнюю национальность.

Сразу после войны казалось, что положение Словакии в государстве будет существенно отличаться от предвоенного с его централистской организацией, но ситуация быстро изменилась. Тремя так называемыми Пражскими соглашениями 1945—1946 гг. полномочия словацких национальных органов, Словацкого национального совета и его исполнительного органа, Корпуса уполномоченных, были существенно урезаны в пользу пражских институтов. Инструментом восстановления централизма оказались и словацкие коммунисты. Они сохранили со времен войны и восстановления самостоятельную партию, КПС, что позволило коммунистам занять в пражском правительстве больше мест и в Словакии использовать национальный фактор вместо непопулярного интернационализма. Однако оглушительное поражение на выборах 1946 г. заставило словацких коммунистов в борьбе за власть искать помощи в Праге. В Чешских землях на выборах в мае 1946 г. одержала победу «левица». Коммунисти-

¹ Она называлась Партия труда.

² В 1945—1947 гг. из Чехословакии было выселено около 3 млн. немцев.

ческая партия и социал-демократия, уже сильно инфильтрированная коммунистами, получили вместе 55,75% голосов. Коммунист Готвальд стал председателем чехословацкого правительства, коммунисты получили важное министерство внутренних дел, контролировали органы безопасности, сильные и по-боевому настроенные единые профсоюзы.

В 1947 г. уже ясно обозначился конец послевоенных компромиссов, режима «народной демократии», неизбежность либо возврата к полнокровной парламентской демократии, либо движения в сторону коммунистической диктатуры. В международной ситуации дело также шло к развязыванию политических узлов, определению фронта «холодной войны». Ясно выраженным и предупреждающим сигналом в июле 1947 г. стало категорическое возражение Москвы против намерения Чехословакии присоединиться к плану Маршалла¹.

Словакия стала неким опытным полигоном в этой борьбе за власть во всей Чехословакии. Непорядки в снабжении, недовольство партизан и левого крыла участников Сопrotивления ходом «чисток» и темпами национализации, а крестьян медленным проведением земельной реформы и т. д. создали взрывоопасную ситуацию. Контроль профсоюзов, некоторых крестьянских организаций и организаций участников Сопrotивления, но, прежде всего, органов безопасности коммунистами позволил им эту социальную напряженность использовать в борьбе против Демократической партии. Органам безопасности в течение 1947 г. удалось раскрыть несколько нелегальных групп, связанных с людской эмиграцией, а создание других групп либо спровоцировать, либо просто сфальсифицировать. Вымышленная связь этих антигосударственных групп с высшим руководством Демократической партии вкупе с социальным недовольством дали возможность Готвальду при помощи словацких коммунистов 20 ноября 1947 г. провести такую принудительную реконструкцию Корпуса уполномоченных, в результате которой в противоречии с итогами выборов 1946 г. Демократическая партия потеряла в нем большинство.

Испытанную в Словакии комбинацию давления «снизу», то есть разных контролируемых коммунистами организаций, с бесцеремонным и одновременно ловким использованием властных позиций в правительстве, парламенте, органах безопасности, государственном аппарате, армии коммунисты в феврале 1948 г. использовали во всей Чехословакии. Уход в отставку 20 февраля в знак протеста против насильственных действий органов безопасности 12 некоммунистических министров пражского прави-

¹ См. подробнее: Кратки К. Кремлевский запрет: Чехословакия и «план Маршалла» // У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточно-европейские страны в 1944—1949 гг. М., 1995; Наринский М. М. Советский Союз, Чехословакия и план Маршалла // Февраль 1948. Москва и Прага: взгляд через полвека. М. 1998.

тельства создал для коммунистов выгодные исходные позиции для осуществления политического переворота. 24 февраля они организовали всеобщую забастовку, на другой день президент Бенеш принял отставку правительства и назначил новое опять во главе с Клементом Готвальдом. В нем несколько постов было оставлено и некоммунистам, но гегемония коммунистов, как показало последующее развитие событий, была уже полной.

Ситуация в Словакии было зеркальным отражением ситуации и сценария, разыгранного в Праге. Демократическая партия, хотя и отвергла отставку своих представителей в Корпусе уполномоченных, но пражский переворот позволил и словацким коммунистам завершить изменения во власти, начатые в период осеннего политического кризиса 1947 г. Председатель СНС Йозеф Леттрих 26 февраля ушел со своего поста и вскоре эмигрировал. Председателем СНС стал коммунист Карол Шмидке, в Корпусе уполномоченных 11 из 15 кресел заняли коммунисты. Сторонники демократии были оттеснены и деморализованы. Во всех общественных организациях, в местных органах самоуправления, в государственных учреждениях, на радио, в редакциях, и даже в некоммунистических партиях создавались «комитеты действия», которые выбрасывали нежелательных людей и насаждали коммунистов или их приверженцев. Февраль 1948 г. открыл путь к более чем сорока одному году диктатуры.

4. Коммунистическая диктатура в Словакии

4.1. Политическая система

Укрепление политической власти коммунистической партии осуществлялось во всем государстве по единому сценарию. Аналогично пражскому парламенту была проведена «чистка» и Словацкого национального совета. Часть неудобных депутатов была исключена, часть уже находилась в заключении, эмигрировала, а некоторые просто боялись участвовать в заседаниях. Урезанный СНС избрал нового председателя, коммуниста Карола Шмидке, и проголосовал за программу «окончательного утверждения народно-демократического строя в Словакии и недопущения оживления подрывной деятельности реакции».

«Комитеты действия» в учреждениях и государственных институтах, обществах, профсоюзах, в школах, в органах местного самоуправления энергично проводили «чистку». Местные и районные национальные комитеты, в которых коммунисты не имели большинства, были распущены, избранные органы самоуправления также остались только в третьей части населенных пунктов, а избранные районные национальные комитеты — только в 6 из 79 районов. На предприятиях чистки прово-

дились рабочими советами. В феврале на предприятиях стали организовываться вооруженные отряды Народной милиции, используемые как ударные отряды КПЧ. Незаконную узурпацию всех решающих позиций в государстве дополнительно 21 июля 1948 г. подтвердил закон, который легализовал изменения, происшедшие после февраля, хотя они и противоречили действующим законам. Уже 29 апреля 1948 г. государственный суд в Братиславе приговорил ведущих деятелей Демократической партии к длительным срокам заключения. Политические процессы над реальными или мнимыми противниками режима стали привычной нормой его существования. 9 мая 1948 г. Национальное собрание приняло новую конституцию ЧСР, которая разрабатывалась несколько лет. После февраля КПЧ добилась включения в неё дальнейшего ограничения частной собственности, хотя мелкое и среднее предпринимательство еще допускалось. Конституция, действовавшая до 1960 г., имела, однако, лишь формальный характер; диктатура непрестанно её нарушала и игнорировала.

Политическая система являлась разновидностью советской диктатуры, сохранившей некоторые оправданные с исторической и социально-экономической точек зрения отличия. Во главе государства, как и прежде, стоял президент. После отречения от этого поста Э. Бенеша президентом был избран Клемент Готвальд. Тем самым была установлена традиция объединения функций главы коммунистической партии и государства. Законодательная власть принадлежала Национальному собранию, исполнительная — правительству, функции государственного управления и избранного местного самоуправления — местным, районным и краевым национальным комитетам. Монополия политической власти КПЧ вплоть до 1960 г. не была отражена в законодательстве, но последовательно осуществлялась. Внесение предложений о каких-либо списках кандидатов находилось в руках коммунистической партии, списки в принципе были «единицами», выборы проходили по сути в форме плебисцита. Первые выборы в парламент 30 мая 1948 г., проведенные на основании новой конституции, еще разрешали использование и нейтральных, белых, бюллетеней, чем в ЧСР в целом воспользовались 10,7%, а в Словакии — 14,1% избирателей. На последующих выборах уже и эта возможность была ликвидирована. Они проходили стандартным для современных диктатур способом с участием примерно 99% избирателей и таким же количеством бюллетеней, поданных за выдвинутых кандидатов.

Ядром диктатуры была коммунистическая партия. С февраля по июль 1948 г. число её членов в Словакии удвоилось, достигнув 407 170, что составляло 19,3% взрослого населения. В ходе последующих проверок это число, хотя несколько и сократилось, но вплоть до падения режима в конце восьмидесятих годов КПС оставалась массовой партией. С

приходом к власти и с ростом членской базы, охватывающей все слои общества, компартия навсегда утратила пролетарский характер: до февраля рабочие составляли 70% членов КПС, а в 1949 г. — только 41,7%.

В июне 1948 г. Коммунистическая партия Словакии объединилась с КПЧ и потом функционировала только как региональная организация с постепенно ограничиваемой автономией. Политическую мобилизацию и одновременно контроль партия осуществляла посредством массовых организаций, входящих в Национальный фронт. Эти массовые организации и официально именовались «приводными ремнями» коммунистической партии. Они заняли место элементов гражданского общества, которые формировались с конца 19 столетия, бурно развивались в межвоенное время и после их разрушения людацкой диктатурой начали воссоздаваться с 1945 г.

Составными частями Национального фронта были также не имевшие значения Партия свободы и Партия возрождения, которая возникла вместо ликвидированной Демократической партии. Социал-демократия, которая шла на выборы 1946 г. под названием Партия труда, принудительно самораспустилась. Ни политики, ни общественность не воспринимали некоммунистические партии всерьез, заявления о безусловной поддержке коммунистической программы сразу же вывели их из ряда подлинно политических партий. Реальные функции в системе выполняли другие составные части Национального фронта. Революционное профсоюзное движение практически охватило всех трудящихся, через заводские комитеты они имели определенное влияние на решение вопросов о заработной плате, условиях труда, социальной политике, о предоставлении жилья, организации отдыха и занятии спортом. Профсоюзы, таким образом, принимали решения по вопросам, касавшимся повседневной жизни. Подобно профсоюзам были объединены и получили монопольное положение в своей сфере деятельности и другие организации — Чехословацкий союз молодежи, организации женщин, физкультурные общества, культурные и просветительные учреждения, объединения писателей, деятелей искусств, музыкантов, вплоть до филателистов, садоводов, рыболовов и пчеловодов.

Ключевым фактором коммунистической диктатуры было распространение монополии государства и на область экономики. Вслед за первой послевоенной волной национализации 1945 г., в результате которой в руки государства перешли крупные предприятия, банки, внешняя торговля, после февраля настала очередь и более мелких предприятий, кустарей и ремесленников. В мелком ремесленном производстве еще в 1948 г. было занято 150 000 человек, а в 1953 г. — уже только 7 500. После национализации оптовой торговли мелкие торговцы должны были свои предприятия «добровольно» передавать кооперативным союзам или сети

государственной торговли, ремесленники — коммунальным или государственным предприятиям. Были ликвидированы частная практика врачей, дантистов, адвокатские конторы, практически все виды свободных профессий. Сдаваемые в наём частные дома формально оставались в руках собственников, но распоряжалось ими государство. Таким образом, в течение 2—3 лет был ликвидирован самостоятельный городской средний слой. Часть людей перешла на службу в государственные предприятия, но явно ощущалось стремление заменить их новыми, «преданными режиму», кадрами. Во главе предприятий были поставлены «рабочие управленцы», из преданных режиму рабочих на краткосрочных курсах готовились судьи, учителя средних школ. Армия пополнилась наскоро обученными офицерами, органы безопасности были усилены надежными партийцами. Противоречие между преданностью режиму и профессионализмом рассчитывали преодолеть путем воспитания новой интеллигенции. В высшие учебные заведения принимались студенты преимущественно из преданных режиму семейств. Чтобы ускорить процесс «ротации кадров», созданные для рабочих особые курсы помогали им в короткое время получить образование.

Изменения собственности, чистки, проверки, понижения по службе и остракизм коснулись сотен тысяч людей, и еще в течение десятков лет их дети с большим трудом получали образование и квалифицированную работу. Характерным проявлением желания режима добить городские предпринимательские и средние слои была акция «Б», во время которой из Братиславы без решения судов и только на основе административных решений были выселены в сельские районы тысячи семей. Подобные акции проводились и в других городах.

Более сложно и в течение более длительного времени по сравнению с городскими средними слоями проходило подчинение режиму самой многочисленной группы населения, крестьян. В 1947 г. они составляли 47,45% населения. Во время борьбы за власть КПС решительно отрицала намерение создать какие-либо колхозы советского типа, наоборот, она обещала мелким крестьянам разделить земельные участки размером более 50 га. После февраля реформа действительно началась, но уже с 1949 г. энергично проталкивалась идея «социализации деревни» путем создания Единых сельскохозяйственных кооперативов (ЕСХК). Коллективизация сельского хозяйства шла более медленно по сравнению с «социализацией» иных сфер экономики. В 1953 г. кооперативы вели хозяйство на 35,8% земли, и только в 1958 г. кооперативы и государственные хозяйства стали распоряжаться 66,6% угодий, индивидуальные крестьянские хозяйства еще некоторое время сохранялись, хотя только в горных и малопродуктивных областях.

Кооперирование, ликвидация индивидуальных крестьянских хозяйств достигались только путем непрестанного давления. Государствен-

ная монополия лишила крестьянина возможности свободно покупать машины, удобрения, продавать продукты своего труда. Система принудительных поставок государству предписанного количества продуктов («продразверстка») давала возможность налагать на крестьян невыполнимые обязательства, а потом объявлять их «кулаками» и «саботажниками». «Деревенские богачи» выселялись из сел, подвергались штрафам, отправлялись в лагеря принудительного труда, однако террор коснулся всех крестьян. Только в 1951 г. за невыполнение продразверстки и иные способы «угрозы строительству социализма» было наказано 60 000 крестьян. Около 70% крестьян вынуждены были искать приработки на стройках, в промышленности, на железной дороге, в лесном хозяйстве. Им предъявлялся ультиматум: передать землю кооперативу или же потерять работу. Действенным способом давления была и угроза непринятия детей в средние школы или высшие учебные заведения.

Подавление недовольства крестьян, весьма активно выражаемого и после первой фазы становления режима, обнажило террористический характер его методов. Другим таким фактором было устранение из общественной жизни влияния церкви. В 1950 г. 76,20% населения принадлежало к католической церкви, 6,55% — к греко-католической, 12,88% относилось к евангеликам аугсбургского вероисповедания, 3,25% — к кальвинистам. Сначала режим попытался вызвать раскол католической церкви путем создания коллаборационистской, подчиненной государству церкви, и проведения так называемой Католической акции. Поскольку она не имела успеха ни среди духовенства, ни среди верующих, церковь, как и все неудобные организации, была подчинена грубым способом. Законами о положении церкви 1949 г. ранее существовавший надзор над церквями был заменен их подчиненностью государству. После конфискации церковной собственности деятельность церкви оказалась зависимой от государственных дотаций и выплат, для исполнения священниками их обязанностей требовалось разрешение государства, деятельность церкви контролировалась Словацким управлением по делам церкви. Печать, религиозные и благотворительные организации были лимитированы и ограничены в своей деятельности. На Пасху в 1950 г. силами органов безопасности и Народной милиции были произведены нападения на монастыри, интернированы 728 монахов, а спустя несколько недель — еще 281. В августе органы безопасности ликвидировали и женские монастыри, в которых находили приют 1962 монахини из 24 монашеских орденов. В январе 1951 г. на монстр-процессе в Братиславе епископ Ян Войташак был осужден на 24 года тюремного заключения, епископы Михал Бузалка и Павол Гойдич — пожизненно. Из 2056 католических и греко-католических священников в 50-е годы 302 было посажено в тюрьмы. Греко-католическая церковь в 1950 г. была

ликвидирована, и верующие насильственно приписаны к православной церкви, поскольку она представлялась в силу своей независимости от Ватикана менее опасной. Под государственный контроль были поставлены и протестантские церкви, много евангелических священников побывало в тюрьмах.

Действия, направленные против церкви, сопровождались сопротивлением верующих, местными волнениями, попытками насильно освободить задержанных священников и монахов. Эти акции подавлялись силами органов безопасности, Народной милиции и армии, в столкновениях были убиты и ранены, только в первой половине 1949 г. было арестовано 717 противников Католической акции. Государство постепенно парализовало наиболее активные центры сопротивления, но проблема самого существования церкви, нарушающего коммунистическую монополию на идеологию, мировоззрение и влияние на общественные дела, возникала перед режимом с разной степенью интенсивности вплоть до его конца.

4.2. Коммунистическая модель индустриализации и модернизации

Разрушение традиционных структур, целенаправленно осуществляемый террор, экономическая монополия государства интерпретировались правящей партией как условие и неизбежная цена за достижение конечной цели — построения сначала социалистического, а потом коммунистического общества. Эта цель, прописанная в пятилетних планах, в решениях и указаниях съездов партии, имела в словацких условиях вид радикальной модернизации, ускоренного развития инфраструктуры, экономики, культуры, образования, урбанизации. И самое значительное вторжение в структуру общества, ликвидация крестьян-единоличников, мотивировалось необходимостью создания высокопроизводительных, современных сельских хозяйств. Ключом, «красной нитью» всех преобразований считалась индустриализация.

Темпы промышленного строительства были огромны, число занятых в промышленности увеличилось с 216 884 в 1948 г до 409 933 в 1960 г., 504 844 — в 1965 г. и продолжало расти в последующие десятилетия, а в восьмидесятых годах превысило 800 000. Чехословакия вместе с восточной Германией была наиболее развитой страной советского блока, который в рамках Совета экономической взаимопомощи, созданного в 1949 г., развивался как закрытое, самодостаточное экономическое пространство. Традиционные чешские предприятия, как, например заводы Шкода, работали на полную мощность и перемещали свои технологически более простые производства в Словакию. Содержание индустриализации определялось и геополитическим положением Словакии. Посколь-

ку она была более удалена от границ соприкосновения со странами НАТО, сюда перемещалось производство вооружения. Расположение на границе с Советским Союзом и достаточное количество рабочей силы приводили к строительству предприятий легкой промышленности, обувных, текстильных, мебельных, конфекционных фабрик, производящих товары, предназначенные для советского рынка в обмен на руду, газ, нефть. На оси переправки грузов восток-запад в Кошицах возникло крупнейшее словацкое предприятие Восточнословацкий металлургический комбинат и крупная перевалочная база с европейской железнодорожной колеи на советскую в Чиерной-над-Тисой. Многие предприятия по производству цветных металлов, химикатов возникли как следствие западного эмбарго на стратегически важные товары, при этом мало учитывались расходы и рентабельность. Таким образом ориентированная словацкая экономика была весьма уязвима по номенклатуре. Однако, функционируя на протяжении десятилетий, она сделала возможным проведение модернизации без непосильной и постоянной перекачки средств из сельского хозяйства, как это было, например, на родине коммунизма, в Советском Союзе.

После первого трудного десятилетия, когда кооператоры работали в ЕСХК почти даром и существовали за счет приусадебных участков и приработков на стороне, жизнь деревни начала стабилизироваться. Часть кооперативов, благодаря и государственной помощи, процветала, индустриализация расширила возможности заработка вне сельского хозяйства. Многочисленный слой сезонных рабочих исчез, работа на промышленных предприятиях и в учреждениях означала движение вверх по социальной лестнице и уверенность в завтрашнем дне. Деревня в шестидесятые годы перестала быть для режима областью риска.

С конца пятидесятых годов в деревнях и городах велось обширное жилищное строительство, строительство медицинских и культурных учреждений, школ. Число учащихся в гимназиях и особенно в профессиональных школах быстро росло. В 1945 г. высшие учебные заведения были только в Братиславе, Постепенно они появились в Кошицах, Трнаве, Нитре, Зволене, Жилине, Банской Быстрице, Прешове, Мартине, Липтовском Микулаше. Расширилась сеть профессиональных театров, музыкальных учреждений, галерей, музеев, научных и исследовательских институтов, создавались словацкие художественные фильмы и т. д. Так как индустриализация дала возможность значительной части общества приобщиться к более современным профессиям и таким образом создала у неё ощущение социального роста, этот, в определенной мере «созидательный период» для многих видов культурной деятельности обеспечил работой большую часть интеллигенции и на некоторое время приглушил воспоминания, связанные с разрушительной практикой послефевральского периода.

Ограниченность возможностей «управляемой модернизации» коммунистического типа проявилась в экономике уже в шестидесятые годы, а именно в сфере решения национального вопроса. Одной из провозглашенных целей индустриализации Словакии было её экономическое, социальное и культурное выравнивание с чешскими областями страны. Различия, которые еще при возникновении государства в 1918 г. были значительными, постепенно стирались, но без политических последствий, ожидаемых в связи с этим. В духе довоенного чехословакизма и чешские коммунисты взяли на вооружение представление о постепенном слиянии обоих народов. Из этого они делали вывод о ненужности особого положения Словакии, тем более, что оно находилось в противоречии с эндогенным централизмом и иерархической структурой коммунистической партии и режима. Поэтому и после февраля продолжалось ограничение правомочий словацких национальных органов, достигшее пика в 1960 г. Новая конституция ЧСР провозгласила строительство социализма завершенным, что проявилось и в изменении названия государства, которое стало именоваться Чехословацкая социалистическая республика — ЧССР. КПЧ в статье 4 конституции уже буквально определялась как «руководящая сила общества», марксизм-ленинизм — как обязательная основа культуры, образования и воспитания.

Конституция, принятая 11 июля 1960 г., низвела Словацкий национальный совет до марионеточного уровня и подчинила всю администрацию напрямую Праге. Ликвидация словацкого самоуправления, как и все тогдашние крупные политические акции, сопровождалась политическими процессами, направленными на устрашение противников. Уже в 1951 г. был заключен в тюрьму один из главных творцов коммунистической диктатуры в Словакии Густав Гусак и уже после смерти Сталина, т. е. во время некоторой «оттепели», осужден как «буржуазный националист» на пожизненное заключение. Перед принятием новой конституции 1960 г. серия процессов над представителями словацкой интеллигенции должна была заранее парализовать сопротивление и словацкий «сепаратизм».

4.3. Реформаторское движение шестидесятых лет. 1968 год

Недовольство централизмом и попытками обновления довоенного чехословакизма стало важной составной частью реформаторского движения шестидесятых лет. Признаки оживления более независимого мышления после шока террора, последовавшего за февральскими событиями, обнаружились уже во второй половине пятидесятых годов, что было связано с критикой Хрущевым Сталина на XX съезде КПСС в Москве. Од-

нако режим, напуганный революцией 1956 г. в соседней Венгрии, быстро подавил эти попытки. В начале шестидесятых годов коммунистическая диктатура в Чехословакии оказалась в состоянии кризиса. Экономическая модель, ориентированная на количественный рост, исчерпала себя, государственные предприятия, опутанные волюнтаристскими планами и бюрократическими распределительными цепями, не способны были идти в ногу с развитием мировых технологий. Рост экономики прекратился, ограниченные средства лимитировали рост потребления. «Социалистическая» конституция 1960 г. и риторика представителей режима о скором переходе от социализма к коммунизму очутились в резком противоречии с реалиями каждодневной жизни в Чехословакии и за западными границами государства. И хотя государство всячески ограничивало связь с миром, в среднеевропейском пространстве изоляция никогда не оказывалась такой действенной, как в Советском Союзе или Китае. Каналы информации были разными, начиная с родственных связей с диаспорами в западных странах и кончая торговыми связями, научными командировками, передачами радиостанций Свободная Европа, Би-Би-Си, Голос Америки, Немецкая волна, австрийского телевидения и даже поездками на отдых в Югославию. Эта информация подрывала два основных аргумента режима: исключительность развития как якобы свойственную лишь социализму и, во-вторых, необходимость ограничений из-за острой угрозы «социалистическому лагерю» со стороны империализма.

Морально режим был надломлен публичным разоблачением, по крайней мере, части злодеяний, свершенных при его строительстве. Как и в Советском Союзе в случае с критикой Хрущевым Сталина, толчком явилась борьба партийных элит за власть, поэтому разоблачения были непоследовательными, реабилитация лишь частичной и касалась, прежде всего, коммунистов, например, Густава Гусака. Сотни политических заключенных оставались в тюрьмах и лагерях на урановых рудниках, и в шестидесятые годы к ним прибавились даже новые, особенно представители церковных кругов. Отношение к процессам и реабилитациям явилось одной из причин дифференциации и внутри коммунистической партии на «реформаторов» и «догматиков». Постепенно прибавлялись новые проблемы, и, прежде всего, в экономике: оживлять ли её усилением планирования, централизации, или проведением реформ с внедрением элементов рыночного хозяйства?

Диктатура не давала возможностей для открытого изложения позиций, и тем более для объединения сторонников реформ, критика режима велась, по преимуществу, в иносказательной, завуалированной иными вопросами форме. Органом реформаторских воззрений стал еженедельник «Культурны живот» («Культурная жизнь»), который от крити-

ки упрощенного представления о «социалистическом реализме» и ознакомления читателей с идейными течениями на Западе перешел к дискуссиям о неизбежности реформирования экономики и общественного статуса гражданина. Поводом для критики конституции 1960 г. явилась и дискуссия о Словацком национальном восстании¹, олицетворявшем пограние унитаризма и централизма. Формально историческая дискуссия породила требование возврата к повстанческой концепции «равный с равным» и федерализации государства.

Реформаторские идеи и предложения проникли и в правящую партию, при её узаконенной монополии на политику они имели надежду на успех только в случае поддержки в партийной среде. В первой половине шестидесятых годов «жертвами» споров в руководящих кругах стали представители КПС Вильям Широкий, Карол Вацилек и некоторые другие сторонники ортодоксального коммунизма и пражского централизма. Партию в Словакии возглавили Александр Дубчек, Василь Биляк и другие представители следующего поколения. Они были менее замараны участием в терроре пятидесятых годов и более открыты для диалога с молодым, уже не наспех обученным, а получившим нормальное образование поколением. Оно теперь энергично добивалось соответствующего положения, влияния и возможностей реализовать свое видение общества, которое Александр Дубчек позднее назвал «социализмом с человеческим лицом». Недовольство и требование реформ, которые ощущались во всем государстве, в Словакии приобрели определенный пафосный характер и национальный размах также в связи с оскорбительным выступлением президента и первого секретаря ЦК КПЧ Антонина Новотного во время его посещения Словакии. Однако ключевое значение в условиях централистского режима приобретали прежде всего события в Праге.

Реформаторское течение в КПЧ осенью 1967 г. обрело такое влияние, что в ходе дискуссий в руководящих кругах партии добилось отставки Новотного и изменений в её руководстве. Первым секретарем ЦК КПЧ впервые в её истории стал словак Александр Дубчек, который хотя и не был инициатором реформ, но сделал возможным их проведение. Началась подготовка обширной экономической реформы, был смягчен контроль над предприятиями и сельскохозяйственными кооперативами. Была введена пятидневная рабочая неделя, о резервах экономики свидетельствовал тот факт, что вопреки всему этому производство росло. Была отменена цензура, в печати относительно свободно могли публиковаться

¹ См. подробнее: Марына В.В. Словацкое национальное восстание 1944 г. в послевоенной историографии // Славяноведение. 1999. № 6; она же. Чехословацкая, чешская и словацкая историография до и после «бархатной революции» 1989 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 1.

различные точки зрения, «железный занавес» получил серьезные пробоины: начала приходить зарубежная пресса, прекратилось глушение зарубежных радиостанций. Спустя двадцать лет можно было вновь выезжать на Запад, чем воспользовались сотни тысяч людей, в том числе студенты. Уменьшилось давление на церковь, например, верующим, насильно обращенным в православие, была дана возможность возвратиться в греко-католическую церковь. Реабилитация несправедливо осужденных и понесших наказание была распространена и на те группы, которым прежний режим категорически в этом отказывал. В рамках разработки реформы политической системы началась подготовка к изменению положения Словакии, причем словацкая сторона однозначно требовала федерализации ЧССР. Страна была охвачена энтузиазмом и эйфорией: разоблачение злодеяний режима, открывшиеся возможности к сравнению с развитыми странами инициировали бурные митинги, дискуссии, появление на свет бесчисленных резолюций. Впервые стало ясно ключевое значение телевидения, как средства моментального доведения до общества различных взглядов и позиций.

Политическую активность неожиданно проявила значительная часть словацкого общества. Объединяющим моментом было требование федерализации, разделяющим — взгляд на необходимость, глубину и методы реформирования экономики и политической системы. Реформаторская группа отражала взгляды как социал-демократического толка, так и предложения всего лишь о косметическом ремонте коммунистической диктатуры, то есть ни о социализме, а лишь «коммунизме с человеческим лицом». Это различие пока частично перекрывалось борьбой с догматиками. Они сохранили серьезные позиции, прежде всего в партийном аппарате, но и среди той части хозяйственной и культурной номенклатуры, у которой партийный билет заменял профессиональную квалификацию. Четвертое, гражданское, течение, идеалы которого находились целиком вне рамок режима, установленного после февраля, проявляло себя пока невыразительно, например, в попытках создать организацию людей, репрессированных коммунистическим режимом. Эти усилия не получили широкого резонанса. По контрасту с предшествующей ситуацией реформы 1968 г. ощущались как существенный сдвиг, а инициативное участие в этом коммунистов обеспечивало им такую поддержку, которую КПЧ никогда не имела.

Процессы, проходившие в Чехословакии, подготовка реформ, отмена цензуры, обращение лицом к Западу с самого начала вызывали беспокойство Москвы, а также руководства других коммунистических партий Восточной Европы, опасавшихся, что искра перемен может переброситься и на них. Во время переговоров с руководством чехословацких коммунистов весной и летом 1968 г. они пытались это развитие хотя бы при-

тормозить. После переговоров на пограничной чехословацко-советской железнодорожной станции Чиерна-над-Тисой 3 августа 1968 г. в Братиславе было подписано заявление представителей коммунистических партий Чехословакии, Советского Союза, Польши, Венгрии, Болгарии и Германской Демократической Республики, в котором говорилось, что защита социалистической системы является делом всех социалистических стран. Эта «брежневская доктрина» стала идеологическим обоснованием вторжения в Чехословакию 21 августа 1968 г.

Войска стран Варшавского договора, исключая румынские, в ночь с 20 на 21 августа провели единственную за все время существования блока (1955—1990 гг.) вооруженную акцию, причем против одного из своих членов. Советские, польские, венгерские, болгарские войска в ходе комбинированной десантно-наземной операции заняли территорию Чехословакии, на северо-западе границы блокировала армия ГДР. В операции участвовало около полумиллиона человек. В военном отношении операция прошла успешно: чехословацкая армия по приказу своего командования не оказала сопротивления, оккупационные войска быстро овладели средствами связи, военными складами, контролировали границы. Политически акция была менее успешной.

В соответствии с советским планом власть в Праге должно было взять «рабоче-крестьянское правительство», состоявшее из советских агентов. Однако они упустили решающий момент, президиум ЦК КПЧ принял заявление, осуждающее оккупацию. Против войск интервентов начались бурные демонстрации, в столкновениях погибли десятки граждан. Советские военные арестовали и отправили в Москву А. Дубчека, председателя Национального собрания Йозефа Смрковского и председателя правительства Олдржиха Черника. После серии переговоров в Москве, в которых участвовал и президент Людвик Свобода, чехословацкие представители, поддавшись нажиму, капитулировали. Московский протокол, подписанный 27 августа, стал, собственно, началом процесса, который длился несколько лет и получил название «нормализация».

Советская гегемония утверждалась шаг за шагом: под маркой Варшавского договора армия была снова целиком подчинена советскому командованию, были проведены существенные кадровые изменения в руководстве коммунистической партии и государства, был подписан договор о «временном пребывании» советских войск на территории Чехословакии. В апреле 1969 г. Дубчека в руководстве КПЧ сменил Густав Гусак, который до оккупации снискал определенный авторитет среди реформаторов, но постепенно стал послушным инструментом в руках советского руководства.

В течение нескольких месяцев после оккупации казалось, что курс на реформы, хотя и в более урезанных формах, будет продолжен. 27 ок-

ября 1968 г. Национальное собрание согласилось с одним из основных требований реформаторского движения в Словакии, с требованием федерализации государства. 1 января 1969 г. были образованы Словацкая социалистическая республика и Чешская социалистическая республика с собственными национальными советами и правительствами. Вместе они составляли Чехословацкую социалистическую республику с общим президентом, федеральным правительством и Федеральным национальным собранием, которое состояло из двух палат — Народной палаты и Палаты национальностей. Сложная система голосования должна была воспрепятствовать осуществлению воли большинства в отношении представителей Словакии, в которой проживала только $\frac{1}{3}$ населения страны.

В течение длительного времени продолжались и протесты населения против оккупации, особенно бурные в связи с её первой годовщиной в августе 1969 г. Однако в обстановке восстановления советской гегемонии они ничего не могли изменить, республика и Словакия перешли от эйфории «эры Дубчека» к покорности «нормализации» Гусака.

4.4. «Нормализация» диктатуры

Период с 1969 г. до переворота 1989 г. — единственный из эпохи коммунистической диктатуры, имеющий в историографии, а также в общественном сознании однозначное наименование. Термин «пятидесятые годы» увязывается со временем установления диктатуры и наиболее драматической фазой террора, «шестидесятые годы» — с определенной либерализацией режима, кульминацией которой был 1968 год. Термин «нормализация» был следствием открыто провозглашенного стремления нового руководства коммунистической партии дистанцироваться от попыток реформирования, получивших официальное наименование «правый оппортунизм», возвратиться к «норме», что означало к чехословацкой модели советской диктатуры¹.

Программа и идеология «нормализации» в 1970 г. были изложены в документе «Уроки кризисного развития в партии и обществе после XIII съезда КПЧ». В документе после критики общественного развития во второй половине шестидесятых годов формулировались, — в таком открытом виде, собственно, впервые, — «постоянные и неизменные ценности», отказ от которых причислялся к антисоциалистическим и контрреволюционным действиям. Этими столпами объявлялись: 1. Руководящая роль в обществе рабочего класса и его авангарда, коммунистической партии; 2. Социалистическое государство как инструмент диктату-

¹ О начальном этапе «нормализации» см. подробнее: Латыш М.В. «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998.

ры пролетариата; 3. Марксистско-ленинская идеология и её пропаганда всеми средствами массового воздействия; 4. Общественная собственность на средства производства и плановое ведение национальной экономики; 5. Принципы пролетарского интернационализма и их последовательное осуществление во внешней политике, особенно в отношении Советского Союза. Согласно «Урокам», именно сомнение в правильности этих принципов привело в 1968—1969 гг. к подрыву существующих устоев, «острой опасности контрреволюции», а «интернациональная помощь» союзников создала для коммунистов «прочный тыл» для ведения борьбы против антисоциалистических, контрреволюционных и правых сил.

Нормализация началась массовыми чистками. В партийных организациях создавались так называемые «здоровые ядра», которые сверху донизу, от руководства партии до первичных организаций, проверили членов партии и разделили их на три категории: проверенных, вычеркнутых за неактивность, и, наконец, исключенных «правых оппортунистов». Исключенные составляли 21,7% членов партии. Они автоматически потеряли руководящие посты на предприятиях, должны были в большинстве уйти из учебных заведений, армии, органов государственной безопасности, государственных учреждений, редакций, издательств, культурных и просветительных организаций. Некоторые виды деятельности им вообще были запрещены, их дети подвергались дискриминации при приеме в учебные заведения, у них отбирались заграничные паспорта, их лишали воинских званий. В учреждениях, научно-исследовательских институтах и организациях культуры были проверены и беспартийные, несогласие с «братской помощью», оказанной в августе 1968 г., имело такие же последствия, как и для исключенных коммунистов. Однако гонения в период нормализации не носили столь жестокого характера, как террор после февраля 1948 г., политические процессы были редкостью и только в связи с оппозиционной деятельностью после 1968 г., приговоры более мягкими. Однако проверки и чистки довольно успешно решили задачу устрашения.

Укреплению режима способствовало и возвращение к проверенным методам изоляции и запугивания. Железный занавес снова действовал, как и до 1968 г.: поездки на Запад были ограничены, как и импорт зарубежной периодики, книг, кинофильмов, возобновилось глушение «подстрекательских радиостанций». Средства массовой информации, которые сыграли такую важную роль в 1968 г., были подвергнуты нормализации с особой тщательностью. Предварительная цензура, хотя и не была восстановлена, но система личной ответственности редакторов и следовавшие за этим суровые санкции, оказывались достаточными. Некоторые журналы реформаторского направления, прежде всего «Культурны живот», были закрыты.

Весьма быстро была урезана и федерализация. Сохранилась «руководящая роль КПЧ», которую никак не затронул принцип федерализации. Правомочия Словацкого национального совета и парламента точно по рецепту периода после 1954 г. были постепенно ограничены, а некоторые словацкие министерства ликвидированы. Серией законов о компетенциях 1970 г. при сохранении федеральной формы режим возвратился к централистскому варианту устройства до 1968 г. Словацкий вопрос, как важная проблема функционирования и существования чехо-словацкого государства, остался неразрешенным.

Триумф нормализации внешне был полный. Последующий период диссидент Милан Шимечка метко назвал «эрой неподвижности» по контрасту с шестидесятыми годами с характерными для них поисками и экспериментами. Однако оккупация 1968 г. была таким шоком, после которого ничто, ни общество, ни даже коммунистическая партия, не могли уже просто возвратиться к коммунистической «норме». На территории Чехословакии в отличие от соседних Венгрии или Польши до августа 1968 г. не было советских войск, советская гегемония была менее заметна, хотя и одинаково действенна. Август изменил это, сделав советскую гегемонию явной. Отношение Запада к событиям в Чехословакии, которое не вышло за рамки платонических симпатий, подтвердило, что республика воспринимается международным сообществом как составная часть советского блока, без перемен в центре которого невозможны существенные преобразования в Чехословакии. Тем более, что периодические кризисы режимов в странах советского блока происходили асинхронно, в период венгерской революции 1956 г., следовавших за ней польских событий и во время 1968 г. СССР и его агентуре в соответствующих странах удавалось не допустить перелета искры к соседям. Понимание этого вело к покорности судьбе, ориентации скорее на необходимость пережить случившееся, чем на активное сопротивление.

Коммунистическая партия внешне преодолела кризис, но её жизнеспособность и претензии на монопольный контроль над обществом были сильно подорваны. Гораздо отчетливее и масштабнее она воспринималась как прислужница чужой власти, а в Словакии — вдвойне: и как советского патрона и как его пражской клиентуры. Если до 1968 г. в партии определенную роль играли пафос и энтузиазм участников антифашистского сопротивления и революционеров, то теперь она превратилась в объединение, принадлежность к которому являлась пропуском для вхождения в политическую, хозяйственную, бюрократическую и даже культурную элиту. Чистки укрепили позиции коммунистических догматиков и непрофессионалов, которые теперь мстили за страх утратить свое положение. Последовательно реализовывалась номенклатурная система: назначения на каждый более или менее важный пост в управлении, эко-

номике, армии, науке и культуре проходило через соответствующий партийный орган, который одобрял кандидатов; назначения на высшие посты в партии, государстве, армии, органах безопасности подлежали одобрению Москвы. Номенклатурная система была на руку циникам или же в лучшем случае прагматикам. В любом случае она покончила с иллюзиями о революционной партии.

Идеологические проблемы коммунистов в период нормализации оказались непреодолимыми. От первоначальной идеи мировой революции они отказались, по крайней мере, внешне уже после войны, в 1960 г. они объявили Чехословакию социалистическим государством. Согласно доктрине, вслед за этим должно было последовать строительство коммунистического общества. Президент Новотный с трибуны съезда в Москве в 1961 г.¹ действительно заявил, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме. Открытие окон в мир оттеснило идею коммунистического общества совершенно бескомпромиссно туда, где она и родилась, в область утопии. После 1968 г. о коммунизме перестали рассуждать, писать, говорить; программные документы съездов коммунистической партии говорили только об «окончании строительства социалистического общества», о «развитом социалистическом обществе» или о «реальном социализме». При формулировании целей и средств их осуществления возникала и проблема, связанная с тем, что после 1968 г. режим нормализации отвергал само понятие «реформа», допускал лишь «дальнейшее совершенствование» уже существующего якобы превосходного положения. Тем самым умерщвлялась любая существенная попытка решить старые проблемы и те, которые несла с собой быстро меняющаяся экономическая и международная ситуация семидесятых и восьмидесятых годов.

Закрытый советский блок с собственной системой цен и торговых отношений защитил Чехословакию от нефтяного шока семидесятых годов, но одновременно содействовал продолжению разбазаривания энергии, сырья и человеческого труда. Самые современные отрасли, электроника, биотехнология, информатика, находились в забвении, а также в зависимости от эмбарго Запада на экспорт новейших технологий в страны советского блока. Индустриализация Словакии продолжалась, как и прежде, но преимущественно путем развития металлургии, крупных химических предприятий и, как и в предшествующие десятилетия, легкой промышленности с ассортиментом и качеством, рассчитанным преимущественно на восточно-европейский рынок. Специализация производства в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) проходила относительно успешно, в Словакии, в частности, был налажен массовый выпуск гид-

¹ Речь идет о 22 съезде Коммунистической партии Советского Союза, состоявшемся 17—31 октября 1961 г. в Москве.

равлического оборудования, подшипников каления, строительных агрегатов, грузовых автомобилей, некоторых видов вооружения, особенно орудий, боеприпасов, танков и бронемашин, некоторых химикатов.

4.5. Кризис и падение коммунистической диктатуры в 1989 г.

В середине восьмидесятых годов число занятых в промышленности в Словакии превысило 800 000. Международные договоренности об ограничении вооружения конца восьмидесятых лет уже стали сигналом к падению конъюнктуры. Однако динамика экономики пока позволяла наряду с использованием резервов и ограничением инвестиций в модернизацию производства поддерживать относительно высокий по меркам СЭВа жизненный уровень. Правда, все более раздвигались ножицы в производительности труда и потреблении по сравнению с Западной Европой. Основой идеологии и пропаганды режима уже являлась не социальная утопия, коммунизм, а «социальные ценности»: гарантированная работа, бесплатные здравоохранение и образование, дешевое жилье и дотации на основные продукты питания. Нарождающийся новый средний класс добавлял к этому автомобиль, дачу или садовый участок, отпуск у моря в «социалистических странах». Представители высшей номенклатуры, кроме удовлетворенности от обладания властью, пользовались особыми местами отдыха, закрытыми медицинскими учреждениями, покупали импортные товары в специальных магазинах и имели иные привилегии. Организованный подобным образом режим был неспособен на динамичное развитие, что в исторической перспективе означало всё большее отставание от Западной Европы, однако он не был и настолько невыносим, чтобы давать основания к каким-то радикальным выступлениям, подобным, например, периодически повторяющимся на предприятиях соседней Польши.

Несогласие с режимом, если прибегнуть к терминологии, используемой в отношении периода Второй мировой войны, имело скорее форму дистанцирования от него, неотождествления себя с ним. Это не исключало формального участия в «обрядках» режима, например, демонстрациях на 1-е Мая, формального членства в «массовых организациях» или даже в коммунистической партии. Режим сознавал, что подобное поведение ему ничем не угрожает, а какой-то воодушевленной поддержки после восстановления контроля над всеми властными и идеологическими институтами и индоктринации ему уже не требовалось. Лагерь «дистанцирующихся», включающий вероятно большую часть общества, оказался, однако, весьма важным фактором в тот момент, когда режим утратил стабильность и на поверхность выступили группировки, которые по разным мотивам его однозначно отвергали.

В период «Пражской весны» были смягчены некоторые ограничения, касающиеся церкви, восстановлена в правах греко-католическая церковь, в Словакию из Чешских земель возвратились депортированные монахи. Режим «нормализации», однако, постоянно подавлял свободную деятельность церкви; за несоблюдение ограничительных предписаний, за распространение религиозной литературы в 1968—1988 гг. было арестовано более 70 священников и мирян. Недопущением назначения епископов государство стремилось парализовать деятельность наиболее многочисленной — католической церкви. Поддержанию духа верующих служили паломничества, в которых участвовали ежегодно сотни тысяч людей. Организации «тайной церкви» были связаны друг с другом и с границей, католические диссиденты имели наиболее широко развитую сеть по изданию и распространению нелегальной печати. 28 марта 1988 г. они организовали в Братиславе и самую известную за все двадцатилетие акцию сопротивления, так называемую «демонстрацию горящих свечей» — массовое выступление верующих за свободу церкви.

Гражданское диссидентство имело форму кружков и групп, объединявших близких по духу и настроениям людей, без иерархического оформления и постоянной организации. Дискуссии и критика режима появлялись на страницах нелегальных изданий, таких, как «Контакт», «Фрагмент К», в «самиздатовских» аналитических статьях, например, Милана Шимечки, Мирослава Кусы, в эмигрантской прессе за рубежом и выступлениях на радио «Свободная Европа». Во времена советской «перестройки» начали активизироваться и левые группировки, однако внутри партии не произошло каких-либо существенных сдвигов, подобных инициативам 1968 г., коммунизм был уже идейным трупом. Существовало огромное количество различных неформальных объединений молодежи, деятелей искусств, «групп позитивной девиации», которые либо отвергали режим, либо, по крайней мере, игнорировали его. Активны были группы защитников окружающей среды. Их нелегальная публикация *«Братислава во весь голос»*, показывавшая катастрофическое состояние окружающей среды, скрываемое государством, получила широкий резонанс не только из-за своего содержания, но явилась для многих неким призывом покончить с бездеятельностью. Для всех этих движений, включая католическое диссидентство, большое значение имели события в соседней Польше. Движение «Солидарность» рождало симпатии, однако его подавление военной диктатурой снова свидетельствовало об ограниченных возможностях реформ в странах коммунистического блока.

Акции против режима носили изолированный характер; они были неприятны, но не опасны для государственной власти. Вплоть до 1988 г. диссидентство имело в Чехословакии прежде всего моральное значение. Ситуация начала меняться в 1988 г. Вслед за массовыми демонстрация-

ми в Праге по случаю двадцатилетия оккупации 1968 г., затем — в октябре в связи с годовщиной возникновения ЧСР в 1918 г., последовала так называемая «неделя Палаха», серия демонстраций в январе 1989 г., приуроченных к двадцатой годовщине самоожжения студента Яна Палаха в знак протеста против оккупации. Аресты и преследования не нагнали страха, особенно что касается молодых людей, не имевших опыта общения с коммунистическим режимом пятидесятых лет. Развитие событий ускорялось падением коммунистической диктатуры в соседних Польше, Венгрии, массовым бегством граждан Германской Демократической Республики на Запад через Чехословакию и Венгрию. Каждая неделя приносила нечто новое. Группа словацких диссидентов заявила властям о намерении отметить в Братиславе возложением венков места, где в августе 1968 г. от рук советских солдат погибли мирные граждане. Инициаторы этой акции были немедленно арестованы, в ноябре начался судебный процесс над Яном Чарногурским. Пикеты перед зданием суда вскоре сменились, однако, более крупными акциями.

16 ноября 1989 г., накануне международного дня студентов, состоялась мирная демонстрация студентов в Братиславе. 17 ноября, шествие студентов в Праге было насильственно разогнано полицией. На следующий день студенты и актеры договорились о проведении в течении недели забастовки протеста, к ним постепенно присоединились студенты и театральные работники всей республики. 19 ноября в Праге был создан Гражданский форум, как координационный центр инициатив за изменение режима. В Братиславе в здании бывшей «Умелецкой беседы»¹ возник аналогичный центр — Общественность против насилия. Начались регулярно проводимые в вечерние часы на площадях митинги, в которых участвовали десятки тысяч людей; выдвигались основные требования: покончить с монополией власти коммунистической партии, назначить свободные выборы.

Слабые попытки власти парализовать движение не привели к успеху; коммунисты без поддержки Москвы пребывали в растерянности и смятении. Решающим моментом стала успешная общегосударственная генеральная забастовка 27 ноября. Правительство вынуждено было начать диалог с Гражданским форумом и Общественностью против насилия, постепенно сдавая им позиции. В качестве члена Национального собрания в Праге был кооптирован Александр Дубчек, избранный затем его председателем. Было сформировано федеральное правительство «национального согласия», в котором власть поделили коммунисты и революционеры. Подобные изменения произошли и в Братиславе. Скомпро-

¹ «Умелецка беседа» — традиционная организация, своего рода неформальный клуб деятелей культуры и искусства, существовавший до 1949 г.

метированного советского агента В. Шалговича, стоявшего во главе Словацкого национального совета, сменил более приемлемый коммунист-прагматик Рудольф Шустер; председателем правительства стал коммунист Милан Чич, бывший министр юстиции. В новом словацком правительстве было 6 коммунистов и 9 беспартийных. Президент Густав Гусак, который после смещения с поста первого секретаря ЦК КПС в 1987 г. утратил власть и находился в изоляции, подал в отставку, и 29 декабря Федеральное собрание ЧССР избрало президентом самого яркого и наиболее известного за границей представителя чехословацкого диссидентского движения, драматурга Вацлава Гавела¹.

В течение нескольких недель рухнула вся конструкция диктатуры, выстраиваемая и сохраняемая 41 год. Она пала без кровопролития, в результате мирного, но интенсивного давления. Поэтому и появилось название «бархатная» или «нежная» революция. Режим отказался от инструментов власти, которыми еще располагал. За возможность участия в новых властных и экономических структурах коммунистические элиты отказались от сопротивления, особенно, учитывая, что главный гарант их власти, Советский Союз, не проявил желания оказать им действенную помощь. Ноябрь вскрыл их сущность как ставленников иностранной власти. Мирная смена режима стала возможной прежде всего вследствие поражения Советского Союза в холодной войне, его ухода с позиций супердержавы.

Чехословацкая республика, а следовательно и Словакия, покончив с советской гегемонией, оказались на стороне победителей, но как составная часть советского блока с его деформированной экономикой, социальной структурой, политической культурой находились также и среди побежденных. Ноябрь 1989 г. создал возможности для решения этой исторической дилеммы.

5. От Чехо-Словакии к Словацкой республике

5.1. Три стратегии трансформации после 1989 года

После 1989 г. общество должно было решить три больших и неотложных задачи: во-первых, вместо коммунистической диктатуры создать плюралистическую демократическую систему, во-вторых, перевести директивно плановое хозяйство на рельсы рыночной экономики и в-третьих, выяснить государственно-правовое положение Словакии в респуб-

¹ Подробнее о событиях ноября 1989 г. в Чехословакии и революциях в странах советского блока см: Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2001.

лике и ее место в Европе. В модифицированном виде они остаются и после возникновения Словацкой республики в 1993 г. С первых посткоммунистических дней в суждениях о методах и сроках их решения сталкивались различные точки зрения, концепции и интересы. В условиях нарождающейся демократии они вылились в форму институтов, легли в основу новых политических партий. После десятилетий политического оцепенения плюрализм разнонаправленных воззрений стал составной частью повседневной жизни.

В девяностых годах международная обстановка была благоприятной. Поражение Советского Союза в холодной войне лишило его возможности вмешиваться в дела стран Центральной Европы. Варшавский договор утратил силу, в июне 1991 г. с территории Чехо-Словакии ушли последние советские части. 24 августа 1991 г. образовалась самостоятельная Украинская республика, вместо Советского Союза с его глобальными геополитическими интересами у Словакии появился сосед, который старается включиться в центрально-европейский и вообще европейский контекст.

К числу самых распространенных посткоммунистических лозунгов принадлежит и призыв к «возврату в Европу». Под этим подразумевалось не только восстановление традиционных ценностей, но и подключение к интеграционным процессам, которые шли в Западной Европе с конца второй мировой войны. Вступление в Европейское сообщество, после 1992 г. в Европейский союз — вот цель, которую на официальном уровне выдвигали все посткоммунистические чехо-словацкие и словацкие правительства, хотя было ясно, что это потребует многолетней подготовки. Второй приоритетной внешнеполитической целью было вступление в Северо-Атлантический пакт, который представлялся самым надежным гарантом против попыток восстановления советской гегемонии и обеспечения политической стабильности в этом регионе.

Большие надежды возлагались и на «Вышеградскую тройку», названную так по месту подписания договора о сотрудничестве между президентами Чехо-Словакии, Польши и Венгрии. Однако «тройка», а после образования Словацкой республики — «Вышеградская четверка» пала жертвой незаинтересованности стран, подписавших договор, которые отдали предпочтение индивидуальному бегу на скорость вступления в авторитетные западно-европейские интеграционные структуры.

Очень сложным и для большинства населения неблагоприятным было экономическое положение. В 1990—1993 гг. Словакию, как и другие посткоммунистические страны, охватил тяжелый экономический кризис. В ценах 1990 г. промышленное производство сократилось с 276,1 млрд крон в 1989 г. до 186,9 млрд крон в 1993 г. Продукция строительной промышленности снизилась с 46,9 млрд крон до 22 млрд, производство сельскохозяйственной продукции сократилось на треть, автомобиль-

ные перевозки на треть и железнодорожные — на 50% от докризисного уровня. Валовая национальная продукция сократилась на 74%, потребительский спрос снизился на треть, реальная заработная плата в 1993 г. составляла всего 72,8% от уровня 1989 г. Скачок инфляции обеспечил сбережения, изменения в структуре ценообразования не в пользу основных продуктов питания ударили прежде всего по пенсионерам, семьям с детьми и социально незащищенным группам населения.

Новым, к тому же шоковым явлением, с которым не сталкивалось уже несколько поколений, была массовая безработица. В 1990 г. было зарегистрировано 39 603 человека без работы, в 1993 г. почти в десять раз больше — 368 095 человек. Высокий уровень безработицы удерживался и в конце девяностых годов, приблизившись к цифре 500 000 человек, или 20% трудоспособного населения.

Главной причиной кризиса был развал традиционных рынков вообще и рынков сбыта в частности, изменения в структуре собственников и переход на рыночный механизм, для которого лишь постепенно создавались условия. Республики бывшего Советского Союза постиг еще более глубокий и долговременный кризис, чем Чехо-Словакию; тем самым лишились рынка сбыта многие машиностроительные, металлургические и электротехнические предприятия, но особенно производители текстиля, одежды, мебели, изделий из стекла, продовольственных товаров. Распад и ненадежность постсоветских рынков удалось частично возместить переориентацией на рынки сбыта в странах с развитой рыночной экономикой, но лишь ценой больших потерь. Однако это удалось сделать сравнительно быстро, и доходы от западных рынков позволили из полученных таким образом средств платить за российское сырье и энергоресурсы.

Многие предприятия пострадали по причине свободного ввоза товаров из зарубежья, что привело к упадку и ликвидации многих электротехнических и машиностроительных предприятий, а сокращение потребительского спроса отразилось на производстве мяса, молока, одежды, обуви. Катастрофическое падение жилищного строительства с 33 437 квартир в 1989 г. до 3 093 в 1995 г. сказалось на производстве строительных материалов, машин, арматуры, мебели, бытового текстиля и на сокращении наполовину численности занятых в строительстве.

Важным и для многих регионов неизбежным фактором кризиса было падение производства вооружения, в котором в конце восьмидесятых годов работала примерно одна десятая часть всех занятых в промышленности. Разрядка международной напряженности уже в восьмидесятые годы привела к трудностям сбыта, после подписания международных соглашений о контроле за вооружением производство в этой отрасли в 1989 г. сократилось наполовину, а в последующие годы от него осталась лишь толика того, что было во времена холодной войны. Кризис военной про-

мышленности усугубил распад рынка ее гражданской продукции — строительных и сельскохозяйственных машин, транспортного оборудования, гидравлики, литья, поковки, которым трудно было найти сбыт на западе.

Параллельно с переориентацией внешней торговли было необходимо построить сеть современных банков, страховых компаний, биржу, разработать десятки экономических законов, ликвидировать государственную монополию на внешнюю торговлю, ввести новую налоговую систему, конвертируемую валюту. Но важнейшей из всех посткоммунистических реформ было восстановление частной собственности.

Первым шагом в этом направлении явилась реституция имущества, конфискованного и национализированного после февраля 1948 г. Дома, предприятия, мастерские, поля и леса были возвращены исконным владельцам или их наследникам, если они являлись чехословацкими гражданами. Реституции лишь в малой степени подлежали крупные фабрики и крупные поместья, которые по большей части были конфискованы у их владельцев еще после 1945 г.

Собственность, которая не могла быть возвращена исконным владельцам, приватизировалась, исходя из предпосылки, что частный предприниматель способен лучше ее использовать, чем анонимное «государство». Имущество, предназначенное к приватизации, сосредоточивалось в Фонде национального имущества. В ходе первого этапа приватизации на аукционах были проданы магазины, мелкие предприятия бытового назначения, заведения общественного питания и мастерские. Таким образом, уже в 1991—1992 гг. большинство предприятий малого бизнеса перешло в частные руки. В 1992—1994 гг. прошел второй этап приватизации, в которой на продажу уже было выставлено имущество, исчисляемое несколькими сотнями миллиардов крон, — фабрики, крупные поместья, универсальные магазины и транспортные предприятия, гостиницы. В этом случае преобладающая часть имущества была приватизирована посредством приватизационных купонов, этот метод впервые применялся в Чехо-Словакии, а впоследствии в модифицированном виде — и в других посткоммунистических странах. Каждый совершеннолетний гражданин мог за 1000 крон купить приватизационную купонную книжку, которая давала ему право на 20 акций предназначенного к приватизации предприятия, или вложить купоны в инвестиционные фонды, которые в приватизационных целях создавались банками, а также частными предпринимателями. Инвестиционные фонды не всегда оказывались тем, кем они должны были быть по замыслам инициаторов купонной приватизации, то есть ответственными управляющими полученного имущества. Много вверенных им средств было спущено на бирже, много попросту разворовано. Уже на аукционах по приватизации мелкого бизнеса проявились элементы коррупции и мафиозные методы, которые по мере увеличения

приватизированной собственности приобретали все большие масштабы. Именно явные нечистоплотные махинации инвестиционных фондов позволили правительству после образования Словацкой республики остановить на полном ходу второй круг купонной приватизации и проводить ее в другой форме.

Более полугода, вплоть до выборов 8—9 июня 1990 г. в Чехо-Словакии и в Словакии государственными делами занимались правительства «национального согласия». Федеральное правительство возглавлял словак, бывший коммунист Мариан Чалфа, премьер-министром словацкого правительства тоже был представитель предшествующего режима Милан Чич. Самым сильным политическим объединением в чешских землях являлась антикоммунистическая коалиция Гражданский форум, в Словакии — объединение подобного характера Общественность против насилия. Вскоре на почве этих объединений, а также независимо от них стали формироваться политические партии с различными представлениями о путях преодоления прошлого, об объеме, глубине и темпах перемен. Свою роль тут играли и традиции, национальные и конфессиональные интересы, а также исключительно личные честолюбивые замыслы, которые в переломные годы оказывают большее влияние на политическую арену, чем в спокойные времена.

На выборах 1990 г. из нескольких десятков партий в Словакии необходимое число голосов для прохода в парламент собрали семь. Общественность против насилия (ОПН) получила 29,3%, Христианско-демократическое движение (ХДД) 19,2%, Словацкая национальная партия (СНП) 13,9%, коалиция венгерских партий Сосуществование и Христианско-демократическое движение 8,7%, Демократическая партия (ДП) 4,4% и партия зеленых 3,5%. Эти выборы явились своего рода плебисцитом «за» или «против» предшествующего режима, Коммунистическая партия Словакии, даже несмотря на первые шаги к внутреннему преобразованию в партию социал-демократического типа, получила всего 13,3% голосов. Ее позиции подорвал и закон о люстрации 1991 г., который запретил в течение 5 лет занимать высокие посты номенклатурным функционерам КПЧ предшествующего — до 1989 г. — периода и состоящим на учете агентам госбезопасности.

Реальную картину новой политической структуры Словакии показали только парламентские выборы в июне 1992 г., когда граждане уже освоились с демократической системой, политические партии сформировали каждая свои структуры, имели больше времени на пропаганду своих взглядов и концепций и более отчетливо проявили себя отдельные политические личности.

Движение Общественность против насилия, главные функционеры которого выступали преимущественно с либеральных позиций и которое

особо не проявило себя в государственно-правовых вопросах, не сумело организовать в полнокровную политическую партию и в виде Гражданско-демократического союза собрало на выборах только 4% голосов, Демократическая партия, сходной ориентации, 3,3%. Если эти организации представляли правое направление, то на левом крыле политической сцены Партия демократической левой (ПДЛ) — трансформированная КПС — сохранила свои позиции с 14,7% голосов избирателей. ХДД снизилось до 8,9% и СНП до 7,9%. Свои позиции удержала и коалиция венгерских партий, в парламент прошло и Словацкое христианско-демократическое движение, отколовшееся от ХДД. Безусловным победителем на выборах стало Движение за демократическую Словакию (ДЗДС) с 37,3% голосов, возглавляемое Владимиром Мечъяром. В.Мечъяр стал премьер-министром словацкого правительства.

Владимир Мечъяр как член ОПН уже был премьер-министром коалиционного правительства после выборов в июне 1990 г. После распада ОПН в марте 1991 г. премьером стал лидер ХДД Ян Чарногурский. ДЗДС перешло в оппозицию, из которой посредством усиленной агитации и при поддержке большинства печати оно сумело выйти победителем на выборах в июне 1992 г. Победе ДЗДС, несомненно, способствовала личность его лидера В.Мечъяра, а также то обстоятельство, что оно представляло собой не профилированную партию с определенной идеологией и концепцией, а широкое движение, в котором нашлось место самым разным, даже противоположным концепциям. Оно обращалось к широкому спектру граждан, ищущих простых, прямолинейных и быстрых выходов из экономического и социального кризиса. Столь же многозначными были и позиции по отношению к государственно-правовому статусу Словакии, который постепенно становился ключевой проблемой политической жизни.

Проблема устройства государства проявилась уже в начале 1990 г. в дискуссии о названии и государственной символике. Словацкая и чешская стороны были согласны в том, что должна быть исключена коммунистическая символика, а из названия государства, введенного в 1960 г., слово «социалистическая». Было принято и словацкое пожелание вернуть традиционный символ — двойной крест на трех вершинах. Неохотно было встречено чешской стороной словацкое пожелание одинакового изображения чешского и словацкого символа на государственном гербе и написания названия государства через дефис, Чехо-Словакия или Чехословакия? Спор разрешился компромиссом, однако сам ход дискуссии, эмоции, ею вызванные, сигнализировали, что чешские и словацкие политические элиты, равно как и общество, по-разному подходят к устройству государства, придают этому разное значение. В то время как в Словакии преобладало недовольство федеративной формой государства времен «нормализации» и требования «широкой» федерации, конфеде-

рации двух государств или даже полной самостоятельности, в чешских землях преобладало отрицательное отношение к федерации как якобы изобретению оккупационного режима, и взгляды расходились в амплитуде от унитарного, централизованного государства до самое большое очень ограниченной федерации. Некоторые сформулированные чешскими политиками концепции вообще обходили национальный принцип и предлагали переустроить государство на территориально-федеративной основе.

На протяжении 1990—1992 гг. состоялось множество переговоров представителей чешского и словацкого национальных советов, национальных правительств и федеральных органов об устройстве государства, в переговорах принимал участие и президент Вацлав Гавел. Переговоры показали, что в известной мере повторяется ситуация 1968 г., когда чешская сторона считала стремление Словакии к большему самоуправлению тормозом в решении более важных задач, провинциализмом, тогда как словацкая сторона расценивала его как неотъемлемую часть действительной демократизации государства. Силу и неукротимость процесса эмансипации недооценили и словацкие политики либеральной направленности, так что в конце концов проблема полностью вышла из-под их влияния. На этот раз в известной степени повторялась ситуация с межвоенной Чехословакией. Если ХДД и ПДЛ пытались как можно больше расширить словацкое самоуправление в рамках общего государства, то в ДЗДС точки зрения от первоначального федерализма сдвигались в сторону конфедерации и в конечном итоге к самостоятельному государству, на чем изначально стояла только СНП и часть христианско-демократических политиков. Попытки договориться на основе конфедерации двух государств наподобие Австро-Венгрии чешские правые силы отвергли, часть чешских политических верхов выразила решимость разделиться. Итоги выборов в июне 1992 г., когда в ЧР выиграла правая Гражданская демократическая партия, а в Словакии ДЗДС, воспринимаемое в чешских кругах как лево-популистское движение, тенденции к разделению усилились.

В позициях чешских и словацких политических верхов переплетались долговременные тенденции с краткосрочными интересами. Со словацкой стороны это было неопровержимое свидетельство прогресса общества с момента, когда в 1918 г. общее государство создавалось, что, однако, не нашло в достаточной степени выражения в государственном устройстве. Чешское общество этого не замечало, а если замечало, то недооценивало или отвергало. Краткосрочными были разные представления о методах и темпах преобразований, которые сформулировали сильные и хорошо организованные чешские правые силы во главе с федеральным министром финансов Вацлавом Клаусом. После выборов 1992 г. он стал премьер-министром чешского правительства. Поскольку до этого чешская поли-

тика считала существование чешских национальных органов лишь причиняющей неудобство уступкой - принятой по принуждению словаков федерации, это сигнализировало близкое разделение.

От разделения чешские правые силы ожидали более легкой и более быстрой перестройки экономики, без груза словацкого военно-промышленного комплекса и слишком ориентированной на восток промышленности, плюсом было и создание барьера против беспокойных Балкан и распадающегося Советского Союза. Создавали неудобства и проблемы с венгерским меньшинством и международный спор из-за гидроузла Габчиково — Надьмарош на Дунае. Без Словакии можно было легче достичь главной чешской геополитической цели — скорейшего вступления в Европейский союз и в НАТО.

И хотя большинство общественности в обеих республиках высказывалось за сохранение общего государства, бесконечные споры с туманной перспективой, предложения и контрпредложения вызывали усталость и сознание того, что позиции обеих сторон примирить трудно. 17 июля 1992 г. Словацкий национальный совет принял Декларацию о суверенитете Словацкой республики. Ускорила работа над подготовкой словацкой конституции, которая формулировалась таким образом, что она могла стать основным законом самостоятельного государства. Конституция была принята СНС 1 сентября 1992 г. и торжественно подписана в браτισлавском замке. Распад Чехо-Словацкой федеративной республики был уже только делом техники. 29 октября премьер-министры Владимир Мечъяр и Вацлав Клаус подписали договор о будущих взаимоотношениях СР и ЧР, были согласованы способы раздела собственности, и наконец 25 октября Федеральное собрание небольшим перевесом голосов приняло постановление о роспуске федерации. Тем самым открылся мирный путь к созданию двух суверенных республик. 31 декабря 1992 г. прекратила свое 84-летнее существование Чехо-Словацкая республика, оба государства стали ее правопреемниками, политическими и идеологическими наследниками ее истории, успехов и поражений.

5.2. Словацкая республика

После возникновения Словацкой республики надо было быстро выстроить всю структуру управления государством. Словацкий национальный совет стал полнокровным парламентом и был переименован в Национальный совет Словацкой республики. Продолжало работать правительство во главе с Владимиром Мечъяром, сформированное по результатам выборов в июне 1992 г. Были доукомплектованы министерства и созданы некоторые новые, например, министерство обороны. В феврале 1993 г. президентом был избран Михал Ковач.

Раздел собственности Чехо-Словакии был согласован на основе соотношения численности населения 2:1 и был произведен быстро, хотя кое-где не без больших сложностей, например, при разделе имущества армии, зарубежных представительств, крупных транспортных систем. Чешская сторона находилась в более выгодном положении, так как уже до этого контролировала головные экономические учреждения в Праге и к разделу готовилась заранее. Некоторые спорные вопросы, особенно касающиеся банковских задолженностей и депонированной в Праге словацкой части золотого запаса, оставались неразрешенными и до 1999 г., однако это не создало непреодолимых барьеров во взаимоотношениях двух государств. Появилась самостоятельная словацкая и чешская валюта, а таможенный союз позволял сохранить значительный объем обоюдной торговли.

Метод и процесс возникновения двух самостоятельных республик и их отношение друг к другу так разительно отличались от ситуации на территории бывшего Советского Союза и Югославии, что международное сообщество признало их без всяких проблем. После «бархатной» революции «бархатное» разделение обеспечило Словакии, которую за рубежом плохо знали, ценный политический капитал.

Словацкую республику сразу же признали все сопредельные страны и великие, авторитетнейшие государства. Словацкая республика как преемница Чехо-Словакии без проблем стала членом многих международных организаций, как например, ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Международный валютный фонд, Всемирный банк. Уже 19 января 1993 г. СР была принята в члены ООН как 180-е по счету государство, в июле 1993 г. стала членом Совета Европы. В октябре 1993 г. было подписано соглашение о присоединении СР к Европейскому союзу, вступающее в силу с февраля 1995 г., в 1995 г. СР стала участником программы Партнерство во имя мира, которая явилась определенной компенсацией за пока еще несвоевременное вступление некоторых посткоммунистических стран в НАТО. Отношения с Венгрией, осложненные спорами из-за гидроузла Габчикovo — Надьмарош, которые должен был разрешать Международный суд в Гааге, получили новое измерение благодаря договору, подписанному в марте 1995 г. в Париже. О международном признании Словакии говорит и участие еще с 1993 г. словацкого саперного батальона в нормализации обстановки на территории бывшей Югославии.

Экономическая ситуация была по-прежнему сложной. Кризисная кривая достигла нижнего предела в 1993 г., в 1994 г. валовая национальная продукция выросла на 4,9%, и в последующие годы рост превышал 6%, инфляция снизилась с катастрофических 61,2% в 1991 г. до 21,2% в 1993 г. и до 1997 г. стабильно держалась в пределах 6% в год, но уровень безработицы постоянно повышался. Валовая национальная

продукция только в 1998 г. приблизилась к уровню 1989 г., однако реальная заработная плата оставалась значительно ниже этого уровня. Плохое состояние экономики постоянно отражалось и на положении дел в здравоохранении, школьном образовании, в культуре и науке. Здесь наглядно проявились последствия переходного периода, когда старые механизмы управления и поддержки в рамках централизованной экономики переставали действовать, а новые, соответствующие рыночной экономике, еще только начинали создаваться. Массовая безработица, ликвидация предприятий, которые не сумели приспособиться к изменившимся условиям, поддерживали в политическом мышлении и в культуре состояние неуверенности. Поиски сильной личности, простых решений, суррогатных ответов на проблемы в виде национализма и надуманных внутренних и внешних врагов затрагивали общественное сознание гораздо сильнее, чем непосредственно после поражения коммунистической диктатуры.

Правительство Владимира Мечьяра сначала опиралось только на ДЗДС, позднее и на СНП. Когда из обеих партий вышли группы депутатов, правительство В.Мечьяра в марте 1994 г. лишилось большинства в парламенте и пало. Отколовшиеся от ДЗДС и СНП группы создали новую партию — Демократический союз (ДС), заявившую о приверженности к либеральным идеям.

Премьер-министром нового коалиционного правительства, которое составляли представители ДС, ХДД и ПДЛ и которое поддерживали и венгерские партии, стал Йозеф Моравчик из ДС. Правительство само объявило себя временным и, хотя полномочия парламента заканчивались только в 1996 г., назначило досрочные выборы на сентябрь 1994 г. ДЗДС использовало кратковременное пребывание в оппозиции на восстановление сил, к тому же помогло то обстоятельство, что новое правительство оставило в его руках ведущие средства массовой информации. На выборах 1994 г. ДЗДС получило 35% голосов, ХДД 10,1%, ДС 8,6%, Венгерская коалиция 10,2%, СНП снизилась до 5,4%. В парламент с 7,3% голосов попало и Объединение рабочих Словакии (ОРС), которое возникло как реакция левых радикалов на социал-демократическую политику ПДЛ. Последняя в коалиции с тремя другими партиями получила 10,4% голосов.

После долгих переговоров В.Мечьяру удалось сформировать правительство, которое могло иметь большинство в парламенте не ранее декабря 1994 г. Третье правительство В.Мечьяра было коалицией ДЗДС, СНП, а также ОРС, влияние которого на правительство было малозначительно. Более существенным было влияние СНП, к примеру, ее стараниями целый год откладывалась ратификация парламентом словацко-венгерского договора. После возникновения самостоятельного государства СНП свое национальное острие направляла на венгерское меньшинство, ставила под

сомнение целесообразность стремления Словацкой республики быстрее вступить в ЕС и в НАТО, хотя это входило в программу правительства. Однако обоим партнерам ДЗДС нравился энергичный стиль руководства В.Мечьяра, который после двукратного ухода с поста премьера посреди выборного периода с той же энергией взялся на этот раз капитально упрочить свои позиции. При распределении парламентских постов в ноябре 1994 г. представители оппозиции были оттеснены в малозначачие комитеты, а важные посты, контроль над органами безопасности находились только в руках коалиции. В государственных органах были произведены значительные кадровые перестановки в пользу сторонников коалиции, для укрепления ее позиций было использовано и новое, 1996 г. административно-территориальное деление государства на 8 областей и 79 районов. Точно так же и приватизация попала исключительно в руки коалиции без всякой возможности какого-либо контроля извне.

Новое правительство отказалось от купонной приватизации, каждый гражданин должен был получить компенсацию долговыми обязательствами на сумму 10 000 Sk (словацких крон), подлежащими оплате до 31 декабря 2000 г. Большинство собственности было приватизировано путем прямых продаж избранным заинтересованным лицам, причем реальные покупатели часто скрывались за созданными для этой цели компаниями. При приватизации наиболее прибыльных фабрик, земельной собственности, курортных объектов решающим было взаимодействие с правительственными структурами и банками, которые предоставляли кредиты на первый взнос. Большинство предприятий было продано гораздо ниже их реальной стоимости. Таким образом, произошло сращивание политики и экономических тузов, за несколько лет сформировался слой граждан, который располагал имуществом стоимостью в сотни миллионов и даже миллиардов крон, главным образом из рядов менеджеров предприятий и политических верхов. Образование этого нового слоя "денежных мешков" было составной частью провозглашенной ДЗДС программы. Но лишь некоторые из таких искусственно созданных по политическим соображениям собственников сумели как следует распорядиться имуществом, особенно в сложный период формирования новой экономической системы и переориентации на новые рынки. Следствием избранного метода приватизации явился весьма низкий, по сравнению с окружающими посткоммунистическими странами, приток иностранного капитала, который мог бы дать средства для инвестиций и необходимые знания для проникновения на мировые рынки. Некоторые исключения, как например, «Фольксваген» или «Сименс», показали, каких ферментов развития Словакия тем самым лишается.

Сдержанность иностранных инвесторов подкреплял и беспокойный политический климат. Ухудшалось и внешнеполитическое положение

государства, Словацкая республика оказывалась в определенной изоляции. Постепенно таяла надежда на скорое решение проблем безопасности и долговременной перспективы экономического процветания путем вступления в ряды ЕС и НАТО. С конца 1994 г. Европейский союз не раз упрекал Словакию как своего ассоциированного члена за недостатки в соблюдении демократических принципов контроля над государственной властью, особенно на парламентских выборах, над службой безопасности. ЕС критиковал и поползновения урезать права венгерского меньшинства, некорректное отношение к главе государства, когда правительственная коалиция систематически и недопустимыми методами пыталась досрочно сместить Михала Ковача с поста президента. Вызывала опасения и бесконтрольная приватизация, при которой даже стратегические экономические объекты, как например, «Нафта Гбели», попали неизвестно в чьи руки за бесценок. Вызывала сомнения искренность попыток добиться приема Словакии в европейские структуры, потому что на ключевые посты по его подготовке были назначены сторонники СНП. Некоторые высказывания и действия представителей правительства внушали подозрение, что оно держит про запас и вторую, «российскую» карту. Вследствие этого Словацкую республику, в отличие от соседних Польши, Венгрии и Чехии, в 1995—1997 гг. постепенно исключили из списка первоочередных кандидатов на вступление в НАТО и в Европейский союз.

Оппозиция, кроме непрозрачной приватизации, коррупции и политического протекционизма, критиковала правительство за отсутствие концепции экономического развития, когда за благополучными макроэкономическими выкладками скрывается жизнь в долг. Внешняя задолженность СР выросла с 4,3 млрд долларов в 1994 г. до 11,9 млрд по состоянию на сентябрь 1998 г. Лишь часть заёмных средств была использована продуктивно, главным образом на инвестиции с длительным сроком окупаемости, в частности, в строительство автомагистралей. Стремительно рос дефицит во внешней торговле, углублялся кризис в таких чувствительных для всех областях, как здравоохранение, школьное образование.

Политический кризис 1998 г. проявился в том, что после истечения срока полномочий М.Ковача несколько попыток парламента избрать нового президента закончились неудачей. Коалиция старалась поднять свои шансы на выборах с помощью таких поправок к закону о выборах в парламент и в муниципалитеты, которые существенно ущемляли выборные коалиции. Оппозиция ответила созданием партии Словацкая демократическая коалиция (СДК) и Партии венгерской коалиции (ПВК). Как реакция на обострение обстановки на политической сцене возникла новая Партия гражданского согласия (ПГС) под руководством Рудольфа Шустера.

На выборах в парламент в ноябре 1998 г. 5% -ный порог преодолели шесть партий. Крупнейшей партией осталось ДЗДС с 27% голосов, СДК

получила 26,34%, ПДЛ 14,6%, ПВК 9,1%, СНП 9% и ПГС 8%. В Мечьяру не удалось сформировать правительство, в декабре 1998 г. было сформировано правительство Микулаша Дзуринды. Образовалась и коалиция четырех партий — СДК, ПВК, ПДЛ и ПГС, причем к СДК присоединились, кроме ХДД, ДС и ДП, еще и небольшая социал-демократическая партия и партия зеленых, а ПВК образовалась путем слияния трех партий. Такая действительно широкая коалиция располагала в парламенте 93 голосами, что обеспечивало ей, в отличие от предыдущих правительств, конституционное большинство, а, следовательно, и больший простор для маневра при принятии решений. Новая коалиция имела количественный перевес и на муниципальных выборах в декабре 1998 г. В мае 1999 г. прямым голосованием граждан президентом республики был избран Рудольф Шустер.

Заключение

Основополагающие проблемы словацкой истории и историографии

Историческое развитие Словакии всегда было обусловлено, помимо прочего, двумя главными обстоятельствами, которые научной историографии и исторической публицистике приходилось учитывать в прошлом и настоящем. Первым было отсутствие самостоятельного (т. е. собственного) национального государства. Словацкий народ во все время своего существования развивался в рамках многонационального венгерского государства. Этот факт исключал возможность разрабатывать концепцию словацкой истории в общепринятом историографическом плане, т. е. проследить национальную эволюцию в естественных рамках собственной государственности. Следовательно, первоочередным для словацкой истории является вопрос, что подразумевается под историей народа, который находился в одном государстве вместе с другими народами, точнее сказать, это проблема истории Словакии в контексте истории Венгрии.

Вторая принципиальная проблема связана с тем обстоятельством, что с древнейших времен Словакия вследствие своего географического положения находилась на стыке двух различных, нередко полярных миров. Поиски места Словакии между Востоком и Западом являются в общей исторической перспективе проблемой геополитической; иными словами, это проблема истории Словакии в центрально-европейском контексте. Этим двум узловым проблемам посвящена заключительная глава.

I. История Словакии в контексте истории Венгрии

Словацкая историография с первых своих шагов (конец XIX — начало XX веков) напряженно размышляла над концепцией словацкой истории. Причем ее разработка, что важно отметить, рассматривалась не как чисто академическая задача, а как насущный компонент словацких национально-освободительных устремлений. Поставленную задачу словацкая историография в принципе решала двояким способом. С известной долей упрощения он сводится к дилемме: Словацкая история как исто-

рия народа без государства и помимо государства или История Словакии как история территории со специфическим и своего рода автономным положением, на которой развивался словацкий народ.

Уже в самом начале историографических опытов сформировались два принципиальных подхода, — из них словацкая философия истории станет исходить, их будет развивать, комбинировать, но от них в сущности никогда не отойдет.

Главным сторонником и проводником первой концепции был непрофессиональный историк, основоположник современной историографии, католический священник Франтишек Витязослав Сасинец (1830—1914). В основу оригинальной, самодовлеющей (отличающейся от других) словацкой истории Сасинца был положен территориальный принцип. Земли, на которых словаки и их пращуры жили с незапамятных времен, изначально составляли гомогенное автономное целое. В IX веке это была Великоморавская держава (восточная, словацкая часть которой располагалась на землях современной Словакии). Однако для Сасинца было очевидно, что обращение к Великой Моравии как единственной отправной точке словацкой истории в большой мере является проблематичным: ее существование было слишком кратким (примерно около полувека), и в этническом смысле она не была государством словаков. Словацкая народность возникла из великоморавского этноса лишь в процессе последующего развития. Поэтому Сасинец рассматривал Великую Моравию скорее как особое государственно-политическое образование, которое послужило истоком словацкой истории. Особого рода территориальная автономия, в рамках которой впоследствии развивался словацкий народ, по мнению Сасинца, продолжилась и в средневековье. После включения в Венгерское государство территория Словакии стала удельным княжеством с собственным князем, а стало быть, и с определенной самостоятельностью. Хотя институт удельного княжества в Венгрии (как и повсюду в Западной Европе) относился к окраинным землям государства и не носил характера автономности определенной территории в этническом смысле, Сасинец в связи с историческим развитием Словакии считал и расценивал его как самостоятельное (в этническом и политическом плане) словацкое княжество. В его глазах словацкое удельное княжество было носителем словацких государственно-правовых принципов в рамках средневековой Венгрии. (Об этом прежде всего свидетельствует его «История венгерского королевства» I. Банска Быстрица, 1870). Самобытное и автономное развитие Словакии, основанное на территориальном принципе, по мнению Сасинца, достигло своей кульминации в период раздробленности Венгерского королевства в XIV веке. В период войн и суверенного могущества олигархических родов венгерской аристократии, враждебно настроенной против центральной королевской власти, по

всей Венгрии образуются домены (владения) магнатов, которые стремятся к возможно большей автономии и независимости от центральной королевской власти. Одной из таких территорий являлась и «держава» Матуша Чака, которая большей частью располагалась на территории современной Словакии. Матуш Чак проводил самостоятельную внешнюю политику, вел себя как независимый властелин (правитель), чеканил собственную монету. Сасинек рассматривал Матуша не в ряду аналогичных явлений в общевенгерском контексте его эпохи, а подчеркивая словацкое происхождение и образ мыслей самого Матуша Чака, считал существование этого владения исключительно словацким феноменом, подтверждающим опять-таки традицию словацкой суверенности (о чем говорит его «Краткая история Венгрии» П. Турчанский Св. Мартин, 1912). Равным образом и действия гуситских войск, и особенно чешского военачальника гуситов Яна Искру из Брандиса в XV веке, который боролся против новоизбранного венгерского короля за интересы законного малолетнего наследника трона и при этом вооруженным путем завладел значительной частью словацкой территории, Сасинек истолковывал как восстановление политической самостоятельности Словакии.

Несмотря на то, что Сасинек написал далеко не всю историю Словакии, ограничившись эпохой средневековья, его концепция самобытной словацкой истории и без того очевидна: она опирается на два краеугольных камня — принцип территориальный и национальный (существование самостоятельного народа на исконной собственной земле проживания) и принцип двоякой преемственности — словацкий народ с незапамятных времен жил на своей территории и сохранил сознание, непрерывность и традицию великоморавской государственности. При всем том, однако, Ф.В.Сасинек сознает и однозначно включает словацкую историю в территориальный и политический контекст истории Венгрии.

Вторую концепцию самобытного исторического развития словаков представил Юлиус Ботто (1849—1928), по профессии адвокат. Ю.Ботто демонстрирует иное понимание словацкой истории. Главным исходным моментом для него служит великоморавский период, который он считает основополагающей вехой словацкой истории. Однако для Ботто словацкая история является почти исключительно историей словаков, словацкого народа. Характерно в этом смысле и название его главного труда («Словаки. Развитие их национального возрождения». Турчанский Св. Мартин, 1906). Подобное понимание словацкой истории — с упором на явления национальной жизни — требует акцентирования других событий и фактов, чем те, которые выдвигал Сасинек. Проследить и уяснить концепцию Ботто помогает то обстоятельство, что он довел описание истории Словакии до середины XIX в. Периоду удельного княжества он, в отличие от Сасинека, не придавал значения важного этапа словацкой

истории. В эпохе между падением Великой Моравии (IX в.) и национальным возрождением (конец XVIII в.) его внимание привлекло только вторжение гуситских (чешских) войск в Венгрию и в Словакию (XV в.). Сравнительно проходной факт, косвенно относящийся к словацкой истории, Ботто особо выделил для того, чтобы продемонстрировать первые признаки пробуждающегося национального самосознания и этнической принадлежности словаков: пребывание представителей родственного, близкого по языку народа на территории Словакии, по мнению Ботто, но и на самом деле, оживило и поддержало употребление словакизованного чешского языка в рамках словацкой (особенно городской) общины. Если для Сасинека пребывание чешских гуситских войск являлось фактом прежде всего политического характера (оно способствовало восстановлению самостоятельности Словакии), то для Ботто это был факт заведомо культурного или культурно-политического значения: он стимулировал процесс становления национального самосознания. Следующим важным моментом, согласно пониманию словацкой истории Ботто, стало национальное возрождение (с конца XVIII в.) и весь последующий период словацкой истории. Содержание этого периода он видел в усилиях словацкого народа (нации) и представителей словацкой интеллигенции достичь повышения статуса словацкого языка, формирования национального сознания, подъема культуры. В середине XIX в. все это вылилось в попытки добиться определенного автономного государственно-правового положения Словакии в рамках Австро-Венгрии.

В отличие от Сасинека, представленная Ботто концепция самобытности словацкой истории зиждится на двух других основаниях: на принципе национального отличия и специфики национального развития (причем государственный и территориальный момент не подчеркивается) и на принципе прерывности. Там, где Ботто не находит свидетельств национального движения, национального сознания, проявлений национальной жизни, он рассказывает об истории Словакии очень коротко или совершенно обходит целые отрезки истории.

Для выработки концепции и выявления смысла словацкой истории большое значение имеет программное выступление выдающегося словацкого историка Даниэла Рапанта (1896—1988) «Чехословацкая история» (в книге «С древности до наших дней». Прага, 1930, с. 531—566). Несмотря на то, что это было выступление в полемике, по конкретному поводу, его значение для словацкой историографии трудно переоценить, хотя до сих пор ему не уделялось достаточного внимания. Это было время, когда после возникновения общего государства чехов и словаков шли поиски оптимального варианта — концепции истории обоих народов. В противоположность взглядам тех, кто старался провести антиисторическую концепцию единой чехословацкой истории, т. е. сблизить и рас-

смаатривать словацкую и чешскую историю под одинаковым углом зрения, выделяя в прошлом то, что их объединяло, Д.Рапант представил концепцию, соответствующую логике истории. Согласно этой концепции, сопряжение словацкой (а значит, в том числе части венгерской) и чешской истории неорганично и неисторично. У словаков и чехов в прошлом разные судьбы, при работе над словацкой историей необходимо исходить из национального принципа. Хотя акцент делался на национальном принципе, в интерпретации Рапанта за ним присутствовал не высказанный и другой принцип: кровная связь Словакии и словацкой истории с историей Венгрии.

Таким образом, в концепции Рапанта подспудно выражен синтез двух предыдущих, кажущихся противоположными концепций. С одной стороны, можно исследовать развитие словацкого народа на территории его исконного проживания. Эта территория одновременно является органической составной частью Венгерского королевства, а не только неким специфическим автономным, оторванным от остальной территории государства субъектом (как это понимается Ф.В.Сасинеком). С другой стороны, исследование национального развития увязано с иными явлениями и событиями, и тем самым национальная история не вырвана из естественного венгерского контекста (как это получается у Ботто). Итак, концепция словацкой истории, опирающаяся на идеи Д.Рапанта, позволяет исключить односторонности концепций Ф.В.Сасиника и Ю.Ботто, аннулирует воображаемую дилемму «История Словакии или Словацкая история» и дает возможность рассматривать словацкий исторический процесс в обоих измерениях, во всей его широте и дифференцированности. Словацкая историография в своих исследованиях постепенно и не без труда пришла к этому после второй мировой войны и стремится воплотить эту концепцию в данной книге.

2. История Словакии в центрально-европейском контексте: Словацкая история как геополитическая проблема

Однако «Словацкая история», или «История Словакии», заключает в себе и принципиальную проблему историко-геополитического характера, которая в последнее время всплывает в прямой форме или в подтексте не только в словацкой историографии, но главным образом в публицистике. И эту проблему в упрощенном виде можно сформулировать как дилемму: Словакия и ее история по своему историческому и культурному развитию однозначно является органической составной частью западной (латинской) цивилизации, или же она представляет собой некое спе-

цифически сформированное образование, в котором органично сочетаются черты восточной и западной цивилизации. Соответственно вторая часть дилеммы рождает феноменальное представление, что Словакия — это именно та страна и тот культурный ареал, который является мостом между Востоком и Западом. Вывод о безусловной принадлежности Словакии к западно-европейской цивилизации зиждется на казалось бы очевидных и неопровержимых фактах: письменность и культура Словакии вплоть до начала национального возрождения была латинской, в конфессиональном отношении преобладающая часть населения по составу вполне соотносится с остальной Западной Европой, общий характер культуры, обычаи, система школьного образования аналогичны западному окружению и главное — сама принадлежность Словакии к государствам, которые по своей природе относятся к категории западных стран.

Представление о Словакии как о мосте или точке пересечения цивилизаций — именно потому, что оно не столь очевидно и не бесспорно, — исходит прежде всего из двух основных предпосылок. Первый аргумент носит чисто географический характер, который к тому же не подлежит сомнению и согласно которому как раз в Словакии находится географический центр Европы. При всей проблематичности этой аргументации ее смысл прозрачен: она наводит на мысль об исключительной роли Словакии как географического (или геополитического) пространства с собой и в некотором роде уникальной миссией в европейском мире.

Той же идеей исключительности положения Словакии пронизана и вторая, как будто бы гораздо более убедительно и реально обоснованная аргументация исторического плана. Она исходит из исторического факта — существования Великоморавской державы и миссии Кирилла и Мефодия, просветительская деятельность которых преобразуется в идеологизирующую национальную традицию, без труда приобретающую символический характер. Значение этой традиции в наши дни определяется тремя аспектами. В чисто политическом смысле деятельность Кирилла и Мефодия связана с существованием первого словацкого государственного образования. В культурно-политическом плане самым главным в их наследии является тот факт, что их деятельность хотя и возникла на восточной (византийской) почве, тем не менее сумела приспособиться к Западу: символом этого приспособления является византийский монах Мефодий, ставший архиепископом римской церковной паннонско-моравской провинции. В культурном отношении наследие Константина и Мефодия становится ярко выраженным свидетельством симбиоза восточных и западных элементов, что проявилось в религиозном обряде, в литературе, искусстве и архитектуре.

Сущность подобным образом оформленной традиции в большинстве ее проявлений и видов составляет идея синкретизма, взаимопереплете-

ние, взаимовлияние и сосуществование разнородных ценностей, причем этот синкретизм в пространственно-временном смысле понимается как ценность уникального, исключительного характера, возникшая на великоморавской (словацкой) территории в IX веке. Однако синкретизирующую роль миссии Кирилла и Мефодия нельзя переоценивать и делать из нее далеко идущие выводы и умозаключения. Суть кирилло-мефодиевской традиции состоит в непрерывности сохранения исходного наследия их миссии и в ее адаптации к западным нормам и обычаям. Эта адаптация была настолько основательной, что нисколько не нарушила принадлежность Словакии к латинской церкви и культуре, но с другой стороны, позволила ей воспринять и усвоить лучшее из восточной культуры.

Синкретизирующая роль Кирилло-Мефодиевской миссии, призванной соединить Восток с Западом (если предположить, что у нее было такое намерение), явно не удалась, так как не соответствовала представлениям Запада, причем не только франкского клира, но и папской курии. Об этом неопровержимо свидетельствует общеизвестный, но не всегда достаточно акцентируемый факт: после смерти Мефодия папа запретил дальнейшую деятельность миссии. Таким образом, словацкая традиция восприняла из кирилло-мефодиевского наследия то, чем оно являлось лишь в малой степени, на чем оно потерпело неудачу, т. е. его синкретический характер.

Как бы мы ни оценивали кирилло-мефодиевское наследие и протекающую из него традицию, нельзя не признать, что подчеркивание ее роли в словацкой истории оставляет в тени другую возможную и тоже вытекающую из исторического развития традицию, которая вместо категории исключительности географического положения Словакии выдвигает принцип ее геополитической принадлежности к более широкому и исторически более многозначному восточному региону Центральной Европы. Ведь не только Словакия находится в таком исключительном географическом положении, но и Центральная, или восточный регион Центральной Европы в целом, куда входит и Словакия, является тем пространством, на котором протекал процесс синкретизации. Этому региону с древнейших времен присущи типологически общие эволюционные черты, которые придают восточной части Центральной Европы срединный характер не в географическом смысле, как мост между Востоком и Западом, а как особый, специфический регион, отличающийся от сопредельных западного и восточного регионов. Центральная Европа является не географическим понятием, в значении «средняя часть, центр»; она становится культурно-геополитическим понятием скорее в значении самобытности. Это пространство, — куда естественной составляющей входит и Словакия, — как органичный геополитический регион начинает заявлять о себе в зрелом средневековье. До этого здесь доминировало

разъединение, причем разъединенность в значительной мере была обусловлена и географическими факторами. Дунай в своем среднем течении являлся не только связующим звеном между юго-востоком и западом, но в те времена, в античную и раннесредневековую эпохи, он служил главным образом границей, разделяющей два мира: в эпоху Древнего Рима он отделял друг от друга развитую античную цивилизацию от варварских племен севернее Дуная, а на пороге средневековья — мир вторгающихся кочевых племен (гуннов, аваров) от оседлого славянского мира. Но и тогда не существовало абсолютной изолированности: как в древнеримскую, так и в раннесредневековую эпоху неизбежно начинается взаимопроникновение, взаимовлияние обоих миров. Процесс обоюдной приспособляемости между римлянами и германцами, между славянами и аварами совершался гораздо интенсивнее, глубже, органичнее, чем подобные процессы в другой среде. С возникновением сравнительно больших и стабильных государственных образований (Великая Моравия, Венгерское государство) угасает и это относительное противостояние, и характерной особенностью этого региона становится стабильное проживание друг подле друга многих народов, культур, в последствии — конфессий с крепнущей тенденцией к взаимному сосуществованию. Формируется наднациональное венгерское государство, продолжением которого является и Габсбургская монархия как многонациональное государство в отличие от государственных образований на востоке и на западе, строившихся на ярко выраженном этническом объединительном принципе.

С начала средневековья самобытность этого региона проявляется несколькими специфическими особенностями. К наиболее заметным из них относится и выше упомянутый синкретизм, иногда присваиваемый в качестве уникальной черты кирилло-мефодиевской миссии (в культурном смысле слова) и территории Великой Моравии или Словакии (в географическом смысле). В результате более детального исследования можно с удивлением обнаружить, что этот синкретизм в качестве доминирующей особенности проявляется в то же время или несколько позднее в восточной части Центральной Европы (Чехия, Венгрия, Польша), то есть в более широком геополитическом контексте. Элементы восточной (византийской) культуры пробиваются сквозь западную культурную подоснову и с разной интенсивностью дают себя знать в литургии, образовании, искусстве и других областях культуры.

Итак, поскольку синкретизм — сплав восточных и западных элементов — можно считать отличительной чертой и функцией культуры и территории, расположенной в «середине», «между», то, следовательно, эта территория, эта «середина» начинает с указанной перспективы приобретать иной характер: это уже не обозначенное четкими границами

образование в географическом центре Европы, а скорее не совсем определенное и с течением времени меняющееся геополитическое и культурное пространство, «Центрально-Восточная» Европа.

На пороге Нового времени в этом регионе произошли две принципиальных трансформации, каждая из которых по-своему укрепила его органическую целостность, и обе придали культурно-историческому развитию более или менее единый характер. Первая связана с возникновением Габсбургской монархии: значительная часть Центральной Европы (ее восточный регион как целое) стала составляющей одного и того же государственного образования. Совместное проживание многих центрально-европейских народов с народами Балканского полуострова (Хорватия, часть Сербии) и восточной Европы (Галиция, Волынь) на протяжении четырех веков существования Габсбургской монархии не только создавало предпосылки для политического и культурного развития в одном направлении, но и придавало входящим в этот государственный конгломерат землям несомненные признаки региона, расположенного на стыке двух европейских миров. Специфичность местоположения восточной части Центральной Европы особенно ощутимо проявилась накануне Нового времени. Восточной части Центральной Европы с начала XVI в. до начала XVIII в. угрожала опасность турецкой экспансии, которая затронула самые основы территории и цивилизации Центральной Европы. Турецкая угроза способствовала интеграционным стремлениям и тенденциям Центральной Европы, которая как целое в меньшей (Польша, Чехия) или большей степени (Венгрия и в ее рамках Словакия) действительно испытала ее на себе. Центральная Европа (в данном случае прежде всего Словакия) в этом процессе вновь сыграла свою традиционную роль межкультурного пространства, на котором не только совершались междоусобные военные действия и битвы, но где приходили в соприкосновение два мира — Словакия выступала в этой роли особенно интенсивно по сравнению с остальными частями центрально-европейского региона. Но благодаря тому, что на ее территорию временно переместились все важнейшие венгерские институты, она одновременно сохранила преемственность политического и культурного развития. Двоякая роль Словакии в данную эпоху и в данном процессе является типично центрально-европейским феноменом как с геополитической точки зрения (соприкосновение двух миров), так и с культурно-исторической (сохранение собственной идентичности). Подобные задачи решали и Венгрия, и Австрия, север Балкан (Хорватия) и Польша. (Характерно, что Вену в 1683 г. вызволил из турецкой осады польский король Ян Собеский).

Турецкая опасность на время как бы сузила рамки Центральной Европы, вычтя из нее восточную часть. Последующий важный процесс, Реформация, реинтегрировал восточную часть Центральной Европы вме-

сте со Словакией в более широкий геополитический регион. Центральная Европа как более или менее гомогенное целое решала проблему Реформации в сущности снова единообразно и по-своему. Ведь в остальных частях Европы судьбы Реформации складывались весьма драматично и, почти как правило, решались однозначно: Реформация или полностью побеждала, или была подавлена. В Центральной Европе, напротив, после длительного периода борьбы установился определенный модус вивенди, который сделал возможным сосуществование двух вероисповеданий — католического и протестантского, продолжающееся до наших дней и ставшее характерной особенностью центрально-европейской религиозной жизни. Принцип культурного и религиозного сосуществования, восходящий к древней центрально-европейской традиции, победил и на этот раз.

Между прочим, примером этой терпимости может служить история анабаптистов (перекрещенцев), радикальной секты Реформации с социальной подкладкой: вынужденные уйти из немецких областей, а впоследствии и из Моравии, они нашли прибежище в юго-западной Словакии. Здесь они были снова обращены в католичество только в конце XVII — начале XVIII вв. Тем самым небольшая область Центральной Европы, пусть и на короткое время, доказала возможность совместимости нескольких конфессий.

На востоке Европы опыт религиозного сосуществования проявился и в еще одном конфликте. Православное население в польско-литовском государстве согласилось пойти на унию (объединение) с Римом в 1596 г. в Брест-Литовске, а православные на территории Габсбургской монархии сделали это на сейме 1649 г. в Ужгороде. Суть унии заключалась в том, что бывшие православные признавали папу главой церкви, и за это им было разрешено по-прежнему совершать богослужение по восточному обряду на церковнославянском языке. Разделение церкви на православную (ортодоксную, традиционную) и греко-католическую (униатскую, новую) привело к созданию новой церковно-административной и правовой базы в польских и габсбургских — восточных — областях, отличавшейся в принципе взаимным уважением обеих церквей и обрядов.

В XVII и XVIII вв. в некоторых частях Габсбургской монархии начали заявлять о себе тенденции к акцетированию определенной самостоятельности или автономности этих составляющих империи (в Венгрии и в Словакии это были прежде всего сословные восстания) как процесс, сопровождающий движение Реформации. Эти устремления вызвали противодействие, направленное на усиление централизации империи. Оно происходило в контексте эпохи Просвещения и вылилось в образование абсолютной монархии, т. е. привело к неограниченной власти императора в Габсбургской монархии. Однако с другой стороны, просвещенный абсолютизм своим новым мышлением и упором на просвещение и обра-

зованность, которые он в интересах дальнейшего подъема и процветания государства считал необходимым предоставить и более широким слоям, открыл дорогу повышению национального самосознания, дал толчок процессу национального возрождения и культурной эмансипации. В результате у отдельных народов Габсбургской монархии в XIX в. происходит поворот к собственной национальной культуре, ее возрождение и развитие. Процесс национального возрождения в Центрально-Восточной Европе не отличается какими-либо особыми, специфическими чертами по сравнению с другими областями Европы, однако его оформление в определенном смысле все-таки специфично, характерно для всех «малых» стран и народов этого региона. «Малые» народы Центральной Европы (за исключением Польши) пришли к требованию собственной государственности сравнительно поздно и как бы кружным путем. Подобное движение у отдельных народов Центральной Европы происходило по-разному. Чехи подошли к идее собственной государственности через теорию австро-славизма, т. е. через принцип определенной политической самостоятельности в рамках многонациональной монархии; венгры в XIX в. довели дело до дуализма Австро-Венгрии, возникшей на месте единой централизованной Габсбургской монархии; в Словакии родилось требование создания относительно автономного национального языкового и культурного анклава в рамках Венгрии.

Таким образом, в Словакии проходил один из важнейших исторических процессов нового времени, в соответствии с подобными процессами в остальных частях центрально-европейского региона. Эти процессы государственно-правового обособления достигли кульминации в 1918 г. после распада Австро-Венгрии, т. е. примерно на столетия позже, чем при возникновении национальных государств в остальной Европе. Центральная Европа приблизилась к стандартному типу государственно-правового устройства. Потому лишь «приблизилась», что модель национального государства не была реализована полностью: возникали и многонациональные государства — Чехословакия, Югославия. Поскольку и в наши дни здесь появляются самостоятельные государства и деление многонациональных государств происходит последовательно на основе национального принципа, то это явление следует считать запоздалой реализацией стремлений, которые в этом геополитическом пространстве начали проявляться у центрально-европейских народов еще в XIX веке.

С конца 30-х годов специфичность исторического и культурного развития в восточной части Центральной Европы, а в ее рамках и Словакии, вследствие драматических событий оказалась под серьезной угрозой. Война и последовавший затем политико-силовой диктат Советского Союза, образование СЭВ (в экономике) и Варшавского договора (в военно-стратегическом плане), тесно связавшие этот регион с Восточной и Юго-

Восточной Европой, подрывали экзистенциальные основы Центрально-Восточной Европы, которая как бы катилась к своему закату и отмиранию. И если в наши дни, спустя полвека, можно говорить о воскрешении духа Центрально-Восточной Европы, то он проявляется уже в гораздо меньшей мере (попытки создания группировки центрально-европейских государств в Вишеградской четверке и другие центрально-европейские инициативы), растворяясь скорее в идее паневропеизма.

Александр Авенариус

Географическое приложение:

Венгерские и немецкие аналоги наиболее часто встречающихся в тексте словацких географических названий

<i>по-словацки</i>	<i>по-венгерски</i>	<i>по-немецки</i>
Абов	Абауй	Нойзоль
Банска Быстрица	Бестецебана	Шемниц
Банска Штявница	Шелмецбана	Бартфельд
Бардеёв	Бартфа	Прессбург
Братислава	Пожонь	Гёмёр
Гемер	Гёмёр	Хонт
Гонт	Хонт	Гран
Грон	Гарам	Зилляйн
Жилина	Жолна	Альтзоль
Зволен	Зойом	Земплен
Земплин	Земплен	Кэсмарк
Кежмарок	Кешмарк	Коморн
Комарно	Комаром	Каппшау
Кошице	Каппша	Кремниц
Кремница	Кёрмёцбана	Карпфен
Крупина	Корпона	Левенц
Левице	Лева	Лёчау
Левоча	Лёче	Санкт-Николаус
Липтовски-Микулаш	Липтосентмиклош	Турц-Санкт-Мартин
Мартин	Туроцсентмартон	Блауэнштайн
Модры Камень	Кеккё	Нойтра
Нитра	Нитра	Нойхойзль
Нове Замки	Эршекуйвар	Нойград
Новоград	Ноград	Арва
Орава	Арва	Прешау
Прешов	Эперьеш	Цебен
Сабинов	Кишсебен	Шкалиц
Скалица	Сакольца	

Спиш	Сепеш	Ципс
Теков	Барш	Барш
Тренчин	Тренчен	Тренчин
Трнава	Надьсомбат	Тырнау
Турьец	Туроц	Турц
Филяково	Фюлек	Филек
Шариш	Шарош	Шарош
Шурани	Надьпурань	Суран / Шуран

Библиография

1. Библиографии, энциклопедии, справочные издания

A GUIDE to Historiography in Slovakia. Zost. Elena Mannová.— David P. Daniel. In: *Studia historica Slovaca* 20. Bratislava 1995

BIBLIOGRAFIA k dejinám Slovenska. (Literatúra vydaná do roku 1965.) Zost. Vendelín Jankovič — Anna Škorupová. Bratislava 1997

BIBLIOGRAPHIE chronologique de l' historiographie slovaque. Activité des années 1960—1977. In: *Studia historica Slovaca* 11. Bratislava 1980

CHAPTERS from the Slovak Historiography till 1918. In: *Studia historica Slovaca* 13. Bratislava 1984

ENCYKLOPÉDIA archeológie. Zost. Bohuslav Novotný. Bratislava 1986

ENCYKLOPÉDIA ľudovej kultúry Slovenska I.-II. Zost. Ján Botík.— Peter Slavkovský. Bratislava 1995

ENCYKLOPÉDIA Slovenska I.-VI. Bratislava 1977—1992

ETNOGRAFICKÝ atlas Slovenska. Zost. Sora Kovačevićová. Bratislava 1990

HISTORIOGRAFIA na Slovensku 1990—1994. Výberová bibliografia. Zost. Alžbeta Sedliaková. Bratislava 1995

LEXIKÓN slovenských dejín. Zost. Dušan Škvarna. Bratislava 1997

KIRSCHBAUM, Stanislav J.: Historical Dictionary of Slovakia. In: *European*

Historical Dictionaries 31. Lanham-London 1999

MAGOSI, Paul Robert: Historical Atlas of East Central Europe. Toronto 1993

MAJTÁN, Milan: Názvy obcí Slovenskej republiky (Vývin v rokoch 1773—1997). Bratislava 1998

SLOVAKIA and the Slovaks. A Concise Encyklopedia. Zost.: Milan Strhan — David P. Daniel. Bratislava 1994

SLOVENSKÁ historiografia 1995—1999. Výberová bibliografia. Slovak Historiography 1995—1999. Selected Bibliography. Zost. Alžbeta Sedliaková. Bratislava 2000

SLOVENSKÝ biografický slovník. I.-VI. Martin 1986—1994

VLASTIVEDNÝ slovník obcí. I.-III. Bratislava 1977—1978

VRTEL, Ladislav: Osem storočí slovenskej heraldiky. Eight Centuries of the Slovak Heraldry. Martin 1999

2. Обзорные издания по истории Словакии

BOKES, František: Dejiny Slovákov a Slovenska od najstarších čias až po prítomnosť. Bratislava 1946

BOTTO, Július: Slováci. Vývin ich národného povedomia. Bratislava ¹1971

DEJINY Slovenska I. Od najstarších čias do roku 1848. Zost. Ľudovít Holotík — Ján Tibenský. Bratislava, Slovenská akadémia vied 1961; II. Od roku 1848 do roku 1900. Zost. Július Mésároš. Bratislava 1968

DEJINY Slovenska I. (Do roku 1526). Zost. Richard Marsina. Bratislava 1986; II. (1526—1848). Zost. Vladimír Matula — Jozef Vozár. Bratislava, Veda 1987; III. (Od roku 1848 do konca 19. storočia). Zost. Milan Podrimavský. Bratislava 1992; IV. (Od konca 19. storočia do roku 1918). Zost. Pavel Hapák. Bratislava 1986; V. (1918—1945). Zost. Miroslav Kropilák. Bratislava 1985; VI. (1945—1960). Zost. Michal Barnovský. Bratislava 1988

DEJINY Slovenska. Dušan Čaplovič — Viliam Čičaj — Dušan Kováč — Ľubomír Lipták — Ján Lukačka. Bratislava, Academic Electronic Press 2000

DEJINY slovenskej hudby od najstarších čias po súčasnosť. Zost. Oskár Elschek. Bratislava 1996

KIRSCHBAUM, Stanislav J.: A History of Slovakia. The Struggle for Survival. New York 1995

KONTLER, László: Millenium in Central Europe. A History of Hungary. Budapest 1999

KOVÁČ, Dušan: Dejiny Slovenska. Praha 1998

LETTRICH, Jozef: History of Modern Slovakia. New York 1955

LIPTÁK, Ľubomír: Petite histoire de la Slovaquie. Paris 1996

PAULINY, Eugen: Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Bratislava 1983

PETRUF, Pavol: Que sais-je? La Slovaquie. Paris 1998

RAPANT, Daniel: Československé dejiny. Problémy a metody. In: Od pravmku k dnešku II. Praha 1930, s. 531-563

SASINEK, František Vítázoslav: Dejiny kráľovstva Uhorského. I. Banská Bystrica 1869; II. Turčiansky Sv. Martin 1871

SASINEK, František Vítázoslav: Stručný dejepis Uhorska. I.-III. Turčiansky Sv. Martin 1912—1913.

SLOVENSKÉ dejiny. Richard Marsina — Viliam Čičaj — Dušan Kováč — Ľubomír Lipták. Martin, Matica slovenská [1992]

SLOVENSKO - Dejiny. Zost. Ján Tibenský. Bratislava ¹1971, ²1978

SUGAR, Peter F. — HANÁK, Péter — FRANK, Tibor: A History of Hungary. Bloomington-Indianapolis 1990

ŠMATLÁK, Stanislav: Dejiny slovenskej literatúry. I. (9.—18. st.) Bratislava ²1997; II. (19. stor. a prvá polovica 20. stor.) Bratislava ²1999

ŠPIESZ, Anton Ořčá: Dejiny Slovenska na ceste k sebauvedomeniu. Bratislava 1992

TIBENSKÝ, Ján: Dejiny vedy a techniky na Slovensku. Martin 1979

TIBENSKÝ, Ján: Priekopníci vedy a techniky na Slovensku. I.-III. Bratislava 1986—1999

VOJENSKÉ dejiny Slovenska. I. Stručný náčrt do roku 1526. Zost. Bohuš Klein — Alexander Ruttkay — Richard Marsina. Bratislava 1994; II. 1526—1711. Zost. Vojtech Dangl — Vojtech Kopčan. Bratislava 1995; III. 1711—1918. Zost. Vojtech Dangl — Vladimír Segeš. Bratislava 1996; IV. 1914—1939. Zost. Marián Hronský — Anna Krivá — Miloslav Čaplovič. Bratislava [1996]

ZUBERCOVÁ, Magdaléna M.: Tisícročie módy (Z dejín odievania na Slovensku) Martin 1988

3. Древнейший период до 13 века

Источники

ANNALES Altahenses maiores, recognovit Edmundus L. B. ab Oefele. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae historicis recusi. Hannoverae 1890

AZ ÁRPÁD-KORI magyar történet bizanci forrásai [Byzantské pramene uhorských dejín v dobe Arpádovcov]. Ed. Gyula Moravcsik. Budapest 1988

A SZENT ISTVÁN, Szent László és Kálmán korabeli törvények és zsinati határozatok forrásai [Zákony a synodálne uznesenia doby sv. Štefana, sv. Ladislava a Kolomana]. Ed. László Závodszy. Budapest 1904

BEITR/DGE zur ältesten Besiedlung der Slowakei. Zost. Vincent Sedlák. In: Studia historica Slovaca 18. Bratislava 1994

CODEX diplomaticus et epistolaris Slovaciae I.-II. Ed. Richard Marsina. Bratislava 1971, 1987

CONVERSIO Bagoariorum et Carantanorum. Das Weißbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantanien und Pannonien. Ed. Herwig Wolfram. Wien-Köln-Graz 1979

COSMAE Pragensis Chronica Boemorum. Ed. Bertold Bretholz. Monumenta Germaniae historica, Scriptores rerum Germanicarum nova series II. Berolini 1923

Diplomata Hungariae antiquissima I. Ed. Georgius Györffy. Budapestini 1992

LEGENDY a kroniky koruny uherské. Preložili Jana Nechutová - Dagmar Bartorková. Ed. Richard Pražák. Praha 1988

MAGNAE Moraviae fontes historici I.-V. Praha-Brno 1966, Brno 1967, 1969, 1971, 1977

SCRIPTORES rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum I-II. Ed. Emericus Szentpétery. Budapest 1937, 1938

Литература

AVENARIUS, Alexander: Die Awaren in Europa. Amsterdam-Bratislava 1974

DOBIÁŠ, Josef: Dmžiny československého území před vystoupením Slovanů, Praha 1964

FUSEK, Gabriel: Slovensko vo včasnოსlovenskom období. Nitra 1994

FÜGEDI, Erik: Ispánok, bárók, kiskirályok. A középkori magyar arisztokrácia fejlődése [Župani, baróni, malí králi. Vývin stredovekej uhorskej aristokracie]. Budapest 1986

GYÖRFFY, György: Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza [Historický zemepis Uhorska v dobe Arpádovcov] I-IV. Budapest 1963, 1987, 1998

GYÖRFFY, György: István király és műve [Kráľ Štefan a jeho dielo]. Budapest 1977

HAVLÍK, Lubomír Elemír: Kronika o Velké Moravě. Brno 1993

KORAI magyar történeti lexikon (9—14. század) [Lexikon raných uhorských dejín (9.—14. storočie)]. Hlavný redaktor Gyula Kristó. Budapest 1994

KRISTÓ, Gyula: A vármegyék kialakulása Magyarországon [Vznik žúp v Uhorsku]. Budapest 1988

KUČERA, Matúš: Slovensko po páde Veľkej Moravy. Štúdie o hospodárskom a sociálnom vývine v 9.—13. storočí. Bratislava 1974

LABUDA, Gerard: Pierwsze państwo słowiańskie państwo Samona [Najstarší slovanský štát, štát Samov]. Poznań 1949

MAGYARORSZÁG története I. Előzmények és magyar történet 1242-ig [Dejiny Uhorska I. Predošlé a uhorské dejiny do 1242]. Budapest 1987

PELIKÁN, Oldřich: Slovensko a římské impérium. Bratislava 1960

POHL, Walther: Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567-822 n. Chr. München 1988

RATKOŠ, Peter: Vznik a začiatky banských miest na Slovensku. In: Historické štúdie 19, 1974, s. 33—58

STEINHÜBEL, Ján: Pôvod a najstaršie dejiny Nitrianskeho kniežatstva. In: Historický časopis 46, 1998, s. 369—416

STEINHÜBEL, Ján: Vznik Uhorska a Nitrianske kniežatstvo. In: Historický časopis 47, 1999, s. 569—614

STEINHÜBEL, Ján: Uhorské kráľovstvo a Nitrianske kniežatstvo za vlády Štefana I. In: Historický časopis 48, 2000, s. 3-34

SZÜCS, Jenő: Az utolsó Árpádok [Poslední Arpádovci]. Budapest 1993

ŠTEFANOVIČOVÁ, Tatiana: *Osudy starých Slovanov*. Martin 1989
TRÉŠTÍK, Dušan: *Počátky Přemyslovců. Vstup Čechů do dějin (530-935)*. Praha 1997

WERTNER, Mór: *Árpádok családi története [Dejiny rodu Arpádovcov]*. Nagy-Becskereken 1892

WOLFRAM, Herwig: *Die Geburt Mitteleuropas. Geschichte Österreichs vor seiner Entstehung 378-907*. Wien 1987

4. Зрелое средневековье

Источники

ANJOU-KORI oklevéltár. Documenta res Hungaricas tempore regum Andegavensium illustrantia. Red. Gyula Kristó. Budapest-Szeged, I. (1301—1305), 1990; II. (1306—1310), 1992; III. (1311—1314), 1994; IV. (1315—1317), 1996; VII. (1323), 1991; XI. (1327), 1996

CODEX diplomaticus Hungaricus Andegavensis. Anjou-kori okmánytár. Red. Imre Nagy — Gyula Tasnádi Nagy. I-VII. Budapest 1878—1920

CODEX diplomaticus Hungarie ecclesiasticus ac civilis. Studio et opera Georgii Fejér. I-XI. Budae 1829—1844

DECRETA Regni Hungariae 1301—1457. Collectionem manuscriptam Francisci Döry additamentis auxerunt, commentariis nostisque illustraverunt Georgius Bónis - Vera Bácskai. Budapest 1976

HÁZAI oklevéltár 1234—1536 [Domáci archív 1234—1536]. Red. Imre Nagy - Farkas Deák - Gyula Nagy. Budapest 1879

HÁZAI okmánytár. Codex diplomaticus patrius. Vyd. Imre Nagy - Iván Paur - Károly Ráth - Dezső Véghely. I-VIII. Győr, Budapest 1865—1891

CHALOUPECKÝ, Václav: *Kniha žilinská*. Bratislava 1934

CHALOUPECKÝ, Václav: *Středověké listy a listiny ze Slovenska*. Bratislava-Praha 1937

JUCK, Ľubomír: *Výsady miest a mestečiek na Slovensku I. 1238—1350*. Bratislava 1984

LUKCSICS, Pál: *XV. századi pápak oklevelei [Pápežské listiny 15. storočia]* I-II. Budapest 1931, 1938

SEDLÁK, Vincent: *Regesta diplomatica necnon epistolaria Slovaciae*, I.-II. Bratislava 1981, 1987

SOPKO, Július: *Kroniky stredovekého Slovenska*. Budmerice 1995

THEINER, Augustin: *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia maximam partem nondum edita ex tabulariis Vaticanis deprompta collecta ac serie chronologica disposita*. II. k. 1352—1526. Romae 1860

THUROCZ, Johannes de: *Chronica Hungarorum*, I. Textus, II. Comentariorum. Ed. Elisabeth Galántai - Julius Kristó - Elemér Mályusz. Budapest 1988

WENZEL, Gusztáv: Magyar diplomáciai emlékek az Anjou-korból [Uhorské diplomatické pamiatky z Anjouovského obdobia] I-III. Budapest 1874—1876

ZSIGMONDKORI oklevéltár [Archív Žigmundovského obdobia]. Ed. Elemér Mályusz. I. (1387—1399), Budapest 1951; II/1-2 (1400—1410), Budapest 1956, 1958; Ed. Elemér Mályusz — Iván Borsa: III (1411—1412), Budapest 1993; IV (1413—1414), Budapest 1994; V (1415—1416), Budapest 1997; VI (1417—1418), Budapest 1999

Литература

BAK, János M.: Königtum und Stände in Ungarn im 14.—16. Jahrhundert. Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Band VI. Wiesbaden 1973

BARTL, Július: Žigmund Luxemburský. Budmerice 1996

BÓNIS, György: A jogtudó értelmiség a Mohács előtti Magyarországon [Práva znalá inteligencia v Uhorsku pred Moháčom]. Budapest 1971

BREZOVAKOVÁ, Blanka: Konsolidačné snahy Karola I. v Uhorsku po zvolení za kráľa (1310—1317). In: Historický časopis 41, 1993, s. 361-378

BREZOVAKOVÁ, Blanka: Politický zápas Anjouovcov o uhorskú korunu. In: Historický časopis 39, 1991, s. 569-587

DVOŘÁKOVÁ, Daniela: Stiborovci v Uhorsku. In: Historický časopis 41, 1993, s. 3-22

ENGEL, Pál: Beilleszkedés Európába kezdetektől 1440-ig. Magyarok Európában I. [Zapojenie do Európy od počiatkov do roku 1440. Manari v Európe]. Budapest 1990

ENGEL, Pál: A honor (A magyarországi feudális birtokformák kézdéseihöz) [Honor. K otázkam uhorských feudálnych majetkových foriem]. In: Történelmi Szemle 24, 1981, s. 1—19

ENGEL, Pál: Királyi hatalom és arisztokrácia viszonya a Zsigmond-korban (1387—1437) [Vzťah kráľovskej moci a aristokracie v období Žigmunda]. Budapest 1977

ENGEL, Pál.: Magyarország világi archontológiája 1301—1457 [Svetská archontológia v Uhorsku 1301—1457] I-II. Budapest 1996

ENGEL, Pál: Az ország újraegyesítése. I. Károly küzdelmei az oligarchák ellen (1310—1323) [Znovuzjednotenie krajiny. Boj Karola I. proti oligarchom]. In: Századok 122, 1988, s. 89—146

FRANKÓI, Vilmos: Mátyás király élete [Život kráľa Mateja]. Budapest 1890

FÜGEDI, Erik: A 15. századi magyar arisztokrácia mobilitása [Mobilita uhorskej aristokracie v 15. storočí]. In: Történelmi Statisztikai Kötetek, Budapest 1970

FÜGEDI, Erik: A középkori Magyarország történeti demográfiája [Historická demografia stredovekého Uhorska]. In: KSH Népeségtudományi Kutató Intézet Történeti Demográfiai Füzetek 10, Budapest 1992, s. 7-60

FÜGEDI, Erik: Castles and Society in Medieval Hungary (1000—1437). Budapest 1986

HÓMAN, Bálint — SZEKFÜ, Gyula: Magyar nemzet történet [Dejiny maňarského národa] I.-II. Budapest 1936

HORVÁTH, H.: Zsigmond király és kora [Kráľ Žigmund a jeho doba]. Budapest 1973

KORAI Magyar történeti lexikon (9.—14. sz.) [Rano-uhorský historický lexikon (9.—14. stor.). Ed. Gyula Kristó. Budapest 1994

KRISTÓ, Gyula: Csák Máté tartományúri hatalma [Dažavné panstvo Matúša Čáka]. Budapest 1973

KURCZ, Ágnes: Lovagi kultúra Magyarországon a 13.—14. században [Rytierska kultúra v Uhorsku v 13. a 14. storočí]. Budapest 1988

MAGYARORSZÁG története 1301—1526 [Dejiny Uhorska 1301—1526]. Pál Engel — Gyula Kristó - András Kubinyi. Budapest 1998

MAGYARORSZÁGI művészet 1300—1470 körül [Uhorské umenie 1300—1470]. I-II. Red. Ernő Marosi. Budapest 1987

MÁLYUSZ, Elemér: Kaiser Sigismund in Ungarn 1387—1437. Budapest 1990

MARSINA, Richard: Štruktúra šľachty na Slovensku (v Uhorsku) do začiatku 16. storočia. In: Struktura feudální společnosti na území Československa a Polska. Praha 1984, s. 134—154

MENCL, Václav: Středověká města na Slovensku. Bratislava 1938

NAJSTARŠIE rody na Slovensku. Zborník zo sympózia. Vydala Slovenská genealogicko-heraldická spoločnosť pri Matici slovenskej. Martin 1994

SCHÖNHERR, Gyula: Hunyady Corvin János. 1473—1504. Budapest 1894

SKLADANÝ, Marián: Najstarší doklad o podnikateľskej činnosti Jána Thurzu v stredoslovenských banských mestách. In: Historické štúdie 19, 1974, s. 237-265

SOPKO, Július: O školstve a vzdelanosti na Slovensku v stredoveku. In: Historický časopis 36, 1988, s. 175—197

STÄDTE im Donauraum. Zost. Richard Marsina. Bratislava 1993

TÓTH, Zoltán: Mátyás király idegen zsoldosserege (A Fekete sereg) [Cudzie žoldnierske vojsko kráľa Mateja. (Čierne vojsko)]. Budapest 1925

VARSÍK, Branislav: Husitské revolučné hnutie a Slovensko. Bratislava 1965

VARSÍK, Branislav: K boju medzi košickými mešťanmi a Omodejovcami. In: Historický sborník SAVU 10, 1952, s. 221-255

VÝVOJ správy miest na Slovensku. Zost. Richard Marsina. Martin 1984

WENZEL, Gusztav: Stibor vajda [Duke Stibor]. Budapest 1874, Értékezések a történeti tudományok köréből, 4 vol., 2 n.

ŽUDEĽ, Juraj: Stolica na Slovensku. Bratislava 1984

5. Новое время

Литература

BUNYITAY, Vincze — RAPAICS, Rajmond — KARÁCSONYI, János (Eds.): Monumenta ecclesiastica, tempora innovatae in Hungaria religionis illustrantia. I.-V. Budapest 1902—1912

DOCUMENTA Romana historiae Societatis Jesu in Regni olim Corona Hungarica unitis. I. (1550—1570) Roma 1959; II. (1571—1580) Roma 1965; III. (1581—1586) Roma 1967

HAIN, Gaspar: Lőcsei krónikája — Leutschauer Chronik. Ed. Jeromos Bal — Jenx Forster — A. Kaufmann. Lőcse 1910—1913

MARSINA, Richard — KUŠÍK, Michal (Eds.): Urbáre feudálnych panstiev na Slovensku I-II. Bratislava 1959

REZIK, Ján: Prešovská jatka z roku 1687. Theatrum Eperienae seu Laniena Eperiensis. Liptovský Sv. Mikuláš 1931

Источники

ACSÁDY, Ignác: Dejiny poddanstva v Uhorsku. Bratislava 1955

BUCKO, Vojtech: Mikuláš Oláh a jeho doba (1493—1568). Bratislava 1940

BUCSAY, Mihály: Der Protestantismus in Ungarn 1521—1978. Ungarns Reformationskirchen im Geschichte und Gegenwart. 1. Im Zeitalter der Reformation, Gegenreformation und katholischen Reform. Wien 1977

CROWN, Church and Estates: Central European Politics in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Zost. Robert John Weston Evans — Trevor V. Thomas. London 1991

ČICAJ, Viliam: Die kulturellen Verhältnisse in der Slowakei im 16.—18. Jahrhundert. In: Studia historica Slovaca, 17, 1990, s. 91—123

DANGL, Vojtech: Slovensko vo víre stavovských povstaní. Bratislava 1986

DANIEL, David P.: Hungary. In: The Early Reformation in Europe. Zost. Andrew Pettegree. Cambridge 1992, s. 49—69

EMBER, Győző: Magyarország nyugati külkereskedelme a XVI. század közepén [Uhorský zahraničný obchod so západnými krajinami v polovici XVI. storočia.] Budapest 1988

EVANJELICI a evanjelická teológia na Slovensku. Zost. David P. Daniel. Bratislava 1999

- EVANS, Robert John Weston: The Making of the Habsburg Monarchy, 1500—1700. An Interpretation. Oxford 1977
- GAŠPARIKOVÁ, Anna: Povstanie Rákocziho a Slovania. Bratislava 1930
- GOGOLAK, Ludwig: Beiträge zur Geschichte des slowakischen Volkes. I.-III. München 1963—1972
- HOLČÍK, Štefan: Krönungsfeierlichkeiten in Pressburg-Bratislava 1563—1830. Bratislava 1992
- HORVÁTHOVÁ, Emilia: Cigáni na Slovensku. Historicko-etnografický náčrt. Bratislava 1964
- JANŠÁK, Štefan: Slovensko v dobe uhorského feudalizmu. Bratislava 1932
- KÓNYA, Peter: Krvavý súd. Prešov 1992
- KOPČAN, Vojtech: Turecké nebezpečenstvo a Slovensko. Bratislava 1986
- KRONES, Franz: Zur Geschichte Ungarns im Zeitalter Franz Rákoczi's II. Wien 1870
- LENCZ, Géza: Der Aufstand Bockskays und der Wiener Friede. Eine kirchenhistorische Studie. Debrecen 1917
- PACH, Zsigmond: Die ungarische Agrarentwicklung im 16.—17. Jahrhundert. Abbiegung vom westeuropäischen Entwicklungsgang. Budapest 1964
- PROBSZT, Günther Frhr. v.: Die alten sieben niederungarischen Bergstädte im Slowakischen Erzgebirge. Wien 1960
- RUŽIČKA, Vladislav: Školstvo na Slovensku v období neskorého feudalizmu. Bratislava 1974
- SUCHÝ, Michal: Postavenie miest na Slovensku v 16.—18. storočí. In: Historické štúdie, 17, 1972, s. 149—154
- ŠPIESZ, Anton: Remeslo na Slovensku v období existencie cechov. Bratislava 1972
- ŠPIESZ, Anton: Slobodné kráľovské mestá na Slovensku v rokoch 1680—1780. Košice 1983
- VOZÁR, Jozef: Die Bergstädte der Slowakei im 16. Jahrhundert. In: Die Stadt an der Schwelle zur Neuzeit. Linz 1980, s. 311-324

6. Период 1711—1848

Источники

- AUGUSTINI AB HORTIS, Samuel: Cigáni v Uhorsku 1775 / Zigeuner in Ungarn 1775. Bratislava 1995
- BEL, Matej: Bratislava Mateja Bela. Bratislava 1984
- BERNOLÁKOVSKÉ polemiky. Zost. Imrich Kotvan. Bratislava 1966

BRATISLAVA a počiatky slovenského národného obrodzenia. Dokumenty. Zost. Ján Hučko a kol. Bratislava 1992

ČAPLOVIČ, Ján: O Slovensku a Slovákoch. Ed. Viera Urbancová. Bratislava 1975

GRAMATICKÉ dielo Antona Bernoláka. Zost. Juraj Pavelek. Bratislava 1964

MÚDRA, Darina: Hudobný klasicizmus na Slovensku v dobových dokumentoch. Bratislava 1996

RAPANT, Daniel: Ilegálna manarizácia 1790—1840. Dejiny a dokumenty. Martin 1947

RAPANT, Daniel: Sedliacke povstanie na východnom Slovensku roku 1831, II/1-2 - Dokumenty. Bratislava 1953

RAPANT, Daniel: Slovenský prestolný prosbopis z roku 1842. I.-II. Dejiny a dokumenty. Liptovský Mikuláš 1943

RATIO educationis 1777 a 1806. Prvá jednotná sústava výchovy a vzdelávania v dejinách našej kultúry. Zost. Ján Mikleš — Mária Novacká. Bratislava 1988

RATKOŠ, Peter: Príspevok k dejinám banského práva a baníctva na Slovensku. Bratislava 1951

TIBENSKÝ, Ján: Chvály a obrany slovenského národa. Bratislava 1965

VOZÁR, Jozef: Das goldene Bergbuch - Zlatá kniha banícka. Bratislava 1983

Литература

BROCK, Peter: The Slovak National Awakening. An Essay in the Intellectual History of East Central Europe. Toronto 1976

BUTVIN, Jozef: Slovenské národnosť a jednotnocovanie hnutie (1780—1848). Bratislava 1965

CESNAKOVÁ-MICHALCOVÁ, Milena: Geschichte des deutschsprachigen Theaters in der Slowakei. Köln-Weimar-Wien 1997

ČIČAJ, Viliam: Knižná kultúra na strednom Slovensku v 16.—18. storočí. Bratislava 1985

DEJINY slovenského výtvarného umenia. Barok. Zost. Ivan Rusina a kol. Bratislava 1998

DEJINY Spoločnosti Ježišovej na Slovensku. Cambridge, On., Canada 1990

DIE REFORMATION und ihre Wirkungsgeschichte in der Slowakei. Kirchen- und konfessionsgeschichtliche Beiträge. Studien und Texte zur Kirchengeschichte und Geschichte. 2. Reihe, Bd. 14 Hg. von Karl Schwarz und Peter Švorc. Wien 1996

HAMADA, Milan: Zrod novodobej slovenskej kultúry. Bratislava 1995

HORVÁTH, Pavel: Slovenská historiografia v období pred národným obrozením I-II. In: Historický časopis 31, 1983, pp. 85—110, 231-250

HORVÁTH, Pavel: Poddaný ľud na Slovensku v prvej polovici 18. storočia. Bratislava 1963

HUČKO, Ján: Sociálne zloženie a pôvod slovenskej obrodenskej inteligencie. Bratislava 1974

KAMENICKÝ, Miroslav: Stredoslovenské striebro a jeho hutnícke spracovanie do konca 18. storočia. Bratislava 1995

KAZIMÍR, Štefan: Náčrt vývoja cien obilnín na Slovensku v 16.—17. storočí. In: Agrikultúra, 9, 1971, pp. 53-90

KOHÚTOVÁ, Mária: Demografický a sídlisťný obraz západného Slovenska. Bratislava 1990

KOLLÁROVÁ, Ivona: Cenzúra kníh v tereziánskej epoche. Bratislava 1999

KOWALSKÁ, Eva: Štátne ľudové školstvo na Slovensku na prelome 18. a 19. storočia. Bratislava 1987

MATEJ Bel. Doba, život a dielo. Zost. Ján Tibenský. Bratislava 1987

MÚDRA, Darina: Dejiny hudobnej kultúry na Slovensku II. Klasicizmus. Bratislava 1993

OBERUČ, Ján: Les persécution de Luthériens en Slovaquie au XVIIe siècle. Strassbourg 1927

PAULÍNYI, Akoš: Železiarstvo na Pohroní v 18. a prvej polovici 19. storočia. Bratislava 1966

PLESKOTOVÁ-PETROVÁ, A.: Maliarstvo 18. storočia na Slovensku. Bratislava 1983

RADVÁNI, Hadrián: Slovenské učené tovarišstvo. Organizácia a členstvo 1792—1796. Trnava 1992

RAPANT, Daniel: K počiatkom manarizácie I-II. Bratislava 1927, 1931

REBRO, Karol: Urbárska regulácia Márie Terézie a poddanské úpravy Jozefa II. Bratislava 1959

RUŽIČKA, Vladislav: Školstvo na Slovensku v období neskorého feudalizmu. Bratislava 1974

RYBARIČ, Richard: Dejiny hudobnej kultúry na Slovensku. I. Stredovek, renesancia, barok. Bratislava 1984

SIRÁCKY, Ján: Sťahovanie Slovákov na Dolnú zem v 18. a 19. storočí. Bratislava 1966

STÄDTISCHES Alltagsleben in Mitteleuropa vom Mittelalter bis zum Ende des 19. Jahrhunderts. Hrsg. Viliam Čičaj - Othmar Pickl. Bratislava 1998

SVETOT, Ján: Vývoj obyvateľstva na Slovensku. Bratislava 1970

ŠIMONČIČ, Jozef: Ohlasy Francúzskej revolúcie na Slovensku. Košice 1982

ŠPIESZ, Anton: Manufaktúrne obdobie na Slovensku 1725—1825. Bratislava 1961

7. Период 1848—1918

Источники

BIELIK, František — RÁKOŠ, Elemír: Slovenské výstahovalectvo I. Bratislava,

1969, III. Martin, 1976, IV. Martin 1985

BOKES, František: Dokumenty k slovenskému národnému hnutiu I.-III. Bratislava 1962—1972

DOKUMENTY slovenskej národnej identity a štátnosti. I.-II. Bratislava 1998

KEMÉNY, Gábor G.: Iratok a nemzetiségi kérdés történetéhez Magyarországon a dualizmus korában [Dokumenty k dejinám národnostnej otázky v Uhorsku v období dualizmu]. I.-VI. Budapest 1952—1985

SETON-WATSON, Robert W.: Documents - Dokumenty 1906—1951. I. Martin 1995

RYCHLÍK, Jan - MARZIK, Thomas D. - BIELIK, Miroslav: R. W. Seton-Watson and His Relations with the Czechs and Slovaks. Documents 1906—1951. I., Praha-Martin 1995—1996

Литература

ABELOVSKÝ, Ján — BAJCUROVÁ, Katarína: Výtvarná modena Slovenska. Maliarstvo a sochárstvo 1890—1949. Bratislava 1997

COLLECTIVE Identities in Central Europe in Modern Times. Zost. Moritz Csáky — Elena Mannová. Bratislava 1999

DER ÖSTERREICHISCH-ungarische Ausgleich von 1867. Vorgeschichte und Wirkungen. Wien-München 1967

DER ÖSTERREICHISCH-Ungarische Ausgleich 1867. Zost. Ľudovít Holotík — Anton Vantuch. Bratislava 1971

DIE HABSBURGERMONARCHIE 1848—1918. Zost. Adam Wandruszka — Peter Urbanitsch. I.-VI. Wien 1973—1989

DIE NATIONALE Frage in der Österreichisch-Ungarischen Monarchie 1900—1918. Zost. Péter Hanák. Budapest 1966

GOGOLAK, Ludwig: Zum Problem der Assimilation in Ungarn, 1790—1918.

In: Südostdeutsches Archiv, 9, 1966

HARAKSIM, Ľudovít: K sociálnym a kultúrnym dejinám Ukrajincov na východnom Slovensku do roku 1867. Bratislava 1961

HOENSCH, Jörg K.: Geschichte Ungarns 1867—1983. Stuttgart-Berlin 1984; publikované aj po anglicky A History of Modern Hungary 1867—1986. London-New York 1988

HOLEC, Roman: Poľnohospodárstvo na Slovensku v poslednej tretine 19. storočia. Bratislava 1991

HOLEC, Roman a kol.: 150 Years of the Slovak Cooperative Movement. Victories and Defeats. Bratislava 1997

HOLEC, Roman: Tragédia v Černovej a slovenská spoločnosť. Martin 1997

HORVÁTH, Štefan - VALACH, Ján: Peražníctvo na Slovensku do roku 1918

Bratislava 1975

HUCKO, Ján: Život a dielo Ľudovíta Štúra. Martin 1984

IVANTYŠYNOVÁ, Tatiana: Česi a Slováci v ideológii ruských slavianofilov. Bratislava 1987

KLIMKO, Jozef: Vývoj územia Slovenska a utváranie jeho hraníc. Bratislava 1980

KOLAFA, Štěpán J.: Tolstoj a Björnson ve slovenském zápase proti manarizaci. Čeští slovakofilové v akci. Praha 1997

KOVÁČ, Dušan a kol.: Muži deklarácie. Martin 1991

KRAJČOVIČ, Milan: Slovenská politika v strednej Európe 1890—1901. Bratislava 1971

KRAJČOVIČ, Milan: Slovenská spoločnosť v Uhorsku. Slováci a Juhoslovania v národnoemancipačnom zápase v 30. až 70. rokoch 19. storočia. Bratislava 1986

KUSÝ, Ivan — ŠMATLÁK, Stanislav: Dejiny slovenskej literatúry IV. Literatúra na rozhraní 19. a 20. storočia. Bratislava 1975

LAJČIAK, Ján: Slovensko a kultúra. Bratislava 21994

LIBA, Peter: Čítanie starých otcov. Martin 1970

LIPTAK, Ľubomír a kol.: Politické strany na Slovensku, 1860—1989. Bratislava 1992

LIPTAK, Ľubomír: Storočie dlhšie ako sto rokov. Bratislava 1999

MATICA slovenská v našich dejinách. Zost. Július Mésároš — Miroslav Kropilák. Bratislava 1963

MÉSÁROŠ, Július: Roľnícka a národnostná otázka na Slovensku 1848—1900. Bratislava 1959

MILAN Hodža, štátnik a politik. Zost. Svätoslav Mathé. Bratislava 1992, 21994

MISTRÍK, Miloš a kol.: Slovenské divadlo v 20. storočí. Bratislava 1999

OPAT, Jaroslav — TOMČÍK, Miloš — URBAN, Zdeněk: T. G. Masaryk a Slovensko. Praha 1992

PODRIMAVSKÝ, Milan: Slovenská národná strana v druhej polovici 19. storočia. Bratislava 1983

POTEMRA, Michal (Zost.): Kultúrna a osvetová práca na Slovensku v rokoch 1901—1918. I.-IV. Košice 1983

POTEMRA, Michal: Školstvo na Slovensku v rokoch 1901—1918. Martin 1993

RAPANT, Daniel: Slovenské povstanie roku 1848—1849. I.-V. Bratislava 1937—1972

RAPANT, Daniel: Tatrin. Martin 1950

RAPANT, Daniel: Viedenské memorandum slovenské z roku 1861. Martin 1943

SLOVÁCI a ich národný vývin. Zost. Július Mésároš. Bratislava 1969

STODOLA, Emil: Štatistika Slovenska. Turčiansky Sv. Martin 1912.

ŠTEFÁNEK, Anton: Základy sociografie Slovenska. In: Slovenská vlastiveda III. Bratislava 1944—1945

ŠVORC, Peter: Zakliata krajina. Podkarpatská Rus 1918—1946. Prešov 1996

8. Двадцатый век

Источники

NOVEMBER 1989 a Slovensko. Chronológia a dokumenty. Zost. Jozef Žatkuliak a kol. Bratislava 1999

SLOVENSKÉ národné povstanie. Dokumenty. Zost. Vilém Prečan. Bratislava 1965

SLOVENSKÉ národné povstanie. Nemci a Slovensko. Dokumenty. Zost. Vilém Prečan. Bratislava 1971

SLOVENSKO v rokoch 1967—1970. Výber dokumentov. Zost.: Komisia vlády pre analýzu historických udalostí 1967—1970. Bratislava 1992

VATIKÁN a Slovenská republika (1939—1945). Dokumenty. Zost. Ivan Kamenec — Vilém Prečan — Stanislav Škorvánek. Bratislava 1991

VEREJNOSŤ proti násiliu 1989—1991. Svedectvá a dokumenty. Zost. Ingrid Antalová. Bratislava 1998

Литература

BARNOVSKÝ, Michal: Na ceste k monopolu moci. Mocenskopolitické zápasy na Slovensku v rokoch 1945—1948. Bratislava 1993

BÜRGERTUM und bürgerliche Gesellschaft in der Slowakei 1900—1989. Zost. Elena Mannová. Bratislava 1997

DEÁK, Ladislav: Hra o Slovensko. Slovensko v politike Maňarska a Poľska v rokoch 1933—1939. Bratislava 1991. Po anglicky: Hungary's Game for Slovakia. Slovakia in Hungarian Politics in the years 1933—1939. Bratislava 1996

- DEJINY Slovenského národného povstania.I — IV. Vyd. Viliam Plevza. Bratislava 1984
- FALTUS, Jozef — PRIIČHA Václav: Prehľad hospodárskeho vývoja na Slovensku v rokoch 1918—1945. Bratislava 1967
- HALLON, Ľudovít: Industrializácia Slovenska 1918—1938. Rozvoj alebo úpadok? Bratislava 1995
- HOENSCH, Jörg K.: Dokumente zur Autonomiepolitik der Slowakischen Volkspartei Hlinkas. München-Wien 1984
- HOENSCH, Jörg K.: Slowakei und Hitlers Ostpolitik. Köln-Graz 1965. Po slovensky: Slovensko a Hitlerova východná politika. Bratislava 2001
- HRONSKÝ, Marián: Slovensko pri zrode Československa. Bratislava 1987
- HRONSKÝ, Marián: Boj o Slovensko a Trianon, 1918—1920. Bratislava 1998
- JABLONICKÝ, Jozef: Z ilegality do povstania. Bratislava 1969.
- JABLONICKÝ, Jozef: Povstanie bez legend. Bratislava 1990
- JELINEK, Yeshayahu: The Parish Republic.Hlinka' s Slovak People's Party 1939—1945. New York-London 1976
- JUROVÁ, Anna: Vývoj rómskej problematiky na Slovensku po roku 1945. Bratislava 1993
- KAMENEC, Ivan: Po stopách tragédie. Bratislava 1991
- KLIMKO, Jozef: Vývoj územia Slovenska a utvárania jeho hraníc. Bratislava 1980
- KORČEK, Ján : Slovenská republika 1943—1945. Bratislava 1999
- KOVÁČ, Dušan : Nemecko a nemecká menšina na Slovensku (1871 — 1945). Bratislava 1991
- LEFF, Carol Skalik: National Conflict in Czechoslovakia. The Making and Remaking of a State. Princeton 1988
- LETZ, Róbert: Slovensko v rokoch 1945—1948. Na ceste ku komunistickej totalite. Bratislava 1994
- LIPSCHER, Ladislav: K vývoju politickej správy na Slovensku v rokoch 1918—1938. Bratislava 1966
- LIPTÁK, Ľubomír: Slovensko v 20. storočí. Bratislava 1968, 1998, 2000
- MEDVECKÝ, Karol: Slovenský prevrat. I —IV. Trnava 1931
- NIŽTANSKÝ, Eduard : Židovská komunita na Slovensku medzi československou parlamentnou demokraciou a slovenským štátom v európskom kontexte. Prešov 1999
- NURMI, Ismo: Slovakia — a Playground for Nationalism and National Identity. 1918 —1920. Helsinki 1999
- OD DIKTATÚRY k diktatúre. Slovensko v rokoch 1945—1953. Zost. Michal Barnovský. Bratislava 1995
- PEŠEK, Jan — BARNOVSKÝ, Michal: Štátna moc a cirkvi na Slovensku 1948—1953. Bratislava 1997

PEŠEK, Jan: Odvrátená tvár totality. Politické perzekúcie na Slovensku v rokoch 1948—1953. Bratislava 1998

POKUS o politický a osobný profil Jozefa Tisu. Zost. Valerián Bystrický — Štefan Fano. Bratislava 1992

RYCHLÍK, Jan: Češi a Slováci ve 20.století. I. Česko-slovenské vztahy 1914—1945; II. Česko-slovenské vztahy 1945—1992. Bratislava 1997 a 1998

SLOVENSKÁ otázka v 20. storočí. Antológia. Zost. Rudolf Chmel. Bratislava 1997.

SLOVENSKO na konci druhej svetovej vojny. (Stav, východiská, perspektívy) Zost. Valerián Bystrický — Štefan Fano. Bratislava 1994

ŠUTAJ, Štefan: Manarská menšina na Slovensku v rokoch 1945—1948. Bratislava 1993

TILKOVŠZKY, Lórand: Južné Slovensko v rokoch 1938—1945. Bratislava 1972

VIETOR, Martin: Dejiny okupácie južného Slovenska. Bratislava 1968

WEHRLÉ, Frédéric: Le divorce Tchéco-Slovaque. Vie et mort de la Tchécoslovaquie 1918—1992. Paris 1994

Библиография (на русском языке)

Источники

Внешняя политика России XIX-начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Сер. 1. Т. 1—8. М., 1960—1972; сер. 2. Т. 1—6. М., 1974—1985.

Восточная Европа на новом пути (хроника событий, документы, комментарии). М., 1994.

Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953. Т. 1—2. М.-Новосибирск. 1997, 1998.

Встреча с Европой. Письма В.А.Панова к матери М.А.Пановой из Центральной и Юго-Восточной Европы (1841—1843). Братислава, 1996.

Год кризиса. 1938—1939. Т. 1—2. Документы и материалы. М., 1990.

Документы внешней политики. 1940—22 июня 1941 г. Т. XXIII: в 2-х книгах. М., 1995, 1998.

Документы внешней политики. Т. XXII. 1939. Кн. 1—2. М., 1992.

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1—5. М., 1973—1988.

Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937—1939 гг. М., 1979.

Коминтерн и Вторая мировая война. Часть 1—2. М., 1995, 1998.

Лавров П.А., Сперанский М.Н. Письма П.И.Шафарика к О.М.Бодянскому (1838—1857). С приложением писем П.И.Шафарика к В.И.Григоровичу (1852—1856). М., 1895.

Письма П.И.Прейса М.С.Кутерге, И.И.Срезневскому, П.И.Шафарика, Ф.Куршату и др. 1836—1846. // Живая старина. СПб., 1881. Вып. 3.

Попов Н.А. Письма к М.П.Погодину из славянских земель. 1835—1861. М., 1879.

Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель 1839—1842. (Публ. В.И.Срезневского), СПб., 1895.

Советский Союз и Словацкое национальное восстание. Документы из Архива Президента РФ. // Новая и новейшая история. 1996. № 5,6.

Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953. Т. 1—2. Документы. М., 1999, 2002.

* Составлена сотрудниками Института славяноведения РАН.

Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1960.

Францев В.А. К переписке П.И.Шафарика с П.И.Кеппенем. СПб., 1901.

Францев В.А. Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905.

Литература

Антифашистское движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. (Вопросы национальной историографии). М., 1991.

Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. М., 1995.

Автопортрет славянина. М., 1999.

Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917—1990-е годы). Центрально-европейские исследования. Вып. 1. М., 1999.

Будилович А.С. Ян Коллар и западное славянофильство. СПб., 1893.

Бывшие хозяева Восточной Европы. Политические портреты. М., 1995

Великая отечественная война 1941—1945 гг. Кн. 3. Освобождение. М., 1999.

Власть и интеллигенция. Из опыта развития стран Восточной Европы. Вып. 1 М., 1992. Вып. 2. М., 1993. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920—1950-е годы. Вып. 3. М., 1999.

Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. М., 2002.

Восточноевропейские страны: 90-е годы. Сб. статей. Вып. 1,2,3. М., 1992, 1993.

«Восточноевропейский социализм»: становление режима, попытки его модификации, причины краха. М., 1992.

Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. М., 1999.

Восточная Европа: контуры коммунистической модели развития. М., 1992.

Восточная Европа на историческом переломе (Очерки революционных преобразований 1989—1990 гг.). М., 1991.

Грацианская Н.Н. Словаки. К проблемам этнокультурной истории. М., 1994.

Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939—1945 гг. М., 1995.

Досталь М.Ю. Российские слависты-эмигранты в Братиславе. // Славяноведение. 1993, № 4.

Задорожнюк Э.Г. Социал-демократия в Центральной Европе. М., 2000.

История культур славянских народов. Т. 1. М., 2002.

История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Т. 1, 1945—1960-е гг. М., 1995; т. 2, 1970—1980-е гг. М., 2001.

История литератур западных и южных славян. Т. 1. От истоков до середины XVIII в. М., 1997; т. 2. Формирование и развитие литератур Нового времени. Вторая половина XVIII-80-е годы XIX века. М., 1997; т. 3. Литература конца XIX-первой половины XX века (1890-е годы-1945 год). М., 2001.

История славянских языков. М., 1985.

История словацкой литературы. М., 1970.

История стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX века. М., 1997.

История южных и западных славян. М., 1988. Т. 1—2.

Кишкин Л.С. Пушкин и словацкая литература // Пушкин и мир славянской культуры (К 200-летию со дня рождения поэта). М., 2000.

Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914—1921. М., 1965.

Конфликты в условиях системных изменений в странах Восточной Европы. М., 1994.

Коровицына Н.В. Агония соцмодернизации. Судьба двух поколений двух европейских наций. М., 1993.

Коровицына Н.В. Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века. М., 1999.

Краткая история Чехословакии. С древнейших времен до наших дней. М., 1988.

Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М., 1991.

Кузьмин М.Н. Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII-30-е годы XIX в.) М., 1971.

Кулаковский П.А. Памяти Павла Шафарика. СПб., 1895.

Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. М., 1988.

Лавров П.А. Жизнь и ученая деятельность П.И. Шафарика. М., 1897.

Левый поворот и левые партии в странах Центральной и Восточной Европы. М., 1998.

Литература славянских и балканских народов конца XIX-начала XX веков. Реализм и другие течения. М., 1976.

Лифанов К.В. Язык духовной культуры словацких католиков XVI—XVIII вв. в кодификации А.Бернолака. М., 2000.

Людовит Штур и его время. (К 175-летию со дня рождения). М., 1992.

Марьина В.В. 1944—1945 годы: ждали ли русских в Восточной Европе? // Славяноведение. 1999, № 1.

Марьина В.В. Крестьянство в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1984.

Марьина В.В. Словацкое национальное восстание 1944 года в послевоенной историографии. // Славяноведение. 1999, № 6.

Марьина В.В. Чехословакия: от многонационального к двунациональному государству. 1944—1948 годы. // Славяноведение. 2001, № 5.

Марьина В.В. Чехословацкая, чешская и словацкая историография до и после «бархатной революции» 1989 г. // Новая и новейшая история. 2002, № 1.

Матвеев Г.Ф. «Третий путь?» Идеология аграризма в Польше и Чехословакии в межвоенный период. М., 1992.

Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939-август 1940). М., 1990.

Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940-июнь 1941). М., 2002.

Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд. Мартин, 2002.

Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995.

Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX- начале XX века. М., 1991.

Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX века. Чехи, словаки и неославизм, 1898—1914. М., 1984.

Общественное сознание и социальная трансформация в странах Восточной Европы. М., 1996.

Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX-начале XX в.: Сборник статей и материалов. М., 1974.

Очаги тревоги в Восточной Европе. Драма национальных противоречий. М., 1994.

Очерки истории культуры славян. М., 1996.

Павел Йозеф Шафарик. (К 200-летию со дня рождения). М., 1995.

Первая мировая война и проблемы политического переустройства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1991.

Пленники национальной идеи. Политические портреты лидеров Восточной Европы (первая треть XX в.). Сб. статей. М., 1993.

Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989.

Политические партии и движения в Восточной Европе. Проблемы адаптации к современным условиям. М., 1994.

Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, 1917—1929. М., 1998.

Политические системы СССР и стран Восточной Европы, 20—60-е годы. М., 1991.

Поп И.И. Чехословакия — Советский Союз. 1941—1948 гг. М., 1990.

Постреволюционная Восточная Европа. Экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995.

Прасолов С.И. Чехословакия в европейской политике. 1935—1938 гг. М., 1989.

Потепалов С.Г. Путешествие П.И.Кеппена по славянским землям. // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М., Л., 1963.

Потепалов С.Г. О роли Кеппена в истории русско-славянских культурных связей в 20—30-е гг. XIX в. // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962.

Пыпин А.Н., Спасович В.Д. Очерк истории славянских литератур. СПб., 1865; 2-е изд. История славянских литератур. Т. 1—2. СПб., 1879—1881.

Пыпин А.Н. Русское славяноведение в XIX столетии. // Вестник Европы. 1889. Кн. 7—9.

Развитие литературы в эпоху формирования наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Романтизм. М., 1983.

Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991.

Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.

Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2001.

Рокина Г.В. Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. Йошкар-Ола, 1998.

Серационова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20—30-е годы). М., 1995.

Сиротинин А. Россия и славяне. СПб., 1913.

Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.

Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988.

Славянская идея: история и современность. М., 1998.

Славянские движения XIX—XX вв.: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998.

Славянские Матицы. XIX в. М., 1996.

- Славянские съезды XIX—XX вв. М., 1994.
- Славянский вопрос. Вехи истории. Сб. статей. М., 1997.
- Словацкая литература. От истоков до конца XIX в. Учебник. Часть I. М., 1997.
- Смирнов Л.Н.* Словацкий литературный язык эпохи национального возрождения. М., 2001.
- Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Межвоенный период. М., 1986.
- Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995.
- Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом 1944—1948. М., 2002.
- Февраль 1948 г. Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998.
- Фирсов Е.Ф.* Опыт демократии в ЧСР при Томаше Масарике: коалиционный плюрализм (1928—1934). М., 1997.
- Формирование этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989.
- Центральная Европа в новое и новейшее время. М., 1998.
- Центральная Европа в поисках новой идентичности. М., 2000.
- Центрально-европейские страны на рубеже XX—XXI веков. Общественно-политические аспекты развития. М., 2002.
- Человек в контексте культуры. Славянский мир. М., 1995.
- Шмераль Я.Б.* Образование Чехословацкой республики в 1918 г. М., 1967.
- Экк А. Ян Коллар.* Очерк его жизни и деятельности и его поэма «Дочь Славы». Варшава, 1900.
- Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995.
- Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995.
- Ян Коллар — поэт, патриот, гуманист. К 200-летию со дня рождения. М., 1991.

Именной указатель

А

Аба, род 98
Аба Омодей 75, 85, 89, 90, 95
Абафи Ференц 207
Авраам (Абрахам), аварский каган 43
Адалрам, архиепископ 44
Адриан II, папа 48
Александр VI, папа 138
Альбены, род 110
Альберт Саксен-Тешинский 206
Альбоин (лангобарды) 40
Альберт II, король Венгрии и Чехии 113, 114
Альбрехт Габсбург, герцог 75, 86, 129
Альмош 60, 62
Альфонс V Арагонский 129
Андраши, род 237
Андрей (Эндре) I 59, 60
Андрей (Эндре) II 71, 72, 80, 182
Андрей (Эндре) III 75, 76, 83, 84, 85, 87, 95
Андрей, сын Карла Роберта 102
Анжу, династия 93, 94, 96, 98, 99, 100, 102, 103, 104, 109, 110, 111, 129, 129
Анна Ягеллонская 139
Аппони, род 237
Аппони Альберт 266, 280, 290
Аристотель 135
Арнульф 51, 52, 53
Арпады, династия 56, 58, 61, 65, 67, 74, 75, 83, 85, 86, 88, 95, 99, 100
Арпад 56, 57, 289
Аттила 39
Аугустини Густав 264

Б

Бабилон Ян 271
Байер Ян 201
Байза Йозеф Игнац 231
Бак Гашпар 136
Бакоц Тамаш 138, 140, 151
Балашша Доминик 91
Балашша, род 91, 154
Бардала Стефан 158
Баршони Дёрдь 178
Бартоломейдес Ладислав 225, 232
Баста Джорджо 164
Баторий Иштван 142
Баттяни Адам 168
Баттяни Йозеф 223
Батый, хан 73
Баумхекель Георг 154
Бацилек Карол 350
Баязид, султан 138
Баян, аварский каган 40
Беатриса, королева, жена Матвея Корвина 121, 131, 132, 152
Бебеки, род 99
Бел Матей (Маттиас) 221, 225, 228
Бела I 59, 60, 66
Бела II Слепец 61, 62
Бела III 63, 71
Бела IV 72, 73, 74
Бельджойозо Джакомо Барбиано де 163
Беллармино Роберто 167
Белош (Белуш) 62
Бенедикт, святой 60, 70
Бенеш Эдвард 22, 23, 294, 301, 316, 317, 330—333, 337, 341, 342
Беницкие, род 154

Бенчик Михай 228
 Бербиста (даки) 35
 Беренгар 53
 Берзевици Грегор (Гергей) 222
 Бернардин Сиенский 131
 Бернолак Антон 226, 229, 231, 232
 Берчени Миклош 183, 185
 Бетлен Габор 169, 170, 171, 174
 Биляк Василь 350
 Бисмарк Отто Леопольд фон
 Шёнхаузен, князь 273
 Богат-Радваны, род 57, 58, 67
 Богданов Юрий Васильевич 31
 Богунь Петер 286
 Бодянский Осип Максимович 20
 Бокассини 87
 Болеслав I Храбрый 58
 Болеслав II Смелый 60
 Болеслав III Кривоустый 61, 62
 Бонифаций IX, папа 132
 Бонфини Антонио 131
 Борживой Пржемысл 51
 Борис, сын короля Кальмана 62
 Борн Игнац 221
 Борнемиса Дёрдь, епископ 158
 Борнемиса Петер 201
 Борша Голы 85
 Ботто Ян 285
 Ботто Юлиус 375—377
 Бочкаи Иштван 162—166, 189
 Бранденбург Георг 154
 Брандолини Аурелио 131
 Браслав 53
 Бредецки Самуэль 222
 Бржетислав 59
 Бруноро дела Скала 129
 Бугар Мартин 92
 Бузалка Михал 345
 Булла Блажей 285
 Булчу 56
 Бучани Матей 222
 Бьернсон Бьерн 266
 Былица Мартин 133

В

Вагнер Ян 288
 Вазул (Васил) 57—59
 Вайк, отец Яноша Хуняди 116
 Валентиниан I 38
 Валленштейн Альбрехт Венцель 171
 Вангио 35
 Ванний (Ванниус) 35
 Вардаи Пал 155
 Вацлав II 85, 86
 Вацлав III, король Чехии, король Венгрии (как Ласло V) 85, 86, 88, 92
 Вацлав IV 112
 Ваянский Светозар Гурбан 285
 Веранчич Антал 159
 Вербёци Иштван 141, 142, 187
 Верджеро Пьетро Паоло 130, 131
 Вергилий 153
 Вероккьо 131
 Вешшелени Ференц 175—177
 Виест Рудольф 333
 Вильгельм, герцог 104
 Вильгельм I, граф 44
 Вильгельм, маркграф 49, 51
 Виндич Карл Готлиб фон 224
 Витез Ян (Янош), епископ 120, 131, 133
 Витольд, великий князь Литовский 129
 Вихинг, епископ 50, 51
 Владислав Пржемысл 61
 Владислав Неаполитанский 110
 Владислав I — см. Владислав III
 Владислав II Ягеллон, король Чехии и Венгрии 120, 136—141
 Владислав III Ягеллон, король Польши, король Венгрии (как Уласло I) 113—116, 120
 Войташак Ян 345
 Волков Владимир Константинович 14, 19, 26, 319
 Волокитина Татьяна Викторовна 25
 Вотруба Франтишек 293

Г

Габиний (квады) 38
Габсбурги, династия 137, 139, 140, 143, 145, 147, 148, 150, 151, 155, 164—166, 172, 173, 175, 176, 178, 181, 182, 184, 185, 191, 197, 198
Гавел Вацлав 29, 360, 366
Галеотто (Галеотти) Марцио 131
Гамульяк Мартин 232
Гаттала Мартин 20, 249
Гаха Эмиль 318
Гвездослав Павол Орсаг 285
Геза, князь 57, 58
Геза I, король 59, 60, 70
Геза II 62, 63
Генлейн Конрад 314, 316, 317
Генрих III, германский император 59
Генрих IV, император Священной Римской империи 60, 61
Генрих V, английский король 129
Генрих V, германский король 61
Гердер Иоганн Готфрид 230
Геринг Герман 320
Геркель Ян 18, 230
Герольд I, баварский префект 42
Герхард, епископ 60
Гизела, жена Стефана I 57, 58
Гитлер Адольф 314—316, 318—321, 323, 324, 335
Глинка Андрей 265, 293, 315
Годжа Михал Милослав 233, 247, 260
Годжа Милан 264, 266, 293, 305, 330
Гойдич Павол 345
Гойч Самуэль 233
Голиан Ян 331, 333
Голлы Йозеф 286
Голлы Ян 228, 232
Голуби Йозеф Людовит 287
Гомулка Владислав 26
Горазд 51
Готвальд Клемент 25, 337, 340—342
Грашалкович Антал 209
Грюнвальд Бела 279
Гунимунд (свевы) 39

Гунт-Познаны, род 67, 71
Гунты, род 57, 58, 62, 70
Гунчики, семья 243
Гурбан Йозеф Милослав 233, 247, 260, 281
Гус Ян 225
Гусак Густав 25, 331, 339, 348, 349, 352, 353, 360
Густав Адольф, шведский король 171
Гуттезель Давид 161, 201

Д

Дагоберт (франки) 41
Дакснер Самуэль 264
Дампьер Анри Дюваль 170
Деак Ференц 208
Делиус Криштоф 221
Демьян Андрей 222
Дерван (сорбы) 41
Децебал (даки)
Джентиле 87—89
Дзуринда Микулаш 372
Дожа Дебрецени 89
Дожа (Секей) Дёрдь 140, 192
Домициан 36
Домослав (Богуслав) 59
Доплер Кристиан? 221
Досталь Марина Юрьевна 31
Другеты, род 91, 97—99
Другет Ян 97, 98
Другет Микулаш 98
Другет Филипп 97
Другет Вильям 97, 98
Другеты Хоммонаи (Гуменские), род 168
Другет Хоммонаи Балинт (Валентин) 164
Другет Хоммонаи Дёрдь (Юрай) 169
Дубчек Александр 26, 350, 352, 353, 359
Дуонч, магистр, из рода Балашша 91, 92, 98, 99
Дюрчанский Фердинанд 320, 321

Е

Едлик Штефан Аниан 222
 Елена, жена Белы II 62
 Елизавета, королева, дочь
 императора Сигизмунда, жена
 Альберта II 113—116
 Елизавета, королева, вдова Карла
 Роберта 102
 Елизавета, королева, вдова
 Людовика I 108, 109
 Есенский Янко 285

Ж

Жакен Николаус Жозеф 221

З

Задорожнюк Элла Григорьевна 31
 Запольская (Запольяи) Барбара 139
 Запольские (Запольяи), род 134
 Запольский (Запольяи) Имре 134
 Запольский Ян (Запольяи Янош)
 139—141, 143, 145, 148, 155, 156,
 181, 191, 198
 Запольяи Янош Жигмунд (Ян
 Сигизмунд) 148, 149
 Зах Фелициан 88, 92
 Зичи, род 237
 Зрини Петер 176, 177

И

Изабелла, дочь польского
 Сигизмунда I, жена короля Яна
 Запольского 149
 Иллешхази, род 175, 191
 Иллешхази Гашпар 200
 Иллешхази Иштван 164, 165, 167
 Имре, король 71
 Имре, святой, сын Стефана I 58, 60
 Иоанн, священник из Венеции 51
 Иоанн, епископ 89, 91
 Иоанн VIII, папа 50
 Иоанн XXIII, антипапа 133
 Иоанн Комнин 62
 Иосиф II Габсбург 183, 184, 206, 207,
 217, 220, 231

Иржи Подебрад 118
 Исанрик 53
 Искра Ян из Брандиса 115—117,
 119, 375

Й

Йоско Матей 331
 Йопт 109

К

Казимир IV 120
 Кальман, король 60—62
 Кан Ласло (Владислав) 84, 88, 93
 Капистрано Джованни ди (Янош
 Капистран) 117
 Кара Мустафа, великий визирь 173,
 181
 Караффа Антонио 182
 Карл Великий 42, 43
 Карл II, неаполитанский король 76,
 86
 Карл IV Люксембургский 102, 108
 Карл V Габсбург 142, 149, 160
 Карл VI, император, король Венгрии
 (как Карл III) 204
 Карл XII, шведский король 185
 Карл Лотарингский 181
 Карл Роберт Анжуйский 76, 85, 86,
 87—90, 92—95, 97, 99, 100, 102—
 104
 Карл, сын Людовика Немецкого 49
 Карл Малый из Дураццо, венгерский
 король, неаполитанский король
 109
 Карломан 46, 47, 49
 Кармазин Франц 323, 324
 Каройи Антал 209
 Каройи Михай 299
 Катарина Подебрад 121
 Катарина Бранденбургская 171
 Кафенда Фриц 285
 Кацян Иоганн 146
 Качич Шимон 91, 92
 Квибулариус Ульрих 158
 Кёсеге, род 84, 92

Кирилл, святой 17, 48, 228, 248,
275, 378, 379
Кишди Бенедикт 200
Клаус Вацлав 366, 367
Клеванский Александр Харитонович
23
Клеменс Йозеф Божетех 286
Клементис Владимир 25
Климент VII, папа 142
Климент VIII, папа 147
Климент X, папа 177
Кметь Андрей 288
Ковач Михал 367, 371
Когарик Стефан 176
Козма из рода Познанов 62
Коллар Адам Франтишек 206, 212,
218, 222
Коллар Ян 18, 20, 230, 232, 260, 276
Колонич Леопольд 178, 181
Коммод, сын Марка Аврелия 37
Конкой-Теге Микулаш 287
Константин I Великий 118
Константин II 38
Константин Порфирогенет 45
Константин, святой — см. Кирилл,
святой
Конты, род 99
Копань 58
Корвин Ян (Янош), сын Матвея I
Корвина 121, 146
Кордатус Конрад 154
Кох Циракус 158
Коцел 48, 49, 51
Кошут Лайош 208, 247, 290
Краль Янко 233
Крамарчик Карол 19
Краско Иван 285
Креслинг Иоганн 154
Кристиан IV, датский король 177
Кристина, шведская королева 172
Кузанский — см. Николай
Кузанский
Кузманы Карол 276
Кукучин Мартин 285

Куниш Михал 233
Кусал (Кусан) 54
Кусы Мирослав 358

Л

Ладислав Лысый, сын князя
Михаила 57—59
Ладислав (Ласло) I 59, 60
Ладислав (Ласло) II 63
Ладислав (Ласло) IV Половец 74, 75,
83, 84
Ладислав (Ласло) V Габсбург
Посмертный 115—118, 120
Ладислав V Пржемысл — см.
Вацлав III
Лайош I — см. Людовик I Великий
Ламперт из рода Гунтов 62
Ламперт, князь 60
Ланг Исайя 156, 157
Лани Элиаш 151, 202
Латыш Михаил Васильевич 353
Лев X, папа 140
Левенте, сын Вазула Арпада 59
Легоцкий Эммануэль 293
Лел 56
Леонардо да Винчи 131
Леопольд I Габсбург 175, 176, 178,
180—183, 187, 193, 198
Леопольд II 207
Леттрих Йозеф 331, 339, 341
Лехнер Эдён 285
Липпай Дёрдь 174, 176, 177
Липски Ян 222
Липтак Любомир 242
Лист Фридрих 256
Лихард Даниэль 281
Лобковиц Богуслав 153
Лукаш из Санто 132
Людовик (Лайош) I Великий 94, 97,
98, 102—104, 106, 108, 115, 123
Людовик II Ягеллон 139, 141, 143,
145, 154
Людовик VII, французский король
63

Людовик XII, французский король 138
 Людовик XIII, французский король 172
 Людовик XIV, французский король 176, 184
 Людовик Немецкий 44—47, 49
 Людовик, сын Людовика Немецкого 49
 Лютер Мартин 153, 154, 156, 161, 201, 225, 276

М

Магин Ян Балтазар 222
 Маковицкий Душан 30
 Максимилиан I Габсбург 136, 137
 Максимилиан II Габсбург 149, 152, 160
 Маллы Густав 287
 Мансфельд Эрнст фон 171
 Мануил I Комнин 63
 Манчкович Валентин 201
 Мария Венгерская 76
 Мария, дочь Людовика I Великого 104, 108
 Мария Габсбург, жена Людовика II 139, 145
 Мария Терезия 111, 204—206, 215, 217
 Марк Аврелий Антонин 36, 37
 Марк Валерий Максимиан 37
 Марсилио ди Каррара 129
 Мартинович Игнац 207
 Марселиан 38
 Маршалл Джордж Кэтлетт 340
 Марьяна Валентина Владимировна 24, 31, 319, 321, 337, 350
 Масарик Томаш Гарриг 22, 265, 294, 295, 301
 Масник Тобиаш 179
 Мастер Павел из Левочи 202
 Матвей I Корвин 114, 118—126, 131—133, 136, 137, 139, 153, 202, 289
 Матиас I Габсбург (венгерский король Матвей II) 165—167, 169
 Матула Владимир 20
 Матуш Чак Тренчинский 85—93, 95, 375
 Маурис, епископ 70
 Мах Александр 321, 323
 Мацек Йозеф 135
 Меднянский Ладислав 287
 Мегандер Валентин 158
 Меланхтон Филипп 156, 158, 161, 202
 Меттерних Клеменс Лотар Венцель Непомук фон 207, 223
 Мефодий, святой 17, 48—51, 228, 248, 275, 378, 379
 Мечьяр Владимир 29, 365, 367, 369, 370, 372
 Милюков Павел Николаевич 22
 Михаил III, византийский император 48
 Михаил, князь, сын Такшоя 57, 58
 Михалко Павол 231
 Мишковицы, род 57, 58, 67
 Моймир I 45, 46
 Моймир II 53—55
 Монтекуколи Раймундо 176
 Моравчик Йозеф 369
 Мохаммед Лала, визирь 165
 Мошовский Инститорис Михал младший 225
 Мурашко Галина Павловна 25
 Муртаза паша 171
 Муссолини Бенито 306
 Мустафа бег 172
 Мюллер Иоганн 133; см. также Региомонтан

Н

Надашди, род 175, 191
 Надашди Ференц 176, 177
 Надашди Тамаш 154, 161
 Наполеон Бонапарт 207
 Ненашева Зоя Сергеевна 21
 Нерва Марк Кокцей 36
 Неренгий, бургомистр 98
 Николай Кузанский 130
 Николай из рода Гунтов 62

Николай I, папа 47
Новомеский Ладислав 25, 331
Новотный Антонин 350, 356
Носкова Альбина Федоровна 25
Няри, род 154

О

Околичани Криштоф 184
Олах Миклош 156, 159, 200
Олбрайт Мадлен 29
Омодеи, семья из рода Абы 75, 93
Оппенгейм, семья 187
Орзиус 58
Орсаг Криштоф 154
Орсеоло Петер — см. Петр I Орсеоло
Отто Пржемысл 60
Оттон Баварский 86, 88
Оттон I Великий 56
Оттон III, германский император 58

П

Павел II, папа 133
Пазмани Петер 169, 170, 189, 190, 200
Паларик Ян 286
Палах Ян 359
Палацкий Франтишек 19
Палкович Юрай/Иржи 232
Палфи, род 168, 191, 196, 237, 269
Палфи Янош 84, 185, 196
Панноний Ян 131, 133
Папанек Юрай 228
Перени Петер 154, 169
Петр I Орсеоло 59
Петр I, русский царь 185
Петёфи Шандор 289
Пецвал Йозеф Максимилиан 222
Пий IV, папа 159
Пик Гашпар 177
Пикколомини Энеа Сильвио 130
Пипин 42
Пипо из Озоры (Сколари Филиппо)
113, 133
Платон 153
Плахи Ондрей 224

Пода Николай 221
Познаны, род 57—59, 62, 69
Покивайлова Татьяна Андреевна 25
Полициано Анджело
Пржемысл Отокар II 74, 75
Пржемысловичи, Пржемыслы,
династия 51, 57, 74, 86
Прибина 43—45, 47, 48, 51
Прокоп, маркграф 109
Пыпин Александр Николаевич 21

Р

Радваны, род 154
Радванский Ян 184
Раковский Мелихар 184
Ракоци, род 175, 183, 185, 191
Ракоци Дёрдь I 169, 171—174
Ракоци Дёрдь II 175
Ракоци Ференц I 176, 177
Ракоци Ференц II 183—185, 189, 208,
290
Ранзано Пьетро 131
Рапант Даниэль 376, 377
Ратбод, маркграф 44, 46
Ратимир 44
Реваи, род 168, 191
Реваи Ференц 154
Регингар, епископ 44
Региомонтан, Иоганн Мюллер из
Кенигсберга 133
Рибаи Юрай 232
Ризнер Людовит Владимир 284
Риттер Вильям 266
Роберт Неаполитанский 87
Розелли 130
Ройова Кристина 277
Ростислав, великоморавский князь
46—49
Ротталь Иоганн 177
Рудольф I Габсбург, германский
король 75, 85
Рудольф I Габсбург, король Венгрии
(как Рудольф II), император
Священной Римской империи
160, 162—164, 166—168

Рупрехт Антон 221
 Руфус Абрахам 92
 Ройтер Михель де, голландский
 адмирал 179

С

Салахо, граф 44
 Само, славянский князь 40, 41
 Самуэль Аба, венгерский король 59
 Сасинец Франтишек Витязослав
 374—377
 Свобода Людвик 352
 Сворад-Андрей, святой 60, 70
 Святополк I (Сватоплук),
 великоморавский князь 49—53
 Святополк II, нитранский князь 53
 Святополк, чешский князь 61
 Себеш из рода Познанов 59
 Сегнер Ян Андрей 222
 Селепчени Дёрдь 177, 178
 Селим II, султан 149
 Серапионова Елена Павловна 31
 Сетон-Уотсон Роберт Уильям 266
 Сечени, род 135
 Сечени Дёрдь 178, 290
 Сечени Миклош 135
 Сигизмунд I, польский король 142,
 146
 Сигизмунд Люксембургский, король
 Венгрии (Жигмонд), император
 Священной Римской империи
 108—112, 114, 115, 118—122,
 125, 128—133
 Сидо 35
 Сидор Карол 315, 318
 Силади Михаил 118, 119
 Сильвестр II, папа 58
 Симонидес Ян 179
 Скополи Джованни Антонио 221
 Склена Ярай 228
 Скутецкий Доминик 287
 Славомир, священник 49
 Сладкович Андрей 285
 Сланский Рудольф 25
 Случ Сергей Зиновьевич 319
 Смирковский Йозеф 352
 Соломон (Шаламон), венгерский
 король 59, 60
 Спацца Пьетро 203
 Спитигнев 53
 Срезневский Измаил Иванович 20
 Стадион Франц, граф 259
 Сталин Иосиф Виссарионович 24,
 25, 319, 348, 349
 Стефан (Иштван) I Святой 57—59,
 66, 68, 69, 289
 Стефан (Иштван) II 61, 62
 Стефан (Иштван) III 63
 Стефан (Иштван) IV 63
 Стефан (Иштван) V 74
 Стефан V, папа 51
 Стибор из Стиборич 109, 134, 136
 Стодола Аурел 284
 Стодола Эмиль 235, 293
 Стодола Корнель 284, 293
 Стражаны, семья 286
 Сулейман I Великолепный, султан
 147, 149
 Сюше Луи де 176

Т

Тааффе Эдуард 263
 Тайовский Йозеф Грегор 285, 286
 Такшонь 57
 Таллоци Матко 113
 Тарновский Юрай 189
 Таш 56
 Телегди Миклош 201
 Теодор, аварский старейшина 43
 Теодемир (остготы) 39
 Теодорих Великий (остготы) 39
 Тёкёли, род 191, 196
 Тёкёли Имре 180—182, 187, 189, 290
 Тёрёк Балинт 186
 Тилгнер Виктор 284
 Тимон Самуэль 228
 Тимрава, Божена Сланчикова 285
 Тиса Кальман 263
 Тисо Йозеф 315, 317, 318, 321—323,
 327, 332, 334, 338

Тит Ливий 131
Толстой Лев Николаевич 30, 266
Трановский Юрай 226
Тука Войтех 306, 321, 323
Тун-Гогенштейн Лео, граф 279
Турзо, род 191, 196
Турзо Ян 125
Турзо Юрай 125
Турзо Элек 154
Турзо Криштоф 167
Турзо Имре 169
Турзо Ференц 155
Турзо Дёрдь, палатин 165, 167
Туроци Ян 131, 197
Турзо-Футгер, род 128, 142

У

Уголетти Тадео 131
Ульрих из Рихентала 130
Урбанек Ферко 286
Урмени Йожеф 218
Урсини Ян 331

Ф

Фадрус Ян 284
Фандли Юрай 231, 232
Фелбигер Иоганн Игнаций фон 218
Фердинанд I Габсбург 139, 145—149,
151, 152, 154—159, 185, 186, 188,
190
Фердинанд II Габсбург 162, 168—
171, 186, 200
Фердинанд III Габсбург 172—174
Фердинанд Арагонский,
неаполитанский король 121
Фердинанд Арагонский, испанский
король 129
Фердинанд Кастильский 138
Фердинанд Штирийский — см.
Фердинанд II Габсбург
Фичино Марсилио 131
Фишер Андреас 157
Фома, архиепископ 93
Форгач, род 191
Форгач Ференц, архиепископ 162,
166, 167

Форгач Жигмонд, палатин 168, 169
Форгач, граф 216
Франгепан Ференц, архиепископ 155
Франгепан Ференц, участник
заговора Вешшелени 177
Франц Фердинанд, эрцгерцог 266
Франциск I, французский король
142, 146, 147
Франц I Габсбург, император
Священной Римской, затем
Австрийской империи (как
Франц II) 207
Франц Стефан Лотарингский 216
Фредегар, франкский хронист 41
Фридрих II Габсбург, германский
король 92
Фридрих III, германский император
Священной Римской империи
115—117, 119, 120
Фридрих Пфальцский, курфюрст
169
Фридрих Бабенберг, австрийский
эрцгерцог 73, 74
Фрих, магистр 101
Футгеры, род 125, 197; см. также
Турзо-Футгеры
Фурдик Игорь 14
Фуртий (квады) 36

Х

Хадим паша 149
Хайноци Йожеф 207
Халупка Ян 286
Халупка Само 285
Хейстер Зигберт 184
Хелл Максимилиан 221, 222
Хорват Станчич Градецкий Дёрдь
161
Хорти Миклош 335
Хрущов Никита Сергеевич 348, 349
Хуняди Янош 115—117
Хуняди Ласло 118
Хуняди Матиас — см. Матвей
Корвин
Хуссейн бег 164

Ц

- Цаблк Ян 293
 Цамбель Самуэль 249
 Циллеи Барбара, жена Сигизмунда Люксембургского 113
 Циллеи Герман 110
 Циллеи Ульрик 117, 118
 Циракус Мартин 154
 Цицерон 135
 Цобор, род 186

Ч

- Чаки, род 75
 Чак Тренчинский Матуш — см. Матуш Чак
 Чалфа Мариан 364
 Чаплович Ян 222
 Чарногурский Ян 359, 365
 Чатлош Фердинанд 331
 Чезарини Юлиан 115, 116
 Черник Олдржих 352
 Чернышевский Николай Гаврилович 21
 Чич Милан 360, 364

Ш

- Шалгович Вильям 360
 Шафарик Павол Йозеф 18—20, 230, 232
 Швартнер Мартин 222
 Шёнберг Георг 134
 Шимечка Милан 355, 358
 Широкий Вильям 350
 Шкультеты Северин 161
 Шмидке Карол 331, 341
 Шмидт Карл Эуген 277
 Шнейдер-Трнавский Микулаш 285
 Шробар Вавро 265, 293, 295, 296, 299, 300
 Штернберг Стефан 92
 Штёкель Леонард 158, 199
 Штефанек Антон 293
 Штефаник Милан Растислав 22, 23, 294, 301

- Штефанович Милош 264
 Штробль Алойз 284
 Штур Людовит 19—21, 227, 230, 233, 247, 260
 Штур Диониз 284
 Шубичи, род 86, 93
 Шубич Юрай 85
 Шутайда Людовит Матей 233
 Шур 56
 Шустель Вольфганг 154, 156
 Шустер Рудольф 29, 360, 371, 372

Э

- Эберхард Альбеник (из рода Альбен), епископ 110
 Эдельпек Барбара 121
 Эммерам (Эммеран), святой 71
 Энгельшальк, маркграф 49, 51
 Эндре, венгерские короли — см. Андрей
 Эразм Роттердамский 153
 Эрих, маркграф 42
 Эстерхази, род 191, 196
 Эстерхази Миклош 172, 173
 Эстерхази Янош 324
 Д'Эсте Ипполито 152
 Эфраим 187

Ю

- Юлий II, папа 138
 Юрига Фердинанд 293
 Юркович Душан 285
 Юркович Самуэль 245

Я

- Ягеллоны, династия 136, 137, 191, 202
 Ядвига (Хедвига) 104
 Ян Альберт Ягеллон 136, 137, 138
 Ян Люксембургский 91, 100, 102, 104
 Ян III Собеский 181, 381
 Ян из Шаришских Соколовцев 102
 Яношик Юрай 198
 Ярослав, русский князь 62

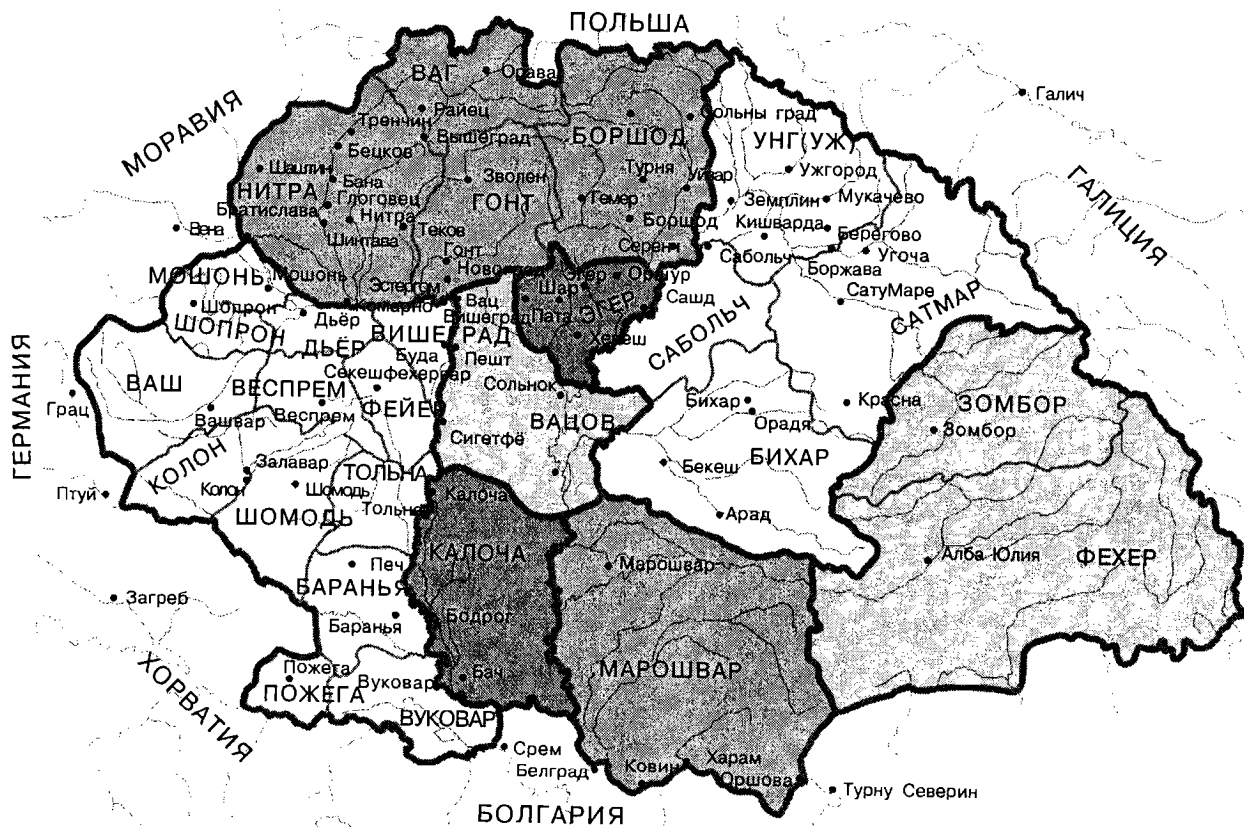
Перечень карт и схем

1. Держава Святополка
2. Венгрия в 1000 г.
3. Нитранское княжество в XI в.
4. Владения Матуша Чака Тренчинского (1311—1312)
5. Комитаты и замки в конце XIV в.
6. Привилегированные города и местечки в середине XIV в.
7. Венгрия и Словакия в Габсбургской империи 1526—1541
8. Турецкое господство в Венгрии во второй половине XVII в.
9. Мануфактуры в Словакии в период их возникновения
10. Эмиграция из Венгрии за океан в 1899—1913
11. Австро-Венгрия 1867—1918
12. Распад Австро-Венгрии
13. Первая Чехословацкая республика 1918—1938
14. Словакия во время второй мировой войны
15. Словакия 1945—1993

ДЕРЖАВА СВЯТОПОЛКА

- Великая Моравия при Ростиславе
- Максимальная территория державы Святополка

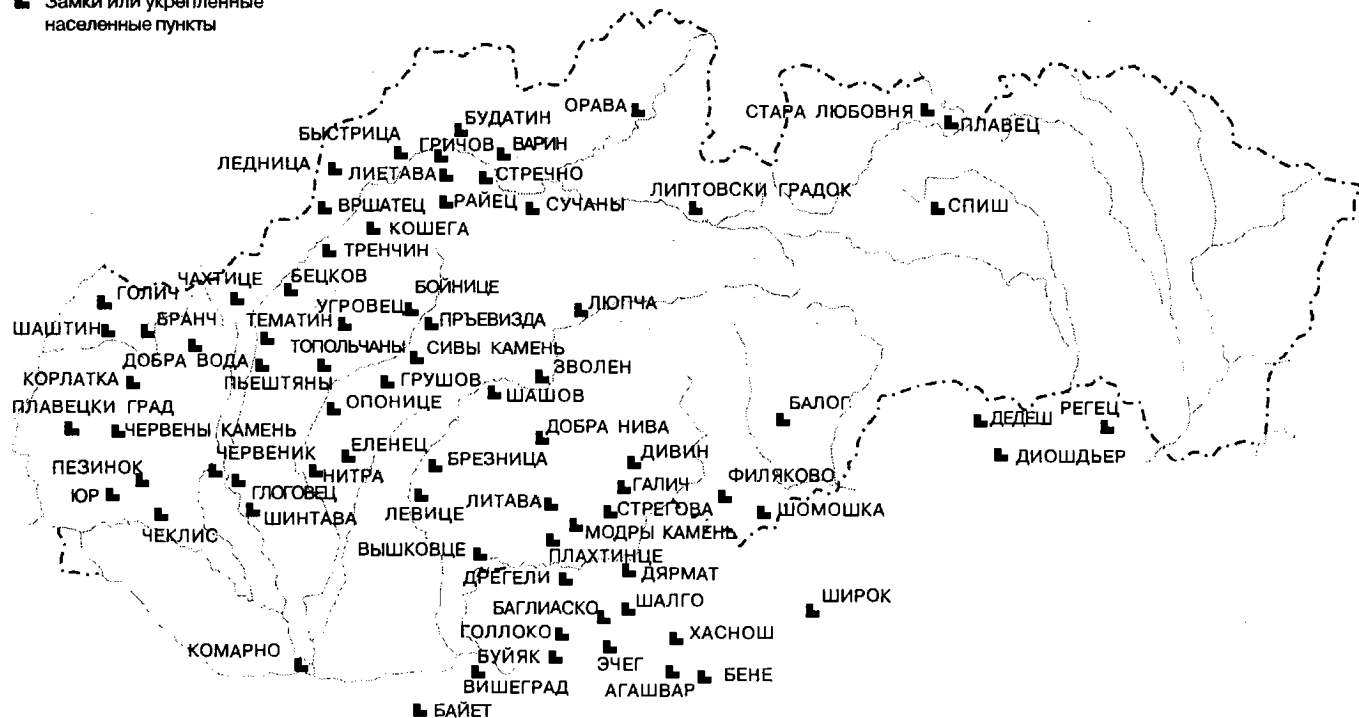

Королевство Венгрия в 1000 г.

ВЛАДЕНИЯ МАТУША ЧАКА (1311—1312)

■ Замки или укрепленные населенные пункты

ЖУПЫ И ЗАМКИ В КОНЦЕ XIV ВЕКА

— административные границы между жупами

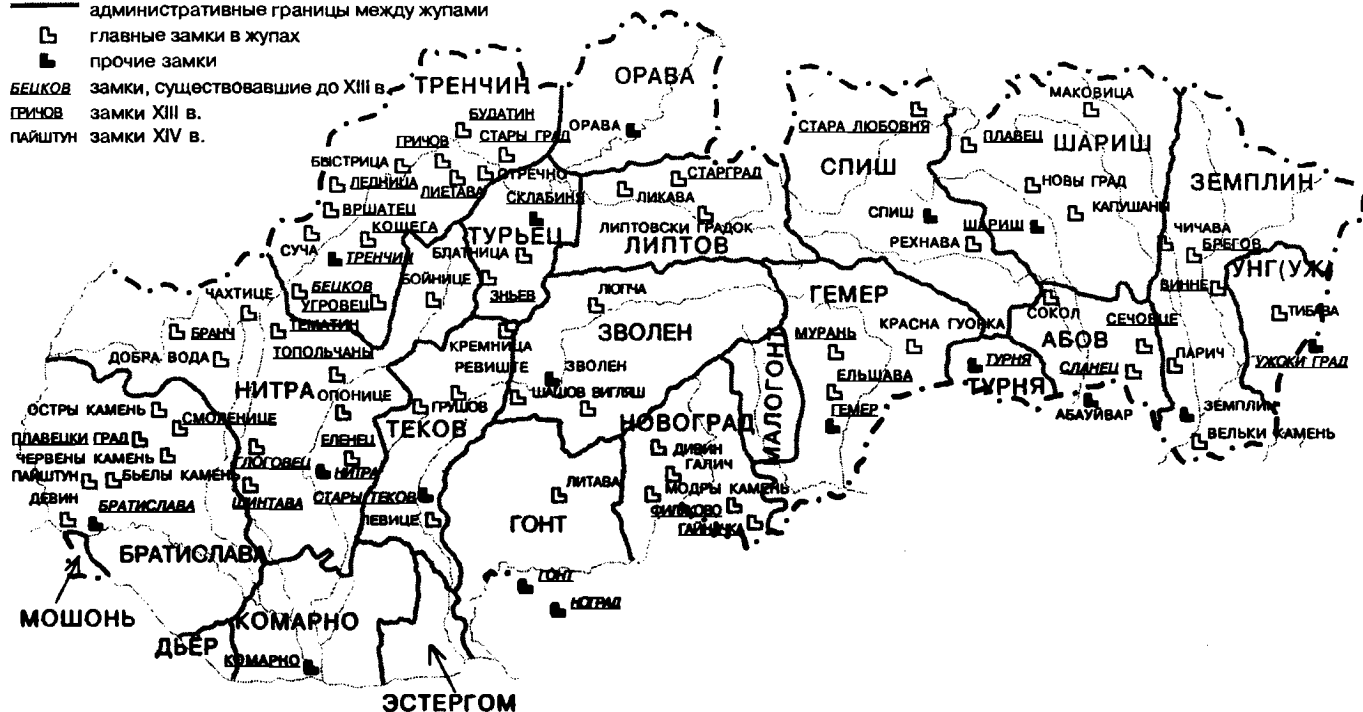
□ главные замки в жупах

■ прочие замки

БЕЦКОВ замки, существовавшие до XIII в.

ГРИЧОВ замки XIII в.

ПАЙШТУН замки XIV в.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ГОРОДСКОГО ТИПА В СЕРЕДИНЕ XIV В.

- наиболее значительные города
 - горнодобывающие центры
- НИТРА привилегии с XIII в.

КОРОЛЕВСТВО ВЕНГРИЯ И СЛОВАКИЯ В ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ, 1526—1541

ТУРЕЦКАЯ ОККУПАЦИЯ ВЕНГРИИ В XVII веке

МАНУФАКТУРЫ СЛОВАКИИ ПО МЕРЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Мануфактуры основанные в:

○ 1725—1765

● 1765—1784

⊙ 1784—1790

● 1790—1825

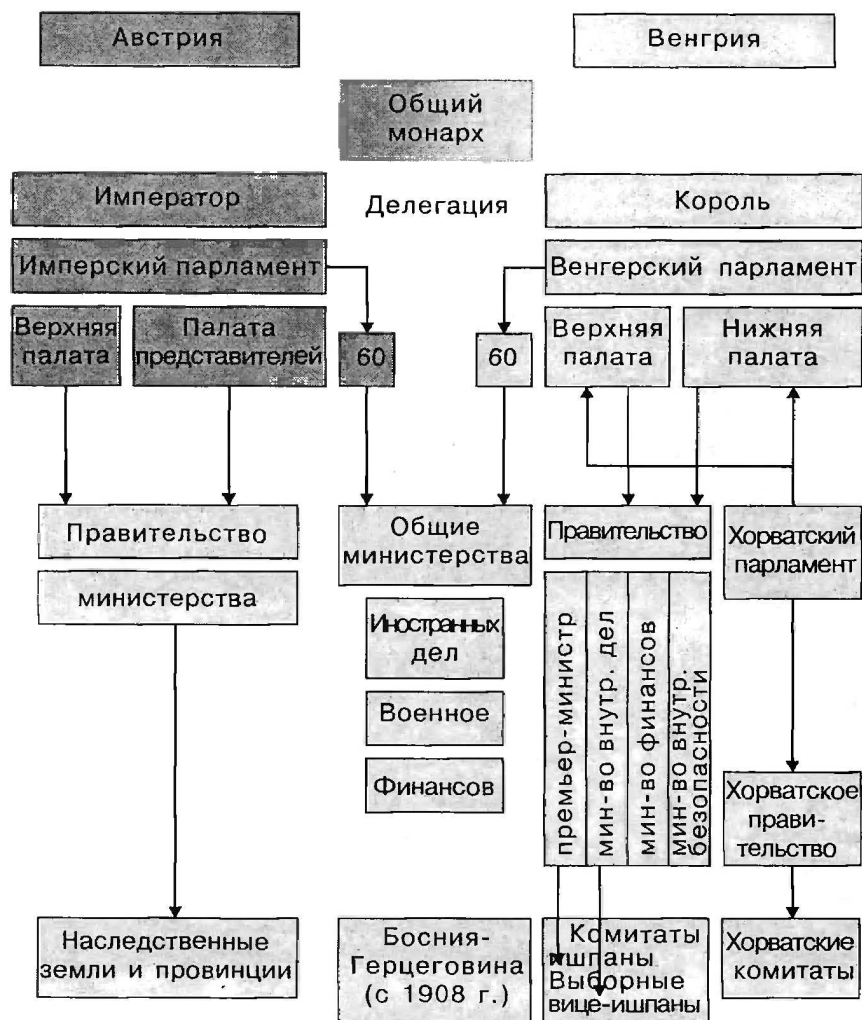
ЭМИГРАЦИЯ ИЗ ВЕНГРИИ ЗА ОКЕАН 1899—1913

- 500 эмигрантов

Воспроизводится по: Julianna Puskas. From Hungary to the United States (1880-1914). Budapest, 1982.

КОНСТИТУЦИОННАЯ СИСТЕМА АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ДУАЛИСТИЧЕСКОЙ МОНАРХИИ

АВСТРО-ВЕНГРИЯ 1867-1918

- Австрийские земли
- Королевство Венгрия
- Территории, оккупированные в 1878-1908 гг. и аннексированные в 1908 г.
- Территории, утраченные в 1859 и 1866 гг.

ПЕРВАЯ ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ РЕСПУБЛИКА 1918—1938

СЛОВАКИЯ 1945—1993

----- железный занавес

Подготовка оригинал-макета — С.А. Глебов
E-mail: serge_gl@mail.ru

Подписано к печати 14.01.2001. Формат 60х90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Объем 27,25 п.л. Тираж 700 экз. Заказ № 240.

Лицензия ЛР № 066700 от 23.06.99.

Издательство «Евролинц», г. Москва. Тел. 157-22-83

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ГУП "Облиздат",
248640 г. Калуга, пл. Старый торг, д. 5, тел. 57-40-70

История Словакии